

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

НОВАГО ВРЕМЕНИ

БЮГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОСТАВИЛЪ

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVІІІ ВѢКА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ А. ЧЕРКЕСОВА И К-^о.
1874.

*Анна Никаноровна Мордовцевой,
Вера Даниловна Мордовцевой,
Наталья Иосифовна Первольфъ,*

*съ любовью посвящаетъ
мужу, отцу и дядюшка—автору.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР
Предисловіе	IX—XV
I. Анна Монсъ.	1
II. Гетманша Скоропадская	26
III. Матрена Балкъ.	39
IV. Фрейлина Гамильтонъ	58
V. Бронъ-принцесса Шарлотта.	69
VI. Дѣвка Афросинья	99
VII. Александра Салтыкова	118
VIII. Екатерина I.	134
IX. Дарья Колтовская.	159
X. Анна Петровна	168
XI. Графиня Головкина	190
XII. Княжна Меншикова (невѣста Петра II).	208
XIII. Графиня Брюсъ (невѣста Петра II)	228
XIV. Наталья Долгорукова.	244
XV. Анна Іоанновна.	264
XVI. Бняжна Юсупова	299
XVII. Дочь Бирона	319
XVIII. Графиня Мавра Шувалова	329
XIX. Анна Леопольдовна	340

Издавая въ свѣтъ біографическіе очерки подъ заглавіемъ «Русскія историческія женщины», мы считали свой трудъ не-конченнымъ, потому что остановились на рубежѣ, отдѣляющемъ старую до-петровскую Русь отъ новой.

Въ томъ трудѣ, насколько это было возможно и насколько представлялось это требовательнымъ, мы, собравъ воедино отдѣльныя черты русской исторической женщины и цѣльныя историческія женскія личности, изобразили ихъ въ той полнотѣ и опредѣленности, въ какой древняя русская женщина была видима лѣтописцу и историку изъ-за стѣнъ высокаго терема и изъ-за монастырской ограды: не наша вина, если мало была видима древняя русская женщина благочестивому лѣтописцу въ его рабочей кельѣ, и оттого съ такимъ блѣднымъ и неясно очерченнымъ обликомъ попала она на столбцы монастырскихъ хронографовъ и свитковъ. Блѣдною отразилась она на древнихъ свиткахъ и на столбцахъ лѣтописца—блѣдною вышла и въ нашихъ очеркахъ.

Но передъ нами лежатъ еще полтора столѣтія нашей исторической жизни, когда женщина, въ силу того, что сильная рука Петра-преобразователя и не менѣе сильная рука времени, сорвавъ съ женщины покрывавшую ее древле-отеческую фату и распахнувъ двери терема, растворивъ монастырскія ворота, вы-

вели ее на свѣтъ божій, показали ей, кромѣ семейныхъ, и общественныя горя и радости, открыли передъ ней и Европу, съ добромъ и зломъ ея цивилизаціи, и не тронутое еще поле женской общественной дѣятельности,—когда, въ силу всего этого, женщина является и на престолѣ, какъ законодатель, и въ обществѣ, какъ членъ его и подѣ-часъ руководитель, и въ литературѣ, какъ сотрудникъ мужчины и самостоятельный дѣятель слова:—эта женщина, для которой жизненная программа «Домостроя» стала историческимъ преданіемъ, должна была оставить на страницахъ исторіи болѣе замѣтный слѣдъ и болѣе явственную черту своего существованія чѣмъ ея далекая историческая родственница, женщина древней Руси, начиная отъ княгини Ольги, Рогнеды, Мальфреды-чехини, Верхуславы, и кончая Еленю Глинскою, Ксенією Годуновою и царевною Софьею.

Предлагаемые нынѣ очерки, какъ и изданные уже нами, имѣютъ цѣлью собрать воедино разбѣянныхъ на пространства ста пятидесяти лѣтъ нашей исторической жизни женщинъ, чѣмъ-либо оставившихъ по себѣ слѣдъ на страницахъ исторіи, женщинъ, прямо или косвенно, могущественно и лично или только относительно и рефлексивно, благотѣльно или, къ сожалѣнію, обратнo этому вліявшихъ на ходъ и направленіе нашей исторической жизни, въ массѣ, въ цѣломъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліявшихъ своимъ ли умомъ и дѣятельностью, своимъ ли личнымъ добромъ и доброю волею, своею ли красотою, или, наконецъ, своими несчастіями, своими ошибками, своею зло-направленною волею и т. д.

Едва ли слѣдуетъ пояснять при этомъ, что исполненіе послѣдняго нашего труда должно было потребовать отъ насъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ выполненіе труда уже исполненнаго нами по отношенію къ женщинамъ древней Руси; но, при

тяжелой подѣ-часъ работѣ своей, мы находили для себя нравственную поддержку въ той мысли, что, безъ самостоятельной и по возможности обстоятельной обработки собственно исторіи русской женщины, никогда не будетъ полна и достаточно понятна вся русская исторія, потому что какъ и въ древней Руси женщина изъ терема и дѣтской, такъ или иначе, но въ болѣе или менѣе значительной степени руководила судьбами Россіи, давая первоначальное нравственное воспитаніе древне-русскому дѣятелю, князю, боярину, посадскому и житеюму люду, а потомъ, невидимо для посторонняго глаза, направляла волю мужьевъ, братьевъ, дѣтей по доброму или злему пути, такъ и въ новой Россіи женщина въ такой же, если не въ болѣе значительной степени даетъ извѣстный ходъ и тонъ нашей исторической жизни, начиная съ дѣтской и кончая гостиной, школой, кабинетомъ мужа, брата и сына, направляетъ и мужа и брата и сына то добрымъ совѣтомъ, то любовью, то лаской, то слезами по тому направленію, которое женщина скорѣе чѣмъ мужчина избираетъ въ силу чуткости своего сердца и своей впечатлительности и руководить мужчиной въ добромъ или обратномъ этому направленіи.

Женщина—какою она проявляется и въ исторіи—это такой чувствительный барометръ, который прежде всего отражаетъ въ себѣ состояніе, если позволено будетъ такъ выразиться, общественной атмосферы, и каковъ характеръ и направленіе исторической эпохи, такою является и женщина едва ли не исключительнѣе чѣмъ мужчина. Вотъ почему исторія русской женщины не только пополняетъ собою русскую исторію вообще, но и уясняетъ ее болѣе чѣмъ вся сумма прочихъ историческихъ матеріаловъ.

Настоящій трудъ нашъ разбивается на три части, сообразно тремъ, довольно замѣтно одна отъ другой отличающимся по

своему внутреннему содержанію, историческимъ эпохамъ, пережитымъ Россією въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій: это—первыя пятьдесятъ лѣтъ отъ начала петровскихъ реформъ и окончательнаго введенія Россіи въ общій строй европейскихъ державъ до возрожденія началъ сознанія русскаго національнаго чувства; потомъ—вторыя пятьдесятъ лѣтъ, эпоха развитія этого чувства, до конца восемнадцатаго столѣтія; и, наконецъ, настоящее столѣтіе. Всѣ существенныя отличія каждой изъ этихъ эпохъ преимущественно выражаетъ собою живая и подвижная фizioномія русской женщины, ея стремленія, ея дѣятельность, ея добрыя и фальшивыя увлеченія и весь ея нравственный и общественный обликъ.

Въ первую изъ этихъ эпохъ мы увидимъ, какъ русская женщина, рванувшись изъ терема въ широко раскрытую Петромъ дверь и надѣвъ нѣмецкое платье вмѣсто сарафана и тѣлогрѣи, чтобы блистать въ ассамблеяхъ и при дворѣ, надѣлала не мало ошибокъ и сама не мало пострадала, пока не поняла нѣсколько отчетливѣе своего женскаго призванія. Во вторую эпоху—русская женщина высоко поднимаетъ и въ глазахъ Россіи и въ глазахъ Европы имя той самой русской женщины, которая когда-то сидѣла въ терему и золотомъ вышивала да подблюдныя пѣсни со славленьемъ русскаго князя пѣла: русская женщина второй половины восемнадцатаго вѣка является не только помощникомъ и другомъ мужчины, но и полезнымъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелемъ—это ученица и другъ Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Новикова, Вольтера, Руссо, Даламбера, Дидро. Въ послѣднюю эпоху, въ настоящее столѣтіе—сначала русская женщина отражаетъ въ себѣ какое-то нравственное колебаніе и безплодное броженіе мысли, уходитъ въ католичество, попираетъ родину, отдается мистицизму, служитъ папѣ, а потомъ, когда это броженіе кончилось, изъ нея какъ изъ личинки выходитъ та симпатичная русская женщина, кото-

рую мы уже можемъ назвать матерью современнаго женскаго молодого поколѣнія: эта женщина—другъ Сперанскаго, Пушкина, Языкова, Гоголя, Лермонтова, Веневитинова, Грановскаго, или же прототипъ женщины такъ-называемаго русскаго, западнаго на-
правления.

Недостатки и неполноту нашей работы мы сами сознаемъ болѣе, чѣмъ, быть можетъ, найдетъ ихъ критика и читатель; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что и первая и послѣдній будутъ къ намъ снисходительны во уваженіе къ тому, что трудъ нашъ представляетъ первый опытъ подобнаго рода въ русской литературѣ, а обширность избраннаго нами предмета, съ одной стороны, не позволяла намъ дать нашему труду желательной полноты, такъ какъ масса разбѣянныхъ въ повременныхъ и спеціальныхъ изданіяхъ матеріаловъ, прямо или только косвенно относящихся къ данному предмету, не позволяла намъ вносить въ нашъ трудъ всего, что—казалось-бы для другого—стоить этого внесенія, просто изъ боязни превратить наши очерки въ многотомное и не всѣмъ доступное изданіе; съ другой—она же останавливала насъ отъ внесенія въ свой трудъ не только литературы самого предмета съ указаніемъ на источники, но и многихъ женскихъ личностей, особенно настоящаго столѣтія, о которыхъ хотя и можно было бы сказать не мало, но едва ли это было бы и удобно и своевременно.

Въ выборѣ женскихъ личностей для нашего труда мы руководствовались однимъ исключительно правиломъ: если женщина служила такъ или иначе выраженіемъ своего времени, дополняла собой характеристическія подробности и черты своей эпохи и своего общества, сама вносила что-либо въ жизнь и исторію, или какимъ-либо фактомъ и событіемъ въ своей жизни оставляла болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи, или, наконецъ, на ней отражался только лучъ безсмертія другого лица, которому

она была близка, подобно тому какъ лучъ безсмертія освѣщаетъ образы Стеллы и Ванессы потому только, что эти женщины любили безсмертнаго Свифта,—мы по возможности не обходили такую женщину.

Вообще мы сказали о новой русской женщинѣ, кажется, все, что можно было и стоило о ней сказать; то же, что обойдено нами—обойдено потому, что или не стоило или не могло быть упомянутымъ.

За нашимъ трудомъ, мы увѣрены, останется по крайней мѣрѣ та заслуга, что такъ какъ всѣ разбѣянные въ массѣ книгъ свѣдѣнія о русской женщинѣ по возможности сведены нынѣ нами въ общій сводъ и уцѣлѣвшіе отъ историческаго забвенія останки русской женщины бережно снесены нами такъ-сказать въ общую историческую усыпальницу, то уже каждой изъ этихъ женщинъ легко можетъ быть отведено подобающее ей на великомъ историческомъ владбищѣ мѣсто: —уразумѣніе относительнаго значенія каждой женщины, какъ продукта своего времени, его выразителя и дѣятеля, возможно только тогда, когда всѣ они проходятъ передъ нами одна за другою въ томъ видѣ, въ какомъ они когда-то жили и дѣйствовали, и въ той обстановкѣ, которая создавала ихъ нравственный образъ.

Не задаваясь задачей ученаго изслѣдованія, мы предназначаемъ свой трудъ для чтенія образованной русской женщины всѣхъ возрастовъ, сообразно историческимъ возрастамъ описываемыхъ нами русскихъ женщинъ. Оттого и посвящаемъ этотъ трудъ женѣ, дочери и внучкѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не отнестись съ признательностью къ именамъ тѣхъ изъ нашихъ писателей, которыхъ трудами и матеріалами мы пользовались при составленіи настоящихъ нашихъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи значительнымъ облегченіемъ нашей работѣ служили отдѣльные труды, бібліографическія указанія и изданія: П. И. Бартенева. К. Н. Басту-

жева-Рюмина, О. М. Бодянского, кн. Г. Н. Голицына, Г. В. Есипова, Д. И. Иловайского, М. Н. Лонгинова, А. Я. Марковича, П. И. Мельникова, А. В. Никитенко, П. П. Пекарского, М. И. Семевского, С. М. Соловьева, Ев. Туръ, Н. Г. Устрялова, Н. И. Фирсова, М. Д. Хмырова, С. Н. Шубинского и другихъ.

I.

Анна Монсъ.

(Баронесса Анна Ивановна фонъ Кейзерлингъ, урожденная Монсъ).

Мы видѣли уже русскихъ историческихъ женщинъ до-петровской Руси.

Число ихъ было такъ невелико, что втеченіе долгихъ восьми столѣтій, отъ Рюрика и до Петра, русская земля выставила на страницы исторіи только нѣсколько именъ женщинъ, блѣдныя и неясныя облики которыхъ или освѣщались чужимъ, заимствованнымъ отъ другихъ историческихъ лицъ свѣтомъ, или же проходили передъ нами какъ историческія тѣни, безлично, почти безобразно, безъ ясныхъ очертаній.

Последнія изъ нихъ, какъ царевна Софья Алексѣевна или Матрена Кочубей, сошли въ могилу съ тяжелымъ сознаниемъ, что время ихъ отошло: одна жаловалась, что горько теперь имъ стало жить, когда волна новой жизни нахлынула на нихъ и захлестнула ихъ, еще полныхъ энергіи, но боровшихся противъ девятаго вала эпохи, говоря образнымъ языкомъ народа; другая не могла не тосковать, видя гибель всего, что она любила, и замѣну иными порядками тѣхъ, къ которымъ она привыкла въ своей поэтической Украинѣ.

Отходящихъ женщинъ вытѣсняли собою другія, болѣе современныя, болѣе молодыя, и, занявъ ихъ мѣста, затирали даже слѣдъ своихъ предшественницъ въ памяти людей, не имѣя только силы окончательно затереть слѣдъ ихъ въ исторіи.

Такия личности какъ царевна Софья Алексѣевна или царица Авдотья Федоровна Лопухина, съ одной стороны, въ Великой Россіи, вытѣсняются болѣе молодыми женскими силами, какъ «вывезенная изъ нѣмцевъ Анна Монсова», Матрена Балкша, Марта Скавронская и цѣлая фаланга женщинъ русскихъ и обрусѣвшихъ, съ другой—въ Малой Россіи—у гетманской булавы, вмѣсто несчастной и поэтической украинки Матрены, возлюбленной Мазепы, становятся другія, болѣе современные, хотя менѣе поэтическія украинки, какъ гетманша Настасья Марковна Скоропадская, просящая у русской царицы для себя маетностей—«нѣсколько изобильныхъ деревень и угодій», или «дочка» этой гетманши, нѣжинская полковница Толстая, вышедшая замужъ за великорусскаго вельможу и свою украинскую фамилію промѣнявшая на московскую.

Съ начала XVIII вѣка петровскіе порядки и петровскія женщины вступаютъ въ свои права и всецѣло оттѣсняютъ собою и отжившіе свой вѣкъ до-петровскіе порядки и отжившихъ свою скромную долю до-петровскихъ женщинъ.

Вмѣсто княгинь, княженъ, боярынь, боярышень, царицъ, царевенъ, великихъ княгинь, а чаще инокинь и старицъ, являются баронессы, графини, генеральши, генеральскія дочери, фрейлины и т. д.

Одною изъ первыхъ между этими новыми русскими женщинами, такъ-сказать заметавшими собою слѣдъ до-петровской русской женщины, является—по времени—баронесса Анна Ивановна фонъ Кейзерлингъ, русская нѣмка изъ московской нѣмецкой слободы, урожденная дѣвица Монсъ.

Сама по себѣ—это была личность далеко не крупная и даже далеко не симпатичная, такъ что не ея именемъ желательно было бы украсить первую страницу исторіи русскихъ женщинъ или списокъ историческихъ женщинъ въ Россіи, а именемъ болѣе симпатичнымъ и болѣе высокимъ, которая могла бы выставить русская земля за послѣднія полтора столѣтій и съ которыми мы встрѣтимся далѣе въ нашихъ очеркахъ; но мы не имѣемъ права обходить ни одного имени, болѣе или менѣе повліявшаго, хотя бы даже отрицательно, на ходъ нашихъ историческихъ судебъ, если бы даже, притомъ, вліяніе это было и не личное, не непосредственное, а рефлексивное, черезъ другія историческія личности, какъ именно и выразилось, рефлексивно, отрицательное вліяніе на поступательный ходъ русской общественной жизни баронессы фонъ Кейзерлингъ: хронологически, она первая наступаетъ своею ногою на стирающійся уже слѣдъ русской женщины отживавшаго стараго цикла—она же, по праву, должна первою явиться и въ собраніи русскихъ женщинъ новаго историческаго цикла.

Баронесса фонъ Кейзерлингъ, болѣе извѣстная по своему дѣвическому имени какъ Анна Монсъ, была дочь Іоанна Монса, уроженца города Миндена, что на Везерѣ, по свидѣтельству однихъ писателей—виноторговца и бочарныхъ дѣлъ мастера, по другимъ—мастера золотыхъ дѣлъ. Монсъ съ женою Модестою выѣхалъ въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія и поселился въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, извѣстной тогда подъ именемъ «Кукуй-городка». Монсы имѣли трехъ сыновей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ своею судьбою и трагическою смертію младшій Виллиамъ, и двухъ дочерей—Модесту или Матрену, какъ ее называли русскіе, и Анну.

Обѣ дочери, какъ и все семейство Монсовъ, отличались замѣчательною красотою.

Лефортъ, будущій сподвижникъ царя-преобразователя, былъ близко знакомъ съ семействомъ Монсовъ, а съ Анной, по свидѣтельству тогдашняго австрійскаго посла Гваріента, этотъ умный женевецъ находился въ самой интимной дружбѣ, какая только возможна между мужчиною и женщиною.

«Впослѣдствіи—говорить другой современный писатель и воспитатель царевича Алексѣя Петровича, Гюйссенъ—когда при стрѣльцкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвального великодушія остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья».

Лефортъ, всегда умѣвший, среди серьезныхъ занятій, доставить молодому царю и соотвѣтственныя развлеченія, свелъ своего впечатлительнаго питомца съ московскими нѣмцами и въ особенности съ красивою семьею Монсовъ.

Петру понравились обѣ дѣвушки-нѣмочки, но красавица Анна произвела на него болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ старшая сестра—и впечатлѣніе это было едва ли не роковой минутой для всей послѣдующей жизни царя-преобразователя.

Знакомство его съ Анною Монсъ относятъ къ 1692 году. Одновременно съ этимъ замѣчаютъ уже и охлажденіе царя къ его первой супругѣ, Авдотѣ Федоровнѣ Лопухиной, которая во время его безпрестанныхъ мыканій изъ конца въ конецъ русской земли и во время «потѣшныхъ» экспедицій по Бѣлому морю, тоскуетъ о своемъ «лапушкѣ свѣтъ-Петрушенькѣ» и шлетъ ему исполненные глубокой скорби письма.

«Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія».

Но Петра больше тянетъ уже въ нѣмецкую слободу, въ скромный домикъ Монсовъ, а не во дворецъ, гдѣ его ждетъ плачущая царица.

Слѣдуютъ потомъ походы Петра подъ Азовъ; но и въ разлукѣ онъ не забываетъ красавицу нѣмецкой слободы. Петръ уѣзжаетъ путешествовать по Европѣ и учиться западной цивилизаціи съ топоромъ и пилой въ рукѣ. И тамъ, среди чудесъ Европы, онъ не забываетъ свою «Аннушку».

Между тѣмъ въ Россіи, въ отсутствіе царя, вспыхиваетъ стрѣльцкій бунтъ.

Царь быстро возвращается домой, везя съ собой страшную грозу и неслыханную кару для измѣнниковъ. 25-го августа 1698 года онъ является въ Москву; но даже и не заѣхалъ въ тотъ день во дворецъ, а посѣтилъ только Анну Монсѣ.

«Крайне удивительно—писалъ австрійскій посолъ Гваріентъ— что царь, противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія, еще одержимъ прежнею страстью: онъ тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монсѣ».

Напротивъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: «великій работникъ» русской земли умѣлъ глубоко любить, такъ глубоко, какъ глубоко любилъ онъ все, что охватывало его страстную природу; полюбивъ разъ, онъ уже не умѣлъ разлюбить подобно натурамъ мелкимъ, непостояннымъ; Петръ глубоко любилъ только двухъ женщинъ, Анну Монсѣ, а потомъ Марту Скавронскую—императрицу Екатерину Алексѣевну—и любилъ ихъ до могилы. Не правы тѣ историки, которые приписываютъ «царю-работнику» какую-то недостойную его вѣтренность.

Намъ извѣстно, что потомъ было, когда царь изслѣдовалъ стрѣльцкую измѣну: представителей стараго русскаго ратнаго дѣла, стрѣльцовъ, постигли ужасныя казни; царица Евдокія заточена

въ монастырь; царевна Софья, одна изъ наиболѣе цѣльныхъ и неподатливыхъ женскихъ личностей до-петровскаго цикла, тоже исчезла въ монастырь подъ рясою монахини и подъ скромнымъ именемъ сестры Сусанны.

Съ той поры Петръ весь отдается своей привязанности къ молодой представительницѣ новаго типа русской женщины, къ Аннушкѣ Монцовой, и, по свидѣтельству современниковъ, преимущественно иностранцевъ, дѣвушка стоила этой нѣжной привязанности великаго человѣка. Всѣ иностранцы отзываются о ней съ большими похвалами, и безъ сомнѣнія въ ней было что-либо достойное любви такого человѣка-великана, каковъ былъ Петръ.

«Особа эта—говорить одинъ изъ современниковъ—служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, но не прикидывалась страдальцей; имѣла самый обворожительный нравъ, не возмущаемый капризами; не знала кокетства; плѣняла мужчинъ, сама того не желая; была умна и въ высшей степени добросердечна».

Они же увѣряютъ, что дѣвица Монсѣ была такъ безупречна въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Петру и такъ цѣломудренно-сдержанна, что вслѣдствіе этой холодности сама лишила себя трона, который она безъ сомнѣнія раздѣлила-бы съ царемъ-преобразователемъ, если бы не оттолкнула его отъ себя предпочтеніемъ ему другой личности, которую она дѣйствительно полюбила: царя же, говорятъ, она не любила, а только умѣла цѣнить его любовь къ ней, отвѣчала ему теплой дружбой и умѣла пользоваться добрымъ чувствомъ всемогущаго властелина русской земли.

Между тѣмъ русская земля, въ особенности же Москва, косо смотрѣвшая на преобразованія царя, на нѣмецкій покрой платья и на вниманіе, оказываемое имъ, въ лицѣ нѣмцевъ, всей цивили-

зованной Европѣ, совершенно иначе смотрѣла на эти отношенія царя къ молодой кукуйской красавицѣ.

— Видишь—говорилъ одинъ москвичъ другому—какое бусурманское житье въ Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ нѣмецкой земли нѣмку Монсову, и живетъ она въ лефортовыхъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той же нѣмки.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой—говорилъ нѣмецъ, портной Фланкъ, аптекаршѣ Якимовой—и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотыя.

— Это не ту кровать ты видѣлъ—замѣчала аптекарша:—а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь: здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Тутъ Якимова, какъ значитъ въ современномъ слѣдственномъ дѣлѣ, начала говорить «неудобъ сказываемыя» слова.

— Какой онъ государь—говорилъ также о Петрѣ колодникъ Ванька Борлютъ—какой онъ государь! Бусурманъ! въ среду и пятницу ѣсть мясо и лягушки. Царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анною Монсовою.

Весной 1699 года Петръ вновь отправился въ походъ подъ Азовъ, и не смотря на свои ратные и государственные труды и заботы, онъ успѣвалъ переписываться съ своей любимицей, которая также отвѣчала ему охотно своими скромными, почтительными и видимо сдержанными посланіями, въ коихъ большею частью говорится то о присылкѣ «милостивому государю» апельсиновъ и «цитроновъ», чтобъ онъ ихъ «кушалъ на здравіе», то о высылкѣ «цедреоли»; но тутъ же дѣвушка заговариваетъ и объ государственныхъ дѣлахъ—она уже является ходатайницею за другихъ особъ, за лицъ изъ высшаго государственнаго круга.

Въ высокой степени любопытны эти письма, характеризующія и время, и женщинъ того времени, а въ особенности женщину, которая могла бы, если бы пожелала, раздѣлять тронъ царя-преобразователя.

«Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливаго пребыванія.

«Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовать и дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтнемъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа Бога вседневно о здравіи твоёмъ и продолженіи вѣку твоего государева, и дай Богъ чтобы намъ вскорѣ видать милостивое пришествіе твое, а что изволишь писать объ цедреоли, и я ожидаю въ скоромъ часѣ, и какъ скоро привезутъ, то не замѣшкавъ пошлю, и если бы у меня убогой крылья были, и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла.

«Прошу у тебя милостиваго государя объ вдовѣ Петра Салтыкова, что дѣло у нихъ съ Лобановымъ, естли угодно и воля твоя пожаловать меня убогую чтобы дѣло то перенести изъ семеновскаго въ другой приказъ, а буде тебѣ государю не нравно, и милости прошу чтобы до твоего государскаго пришествія людей той вдовы Салтыковой не трогать и на правожѣ не бить. Мнѣ государь отъ ней упокою нѣтъ. Непрестанно присылаетъ съ великими слезами. Пожалуй государь не прогнѣвайся, что объ дѣлахъ докучаю милости твоей.

«Засимъ здравствуй милостивой государь на множество лѣтъ.

«Sein getreue dinnerin bet in mein dot.

«den 28 may.

А. М. М.»

На адресѣ этого письма написано: «An myn Heer grot commandeur Peter Alexewitz asoff».

Въ другомъ письмѣ, посылая царю «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобъ государь «кушалъ на здоровье», дѣвушка проситъ, чтобъ онъ не забывалъ о ней.

«Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливое пришествіе.

«Прошу у тебя государя, дай милостиво вѣдать о своемъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной о такомъ великомъ здравіи всемъ сердцемъ обрадоваться.

«Посылаю я къ тебѣ милостивому государю четыре цитрона и четыре апельсина, подай Господь бы тебѣ милостивому государю кушать на здоровье.

«А о цедреоли не прогнѣвайся государь, что не присылаю, во истину по сю пору не бывала, и вельми объ этомъ печалюся, что по сю пору не бывало.

«Засимъ остаюсь раба твоя bed in mein dot.

«Анно 1699 dem 8 iuni.

А. М. М.»

Посылаетъ она, наконецъ, ящикъ давно ожидаемой «цедреоли», и вновь пишетъ:

«Милостивѣйшій государь.

«Подай Господь Богъ тебѣ, милостивому государю, многолѣтняго и благополучнаго здравствования.

«Послала я къ тебѣ милостивѣйшему государю ящикъ съ цедреоли двѣнадцатъ скляницъ. Дай Боже тебѣ милостивому государю на здравіе кушать, рада бы больше прислала, да не могла достать.

«Ver bleib sein getreuste dinnerin bet in mein dot. А. М.»

Петръ отвѣчаетъ своей любимицѣ на ея письма, и дѣвушка

вновь шлетъ ему посланіе, все такое же сдержанное, полуоффиціальное:

«Милостивѣйшему государю.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтнее здравіе и счастливое пребываніе.

«Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтномъ здравіи чрезъ милостивое свое письмо, о которомъ всемъ сердцемъ обрадовалась, и молю Богу вседневно о продолженіи вѣку твоего государева. Прошу у тебя милостиваго государя, пожалуй прости винѣ моей, меня убогую рабу свою, что въ милости твоей писала о дѣлѣ Салтыковой вдовы, я о томъ опасна чтобъ впредь какова гнѣву не было отъ тебя милостиваго государя чтобъ такъ дерзновенно зела.

«Sein getreue dinnerin bis in mein dot.

«Dem 25 iuly.

А. М. М.»

Наконецъ, дѣвушка рѣшается заговорить съ своимъ повелителемъ и возлюбленнымъ о дѣлахъ болѣе серьезныхъ: она напоминаетъ ему объ обѣщаніи сдѣлать ее помѣщицей—записать за ней изъ дворцовыхъ селъ волость.

«Благочестивый великій государь царь Петръ Алексѣевичъ милостивно здравствуй, о чемъ государь и милости у тебя государя просила, и ты государь поволитъ приказалъ Ѳеодору Алексѣвичу выписать изъ дворцовыхъ селъ волость и Ѳеодоръ Алексѣвичъ по твоему государству указу выписавъ послалъ къ тебѣ государю чрезъ почту, и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умиловився государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и для многолѣтняго здравія царевица Алексѣя Петровича свой государевъ милостивый указъ учини.

Ich ver suche mein gnadigste herr und vater seyt mein gnadige bitt nit af um Gottes willen posalu mene sein undergnadigste dienerrin bet in mein dot.

«Dem 11 september.

A. M. M.»

Кромѣ государевыхъ волостей дѣвушка получала отъ своего высокаго друга и другія доказательства его любви къ ней: такъ Петръ пожаловалъ ей съ матерью ежегодный пенсіонъ въ 708 рублей, что, при бережливости, даже скупости царя-преобразователя и при постоянной нуждѣ его въ деньгахъ, которыхъ такъ много требовалось на постройку кораблей, на прорытіе каналовъ, на возведеніе крѣпостей, на посылку молодыхъ вельможъ за границу и нескончаемыя войны со шведами—представляло тогда солидную субсидію. Мало того, государь построилъ своей любимицѣ огромный каменный палаццо, въ самой нѣмецкой слободѣ, недалеко отъ нѣмецкой кирки, чтобъ его возлюбленной ближе было ходить въ церковь. Наконецъ, государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный брильянтами, цѣнностью въ тысячу рублей—и это было тогда, когда молодой супругъ царевича Алексѣя Петровича буквально было нечѣмъ кормиться, какъ мы и увидимъ ниже.

Осыпанное милостями царя, семейство Монсовъ скоро стало злоупотреблять своимъ вліяніемъ, въ чемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, наиболѣе виновата была мать дѣвушки, повидимому очень корыстолюбивая старуха. Корыстолюбіе, впрочемъ, замѣчается и въ характерѣ самой дѣвушки.

Монсы начали вмѣшиваться въ государственныя дѣла, ходатайствовали по присутственнымъ мѣстамъ за себя и за другихъ,—и въ виду дружбы къ нимъ государя, всѣ государственные люди спѣшили сдѣлать имъ все угодное. По свидѣтельству Гюйсена, воспитателя царевича Алексѣя, въ присутственныхъ мѣстахъ даже

принято было за правило, что если *madame* или *mademoiselle Montzen* имѣли какое-либо дѣло или тяжбу, будь это ихъ собственное дѣло или ихъ друзей, то объ этомъ дѣлались особенныя *reflexions salva justitia*, и Монсы такъ широко воспользовались этимъ снисхожденіемъ царя, что стали мѣшаться въ дѣла нашей внѣшней торговли, ходатайствовать за иноземныхъ купцовъ, набирать себѣ черезъ это большія деньги, и ставили себя въ совершенно исключительное положеніе.

Трудно винить въ этомъ случаѣ дѣвушку: она, надо полагать, пользовалась своимъ вліяніемъ въ подобныхъ нечистыхъ дѣлахъ совершенно невинно, руководимая своею корыстною матерью.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ вліянія дѣвушки на царя.

Въ Москвѣ состоялъ на службѣ артиллерійскій полковникъ, иноземецъ Краге. Однажды, пьяный гайдукъ Краге въ присутствіи господина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдуга за это наказали кнутомъ, но Серьеръ не удовольствовался этимъ наказаніемъ и, по выздоровленіи отъ увѣчья, подалъ счетъ на Краге—во что ему обошлось леченіе. Серьеръ въ ходатайствѣ своемъ прибѣгнулъ къ помощи *fräulein Monsin* и ея дочери; но австрійскій посолъ Гваріентъ два раза успѣлъ защитить Краге, и Серьеру отказано въ его претензіи. Тогда Серьеръ, воспользовавшись случайной ссорой Краге съ дѣвицей Монсъ, вызвался быть ходатаемъ по дѣламъ семейства Монсовъ и завѣдывать ихъ хозяйствомъ. За это дѣвушка настойчиво ходатайствовала за него у царя, и Петръ, «вопреки двукратному отказу въ претензіи минеру, приговорилъ Краге къ штрафу въ 560 рублей» —огромный по тому времени штрафъ!

Но дѣвушка все-таки не искренно любила царя: она дѣйствительно была только его «вѣрная» и «убогая раба», его

«getreuste dinnerin» — служительница; но дѣвическое сердце ея избрало другаго, хотя царь и не зналъ долго объ измѣнѣ своей любимицы, потому что продолжалъ осыпать ее щедрою рукою, подаривъ уже въ 1703 году своей «А н н у ш к ѣ» еще одно помѣстье—село Дубино въ козельскомъ уѣздѣ—295 крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями.

Дѣвушка полюбила саксонскаго посланника Кенигсека.

Въ 1702 году Кенигсекъ, вѣроятно прельщенный выгодами службы въ Россіи и, можетъ быть, побуждаемый любовью къ красавицѣ М о н с ѣ, вступилъ въ русскую службу. Онъ сопровождалъ царя въ походахъ, былъ въ числѣ его иноземцевъ любимцевъ и учителей русскаго народа.

Но трагическая кончина Кенигсека открыла Петру глаза: онъ узналъ, что его А н н у ш к а любила покойника.

Вотъ какъ открылась тайна дѣвицы М о н с ѣ:

«Въ одинъ роковой день (такъ или почти такъ говорятъ объ этомъ происшествіи леди Р о н д о, жена англійскаго резидента, въ письмѣ къ одному своему другу въ Англію, въ 1730 году)—государь возвращался съ осмотра строившейся крѣпости; при переходѣ черезъ подъемный мостъ, польскій министръ (это и есть Кенигсекъ), сопровождавшій вмѣстѣ съ другими государя, упалъ въ воду, и не смотря на всѣ усилія спасавшихъ его, утонулъ. Когда трупъ вытащили изъ воды, государь вынулъ изъ кармана утопленника бумаги, сначала велѣлъ ихъ запечатать, а потомъ, при разборѣ бумагъ покойника, не безъ удивленія увидѣлъ между ними портретъ своей любимицы; затѣмъ нашелъ нѣсколько самыхъ страстныхъ писемъ ея къ покойнику. пылая гнѣвомъ и ревностью, государь вбѣжалъ въ комнату къ моему разскащицѣ (къ знакомой леди Р о н д о) и приказалъ привести А н н у М о н с ѣ. Когда она вошла, Петръ заперъ дверь и грозно спросилъ: «для

чего ты писала къ поляку?» Та заперлась. Петръ показаль письма, портретъ и объявилъ о смерти своего противника. Услышавъ роковую вѣсть, красавица залилась слезами и впала въ непритворное молчаніе, между тѣмъ какъ царь осыпаль ее самыми рѣзкими укорами, грозилъ казнью и пришелъ въ такой гнѣвъ, что можно было подумать, что онъ убьетъ измѣнницу на мѣстѣ. Когда первый пылъ гнѣва прошелъ, слезы и красота Монсъ побѣдили государя, и онъ самъ заплакалъ. Тогда, простивъ невѣрную, онъ со слезами сказалъ: «Забываю все. Я также имѣю слабости. Я не могу тебя ненавидѣть — виню собственную довѣрчивость. Продолжать мою связь—значить унижать себя. Прочь! я съумѣю примирить страсть съ разсудкомъ. Ты ни въ чемъ не будешь нуждаться, но я съ этихъ поръ не хочу тебя видѣть». Петръ сдержалъ слово: Анна Монсъ выдана была замужъ за одного служащаго, получившаго хорошее мѣсто въ отдаленной провинціи; монархъ заботился объ ихъ семейномъ счастьѣ до конца жизни и оказывалъ имъ постоянно свою любовь».

По всей вѣроятности, разсказъ этотъ изукрашенъ романтическими подробностями; но основа его вѣрна: леди Рондо писала это только черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Анны Монсъ.

Знаменитый Миллеръ подтверждаетъ этотъ разсказъ, хотя передаетъ его какъ варіантъ на повѣствованіе леди Рондо.

Миллеръ такъ разсказываетъ этотъ трагическій случай:

«При осадѣ Шлюссельбурга Петръ узналъ, что обворожительная *domicella* Монсъ ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ, и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному черезъ не-

большой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстїи о смерти Кенигсека—была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ, и вмѣсто нихъ нашелъ нѣжныя письма своей фаворитки. *Domisella Mops* слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку — сомнѣнія быть не могло... О портретѣ тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь уже не хотѣлъ знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастья, если бы съумѣла превозмочь неосторожную склонность къ Кенигсеку.

Сохранилось о трагической смерти соперника Петра собственноручное письмо государя. Надо полагать, что письмо писано было имъ Ѳ. Апраксину въ тотъ самый моментъ, когда трупъ Кенигсека былъ только вытащенъ изъ воды, а бумаги еще не были распечатаны, или Петръ не читалъ ихъ, пока они не просохли.

«Здѣсь все изрядно милостію божіею—писалъ онъ изъ Шлюссельбурга 15 апрѣля 1703 года—только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои: первый—докторъ Леймъ, а потомъ Кенисенъ, которой принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно, — и такъ вмѣсто радости—печаль».

Но болѣе глубокая печаль, только уже не о Кенигсекѣ, а о себѣ самомъ, должна была посѣтить государя, когда онъ разобралъ бумаги утопленника, и нашелъ въ нихъ то, чего не ожидалъ.

Въ первыя минуты гнѣва Петръ приказалъ арестовать свою любимицу и ея сестру Матрену въ собственномъ домѣ Монсовъ. Обѣ женщины отданы были подъ строгій надзоръ князя-кесаря Ромодановскаго, и имъ запрещено было посѣщать даже вѣрку.

Три года томилаcь неосторожная дѣвушка въ своемъ печальномъ заточеніи. Томилаcь съ нею и сестра ея, и равно сидѣли подъ арестомъ и другія лица, человѣкъ до тридцати, которые такъ или иначе прикосновенны были «къ дѣлу Монцовоу».

Тяжело было дѣвушкѣ съ такой высоты упасть такъ глубоко въ глазахъ всей Москвы: тяжкая опала всегда была тяжка для подпадавшихъ подъ эту опалу, подъ эту «грозную сиверку».

Сидя въ заточеніи, дѣвушка, какъ и древне-русскія да и почти всѣ женщины на свѣтѣ, стала прибѣгать къ гаданьямъ по разнымъ «тетрадкамъ», конечно мистическимъ, къ ворожбѣ, къ привораживанью, къ чародѣйнымъ перстнямъ, лишь бы отвратить отъ себя «грозную сиверку» и опять приворотить къ себѣ сердце государя: «стали они, Монсы—говорить современникъ—пользоваться запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества».

Но все было напрасно: колдовство оказалось безсильнымъ противъ петровой «сиверки».

«Хотя за подобные поступки—писалъ въ 1706 году Гюйсенъ—за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ, чтобъ процессъ о Монсахъ былъ совершенно прекращенъ, и только ex capite ingrati-tudinis отъ Монсовъ отобраны деревни, и каменный палаццо отошелъ впослѣдствіи подъ анатомическій театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брилльянтами».

Но дѣвушка, не смотря на смерть своего прежняго возлюбленнаго, не смотря на царскую опалу, имѣла человѣка, который

тоже любилъ ее—это прусскій посланникъ, баронъ фонъ Кейзерлингъ. Видно, слишкомъ много было очарованія въ этой молодой женщинѣ и безъ сомнѣнія было не мало и нравственныхъ достоинствъ, если такъ велико оказывалось ея обаяніе даже тогда, когда всѣмъ извѣстны были и ея прежнія отношенія къ царю, и ея тайная любовь къ покойному Кенигсеку, и, наконецъ, упавшій на нее позоръ царской «сиверки».

Въ 1706 году Головинъ доносилъ царю, что посланникъ фонъ Кейзерлингъ челомъ бьетъ, «чтобъ Анна Монсовой и сестрѣ ея Балкшѣ (Матренѣ, бывшей уже замужемъ за Балкомъ) дано было позволеніе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде можно, отпустить къ мужу: сіе просить онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастіе ихъ ему, посланнику», т. е. любви и дружбѣ его къ Аннѣ Монсъ.

— О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ—отвѣчалъ царь—велѣлъ и писать Шафирову, чтобъ дать ей позволеніе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить.

Анна Монсъ и сестра ея Матрена Балкъ были, наконецъ, освобождены.

Но въ казематахъ еще сидѣли прикосновенные къ «дѣлу Монцовой».

— Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой: что мнѣ объ нихъ укажешь? спрашивалъ, въ 1707 году, князь-кесарь Ромодановскій царя.

— Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовой колодники, и тѣмъ рѣшеніе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны, отвѣчалъ Петръ.

Но прежними милостями царя дѣвушка не могла уже пользоваться: «Монсы—писалъ Гюйссенъ—живутъ свободно, но уже не

могутъ расчитывать и не имѣютъ на то права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена.

Да царю уже было теперь не до «Аннушки»: съ 1705 года его посѣтила уже едва ли не послѣдняя и самая глубокая привязанность, какую только могъ имѣть этотъ далеко не столь непостоянный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ царь-работникъ, какимъ его изображаютъ новѣйшіе его порицатели:—Петръ любилъ уже въпослѣдствіи знаменитую молодую плѣнницу, Марту Скавронскую, или какъ потомъ онъ называлъ ее—«Екатери́ну Васи́лееву», сдѣлавшуюся потомъ императрицею государынею Екатериною Алексѣевною Первою. Можетъ быть также, что въ этой новой привязанности онъ искалъ забвенія той, которая ему измѣнила и въ которой онъ такъ глубоко обманулся.

Анна Монсъ съ своей стороны считалась уже въ это время невѣстою прусскаго посланника Кейзерлинга, хотя и это обстоятельство, повидимому, оставалось тайною для царя, который едва ли могъ окончательно вытѣснить изъ сердца свою первую серьезную привязанность къ той, которую онъ дѣйствительно любилъ и которой вѣрилъ болѣе десяти лѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, трудно обвинить въ непостоянствѣ человѣка, который любилъ одну женщину десять лѣтъ, имѣя притомъ столько соблазновъ полюбить любую красавицу своего двора, всего своего государства и любую женщину во всей пространной Европѣ, которую Петръ исколесилъ и какъ царь, и какъ простой корабельный плотникъ.

Этого-то постоянства и честнаго чувства къ женщинѣ и боялся молодой фаворитъ царя, знаменитый «Алексашка», въпослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, который строилъ все свое благополучіе на той вѣроятной мысли, что царь такъ же глубоко можетъ привязаться и къ находившейся у Мен-

шикова плѣнницѣ Мартѣ Скавронской, какъ глубоко былъ онъ привязанъ къ «Моншѣ» или къ его любимой «Аннушкѣ Монцовой».

Понятно, почему въ 1707 году Кейзерлингъ крупно поссорился съ Меншиковымъ изъ-за своей невѣсты, о которой онъ хлопоталъ у царя, а «Данилычъ» ему препятствовалъ въ этомъ, стараясь поддержать гнѣвъ царя къ своей прежней любимицѣ. Понятно также, почему одинъ изъ современниковъ этого событія, Нейбауеръ, писалъ въ видѣ угрозы, что «о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ» — грозилъ, значить, гласностью.

Какъ бы то ни было, но царь, даже познакомившись съ Мартою Скавронскою, все еще не могъ выгнать изъ своего упрямаго сердца прежнюю привязанность—свою Аннушку, между тѣмъ какъ Аннушка такъ же упрямо и еще упрямѣе послѣ своего заточенія продолжала быть холодна къ царю.

«Меншиковъ и Екатерина рисковали потерять все—говорить Гельбигъ—если бы красавица уступила. Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности сѣумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсъ съ своими превосходными качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и возлюбленнаго Кейзерлинга. И первая и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданіе дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь: она тайно обру-

чилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, когда только-что собирался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвѣзчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. Больно видѣть—продолжаетъ Гельбигъ—что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвѣнчался съ прекрасною Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея супругъ. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же.

Гельбигъ нѣсколько изукрасилъ свой рассказъ вопреки истинѣ. Анна Монсъ вышла замужъ за Кейзерлинга 18 іюня 1711 года, а Кейзерлингъ скончался 11 декабря въ Стольпе, на дорогѣ въ Берлинъ.

Молодая красавица, теперь уже вдова Кейзерлингъ, осталась въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и жила въ деревянномъ домикѣ вмѣстѣ съ матерью. Старуха-мать лѣтъ пятнадцать страдала хроническою болѣзью и почти не вставала съ постели. Больна была и Анна Ивановна: здоровье ея было сильно потрясено превратностями жизни, и молодая женщина тая-

ла какъ свѣчка—харкала кровью и по нѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели.

Какъ на прекрасную черту семейства Монсовъ слѣдуетъ указать на то, что всѣ члены ея были связаны самою тѣсною дружбою.

Едва умеръ мужъ злополучной любимицы Петра, какъ для нея настали новыя непріятности—это житейскія, экономическія дразги, которыя такъ тяжело отзываются на характеръ женщины и нерѣдко извращаютъ ея хорошіе инстинкты, дѣлаютъ женщину мелочною и иногда окончательно губятъ въ ней все хорошее.

Такія житейскія дразги окончательно подкосили и безъ того рухнувшее здоровье исторической «Аннушки»: братъ ея умершаго мужа заявилъ претензію на всѣ движимыя и недвижимыя имѣнія покойника, находившіяся въ Курляндіи и Пруссіи.

До насъ дошли письма Анны Кейзерлингъ отъ этого времени къ брату Вилиму, къ тому Вилиму, котораго прекрасная голова была впоследствии, по приказанію царя, отрублена и сохранялась въ академическомъ музеѣ рядомъ съ такою же прекрасною головою фрейлины Гамилтъонъ, тоже отрубленною по приказанію царя. — Но объ этомъ послѣ.

Письма такой личности, какъ первая и едва ли не послѣдняя серьезная любовь Петра Великаго, какъ бы ни было чуждо исторической важности содержаніе этихъ писемъ, не могутъ не имѣть историческаго значенія для Россіи, для той Россіи, которая до сихъ поръ чувствуетъ на себѣ слѣды рабочихъ рукъ и всенивелирующей палицы царя-преобразователя.

«Любезный, отъ всего сердца любимый братецъ! — пишетъ вдова Кейзерлингъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа, брату своему Вилиму, который въ качествѣ «генеральсь-адъютанта» исполнялъ всевозможныя порученія Петра за границей:—желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ

здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; не знаю, чѣмъ и утѣшиться».

Она просить брата привезти ей вещи и деньги ея мужа, «потому-что—говорить она—лучше когда они у меня, чѣмъ у чужихъ людей».

Въ одномъ письмѣ Анна спрашиваетъ брата, что ей дѣлать съ портретомъ царя, который былъ у нея. Она велитъ спросить у своего адвоката, Лаусона: «отдавать ли этотъ портретъ царя деверю, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи».

Много, безъ сомнѣнія, напоминалъ ей этотъ портретъ царя, осыпанный дорогими камнями...

Явилось еще горе, правда ничтожное, но для больной женщины тяжелое и притомъ оскорбительное. Камердинеръ ея покойнаго мужа, Штраленбергъ, сталъ распускать за границей обидные для Анны Ивановны слухи, что будто бы оставленная имъ въ Москвѣ жена страдаетъ отъ грубаго обращенія съ ней Анны.

«Прошу тебя, любезный братъ—писала Вилиму по этому обстоятельству Анна—не вѣрь этому лгуну Штраленбергу: онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыхавъ о томъ, какъ безстыдно жетъ ея мужъ, будто бы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ,—ей хорошо у меня: когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье».

Черезъ двѣ недѣли она спрашиваетъ брата: «напиши мнѣ пожалуйста—привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію?—Вели, чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ».

Затѣмъ снова вспоминаетъ о портретѣ царя:

«Ради Бога—пишетъ она—побереги шкатулку съ бумагами, чтобъ ничего не потерялось, а старшему моему зятю скажи, чтобъ онъ только прислалъ мнѣ портретъ его величества съ драгоценными камнями».

Порицатели этой женщины говорятъ, что она думала о драгоценныхъ камняхъ собственно, а не о портретѣ того, который такъ много ее любилъ.

Лѣтомъ 1712 года Анна съ матерью ѣздили на нѣсколько недѣль за границу, гдѣ они и гостили у старшей сестры Анны, Матрены Ивановны Балкъ, мужъ которой по дѣламъ царя находился тогда въ городѣ Эльбингѣ.

Не долго однако оставалось жить бывшей любимицѣ Петра: чахотка видимо съѣдала ее.

Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни (1713—1714) Анна успѣла внушить къ себѣ если не страсть, то желаніе имѣть ее своею женой—плѣнному шведскому капитану Миллеру. Одни говорятъ, что они уже были помолвлены, другіе—что Миллеръ только старался вкрасѣ въ довѣріе Анны и пользоваться отъ нея какими-либо подарками. Братъ Анны увѣрялъ впослѣдствіи, что Миллеръ «притворствомъ вѣрлся въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзни сестры моей взялъ, ставаясь съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, взялъ многіе пожитки». Поэтому онъ и просилъ правительство отобрать эти вещи у Миллера: а вещи эти были—«камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый, кувшинецъ, да блюдо что бороды брѣютъ, серебряныя», и другіе «пожитки».

Анна—бывшая Монсъ—скончалась 30 сентября 1714 года на рукахъ больной старухи-матери и пастора.

Въ числѣ драгоценныхъ вещей, описанныхъ послѣ покойницы, между прочими показаны: портретъ-царя, когда-то ее любившаго—

«образъ съ разными съ драгими каменьями, охваченъ около, въ тысячу рублей», «умершаго господина фонъ Келзерлинка персона въ алмазахъ—семь сотъ рублей», нитка жемчугу для какой-то «сиротки»—не тайное ли это дитя покойной красавицы?

«Какъ бы то ни было, но проводивъ въ могилу бранные останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе»—говорить одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Анны Монсъ, и прямо утверждаетъ, что видитъ въ этой женщинѣ «страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку расчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ томъ суевѣрную, лишенную всякаго образованія, даже мало грамотную. Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ не было—говоритъ онъ—никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не сумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не сумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ Петръ показалъ, что и великіе люди не изъяты человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпнеть очи, и имъ затемняетъ разумъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Федоровна ссылается въ заточеніе; наследникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзору, и вслѣдствіе этого затаиваетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени страдательная со стороны царевича, не важная по ходу, которая

быть может приняла бы болѣе серьезные размѣры, если бы не кончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсъ заставляет Петра обратить вниманіе на ея семейство, и въ немъ между прочимъ и на брата Анны, Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ челоуѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и—это еще догадки—дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра Великаго».

Отзывъ этотъ—слишкомъ суровъ: несчастная женщина едва ли заслужила такой жесткій приговоръ исторіи.

Исторія быть можетъ сама виновата передъ осуждаемою ею женщиною: не по винѣ ли Анны Монсъ Петръ полюбилъ забавы въ нѣмецкой слободѣ? Не тамъ ли онъ наслушался о чудесахъ цивилизованнаго міра, когда еще не видалъ его изъ своей Москвы? Не Анна ли Монсъ была причиною, что любовь къ болѣе или менѣе европейски-цивилизованной дѣвушкѣ заставила Петра оглянуться и на свой старо-московскій охабень и на старую Русь, а потомъ заглянуть въ Европу, чтобы русскому «мѣдвѣжонку», какъ называли молодого Петра стрѣльцы, не стыдно было въ нѣмецкомъ кафтанѣ показаться передъ дѣвушкой, которая, подобно золотымъ яблокамъ Геркулеса, вывезена была изъ Армидиныхъ садовъ Европы и заставила русскаго Геркулеса похотѣть и самому побывать въ этихъ садахъ, чтобы вывезти оттуда золотые яблоки цивилизаціи?

Онъ такъ и сдѣлалъ, потому что русскому Геркулесу Анна Монсъ казалась свѣтлымъ лучомъ, пробившимся изъ царства свѣта.

II.

Гетманша Скоропадская.

(Настасья Марковна Скоропадская, урожденная Марковичъ).

Съ наступленіемъ XVIII-го вѣка, вмѣстѣ съ Великою Россією и Малороссія начинаетъ новый циклъ историческаго существованія, на которомъ рѣзкою тѣнью лежитъ уже окраска новаго времени, новаго направленія.

Но это новое время для Малороссіи должно было выказаться не въ томъ, въ чемъ оно выказалось для Великой Россіи. Великая Россія вмѣстѣ съ Петромъ сдѣлала крутой поворотъ по не протоптанному еще пути, которымъ она силилась выйти на культурную дорогу, проторенную западною цивилизаціею. Малороссія тоже должна была сдѣлать крутой поворотъ, но только въ направленіи, обратномъ противоположномъ тому, какое избрала Великая Россія: для послѣдней силу нравственнаго тяготѣнія съ новаго времени представлялъ западъ; для Малороссіи же это западное тяготѣніе было не новостью. Малороссія и до соединенія съ Великою Россією тяготѣла къ западу черезъ Польшу. Это западное тяготѣніе и погубило Малороссію, убило въ ней послѣднюю тѣнь политической и государственной автономіи. Сначала историческія несчастія, постигавшія Польшу, постигали и Малороссію, когда

они составляли до нѣкоторой степени одно политическое тѣло. Потомъ государственная деморализація Польши заразила неизлечимою гангреною и нѣкоторыя части малорусскаго государственнаго тѣла. При Богданѣ Хмѣльницкомъ Малороссія поняла, что тяготѣніе ея къ западу спасительнѣе будетъ не черезъ такой непрочный, подгнившій проводникъ какъ Польша, а черезъ прочно вкопанные въ историческую почву столпы русской народной жизни.

Мазепа хотѣлъ-было вновь наклонить это нравственное и политическое тяготѣніе Малороссіи къ западу, хотѣлъ создать для нея даже собственное, независимое тяготѣніе — и погибъ самъ, сдѣлавъ западное тяготѣніе для Малороссіи повидимому навсегда гибельнымъ и немыслимымъ.

Поддалась-было этому западному тяготѣнію и послѣдняя малорусская женщина, послѣдняя въ смыслѣ старой, исторической, гетманской Малороссіи — и тоже погибла, погубивъ свое семейство, подведя голову отца подъ топоръ мазепинскаго ката. Это была возлюбленная Мазепы — Матрена Кочубей.

Малороссія увидѣла, что для нея невозможно уже было западное тяготѣніе, что тяготѣніе это, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ политическихъ комбинаціяхъ, всегда будетъ гибельно, и первую женщиною-украинкою, сознавшею эту политическую истину, была современница несчастной Матрены Кочубей — гетманша Настасья Скоропадская.

Скоропадская является какъ-бы преемницею Матрены Кочубей, новою украинскою женщиною. Матрена, ослѣпленная страстью къ своему сѣдому возлюбленному гетману, мечтала видѣть въ своихъ рукахъ гетманскую булаву. Мало того, отуманенная обаятельными поэтическими рѣчами влюбленнаго старика, дѣвушка мечтала видѣть «украинскую короону» на сѣдой

головѣ этого стараго поэта, и—конечно—корона эта грезилась дѣвушка и на ея молодой, прекрасной, чернявой головкѣ.

Скоропадская вырвала изъ рукъ Матрены эту гетманскую булаву, потому что поняла, куда должна была тяготѣть съ этою булавою вся Малороссія: булава эта буквально очутилась въ рукахъ Настасьи Скоропадской, потому что мужъ ея, гетманъ Иванъ Скоропадскій, человекъ слабый, безвольный, безхарактерный, не умѣлъ держать эту булаву и охотно, фактически, уступилъ ее своей умной, энергической и хорошенькой Настѣ.

Сохранившійся портретъ изображаетъ Настасью Скоропадскую замѣчательно миловидною женщиною. Портретъ, по-видимому, рисованъ былъ съ нея еще въ молодости. Прелестное овальное личико, съ тонкими, почти дѣтскими чертами, полно граціи. Что-то деликатное и изящное проглядываетъ въ этихъ чертахъ, въ разрѣзѣ большихъ глазъ, въ очертаніяхъ рта и красивыхъ маленькихъ губокъ.

Гетманша изображена въ высокой мѣховой шапкѣ, вродѣ казачаго кивера или гайдамацкой красивой киреи, напоминающей московскую старинную шапку-боярку, только болѣе изящной формы, съ выдающимся на бокъ верхомъ, по-казаки. Шубка на Скоропадской мѣховая, съ узкими рукавами, опушенными тоже мѣхомъ, вродѣ украинской «коротушки», которая ловко обрисовываетъ станъ и талью женщины; въ лѣвой, съ тонкими изящными пальцами рукъ что-то вродѣ тросточки, или по-видимому маленькой гетманской булавы; въ правой рукѣ, приложенной выше пояса или скорѣе къ груди—платочекъ, украинская «хусточка». Шубка распахнута, и изъ подъ нея виднѣется бѣлая, шитая по-украински сорочка съ широкою лентою или украинскою «стричкою» у горла. На шеѣ—украинское «намисто», кораллы,

любимое украшеніе малороссіянокъ до настоящаго времени, украшеніе, которымъ и Мазепа не разъ прельщалъ свою «безумно коханую» Мотроненьку Кочубей.

Скоропадская происходила изъ малорусскаго рода Марковичей. Гдѣ и какое получила она воспитаніе—неизвѣстно; но что родилась она въ семьѣ образованныхъ малороссіянъ, это доказывается тѣмъ, что родной ея племянникъ, «малороссійскій подскарбій генеральный», Яковъ Марковичъ, оставившій любопытныя записки о Малороссіи того времени, былъ человекъ совершенно европейскаго образованія, зналъ иностранные языки, ученымъ образомъ знакомъ былъ съ медициною и вообще, по видимому, находился въ уровнѣ не русскаго, не московскаго, а западно-европейскаго образованія. Въ такой образованной средѣ воспитана была и Настасья Марковичъ, впоследствии гетманша Скоропадская.

Въ дневникѣ образованнаго малороссійскаго подскарбія почти на каждой страницѣ попадаетъ имя гетманши Скоропадской — «ясновельможная Анастасія Скоропадская гетманова», «ясновельможная тетка» подскарбія, «ясновельможная пани» и т. д.

Вышедши замужъ за Скоропадскаго, молоденькая Настасья Марковичъ, впоследствии, когда мужъ ея выбранъ былъ въ гетманы, въ позднѣйшіе такъ-сказать преемники погибшаго Мазепы, стала во главѣ управленія всею Малороссіею, потому что мужъ ея, какъ мы сказали, далеко былъ не способенъ заправлять этою, привыкшею къ вольности, странною.

Петръ Великій, очень хорошо понимавшій людей и относительную ихъ пригодность или непригодность къ дѣлу, скоро опѣнилъ дѣловыя качества молоденькой украинки, заправлявшей

своимъ мужемъ, и черезъ нее сталъ дѣйствовать на заправленіе ходомъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ на мѣстѣ.

Когда у Скоропадской выросла дочь Ульяна, Петръ Великій, желая еще болѣе упрочить нравственное тяготѣніе Малороссіи не къ западу, а къ Великой Россіи, задумалъ брачными связями украинокъ съ великороссіянами и великороссіянокъ съ украинцами укрѣпить это тяготѣніе и конечное объединеніе въ будущемъ Великой и Малой Россіи.

Съ этою цѣлью Петръ обратился къ Скоропадской съ предложеніемъ отдать дочь Юліанію за великороссіянина изъ знатнаго рода, за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго со-вѣтника Петра Андреевича Толстого, который, какъ извѣстно, помогалъ Петру Великому въ доставленіи изъ-за границы царевича Алексѣя Петровича.

Скоропадская тоже поняла необходимость или неизбежность этого объединенія, и когда Петръ, вообще любившій устраивать свадьбы по своимъ государственнымъ соображеніямъ, вызвался быть сватомъ у дочери гетмановой, пани гетманова воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы бракъ ея дочери съ великороссіяниномъ принесъ, кромѣ политической пользы ея странѣ, еще и матеріальныя выгоды ея собственному семейству.

Поэтому, какъ ловкая женщина, понявшая силу вліянія, оказываемаго на царя другою женщиною, Екатериною Алексѣевною, Скоропадская избрала эту послѣднюю своею посредницею между сватомъ и своею дочерью.

Вотъ что она, по этому случаю, между прочимъ пишетъ Екатеринѣ: «Понеже его графское сіятельство (графъ Головкинъ) учинилъ отвѣтъ, что царское величество не изъ малороссійскихъ, но изъ великороссійскихъ персонъ дочери нашей единственной мужа благоволилъ избрать, тогда мы тому монаршему благоволе-

нію весьма благодарны. У великороссійскихъ народовъ есть такое обыкновеніе, что за дочерьми даютъ зятѣмъ изобильныя деревни и угодья; мы убо не имѣемъ таковыхъ угодій и деревень за нашею дочерью дать, и ради того, припадая у стопъ ногъ вашего величества, всемиренно молю исходатайствовать нынѣ при животѣ моего мужа собственно для моего во вдовствѣ пропитанія и за дочерью дачи маестностей нѣсколько».

И маестности эти были получены.

Такимъ образомъ, какъ по волѣ Петра состоялось обряженіе великорусскихъ бояръ изъ московскаго въ нѣмецкое платье и знаменитое, историческое обрѣзаніе боярскихъ бородъ, такъ, по волѣ того же царя и при помощи послѣдней исторической украинки, превратившейся въ первую историческую «южнорусскую» женщину, совершилось первое объединеніе малорусской казацкой крови съ московскою боярскою, и съ тѣхъ поръ въ русской исторіи отдѣльныя женскія личности собственно изъ украинкокъ исчезаютъ, потому что послѣдующія украинки въ жизни своей и въ дѣятельности совершенно сливаются съ великорусскими женщинами, подобно тому какъ и исторія Малороссіи окончательно сливается съ исторіею Великой Россіи: въ XVIII и XIX вѣкѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ малорусскихъ историческихъ женскихъ личностей, а есть общерусскія женщины—Разумовскія, Шаховскія, Яворскія, Безбородки, Сологубы, Лизогубы, Гамалѣи, Кочубеи, Четвертинскія и т. д.

Гетманша Скоропадская, такимъ образомъ, была первою новою украинскою женщиною и послѣднею изъ тѣхъ женщинъ старой Украины, лучшимъ и заключительнымъ типомъ которыхъ была Матрена Кочубей.

Племянникъ гетманши Скоропадской, упомянутый нами выше малороссійскій подскарбій генеральный, Яковъ Марковичъ,

оставившій послѣ себя любопытный дневникъ, подъ 1718 годомъ, между прочимъ, говорить, что когда гетманша Скоропадская и мужъ ея съ своею гетманскою свитою ѣздили въ Петербургъ и въ Москву, то «на Москвѣ, въ великій постъ, за волею и сватаньемъ самого государя и царицы, засватали дочь гетманскую за сына Петра Андреевича Толстого».

А подъ 12-мъ октября того же 1718 года у Марковича записано: «въ недѣлю (въ воскресенье), въ Глуховѣ веселье (свадьба) было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Ульяну отдалъ за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича. Съ женихомъ пріѣзжали въ сватахъ: братъ его родный старшій Иванъ Петровичъ и другой въ первыхъ (т. е. двоюродный) Борисъ Ивановичъ и нѣсколько при нихъ особъ великоросійскихъ».

Затѣмъ мужа Ульяны Скоропадской, Петра Толстого, царь назначилъ нѣжинскимъ полковникомъ: это былъ первый въ Малороссіи полковникъ, происходившій не изъ природныхъ украинцевъ

Такъ при помощи Петра и не безъ вліянія Скоропадской совершалось нравственное и политическое объединеніе Великой и Малой Россіи или воссоединеніе частей русскаго народа, давно когда-то разорваннаго на двѣ половины разными историческими невзгодами:—въ этомъ огромная историческая заслуга Скоропадской.

Мало того, Скоропадская и въ своей обыденной жизни поддерживала и укрѣпляла связь великорусской и малорусской половинъ русскаго народа: обладая свѣтлымъ умомъ и природнымъ тактомъ, Скоропадская умѣла ласково и съ достоинствомъ принимать у себя въ Глуховѣ, въ гетманскомъ помѣщеніи, высокихъ гостей, которые наѣзжали въ Малороссію изъ Москвы и

Петербурга, на славу ихъ угошала и тѣмъ побѣждала московскую гордость и грубость, съ которою когда-то плохо ладила неумѣлая и не менѣе грубая старшина малороссійская.

Съ другой стороны С к о р о п а д с к а я сама платила визиты навѣщавшимъ ее русскимъ вельможамъ, и неоднократно ѣздила въ Москву и Петербургъ, покидая надолго свою гетманскую столицу Глуховъ, чего до того времени не рѣшилась бы сдѣлать ни одна украинская женщина, еслибъ къ тому не принудили ее крайнія обстоятельства.

Такъ, когда въ 1722 году панъ гетманъ Скоропадскій ѣздилъ въ Москву съ своею свитою, съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ, бунчуковымъ генеральнымъ Лизогубомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, къ этой свитѣ «ясновельможная пани гетманова» присоединила свою собственную свиту и дала возможность московскимъ людямъ видѣть и свою украинскую красоту и свое гетманское величіе.

Въ этомъ же году, по возвращеніи изъ Россіи, гетманъ Скоропадскій умеръ и на его мѣсто избранъ былъ другой гетманъ.

Оставшись вдовою, уступивъ гетманскую булаву другому лицу, С к о р о п а д с к а я, не смотря на то, что не имѣла уже никакого officialнаго положенія, до самой однако своей смерти удержала за собою титулъ «ясновельможной паніи гетмановой».

Время шло и С к о р о п а д с к а я видѣла приближеніе старости.

Умеръ Петръ, ея царственный свать и покровитель.

Въ 1728 году овдовѣла и дочь С к о р о п а д с к о й, нѣжинская полковница У л ь я н а Т о л с т а я: Толстой умеръ, какъ записано въ дневникѣ племянника паніи С к о р о п а д с к о й, «съ той причины, что питьемъ излишнимъ водки онъ повредилъ легкое и нажилъ эпилепсію».

Въ 1729 году Скоропадская снова ѣдетъ въ Москву со всею малороссійскою старшиною. У нея есть особая цѣль въ этой поѣздкѣ — исходатайствовать себѣ и вдовствующей дочери своей нѣсколько новыхъ маестностей отъ русскаго правительства.

Въ Москвѣ и Петербургѣ, при содѣйствіи графа Головкина, Скоропадская исходатайствовала себѣ новое царское жалованье, и императрица по этому случаю указомъ объявляла: «пожаловали мы гетманшу Скоропадскую, за вѣрную службу мужа ея, гетмана Ивана Скоропадскаго, — повелѣли дать ей для пропитанія отъ трехъ до четырехъ сотъ дворовъ, по ея смерти».

Въ то же время Скоропадская просила, чтобы ей позволено было взять къ себѣ дочь свою, вдову Толстую, которая, по высочайшему указу, находилась въ деревнѣ—и императрица снизошла и на эту просьбу заслуженной украинки.

Скоропадская въ этотъ разъ довольно долго оставалась въ Москвѣ и Петербургѣ:—это былъ ея послѣдній визитъ Великой Россіи, послѣднее путешествіе.

Подъ 15-мъ марта этого года въ дневникѣ Марковича значится: «Пани Скоропадская была у графа Головкина и благодарила его за опредѣленіе маестностей».

Подъ 14-мъ апрѣля читаемъ: «Пани принесена на Кучеровку, Сасиновку и Лиловицу грамота, а принесли подъячіе иностранной коллегіи, которымъ дали первѣйшему 15 рублей, а другому 3 рубли». Это—взятка Малороссіи великорусскому чиновничеству.

28-го апрѣля Скоропадская обратно выѣхала въ Украину, въ бывшую столицу свою Глуховъ.

Подъ 17-мъ іюня у Марковича отмѣчено: «Ясновельможная была у князя Шаховскаго, а потомъ съ нею я ѣдиль до пана гетмана, гдѣ и обѣдали у паніи гетмановой».

Черезъ день въ дневникѣ отмѣчено: «Князь Шаховской визиту отдавалъ теткѣ моей» — т. е. Скоропадской.

Старая украинка знакома уже была съ европейскими обычаями. За то ей всѣ оказывали почетъ не по одному ея высокому положенію, но и по уму, по такту, съ которыми она держала себя. Такъ въ дневникѣ Марковича не рѣдко встрѣчаются отмѣтки: «У тетки были послѣ обѣда князь съ княгинею и комендантша» и т. д.

Но не долго привелось прожить этой женщинѣ послѣ возвращенія изъ Великой Россіи.

Въ декабрѣ 1729 года Скоропадская занемогла и уже не вставала больше.

Вотъ какъ Марковичъ описываетъ послѣдніе дни своей ясно-вельможной тетки:

11-го декабря: «У тетки немощствующій былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ побѣдять, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и до поздна пробылъ».

16-го декабря: «Пани больше больна становится; я передъ полночью отъ нея въ домъ повернулся».

17-го: «Тетка немощствующая приняла маслосвятіе и исповѣдь и причастіе святыхъ таинъ».

18-го: «Тетка горше стала болѣть, а въ ночи совсѣмъ изнемогла»...

Наконецъ, 19-го декабря въ дневникѣ записано: «Тетка моя, Анастасія Скоропадская гетманова, сего утра години съ полночи 7-й минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіанской доброй рефлексіи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: «О тяжкая временная жизнь! О вѣчная будущей радость!»..

Въ высшей степени любопытно описаніе печальной процессіи, съ которою тѣло гетманши сопровождаемо было по городу, временной столицѣ гетмановъ Украины. И въ этой процессіи принимаетъ участіе уже не одна Малороссія: представители Великой Россіи также идутъ за гробомъ бывшей гетманши.

Вотъ это описаніе, помѣщенное подъ 21-мъ декабря:

«Рано по службѣ божіей, покойной ясновельможной тѣло положили въ труну, чернымъ аксамитомъ съ золотымъ позаментомъ обитую, и подъ балдахиномъ, съ чернаго сукна сдѣланнымъ, пугомъ лошадей въ капяхъ черныхъ повезли публично чрезъ городъ. При сей церемоніи присутствовали гетманъ съ гетмановою, князь Шаховскій съ княгинею и множество изъ великороссійскихъ знатныхъ лицъ, также и народъ.

«Выпроводивши гробъ за городъ, не доходя Четвертинского млина, они воротились, а мы поѣхали за тѣломъ и пріѣхали въ ночномъ времени къ монастырю Гамалѣевскому, гдѣ всѣ старицы съ свѣчами вышли противъ тѣла съ плачемъ и воплемъ безмѣрнымъ.

«Тѣло ввели въ монастырь и поставили въ трапезѣ, гдѣ усмотрѣли, что на лицѣ покойной, на правой сторонѣ подбородка, очень красно, также и праваго уха нижній конецъ очень красенъ, и уши мягки, а лицо ни въ чемъ не измѣнилось, и какую-то вмятость и ослабленіе якобы показывало.

«Тутъ панихиду великую отправили».

Около мѣсяца тѣло усопшей гетманши оставалось не погребеннымъ.

Но вотъ 13-го января 1730 года совершено и погребеніе Скоропадской.

При погребеніи присутствовали: «съ духовенства архимандритъ новгородскій Нилъ, который службу божію служилъ и въ погребеніи».

беніи начальствоваль, префектъ коллегіума кievскаго Амвросій Дубневичъ, который предику пространную говорилъ, монастыря петропавловскаго законники, пустынки мутинской начальникъ съ братією, протопопъ глуховскій со многими попами, также священники и съ другихъ городовъ, именно Воронежа, Новгорода и Кролевца. Изъ мірскихъ лицъ знатнѣйшія: пани гетманова, княгиня Шаховская и Мякина, пани Петрова Апостолова и пани Михайлова, тетки пани Павлова и пани Миклашевская съ мужемъ, бригадиръ Арсеньевъ, панъ Федоръ Савичъ и другіе».

Тѣло гетманши положено рядомъ съ тѣломъ мужа, гетмана Скоропадскаго.

Нельзя при этомъ обойти молчаніемъ послѣднюю волю этой замѣчательной украинки, выраженную въ ея духовномъ завѣщаніи.

Высокой торжественностью и силой дышетъ языкъ этого завѣщанія:

«Естества человѣческаго, прародительнымъ паденіемъ разрушеннаго, тотъ единый состоитъ долгъ: человѣкамъ смертнымъ, отъ персти созданнымъ, по смертномъ временного сего теченія пресѣченію, знову въ персть вселитися...

«Сего ради я, будучи оному первому долгу генеральнымъ создателя своего опредѣленіемъ повинная, а другимъ по человѣколюбнымъ спасителя заповѣдемъ одолженная, заврешенно той послѣдній воспоминая предѣлъ»... объявляю мою послѣднюю волю и такъ далѣе. Воля эта, главнымъ образомъ, состояла въ томъ завѣтѣ, чтобы послѣ ея смерти между домашними и родными ея не было «мятежей, распръ, истязаній».

Въ предсмертныхъ распоряженіяхъ Скоропадская не забываетъ своихъ крестьянъ и служителей, и такъ торжественно наказываетъ наслѣдникамъ: «оставшихъ домашнихъ моихъ, а

особливо служителей дому моего, истязывать и затруднять никто же да дерзнетъ»...

Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отказѣ имѣнія дочери своей, Юліаніи Толстой, Скоропадская еще опредѣленнѣе выражаетъ свою заботу о служителяхъ дома.

«Служителей моихъ—говорить она—а особливо Андрея Кондзеровскаго и Агафію Ивановну, которые даже до кончины моей вѣрно и усердно зъ презрѣніемъ всякой пользы и покоя служили покойному сожителевѣ моему и мнѣ, имѣть оной дочери моей Уліанѣ и наследникамъ въ особливомъ респектѣ и помогать во всемъ».

Какъ ни была повидимому блестяща жизнь этой женщины, однако много пришлось ей пережить въ эпоху ломки, предпринятой Петромъ Великимъ на всѣхъ концахъ Россіи и не легко отразившейся на Малороссіи при окончательномъ сплоченіи ея съ Великою Россіею въ одно политическое, государственное и экономическое тѣло.

Припомнимъ только одно, что Скоропадская находилась въ родствѣ съ домою знаменитаго гетмана Павла Полуботка, отношенія котораго къ суровому преобразователю Россіи приобрѣли такую печальную историческую извѣстность: — въ послѣднихъ, тщетныхъ порывахъ Малороссіи отклонить отъ себя тяжелую великороссійскую руку, Скоропадская стояла такъ-сказать между Сциллою и Харибдою, и надо было много умѣнья съ ея стороны, чтобы московская неудержимая сила не раздасила окончательно и того, что рѣшилось бы неблагоприятно ей сопротивляться, и того, что уже создало бесполезность этого сопротивленія.

III.

Матрена Балкъ.

(Матрена Ивановна Балкъ, урожденная Монсъ).

Матрена Балкъ, какъ мы видѣли выше, была родною сестрою той самой женщины, на которую пала первая любовь молодого «царя-работника» и которая, кажется, была не послѣднею, хотя, быть можетъ, невольною виновницею того, что Петръ задумалъ во что бы то ни стало прорубить окно въ Европу, откуда на него повѣяло и первою молодою любовью въ лицѣ хорошенькой дочери виноторговца, и охмѣляющимъ запахомъ цивилизаціи въ лицѣ женева Лефорта.

Хотя Матрена была старшею сестрою Анны Монсъ, однако она много пережила свою знаменитую младшую сестру, и судьба ея имѣла, кажется, роковое вліяніе на Россію въ томъ отношеніи, что тотъ, кто любилъ ея младшую сестру и отчасти ради ея ввелъ свой народъ въ общій строй европейской цивилизаціи,—раньше былъ утраченъ Россіею, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать.

По многимъ причинамъ Матрена Балкъ заслужила историческое, хотя не вполне завидное безсмертіе: она вмѣстѣ съ своей сестрой способствовала тому, что Петръ охотно мѣнялъ

традиціонныя удовольствія двора на новыя для него удовольствія нѣмецкаго общества «Кукуй-городка», потому что молодой царь охотно посѣщалъ домъ Монсовъ, гдѣ встрѣчалъ двухъ красивыхъ и развязныхъ дѣвушекъ-сестеръ; она вмѣстѣ съ сестрой способствовала, конечно рефлексивно, тому, что симпатіи молодого царя, черезъ нихъ, стали тяготѣть болѣе къ западу, чѣмъ къ востоку; она же вмѣстѣ съ братомъ своимъ Виллимомъ, о которомъ мы тоже упоминали выше, несчастнымъ образомъ способствовала тому, что Петръ, умирая раньше чѣмъ бы слѣдовало, самую смертью своею какъ бы завѣщалъ своему народу нравственное служеніе той національности, изъ которой вышли сестры-дѣвушки, надолго приковавшія симпатіи царя-преобразователя и къ себѣ и къ создавшей ихъ національности.

Матрена Монсъ не долго однако оставалась въ родительскомъ домѣ, въ которомъ такъ часто видѣла молодого русскаго царя. Когда Петръ сталъ оказывать видимое вниманіе къ ихъ семейству, Матрена была просватана за одного изъ отличенныхъ царемъ слугъ своихъ, за Федора Николаевича Балка, который въ 1699 году былъ уже полковымъ командиромъ, и потомъ все болѣе и болѣе поднимался по служебной лѣстницѣ.

Такимъ образомъ сестры должны были разлучиться, хотя не надолго, и Матрена Монсъ стала называться Матреною Ивановною Балкъ или «Балкшею».

Хотя о послѣдующемъ за этимъ періодѣ жизни Матрены Балкъ и сохранилось не мало извѣстій, но событія жизни ея были не столь рельефны до роковаго 1724 года, чтобъ могли оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи.

Превратная судьба ея младшей сестры—любовь царя, потомъ грозная его «сиверка» вслѣдствіе тайной дружбы дѣвушки съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ, затѣмъ освобожденіе

опальной дѣвушки изъ-подъ трехлѣтняго домашняго ареста — все это непосредственно отражалось и на судьбѣ Матрены Балкѣ.

Когда Петръ обнаружилъ, что любимая имъ дѣвушка тайно переписывается съ Кенигсекомъ, онъ велѣлъ арестовать ее, но не одну: съ нею арестована была и сестра Матрена, способствовавшая, какъ полагаютъ, тайнымъ сношеніямъ Анны съ Кенигсекомъ.

Мы видѣли, что три года лежала царская опала на провинившихся сестрахъ: три года они изнывали въ заперти, прибѣгали къ колдовству, ко всѣмъ таинственнымъ силамъ, чтобъ воротить къ себѣ милость обиженнаго царя, и только въ 1706 году были освобождены изъ-подъ ареста.

Мужъ Матрены Балкѣ состоялъ въ это время въ должности коменданта вновь завоеваннаго Дерпта, и Матрена Ивановна, по освобожденіи изъ-подъ ареста, отправилась на житье къ мужу. Тамъ она пробыла до 1710 года, а оттуда царь, пожаловавъ Балка бригадиромъ, назначилъ его комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ они и находились до 1714 года.

Отъ этого времени сохранились письма Матрены къ брату Виллиму о сестрѣ Аннѣ, когда, покинутая Петромъ и потерявшая мужа, баронесса Кейзерлингъ уже томилась въ чахоткѣ и хлопотала о томъ, чтобъ не расхищено было имѣніе ея покойнаго мужа.

«Прошу тебя — пишетъ Матрена въ одномъ изъ этихъ писемъ брату — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры».

Такъ горячо всѣ они любили свою Анну, которая дѣйствительно, должно быть, стояла такого горячаго чувства со стороны

всѣхъ, кто ее зналъ, не исключая и вѣчно-занятого царя-работника.

«Если не лучше будутъ дѣйствовать въ дѣлѣ любезной нашей сестры — пишетъ Матрена въ другомъ письмѣ къ брату — то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи покойнаго мужа Анны. Видно, ты не очень-то заботишься о данномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать передъ нашей сестрой».

Вездѣ эта сестра, эта общая любимица Анна — на первомъ планѣ.

Около этого времени или нѣсколько раньше (осенью 1711 года) счастливая, а скоро роковая судьба свела Матрену Балкѣ съ будущей императрицей Екатериной Алексѣевной, которая вытѣсняла уже изъ сердца царя сестру Матрены, «любезную Аннушку».

Когда Матрена находилась съ мужемъ въ Эльбингѣ, туда пріѣхала Екатерина Алексѣевна, и государь писалъ, между прочимъ, мужу Матрены: «отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ — и что ей понадобится денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ».

Расторопная и сметливая Балкѣ скоро умѣла снискать расположение Екатерины до такой степени, что даже государь, можетъ быть въ угоду своей супругѣ, забылъ свою опѣлу на нее и на ея недавно овдовѣвшую сестру и показывалъ ей всѣ знаки царскаго вниманія. «Отпиши ко мнѣ — писалъ между прочимъ Петръ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ августѣ 1712 года — къ которому времени родить Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть».

Черезъ два мѣсяца, Петръ, приказывая очистить Эльбингъ отъ войскъ, велитъ озаботиться, чтобъ Матрена была бережно вывезена изъ крѣпости впередъ съ обозами. — Видно, что Петръ

не забывалъ того времени, когда зналъ Матрену еще дѣвужкой въ «Кукуй-городкѣ» и былъ счастливъ тамъ своею первою привязанностью.

Всѣ эти знаки царскаго вниманія дали Матренѣ Ивановнѣ надежду на лучшія времена, и она стала рваться изъ Эльбинга въ Россію, ко двору, поближе къ тому свѣтлому центру, изъ котораго исторгло ихъ несчастіе сестры Анны.

Около этого времени и братъ ея Виллимъ уже далеко поднялся въ гору. Къ нему-то она теперь шлетъ письмо за письмомъ, чтобъ чрезъ вліятельныхъ особъ онъ вывелъ ее изъ далекаго Эльбинга, чтобъ у царя выхлопоталъ ей съ мужемъ переводъ по крайней мѣрѣ въ Або. «Здѣсь же все очень дорого—говорить она—а мужъ полтора года не получаетъ жалованья, и мы проживаемся; къ тому-же мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасаюсь за его жизнь».

Мало того, практическая Матрена не забываетъ выдвигать впередъ и своего сына Петра, который уже былъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ.

«Прошу васъ—пишетъ она къ брату—пожалуйста сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ у царя доброю оказіею былъ, понеже лучше чтобъ онъ у васъ былъ. Я надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пошлетъ его съ дѣлами въ Санктпетербургъ».

Скоро—какъ намъ уже извѣстно — умерла ихъ общая любимица, сестра Анна.

Но это семейное горе умѣрилось другимъ счастьемъ: братъ Виллимъ шелъ въ гору такъ быстро, что у всякаго на его мѣстѣ должна была закружиться голова — и дѣйствительно, голова закружилась не только у красавца Виллима, но и у его умной сестры Матрены.

Въ 1716 году, Виллимъ Монсъ изъ «генеральсь адъютантовъ» царя произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры ко двору царицы. Это была особая милость и царя и царицы: Виллимъ становится всесильнымъ временщикомъ даже при такомъ всезнающемъ и все-видящемъ царѣ, каковъ былъ Петръ.

«Я отъ сердца обрадовалась—писала по этому поводу сметливая Матрѣна къ брату—отъ сердца обрадовалась, что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи—боже помози вамъ и впредь! А вы ко мнѣ пишите—что то къ счастью или несчастью. Богъ васъ сохранить отъ всякаго несчастья».

Да, это было и къ громадному счастью и къ еще болѣе громадному несчастью и Виллима и Матрены.

Матрена Ивановна достигла своихъ стремлений—она опять при дворѣ. Счастье широко имъ улыбнулось, только счастья этого уже не раздѣляла ихъ бѣдная Анна, лежавшая уже въ сырой землѣ и утратившая тотъ прелестный образъ, которымъ такъ многіе когда-то любовались.

Братъ Матрены сталъ общимъ любимцемъ при дворѣ. Въ него влюблялись всѣ фрейлины и другія важныя дѣвицы и дамы, а Матрена охотно становилась посредницей между влюбленными. Черезъ ея руки шли любовныя записки, признанія—и все это послѣ обнаружилось, а обнаруженное—стало потомъ достояніемъ архивовъ и исторіи.

Но этого мало. Братъ Матрены скоро сталъ буквально заправлять русскою землею, а за нимъ поднималась и Матрена, такъ что передъ братомъ и сестрой преклонялось все: князь Андрей Вяземскій, Иванъ Шуваловъ, отецъ будущаго временщика Елизаветы Петровны, князь Александръ Черкасскій, Артемій Волинскій, эта крупная личность того времени, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Олсуфьевъ,

Иоганъ Эрнестъ Биронъ, будущій грозный временщикъ другого царствованія, Лестокъ—опять тоже будущій временщикъ, Гагаринъ, Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинъ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, Левъ Измайловъ, посолъ въ Китаѣ, Семень Нарышкинъ, князь Одоевскій, князь Никита Трубецкой, Владиміръ Шереметевъ, князь Сергѣй Юсуповъ—вся эта знать въ десяткахъ и сотняхъ то просительныхъ, то поздравительныхъ, то ласкательныхъ и заискивающихъ писемъ спѣшила расточать свою любезность передъ блестящимъ свѣтиломъ двора, повергать къ его ногамъ и къ ногамъ его сестры Матрены Ивановны свои просьбы, жалобы, челобитья и т. д. и т. д.—все это патенты на историческое безсмертіе и все это теперь покоится въ архивахъ на полкахъ, ждетъ будущихъ историковъ.

Вся эта масса патентовъ на безсмертіе раскрылась тогда же, когда всемогущій братъ и сестра его были арестованы и бумаги ихъ разобраны были самимъ Петромъ въ тайной канцеляріи.

И братъ и сестра обвинены были въ крупномъ, поголовномъ взяточничествѣ. Было за ними и другое, тайное преступленіе, о которомъ исторія можетъ только догадываться, потому что Петръ своею рукою закрылъ это преступленіе отъ взоровъ исторіи...

Не касаясь дѣяній Виллима Монсъ, мы укажемъ только на нѣсколько случаевъ лихоимства Матрены Балкъ, что и послужило открытымъ предлогомъ для суда надъ нею.

Петръ Салтыковъ дарить ей возокъ, и вотъ Матрена Ивановна, зная, какъ силенъ братъ ея у императрицы, пишетъ ему: «Любезный братецъ! Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ ради-бога похлопотать объ его имѣніи: его туда не пускаютъ. Сдѣлай пожалуйста все, что только возможно, потому что старая императрица (царица Прасковья) хочетъ взять имѣніе себѣ, и Олсуфьевъ посылалъ уже туда сво-

ихъ приказчиковъ, чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова».

Князь Алексѣй Долгорукой даетъ ей тоже хорошую взятку—коляску да шестерку лошадей—и Матрена Ивановна снова пишетъ брату: «князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой меня просилъ, чтобъ я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ... Прошу, любезный братецъ, помоги ему: онъ совершенно на тебя полагается».

Другіе князья Долгорукіе, князь Федоръ, княгиня Анна, а также жена Василия Жукича Долгорукова, княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына—все это дарить Матрену съѣстными припасами, кофеемъ, опахалами, атласомъ китайскимъ, балберекомъ; даже царевны Прасковья Ивановна, Анна Ивановна и сама царица Прасковья дарятъ ей кто пятьдесятъ рублей, кто двѣсти червонныхъ.

Прослуживъ полтретья года (1717—1718) гофмейстериною при дворѣ Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, и попавъ потомъ ко двору Екатерины Алексѣевны, Матрена Балкъ жаловалась, что «одолжилась на этой службѣ многими долгами», и потому просила государыню пожаловать ей—въ уѣздѣ кексгольмскомъ «питерскій погостъ», да въ ковельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, да нѣскольکو деревень въ Украинѣ, оставшихся послѣ полковника Перекрестова.

Лѣтъ восемь продолжалось это темное царствованіе надъ русскою землею сестры и брата, которыхъ власть изъ честныхъ простыхъ нѣмцевъ низвела на такую степень гражданской демократизаціи, до которой трудно человѣку принизиться, не ослаби-

нужь окончательно отъ блеска опьяняющей и одурающей славы и власти.

А причина этому, главнымъ образомъ, была въ томъ, что великій Петръ сталъ сильно старѣть и хилѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало притупляться и его недреманное, зоркое око.

Только за два мѣсяца до смерти какая-то невидимая рука приподняла завѣсу съ заслѣпленныхъ глазъ царя: царь получилъ ясныя указанія на то, что Монсъ и его сестра Балъя обманываютъ его самымъ гнуснымъ образомъ, обманываютъ не только какъ царя, но и какъ супруга, нѣжно, до самой смерти любившаго своего послѣдняго «друга сердешнишкаго Катеринушку», которая замѣнила ему, насколько это было возможно, его первую любовь.

Царю кто-то подаль «сильненькое» письмо, а о чемъ или о комъ—то зналъ одинъ лишь царь да таинственный доносчикъ.

Это былъ страшный ударъ для государя: даже его желѣзную силу пошатнулъ этотъ ударъ.

Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1724 года послѣдовалъ арестъ Виллима Монса.

Узнавъ объ этомъ, Матрена Ивановна слегла въ постель: она поняла, что страшный топоръ занесенъ и надъ ея умной головой.

Рано утромъ, 13 числа, дѣйствительно явился и къ ней страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи. Генеральша должна была встать съ постели и слѣдовать за Ушаковымъ въ его домъ, оцѣпленный стражей.

Страшенъ былъ допросъ Виллима Монса: его допрашивалъ самъ царь, при одномъ видѣ котораго подсудимый упалъ въ обморокъ. Но Матрена Ивановна ничего пока этого не знала: она должна была сама давать показанія на вопросы, которые и ей задавалъ самъ государь. Въ чемъ состояли эти устные

вопросы и отвѣты—осталось никому неизвѣстнымъ кромѣ царя и самой допрашиваемой.

На бумагѣ же со словъ ея было записано слѣдующее:

— Брала я взятки съ служителей Грузинцовыхъ сто рублей.

— Купецкой человѣкъ Красносельцовъ далъ четыреста рублей.

— Купчина Юринской, бывший съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайской атласъ.

— Купецъ иноземецъ Мееръ триста червонныхъ.

— Капитанъ Альбрехтъ долгу своего на мнѣ уступилъ сто двадцать рублей.

— Сынъ игумены, князь Василій Ржевской, закладныя мои серьги во ста рубляхъ отдалъ безденежно.

— Посоль въ Китаѣ Левъ Измайловъ, по приѣздѣ, подарилъ три косяка камки да десять фунтовъ чаю.

— Петръ Салтыковъ—старый недорогой возокъ.

— Астраханской губернаторъ Волынской—полпуда кофею.

— Великій канцлеръ графъ Головкинъ—двадцать возовъ сѣна.

— Князь Юрій Гагаринъ—четыре серебряныхъ фляши.

— Князь Федоръ Долгоруковъ—полпуда кофею.

— Князь Алексѣй Долгоруковъ далъ старую коляску да шестерикъ не дорогихъ лошадей.

— Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ на именины подарилъ мнѣ маленькой перстень алмазной, а послѣ пятьдесятъ четвертей муки.

— Его высочество герцога голштинской—два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ, и ленту.

— Купчиха Любъ—парчу на кафтанъ, штофу шелкового на самаръ.

— Баронесса Строганова—балбереку тридцать аршинъ.

— Баронесса Шафирова, жена бывшего вице-канцлера—штофъ шелковой.

— Княгиня Червасская—атласъ китайской.

— Княгиня Долгорукова, жена посла Василя Лукича—опахало.

— Княгиня Анна Долгорукова—запасу разнаго.

— Княгиня Анна Ивановна Голицына—тоже.

— Княгиня Меншикова—на имянины ленту шитую золотомъ.

— Царевна Прасковья Ивановна — четыреста или пятьсотъ рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила; отъ нея-жъ кусоѣ полотна варандорфскаго и запасы съѣстные—запасы тѣ за то, чтобъ просила я у брата о домовомъ ея раздѣлѣ съ сестрами.

— Царевна Анна Ивановна, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

— Царица Прасковья Федоровна подарила двѣсти червонцевъ.

— Да нынѣ, въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домового, а сколько и когда—не помню.

Въ тотъ же день, 13 ноября, послѣ полудня, отрядъ солдатъ съ чиновникомъ и барабанщиками проходилъ по улицамъ и площадямъ Петербурга, и когда сбѣгался народъ на барабанный бой, ему объявляли, чтобъ каждый изъ нихъ, кто давалъ взятки камергеру Монсу и сестрѣ его генеральшѣ Балъ, или знаетъ что объ этомъ, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія начальства, подѣ страхомъ тяжкаго наказанія.

14 ноября—тотъ же барабанный бой по городу.

15 ноября состоялось постановленіе «вышняго суда»:—«учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь».

15 же ноября самъ государь на докладѣ дѣла написалъ:
«**Матрену Балкшу**—бить кнутомъ и сослать въ **Тобольскъ**».
Другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу подвергнуть инымъ соотвѣтственнымъ наказаніямъ, и въ томъ числѣ перваго пажы **Екатерины**, **Григорія Солового**—высѣчь батогами и написать въ солдаты.

15 же ноября на стѣнахъ домовъ въ **Петербургѣ** прибита была слѣдующая публикація:

1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго, объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на троицкой площади экзекуція бывшему камергеру **Виллиму Монсу**, да сестрѣ его **Балкшѣ**, подъячему **Егору Столѣтову**, камеръ-лакею **Ивану Балакиреву** (знаменитому шуту **Балакиреву**!)—за ихъ плутовство такое: что **Монсъ**, и сестра его, и **Егоръ Столѣтовъ**, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали винныхъ плутовъ отъ обличенія винъ ихъ, и брали за то великія взятки, и **Балакиревъ** въ томъ **Монсу** и прочимъ служилъ.

16 ноября **Монсу** отрублена была голова.

Тутъ же, у трупы брата, **Матренѣ Балкѣ** читано было:

«**Матрена Балкѣ**! понеже ты вступила въ дѣла, которыя дѣлала чрезъ брата своего **Виллима Монса** при дворѣ его императорскаго величества, непристойныя ему, и за то брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество—бить тебя кнутомъ и сослать въ **Тобольскъ** на вѣчное житье».

Экзекуція кончилась.

Тутъ же, на особыхъ столбахъ, прибиты были росписи взятокъ: имена тѣхъ, кто бралъ, и тѣхъ—кто давалъ.

Все это дѣло **Монса** и его сестры—странное и таинственное дѣло.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Россіи такъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ:

«Въ ноябрѣ 1724 года государь Петръ I испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, вдова генерала Б а л к ѣ. Монсъ приобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Е к а т е р и н ы, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ—заключаетъ этотъ историкъ—изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры: преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе»...

Другіе же, менѣе достовѣрные повѣствователи этого событія рассказываютъ дѣло съ подробностями, не совсѣмъ вѣроятными, хотя и построенными на исторической основѣ, на фактахъ, которыхъ отрицать нельзя.

Говорятъ, что Монса погубила собственная красота его и злоупотребленіе ею, а сестру его—неумѣстная услужливость.

Гельбигъ повѣствуетъ, что когда Монсъ заслужилъ особенное вниманіе Е к а т е р и н ы А л е к с ѣ в н ы и сталъ имъ охотно пользоваться, то «чтобъ удержать взаимную склонность въ границахъ приличія, необходимо было дать этому любимцу какое-нибудь мѣсто при дворѣ, и, такимъ образомъ, вести интригу, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія. Е к а т е р и н а повела дѣло искусно: Монсъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, а потомъ въ камергеры ея двора. Петръ ничего не подозрѣвалъ; разъ только

царевна Елизавета, тогда еще болтливый и рѣзвый ребенокъ, рассказала, что маменька очень смутилась, когда она приходомъ своимъ прервала бесѣду ея съ Монсомъ. Отецъ не обратилъ вниманія на дѣтскую болтовню, и дѣло на ту пору обошлось безъ послѣдствій. Нѣсколько времени спустя, Петръ получилъ доносъ болѣе опредѣленный; тогда онъ далъ генеральшѣ Балкъ щекотливое порученіе подсматривать за братомъ. 8 ноября 1724 года, государю вздумалось съѣздить въ Шлиссельбургъ. По доносу П. И. Ягужинскаго, ревнивый Петръ, нѣсколько часовъ спустя, вернулся въ городъ и никѣмъ не замѣченный пробрался во дворецъ (нынѣ екатерининскій институтъ), гдѣ и засталъ супругу, бесѣдующую съ Монсомъ: тутъ же была его сестра, Балкъ».

Послѣ ужасной сцены—по словамъ того же Гельбига—Петръ ужиналъ, по обыкновенію, во дворцѣ, а на другой день Монсъ былъ арестованъ; вслѣдъ за Монсомъ посадили въ крѣпость Матрену Балкъ, секретаря императрицы и одного камеръ-лакея. Петръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, самъ снималъ допросы съ виновнаго. Дѣятельнымъ пособникомъ при розыскѣ былъ Ушаковъ. Рассказываютъ, что при этомъ монархъ пришелъ однажды въ такой гнѣвъ, что хотѣлъ собственноручно покарать красавца-камергера, но Никита Ивановичъ Рѣпинъ, случившійся при этомъ, удержалъ разгнѣваннаго властелина. Слѣдствіе и судъ произведены были съ необыкновенною скоростью. 10-го ноября обвиненнаго привезли въ зимній дворецъ, гдѣ собрался верховный судъ. Рассказываютъ, что здѣсь несчастнаго схватилъ параличъ. 16-го ноября Монсъ былъ выведенъ изъ крѣпости, подъ прикрытіемъ большого конвоя.—Онъ простился съ дворовыми людьми своими, которые проливали слезы, обнимая въ послѣдній разъ своего господина. Близъ сената, на петербургской сторонѣ, на томъ са-

момъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибъ на висѣлицѣ князь Гагаринъ, прочитанъ былъ Монсу смертный приговоръ. Официальнымъ предлогомъ къ его осужденію было обвиненіе въ лихоимствѣ.—Камергеръ выслушалъ приговоръ съ необыкновенною твердостью; снялъ съ себя нагольный тулупъ, шейный платокъ, положилъ голову на плаху, подарилъ сопровождавшему его пастору золотые часы съ портретомъ государыни и просилъ у палача одной милости—отрубить голову скорѣе, съ одного удара. Голова была отдѣлена отъ туловища и взоткнута на шесть, а тѣло долго еще лежало на мѣстѣ казни. Въ тотъ же день, мимо рокового помоста проѣхалъ государь въ саняхъ съ своею супругою и указалъ трепещущей Екатерины на голову нѣкогда дорогаго ей камергера.

Не смѣя заступиться за него во время слѣдствія и суда, Екатерина, говорятъ, молила государя о пощадѣ Матрены Балъ, сестры несчастнаго Монса. Разгнѣванный Петръ ударомъ кулака разбилъ большое венеціанское зеркало. «Видишь—сказалъ онъ женѣ — одного удара достаточно было, чтобъ разбить эту драгоцѣнность: одного слова будетъ довольно, чтобъ обратить тебя въ прахъ, изъ котораго я тебя возвысилъ. Нѣжная супруга сія—повѣствуетъ Голиковъ — съ умиленнымъ прискорбіемъ взглянувъ на великаго монарха, отвѣчала: «вы разбили прекрасное украшеніе своего дворца—неужели вы думаете, что дворецъ станетъ отъ этого лучше?»

Говорятъ также, что отрубленную голову Монса государь приказалъ положить въ спиртъ и поставилъ сначала ее въ кабинетъ императрицы, а потомъ отдалъ на сохраненіе въ академическій музей вмѣстѣ съ хранившеюся уже тамъ другою прекрасною отрубленною головою дѣвицы Гамильтонъ, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Разсказываютъ при этомъ, что государь хотѣлъ наказать и Екатерину, но только Толстой и Остерманъ остановили разгнѣваннаго монарха: они представили ему, что если Екатерину постигнетъ безславная смерть, то безславіе это падетъ и на дочерей государя, ни въ чемъ неповинныхъ великихъ княженъ, и бѣдныя дѣвушки не найдутъ жениховъ. Прибавляютъ къ этому, что Петръ хотѣлъ будто бы лишить жизни и своихъ неповинныхъ дочерей, но ходившая за ними француженка-гувернантка спасла своихъ воспитанницъ, спрятавшись съ ними, въ моментъ гнѣва государя, подъ столъ.

Бъ числу бездоказательныхъ добавленій къ этимъ событіямъ принадлежитъ и то, будто бы Екатерина за смерть Монса заплатила Петру отравой, въ чемъ ей помогъ Меншиковъ. — Ясно, что это сказки, какъ результатъ тогдашнихъ догадокъ, перешептываній: — всякій не дознанный фактъ родитъ фабулу, мифъ, легенду.

Что касается лично до Матрены Балъ, то легенда приговорулетъ, что женщина эта молила царя о пощадѣ, напоминала ему о его первой, молодой любви къ покойной сестрѣ ея — и Петръ, будто бы, обнялъ ее, поцѣловалъ, но не простилъ: «прощеніе не въ моей власти», сказалъ монархъ; однако же смягчилъ жестокость публичной казни, повелѣвъ дать сестрѣ Анны Монсъ вмѣсто десяти ударовъ внутомъ—пять.

Въ основѣ и эти фабулы имѣютъ долю правды; но подробности—больше чѣмъ сомнительны.

Черезъ два мѣсяца послѣ этой катастрофы государь умираетъ: — болѣе чѣмъ вѣроятно, что глубокое огорченіе, причиненное ему Монсами, свело въ могилу этого великана русской земли раньше срока, положеннаго ему его желѣзною, незнавшею устали натурою.

На престолъ вступаетъ императрица Екатерина Первая.

Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только что возвѣщалось по улицамъ и площадямъ созданной имъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина—говорить новѣйшій изслѣдователь этой эпохи на основаніи архивныхъ документовъ—изрекла милостивое прощеніе бывшей своей довѣреннѣйшей подругѣ, Матренѣ Балкѣ, и всѣмъ пострадавшимъ по ея дѣлу.

Прощеніе изрекалось въ такой формѣ: «ради поминовенія блаженныхъ и вѣчно достойныхъ памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу не ссылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ вышняго суда, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ»..

Ее воротили съ дороги.

Москва, нѣмецкая слобода, мѣсто родины, мѣсто дѣтскихъ игръ съ покойною сестрою Анною, мѣсто перваго знакомства съ великимъ царемъ, тоже покойникомъ—вотъ что нашла Матрена Балкѣ вмѣсто далекаго и холоднаго Тобольска.

Но она была уже стара: не много лѣтъ оставалось ей прожить въ довольствѣ и счастіи, что едва ли совмѣстно съ жгучими воспоминаніями о пережитой жизни, о прекрасной головѣ брата, взоткнутой на шесть, о чахоточной сестрѣ, съѣденной этою самою жгучею жизнью.

Но у Матрены Балкѣ были дѣти. Ея красавицу дочь Наталью ожидала такая же страшная судьба, какъ страшно было все въ то удивительное время. —Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Фрейлина Гамильтонъ.

(Фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ).

Между историческими женскими личностями, которыя заслужили безсмертіе или славною дѣятельностію, вписавшею имена ихъ въ списокъ лучшихъ людей человѣчества, или непосредственнымъ отношеніемъ къ лицамъ и событіямъ, достойнымъ вѣчной исторической памяти, или же, наконецъ, превратностями своей судьбы,—къ сожалѣнію есть и такія, на долю которыхъ выпало безсмертіе иного рода, безсмертіе—какъ историческая кара за злыя дѣянія, за роковыя ошибки, за униженіе человѣческаго имени. Исторія не обходитъ ни Леонида, павшаго при Фермопилахъ для спасенія отечества, ни Герострата, безумно сжегшаго храмъ Діаны, это чудо свѣта; она даетъ безсмертіе матери Гракховъ; она же не можетъ отнять безсмертія и у матери Нерона. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что наше, русское, прошедшее даетъ намъ примѣровъ безсмертія перваго рода больше чѣмъ послѣдняго.

Бъ несчастнымъ личностямъ послѣдняго рода между историческими русскими женщинами слѣдуетъ отнести дѣвицу Га-

милътонъ, помѣщицу Дарью Салтыкову, извѣстную болѣе подъ именемъ Салтычихи, и нѣкоторыхъ другихъ.

Дѣвица Гамильтонъ принадлежала къ одной отрасли древнѣйшихъ и именитѣйшихъ родовъ шотландскихъ и датскихъ, переселившейся въ Россію въ царствованіе Грознаго и породнившейся потомъ съ знаменитою фамиліею боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, которому Марія Гамильтонъ приходится внучкой.

Около 1713 года дѣвица Гамильтонъ является фрейлиною супруги Петра I, императрицы Екатерины Алексѣевны.

О дѣтствѣ Маріи Гамильтонъ ничего не извѣстно: кто была ея мать; руководила ли дѣтскимъ развитіемъ дѣвочки нѣжная заботливость матери, или дѣвочка лишена была этого руководства и несчастный ребенокъ брошенъ былъ на произволъ слѣпого случая—объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Исторія застаётъ эту знатную дѣвушку уже при дворѣ, фрейлиной. Дѣвушка пользуется расположеніемъ и царя и его супруги до самаго года своей роковой кончины, послѣдовавшей въ 1719 году. Есть гадательныя свидѣтельства о томъ, что дѣвица Гамильтонъ была, будто бы, очень близка къ великому преобразователю Россіи; и какъ фрейлина, отличенная особымъ вниманіемъ государя, пользовалась не малымъ значеніемъ при дворѣ, жила въ роскоши, имѣла нѣчто вродѣ своего штата изъ дѣвушекъ, изъ камеръ-фрау, ей прислуживавшихъ, и вообще окружена была почетомъ и всеобщимъ вниманіемъ.

Есть извѣстія, что Гамильтонъ отличалась замѣчательной красотой: когда, въ послѣдствіи, голова Гамильтонъ была отрублена на плахѣ, то эту прекрасную голову, уже мертвую, великій царь цѣловалъ передъ всѣмъ народомъ. — Но объ этомъ послѣ.

Какъ первая при дворѣ красавица, соперницами которой могли быть развѣ только княгини Марья Юрьевна Черкасская, двѣ Головкины, Измайлова и генеральша Чернышова, которую Петръ называлъ «Авдотья бой-баба»,—фрейлина Гамильтонъ блистала на придворныхъ ассамблеяхъ, привлекала толпы поклонниковъ, въ числѣ которыхъ, послѣ самаго царя, сердце ея отмѣтило одного счастливца:—съ нимъ она не разлучалась до своей страшной смерти. Это былъ одинъ изъ царскихъ любимцевъ, «деньщикъ» государя Иванъ Михайловичъ Орловъ. Царскіе деньщики въ то время были тоже, что въ нынѣшнее время флигель-адъютанты.

Гамильтонъ тѣмъ болѣе привязывалась къ своему любимцу, чѣмъ болѣе замѣчала охлажденіе къ себѣ императора, который, будто бы, при своей до крайности подвижной натурѣ, легко мѣнялъ свои временныя привязанности, хотя такой взглядъ на Петра, по нашему мнѣнію, крайне ошибоченъ: болѣе чѣмъ кто-либо Петръ былъ постояненъ въ своихъ привязанностяхъ.

Обстоятельства способствовали роковому сближенію Гамильтонъ съ Орловымъ. Когда въ началѣ 1716 года, государь и государыня отправились за границу, Гамильтонъ сопровождала ихъ въ качествѣ фрейлины двора императрицы, а Орловъ не разставаясь съ государемъ какъ одинъ изъ расторопныхъ молодыхъ деньщиковъ его.

Несчастная связь ихъ скоро, однако, кончилась самой страшной развязкой для дѣвушки.

Года черезъ два, въ Петербургѣ обнаружилось, что послѣдствіемъ близкихъ отношеній дѣвицы Гамильтонъ съ Орловымъ была неоднократная беременность дѣвушки. Обнаружилось также, что Гамильтонъ, желая скрыть свое несчастное положеніе отъ постороннихъ, а равно отъ царя и его и свое-

го любимца, прибѣгала къ преступнымъ мѣрамъ — къ дѣтскому убійству.

Преступленія ея были обнаружены царемъ совершенно случайно и притомъ такъ, что невольною причиною гибели своей и царской любимицы былъ тотъ, кого дѣвушка любила — самъ Орловъ. Однажды онъ, узнавъ о какомъ-то тайномъ сходбищѣ и развѣдавъ о людяхъ, составлявшихъ это общество, подалъ царю обстоятельный доносъ на заговорщиковъ. Это было вечеромъ. Государь, прочитавъ доносъ своего деньщика, положилъ его въ карманъ и занялся другими дѣлами. Ложась спать, онъ обыкновенно приказывалъ деньщикамъ класть свой сюртукъ или къ себѣ подъ подушку или на стулъ у кровати. Такъ дѣлалъ и Орловъ, раздѣвавшій въ этотъ вечеръ государя. Когда Петръ заснулъ и дежурство Орлова кончилось, онъ отправился куда-то къ своимъ пріятелямъ и прогулялъ съ ними всю ночь.

Государь, по обыкновенію просыпавшійся очень рано, сталъ искать въ карманѣ доносъ Орлова, чтобъ вновь прочитать, и не нашелъ его тамъ. Бумага пропала. Полагая, что доносъ украденъ, государь закипѣлъ гнѣвомъ и приказалъ позвать Орлова, который одинъ долженъ былъ знать, что случилось съ доносомъ, потому что на ночь раздѣвалъ царя. Орлова не нашли. Гнѣвъ Петра дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда, наконецъ, гонцы отыскиали загулявшаго деньщика и привели къ государю. Не зная истинной причины царскаго гнѣва и полагая, что Петръ узналъ о его дружеской связи съ камеръ-фрейлиною ея величества, «дѣвкою» Марьею Гаментовою, какъ тогда называли фрейлинъ («дѣвки»), Орловъ, при видѣ гнѣвнаго царя, упалъ на колѣни.

— Виновать, государь! — взмолился Орловъ: — люблю Марьюшку! (такъ звали при дворѣ эту красавицу фрейлину

и такъ называлъ ее самъ царь: «дѣвка М а р ь ю ш к а», «дѣвка Авдотья бой-баба» и другія фрейлины).

Петръ сразу понялъ, что бумагу не Орловъ взялъ, и сталъ уже спрашивать его какъ виновнаго въ близкихъ отношеніяхъ къ его бывшей фавориткѣ.

— Давно ль ты ее любишь? спросилъ царь.

— Третій годъ.

— Бывала ли она беременна?

— Бывала.

— Значить, и рожала?

— Рожала, да мертвыхъ.

Петръ, какъ хорошій слѣдователь, не остановился на этомъ. Онъ нападалъ на слѣдъ преступленія.

— Видалъ ты ихъ мертвыхъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нея сіе зналъ, отвѣчалъ трепетавшій деньщикъ.

Петръ вспомнилъ, что, не задолго передъ этимъ, у дворцоваго фонтана, въ лѣтнемъ саду, найденъ былъ мертвый ребенокъ, завернутый въ придворную салфетку, и матери ребенка не могли отыскать.

Царь тотчасъ же приказалъ привести къ себѣ подозрѣваемую фрейлину. Г а м и л ь т о н ѣ сначала клялась, что она невинна, но скоро потомъ уличена была свидѣтелями и разными другими обстоятельствами.

— Зналъ ли объ этихъ убійствахъ Орловъ? спрашиваетъ снова царь.

— Нѣтъ, Орловъ не зналъ, отвѣчаетъ несчастная преступница.

Орловъ былъ посаженъ въ крѣпость, «а надъ фрейлиною— говорить современникъ—убійцею нераскаянною государь повелѣлъ нарядить уголовный судъ».

Злополучная бумага, бывшая причиною раскрытія преступлений, найдена была въ курткѣ государя: карманъ въ немъ поролся, и доносъ попалъ между сукномъ куртка и подкладкой.

Судъ по этому дѣлу былъ неумолимъ. Рассказываютъ, что гнѣвъ Петра еще болѣе старался увеличивать всесильный уже въ то время князь Меншиковъ, который былъ самъ равнодушенъ къ Гамильтонъ и, кромѣ того, боялся, что красавица эта могла вытѣснить изъ сердца государя привязанность его къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, пользовавшейся покровительствомъ Меншикова еще до того времени, когда царь обратилъ на нее вниманіе и приблизилъ къ себѣ. Но и безъ этого государь находился въ ту пору въ страшномъ нравственномъ возбужденіи: это были тѣ самые дни, когда шелъ судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, кончившійся смертію царевича и страшными казнями его соучастниковъ.

21 іюня 1718 года Гамильтонъ была допрашивана въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и повинилась во всемъ. Но слѣдователи на этомъ не остановились: она была пытана въ «застѣнкѣ», и «съ виски» (одинъ родъ пытки) подтвердила свое признаніе. Въ присутствіи государя, лично прибывшаго въ застѣпокъ, несчастную дѣвушку вновь пытали—дали пять ударовъ кнутомъ: она ничего новаго не сказала.

Похоронивъ царевича Алексѣя Петровича, царь отправляется на море и приказываетъ продолжать розыскъ по дѣлу Гамильтонъ. Ее пытаются «вдругорядъ», и узнаютъ тоже, что знали и прежде—ничего новаго.

Замѣчательно, что во время всѣхъ этихъ страшныхъ пыточныхъ мукъ, дѣвушка ни однимъ словомъ не промолвилась, даже подъ невыносимыми пытками, о виновности того, кого она любила, тогда какъ Орловъ малодушно, боясь пытокъ, лгалъ на

нее, присылая изъ крѣпости, гдѣ онъ сидѣлъ, собственноручныя письма и извѣты въ розыскную канцелярію, а потомъ каялся, что писалъ ложь, будто бы въ безпамятствѣ: «и притомъ—пишетъ онъ въ послѣднемъ письмѣ—прошу себѣ милостиваго помилованія, что я въ первомъ письмѣ написалъ лишнее: когда мнѣ приказали написать, и я со страху и въ безпамятствѣ своемъ написалъ все лишнее... Клянусь живымъ Богомъ, что всего въ письмѣ не упомяну, и ежели мнѣ въ этомъ не повѣрять, чтобы у иныхъ спросить—того не было».

27 ноября 1718 года надъ виновною фрейлиною состоялся смертный приговоръ:

«Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, слушавъ вышеписаннаго дѣла и выписки, указалъ—по имянному своему великаго государя указу—дѣвку Марью Гаментову, что она съ Иваномъ Орловымъ жила блудно и была оттого беременна трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила, за такое ея душегубство... казнить смертию».

Съ подписаніемъ приговора фрейлину заковали въ желѣзо.

Государь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ отправился къ олонечнымъ марціальнымъ водамъ, а осужденная фрейлина томила въ заключеніи до возвращенія царя.

Такъ прошло четыре мѣсяца. Долгое заточеніе фрейлины — говоритъ современный намъ составитель обстоятельнаго изслѣдованія объ этой несчастной жертвѣ распущенности нравовъ прошлаго вѣка—и тяжкія ея страданія возбудили наконецъ жалость у государыни, и она, умоляемая свойственниками и родными несчастной фрейлины, рѣшилась ходатайствовать о ея прощеніи. Она тѣмъ болѣе надѣлась на успѣхъ, что видѣла родъ нерѣшитель-

ности со стороны царя казнить бывшую ея фрейлину, такъ какъ со времени подписанія смертнаго приговора прошло четыре мѣсяца. Много и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ присоединились къ просьбѣ императрицы: она убѣдила заступиться за нее любимую невѣстку Петра — царицу Прасковью Федоровну, пользовавшуюся большимъ уваженіемъ государя. — Царица не отказалась отъ попытки умиловить Петра, и съ этою цѣлью, наканунѣ казни, пригласила къ себѣ государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого, подписавшаго смертный приговоръ злополучной фрейлины. Трое названныхъ вельможъ уже приготовлены были къ просьбѣ, и съ своей стороны общали ее поддержать. Въ общемъ разговорѣ, царица Прасковья искусно свела рѣчь на Гамильтонъ, извиняла ея преступленія человѣческою слабостью, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ государѣ, сравнивала земного владыку съ царемъ небеснымъ, который долготерпѣливъ и многомилостивъ. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой, вслѣдъ за царицей, стали тоже просить за фрейлину, говоря въ смыслѣ словъ священнаго писанія о помилованіи. Царь былъ въ духѣ. Выслушавъ челобитье, онъ спросилъ невѣстку:

— Чей законъ есть на таковыя злодѣянія?

— Вначалѣ божескій, а потомъ государевъ, отвѣчала царица.

— Что жъ именно законы сіи повелѣваютъ? не то ли, что «проливая кровь человѣческую, да проліется и его?».

Царица должна была согласиться, что за смерть — смерть.

— А когда такъ — сказалъ Петръ — поразсудя, невѣстухка: ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тягчае законъ божій уничтожить? Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, которые, неразсудною милостію законъ божій преступя, погибли тѣломъ и душою... И если вы (онъ обратился

къ вельможамъ) имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите какъ хотите—я спорить не буду.

Всѣ умоляли. Никто не рѣшался ни брать на себя отвѣта, ни дѣлать то, на что не было охоты у повелителя.

На слѣдующее утро послѣ этого, 14 марта 1719 года, лишь только стало разсвѣтать, на троицкой площади, близъ петропавловской крѣпости, собралась толпа народа, давно привыкшаго къ казнямъ. Солдаты цѣпью окружали эшафотъ. Тамъ же, на позорномъ столбѣ и на колесахъ торчали головы, все еще не похороненныя: это были головы тѣхъ, которые были казнены 8 декабря предшествовавшаго года, какъ соучастники по дѣлу несчастнаго царевича Алексѣя Петровича.

Явился и государь на мѣсто казни. Изъ крѣпости вывели осужденную фрейлину вмѣстѣ съ ея горничною, знавшею о преступленіи госпожи. Осужденная до послѣдняго мгновенья ждала помилованія. Догадываясь, что самъ государь будетъ при казни, она одѣлась въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами, въ надеждѣ, что красота ея, хотя уже поблекшая отъ пытокъ и заточенія, произведетъ впечатлѣніе на монарха, напомнить ему тѣ часы, когда и онъ ее любилъ и ласкалъ (если только это было)... Но несчастная ошиблась. Правда, государь былъ ласковъ, простился съ нею, поцѣловалъ ее, и даже, говорятъ, далъ ей слово, что къ ней не прикоснется нечистая рука палача. Однако прибавилъ въ заключеніе:

— Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти... И такъ прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только ему съ раскаяніемъ и вѣрою.

Она упала на колѣни и молилась. Государь что-то шепнулъ на ухо палачу. Присутствовавшіе думали, что онъ изрекъ все-

милостивѣйшее прощеніе — но ошиблись: царь отвернулся... Сверкнулъ топоръ—и голова скатилась на помость. Царь исполнилъ обѣщаніе: тѣло красавицы не было осквернено прикосновеніемъ рукъ палача.

Великій Петръ поднялъ мертвую голову и почтилъ ее поцѣлуемъ.

Такъ какъ онъ считалъ себя свѣдущимъ въ анатоміи, то при этомъ случаѣ долгомъ почелъ показать и объяснить присутствующимъ различныя жилы на головѣ. Поцѣловавъ ее въ другой разъ, бросилъ на землю, перекрестился и уѣхалъ съ мѣста казни.

Конфисковавъ въ казну нѣкоторыя оставшіяся послѣ казненной драгоценныя вещи, великій Петръ приказалъ конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имѣла несчастная фрейлина—ее красивую голову.

Голова Гамильтонъ была положена въ спиртъ и отдана въ академію наукъ, гдѣ ее хранили въ особой комнатѣ, съ 1724 года, вмѣстѣ съ такою же красивою головою камергера Монса, брата знаменитой и самой первой любимицы Петра, Анны Монсъ, перваго красавца всего тогдашняго Петербурга, любимца императрицы Екатерины I, казненнаго, какъ говорилось выше, по повелѣнію царя, который подозрѣвалъ, что Екатерина и Монсъ любили другъ друга. Голова Монса, по приказанію царя, долго стояла въ кабинетѣ царицы для ея назиданія, а потомъ сдана въ академію, гдѣ была уже въ спирту и голова Гамильтонъ. Воля монарха исполнялась съ величайшею точностью. За головами былъ большой уходъ до смерти Петра и до восшествія на престолъ Екатерины I. Когда же увидѣли, что императрица забыла о бывшемъ любимцѣ своемъ, отрубленную голову котораго, послѣ казни въ теченіе нѣсколькихъ дней, ви-

дѣла передъ собой въ кабинетѣ, то и смотрителя академіи забыли объ этихъ годахъ.

Спустя шестьдесятъ лѣтъ объ нихъ вспомнили....

Это было въ 1780 годахъ. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, въ качествѣ президента академіи, пересматривала счета этого заведенія и нашла, что чрезвычайно много выходитъ спирту. Между прочимъ, она замѣтила, что спиртъ отпускается на двѣ головы, хранимыя въ подвалѣ, въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго ввѣренъ особому сторожу; но онъ самъ не зналъ, чьи головы находятся подъ его охраной.

Долго рылись въ архивѣ. Наконецъ, нашли владѣльцевъ головъ: это были—двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ и камергеръ Виллимъ Ивановичъ Монсъ. Княгиня Дашкова донесла о находкѣ императрицѣ Екатерины II. Головы принесли во дворецъ, разсматривали, и всѣ удивлялись сохранившимся слѣдамъ ихъ прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали въ погребу.

Достойно вниманія, что злополучная фрейлина Гамильтонъ почти до нашего времени жила въ преданіяхъ академическаго музея («кунсткамеры»).

Какъ о всѣхъ почти историческихъ герояхъ о Гамильтонъ составила народная легенда.

«Лѣтомъ 1830 года я былъ въ кунсткамерѣ (писалъ, въ 1860 году, въ одну изъ русскихъ газетъ, г. Эндогуровъ). Нѣсколько посѣтителей, должно быть, изъ купцовъ, осматривали монстровъ, въ сопровожденіи чичероне-сторожа, который объяснялъ имъ все, по своему уразумѣнію. Услышавъ ѡханье и бханье купцовъ, я подошелъ къ нимъ и со мною вмѣстѣ очень

почтенный человекъ съ орденомъ на шеѣ. Сторожъ, указывая на банку съ головой, объяснилъ: «при государѣ Петрѣ I была необыкновенная красавица, которую какъ увидѣлъ государь, такъ и приказалъ отрубить ей голову и поставить въ спиртъ въ кунсткамерѣ, на вѣчныя времена, чтобъ всѣ и во всѣ времена могли видѣть, какія красавицы рождаются на Руси». Почтенный человекъ, съ орденомъ на шеѣ, выслушавъ рассказъ, возвысилъ голосъ и сталъ выговаривать сторожу, что онъ рассказываетъ нелѣпости, и, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ его, сказалъ: «какъ можно, чтобъ такой великій и правосудный государь, какъ былъ Петръ I, поступилъ такъ съ невинною красавицею! Напротивъ, это голова придворной особы, которая дѣвицею разрѣшилась отъ бремени, и, изъ желанія скрыть свой стыдъ, убила ребенка, что и было открыто; судъ же приговорилъ ее къ смертной казни. А такъ какъ она была красавица, то государь повелѣлъ голову ея хранить въ спирту вмѣстѣ съ прочими монстрами».... «Не помню (продолжаетъ далѣе г. Эндогуровъ), про кого изъ преемниковъ Петра I онъ говорилъ, что, увидѣвъ голову красавицы, онъ приказалъ выставить ее въ кунсткамерѣ на видное мѣсто, чтобъ простой народъ, имѣвшій доступъ въ музей во время святой недѣли, могъ видѣть голову женщины, рѣшившейся на такое злодѣяніе, рассказывать исторію ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что будто бы участь этой красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный домъ и пріемъ въ оный, секретно, незаконнорожденныхъ дѣтей».

«Въ 1833 году я опять былъ въ кунсткамерѣ (продолжаетъ г. Эндогуровъ), и тотъ же сторожъ успѣшилъ рассказать намъ свою прежнюю исторію. Я напомнилъ ему о томъ господинѣ, который остановилъ его въ 1830 году, но ветеранъ, махнувъ ру-

кою, сказалъ: «гдѣ имъ знать? мы не мало лѣтъ живемъ здѣсь, такъ ужъ лучше знаемъ».

Оказалось, что это была голова не фрейлины Гамильтонъ, а какого-то мальчика, какъ рѣдкій экземпляръ великолѣпно сохранившейся въ спирту человѣческой головы.

Голова же несчастной Гамильтонъ, какъ мы видѣли выше, зарыта въ подвалѣ около ста лѣтъ тому назадъ.

Кронъ-принцесса Шарлотта.

(Супруга царевича Алексѣя Петровича).

Двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича. Мало того, роковымъ отношеніямъ этихъ женщинъ къ царевичу Россія обязана тѣми долгими муками, которыя привелось переживать ей въ теченіе всего восемнадцатаго столѣтія именно потому, что Алексѣй въ жизни своей столкнулся съ этими двумя женщинами и что наиболѣе изъ нихъ любимая имъ невольнo свела царевича въ могилу, когда, быть можетъ, ему оставалось еще жить очень долго.

Женщины эти были—кронъ-принцесса Шарлотта, которую царевичъ не любилъ, и Афросинья Федорова, крѣпостная дѣвка Вяземскаго, которую несчастный царевичъ любилъ повидимому первою и послѣднею любовью и для которой отказывался отъ отца, отъ короны и скипетра, отъ обладанія всею русскою землею.

Въ годъ полтавской побѣды, въ маѣ 1709 года, Петръ отправилъ царевича за границу учиться. Пребываніе Алексѣя Петровича за границею должно было имѣть и другую цѣль: отецъ задумалъ его женить на какой-нибудь иноземной принцессѣ.

«Зоонъ!—писалъ царь къ сыну, называя его «зоономъ», т. е. «сыномъ», поѣмцами или поголландски—Sohn.—«Зоонъ! объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправить, и, кому съ вами ѣхать, прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, такъ геометрію и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію скончаешь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ».

«Отпиши»—это, значить, конецъ ученью и начало женитьбы.

Черезъ полтора года приставленные къ царевичу дядьки—князь Трубецкой и графъ Головкинъ, уже пишутъ царю: «Государь царевичъ обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей, о которыхъ 7 сего декабря мы доносили, выучилъ еще профондиметрію и стереометрію, и такъ съ божіею помощію геометрію всю окончилъ».

Пора и женить; но женить на иноземкѣ, чтобъ съ молодою женою сына царя-преобразователя пересадить на русскую почву новую женщину взамѣнъ тѣхъ, которыя тихонько носятъ тѣлогрѣи и «дьявольскія кики» и которыя сердцемъ и умомъ живутъ въ старинѣ.

Сватанье дѣйствительно началось, хотя царевичъ всѣми силами старался оттянуть это роковое для него дѣло, и, если можно, воротиться въ Россію неженатымъ. Есть основанія предполагать, что въ это время онъ уже любилъ ту другую женщину, которая и ускорила его конецъ, хотя этого и не могла желать.

Изъ заграничныхъ невѣсть выборъ совѣтниковъ Петра и приставниковъ царевича остановился на Софіи-Шарлоттѣ, прин-

цессъ бланкенбургской, сестра которой Елизавета была замужем за австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ, впоследствии императоромъ Карломъ VI—родня, слѣдовательно, приличная, уважаемая въ Европѣ.

«Домъ нашихъ сватовъ — изрядной», писалъ Петръ своему сенату.

Но были и другіе царственные дома, которые желали бы войти въ родство съ могущественнымъ сѣвернымъ царемъ: австрійскій дворъ хотѣлъ женить царевича на своей эрцгерцогинѣ, и вдовствующая императрица сердилась, что царскіе сваты больше клонили на сторону Шарлотты бланкенбургской.

Главнымъ сватомъ былъ посланникъ Урбихъ. На него-то и сердилась вдовствующая императрица австрійская: «и мнѣ отъ ея придворныхъ дамъ выговаривано—писалъ Урбихъ Головкину—потому что онѣ въ то же время очень надѣялись ввести въ Россію отправленіе католической вѣры».

Царевичъ былъ на-сторожѣ. До него не могли не доходить и эти слухи, о томъ, что съ помощью его женитьбы русскій народъ стануť нудить въ католичество.

Это понимали и заграницей, и вотъ почему дѣдъ принцессы Шарлотты, старый герцогъ Антонъ-Ульрихъ, писалъ Урбиху уже въ августѣ 1710 года:

«Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ, думая, что вы конечно опредѣлили условія супружества, по указу царскаго величества. Причина тревоги та, что народъ русскій никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, про-

тягивая время. Они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ, и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельдъ, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя отца своего и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ. Онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву и тогда онъ уговоритъ царя, чтобы позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ. Думаютъ, что выборъ московской государыни дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу... Госпожа Матвѣева, въ проѣздъ свой черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣевъ удовольствованъ былъ дворомъ вольфенбительскимъ».

И между тѣмъ, понимая все это, сваты настаивали на своемъ, не заботясь о томъ, что дѣвушка, на которой принудятъ царевича жениться, будетъ непременно жертвою.

Впрочемъ, раздумье это брало стараго дѣдушку принцессы Шарлотты.

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ Урбиху: «О намѣреніи царскомъ не сомнѣваюсь. Но можетъ ли онъ принудить принца къ такому супружеству, и что будетъ съ принцессою, если принцъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь?»

Но упрямый царь никого и ничего не слушалъ: онъ видѣлъ впереди одну цѣль—новую Россію и сближеніе ея съ Европою. Онъ даже забылъ горькій опытъ своей молодой жизни, когда его

неволею или только не по любви женили на царицѣ Евдокіи Лопухиной.

Мать Шарлотты, какъ и всѣ остальные, была ослѣплена своими честолюбивыми мечтами и блескомъ имени русской царицы, которою будетъ ея дочь.

Вотъ съ какимъ торжествомъ пишетъ эта мать Урбиху о томъ, что царевичъ ласково взглянулъ на ея дочь:

«Страхи, которыми мы предавались, и быть можетъ не безъ основанія, вдругъ разсѣялись въ такое время, когда всего меньше можно было этого ожидать, разсѣялись какъ туча, скрывающая солнечные лучи, и наступаетъ хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ польскою королевою и потому съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. Моя дочь Шарлотта увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ честенъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честію, какую принцъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Миѣ не остается желать ничего болѣе, какъ заключенія такого хорошаго начала, и чтобъ дѣло не затнулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супругъ мой—мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести».

Искренно ли говорила дѣвушка то, что передавала ея мать, и говорила ли даже—трудно рѣшить.

Но царевичъ дѣйствительно рѣшился: онъ видѣлъ, что судьбы своей ему не избѣжать, какъ не убѣжать отъ огня. Отцу-то онъ и объявилъ, что исполняетъ его наказъ — готовъ жениться на иноземкѣ.

Въ это время онъ былъ еще въ Саксоніи, гдѣ, при дворѣ польско-саксонскомъ короля Августа, и находилась его невѣста, какъ родственница короля.

Но царевичъ больше вѣрилъ своему духовнику, чѣмъ отцу, и вотъ что онъ писалъ тайно отъ отца своей «святинѣ», своему отцу духовному Якову Игнатьеву:

«Извѣствую вашей святини, помянутый курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь вольфенбительской, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ польскому королю, который и Саксоніею владѣетъ, Августъ, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожь мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ она мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ супружество. А я уже извѣстенъ, что онъ не хочетъ меня женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человекъ добръ, и лучше ея мнѣ здѣсь не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля божія, чтобъ сіе совершилъ, а буде нѣтъ — чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ немъ, все какъ онъ хочетъ, такъ и творить, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ».

Это было начало 1711 года. Все больше и больше старая Русь чуяла, что не воскреснуть ей въ прежнихъ формахъ. А тутъ и царевичъ—единственная надежда старой Руси—женится на иноземкѣ, на иновѣркѣ.

Духовникъ пишетъ къ царевичу, что невѣсту его слѣдуетъ обратить въ православіе. Духовникъ правъ—и царевичъ хорошо

понимаетъ это. Но какъ принудить дѣвушку къ перемѣнѣ вѣры, когда, можетъ быть, и отецъ не позволитъ этого?

«Противъ писанія твоего о моемъ собственномъ дѣлѣ—отвѣчаетъ царевичъ духовнику—понудить ту особу къ воспріятію нашей вѣры весьма невозможно, но развѣ послѣ, когда она въ наши края пріѣдетъ, и сама разсмотреть, можетъ то и сочинити, а прѣжъ того весьма сему состоится невозможно».

Нельзя не видѣть, что Петръ сильно торопиль свадьбой сына.

Не смотря на то, что весной этого года ему приходилось уже, отъ стычекъ съ шведами на сѣверѣ, скакать на югъ для войны съ турками, онъ и въ дорогѣ занимается свадьбой сына.

Въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Яворовѣ, Петръ подписываетъ брачный контрактъ сына: кронъ-принцесса остается при своемъ евангелическо-лютеранскомъ исповѣданіи; дѣти ея принимаютъ греческій законъ; кронъ-принцесса получаетъ пятьдесятъ тысячъ рублей ежегоднаго содержанія изъ царской казны и, кромѣ того, половину этой суммы при совершеніи брака.

Контрактъ переданъ царевичу, и онъ долженъ самъ отправляться съ нимъ къ родителямъ невѣсты. Но бережливый Петръ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ и нерѣдко отказывавшій себѣ въ необходимомъ, поручилъ сыну что-либо выторговать изъ условной суммы.

Но расчетливыхъ нѣмцевъ не легко было побѣдить на этомъ пунктѣ, и царевичъ призналъ себя побѣжденнымъ—не выторговалъ ни одного рубля.

«По указу, государь, твоему—пишетъ онъ отцу—о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили, и просили больше; только я какъ могъ старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше пятидесяти тысячъ, и я, по указу твоему, въ томъ

же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли пятьдесятъ тысячъ, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачю, на сіе они весьма не похотѣли, и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакомъ не могъ сдѣлать, и по указу твоему—будетъ они за сіе заупрямятся, написать ровную дачю—и въ трактатѣ написалъ ровную дачю, и сіе учиня, подписалъ я, тожде и они своими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать, и для того послалъ въ Дрезденъ и въ инныя мѣста».

Контрактъ подписанъ—отступленіе для царевича невозможно. Волей-неволей онъ становится уже оглашеннымъ женихомъ кронъ-принцессы.

Все лѣто онъ живетъ у родныхъ невѣсты. Тяжелое это было лѣто и для Петра и для его сына: Петръ пережилъ «прутскій походъ», царевичъ—послѣдніе дни своей нравственной независимости.

Едва Петръ воротился изъ прутскаго похода, какъ послѣдовало и совершеніе брака.

«Господа сенатъ!—писалъ царь въ Петербургъ:—объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы польской, на которомъ бракъ довольно было знатныхъ персонъ. Домъ князей вольфенбительскихъ, нашихъ сватовъ, изрядной».

Но неутомонный царь не знаетъ устали. Не хочетъ онъ, чтобъ съ нею былъ знакомъ и его сынъ. Хочетъ онъ къ тому же при-

учить и его молоденькую жену, какъ приучилъ «сердешинькаго друга своего Катеринушку».

Черезъ три дня послѣ свадьбы мужъ кронъ-принцессы уже получаетъ приказъ отъ отца—немедленно ѣхать въ Торнъ и тамъ завѣдывать продовольствіемъ русскихъ войскъ.

Станнымъ и горькимъ должно было показаться новобрачной кронъ-принцессѣ такое неожиданное распоряженіе ея новаго отца:—прямо изъ-подъ вѣнца да на фуражировку.

Но надо было покоряться свѣтилу, спутникомъ котораго она сдѣлалась именно вслѣдствіе силы тяготѣнія къ этому большому свѣтилу.

Какъ ни было горько и обидно молодой женщинѣ, но она должна была вынести первую разлуку, о которой уже распускались неблагоприятные толки, дошедшіе и до Вѣны.

«Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано—извѣщалъ Урбіхъ Головкина—чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ—что бракъ хотя и совершенъ, однако къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронъ-принцъ кронъ-принцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку чтобъ дорожную постель взять, кронъ-принцъ ей жестоко отвѣчалъ и ухалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбителѣ и Дрезденѣ навѣдался, то мнѣ отписали совершенно противное, именно—что обѣ стороны довольны».

За продовольствіемъ арміи царевичу некогда было думать о молодой женѣ. Изъ Торна онъ пишетъ отцу только о дѣлѣ, и если однажды и упоминаетъ о женѣ, то опять-таки съ провіантской точки зрѣнія.

«Жена моя еще сюда не бывала. Ожидаю вскорѣ. И какъ она будетъ, за людьми ея смотрѣть буду, чтобъ они жили смирно и никакой обиды здѣшнимъ людямъ не чинили».

Накопецъ, къ концу года пріѣхала къ нему и молодая жена. Но на первыхъ же порахъ жизнь ея въ новой обстановкѣ не могла показаться ей привлекательною: жена наследника русскаго престола, не испытывавшая до того времени подъ крыломъ матери нужды въ деньгахъ, тотчасъ же испытала ее, какъ только вступила въ невѣдомый для нея міръ.

Черезъ три-четыре мѣсяца послѣ свиданія кронъ-принцессы съ мужемъ—новый указъ отъ неугомоннаго свекра и новая разлука съ мужемъ: отецъ назначаетъ царевичу походъ въ Померанію.

Съ царскимъ указомъ пріѣхалъ Меншиковъ, и онъ-то напелъ кронъ-принцессу и ея мужа въ нуждѣ. Молодая женщина плачетъ—ей приходится просить о деньгахъ; нѣтъ у нея ни лошадей, ни экипажа.

«Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ — писалъ по этому случаю Меншиковъ царю:—что какъ онъ, такъ и кронъ-принцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду, понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено (у Петра все посолдатски!); а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронъ-принцессы къ походу ни лошадей, и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло просить: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронъ-принцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться-бъ ей нечѣмъ».

Мужъ уѣзжаетъ въ Померанію, а кронъ-принцесса въ Эльбингъ.

Скучно молодой женщинѣ и безъ мужа и безъ родныхъ: она

дѣйствительно стала для всѣхъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Трудно поэтому и винить ее за то, что будто бы она не сошлась съ мужемъ:—некогда еще имъ было свыкнуться и полюбить другъ друга.

Но въ Россіи ждали молодую супругу царскаго наслѣдника. Ожиданія были и другого рода, и объ этихъ-то ожиданіяхъ извѣщалъ царевича московскій духовникъ его: духовникъ спрашивалъ «о зачатіи во чревѣ».

«О зачатіи во чревѣ сопряженные мнѣ хочещи вѣдати, радѣтель—отвѣчалъ ему царевичъ:—и возвѣщаю, что весьма до отъѣзду моего подлинно познати было не можно еще, и повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ писаніемъ не умедля вашей святости возвѣщу».

Не даромъ Москва интересовалась «зачатіемъ во чревѣ» кронъ-принцессы: на этомъ ожиданіи строились свои планы—планы о несбыточномъ воскресеніи старой Руси.

Почти годъ прожила кронъ-принцесса одинокою въ Эльбингѣ.

Но вотъ настало время и въ Россію ѣхать. Прибывшій въ Эльбингъ бригадиръ Балкъ, мужъ уже извѣстной намъ Матрены Балкъ, сестры знаменитой Анны Монсъ, объявилъ Шарлоттѣ царскій указъ о выѣздѣ ея изъ Эльбинга.

Но ей опять не съ чѣмъ выѣхать—денегъ нѣтъ; а мужъ занятъ отцовскими дѣлами въ Помераніи.

Надо опять просить денегъ—и Шарлотта просить ихъ у свекра.

«Вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли, не оставила-бъ, какъ того моя должность и требуетъ, исполнить, и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ

никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я какъ въ прочемъ и окажу, что вашего царскаго величества указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ, я же есмь со всякимъ подданнѣйшимъ респектомъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшая и вѣрнопокорнѣйшая невестка Шарлотта».

Но молодой женщинѣ передъ отправленіемъ въ далекую, невѣдомую страну хочется повидаться съ родными, можетъ быть въ послѣдній разъ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), проститься съ ними, взглянуть на родныя мѣста. И вотъ она ѣдетъ въ Брауншвейгъ, тѣмъ болѣе, что денегъ отъ свекра все еще не было.

И суровый свекоръ сердится на молодую женщину за эту простительную вольность, которую она въ правѣ была себѣ позволить.

Петръ, какъ русскій пѣсенный «грозѣнъ батюшка», не смотря на письменное извиненіе невестки относительно этой отлучки, пишетъ ей вѣжливое, но колкое замѣчаніе.

«Вашей любви къ намъ отправленное писаніе отъ 17 генваря получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, что васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншви́гъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ видѣть никогда-бъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Чтѣ же ваша любовь впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привести могло. Сожительница наша съ кронъ-принцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петер-

бургъ предвоспріяла, куды, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете».

Это первый официальный выговоръ въ жизни молодой женщины. Но у такого свекра какъ Петръ надо ко всему привыкать, надо всего ожидать.

Шарлотта снова пишетъ грозному батюшкѣ, и не однократно пишетъ, приводитъ свои резоны, объясняетъ причины своей «скорой резолюціи»—и грозный батюшка прощаетъ свою «дружбно любезную госпожу невѣстку».

«Дружбно любезная госпожа невѣстка!—пишетъ онъ ей 11 февраля:—Вашей любви различныя къ намъ отправленныя писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5,000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда отпращены, нынѣ ужъ исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ албертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ воспріимите, куда и сожительница наша и кронъ-принцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ, пребывая вашей любви дружбно склонный отецъ».

Но уѣзжая изъ Помераніи въ Россію съ мачихой, царевичъ не заѣхалъ къ женѣ: можетъ быть, отецъ вновь торопилъ его съ какимъ-нибудь спѣшнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но для молодой женщины и это могло быть каплей яду въ ея только что начавшейся семейной жизни.

Не дождавшись визита мужа, она не хочет, чтобъ и свекоръ проѣхалъ изъ Европы въ Россію мимо нея, не заѣхавъ къ ней, не повидавшись ни съ ней, ни съ ея родными.

Но она уже боится свекра. Она не рѣшается прямо къ нему писать. Она уже ищетъ окольныхъ путей, посредниковъ—и обращается съ такимъ письмомъ къ Головкину:

«Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобъ его царское величество не проѣхалъ мимо насъ: прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ чрезъ Брауншвейгъ; и герцогъ, и мой отецъ, и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услышать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость, назначить мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться».

Петръ снизошелъ на просьбу своей «дружбно любезной невѣстки» и назначилъ ей свиданіе въ замкѣ Зальцдаленѣ, недалеко отъ Брауншвейга.

Но вотъ кронъ-принцесса вступила наконецъ и на русскую землю. Она въ Нарвѣ. Изъ Нарвы она пишетъ о своемъ прибытіи любимой сестрѣ царя, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

На это письмо Шарлотта получаетъ наилюбезнѣйшее и наивгигіеватѣйшее письмо отъ Натальи Алексѣевны, письмо, написанное такимъ слогомъ, который составляетъ сумму краснорѣчія Симеона Полоцкаго и Феофана Прокоповича, краснорѣчія семнадцатаго вѣка, какъ-бы состязающагося съ краснорѣчіемъ

первой четверти восемнадцатаго: тутъ слышится и запахъ чего-то западнаго и запахъ чего-то очень восточнаго.

Вотъ это драгоценное посланіе Натальи Алексѣевны:

«Пресвѣтлѣйшая принцесса! Съ особеннымъ моимъ увеселеніемъ получила я благопріятнѣйшее и любительнѣйшее писаніе вашего высочества, и о прибытіи вашемъ въ Нарву и о намѣреніи къ скорому предпріятію пути вашего до Санктпетербурга увѣщена есмь, отъ чего мнѣ всеусердная причиняется радость, такъ что я не хотѣла ни мало оставить ваше высочество о томъ чрезъ сіе мое благосклонно поздравить и извѣстить, что имѣемъ въ нашемъ общемъ сожалѣніи о отбытіи царскаго величества и его высочества государя царевича; елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему, и уповаю, что возвращеніе его царскаго величества и его высочества вскорѣ намъ общую подастъ радость. Ожидаю съ нетерпѣливостію того моменту, чтобъ мнѣ при дружескомъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества Наталья».

Но еще большей веверѣчивостію дышетъ письмо къ кронъ-принцессѣ графа Головкина, который, какъ канцлеръ новой Руси, долженъ былъ считать своею обязанностію не ударить лицомъ въ грязь передъ иноземною принцессою и показать, что и русскіе дипломаты понимаютъ, что значить европейское обхожденіе и какія мудренныя слова уже успѣла усвоить новая Русь: тутъ есть и «нижайшіе респекты», и «профессованіе жаркой ревности», и въ то же время что-то напоминающее языкъ требника XVI вѣка.

«Свѣтлѣйшая и высочайшая принцесса, моя государыня!—пишетъ Головкинъ:—Съ толикою радостію, колико я имѣю респекту и благоговѣнія къ особѣ вашего царскаго высочества, получилъ я увѣдомленіе чрезъ господина Нарышкина о счастлиvomъ

*

прибытіи вашего царскаго высочества въ Нарву, и о милости-
вомъ напoминаніи, которымъ ваше царское высочество изволили
меня почтить въ присутствіи сего генеральнаго офицера, и по-
неже я всегда профessoвалъ жаркую ревность къ вашему цар-
скому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оста-
вить, чтобъ ваше царское высочество не увѣстить чрезъ сіе о
нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобъ не отдать должнѣйшаго
моего поздравленія о прибытіи вашего царскаго высочества, и
такoжде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что ваше цар-
ское высочество благоволили меня высокодушно въ напamатoваніи
своемъ сохранить. Если бы я не удержанъ былъ всемѣрно здѣ-
лѣлами его царскаго величества, отъ сего-жъ бы моменту пре-
дался бы я въ должной моей покорности до вашего царскаго
высочествія, дабы мнѣ все помянутое персонально вашему цар-
скому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мнѣ удо-
вольствоваться моей ревности, въ томъ принужденъ я еще бли-
жайшаго прибытія сюда вашего царскаго высочества обожда-
ть, и тогда не премину предаться ко двору вашего царскаго высо-
чества воспріять честь еже засвидѣтельствовать вашему цар-
скому высочеству, съ коимъ респектомъ и благоговѣніемъ я
есмь» и т. д.

Это такъ «профессують жаркую ревность» къ иноземной кронъ-
принцессѣ новые русскіе люди.

А между тѣмъ старая Москва не о томъ думаетъ. Ей хо-
чется иноземку приобщить къ своей греческой вѣрѣ, одѣть ее въ
тѣлогрѣю, сдѣлать русскою царицею, какою была благочестивѣй-
шая царица Марья Ильична или райская голубица, сладчай-
шая Анастасія Романовна.

И вотъ, когда еще кронъ-принцесса не успѣла ступить на рус-
скую землю, Москва уже спрашиваетъ царевича, не сподобилъ

ли его Богъ навести свою молодую супругу на путь православія, коли не любовію, то принужденіемъ.

«Я ее теперь не принуждаю къ нашей православной вѣрѣ — отвѣчаетъ царевичъ:—но когда пріѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское ризное облаченіе и украшеніе и всякое церковное облаченіе, тогда, думаю, и сама безъ принужденія потребуетъ нашей православной вѣры и св. крещенія, а теперь еще она ничего нашего церковнаго благолѣпія не видала и не слыхала, а что у насъ нынѣ священникъ отпускаетъ вечерни, утрени и часы въ одной епитрахили, и того смотрѣть нечего. А у нихъ, по ихъ вѣрѣ, никакого священническаго украшенія нѣтъ, и литургію ихъ пасторъ служитъ въ одной епанчѣ: а когда увидитъ наше церковное благолѣпіе и священно-архіерейское и іерейское одѣяніе, божественное человѣческое безорганное пѣніе, думаю, сама радостію возрадуется и усердно возжелаетъ соединиться съ нашею православною Христовою церковію».

Торжественная встрѣча, которою сопровождался вѣздъ кронъ-принцессы въ Петербургъ, въ этотъ петровский «парадизъ», еще не отстроенный, не убранный, разбросанный, въ эту «бывающую столицу», ласки, оказанныя Шарлоттѣ со стороны всѣхъ лицъ многочисленной царской семьи, «профессованіе жаркихъ респектовъ» со стороны ловкихъ царедворцевъ въ родѣ Головкина — все это должно бы было усладить понятную горечь, разогнать невольную боязнь, съ которыми молодая женщина должна была вступать въ невѣдомую ей страну, въ невѣдомую жизнь, по которой уже успѣли пробѣжать еще такъ недавно легкія тучки.

Но мужа опять нѣтъ. Свекра тоже не видно. Они оба въ финляндскомъ походѣ.

Возвращается мужъ на короткое время. Шарлотта не одна.

Но неугомонный свекоръ опять гонить царевича отъ молодой жены: надо ѣхать въ Старую-Русу, въ Ладугу; надо распоряжаться насчетъ постройки судовъ.

Шарлотта опять одна.

А между тѣмъ за границей, на родинѣ Шарлотты и въ Австріи, уже поднимаются «плевелы». Распускаются слухи, что кронъ-принцесса не полюбила русскому народу, что она унижена въ царской семьѣ, что ей не позволяютъ даже переписываться съ родными.

Но вотъ русскій посолъ Матвѣевъ пишетъ изъ Вѣны Головину:

«Изъ дому императрицы (австрійской) узналъ я, что государыня принцесса царевича 6 іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни царицы и государыни церевны и всѣхъ высокихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ приѣздѣ. Очень нужно, чтобъ ваше превосходительство изволилъ ей, государынѣ принцессѣ, вручить интересъ его царскаго величества и меня, дабы ея высочество изволила къ императрицѣ о томъ особое партикулярное письмо написать и чрезъ васъ на меня прислать, что можетъ принести много пользы интересамъ царскаго величества: императрица можетъ сдѣлать все, что захочетъ, а она ея высочество чрезвычайно любить. Такимъ образомъ государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у царскаго величества находится въ особой милости и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамеренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничи-

женіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками».

Дипломатическая выдумка Матвѣева достигла цѣли. Шарлотта была хорошо направлена искусною рукою Головкина, и уже въ декабрѣ того же года Матвѣевъ слышалъ въ Вѣнѣ отъ самой императрицы, что ея сестрѣ, Шарлоттѣ, оказываются въ Россіи и милости и почетъ, и что она, императрица, и мужъ ея, Карлъ VI, чрезвычайно этимъ довольны: такимъ образомъ интересъ царскаго величества былъ «врученъ» по принадлежности.

Но какова въ самомъ дѣлѣ была жизнь Шарлотты въ Россіи?

Едва ли ей жилось хорошо; но едва ли въ этомъ нехорошемъ была виновата Россія. Кронъ-принцесса знала, куда шла и на что шла. Если ей и показалась тяжка жизнь въ Россіи, то отчасти причиною тутъ было ея неумѣнье, ея апатическая, инертная натура и вся сумма неблагоприятныхъ условій, главнымъ образомъ обрушившихся на ея мужа, и рефлексивно — и на нее.

Хотя царевичъ и говорилъ своему духовнику, что жена его «человѣкъ добръ», но хмѣльной онъ не то говорилъ: «на меня де жену чертовку навязали».

Тутъ уже нельзя не видѣть, что жена была для него не любя, что любя была для него другая женщина—но объ ней послѣ.

— Царевичъ былъ въ гостяхъ—разсказывалъ его камердинеръ—пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронъ-принцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «вотъ-де Гаврило Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали: какъ-де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить. Развѣ-де я умру, то ему Головкину не заплачу. А сыну его Александру—

головѣ его быть на колѣ, и Трубецкаго: они-де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться».—Я ему молвилъ: «царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ—будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они». Онъ мнѣ молвилъ: «Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шенну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ: тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинять».—Я стою молчу. Онъ мнѣ говоритъ: «Что ты молчишь и задумался?»—Я молвилъ: «Что мнѣ, государь, говорить?»—Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: «Не досадила ли я вчерась кому?» Я сказалъ нѣтъ.—«Инь не говорилъ ли пьяный чего?» Я ему сказалъ, что говорилъ что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: «Кто пьянъ не живетъ? у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о нихъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, видѣ-де тебѣ не повѣрятъ: я запруся, а тебя станутъ пытать».—Самъ говорилъ, а самъ смѣялся.

По возвращеніи царевича изъ Ладogi отъ стройки судовъ, Шарлотта опять не долго видитъ его около себя—некогда и «посердитовать» на него.

Царевичъ ѣдетъ за границу, въ Карлсбадъ. У него разстроено здоровье.

Кронъ-принцесса была въ это время беременна по восьмому мѣсяцу. Петръ, по обыкновенію, находился гдѣ-то въ отсутствіи. Но трезвая голова его ничего не забывала—успѣвала думать и за себя и за другихъ, какъ рука его въ одно время умѣла дер-

жать и перо и шпагу, что онъ и писалъ разъ своей «Къ а т е р и н у ш к ѣ».

Рожденіе перваго ребенка у наслѣдника престола—очень важное дѣло въ государствѣ. Петръ очень хорошо помнилъ, какія басни выдумываются относительно рожденія царскихъ дѣтей и какъ, на основаніи этихъ басенъ, иногда опрокидывается весь государственный строй, законный наслѣдникъ не признается законнымъ, являются самозванцы, мутятся царства. Петръ не забылъ, что и объ его рожденіи выдумана была легенда: говорили, что онъ—не царскій сынъ; что настоящій царскій сынъ подмѣненъ нѣмецкимъ отродьемъ, сыномъ Лефорта; что, поэтому, и онъ, Петръ—не Петръ, а «Питеръ» Лефоровичъ, нѣмецъ, сынъ Лефорта.

Еще въ болѣе сомнительномъ положеніи находилась кронъ-принцесса. Мужа съ ней нѣтъ, свекоръ въ отсутствіи, свекрови тоже нѣтъ. Родильница—нѣмка. Около нея—одни нѣмки и нѣмцы. Долго ли подмѣнить ребенка царскаго простымъ нѣмчонкомъ?

И предусмотрительный Петръ пишетъ невѣсткѣ:

«Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вѣще года, того ради, когда благоволить вамъ Богъ прислѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были».

Петръ хотѣлъ, чтобы при родахъ Шарлотты находились и представительницы русскаго общества, почтенныя придворныя особы, которыя могли бы прекратить своимъ личнымъ свидѣтельствомъ возможность распусканія басней хотя бы со стороны «не-

молчно ^имолвишей своими неистовыми языки старушки-Москвы, этой «лаятельной вдовицы».

Такими особами назначены были—графиня Головкина, жена канцлера, генеральша Брюсъ и «князь-игуменья» Ржевская. Они должны были безотлучно находиться при кронъ-принцессѣ до самаго ея разрѣшенія отъ бремени.

Но кронъ-принцесса, не понявъ цѣли распоряженій царя, сочла эти распоряженія оскорбительными для своей чести. Письмо царя она истолковала совершенно въ превратномъ смыслѣ: ей почему-то представилось, что или Петръ подозрѣваетъ ее въ чемъ-то или что другіе могутъ подозрѣвать ее. Петръ не говоритъ ни о какихъ подозрѣніяхъ; онъ исключительно имѣетъ въ виду обставить рожденіе первенца у наслѣдника престола возможно болѣе торжественнымъ образомъ, какъ этого и требовала государственная важность самаго этого акта, и придать этому дѣлу наиболѣе гласности; а Шарлотта думаетъ, что это лично ей не довѣряютъ или боятся, что на нее будутъ клеветать.

Задавшись такой странной мыслью, кронъ-принцесса написала царю не менѣе странное письмо, въ каждомъ словѣ котораго сквозитъ неумѣренная обидчивость: назначеніе къ ней, на время родовъ, почетныхъ дамъ—это «не заслуженный и необычный поступокъ, который для нея чрезвычайно *sensible*»; это, по ея мнѣнію, «торжество *malice*»; что отъ торжества этой «*malice*» она должна «страдать и наказываться за лжи безбожныхъ людей»; что, напротивъ, ея «*conduite* и совѣсть будутъ ея свидѣтелями и судьями на страшномъ судѣ»; что она не нуждается въ предосторожностяхъ противъ злыхъ языковъ; что царь неоднократно обѣщалъ ей свою милость, отеческую любовь и заботливость, и что всякій, кто осмѣлится оскорбить ее ложью и клеветою, долженъ быть наказанъ какъ великій преступ-

никъ; что, при всемъ томъ, никакая ложь и клевета не могутъ запятнать ее, кронъ-принцессу; однако-жь «душа ея скорбитъ, что завистники ея и преслѣдователи имѣютъ такую силу, что могли подвести подъ нее такую интригу»; что, наконецъ, «Богъ, ея единственное утѣшеніе и прибѣжище на чужбинѣ, услышитъ вздохи и сократитъ дни страданія существа всѣми покинутого».

Ясно, что существо это страдало, но страдало отъ своего собственнаго невѣднія.

Даже въ назначеніи къ ней повивальной бабки она видѣла оскорбленіе—это была, по ея мнѣнію, «великая немилость со стороны царя», «нарушеніе брачнаго договора, въ которомъ ей предложено было свободное избраніе служителей», что поэтому, если ей дадутъ чужую повивальную бабку, «то глаза кронъ-принцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровью». Понимая все это какъ обиду, какъ оскорбленіе, притѣсненіе, кронъ-принцесса просила, чтобъ назначенію къ ней почетныхъ русскихъ дамъ былъ данъ такой видъ, какъ будто бы она сама требовала этого вслѣдствіе отсутствія царя и мужа.

Не желая огорчать родильницу, все сдѣлали такъ, какъ она желала. Даже болѣе—о письмѣ къ ней царя, казавшемся столь обиднымъ для чувствительной кронъ-принцессы, Головкинъ никому даже и не говорилъ, а увѣдомляя Петра, что кронъ-принцесса разрѣшилась дочерью, которую назвали Натальею, онъ между прочимъ доносилъ: «О письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то (назначеніе трехъ дамъ) учинено по ихъ прошенію».

Въ высшей степени любопытно и оригинально письмо по этому случаю Ржевской, которая такъ сообщала царю о своемъ пребываніи у кронъ-принцессы:

«По указу вашему, у ея высочества кронъ-принцессы я и Брюсова жена живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она къ намъ милостива. И я общаюсь самимъ Богомъ, ни на великіе миліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились».

Видно, что старая Русь не привыкла еще ни къ нѣмецкимъ «куплиментамъ», ни къ «присѣданью хвоста», ни къ «нѣмецкимъ яствамъ»; но скоро, какъ мы увидимъ ниже, ко всему привыкнетъ.

Петръ и Екатерина были въ это время въ Ревелѣ. Когда курьеры привезли къ нимъ донесенія о благополучномъ разрѣшеніи кронъ-принцессы, царь и царица немедленно отозвались привѣтливыми письмами къ родильницѣ.

«Свѣтлѣйшая кронъ-принцесса, дружбнолюбезная государыня невѣстка!—писала Екатерина.—Вашему высочеству и любви я зѣло обязана за дружбное ваше объявленіе о счастливомъ разрѣшеніи вашему и рожденіи принцессы дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о томъ поздравляю, и желаю вамъ скорого возвращенія совершеннаго вашего здравія, и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я зѣло радовалась получа вѣдомость о вышепомянутомъ вашему счастливомъ разрѣшеніи; но зѣло сожалѣю, что я счастья не имѣла въ томъ времени въ Петербургѣ присутствовать. Однакожь мы здѣсь не оставили публичнаго благодаренія Богу за счастливое ваше разрѣшеніе отдать. Я же не оставляю вашему высочеству и любви всѣ желаемые опыты нашей склонности и къ вашей особѣ имѣющей любви, при всякомъ случаѣ, оказать, въ чемъ ваше высочество и любовь прошу благоволите обнадежены быть, также что я всегда

пребуду вашего высочества и любви дружелюбноохотная мать Екатерина».

Писалъ родильницѣ и Петръ. Безъ сомнѣнія это письмо царя, не показалось уже кронъ-принцессѣ обиднымъ, потому что въ отвѣтъ своемъ она называетъ его «облиганнымъ» и увѣряетъ, что милостивыя заявленія, которыми наполнено письмо царя, укрѣпили ея довѣренность къ нему. Наконецъ, она любезно присовокупляетъ, что такъ какъ на этотъ разъ она «манкировала» родить принца, то въ слѣдующій разъ надѣется быть счастливѣе.

Не довелось, однако, этой женщинѣ пожить на «чужбинѣ»: не успѣла она ни узнать Россіи, ни полюбить ее — такъ она и осталась для нея «чужбиною».

Какъ бы то ни было, она не обманула свекра обѣщаніемъ родить ему внука: въ слѣдующемъ, 1715 году, кронъ-принцесса дѣйствительно родила сына, царевича Петра, будущаго императора Петра II, но родила его какъ-бы затѣмъ только, чтобъ самой умереть, исполнивъ назначеніе матери.

Роды были благополучны. Огорченій, въ родѣ тѣхъ, которыя сопровождали рожденіе дочери, повидимому не было. Родильница, напротивъ, быстро поправлялась, и можетъ быть это-то самое быстрое возстановленіе силъ, придавъ молодой женщинѣ излишнюю самоувѣренность, погубило ее. Послѣ родовъ она слишкомъ рано встала съ постели, не вылежавъ и четырехъ сутокъ, и тотчасъ же стала принимать поздравленія. Но вслѣдъ затѣмъ она почувствовала себя дурно; родильная болѣзнь приняла такой исходъ, что врачи объявили больную безнадежною.

Понявъ свое положеніе, кронъ-принцесса поспѣшила сдѣлать распоряженія на счетъ своей смерти и будущаго своихъ дѣтей.

Во время болѣзни жены царевичъ не отходилъ отъ ея постели. Онъ три раза падалъ въ обморокъ и былъ повидимому безутѣшенъ.

«Въ такія минуты—говорить современный русскій историкъ—сознаніе проясняется: кронъ-принцесса была «добрый человѣкъ»; если «сердитовала», отталкивала отъ себя, то не безъ причины: грѣхи были на душѣ у царевича, а онъ былъ также «добрый человѣкъ».

Петръ, не смотря на то, что самъ былъ боленъ, явился къ умирающей невѣстѣ. Только царица не могла быть при ней въ эти послѣдніе часы: она сама была, какъ говорится, «на часахъ».

Думая о судьбѣ дѣтей, кронъ-принцесса не хотѣла поручить ихъ ни своему мужу, за которымъ она, можетъ быть, знала нѣчто или догадывалась, ни свекру-царю, ни царицѣ: она думала, что своя, родная, нѣмецкая душа будетъ больше любить и беречь ихъ. Поэтому, призвавъ къ себѣ барона Левенвольда, умирающая объявила ему свою волю:—принцесса остѣ-фрисландская должна замѣнить сиротамъ мать; если же царь не согласится на это, то Левенвольде самъ долженъ отвезти маленькую ея дочь въ Германію. При этомъ она просила его написать къ ея роднымъ, что она была всегда довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы, что все обѣщанное въ контрактѣ было исполнено и, кромѣ того, ей оказано было много благодарностей; что даже теперь, не смотря на свою собственную болѣзнь, царь прислалъ къ ней князя Меншикова и своихъ врачей. Она же поручала Левенвольду просить ея мать и сестру, австрійскую императрицу, возобновить дружбу между царемъ и цесаремъ, что отъ этого союза будетъ много пользы ея дѣтямъ.

О дѣтяхъ, слѣдовательно, были послѣднія заботы матери. Мужъ оставался въ тѣни.

Затѣмъ кронъ-принцесса скончалась (22-го октября 1715 года), проживъ въ Россіи съ небольшимъ два года и, кажется, не видавъ Москвы, ни «архіерейскаго, архимандричьяго и іерей-

скаго ризнаго облаченія и украшенія». Москва напрасно беспокоилась.

Ранняя смерть кронъ-принцессы вызвала много толковъ, неблагоприятныхъ для Россіи, но едва ли основательныхъ.

Печаль свела кронъ-принцессу въ могилу—вотъ что говорили въ Германіи. Можетъ быть, печаль и тоска по родинѣ, неумѣнье и нежеланье переработать себя для жизни въ новой чуждой для нея атмосферѣ, чувство одиночества и отрѣшенности отъ всего родного, отъ того воздуха, которымъ молодая женщина дышала съ колыбели — можетъ быть, все это и вело ее къ могилѣ, но вело медленно, какъ ведетъ къ могилѣ невеселая и неудавшаяся жизнь всѣхъ живущихъ на землѣ; но свела ее въ могилу просто родильная болѣзнь.

Между тѣмъ австрійскій резидентъ Плейеръ доносилъ своему двору, что жизнь кронъ-принцессы укоротили чисто-внѣшнія причины: деньги, назначенныя ей на содержаніе, выплачивались будто бы неакуратно, съ большимъ трудомъ, такъ что никогда не выдавалось разомъ болѣе 500 или 600 рублей; что кронъ-принцесса постоянно нуждалась и не могла платить своей прислугѣ; что она сама и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ; что кронъ-принцесса замѣчала зависть при царскомъ дворѣ по поводу рожденія принца; знала будто бы даже, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, и по всѣмъ этимъ причинамъ она была въ постоянной печали.

Ясно, что объясненія эти, особенно же послѣднія—не могутъ выдержать критики, и потому объясненія, приведенныя нами выше, остаются во всей силѣ.

Хотя и изъ всего рассказаннаго нами въ настоящемъ очеркѣ достаточно, кажется, выясняется и личность разсматриваемой нами женщины, и мѣсто, которое ей должна отвести русская

исторія, однако мы не можемъ не привести здѣсь весьма удачной, по нашему мнѣнію, характеристики этой исторической женщины, которая была какъ-бы первымъ опытомъ пересадки западно-европейской женщины на русскую почву, характеристики, принадлежащей перу неутомимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ историковъ.

Поведеніе кронъ-принцессы въ Россіи — говорить С. М. Соловьевъ — не могло возбудить въ Петрѣ, въ его семействѣ и въ окружавшихъ его никакой привязанности. Какъ видно, Шарлотта, пріѣхавъ въ Россію, осталась кронъ-принцессою, и не употребила никакого старанія сдѣлаться женою русскаго царевича, русскою великою княгинею. Въ оправданіе ея можно сказать, что отъ нея этого не требовалось: ее оставили при прежнемъ лютеранскомъ исповѣданіи, жила она въ новооснованномъ Петербургѣ, гдѣ ей трудно было познакомиться съ Россіею. Но не могла же она не видѣть, какъ было важно для сближенія съ мужемъ принять его исповѣданіе, не могло скрыться передъ нею, что онъ и окружавшіе его сильно этого желаютъ; что же касается до петербургской обстановки, то, взглянувъшисъ внимательно, мы видимъ, что дворъ не только царевича, но и самого царя былъ чисто русскій. Кронъ-принцесса не сблизилась съ этими дворами; она замкнула себя въ своемъ дворѣ, который весь, за исключеніемъ одного русскаго имени (Бестужевъ), былъ составленъ изъ иностранцевъ. Мы не станемъ возражать противъ отзыва царевича Алексѣя о кронъ-принцессѣ, что она была «человѣкъ добрый»; но мы видимъ, что она отнеслась къ Россіи и ко всему русскому съ нѣмецкимъ національнымъ узкимъ взглядомъ, не хотѣла быть русскою, не хотѣла сближаться съ русскими, не хотѣла, не могла преодолѣть труда, необходимаго для иностранки при подобномъ сближеніи; гораздо легче, покойнѣе было

оставаться при своемъ, съ своими; но отчужденіе такъ близко граничить съ враждою; можно догадываться, что окружавшіе кронъ-принцессу иностранцы не говорили съ уваженіемъ и любовью о Россіи и русскихъ, иначе кронъ-принцессѣ пришла бы охота сблизиться съ страной и народомъ, достойными уваженія и любви. Какъ у мужа не было охоты къ отцовской дѣятельности, такъ у жены не было охоты стать русскою и дѣйствовать въ интересахъ Россіи и царскаго семейства, употребляя свое вліяніе на мужа. Петру не могло нравиться это отчужденіе невѣстки и недостатокъ вліянія ея на мужа, тогда какъ на это вліяніе онъ долженъ былъ сильно рассчитывать. Онъ имѣлъ право надѣяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будутъ могущественно содѣйствовать воспитанію еще молодого человѣка, отученію его отъ тѣхъ взглядовъ и привычекъ, которые отталкивали его отъ отцовской дѣятельности; онъ могъ думать, что сынъ женится — перемѣнится, и ошибся въ своихъ расчетахъ; невѣстка отказалась помогать ему и Россіи; мужъ и жена были похожи другъ на друга — косностью природы; энергія, наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа обоихъ требовала бѣжать, запирались отъ всякаго труда, отъ всякаго усилія, отъ всякой борьбы. Этого бѣгства другъ отъ друга было достаточно для того, чтобъ бракъ былъ нравственно бесплоденъ....

Кронъ-принцессѣ тѣмъ легче было удалиться отъ мужа и отъ всѣхъ русскихъ, что съ нею пріѣхала въ Россію ея родственница и другъ, принцесса Юліана-Луиза остъ-фрисландская, которая, какъ говорятъ, вмѣсто того чтобъ стараться о сближеніи между мужемъ и женою, только усиливала разладъ. Подобные друзья бываютъ ревнивы, не любятъ, чтобъ другъ ихъ имѣлъ, кромѣ нихъ, еще другія привязанности; но намъ не нужно пред-

полагать положительных стремлений со стороны принцессы Юліаны; довольно того, что кронъ-принцесса имѣла привязанность, которая замѣняла ей другія, имѣла въ Юліанѣ человека, съ которымъ могла отводить душу на чужбинѣ; а принцесса остъ-фрисландская, съ своей стороны, не дѣлала ничего, чтобъ заставить Шарлотту подумать о своемъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ къ новому отечеству. Кронъ-принцесса жаловалась, что не хорошо, и Юліана вторила ей, что не хорошо, и тѣмъ улаживали другъ друга, а какъ сдѣлать лучше, — этого придумать не могли.

Какъ бы то ни было, но съ именемъ кронъ-принцессы не можетъ быть не соединено воспоминаніе о томъ, что, бѣгая отъ нея, царевичъ Алексѣй Петровичъ невольно бѣжалъ въ объятія другой женщины, о которой мы сейчасъ скажемъ; а съ именемъ этой послѣдней неразрывно связано начало и отчасти причины той катастрофы, которая кончилась смертью царевича «въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ», и другими, очень крупными послѣдствіями для всей Россіи.

VI.

Дѣвка Афросинья.

(Афросинья Федорова).

Въ предыдущемъ очеркѣ мы сказали, что двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, изъ которыхъ одна помимо своей воли вела его къ трагической развязкѣ и ускорила эту развязку потому именно, что была имъ нелюбима, а послѣдняя, потому именно что была имъ любима, стала для него тѣмъ Дамоклесовымъ мечомъ, который она сама же, и также помимо своей воли, а можетъ быть и по безволію, и обрушила на его голову.

Хотя имена этихъ двухъ женщинъ и неудобно было бы ставить рядомъ, но рядомъ они поставлены самою исторіею, и отдѣлать эти имена одно отъ другого невозможно.

Эта послѣдняя женщина была—А ф р о с и н ѣ я Ф е д о р о в а, по однимъ свидѣтельствамъ—крѣпостная дѣвушка учителя царевича, извѣстнаго Никифора Вяземскаго, съ шестилѣтняго возраста и съ азбуки преподававшего царевичу грамоту, по другимъ—плѣнная финляндка, «низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная», какъ писалъ своему правительству голландскій резидентъ Деби, и потомъ принявшая православіе.

Какъ бы то ни было, но когда у царевича шли семейные нелады съ кронъ-принцессою и когда царевичъ жаловался, что жена его «сердитуетъ» и что онъ посадить на колъ тѣхъ, которые «навязали ему эту жену чертовку»,—въ это время у царевича уже была другая привязанность, которую онъ сначала скрывалъ, а потомъ не тайлъ ее не только отъ отца, отъ Россіи, но и отъ всей Европы.

Что могло привязать царевича къ этой дѣвушкѣ—неизвѣстно; но вѣроятно лучшія стремленія его жизни находили отзвукъ въ сердцѣ дѣвушки, отъ которой царевичъ ничего не тайлъ, а напротивъ совѣтывался съ нею въ самыхъ кровныхъ вопросахъ своего будущаго и будущаго всей Россіи, что и погубило его.

Имя А ф р о с и н ы и становится историческимъ съ того момента, какъ царевичъ, по смерти кронъ-принцессы и по окончательномъ разрывѣ съ отцемъ, задумалъ тайно бѣжать за границу.

Получивъ грозный «тестamentъ» отца, по которому для царевича представлялось два тяжелыхъ и единственныхъ исхода—или сдѣлаться достойнымъ великаго отца, чтобы смѣло потомъ взять въ свои руки русскую землю, или же отказаться отъ престола, быть отрѣзаннымъ отъ царства подобно «уду гангреному» и постричься въ монахи,—Алексѣй, хотя на письмѣ и отказался отъ наслѣдства и изъявилъ покорность идти въ монастырь, однако, совѣтуясь съ своими приближенными и находя, что можно изъ монаховъ разстричься, что «въѣдь кlobукъ не прибить ко головѣ гвоздемъ», какъ выражался Кикинъ, «можно его и снять»,—принялъ намѣреніе бѣжать изъ Россіи.

Но еще прежде этого, когда царевичъ изъявилъ отцу покорность идти въ монастырь, онъ не могъ забыть, что оставляетъ любимую женщину.

— Въ это время, послѣ нравственныхъ встрясокъ, послѣ смерти жены и роковыхъ объясненій съ отцомъ, царевичъ заболѣлъ. Думая умереть, онъ даетъ А ф р о с и н ѣ два письма, одно къ своему духовнику, а другое къ Кикину.

— Когда я умру—говорилъ онъ дѣвущицѣ—отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ.

Въ письмахъ царевичъ говорилъ, что идти въ монастырь по принужденію и чтобъ духовникъ и Кикинъ дали вручительницѣ писемъ извѣстную сумму изъ хранившихся у нихъ его собственныхъ денегъ.

Но вотъ царевичъ передумалъ идти въ монастырь: онъ рѣшился укрыться отъ отца въ Европѣ, у кого-либо изъ западныхъ государей.

Однимъ для него страшнѣе этотъ побѣгъ—на кого онъ оставить любимую имъ женщину?

Приказавъ камердинеру своему Ивану Большому-Афанасьеву готовиться въ дорогу, по примѣру того какъ они и прежде съ нимъ ѣздили въ нѣмецкіе края, царевичъ сталъ плакать.

— «Какъ мнѣ оставить А ф р о с и н ѣ ю и гдѣ ей быть?»—жаловался царевичъ.—А потомъ спросилъ Большого-Афанасьева: «Не скажешь ли кому, что я буду говорить?»

Афанасьевъ общался молчать.

— Я А ф р о с и н ѣ ю съ собою беру до Риги—началъ царевичъ.—Я не къ батюшкѣ поѣду (царь въ это время находился въ Копенгагенѣ и звалъ туда сына). Поѣду я къ цесарю или въ Римъ.

— Воля твоя, государь—отвѣчалъ на это Афанасьевъ:—только я тебѣ не совѣтникъ.

— Для чего?

— Того ради—отвѣчалъ Афанасьевъ—когда это тебѣ удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гнѣваться.

— Однако ты молчи про это, никому не рассказывай!—предупреждалъ царевичъ:—только у меня про это ты знаешь да Кикинъ. Онъ для меня въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что я съ нимъ не увижусь. Авось на дорогѣ увижусь.

Это было въ сентябрѣ 1716 года—меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти кронъ-принцессы Шарлотты.

26-го сентября царевичъ оставилъ Петербургъ и направилъ свой путь на Ригу.

Афросинью онъ не оставилъ въ Россіи: она была съ нимъ. Кроме того онъ взялъ съ собою брата Афросиньи, Ивана Федорова, и троихъ слугъ.

Меншиковъ зналъ, что царевичъ беретъ съ собою Афросинью, хотя не зналъ, что онъ ѣдетъ не къ отцу, а бѣжать укрываться отъ него.

Впрочемъ, поведеніе Меншикова является тутъ очень подозрительнымъ: не даромъ царевичъ показывалъ, что Меншиковъ съ самаго дѣтства нарочно его развращалъ, спавалъ его, потакалъ вреднымъ его страстямъ, чтобъ сдѣлать юношу неспособнымъ и на этомъ построить свои планы—передать русское царство въ родъ своей питомицы Екатерины Алексѣевны, а потомъ ввести въ ея родъ и свой родъ.

— Гдѣ ты ее оставляешь? спросилъ Меншиковъ царевича объ Афросиньѣ.

— Возьму до Риги, а потомъ отпущу въ Петербургъ, уклончиво отвѣчалъ царевичъ, не желая открыть Меншикову тайну побѣга.

— Возьми ее лучше съ собою, совѣтывалъ Меншиковъ.

Зачѣмъ? На глаза отцу, если онъ вѣрилъ, что царевичъ къ отцу ѣдетъ?—Вообще, все это очень сомнительное дѣло.

Царевичъ и Афросинья доѣхали до Риги. Последняя не осталась въ этомъ городѣ. Они ѣдутъ дальше, на Либаву.

Но не на Копенгагенъ, не къ отцу поѣхалъ царевичъ:—онъ повернулъ на Вѣну!

Царевичъ исчезъ. Отецъ въ страшной тревогѣ. Вся Россія въ тревожномъ состояніи.

10-го ноября, поздно вечеромъ, въ Вѣнѣ, царевичъ явился къ австрійскому вице-канцлеру Шёнборну, и сталъ говорить ему съ сильными жестикюляціями, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь: меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла. Если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрягать, чтобъ лишить жизни и сукцессіи; но я не хочу въ монастырь, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь.

Тутъ царевичъ въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ:

— Ведите меня къ цесарю!

Спросилъ пива. Ему дали мозельвейну. Шёнборнъ старался успокоить его.

— Я ничего не сдѣлалъ отцу—снова говорилъ царевичъ— всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался, я ослабѣлъ духомъ отъ преслѣдованія и потому что меня хотѣли заповѣсть до смерти. Отецъ былъ добръ ко мнѣ. Когда у меня пошли дѣти и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына. Она съ княземъ Меншиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня, оба люди злые, безбожные, безсовѣстные. Я противъ отца ни въ чемъ не виновать, люблю и уважаю его по заповѣдямъ, но не хочу постричься и отнять права у бѣдныхъ дѣтей моихъ, а царица и Меншиковъ хотятъ меня уморить или въ монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты къ солдатству; но за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отецъ поручилъ мнѣ управленіе и все шло хорошо, отецъ былъ доволенъ. Но когда пошли у меня дѣти, жена умерла, а у царицы сынъ родился, то захотѣли меня замучить до смерти или заповѣсть (несчастный повторяется). Я спокойно сидѣлъ дома, но годъ тому назадъ принужденъ былъ отцомъ отказаться отъ наслѣдства и жить приватно, или въ монастырь идти. Напослѣдокъ пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ—или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи: исполнить первое—погубить себя разными мученіями и пьянствомъ, второе—погубить и тѣло и душу. Потомъ мнѣ дали знать, чтобъ я берегся отцовскаго гнѣва, и что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня изъ страха, потому что отецъ становится слабъ здоровьемъ. Поэтому я притворился, что ѣду къ отцу, и добрые пріятели присовѣтывали мнѣ ѣхать къ цесарю, который мнѣ свойскъ и великій, великодушный государь, котораго отецъ уважаетъ. Цесарь окажетъ мнѣ покровительство. Къ французамъ и къ шведамъ я не могъ идти, потому что это враги моего отца, котораго я не хотѣлъ гнѣвить. Говорятъ, будто я дурно обходился съ

моею женой, сестрою императрицы; но Богу извѣстно, что не я дурно съ нею обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ какъ простую горничную, но она по своей едукации къ этому не привыкла и сильно печалилась. Къ тому же заставляли меня и ее терпѣть недостатокъ, и особенно стали дурно обходиться, когда у нея пошли дѣти. Хочу къ цесарю, цесарь не оставитъ меня и моихъ дѣтей, не выдастъ меня отцу, потому что отецъ окруженъ злыми людьми, и самъ очень жестокъ, не цѣнитъ человѣческой крови, думаетъ, что какъ Богъ имѣетъ право жизни и смерти. Онъ уже много пролилъ невинной крови, часто самъ налагалъ руку на несчастныхъ обвиненныхъ. Онъ чрезвычайно гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого, и если цесарь выдастъ меня отцу, то это все равно что самъ меня казнить. Да если бы и отецъ меня пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не замучатъ до смерти или не отравятъ.

Царевича затѣмъ скрываютъ въ Вейербургѣ, недалеко отъ Вѣны.

Изъ Вейербурга его перевозятъ въ крѣпость Эренбергъ вмѣстѣ съ Афросиньей и укрываютъ тамъ подъ видомъ государственнаго преступника.

Но отецъ ищетъ сына. Онъ догадывается, гдѣ онъ.

Въ мартѣ 1717 года въ Вѣну пріѣзжаетъ капитанъ гвардіи Александръ Румянцевъ съ тремя офицерами, чтобъ схватить царевича.

Аврамъ Веселовскій, тоже посланный Петромъ для розысковъ сына, узналъ, что молодой знатный русскій, подъ именемъ Коханскаго, и съ нимъ женщина — спрятаны въ Тиролѣ, въ крѣпости Эренбергъ.

Тогда вѣнскій дворъ отправляетъ въ Эренбергъ своего секретаря Кейля, который и увозитъ царевича вмѣстѣ съ Афросиньей.

синьей въ Италію, въ Неаполь. Афросинья переодѣта пажомъ.

Въ Неаполѣ царевича и Афросинью укрываютъ въ крѣпости св. Эльмо.

Царь въ послѣдней степени раздраженія. Онъ намѣренъ объявить Австріи войну.

Въ Вѣну съ требованіемъ выдачи царевича является Петръ Толстой, тотъ самый, сынъ котораго женатъ былъ потомъ на дочери гетманши Скоропадской. Начинаются переговоры. Австрія встревожена крайнимъ гнѣвомъ могущественнаго царя.

Изъ Вѣны Толстой и Румянцевъ скачутъ въ Неаполь. Царевича они находятъ въ домѣ вице-короля.

Толстой страшаетъ вице-короля войной. Требуется сказать царевичу, что война заставитъ его выдать.

— Такъ сурово говорить ему не могу—уклоняется вице-король.

Толстой настаиваетъ.

— Я намѣренъ его настрашать—прибавляетъ вице-король—будто хочу отнять у него женщину, которую онъ при себѣ держитъ.

Это дѣйствительно самая страшная для царевича угроза: онъ на все готовъ, лишь бы не отнимали у него Афросинью.

Вице-король, впрочемъ, дѣйствовалъ такъ по инструкціямъ изъ Вѣны. Въ Вѣнѣ думали, что царь больше всего негодуетъ на сына за Афросинью. Поэтому удаленіе ея Австрія считала средствомъ примиренія съ суровымъ царемъ.

Этимъ только обманомъ и напугали царевича. Онъ покорился, обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день, и просилъ Толстого обождать.

Царевичу конечно нужно было посоветываться съ своей возлюбленной: что выбирать — покориться отцу и ѣхать въ Россію, или лишиться той, которую онъ любитъ.

Царевичъ выбралъ первое, чтобъ только не разставаться съ Афросиньей.

«И съ этимъ я отъ него поѣхалъ прямо къ вицерою (вице-королю)—писалъ Толстой—которому объявилъ что было потребно, прося его, чтобъ немедленно послалъ къ нему сказать, чтобъ онъ дѣвку отъ себя отлучилъ, что онъ вицерой и учинилъ: по-неже выразумѣлъ я изъ словъ его, царевича, что больше всего боится ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. И того ради просилъ я вицероя учинить предреченный поступокъ, дабы съ трехъ сторонъ вдругъ пришли къ нему противныя вѣдомости, т. е. что у него отнята надежда на протекцію цесарскую, а я ему объявилъ отцевъ къ нему скорый пріѣздъ и прочая, а вицерой разлученіе съ дѣвкою. И когда присланный отъ вицероя объявилъ ему разлученіе съ дѣвкою, тотчасъ ему сказалъ, чтобъ ему дали сроку до утра: «а завтра-де я присланнымъ отъ отца моего объявлю, что я съ ними къ отцу моему поѣду, предлагаю имъ только двѣ кондиціи, которыя я уже сего дня министру Толстому объявилъ». А кондиціи тѣ: первая, чтобъ ему отецъ позволялъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отнимать. И хотя эти государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожъ я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. А когда мы наавтра къ нему съ капитаномъ Румянцевымъ пріѣхали, онъ намъ тотчасъ объявилъ, что безъ прекословія ѣдетъ купно съ нами и притомъ насъ просилъ, чтобъ мы ему исходатайствовали у отца той милости, дабы повелѣлъ ему на оной дѣвѣ жениться, не дожидая до С.-Петербурга. О семъ я его величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, чтобъ изволилъ ему на то позволить. для того что онъ тѣмъ себя весьма покажетъ во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той

дѣвки; другое — цесаря весьма огорчить, и уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третіе, что уже отниметь опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. Мнѣ мнится, что сіе ни чему предбудущему противно не будетъ, но и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ состоянія».

Царевичъ, наконецъ, ѣдетъ въ Россію. 4-го октября онъ пишетъ отцу и просить прощенія.

Но страшно ему ѣхать прямо на глаза отцу. Отъ своихъ приставниковъ онъ требуетъ прежде провести его въ Бари — поклониться мощамъ Николая-чудотворца.

Поклонившись мощамъ, они снова ѣдутъ въ Неаполь, и уже 14-го октября выѣзжаютъ оттуда по дорогѣ въ Римъ.

Афросинья беременна. Она не можетъ поспѣть за царевичемъ — и ѣдетъ съ особымъ поѣздомъ, медленно.

На память объ ней, при разставаньи, царевичъ беретъ отъ нея «платочекъ».

Всю дорогу до Рима и до Венеціи онъ неотступно упрашиваетъ Толстого и Румянцева — выпросить ему у отца позволеніе обвѣнчаться съ Афросиньею до приѣзда въ Петербургъ. Ожидая этого разрѣшенія, онъ затягиваетъ свой путь, выдумываетъ разные предлоги — осмотрѣть Римъ, Венецію и другіе города.

Однимъ словомъ царевичъ ѣхалъ очень медленно: вѣдь онъ ѣхалъ за своей смертію, не зная того, да и никто этого не зналъ.

Но впереди повидимому не смерть ждетъ, а прощенье отца, женитьба на любимой дѣвушкѣ, тихая жизнь въ деревнѣ.

Дѣйствительно, 14-го ноября отецъ ему пишетъ изъ Петербурга:

«Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенья, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господь

Толстова и Румянцова письменно и словесно общено, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, который также здѣсь вамъ позволится, о чемъ онъ вамъ объявить. Петръ».

Просто «Петръ» — нѣтъ прибавки «отецъ».

Но царевичъ видитъ, что онъ прощенъ, что ему позволятъ жениться на любимой женщинѣ. Съ такими надеждами можно ѣхать и къ суровому отцу.

Отвѣчая сыну прощеніемъ, царь въ тоже время писалъ Толстому и Румянцеву:

«Мои господа! письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши края пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у племянницы въ домѣ (т. е. у Анны Іоанновны); а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такъ великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напередъ сего писалъ, и въ томъ его обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его».

Ясно, что все прощено и все позволено. Правду говорилъ царевичъ вице-канцлеру Шенборну въ ту ужасную ночь, когда явился къ нему какъ помѣшанный, что «отецъ къ нему добръ». Вѣдь отецъ и самъ былъ, какъ и сынъ, не безъ слабостей: и онъ любилъ когда-то Анну Монцову, иноземку, дочь вино-

торговца, и эта «дѣвка иноземка» была ему дороже всѣхъ царевенъ, королевенъ и принцессъ; вѣдь и теперь отецъ любитъ бывшую плѣнную нѣмку, приведенную въ русскій лагерь въ одной сорочкѣ; а теперь она царица. Отчего жъ и сыну не позволить любить ту, которая для него дороже короны и земли русской?

Беременная Афросинья, какъ мы сказали, далеко отстала дорогой отъ царевича.

Отъ этого времени сохранились три письма царевича и Афросиньи. Писемъ этихъ повидимому не знали прежде наши историки — ни Н. Г. Устряловъ, ни С. М. Соловьевъ, а изданы они академіею по подлинникамъ, хранившимся у покойнаго К. И. Арсеньева.

Какой нѣжной заботливостью дышетъ первое письмо царевича къ своей «Афрасинюшкѣ», писанное съ дороги, съ нѣмецкой границы, отъ 19-го ноября:

«Матушка моя другъ мой сердешной Афрасинюшка здравствуй на множество лѣтъ. Я слава Богу даѣхалъ да немецкой земли в добромъ здравіи не печался маменка для Бога. а я на твой платочикъ глядя веселюся зделай другъ мой себе теплое одеяло подчемъ спать для того что холодно а печей выталиі нетъ а подшубою нетакъ хороше спать. Немешкай долго ввенецѣи что тебя дале то тяжеле а дорогою поѣзжай неспеша береги себе і малинково Селебенова засимъ тебя і с нимъ і з братомъ предаю в сохранение божіе і пребываю вѣрны твой другъ всегда Алексей».

«Селебеновъ», «Селебенъ» — это они такъ называютъ свое дитя...

На это письмо Афросинья отвѣчаетъ царевичу уже изъ Германіи, изъ Аугсбурга, отъ декабря:

«Государь мой батюшка другъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Здравствуй на многая лѣта что меня изволишь памятовать: благодатью божіею в добромъ здоровіи. Селебинымъ поздравляю тебѣ, государю, праздникомъ рождества христова. Желаю слышать о вашемъ здоровіи. Доношу тебѣ, государь, пріѣхали въ Аушшпургъ декабря 24 числа, слава Богу, въ добромъ здоровіи и впредь уповаю на его божескую милость, который подъ рукою милости своея сохранить насъ отъ всякаго зла. Изъ Аушшпурга наняли фурманщиковъ до Берлина и отправимся завтра поутру. Летигу наняли до Берлина, для того что въ коляскѣ не возможно ѣхать: земля мерзлая и очень колотко. Ев ф р о с и н ѣ я».

Скоро царевичъ предсталъ предъ очи грознаго батюшки.

По Москвѣ разносится страшный шопоть о томъ, что скоро начнется розыскъ. Но розыска еще нѣтъ. Можетъ и пронесется мимо эта горькая чаша. Сторонники царевича бранятъ Толстого, бранятъ и самого Алексѣя.

— Иуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ, и ему не перваго кушать, говоритъ Иванъ Нарышкинъ.

— Слышалъ ты—говорить князь Василій Долгорукій Богдану князю Гагарину — что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на А ф р о с и н ѣ ! Жолвь ему, не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно.

Но вотъ 3-го февраля, въ понедѣльникъ, въ кремлевскій дворецъ, гдѣ собралось все высшее духовенство и сановники, является царь, а за нимъ вводятъ царевича безъ шпаги.

Отецъ сталъ выговаривать сыну. Царевичъ бросается отцу въ ноги, во всемъ винится и со слезами проситъ помилованія. Отецъ прощаетъ на условіяхъ — отказаться отъ наслѣдства и открыть своихъ сообщниковъ.

Царевичъ все исполняетъ. Отъ престола онъ отрекается въ успенскомъ соборѣ передъ евангеліемъ, и подписываетъ отреченіе.

Въ тотъ же день обнародывается манифестъ съ изложеніемъ причинъ лишенія царевича престола, и начинается розыскъ.

Въ тотъ же день, передъ началомъ страшнаго дѣла, царевичъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ съ своей возлюбленной.

Вотъ что онъ пишетъ ей изъ Преображенскаго:

«Другъ мой сердешной А ф р а с и ю ш к а. Здравствуй матушка моя на множество лѣтъ. Я пришѣлъ сюда сегодня а батюшка былъ вверху на Москвѣ в столовой полатѣ со всеми і тутъ я пришел і поклонился ему в землю прося прощенія что от него ушелъ къ цесарю, і подалъ ему повинное писмо і онъ меня простилъ милостиво і сказалъ что де тебя наследства ілишаю і надлежитъ де тебѣ і прочимъ крестъ целовать брату яко наслѣднику і чтобъ какъ мнѣ такъ и прочимъ по смерти батюшкы не промышлять о моемъ возведеніи на престолъ, і потомъ велелъ честь за что онъ меня лишилъ наследства і потомъ пошли в соборную церковь і целовали я і прочіи крестъ а каково объявление і предъ крестомъ присяга то пришлю къ тебѣ впредъ а нынѣ за скоростью не успелъ і потомъ батюшка взялъ меня къ себѣ ѣсть і поступаетъ ко мнѣ милостиво дай боже что і впередъ также і чтобъ мнѣ даждася тебя въ радости. Слава Богу что насъ отъ наследства отлучили понеже останемся в покое с тобою. Дай боже благополучно пожить с тобою в деревнѣ понеже мы с тобою нічего не желали только чтобъ жить в Рождественѣ сама ты знаешь что мнѣ нічего не хочется толкобъ с тобою до смерти в покое дожить а будетъ что немецкихъ врагъ будетъ о семъ невѣрь пожалуй ей ей болше нічего не было вѣрный другъ твой Алексѣй».

Начались аресты, казни. Жестокая казнь постигла Кикина. Казнили Большого-Афанасьева, дьяка Воронова. Схватили князя

Василія Долгорукаго, Никифора Вяземскаго, перваго учителя царевича, у котораго этотъ послѣдній и спознался съ А ф р о с и н ѣ ю.

Глѣбовъ, бывшій ростовскій епископъ Досифей, а теперь разстрига Дежидъ, Пустынскій, Журавскій, Дорукинъ—все это кончило смертью то на колу, то на колесѣхъ.

Покончивъ московскія казни, царь, 18-го марта, ѣдетъ въ Петербургъ. Царевичъ съ нимъ. Буря, кажется, прошла совсѣмъ.

Царевичъ весь отдается одной страсти — увидѣть А ф р о с и н ѣ ю. Въ свѣтлый праздникъ пасхи онъ на колѣняхъ умоляетъ мачиху не разлучать ихъ, позволить имъ бракъ.

Въ половинѣ апрѣля въ Петербургъ пріѣзжаетъ наконецъ и А ф р о с и н ѣ я.

Нужно и ее допросить.

Никто не думалъ, чтобъ показанія А ф р о с и н ѣ и дали такой страшный конецъ дѣлу.

По невѣдѣнію или изъ желанія спасти себя, эта женщина все открыла, чего никто не открылъ, и чего царь даже и не ждалъ.

А ф р о с и н ѣ я показала, что въ Эренбергѣ, въ крѣпости, царевичъ писалъ письма порусски къ архіереямъ, писалъ къ царю съ жалобами на отца.

А ф р о с и н ѣ царевичъ говорилъ, что въ русскомъ войскѣ бунтъ, что объ этомъ въ газетахъ пишутъ.

Около Москвы волненіе—объ этомъ въ письмахъ пишутъ.

— «Авось либо Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться», радовался царевичъ, слыша о смутѣ въ Россіи.

Изъ Неаполя царевичъ также часто писалъ царю жалобы на царя.

— «Вотъ видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!»—говорилъ царевичъ, прочтя въ газетахъ извѣстіе, что младшій царевичъ боленъ.

— «Хотя батюшка и дѣлаетъ, что хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка» — такъ говорилъ онъ о «сенатахъ».

Къ архіереямъ для того писалъ письма, чтобъ ихъ подметывать.

— «Я старыхъ всѣхъ переведу — говаривалъ царевичъ — и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ. Когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ. Корабли держать не буду. Войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣніемъ. Зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ».

Читая въ газетахъ о какихъ-нибудь видѣніяхъ, или извѣстія, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, говаривалъ, что видѣнія и тишина не даромъ.

— «Можетъ быть отецъ мой умереть, или бунтъ будетъ. Отецъ мой, не знаю, за что меня не любитъ, и хочетъ наслѣдникомъ сдѣлать брата моего, а онъ еще младенецъ, и надѣется отецъ мой, что жена его, моя мачиха, умна: и когда, сдѣлавши это, умереть, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, и будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня».

Афросинья не пускала его бѣжать изъ Неаполя къ папѣ римскому просить протекціи.

Когда собирался ѣхать къ отцу, то Афросинья отдалъ черныя письма, велѣлъ ихъ сжечь, а когда приходилъ секретарь вицероя неаполитанскаго, то царевичъ сказывалъ ему изъ тѣхъ писемъ нѣкоторые слова понѣмечки, а секретарь записывалъ, и написалъ одинъ листъ, а писемъ всѣхъ было листовъ съ пять».

Вотъ что открывала Афросинья...

Когда, затѣмъ, царь спросилъ сына, пристасть ли бы онъ къ бунтовщикамъ, если бъ за нимъ прислали, даже при живомъ

отца, сынъ отвѣчалъ: «А хотя бѣ и при живомъ прислали, когда бѣ они сильны были, то бѣ могъ и поѣхать»...

Это говорилъ сынъ отцу.

«Все было сказано (позволяемъ себѣ выписать это блестящее мѣсто изъ теоріи Соловьева). Передъ Петромъ не былъ сынъ, неспособный и сознающій свою неспособность, бѣжавшій отъ принужденія къ дѣятельности и возвратившійся съ тѣмъ, чтобъ погребсти себя въ деревнѣ съ женщиною, къ которой пристрастился. Передъ Петромъ былъ наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся на свои права и на сочувствіе большинства русскихъ людей, радостно прислушивавшійся къ слухамъ и замысламъ, имѣвшимъ цѣлю гибель отца, готовый воспользоваться возмущеніемъ, если бы даже отецъ и былъ еще живъ, лишь бы возмущившіеся были сильны. Но этого мало: программа дѣятельности по занятіи отцовскаго мѣста уже начертана: близкіе къ отцу люди будутъ замѣнены другими, все пойдетъ наоборотъ, все, что стоило отцу такихъ трудовъ, все, изъ-за чего подвергался онъ такимъ бѣдствіямъ, и наконецъ получилъ силу и славу для себя и для государства, все это будетъ низпровергнуто, причемъ, разумѣется, не будетъ пощады второй женѣ и дѣтямъ отъ нея. Надобно выбирать: или онъ, или они? или преобразованная Россія въ рукахъ человѣка, сочувствующаго преобразованію, готоваго далѣе вести дѣло, или видѣть эту Россію въ рукахъ человѣка, который съ своими Досифеями будетъ съ наслажденіемъ истреблять память великой дѣятельности. Надобно выбирать; средняго быть не можетъ, ибо заявлено, что кlobукъ не гвоздемъ будетъ къ головѣ прибитъ. Для блага общаго надобно пожертвовать недостойнымъ сыномъ; надобно однимъ ударомъ уничтожить всѣ преступныя надежды. Но казнить родного сына! Сначала Петръ въ Москвѣ былъ склоненъ снисходительно смотрѣть на сына; въ

немъ видно было желаніе оправдать Алексѣя чрезъ обвиненіе другихъ. Царь говорилъ Толстому: «Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевѣдецъ и судья вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мой противникъ». Толстой отвѣчалъ: «Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха». — «Не будутъ летать, скоро, скоро!» сказалъ на это Петръ.»

Пытали наконецъ и царевича.

19-го іюня дали царевичу двадцать-пять ударовъ.

24-го іюня—пятнадцать ударовъ.

26-го іюня вновь были въ застѣнкѣ: самъ царь, Меншиковъ, князь Долгорукій, Гаврило Головкинъ, Федоръ Апраксинъ, Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, Петръ Толстой, Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ.

Началось съ восьми часовъ утра. Въ одиннадцать разѣхались.

«Того жъ числа (значится въ «записной книгѣ с.-петербургской гварнизонной канцеляріи») пополудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился».

Въ тотъ же день перехвачено было донесеніе голландскаго резидента Деби, писанное вѣроятно за нѣсколько часовъ до смерти царевича:

«Хотя царевичъ Алексѣй Петровичъ чаялъ, что чрезъ полученное прощеніе и для того опубликованный манифестъ о своемъ животѣ увѣренъ былъ,—понеже его царское величество самъ его болѣе за проведеннаго, нежели проводителя и главу того замысла

почиталъ,—однако же объ немъ весьма инако оказывается. Метреса царевича случай подала на открытіе наивящихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и къ б.... съ принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножомъ и угроженіемъ смерти принужденная особа. Многіе чають, что она, по принятіи греческой вѣры и первому рожденію, чрезъ греческаго священника и духовнаго отца того принца, который также посаженъ, въ пути дѣйствительно вѣнчана съ царевичемъ, и видится, что сіе нѣкоторымъ образомъ основательно есть, понеже, когда помянутая метреса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы и ей при томъ сказано было, что когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ, она на это отвѣствовала: «Къ первому б.... принуждена была, и послѣ того принца никто при моемъ боку лежать не будетъ». О которыхъ словахъ разныя сумнѣнія учинены были, которыя болѣе къ тому клонятся, что она еще вовсе надежду не потеряла въ которое время нибудь корону на себѣ видѣть. Хотя она чрезъ глубочайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ царя утвердить, однакожь она чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила, также чрезъ письма, которыя они къ нему писали и у нея найдены».

Такова была историческая миссія А ф р о с и н ѣ и Ф е д о р о в о й. Какъ видно изъ донесенія резидента Деби, и она мечтала видѣть на своей головѣ корону.

VII.

Александра Салтыкова.

(Александра Григорьевна Салтыкова, урожденная княжна Долгорукая).

Петровскія преобразованія очень глубоко захватывали старую русскую почву. Обновляя государственныя формы, общественную жизнь и внѣшнія проявленія этой жизни, вызывая и развивая образовательныя и производительныя силы страны, Петръ заглядывалъ и въ семейную жизнь русскаго общества, справедливо понимая, что семья — первый общественный питомникъ: — если семья дастъ обществу урода, то и общество не въ силахъ сдѣлать изъ него человѣка.

Петръ зналъ семью по программѣ «Домостроя»; зналъ онъ и русскую женщину, жившую въ семьѣ по этой же программѣ. Онъ самъ былъ отчасти воспитанникъ домостроевскихъ женщинъ; но, по счастью, онъ скоро отбился отъ нихъ, и пошелъ своею дорогою.

Заглядывая и въ семейную обстановку русскаго общества, Петръ и тутъ пытался воевать съ «барбарскими обычаями». Онъ, между прочимъ, высказывалъ, что желаетъ русское общество «изъ

прежнихъ азiятскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся».

Для этого царь, между прочимъ, запрещалъ указами, «чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходили замужъ».

Это уже прямая забота о женщинѣ. Петръ, противникъ «Домостроя» и всего застарѣлаго, хотѣлъ защитить женщину отъ рекомендуемой Сильвестромъ «плетки» и отъ мужниныхъ кудалковъ.

Насколько воля преобразователя встрѣчала отпоръ въ старой русской семьѣ, доказываетъ вся несчастная жизнь хоть бы такой высоко поставленной женщины, какъ княжна Долгорукая, нашедшая себѣ мужа въ знаменитомъ братѣ царицы П р а с к о в ь и Ф е д о р о в н ы, Васильѣ Федоровичѣ Салтыковѣ.

Александра Григорьевна Долгорукая была дочь князя Григорія Федоровича Долгорукаго и племянница знаменитаго петровскаго сподвижника, неустрашимаго Якова Долгорукаго.

Какъ почти всѣ женщины первой четверти восемнадцатаго столѣтія, княжна Долгорукая одной ногой такъ-сказать стояла еще позади рубежа, отдѣлявшаго старую Русь отъ новой, такъ что на воспитаніи ея должны были лежать старыя краски, только жизнь и обстановка давали уже имъ новый оттѣнокъ.

Въ 1707 году, молодою дѣвушкою она вышла замужъ за немолодого уже вдовца, Василія Салтыкова—слѣдовательно породнилась съ царскою семьей, хотя Долгорукіе и прежде бывали въ ровномъ родствѣ съ владѣтелями русской земли.

Семейное положеніе, въ которое поставлена была молодая княжна, и составляетъ все содержаніе ея жизни. Положеніе это становится до нѣкоторой степени характеристикой эпохи—и оттого несложная, но и нерадостная жизнь этой женщины пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ интересъ историческій.

Десять лѣтъ прожила бывшая княжна Долгорукая въ замужествѣ съ Салтыковымъ, и жизнь эта не выходила повидимому изъ колеи обыкновенныхъ, рядовыхъ жизней высшаго и средняго общества.

Вслѣдствіе родства съ царскимъ домомъ, Салтыковы обращаются въ придворной сферѣ. Въ 1718—1719 годахъ они живутъ въ Митавѣ, при дворѣ герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая, какъ дочь царицы Прасковьи, приходилась племянницей Салтыкову, а по нему—и его женѣ, Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

Около этого времени у Салтыковыхъ разыгрывается семейная драма, источникъ которой намъ неизвѣстенъ, но самая тяжелая роль въ этой драмѣ выпадаетъ на долю Салтыковой. Разладъ между ними, можетъ быть, начинался давно, но рѣзкое обнаруженіе его относится къ тому времени, когда Салтыковъ началъ открыто преслѣдовать жену и обращаться съ нею самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Салтыкова жаловалась герцогинѣ, обращалась съ просьбою о защитѣ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; но это еще болѣе вызывало ожесточеніе со стороны мужа, и жизнь Салтыковой становилась каторгой: мужъ обращался съ ней грубо, постоянно бранилъ, и, даже вопреки «Домострою», часто пускалъ въ ходъ кулакъ и палку. Мало того, онъ открыто жилъ съ любовницею, съ своею собственною служанкою, и это еще болѣе увеличивало тягость положенія жены, которая, какъ хозяйка въ домѣ, часто была морима голодомъ.

Уѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ, Салтыковъ безчеловѣчно избилъ жену и оставилъ ее на произволъ судьбы. Анна Іоанновна сжалась надъ больною, и взяла ее къ себѣ, поручивъ придворному доктору лечить нанесенныя ей мужемъ раны.

Но вотъ мужъ требуетъ ее къ себѣ въ Петербургъ. Боясь по-

выхъ истязаній, Салтыковъ а рѣшается бѣжать къ отцу, у котораго она была единственная дочь.

Отецъ ея въ это время находился въ Варшавѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Убѣгая къ отцу, Салтыковъ тайно предупредила его объ этомъ, а другимъ никому не открыла своего намѣренія кромѣ герцогини Анны Іоанновны.

Отецъ выслалъ навстрѣчу дочери князя Шейдякова, который и долженъ былъ проводить ее до Варшавы. Шейдяковъ встрѣтилъ бѣглянку недалеко отъ Митавы, на Двинѣ, въ одной еврейской корчмѣ, и тотчасъ же распорядился, чтобы обозъ съ ея вещами и дворнею ѣхалъ далѣе въ Ригу, а Салтыкову съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, приготовленную имъ заранѣе, и приказалъ держать путь къ Варшавѣ.

Но Салтыковъ знала своего мужа и боялась его. Она знала, что онъ и у отца найдетъ ее и вытребуеъ для расправы. Поэтому, чтобы смягчить его гнѣвъ и по возможности обмануть, давъ благовидный предлогъ своему бѣгству, она съ дороги пишетъ ему: «При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть—я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла».

Съ трудомъ больная доѣхала до Варшавы. Жестоко-огорченный старикъ-отецъ, за оскорбленіе дочери и за безчестіе своего знатнаго рода, ищетъ расправы у царя.

Замѣчательный интересъ представляетъ его челобитная царю: въ ней онъ указываетъ Петру, что реформы его не проникли еще въ глубину русской старой семьи, что тамъ еще идетъ прежняя

кулачная расправа, что даже именитые люди знаменуютъ свои отношенія къ женщинѣ «барбарскими поступками», что «азіятскіе обычаи» изъ русской семьи не выводятся.

«Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь! — пишетъ онъ царю:— Ваше величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азіятскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изволили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не выходилъ за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную не малое время имѣлъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, та-кожъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, ссорили. Для чего какою немилостию обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное гоненіе и мученіе терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, ни послѣдней подданной сиротѣ снести было не мочно; однако она, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что, не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерти. и такъ мучительно билъ, что замертвую кинулъ, и притомъ токмо напамывалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житіи доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Е к а т е р и н ѣ А л е к с ѣ е в н ѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потомъ что было ея, все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію, и Польшу безчестно наслушалъ, и въ Петербургъ отѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще

жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больницу къ себѣ везть, что уже была и повезена. И видя оная послѣднее свое житье, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упавая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возратить, но и изъ его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастье, радость, здоровье, но и честь на вѣки отнялъ».

Старый придворный не ограничился этой челобитной къ царю. Онъ зналъ, что въ настоящее время, при Петрѣ, женщина стала не то, что была въ старое время, когда все, что касалось государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, считалось не бабьего ума дѣломъ. Теперь, особенно при дворѣ, женщина становилась все-сильною, отчасти потому, что это было въ принципѣ царя — выводить женщину изъ терема и дѣлать ее участницею общественной жизни. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо было позволить женщинѣ изъ своей свѣтлицы переходить и въ кабинетъ мужа, заглядывать въ лежащія у него на столѣ бумаги, говорить о дѣлахъ, о челобитчикахъ.

Петръ такъ и дѣлалъ—онъ не отгонялъ «Екатеришку» отъ своего рабочаго стола, и она знала челобитчиковъ своего мужа. Еще раньше этого Анна Монсъ уже неоднократно прашивала Петра за челобитчиковъ, даже злоупотребляла ласкою къ ней царя,

широко пользуясь правомъ посредницы. Не одна «Екатери-нушка» имѣла силу при дворѣ и прашивала за челобитчиковъ, а и «Дарья-глупая», «Анисья-старая», Брюсова жена и инныя. Впослѣдствіи, когда Виллимъ Монсъ вошелъ въ особенную силу при особѣ Екатерины Алексѣевны, сестра его, Матрена Балкъ, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ придворнаго присяжнаго повѣреннаго, и такъ широко воспользовалась возможностью получки гонорара со всѣхъ челобитчиковъ и челобитчицъ, что была предана позорной гражданской казни и пошла въ ссылку, а голова ея брата осталась на колу, а потомъ въ банкѣ со спиртомъ.

Старый придворный, князь Долгорукій, зналъ объ этомъ значеніи женщинъ при дворѣ, и вручилъ свою обиженную дочь покровительству Екатерины Алексѣевны. Царица, конечно съ разрѣшенія царя, позволила ей частно оставаться при отцѣ.

Въ благодарность за это Долгорукій писалъ Екатеринѣ: «Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексѣевна. Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С.-Петербурга высокоимлостивое писаніе отъ 10 іюля я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость на вѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно симъ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостью не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому-жъ

усильно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчье несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людямъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ». Въ заключеніе этого прошенія, князь Долгорукій, «упадая подъ ноги» царицы, просить не отдавать его дочери «на прежнее мученіе и убивство», просить возвратить приданое его дочери и выражаетъ надежду, что его «нижайшая суплика» не будетъ оставлена безъ вниманія.

Но этимъ не ограничились Долгорукіе. Имъ казалось, что при Петрѣ настало царство женщинъ, и потому надо пользоваться женскою силою.

Въ то время когда отецъ писалъ царицѣ, сама обиженная, Салтыкова, обратилась къ придворному присяжному повѣренному, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкѣ.

Письма Салтыковой къ Балкѣ составляютъ драгоценные документы для исторіи русской женщины: изъ нихъ видно, чѣмъ была русская женщина, по отношенію къ ея развитію и образованію, при началѣ преобразованія русской земли, та женщина, которая черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ превратилась въ женщину-писателя, которая явилась свѣту въ лицѣ княгини Дашковой и цѣлой плеяды російскихъ «Сафо», «Кориннъ» и проч.

Вотъ какимъ изумительнымъ языкомъ писала, въ 1719 году, супруга брата царицы, женщина изъ блестящаго рода князей Долгорукихъ, единственная дочь образованнаго посланника и русскаго министра:

«Государыня мая матрена ивановна много летно здравѣствууй купно са всеми вашими! писмо милости вашей получила, въ каторомъ изволите отвѣтствовать на мое писмо, каторое я къ

вамъ писала из кенезъ Берха, за что я вамъ, матушъка мая, благодаръствую и въпретъ васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радасію ожидать буду... и прашу на меня и неизволте прогневатьца, что мешъкала за нещасіемъ моимъ, на оное ваше писмо отвѣтъствовать; понежа у меня батюшъка канешъно болень огреваю четьри недели истень-но въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить майми писмами; ежели дасть Богъ Батюшъку лехъча, буду писать простъ-рано на будущей почте Сердешъно сердешно сожелею о вашей балежьне изволька мъне отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мъне отписать писмо мое отъ егана изволилъ получить какошъ надеюся, что онъ намъ данесетъ обавсемъ прастъранъно, каторая челабитъная послана къ царскому величеству такошъ и всемиластивой гасударыне царице екатерине алектъсеевне, изволте освѣдамитъца и камъне отписать, какъ изволятъ принять; а я въ бедахъ сванхъ инова претъстательства неимею кромя ея величества и ане камне пишуть, что мушъ мой хочеть на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушъла; я етава не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела въ чемъ батюшъке доехать принуждена была себе делать до последней рубашъки еде онъ увесъ ссобою ту бабѹ, каторая завъсемъ хадила; она снимъ уехала ссабою ли ане забрали или у людей оставили пускай его людей стой бабаю пытаются мне была ничаво негде брать я уже была давъно савъсемъ обрана и отъ нево разъбита токмо имела при себе несколка из майхъ алмазавъ и то у меня последняя аграбилъ, какъ поехалъ въ петербуръхъ сказалъ мне: ежели не дашъ хателъ да смерти убить, я ему свеликаю радасію и то отдала толка обобралъ и самъ билъ на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласъть

вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизволите слуга веръная до смерти.

«Изваршавы октября 17,1719 г.»

Изъ письма Салтыковой видно, что она зачѣмъ-то ѣздила въ «кенезъ Берхъ», то-есть въ Кенигсбергъ.

Не довольствуясь этимъ письмомъ, Салтыкова черезъ мѣсяцъ отправляетъ къ Матренѣ Балкъ второе посланіе, еще ужаснѣе перваго. Вотъ оно:

«Гасудараня мая матрена ивановъна многолѣтньо зѣдравствуі купно со вѣсеми вашими! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ своихъ зѣживыми обретаюса».

При этомъ Салтыкова говоритъ, что письмо Матрены Ивановны съ Белашинымъ получила—сожалѣеть о ея болѣзни. Просить посылать письма черезъ Бестужева. Матрена Балкъ просила ее остерегаться Дашкова: «его нынѣ у насъ нѣтъ, отпущенъ къ москве, желею, что я прежде не ведала я бы нарощно при немъ гаварила, что надлежить другимъ ведать.

«Пача вѣсево васъ прошу, изволте меня садеръжать, по своему обещанію, веръно такошъ где вазъможна упоминать въ миласти ея величеству, гасударыне циа, въ чемъ на миласть вашу безсумненною надежду имею, такошъ прашу матушъка мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышитъ въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердіе и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видетъ

Остаюсь вамъ веръная до смерти александра. Прашу отъ меня покланитъца ея миласти анъне ильинишъне».

Изъ этихъ писемъ видно, что дѣйствительно къ концу жизни великаго преобразователя Россіи наставало при дворѣ царство женщинъ.

По отправкѣ послѣдняго письма къ Балкѣ, Салтыкова сама ѣдетъ въ Москву для присканія свидѣтелей противъ мужа; но узнавъ, что «тиранскій мужъ» отпущенъ изъ Петербурга, приходитъ въ отчаянье, и шлетъ новую «суплику» къ государынѣ, а Матренѣ Балкѣ черезъ секретаря своего пишетъ:

«Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, симъ моимъ писаніемъ трудить и просить, дабы, по своей ко мне склонности, се приложенное мое письмо еѣ величеству всемилостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрезъ которое я ее величеству рабски доносила о приезде моемъ къ Москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая объ отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петербурха, ради великой нужды, а именно чтобъ мне сыскатъ верныхъ свидѣтелей, и очиститъ себя въ сносныхъ животахъ, въ чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челомъ, о которой моей нужде прошу донести словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже я объ оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно еѣ величеству необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня въ прежней любви вашей, и упоминатъ въ милости всемилостивѣйшей государыне царице. Такожде и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ; понеже я нынѣ кроме васъ приятелей въ санктъ-Петербурхѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомитъ меня, какъ еѣ величество всемилостивѣйшая государыня царица изволить принятъ отъ васъ мою низжайшую суплику, за что вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

«P. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю въ волю вашу: прошу неизвольте онаго ко мне отпущать напрасно безъ всякой ведомости, приездъ токмо мне принесетъ пущую пѣчуаль. Такождѣ

васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске онаго человека согласитца съ анной еедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду».

Вездѣ и во всемъ женщины—Екатерина Алексѣевна, Матрена Ивановна Балкъ, тамъ Анна Ильинишна, тутъ Анна Федоровна Юшкова: и дворъ, и сенать, и юстицъ-коллегія повидимому наполнены женщинами.

Наконецъ и самъ великій воротило при дворѣ царицы, Виллимъ Монсъ, превращается въ женщину.

Замѣчательно, что какъ во всей этой женской исторіи Виллимъ Монсъ былъ главнымъ двигателемъ и при дворѣ, и въ юстицъ-коллегіи, то чтобъ прикрыть свое участіе благовидною наружностью, онъ переписывается съ Салтыковой не отъ своего, а отъ имени женщины же, только пишетъ свои посланія къ ней особо-сочиненною азбукою, латинскими буквами.

Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Салтыковой: «Sdrawstwoy matouska aleksandra grigorgefna, bosedai wam dobrago sdorowje; sa fse samejstwa vassei, selaju dabie piessange etage was magu goschudarinu fdobrom strafge sastalla na katorom at fsewo fsewo swogewo sertza selaju» и т. д.

Мы не рѣшаемся на большую выписку изъ этого тарабарскаго посланія, а перелагаемъ его на удобопонятное правописание: «прошу васъ, мою государыню, дабы я не оставлена была писаніемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье, когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я съ великою радостью воспринимаю и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному свѣдомо, и стараюсь, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію, и надѣюсь, что вскорѣ послѣ праздника, только васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокру-

шать объ ономъ дѣлѣ, все Богомъ будетъ устроено, понеже ея величество вельми къ вамъ милостива и ни вѣсть какъ сожалѣть объ васъ, такожде и объ родителей вашемъ, присемъ остаюся вамъ моею государынѣ вѣрная вамъ *usluspisza*» (т. е. услужница).

«Услужница» эта—самъ Виллимъ Монсъ, камергеръ двора ея величества Екатерины Алексѣевны.

Вообще это было замѣчательное время. Женская интрига какъ паутина начала опутывать великаго преобразователя Россіи, который все болѣе и болѣе жаловался на старость и нездоровье.

Такимъ образомъ Виллимъ Монсъ, подъ видомъ женщины, переписывался съ Салтыковой, а посредникомъ ихъ въ этой корреспонденціи является гофмаршалъ митавскаго двора герцогини Анны Іоанновны Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ. Предлагая всесильному Монсу свое посредничество въ передачѣ писемъ Салтыковой, которой покровительствовала Анна Іоанновна, Бестужевъ-Рюминъ писалъ Монсу: «Извольте, государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обязуюсь вѣрнымъ ко услугамъ вашимъ быть при вашей корешпанденціи. Извольте оныя письма ко мнѣ при всепріятномъ вашемъ писаніи присылать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой охранныости отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно, и весьма секретно содержать буду».

Сторону обиженной, какъ видно изъ предыдущаго, приняла вся женская половина двора и аристократіи: на сторонѣ Салтыковой стояли сама царица Екатерина Алексѣевна, герцогиня курляндская Анна Іоанновна, будущая императрица, потомъ Матрена Ивановна Балкъ, Анна Федоровна Юшкова и другія. Но и противная, обидѣвшая сторона была не безсильна: отъѣчикъ былъ братъ старой царицы

Прасковьи, имѣвшей значеніе у Петра. Узнавъ, что противъ него возсталъ цѣлый сонмъ женщинъ, Салтыковъ подалъ на имя царя объявленіе, что у него жена сбѣжала. Въ объявленіи этомъ онъ говоритъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Митавы въ Петербургъ, то приказалъ женѣ выѣзжать вслѣдъ за нимъ, и потому для проводовъ ея оставилъ цѣлый штатъ прислуги. Но къ удивленію его, въ Петербургъ явились только дворовые служители, а жена съ горничною исчезла: «ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всё они скрылись, про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить».

Поэтому Салтыковъ требовалъ допросить прислугу—куда дѣвалась жена.

Царь на просьбѣ Салтыкова положилъ резолюцію: «о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ юстицъ-коллегіи. А буде зачѣмъ рѣшать будетъ не можно—учинить намъ доношеніе».

Начался опросъ людей. Къ отвѣту призвали и князя Шейдякова, помогавшаго побѣгу Салтыковой. Шейдяковъ сказалъ, что онъ, провожая къ отцу дочь князя Долгорукаго, исполнялъ порученіе начальства.

— А тебѣ, Шейдякову,—возражалъ на это Салтыковъ,—безъ мужнинаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало.

Салтыковъ, въ оправдательныхъ отвѣтахъ своихъ, между прочимъ, говорилъ: «жену безвинно мучительски не билъ, немилостиво».

ство съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ».

Но потомъ далѣе, какъ бы сознавая себя правымъ по «Домострою», этотъ ученикъ попа Сильвестра и сынъ древней Руси откровенно сознавался: «за непослушаніе билъ я жену самъ своею рукою, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не привращала и противъ меня невѣжила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла. Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя (отца обиженной) писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія».

Салтыковъ, сознавая свою силу, даже отшучивается въ своихъ отвѣтахъ юстицъ-коллегіи, ловко отпарируя обвиненія Долгорукаго: «что въ челобитѣ его написано, что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ отвѣчать мнѣ, на то что въ челобитѣ не написано, невозможно». Далѣе: «Истецъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно, а не выдавъ да не слыхавъ, и челобитной писать не надлежало. Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужья награждали женъ за уходъ».

Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ. Юстицъ-коллегія не рѣшалась разводить мужа съ женой. Дѣло перешло въ синодъ. Въ синодѣ опять тянется:—даже женское вліяніе не помогало.

Но вотъ царь и царица собираются въ персидскій походъ. Это было уже въ 1722 году.

Боясь, что въ отсутствіе царицы дѣло рѣшать въ пользу мужа, отецъ Салтыковой опять пишетъ Екатеринѣ Але-

к сѣвнѣ, больше надѣясь повидимому на женское заступничество, чѣмъ на мужское:

«Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня. Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ велиествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Праксевы Федоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ синода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и улика взята: и ежели ваше величество отымете отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лечилъ, которая взята у онаго подѣ присягою, не по моему прошенію токмо, но по именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться».

И дѣйствительно, дѣло это тянулось еще восемь лѣтъ: умеръ Петръ Великій, умерла Екатерина Алексѣевна, умеръ Петръ II, и только при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1730 году, семейная драма Салтыковыхъ кончилась тѣмъ, что бывшая княжна Долгорукая пострижена была въ монахини въ нижегородскій дѣвичій монастырь.

Ясно, что старая Русь была еще очень сильна и царство женщинъ на Руси было только кажущимся.

VIII.

Императрица Екатерина Алексѣевна I.

Систематическая борьба противъ русской старины, предпринятая Петромъ въ лицѣ почитательницъ этой старины, родной своей сестры царевны Софьи и первой супруги, царицы Евдокии, личное знакомство царя-плотника, во время путешествій за границую, съ европейскою женщиною, сравнительное превосходство этой послѣдней по отношенію къ тогдашней русской женщинѣ, превосходство, конечно сначала виѣшнее, на первый разъ всего болѣе бросающееся въ глаза всякому полудикарю, наконецъ сердечная привязанность къ одной изъ «иноземокъ», привязанность, безъ сомнѣнія вызывавшая осужденіе со стороны старой русской женщины,—естественно должны были вызвать Петра на борьбу и съ этою старою русскою женщиною, которая была едва ли не сильнѣе стараго русскаго мужчины, пятывшагося, когда ему брили бороду и радили его въ нѣмецкое платье.

Женщина повидимому не пятилась, но была опаснѣе для Петра чѣмъ мужчина, потому что старыя изъ нихъ и наиболѣе вліятельныя прятали свою старину, свою «душегрѣю», подъ нѣмецкое платье, а подъ польскую шапку—старинную «невѣдомо какую дьявольскую камилавку».

Съ женщиною можно бороться только ея женскимъ оружіемъ, и Петръ противъ старо-русской женской, невидимой, но опасной рати долженъ былъ выставить нѣмецкую и иную новую женскую рать.

Бъ этой рати и принадлежала та именно женщина, о которой мы намѣрены говорить и для которой, рожденной не въ Москвѣ, а гдѣ-то у нѣмцевъ, не существовало ни древней Руси, ни ея обычаевъ, ни ея завѣтныхъ костюмовъ.

24-го августа 1702 года, русскими войсками, во время войны со шведами, былъ взятъ въ плѣнъ маріенбургскій пасторъ Глюкъ, а съ нимъ молодая миловидная дѣвушка, находившаяся у него въ услуженіи.

Дѣвушка эта была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго или Сковаронскаго, по имени М а р т а.

— Вѣдаемъ мы—говорилъ впоследствии одинъ солдатъ, когда М а р т а была уже императрицею—вѣдаемъ мы, какъ она въ полонѣ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кофтанъ.

Плѣнницу эту, приведенную подъ русское знамя въ одной сорочкѣ, ожидала впоследствии великая доля: сначала она раздѣляла тронъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, царемъ Петромъ Алексѣвичемъ, а по смерти его единовластно и самодержавно обладала и русскимъ трономъ и судьбами русскаго народа.

Плѣнная дѣвушка отличалась замѣчательной красотой. Богатая природа ея была одарена и другими достоинствами, которыя показала она въ различныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни.

Сначала М а р т а С к а в р о н с к а я отличена была генераломъ Боуромъ, сподвижникомъ Петра, а потомъ на нее обратилъ вниманіе любимецъ государя, Меншиковъ, у котораго царь и увидѣлъ эту дѣвушку.

Марта была взята ко двору—она произвела на царя глубокое впечатлѣніе. Во дворѣ дѣвушка введена была въ кругъ царскихъ знатныхъ боярынь и молодыхъ фрейлинь или «дѣвокъ», какъ ихъ называли, которыхъ вниманію и заботливости государь и поручилъ молодую, симпатичную плѣнницу. Фрейлины и боярыни, видя расположеніе къ дѣвухѣ государя, ухаживали за ней, оберегали ее, развлекали, увеселяли.

Скоро дѣвушка была крещена въ православіе и получила имя Екатерины, а по отчеству—Алексѣевны, потому что царевичъ Алексѣй былъ ея воспреемникомъ.

При непрерывныхъ отлучкахъ своихъ то на войну, то на построеніе крѣпостей и каналовъ, Петръ обыкновенно переписывался съ отсутствующими довѣренными и приближенными къ нему лицами—переписывался онъ и съ «Катеринушкой» или скорѣе съ главной ея приставницей, Анисьею Кириловною Толстой.

То онъ называетъ свою Катеринушку—«маткой», то—поголландски или понѣмецки—«мудеръ»,—и письма царя отличаются, по обыкновенію, крайнимъ лаконизмомъ: «Матка здравствуй!»—или: «Здравствуй, мудеръ!»—вотъ и все-пока.

Съ своей стороны Анисья Кириловна, отъ имени юной «матки» и отъ сонма всѣхъ фрейлинь и боярынь-приставницъ, отвѣчаетъ царю, большею частью, въ шутиливомъ тонѣ. Такъ, въ письмѣ 6-го октября 1705 года весь этотъ сонмъ женщинъ подписался разомъ: «Анна Меншикова. Варвара. Катерина сама третья. Тетка несмышленная. Дарья глупая. Засимъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ».

Анна Меншикова—это сестра Александра Даниловича Меншикова. Варвара—это Варвара Михайловна Арсеньева. «Катерина сама третья» — понятно кто. «Тетка

несмышленная»—это сама Ани́сья Кириловна Толстая. «Дарья глупая»—это сестра Варвары Михайловны Арсеньевой, впоследствии свѣтлѣйшая княгиня Меншикова.

Всѣ эти женщины группировались около Катери́нушки и находились при дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны.

28-го декабря 1706 года Катери́нушка родила дочь, и ее называли также Екатери́ной: ребенокъ умеръ 27-го іюня 1708 года.

Съ кажды́мъ годомъ росла привязанность царя къ Катери́нушкѣ—съ Анною Монсѣ глубокая связь была порвана. Привязанность къ Катери́нушкѣ такъ и сквозить во всѣхъ письмахъ, на которыя царь не скупился во время своихъ мыканій по Россіи и по Европѣ. Мало того, едва привязанность царя къ молодой плѣнницѣ закрѣплена была рожденіемъ дочери, какъ Петръ уже начинаетъ думать о болѣе прочномъ будущемъ своей возлюбленной, вслучаѣ если онъ умретъ, не сдѣлавъ о ней никакого распоряженія.

И вотъ, думая начать войну съ турками, царь пишетъ Меншикову:

«Благодарствую вашей милости за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ для безвѣснаго сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, и ежели благой Богъ сіе дѣло окончатъ, то совершимъ въ Питербурху».

Что́ это былъ за «пароль»—можно догадаться: это было обѣщаніе объявить Катери́нушку своею законною супругой.

5-го генваря 1708 года, Петръ, въ самый разгаръ войны съ Барломъ XII, опасаясь за свою жизнь, пишетъ Меншикову: «Ежели что́ мнѣ случится волею божіею, тогда три тысячи рублей,

которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою». — Катерина Василевская—это она же, Катеринушка. «Дѣвочка» — это дочь, царевна Екатерина, умершая въ этомъ же году.

Съ своей стороны Екатерина Алексѣевна, помня, чѣмъ она обязана Меншикову, который обратилъ на нее вниманіе государя, относится къ нему какъ къ отцу.

«Милостивой нашъ государь батюшка, князь Александръ Даниловичъ, здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое; пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здоровіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева, отъ вашего сіятельства ни единого письма не получали, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи описать про здоровье государево».

Такъ пишетъ Екатерина своему прежнему благодѣтелю.

Тонъ этихъ писемъ, однако, постоянно начинается измѣняться.

Такъ, отъ 13-го февраля 1710 года, Екатерина Алексѣевна уже пишетъ Меншикову:

«Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адмиралъ (это—Петръ) милостию всевышняго Бога въ добромъ здоровіи, тако жъ и я съ дѣтками своими при милости его въ добромъ же здоровіи, только что собинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Тако же доношу, что господинъ контръ-адмиралъ не въ малой печали есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, что мало къ милости твоей писалъ: и милость твоя впредь не изволь сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребываніе, какъ милость твоя самъ извѣстенъ, вельми суетно. Иванъ Авергіевъ доносилъ про милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ колпинской

деревни на большую дорогу извоилиъ дорогу просѣкать: и я хозяину своему о томъ доносила, что зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный прикащикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло токуеть по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то извольте пожаловать къ намъ прислать немедленно. Екатерина».

Въ томъ же 1710 году она пишетъ въ постъ-скриптумъ своего письма къ Меншикову: «Маденькія наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются».

Съ своей стороны Меншиковъ пишетъ ей, 12-го марта 1711 года, въ такомъ тонѣ: «Екатеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой: Екатерина Алексѣевна многолѣтно о Господѣ здравствуй!».

Но уже 30 апрѣля такъ: «Всемиловѣйшая государыня царица!»

А она ему отъ 13 мая того же года: «пребываю и остаюсь ваша невѣска Екатерина». Тутъ же прибавляетъ, что съ «хозяиномъ» отправляется въ турецкій походъ. «Хозяинъ»—это самъ царь.

Послѣ, когда Петръ прогнѣвался на Меншикова за взятки и разореніе Польши, Екатерина писала своему бывшему покровителю: «Доношу вашей свѣтлости, чтобъ вы не извоили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели со стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ Шаутбенахтъ по прежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ».—«Шаутбенахтъ»,—это царь.

19-го февраля 1712 года царь доказываетъ, что сдержалъ свой «пароль»: онъ формально сочетался бракомъ съ своей Катери нушкой—она теперь царица!

Какъ ни часто Петръ разлучался, по дѣламъ, съ своей Катериноушкою, другомъ сердешниинимъ, но онъ постоянно думалъ о ней, гдѣ бы то ни былъ и чѣмъ бы ни былъ занятъ, и напоминалъ о себѣ то грамоткой, то подарочкомъ. То посылалъ онъ своей красавицѣ «матерію—по желтой землѣ да кольцо, а маленькой (дочкѣ) полосатую», и тутъ же выражалъ желаніе—«носить на здоровье». То покупалъ своей «маткѣ»—«въ Дрезденѣ часы новой моды, для пыли внутри стекла, да печатку, да четверной лапушкѣ втраіомъ» (?), и тутъ же извинялся, что «больше за скоростью достать не могъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ». То посылаетъ ей «устерсы», и прибавляетъ—«сколько могъ сыскать».

За частыми отлучками мужа Катериноушкѣ иногда вскружится, царю напишутъ объ этомъ приставницы-фрейлины—и онъ спѣшитъ ее развлечь, утѣшить, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы далеко ни приходилось посылать курьеровъ. Откуда-нибудь изъ Полтавы, когда Катериноушкѣ вскружится, царь шлетъ къ ней бутылку венгерскаго, и убѣдительно проситъ: «для-бога, не печалься—мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье. Дай богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили».

Съ своей стороны и приставницы Катериноушки, теперь уже царицы, пишутъ о ней царю, зная, что царь самъ тоскуетъ по ней,—и письма ихъ подлаживаются подъ тонъ переписки царя съ его дорогой супругою.

Такъ, одна изъ приближенныхъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ особѣ, Настасья Петровна Голицына, пишетъ царю:

«Всемиловѣйшій государь дорогой мой батюшка! желаю пришествія твоего къ себѣ вскорѣ, и ежели ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало

трудно. Царица государыня всегда не изволить опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ неотступно сижу, и Кириловна, у кровати стоя, дремлетъ. Царица государыня изволить говорить: «тетушка, дремлешь?» Она говорить: «нѣтъ, не дремлю, я на туфли гляжу». А Марья по палатѣ съ постелею ходитъ, и со всѣми бранится, а Кириловна за стуломъ стоитъ, да на царицу государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу».

Суровый, холодный и непреклонный, царь въ своихъ отношеніяхъ къ Екатеринушкѣ—полонъ нѣжности и заботливой предупредительности. Желѣзная воля его перерождается—Петръ неузнаваемъ.

Екатеринушкѣ предстоитъ дорога—и вотъ суровый царь предупреждаетъ свою дорогую «женушку»: «поѣзжай съ тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно идтить въ Аналимъ; только для-бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ гафѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя».

Для дороги посылаются маршруты, выставляются лошади, рѣчь идетъ даже о погодѣ, о трудности дороги.

«Дай-боже, чтобъ здрава проѣхали, въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непразности».

Екатеринушка беременна, и вновь соскучилась о государѣ.

«Для-бога—заботливо пишетъ Петръ—чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чего сама знаешь, что желаю—и лучше ѣхать, нежели печалиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать, а вѣдаю, что не утерпишь, и которою дорогою поѣдешь—дай знать».

«Дай-боже—вновь пишетъ царь по отправкѣ предыдущаго письма—чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ застало, чего въ олтерацѣ (въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости до-жидаюсь по вся часы».

Тутъ же отправляетъ къ ней «славнѣйшаго лекаря»—и снова выражаются безпокойство, боязнь и радость.

Какъ ни любить онъ дѣло, но и за дѣломъ онъ скучаетъ, когда долго не видитъ своего «друга сердешниинкого». Тоску свою онъ конечно выражаетъ шуткой, но въ этой шуткѣ сквозить истинная тоска: «горазда безъ васъ скучаю»—пишетъ царь изъ Вильны,—и прибавляетъ съ знаніемъ народнаго юмора: потому-де онъ скучаетъ, что «ошить и обмытъ некому...»

«Предаю васъ въ сохраненіе божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что дай, дай, Боже!»

И пріѣхавъ въ «Питербурхъ», въ свое любимое дѣтище, Петръ скучаетъ: «Для Бога, пріѣзжайте скоряй; а ежели зачѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ».

«Хочется мнѣ съ тобою видѣться—вновь пишетъ онъ—а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того что я въ двадцать семь лѣтъ былъ, а ты въ сорокъ два года не была».

Это писалось тогда, когда Катериношкѣ было двадцать семь лѣтъ, а царю—сорокъ два года: оттого она иногда называетъ его въ шутку своимъ «старичкомъ»,—и «старичокъ» дѣйствительно тосковалъ по своей милой молодкѣ.

«Откуда же происходила—спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей и знатоковъ этого времени—эта тоска по милой, или, лучше сказать, чѣмъ поддерживала Катериношка такую страсть въ Петрѣ, въ человѣкѣ бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ?»

Едва ли Петра можно назвать «непостояннымъ»: его первая любовь—къ Аннѣ Монсъ, и его послѣдняя привязанность—къ Екатеринѣ, напротивъ, доказываютъ, что этотъ человѣкъ, если любилъ кого истинно—то ужъ любилъ навсегда и постоянно, какъ любилъ онъ свое дѣло и Россію. Вообще очень ошибочно нѣкоторые писатели изображаютъ «чернорабочаго царя» какимъ-то вѣтрянымъ, легковѣрнымъ по отношенію къ женщинамъ: это—не его натура, не его стиль, если можно такъ выразиться.

Что—спрашиваетъ тотъ же писатель—приносила съ собой Екатерина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

«Съ нею явилось веселье—отвѣчаетъ онъ:—она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга—то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять живѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты этой, по судьбѣ своей замѣчательной женщины; портреты эти современны ей и нынѣ украшаютъ романовскую галлерею въ зимнемъ дворцѣ. Черты лица Екатерины неправильны; она вовсе не была красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ вздернутомъ носѣ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще во всей фizioноміи столько жгучей страсти; въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что не мудрено понять, какъ такой колоссъ какъ Петръ всецѣло отдался этому «сердешинькому другу».

Далѣе, тотъ же писатель говоритъ о ней: «Женщина, не только лищонная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя

мачиха—умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ. Таковы письма его къ Катериношкѣ съ извѣстіями о битвахъ съ шведами, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его—самой ей пріѣхать для поздравленія съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтки по поводу сдачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно знаменательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ «другомъ Катериношкой»: «мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо левъшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!»

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра «сердешинькой другъ Катериношка» выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ, вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній; ни то, ни другое не высказывается; но въ то же время здѣсь въ полусушительномъ и полусерьезномъ тонѣ являются выраженія удовольствія, даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій. Такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ Катериношки—нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и къ полному своему удовольствію видѣлъ съ ея стороны сочувствіе къ его внутреннимъ дѣяніямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно; Петръ не требовалъ больше, что видно даже изъ его порученій женѣ; всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ высмотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кой-какія вещи, съѣстные припасы, а чаще всего пива да вина. Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ въ одной изъ цидулокъ государь просилъ между прочимъ,

чтобъ «Екатериноушка погодила до середины распостатца» (отъ бременя). За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодницей его страстей и привычекъ; тѣ и другія охватили ея собственнымъ существомъ. Такъ съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе предметы мужа, то есть пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти, хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній. Количество подобныхъ подарковъ распредѣлялось Екатериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на минеральныхъ водахъ онъ получалъ презенты въ «одну бутылочку». — «Чая, что духъ пророческой въ тебѣ есть — благодарилъ Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ — что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велать въ день пить; и такъ сего магарыча будетъ съ меня».

Но не въ этомъ только проявлялись достоинства Екатерины. Кромѣ ея ласковости, нѣжности и предупредительности къ Петру, она была добра и сердечна по природѣ: всякій обиженный смѣло шелъ къ ней; всякій, подпавшій подъ сиверку «Петрушеньки», прятался за «матушку» Екатерину Алексѣевну — и она сглаживала съ царя эту сиверку, и спасала дѣйствительно невинныхъ, а иногда заслоняла собой и виновныхъ, просто по своей добротѣ.

Она была дѣйствительно также и умна. Съ какимъ тактомъ она умѣетъ во-время похвалить своего «Петрушеньку» за полтавскую вѣкторію, поговорить о его любимыхъ корабликахъ, обо всемъ, что составляло духовную жизнь ея «старичка».

«Поздравляю васъ, батюшка моего — пишетъ она царю — сыномъ Ивана Михайловича, который нынѣ отъ болѣзни своей, благодарить Бога, совсѣмъ уже выздоровѣлъ, и хотя къ кампаніи, такъ готовъ. — Какимъ образомъ оный сынокъ свободенъ,

о всемъ о томъ будетъ вамъ извѣстно отъ Брауна; а я вкратцѣ доношу, какъ слышала, что учинена въ немъ самая малая скважинка возлѣ кили, и конечно отъ якоря».

«Сынокъ» — это не что иное, какъ корабль, который былъ пробить якоремъ и судьба котораго, конечно, беспокоила Петра: «сынокъ» выздоровѣлъ — пишетъ Катеринушка.

Въ другомъ письмѣ она шутливо возбуждаетъ ревность мужа, говорить, что безъ него она обѣдала съ «ковалерами, которые по 290 лѣтъ», и также шутить насчетъ князь-кесаря Ромодановскаго, называя его, какъ и самъ Петръ называлъ Ромодановскаго — «государемъ» и «его величествомъ»; самого же царя называетъ «другомъ сердешнымъ контра-адмираломъ» и «господаномъ», а часто также «хозяиномъ».

«Другъ мой сердешной господинъ господавъ контра адмирал здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я приѣхала сюда по писму вашему. У государя нашѣва со многимъ прощениемъ просила, чтобъ онъ изволил побыть здѣсь до успеньева дни. Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляя многия свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ паки сюда приѣхать къ сентябрю мѣсяцу, и отсель изволитъ итить конечно сего мая 25 числа. При семъ прошу вашей милости, дабы изволил увѣдомитъ меня своимъ писаніемъ о состояніи дражайшего своего здравия и счастливомъ вашемъ прибытіи к Ревелю, что даждь Боже. Засимъ здравие вашей милости в сохранение божіе предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Из Санктъпитербуха мая 23. 1714 г.»

«Р. S. вчерашняго дня была я въ питер гофе, гдѣ обѣдали со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣт. А именно тихон Никитичъ, король самаяцкой, Иванъ Гавриловичъ Беклемишев, Иванъ

Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать».

Въ другомъ посланіи извѣщаетъ, что получила письмо отъ маленькихъ своихъ царевенъ, «отъ детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою».

«При отпуске сего доносителя—писать она вновь—ко извѣстию вашей милости иного не имѣю, токма что здѣсь, за помощію вышняго, благополучно состоитъ. А я зѣло сожалѣю, что после первого вашего писания, которое изволил писат от финскихъ берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили мене увѣдомит о состояніи своего дражайшего здоровья, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости полпива и свѣже просоленныхъ огурцовъ; дай Боже вам оное употреблят на здравіе. Засим здравіе вашей милости во всегдашнее божіе сохранение предавъ, остав жена твоя Екатерина. Отъ 30 Іюля 1714. Ревель.

«Р. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ она была у вас ли или где инде о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ курьеромъ Кишкинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣнія были».

•
Это была дѣйствительно морская битва со шведами. Русскіе побѣдили, и Петръ радостно извѣщалъ жену «о николи у насъ бывшей викторіи на морѣ надъ шведскимъ флотомъ».

Екатерина съ своей стороны радуется и поздравляетъ съ побѣдой.

«А что ваша милость изволили упомянуть в своем писмѣ, чтоб мнѣ здѣсь вашу милость ожидать, а ежели мнѣ будет время, то ѣхать въ саняхъ питербухъ, и я сердечно желаю счастливаго

вашего сюда прибытия. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену променят не изволите» — замѣчательная фраза въ ея устахъ.

А далѣе, въ концѣ письма, вновь шутить: «Прошу должной мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею викторіею господина князь баса (Ивана Головина); також извольте у него спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые имъ у шведовъ корабли) какъ онъ пожелуетъ, детми или пасынками?»

Всякая шутка супруги вызывала отвѣтную остроту отъ царя, и иногда шутки эти заходили очень далеко.

Такъ, Екатерина разъ шутливо намекала царю о какихъ-то «забавахъ», конечно не дозволенныхъ съ точки зрѣнія супружества, и Петръ отшучивался: «и того нѣтъ у насъ, понеже мы люди старые и не таковскіе»... Дѣйствительно «не таковскіе».

А въ другой разъ самъ колетъ свою Катерину шпун:

«Пишешь ты, якобы для лекарства, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого нибудь вытѣе (лучше, здоровѣе) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ тарунчанъ? я больше чаю — изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двема леты занялъ. Такъ-то вы евины дочки дѣлаете надъ стариками!»

Царь часто шутить надъ своей «старостью», потому что былъ на пятнадцать лѣтъ старѣе своей супруги, а равно подтруниваетъ и надъ ея мнимой невѣрностью.

«Хотя ты меня и не любишь — пишешь онъ изъ-за границы, гдѣ лечился, и извѣщая, что ему лучше: — однакожъ чаю, что тебѣ сія вѣдомость не противна, и рюмку выпьешь купно съ своими столпами».

Замѣчательно, что во всѣхъ ста-четырехъ письмахъ къ Екатеринѣ Петръ только разъ упоминаетъ о царевичѣ Алексѣѣ,

и то опять-таки шуточно, по поводу его женитьбы на кронъ-принцессѣ Шарлоттѣ. Въ этомъ письмѣ царь велитъ Екатеринѣ «объявить всешутѣйшему князь-паѣ и прочимъ, чтобъ пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими».

Чувствуетъ Петръ, что все болѣе и болѣе старѣется и болѣетъ чаще: заѣдаетъ его недужье, бессилье да «чечуй». А Катеринушка отъ недужья и бессилья шлетъ ему, гдѣ бы онъ ни былъ, «крѣпиша» — водки, или «армитажу» — вина.

Но ему все тоскуется безъ жены, а вѣчно съ ней быть невозможно.

Вотъ онъ по дѣлу въ Ревелѣ, и не забываетъ своего «друга сердешинькаго» — посылаетъ ей изъ ревельскаго дворцоваго саду цвѣты да мяту, что сама Катеринушка садила, и приписываетъ: «Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно».

Съ своей стороны Екатерина, благодаря мужа за цвѣты и мяту, пишетъ изъ Петербурга:

«И у насъ гулянья есть довольно: огородъ раскинулся изрядно и лучше прошлагоднаго; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалею, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ. Мнѣ это не дорого, что сама садила: мнѣ то пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фруктовъ... дай Боже во здравье кушать».

Уѣхавъ Петръ лечиться въ Спа на минеральныя воды, и постоянно пишетъ своему другу о томъ, что скучаетъ, что пьетъ за ея здравье — «по чаркѣ крѣпиша съ племянникомъ», т. е. водки.

«И мы — отвѣчаетъ ему Екатерина — Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. выпьемъ хмѣльнаго за здравье «старичка».

Чаще и чаще начинаетъ она писать своему «старичку» о его любимомъ царевичѣ, но не о злосчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, а о маленькомъ Петрѣ Петровичѣ, котораго они называли «шишечкою».

Въ одномъ письмѣ, когда Петръ находился еще во Франціи, Екатерина пишетъ, что если бъ онъ былъ при ней, «то бъ новаго шишеньку здѣлала бы».

«Дай Богъ — отвѣчаетъ на это «старичокъ» — чтобъ пророчество твое сбылось!»

«Однакожъ я чаю — пишетъ Екатерина пребывающему во Франціи супругу — что вашей милости не такъ скучно, какъ намъ, ибо вы всегда можете Фоминъ понедѣльникъ тамъ сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые».

«Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомои (прачки) — пишетъ она вновь — однакожъ и старая не забываетъ»...

«Другъ мой, ты, чаю, описалась о портомоѣ — отвѣчаетъ Петръ — понеже у Шафирова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старъ»...

«Понеже — далѣе шутить онъ — во время питія водъ домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради и матресу свою отпустили къ вамъ»...

«А я больше мною — возражаетъ ему Екатерина — что вы оную матресишку изволили отпустить за ея болѣзнь, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченья изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего Боже сохрани, чтобъ и галанъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала».

Или еще въ этомъ же родѣ, по поводу того, что Петръ все называлъ себя старикомъ:

«Дай Богъ мнѣ, дождавшись, вѣрно дорогимъ называть старикомъ—шутить Екатерина—а нынѣ не признаваю, и напрасно затѣяно, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей—старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся»...

Ничего не пропускалъ царь, чтобъ не сообщать о томъ Батеринушкѣ. Было у него въ Парижѣ свиданіе съ маленькимъ французскимъ королемъ, котораго русскій великанъ, во время визитной встрѣчи, взялъ на руки и внесъ во дворецъ.

И вотъ по этому поводу великанъ пишетъ своей супругѣ:

«Объявляю вамъ, что въ прошлой понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній каралица, которой пальца на два болѣе Луки нашего, карлы, дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому семь лѣтъ».

Все болѣе и болѣе, старѣя и недужая, отдавался царь своей послѣдней страсти — до изысканности нѣжной привязанности къ Батеринушкѣ и ея дѣтямъ, и все болѣе холодѣлъ къ царевичу Алексѣю, который казался ему недостойнымъ владѣть великою страной.

И Екатерина молчала о царевичѣ Алексѣѣ—въ письмахъ ея онъ забытъ, какъ забыть и въ письмахъ отца. Естественнo, что, какъ мать, она помнитъ только о своемъ ребенкѣ, о великомъ князѣ Петрѣ Петровичѣ, о своемъ «шипенъкѣ» или «Піотрушкѣ», какъ она его иногда называла. Она постоянно величаетъ отцу эту крошку «сантпистербургскимъ хозяиномъ».

За то, когда Петръ каралъ царевича Алексѣя и его сторонниковъ, когда ему вездѣ видѣлась кровь казненныхъ, и его мощная голова тряслась отъ страшныхъ, переживаемыхъ имъ минутъ жизни, Екатерина съ замѣчательнымъ, громаднымъ тактомъ

женщины заслоняетъ передъ нимъ эту картину ужасовъ умиротворенною картиною семейнаго ихъ счастья съ новыми дѣтьми.

«Прошу, батюшка мой, обороны отъ Піотрушки—пишетъ она царю, занятому страшнымъ процессомъ царевича Алексѣя — понеже не малую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а именно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любить той рѣчи, что уѣхали; но болѣе любить то и радуется, какъ молвишь, что здѣсь папа».

Съ своей стороны и лейбъ-медикъ Блюментростъ пишетъ царю о маленькомъ царевичѣ: «государь царевичъ, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, тако жъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволить нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно, что и коренные хотять выходить».

Екатерина не даетъ Петру забыть о младшемъ сынѣ—и царь ждетъ отъ него больше чѣмъ дождался отъ первенца Алексѣя.

«Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и при помощи божіей во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою»...

А этого-то и не любилъ несчастный старшій братъ его, царевичъ Алексѣй, за что и погибъ.

Сказавъ всѣхъ сторонниковъ этого царевича, похоронивъ и его самого, царь топить свое глубокое горе — не могъ же онъ не любить его! — въ новыхъ походахъ, въ новой кипучей дѣятельности, которая и поддерживала и ломала его жгѣзную силу: онъ носится по морю, воюетъ вновь со шведами, и тоскуетъ по семьѣ, а все перемогается.

«Ты меня хотя и жалѣешь—пишетъ онъ Екатеринѣ — однакожь не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена Туба

(начальника шведской эскадры), которая его со все́мъ флотомъ такъ спрятала, что не только его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Ваксгольмомъ и все́ми батареями». А въ реляціи объявляетъ о побѣдахъ адмирала Апраксина — «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ великимъ сикориномъ» (копьемъ).

«Всепокорно прошу вашу милость—отвѣчаетъ на это Екатерина — дабы писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ письмѣ изволите жаловать, что я жалѣю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева шведская желаетъ съ вами въ любви быть: въ томъ та не безъ сумнѣнія. А ктому жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такія уже толь не малыя лѣта да какое счастье получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ не было! Для-бога прошу вашу милость—одного его сюда не отпускать, а извольте съ собою вмѣстѣ привести».

Но здоровье державнаго гиганта годъ-отъ-году становится хуже и хуже. Онъ почти постоянно на лекарствахъ.

А между тѣмъ желѣзная воля его требуетъ дѣятельности. Онъ, не удовольствовавшись войною съ шведами, но и не разставаясь надолго съ Екатериной, безъ которой постоянно скучалъ, идетъ въ персидскій походъ.

Но и оттуда онъ возвращается больной...

«А подлѣ больного Петра — еще блестяще, еще эффектиче наружность полной, высокой, далеко еще не недужной Екатерины—говорить цитированный нами выше знатокъ петровскаго

времени.—Благодари современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 годъ, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она—то въ дорогомъ серебряной матеріи платьѣ, въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества ништадтскаго мира; роскошная черная коса убрана со вкусомъ; на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка; черные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонкорозоваго цвѣта ноздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горячія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечь, высоко поднятой груди, — все вмѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Екатерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности.

«Печалуюсь» въ пидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что, по характеру своему, она не была способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьезно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣивалась интимнымъ другомъ Виллимомъ Монсомъ съ его фамиліей.

«Но неужели—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь — не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги—необыкновенной властью, своимъ внимательствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ даетъ пищу неблагоприятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его «сердешинькаго друга?»...

Но оставимъ эти догадки, имѣющіе болѣе анекдотическое, а не историческое значеніе — они излишни.

Мы уже знаемъ, что нашелся такой голосъ, который шепнулъ на ухо царю, и — можетъ быть — напрасно!

Мы знаемъ также, что прекрасная, хотя не безукоризненно честная голова камеръ-юнкера очутилась на колу, а потомъ, говорятъ, въ спирту, въ кунсткамерѣ. Тутъ, вѣроятно все, много сказочной подкраски.

Какъ бы то ни было, ровно за полгода до этой страшной катастрофы (о которой мы по необходимости должны были подробно упомянуть при характеристикѣ Матрены Балкѣ), когда чей-то невѣдомый голосъ шепнулъ царю — можетъ быть недостойную клевету на его ненаглядную «Катеньку», — въ Москвѣ совершенно было торжество коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны.

Пышность торжества была невиданная, да и самое событіе — рѣдко повторяющееся въ исторіи: нѣкогда плѣнная дѣвушка Марта Скавронская, приведенная въ русскій станъ въ одной сорочкѣ, вѣнчалась императорскою короною и облакалась въ царскую порфиру...

Современники говорятъ, что императрица заплакала при этомъ...

«Ты, о Россія! — превозглашалъ въ этотъ день знаменитый нашъ пастырь и ораторъ Феофанъ Прокоповичъ — не засвидѣтельствуешь ли ты о богомвѣнчанной императрицѣ твоей, что всѣ дары и добродѣтели Семирамиды вавилонской, Тамирьскифской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи императрицы римской и иныхъ именитыхъ женъ Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видѣши въ ней неллицемѣрное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дочерямъ, великому внуку и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищегѣ, милосердіе къ бѣднымъ и виноват...

тытъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по мнѣнію аки огнь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во вселадкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отменяетъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умягчаетъ. О необычная!... великая героиня... о честный сосудъ... И яко отецъ отечества, благоутробную сію мать російскую вѣнчавый, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россія! сіе благолѣпіе, твоя красота, твой верхъ позлащенъ солнца яснѣ просіялъ».

Послѣ коронаціи, Екатерина Алексѣевна нѣсколько дней оставалась еще въ Москвѣ, а государь раньше ея уѣхалъ въ Петербургъ.

И опять начинается смучать о ней: видно, самому чувствовалось, что не долго оставалось ему жить на свѣтѣ.

«Екатеринушка, другъ мой сердешнишкой, здравствуй! — пишетъ онъ ей съ дороги. — Я вчерась прибылъ въ Боровичи слава Богу благополучно, здорово, гдѣ намоля нашихъ потрошонковъ («потрошонки» — это царскія дѣти) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ... зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаюсь, развѣ съ дождей вода прибудеть; а ежели не прибудеть и сносно тебѣ будетъ, лучшебъ до Бронницъ ѣхать сухимъ путемъ; а тамъ ямы частыя — не надобно волостныхъ... Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовили... дай Боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ».

А черезъ нѣсколько дней уже пишетъ изъ Петербурга:

«Нашелъ все, какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ повеселились («огородъ» — это лѣтній садъ); только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется — все пусто безъ тебя... и ежели бъ не праздники зашли, уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Птергофъ... дай Богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ!»

Пришелъ ноябрь. Царю подали безымянное письмо. Началось страшное дѣло Монса и его сестры Балкы.

Мы обойдемъ это дѣло: мы уже знаемъ, что чуть ли не оно подкосило послѣднюю силу пятидесяти-шестилѣтняго колосса.

27-го генваря 1725 года, въ четвертомъ часу пополуночи, Екатерина овдовѣла: вмѣсто Петра Великаго, всю жизнь не знавшаго усталы, во дворцѣ лежалъ посинѣлый трупъ.

Дворецъ точно замеръ на нѣсколько мгновеній. Но трупъ не вставалъ — не просыпался.

«И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли: сама государыня отъ сердца глубоко вздохнула чуть жива, и когда бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться», говорить Феофанъ Прокоповичъ.

Плакалъ, говорятъ, весь Петербургъ. Во всѣхъ полкахъ не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ угаснувшей силѣ — о солдатскомъ отцѣ.

Плакала и императрица, занявшая осиротѣлый тронъ своего великаго покойника.

Осиротѣлыя птенцы этого дѣйствительно не бывалаго въ мірѣ «чернорабочаго царя» — князь Меншиковъ, Бутурлинъ, Ягужинскій, Девіеръ, Макаровъ и Нарышкинъ — тѣсно сомкнулись вокругъ державной вдовы.

Въ первые дни императрица совѣмъ не выходитъ изъ своихъ покоевъ: она появляется только у гроба своего супруга.

Совершила она и похороны Петра: Петербургъ, по словамъ современниковъ, казался осиротѣлымъ, скорбнымъ.

«Но да отыдетъ скорбь лютая—возглашалъ тотъ же Феофанъ у гроба покойника:—Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ россиянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямого по немъ помощника въ жизни и подобравнаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и манархиня и мать всероссійская? Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому».

Иностранные дворы спѣшили поздравить императрицу съ восшествіемъ на престолъ. Особенно поздравленіе персидскаго шаха было оригинально, если вѣрить запискамъ княгини Дашковой.

«Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра—писалъ шахъ—что Богъ не одарилъ тебя любовію къ крѣпкимъ напиткамъ: я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки, и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдственной постелѣ».

Вступивъ на престолъ, императрица Екатерина I оставалась такою же, какою была и при Петрѣ: русскою землею правилъ Меншиковъ, это «дитя сердца» (Herzenskind) «чернорабочаго царя», какъ справедливо называли и того и другого.

Мы полагаемъ, что о Екатеринѣ, какъ исторической женщинѣ, сказано достаточно.

IX.

Дарья Ивановна Колтовская.

Прошло не болѣе четверти столѣтія съ того времени, какъ русская общественная почва, говоря словами одного стариннаго оратора, была вспахана реформами Петра и засѣяна новыми сѣменами, какъ уже успѣли выказаться и положительныя и отрицательныя стороны введенныхъ въ русскую жизнь новыхъ началъ: нововспаханная почва дала и пшеницу и конопь, и не легко было потомъ русскому обществу очищать свою ниву отъ сорныхъ травъ, извлекать изъ новыхъ началъ то хорошее, которое они въ дѣйствительности имѣли и могли дать.

Оттого противники новыхъ началъ не безъ основанія говорили, что то хорошее, которое навязывается силою, не бываетъ хорошо, что принятое по принужденію — не бываетъ прочно, а навѣянное вѣтромъ—вѣтромъ и разносится.

Противники новыхъ началъ утверждали, что съ бочкою меду въ русскую жизнь влита и ложка дегтю, что отрицаніе старины внесло съ собою до нѣкоторой степени и отрицаніе общественной нравственности, неуваженіе къ обычаю перешагнуло за черту уваженія ко многому, что признавалось дорогимъ и священнымъ,

что насильно обритая старость хотя и вызывала справедливый смѣхъ молодежи, но за смѣхомъ надъ обритою и переряженною въ нѣмецкій кафтанъ старостью стояла уже прямая деморализація этой смѣющейся молодежи, какъ результатъ ея легковѣрія: старыя-де столбы подрублены, новые не вогнаты въ почву — и все общественное зданіе разшатано.

Какъ на прямой результатъ насильственныхъ нововведеній указывали на усилившуюся безнравственность общества, которое не знало чему вѣрить — старому или новому, на развратъ, на продажность, взяточничество и, наконецъ, на ослабленіе семейныхъ связей, хотя едва ли можно отрицать, чтобы недостатковъ этихъ не было и въ дореформенной Руси.

Болѣе всего указываютъ на деморализацію женщины. Жить съ постороннимъ мужчиною въ неодобрительной связи, говорятъ, перестало для женщины быть позоромъ.

Все это, конечно, мнѣнія нѣсколько преувеличенныя. Хотя дѣйствительно первая половина XVIII вѣка представляетъ относительно весьма замѣтную вольность нравовъ, но женщина въ общемъ едва ли сдѣлалась деморализованнѣе оттого, что она стала до нѣкоторой степени жить общественною жизнью, стала выѣзжать въ ассамблеи, танцовать съ посторонними мужчинами.

Были случаи, гдѣ женщина дѣйствительно доходила до паденія и до преступленія, какъ фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ; но случаи эти всегда были въ человѣческомъ обществѣ и едва ли не всегда будутъ.

Такою, случайно нарушившею законы общественной нравственности, женщиною представляется намъ и Колтовская, которой имя сохранила исторія потому только, что женщина эта не любила своего мужа и, не уважая его памяти, открыто

соединила свою жизнь съ человѣкомъ, котораго любила, но связь съ которымъ не освящалась закономъ.

Колтовская была первою у насъ женщиною, которая выступаетъ въ той именно обстановкѣ и въ томъ общественномъ положеніи, кои въ настоящее время принято называть «гражданскимъ бракомъ».

Дарья Ивановна Колтовская была женою сѣвскаго воеводы Григорія Алексѣевича Колтовскаго—слѣдовательно женщина болѣе или менѣе высшаго круга.

У Колтовскаго подъ начальствомъ служилъ незначительный чиновникъ—подъячій Максимъ Пархомовъ, на котораго Колтовская и обратила свое вниманіе.

Дружба Колтовской и Пархомова приняла такія формы, что имъ невозможно было оставаться врозь, и они должны были искать совмѣстной жизни.

Но Пархомовъ былъ женатъ. Жена была препятствіемъ для соединенія его съ Колтовскою, и онъ рѣшился устранить это препятствіе.

Пархомовъ видѣлъ множество примѣровъ постриженія женъ въ монахини отъ живыхъ мужей: Грозный постригъ не одну свою супругу; на глазахъ Пархомова Петръ Великій постригъ въ иночии первую свою супругу Евдокію Федоровну Лопухину и жилъ въ непризнанномъ бракѣ—по крайней мѣрѣ такъ говорили—съ Анною Монсъ, а потомъ съ Мартою Скавронскою, пока эта послѣдняя не стала его законною супругою.

Пархомовъ послѣдовалъ этимъ внушительнымъ примѣрамъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1722 года онъ постригъ свою жену Ирину при помощи игумена Филагрія, настоятеля рыльскаго никольскаго монастыря воынской пустыни, — и взялъ себѣ за жену бывшую воеводшу Колтовскую.

Нѣсколько лѣтъ прожила такимъ образомъ Колтовская съ Пархомовымъ, пока противъ ихъ незаконнаго сожитія не возбуждено было судебное преслѣдованіе.

Дѣло дошло до святѣйшаго синода.

Колтовская и Пархомовъ были арестованы и привезены въ Петербургъ.

Синодъ, рассматривая это дѣло, нашелъ, что Пархомовъ постригъ свою жену «безъ указу», а Колтовская отдалась ему «для беззаконнаго прелюбодѣянія».

Въ то время рѣшенія духовнаго суда основывались на «Кормчей книгѣ», на евангеліи, на правилахъ вселенскихъ соборовъ и на русскомъ спеціальномъ судебникѣ — «Духовномъ Регламентѣ».

Обращаясь къ этимъ церковнымъ узаконеніямъ, синодъ встрѣчалъ слѣдующія, подходящія къ данному случаю, статьи:

«Всякъ отпущай жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творить ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ» (Матв. V, 31—32).

«Оставитъ человекъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину, яко же къ тому нѣста два, но плоть едина: еже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ» (XIX, 5—6).

«Иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творить на ню» (Мар. X, 11—12).

«Женяйся пущеницею, прелюбодѣетъ» (Лук. XVI, 18).

Въ первомъ посланіи къ коринфянамъ апостола Павла: «А оженившимся завѣщаю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпущати» (VII, 10—11).

Въ правилахъ карфагенскаго собора: «Бракомъ совокупившимся распущающимися, аще не смирятся, да пребываетъ тако: аще ли ино, къ покаянію да понуждени будутъ» (прав. 102). Въ толкованіи на это правило: «Угодно бысть собора сего, по евангельскому и апостольскому ученію, никому же своя жены не изгнати; просто не разлучится отъ нея. Аще прилучится или мужу восхотѣвшему, или женѣ, разлучитися отъ сожителства, и не смирится и не восхочета паки слитися и купно жити, да пребудутъ паки во единствѣ, и другому браку да не сочетаются».

Къ этимъ всѣмъ яснымъ и опредѣленнымъ для даннаго случая законамъ приведено прямое подтвержденіе изъ «Духовнаго Регламента» о монахахъ: «Не принимать мужа, жену живу имѣющаго. Обычай его есть, что мужъ съ женою взаимное согласіе творить, что мужъ въ монахи постригся, а жена бы свободна была пойти за иного. Сей разводъ простымъ кажется быть правильный, но слову Божию противенъ, ежели для единой сей причины дѣется; а хотя бы и была причина къ разводу довольная, однако жъ сего не дѣлать мужу съ женою самовольно, но представлять о томъ разводѣ епископу своему обстоятельно, которому подлинно освидѣтельствовавъ, для разсужденія и опредѣленія писать въ святѣйшій синодъ, а не получа изъ синода резолюцій, таковыхъ разводовъ не чинить».

Между тѣмъ синодъ находилъ, что Пархомовъ не только прежде постриженія жены своей не указалъ на нее, за что бы она могла быть пострижена, или какъ выражено въ рѣшеніи синода, не показалъ на жену «правильной вины письменно», но даже ни отъ кого не требовалъ указнаго опредѣленія, въ случаѣ если бы жена его даже добровольно пожелала принять постриженіе; напротивъ, онъ постригъ ее насильно и женился на Болтовской «весьма неправильно».

Изъ всего изложеннаго синодъ заключалъ, что Пархомовъ поступилъ «выше показаннымъ господнимъ словесамъ и апостольскому и святыхъ отецъ преданію противно».

Только 16-го декабря 1726 года, уже по смерти Петра Великаго, состоялось постановленіе синода по дѣлу Колтовской и Пархомова, и этимъ постановленіемъ опредѣлялось—Колтовскую и Пархомова развести.

Вслѣдствіе этого—говорилось въ объявленіи синода—«они, Пархомовъ и Дарья Колтовская, разведены, и другъ съ другомъ жить имъ не велѣно, о чемъ и указъ имъ сказанъ, съ крѣпкимъ за преслушаніе подтвержденіемъ, въ чемъ онъ, Пархомовъ, мая 24 дня, 1727 года, и своеручно подписался, что исполнять то святѣйшаго синода опредѣленіе будетъ».

Послѣ объявленія этого рѣшенія подсудимымъ, они были отсланы подъ карауломъ въ юстицъ-коллегію, которая, не освобождая ихъ, должна была дослѣдовать дѣло свѣтскимъ судомъ, а потомъ вновь прислать въ синодъ для наложенія на виновныхъ церковнаго покаянія.

Но судъ свѣтскій оказался милостивѣе духовнаго: Пархомова и Колтовскую не только не осудили, но даже предоставили имъ полную свободу, и они начали вновь жить по старому.

Синодъ узналъ объ этомъ только черезъ полтора года, когда у Колтовской, послѣ опредѣленія синодомъ развода ея съ Пархомовымъ, родился ребенокъ.

Вину въ этомъ дѣлѣ синодъ весьма справедливо вводитъ на свѣтскій судъ, который освободилъ подсудимыхъ, какъ выражается синодъ, «знатно по страсти презирающихъ законныя повелѣнія».

Могло быть и такъ, что свѣтскіе судьи были подкуплены подсудимыми: продажность суда въ то время, какъ видно и изъ манифеста Екатерины II, доходила до вопіющихъ размѣровъ.

«А нынѣ извѣстно — говорить синодъ — что онъ, Пархомовъ, на свободѣ ходить и живетъ паки съ оною прелюбодѣицею, Дарьею Колтовскою, единокупно, и называетъ ее себѣ женою, и чрезъ приходскихъ священниковъ объявилось, что и дѣтище съ нею, послѣ выше помянутаго разводу, прижилъ, и правильное святѣйшаго синода по законамъ божіимъ запрещеніе ихъ въ томъ богопротивномъ прелюбодѣйствѣ и опредѣленіе уничтожаетъ, за что грядетъ гнѣвъ божій на сыны противленія».

Послѣ этого возникаетъ вторичное дѣло о Колтовской. Ее и Пархомова судятъ уже за сопротивленіе духовному суду.

Вторичное опредѣленіе синода было таково: «Оныхъ противниковъ, Максима Пархомова и прелюбодѣицу его, Колтовскую, донедѣже пребываютъ въ упрямствѣ своемъ и не возвратятся съ покаяніемъ, оглучить отъ церкви, и входа церковнаго имъ нигдѣ не давати, и въ домъ ихъ ни съ какими церковными требами не входить».

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ послѣднемъ своемъ рѣшеніи синодъ руководствовался не «Духовнымъ Регламентомъ», а постановленіемъ московскаго собора 1667 — 1668 года — чисто русскимъ историческимъ закономъ, состоявшимся, какъ говорится въ объявленіи синода, «при прадѣдѣ его императорскаго величества, блаженные и вѣчнодостойныя памяти великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Россіи самодержцѣ, и при бытіи святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, Памсія александрійскаго, Макарія антиохійскаго, Іоасафа московскаго и всея Россіи, и многихъ греческихъ архіереевъ и всѣхъ русскійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего освященнаго собора, за руками ихъ, о не слушающихъ и противящихся».

Извѣстно, что соборное постановленіе это состоялось по поводу суда надъ патріархомъ Никономъ — за его сопротивленіе духовному суду.

Законъ этотъ примѣненъ былъ и въ данномъ случаѣ къ Колтовской и Пархомову.

Синодъ приводитъ этотъ замѣчательный по своей силѣ и по своему историческому значенію законъ:

«Аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ святаго и животворящаго духа, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отца и сына и святаго духа, и проклятію и анафемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесоединенія и стада, и отъ церкви божіей отсѣваемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, пребудеть въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа со Іудею предателемъ и распятыми Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, и каменіе, и дрѣвеса да разрушатся и да растлятся. И той да будетъ не разрѣшенъ и растленъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ. Аминь».

Въ заключеніе этого строгаго постановленія было выражено:

«Которое соборное изложеніе и святѣйшій правительствующій синодъ утверждаетъ и по содержанію онаго тою властію и силою всесвятаго духа, на вышереченныхъ мерзкихъ прелюбодѣйцовъ, Пархомова и вдову Колтовскую, сіе изреченіе заключаемъ неотмѣнно».

Дальнѣйшая судьба Колтовской намъ неизвѣстна.

Мы не считали себя въ правѣ обойти эту женщину въ своихъ очеркахъ потому, что она представляетъ собою явленіе, до нѣкоторой степени характеризующее то переходное нравственное состояніе, которое въ началѣ прошлаго столѣтія переживала Россія, явленіе, которое — если бы было въ болѣе древней русской жизни, то едва ли выразилось бы въ такихъ формахъ, въ какихъ выразилось оно въ эпоху нравственнаго броженія русскаго общества.

Можно утвердительно сказать, что Болтовская въ XVII-мъ вѣкѣ не поступила бы такъ открыто, какъ поступила она въ XVIII-мъ, и безъ сомнѣнія облекла бы свою привязанность къ любимому человѣку въ инныя формы.

Х.

Анна Петровна,

герцогиня голштинская.

Въ то время, когда культурныя начала общественной жизни западной Европы, съ наступленіемъ XVIII столѣтія, какъ-бы силою ворвавшись въ неподвижный дотолѣ строй русской жизни, выводили русскую женщину изъ терема, моленной и кладовой, вырывали ее изъ-за монастырскихъ стѣнъ и темной монастырской кельи, опрокидывали весь застывшій на «Домостроѣ» повседневный обиходъ боярыни, боярышни, княгини, княжны и царевны и намѣчали типъ новой русской женщины,—подъ крыломъ этой послѣдней вырастали дочери и внуки, для которыхъ старая жизнь становилась уже преданіемъ и которыя съ своей стороны готовили поколѣнія будущихъ русскихъ женщинъ, съ инымъ характеромъ, инымъ типомъ и иною фізіономією, такихъ женщинъ, въ коихъ бабушки и прабабушки ихъ XVII вѣка не признали бы своихъ внучекъ и правнучекъ. Эти послѣднія начинаютъ уже кой-чему учиться, и учиться не одному «четью-пѣтью церковному», которому обучались ихъ бабушки, и то рѣдкія, а чему-то другому, правда—весьма скудному, но все же вы-

ходящему изъ узкихъ рамокъ «четырь-пять церковнаго» и вышиванья воздуховъ и поясовъ для своихъ духовниковъ.

Уже Меншиковъ, въ 1705 году, пишетъ—какъ мы видѣли—своей будущей невѣстѣ, Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, жившей въ то время съ его двумя молоденькими сестрами при дворѣ царевны Натальи Алексѣевны — «для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило».

И дѣвушки второго поколѣнія XVIII вѣка начинаютъ уже учиться не только больше чѣмъ учились ихъ бабушки, но и больше своихъ матерей и предшественницъ, больше чѣмъ учились красавицы Анна Монсъ, Матрена Балкъ, Марта Скавронская, гетманша Скоропадская и другія.

Къ этому-то второму поколѣнію женщинъ XVIII вѣка принадлежитъ и та женская личность, которая въ нашихъ настоящихъ очеркахъ стоитъ теперь на очереди—царевна Анна Петровна.

Царевна Анна была второю дочерью Петра Великаго и Марты Скавронской, которая, въ то время когда родилась эта дѣвочка-царевна, не именовалась еще Екатериной Алексѣевной, а называлась или Мартою Скавронскою, или «госпожею Кохъ», или же «Екатериною Василеевскою».

Эта дочь Марты и Петра родилась 27 января 1708 года и въ первые годы своей жизни не носила ни титула княжны, ни титула царевны, потому что сама мать ея не носила никакихъ еще титуловъ.

О дѣвочкѣ пишутъ въ одномъ письмѣ отъ 28-го декабря 1708 года просто какъ объ «Аннушкѣ»: «при семъ извѣстую—Аннушка во здравіи».

Хотя въ то время и издавался уже календарь и въ немъ каждый годъ помѣщались члены царской фамиліи, но о дочеряхъ Петра до самаго 1724 года не упоминалось ни разу—какъ будто бы ихъ и не было: не упоминалось и объ «Аннушкѣ» или о царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Только уже въ календарѣ на 1725 годъ—годъ смерти Петра Великаго—показаны дни тезоименитства великихъ князей Анны, Елизаветы и Паталя Петровенъ; но за то ничего не упоминается о дняхъ тезоименитства дѣтей царевича Алексѣя Петровича—Петра и Натальи.

Какъ дочь Петра, жаждавшаго знаній, страстно любившаго всякія научныя свѣдѣнія, гдѣ бы онъ ни сталкивался съ ними въ своей дѣловой, неутомимо-рабочей жизни, маленькая «Аннушка» должна была учиться, и дѣйствительно училась.

Хотя о дѣтскомъ ея періодѣ вообще не имѣется почти никакихъ свѣдѣній, но объ этомъ именно обстоятельствѣ, о направленіи воспитанія дѣвочки новымъ путемъ, отшатнувшимся отъ программы «Домостроя», сохранились нѣкоторые извѣстія.

Одинъ изъ бытописателей прошлаго вѣка Штелинь со всею свойственною ему простотою передаетъ, со словъ будто бы императрицы Елизаветы Петровны, такой фактъ, что однажды Петръ, заставъ своихъ маленькихъ дочерей, ее—Елизавету Петровну, и старшую ея сестру «Аннушку», за чтеніемъ писемъ госпожи Ламбертъ, приказалъ перевести ему оттуда одну страницу. Ему перевели.

— Счастливы вы, дѣти—сказалъ онъ—что васъ воспитываютъ и въ молодыхъ лѣтахъ приучаютъ къ чтенію полезныхъ книгъ! Въ своей молодости я былъ лишенъ и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ.

Дѣвочка, такимъ образомъ, училась не только русскому, но и нѣмецкому и французскому «ученью», о необходимости кото-

раго для своихъ сестеръ настаивалъ и Меншиковъ, и знала нѣсколько языковъ. Для того времени и это уже былъ великій шагъ женщины къ новой фазѣ ея гражданскаго вочеловѣченія.

Когда дѣвочкѣ было только шесть лѣтъ, она уже умѣла нѣсколько писать, и въ одномъ изъ писемъ ея матери, Екатерины, къ Петру, отъ 1714 года, когда царь былъ въ отсутствіи и воевалъ со шведами на морѣ, видимъ приписку: получила письмо—говоритъ Екатерина царю—«отъ детей нашихъ, въ которомъ писмѣ а н н у ш к а приписала имя свое своею ручкою».

Когда дѣвочкѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, то у этой крошки былъ уже свой небольшой придворный штатъ. Одинъ писатель прошлаго вѣка, Веберъ, упоминаетъ между прочимъ, что въ послѣдствіи гофмейстериною маленькой царевны сдѣлана была Клементова (Klementoff), и при этомъ получила титулъ баронессы.

Дѣвочка подрастала и становилась завидною невѣстою для разныхъ германскихъ и иныхъ владѣтельныхъ князей и принцовъ, которые желали бы охотно заручиться родственнымъ и политическимъ союзомъ съ такимъ сильнымъ тестемъ, какимъ былъ обладатель великаго московскаго царства, повидимому наступившаго уже широкою пятою на горло сѣвернаго льва, безпокойнаго рубаки Карла XII.

Такимъ соискателемъ руки царевны Анны Петровны явился Фридрихъ-Карлъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, явился такъ поспѣшно, что невѣстѣ только-что исполнилось одиннадцать лѣтъ. Герцогу голштинскому страстно хотѣлось пріобрѣсти право на шведскій престолъ, который былъ сильно пошатнутъ рукою Петра: эта загрубѣлая въ работѣ рука могла помочь молодому герцогу, которому было всего двадцать лѣтъ, сѣсть на тотъ

престолъ, на которомъ не сидѣлось войнолюбивому и «бранливому» Карлу XII.

Въ этихъ видахъ юноша отдался подъ покровительство русскаго царя, и, чтобъ приобрести болѣе реальное право на это покровительство, явился искателемъ руки маленькой царевны **А н н ы**.

Бассевичъ утверждаетъ, что дядя молодого герцога умолялъ юношу не рисковать поѣздкой въ Россію, въ эту «страну варваровъ». Онъ напоминалъ ему, что въ этой невѣдомой для Европы странѣ уже постигло большое несчастье одного изъ голштинскихъ герцоговъ, такого же молодого и неопытнаго юношу:—онъ разумѣлъ, вѣроятно, или Магнуса, или «титularнаго короля» Ливоніи, женившася когда-то на княжнѣ Марѣ Владиміровнѣ старицкой, или молодого принца Юанна, несчастнаго жениха Ксеніи Годуновой, сложившаго въ Москвѣ свою молодую красивую голову и свои кости въ чужую землю, или же, наконецъ, принца Вольдемара, котораго много лѣтъ не выпускали изъ Москвы, куда онъ пріѣхалъ свататься за дочь царя Михаила Федоровича, царевну Ирину Михайловну.

Но молодой герцогъ не послушался своего дяди и рѣшился попытать счастья, которое, дѣйствительно, не легко далось ему въ руки: подобно отдаленному предшественнику своему, отважному норманну, Гаральду норвежскому, совершившему чудеса храбрости, чтобъ заслужить любовь русской красавицы, княжны Елизаветы, дочери Ярослава, и въ безнадежной страсти мыкавшемуся по морямъ и пѣвшему свою знаменитую пѣсню о томъ, что «дѣва русская Гаральда презираетъ»,—подобно этому «великану сумрака», новѣйшій Гаральдъ, голштинскій принцъ Фридрихъ-Карлъ употреблялъ неимоверныя старанія, чтобъ заслужить любовь русской «Аннушки», тосковалъ и кутилъ отчасти въ

Россіи цѣлые годы, и хотя не производилъ чудеса храбрости, но, ища случая увидѣть свою красавицу, давалъ подъ ея окнами серенады, вздыхалъ, страдалъ, — а русская «Аннушка» все оставалась для него недоступнымъ сокровищемъ.

Петръ Великій былъ не-прочь, однако, отдать свою любимицу «Аннушку» за герцога, чтобъ имѣть въ немъ и черезъ него претендентство на шведскій престолъ и его именемъ брать у Швеціи ключи балтійскаго поморья полною горстью; но согласіемъ на бракъ почему-то очень долго медлилъ—и не безъ причины.

Впрочемъ, невѣста была еще такъ молода—это было совсѣмъ дитя, еще не вышедшее изъ отрочества.

Герцогъ прибылъ въ Россію инкогнито, подъ именемъ и званіемъ русскаго «пранорщика», и прежде всего, на пути своемъ въ Петербургъ, явился въ Ригу. Съ герцогомъ пріѣхалъ и камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся въ свитѣ жениха, и этотъ-то Берхгольцъ оставилъ драгоценныя записки о пребываніи герцога въ Россіи, о сватовствѣ, о неудачахъ этого долгаго сватовства, о всѣхъ, наконецъ, наиболѣе рельефныхъ и мельчайшихъ, но характерныхъ событіяхъ того времени.

Берхгольцъ говоритъ, что онъ увидалъ царевну Анну Петровну лѣтомъ 1721 года, въ Петербургѣ, въ лѣтнемъ саду, который тогда еще назывался царскимъ «огородомъ». По его словамъ, маленькая царевна была прекрасна какъ ангелъ, съ чуднымъ цвѣтомъ лица, съ удивительными руками и станомъ, довольно уже высокаго роста, брюнеточка. Красота ея была дѣйствительно замѣчательна, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ царевну. Это былъ типъ самого Петра—только типъ женскій, смягченный, улучшенный, хотя дѣвушка и походила на отца поразительно.

Берхгольцъ описываетъ даже костюмъ ея съ младшей сестрой Елизаветой Петровной: княжны одѣты великолѣпно, при-

чесаны по послѣдней парижской модѣ—Европа сильно задѣла своими культурными крыломъ Россію, когда въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ Петербургъ началъ уже жить парижскими модами, въ началѣ XVIII вѣка, черезъ тридцать лѣтъ послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ!

Но герцогу рѣдко имѣлъ счастье видѣть ту, для которой пріѣхалъ изъ-за моря. Его держали въ почтительномъ отдаленіи отъ великихъ княженъ. Когда царь и царица уѣзжали куда-либо изъ Петербурга, царевны вовсе не показывались жениху, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто и они выѣхали куда-нибудь.

Исторія Гаральда, такимъ образомъ, повторяется черезъ семьсотъ лѣтъ!

Камеръ-юнкеръ герцога, Берхгольцъ, ведетъ дневникъ. Какъ счастливѣйшіе дни въ жизни своего молодого герцога Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ тѣ немногіе и кратковременные моменты, когда герцогу удавалось видѣть юныхъ княженъ при какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ.

Встрѣчаясь съ невѣстой, герцогу положительно робѣлъ, былъ застѣнчивъ, почти не рѣшался заговорить съ нею. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Только съ 21-го октября онъ почему-то успѣлъ побѣдить свою робость и сталъ выказывать дѣвушкамъ болѣе нѣжнаго вниманія, въ разговорахъ—болѣе свободы и смѣлости. Мало того, онъ старался оказывать ей рыцарскіе знаки своей сердечной привязанности: такъ, однажды, замѣтивъ, что игра его волторнистовъ нравится молоденькой княжнѣ, онъ сталъ ѣздить по Фонтанкѣ мимо оконъ дворца, находившагося тогда въ лѣтнемъ саду, а музыканты его играли ноктурно.

На прогулкахъ онъ искалъ случая встрѣтить княжну, заговорить съ нею, полюбоваться ею.

Разъ это счастье улыбнулось ему: Берхгольцъ рассказываетъ, что однажды герцогъ встрѣтился съ княжной въ саду и даже осмѣлился поцѣловать у нея ручку. Счастье молодого человѣка, по словамъ Берхгольца, было выше всякой мѣры.

Въ это время заключенъ былъ ништадтскій трактатъ. Изъ словъ и намековъ Петра, герцогъ долженъ былъ ожидать всего своего благополучія отъ заключенія этого трактата. Но оказалось, что въ статьяхъ ништадтскаго договора о герцогѣ не было упомянуто даже ни однимъ словомъ, а напротивъ—Россія обязывалась никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ дѣла Швеціи.

Герцогъ и всѣ бывшіе съ нимъ голштинцы упали духомъ.

Чтобы утѣшить ихъ, по Петербургу распустили слухъ, что герцогъ, наконецъ, женится на дочери царя.

Этотъ слухъ польстилъ самолюбію герцога — надежды его вновь воскресали.

Въ день тезоименитства императрицы Екатерины Алексѣевны, въ катерининъ день, 24-го ноября, герцогъ давалъ серенаду подъ окнами дворца.

«Старшая принцесса—говоритъ по этому случаю Берхгольцъ—ясно показала тогда, что она большая любительница музыки, потому что почти постоянно во время серенады держала тактъ рукою и головою. Его высочество часто обращалъ взоры къ ея окну, и, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ: онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописанную любовь, которую обнаруживаетъ при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами».

Но не смотря на эти завѣренія Берхгольца о страстной любви герцога къ тринадцатилѣтнему ребенку-невѣстѣ, страсть эта подвержена сильному сомнѣнію: герцогъ видимо искалъ не одного миловиднаго личика хорошенькой и благородной по сердцу ца-

ревны, не одной любви ея, а въ придачу къ ней и, главное, въ первой мѣрѣ — шведскаго престола, котораго онъ надѣялся достигнуть только черезъ нее, царевну, а потомъ уже и руки своей невѣсты, еще впрочемъ не нареченной.

Сомнѣніе это становится неопровержимымъ, когда мы скажемъ, что, женившись на той, къ которой онъ показывалъ столько робкой и глубокой страсти, герцогъ слишкомъ жестоко отнесся къ своему божеству, не только, тотчасъ послѣ вѣнца, украдкой глотавшему горькія слезы, а вполне изстрадавшемуся потомъ подъ гнетомъ тяжелой жизни съ этимъ, умѣвшимъ хорошо притворяться, молодымъ искателемъ шведской короны и русскихъ денегъ.

Но объ этомъ въ свое время...

Въ началѣ 1722 года царскій дворъ переѣхалъ въ Москву. За дворомъ переѣхалъ туда и герцогъ.

А о свадьбѣ все не было ни рѣчи, ни даже намека.

Время между тѣмъ все идетъ. Голштинцы все ждутъ напрасно.

Хотя, затѣмъ, въ февралѣ, на фейерверкѣ, у герцога, по приказанію царя, изображенъ былъ видъ голштинской столицы, города Киля, съ плывущими къ нему, съ одной стороны, русскимъ кораблемъ съ дѣвою, а съ другой—шведскимъ кораблемъ съ короною, однако же о бракѣ опять-таки не было сказано ни слова: — всѣ оставались такъ церемонно-любезны и сдержанны, начиная отъ самого царя и кончая молоденькими царевнами.

Между тѣмъ французскій посланникъ Кампредонъ пишетъ въ Парижъ о предложеніи царя выдать царевну Анну за принца шартрскаго—и герцогъ голштинскій ничего объ этомъ не знаетъ:—его видимо водятъ — ни отвѣта, ни привѣта.

Наступаетъ пасха. Герцогъ видитъ, что всѣ русскіе христосуются, цѣлуются. Ему понравился этотъ добрый обычай. И вотъ

онъ — просить императрицу позволить и ему, по русскому обычаю, похристосоваться. Ему позволяют — и онъ цѣлуется съ царевнами.

«Старшая — замѣчаетъ при этомъ Берхгольцъ — по врожденной застѣнчивости, поколебалась было немного, однако послѣдовала знаку императрицы; но младшая, Елизавета Петровна, тотчасъ подставила свой розовый ротикъ для поцѣлуя».

И герцогъ снова радъ — его фонды видимо поднимаются: онъ пьетъ за здоровье царской фамиліи — онъ веселъ, онъ даже навеселѣ, снова выпиваетъ нѣсколько бокаловъ, и, откланиваясь императрицѣ и царевнамъ, вновь цѣлуется и съ матерью-императрицею и съ дѣвушками — великими княжнами.

Въ свитѣ герцога радость и ликованье. Голштинцы распииваютъ на радостяхъ нѣсколько кубковъ и ложатся спать отуманные.

Но вотъ царь собирается ѣхать въ персидскій походъ и предлагаетъ герцогу оставить безъ него Россію. Надежды жениха окончательно рушатся. Тогда между царемъ и герцогомъ является посредникомъ Бассевичъ, голштинецъ же, и ему удается исходатайствовать у Петра позволеніе молодому герцогу остаться въ Москвѣ. Но между тѣмъ Петръ тайно приказываетъ Меншикову увезти великихъ князей въ Петербургъ.

Герцогъ узнаетъ объ этомъ, и за нѣсколько верстъ отъ Москвы устраиваетъ въ палаткахъ прощальный пиръ. Онъ думаетъ, что, проѣзжая мимо палатокъ, царевны сдѣлаютъ ему честь — остановятся, что онъ задержать ихъ въ палаткѣ, сдѣлаетъ ихъ участницами прощальнаго обѣда; но царевны вышли изъ экипажа только на нѣсколько минутъ, и тотчасъ же уѣхали. Съ горя голштинцы сами сѣли за роскошный столъ, приготовленный для царевенъ, и волей-неволей отпировали на холостую ногу.

А время все идетъ. Наступаетъ ужъ 1723 годъ.

Въ этомъ году герцогу удастся вновь увидѣть свою красавицу, въ Петербургѣ. По словамъ Берхгольца — царевна все хо-рошѣетъ, а дѣла герцога все не двигаются.

Вообще это сватанье напоминаетъ средневѣковые подходы рыцаря къ дамѣ своего сердца: цѣлые годы проходятъ, а рыцарь все ломаетъ на турнирахъ копье въ честь своей возлюбленной, носить ей цвѣтъ, вздыхаетъ у подъемнаго моста ея замка, словно голштинскій герцогъ у Фонтанки, и только на какомъ-нибудь годовомъ турнирѣ издали увидитъ свою богиню въ числѣ «ста красавицъ свѣтлоокихъ» и отъ одного вида ея и блеска глазъ разгорается его забрало, какъ говорится въ одной легендѣ, переложенной въ прекрасную балладу.

Но вотъ голштинцы замѣчаютъ, что къ концу 1723 года съ герцогомъ становятся необыкновенно любезны при дворѣ.

Проходить еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наступаютъ именины невѣсты, 3 февраля 1724 года. Свита герцога замѣчаетъ, что самъ Петръ очень внимателенъ къ ихъ господину — и свита начинаетъ надѣяться, что конецъ ея ожиданій не далекъ, что ихъ скоро отпустить домой, въ дорогой имъ родной Киль, съ молодою герцогиней.

Но и это былъ ложный лучъ надежды.

«Къ сожалѣнію — говоритъ Берхголецъ — это было напрасно; надо надѣяться, что съ помощію божіею воспослѣдуетъ всему желанный конецъ въ коронацію», которая ожидалась въ маѣ этого года.

Герцогъ, однако, становится все смѣлѣе и настойчивѣе: бывая навеселѣ, онъ уже называетъ Петра «батюшкою» — и свита его радуется такимъ успѣхамъ своего молодого господина.

Наступаетъ четвертый катерининъ день со времени приѣзда герцога въ Россію — и только въ этотъ день, 24-го ноября 1724

года, при посредствѣ Остермана и голштинцевъ Бассевича и Штамке, написанъ былъ брачный контрактъ голштинскаго герцога Фридриха-Карла и цесаревны Анны Петровны.

Въ 21-й статьѣ контракта опредѣлялось и обезпечивалось будущее хозяйство Анны Петровны и ея будущихъ дѣтей, назначался для нея штатъ, опредѣлялись «маетности» и употребленіе ея приданого, которое, кромѣ драгоценностей и уборовъ, состояло въ трехъ-стахъ тысячахъ рублей единовременной выдачи. Анна Петровна должна оставаться въ греческой вѣрѣ, а дѣти ея — мальчики — должны быть крещены по лютеранскому обряду, а дѣвочки — воспитываться въ православной вѣрѣ. Анна Петровна и мужъ ея отказываются и за себя и за потомство отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону российской имперіи.

Три «секретные артикула» контракта гласили: Россія обязывается помогать герцогу голштинскому достигать шведской короны, возратить Шлезвигъ; а со стороны Петра — право («власть и мочь») призвать, по своему усмотрѣнію, «кѣ сукцессіи короны и имперіи всероссийской одного изъ урожденныхъ отъ сего супружества принцевъ», и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю императора, «безъ всякихъ кондцій».

Тутъ же Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ съ свойственною ему откровенностью:

«Надобно замѣтить, что несравненная, прекрасная принцесса Анна назначена въ супруги нашему государю, чего и мы всѣ горячо желали. Такимъ образомъ теперь кончилась неизвѣстность — на долю старшей или младшей принцессы выпадетъ этотъ жребій. Хотя ничего нельзя сказать противъ красоты и пріятности послѣдней (Елизаветы Петровны), однако всѣ мы, по

многимъ основаніямъ, желали отъ всего сердца, чтобы старшая, то-есть принцесса Анна, досталась нашему государю».

Петръ, между тѣмъ, думалъ иначе: ему все хотѣлось свою «Аннушку» отдать за французскаго короля—это жребій болѣе завидный, чѣмъ быть голштинскою герцогинею. Французская корона и корона Голштиніи—тутъ выборъ ясенъ. Но представитель французскаго королевства Кампредонъ все отвѣчалъ неопредѣленно, уклончиво — вотъ что и понудило Петра рѣшиться наконецъ на этотъ голштинскій компромиссъ: — онъ, что называется, не вытерпѣлъ, а Кампредонъ сказалъ, что французскому королю была бы болѣе выгодною невѣстою великая княжна Елизавета Петровна, которая и моложе Анны лѣтами и живѣе характеромъ.

На другой день по заключеніи контракта Петръ пригласилъ герцога—едва ли не въ первый разъ—обѣдать запросто, по семейному, — и съ тѣхъ поръ герцогъ могъ ужъ видѣть свою невѣсту ежедневно.

Бассевичъ прямо говоритъ, что Петръ желалъ и не скрывалъ этого желанія, чтобъ послѣ его смерти наслѣдовала Анна, его любимая дочь, и Кампредонъ говоритъ тоже, что послѣ смерти своего маленькаго «Піотрушки», великаго князя Петра Петровича, царь все хотѣлъ «Аннушку» передать «сукцессію» на російское царство.

Но вотъ въ январѣ 1725 года царь тяжело занемогаетъ.

Больной Петръ, давно уже перебогавшійся, сразу почувствовалъ, что кончина его близка, началъ было писать что-то: «отдать»... и не могъ дальше продолжать своего послѣдняго завѣщанія; рука его, такъ много работавшая, такъ твердо державшая и скипетръ, и историческую палицу, бившую всякаго лѣнтяя и подлеца, попадавашаго подъ палицу, рука, державшая

такъ умѣло и топоръ, и пилу, и командирскій рупоръ, и рюмку съ анисовкой, и перо, такъ много писавшее—эта рука отказывалась больше писать, и царь послалъ за своей «Аннушкой», чтобъ ей продиктовать послѣднюю волю; но когда великая княжна подошла къ отцу — онъ ужъ былъ безъ языка.

Послѣ смерти отца Анна Петровна страшно тосковала, «потому что—говорить Берхгольцъ — императоръ всегда показывалъ неописанную нѣжность и любовь къ обѣимъ дочерямъ, и въ особенности къ старшей».

Изъ ничтожества, какимъ герцогъ казался при Петрѣ, со смертію его онъ мгновенно выросъ въ значеніи при дворѣ. Екатерина видимо была расположена къ нему, такъ какъ хорошо понимала, что многимъ обязана была Бассевичу, голштинцу же, при вступленіи на престолъ.

Назначена была наконецъ свадьба.

Въ апрѣлѣ герцогъ нанялъ лучший тогда въ Петербургѣ домъ графа Апраксина, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь зимній дворецъ, за три тысячи рублей въ годъ, и переехалъ туда передъ самой свадьбой.

Бракосочетаніе совершено было въ троицкой церкви, на петербургской сторонѣ, 21-го мая 1725 года. Епископъ Феофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ птенцовъ Петра, послѣ свадебнаго обряда благословилъ новобрачныхъ пославянски, а герцогу переводилъ свое пастырское благословеніе на латинскій языкъ.

Въ этотъ же день, въ ознаменованіе торжества, императрица Екатерина Первая учредила орденъ Александра-невскаго.

Въ сентябрѣ молодые ѣздили осматривать ладожскій каналъ, любимое дѣтище Петра-строителя. Въ деревнѣ Лавѣ они остановились ночевать. Ночлегъ дала имъ просторная мужицкая изба. Въ избѣ этой оказалось много дѣтей, особливо дѣвочекъ. Гово-

рять, что Анна Петровна, всегда ласковая къ дѣтямъ и любившая ихъ общество, созвала всѣхъ этихъ ребятишекъ и съ удовольствіемъ провела съ ними весь вечеръ, не смотря на то, что это были крестьянскіе, не всегда опрятные ребятишки, а пріемная комната—крестьянская изба. Утромъ дѣти опять собрались къ доброй царевнѣ, пѣли ей пѣсни,—и Анна Петровна всѣхъ ихъ одарила деньгами.

Но дочери Петра съ тѣхъ поръ уже не улыбалось счастье.

Время скоро разоблачило характеръ рыцаря, послѣ свадьбы показавшаго свое лицо изъ-за забрала. Замужство видимо не сулило Аннѣ Петровнѣ ничего хорошаго, потому что изъ угодливаго и робкаго Фридрихъ-Карль тотчасъ послѣ вѣнца превратился въ надменнаго и безтактнаго гордеца и деспота. Даже на императрицу онъ пересталъ обращать вниманіе.

Аннѣ скоро пришлось плакать тайкомъ, чтобъ никто не видалъ слезъ молодой голштинской герцогини. Екатеринѣ же пришлось раскаяваться, что поспѣшила свадьбой;—но было уже поздно.

Началась тяжелая жизнь для молодой герцогини — семейныя сцены, дразги, ревность; слезы, говорятъ, часто льются и сквозь золото.

Впечатлительное сердце молодой женщины было привязчиво; она вся отдавалась своимъ добрымъ побужденіямъ, и даже къ несчастному сыну царевича Алексѣя Петровича, къ великому князю Петру Алексѣевичу, всѣми брошенному, она одна показывала постоянную и непритворную привязанность. За то герцогъ не удостоилъ даже посѣщеніемъ этого будущаго русскаго императора, Петра Второго.

Вообще герцогъ былъ далеко не находка: болѣзненный, не красивый собой, дурной нравственности, ревнивый и мотъ—онъ

былъ, говорятъ современники, мученіемъ для своей доброй и нѣжной жены, которую въ одинъ годъ вогналъ въ могилу.

Гоненія на Анну начались скоро, еще въ Россіи.

Въ одно время Анна Петровна обратила благосклонное вниманіе на камергера Тессина, молодого человѣка изъ свиты своего мужа, обратила вниманіе потому, что это былъ умный, образованный мужчина среди кутиль герцогской свиты — и ревнивый герцогъ тотчасъ же удалилъ Тессина въ Берлинъ на зло женѣ. Анна Петровна была обижена и оскорблена этой грубой выходкой, и не явилась на праздничное торжество, на которомъ должна была присутствовать.

Вообще съ этимъ несчастнымъ бракомъ все повидимому отшатнулось отъ бѣдной женщины. Даже при дворѣ матери-императрицы ей стали оказывать мало уваженія, потому что для русскихъ царедворцевъ она, по русскому обычаю и по народнымъ понятіямъ, стала «отрѣзаннымъ ломтемъ».

«Генераль-полицеймейстеръ Девіеръ, сидя однажды во дворцѣ—передаетъ Кампредонъ — нѣчто великому князю Петру Алексѣвичу на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у окна въ той же палатѣ, плакала, и въ такой печальный случай онъ, Девіеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на кровати: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина!»

Вѣроятно, когда бы былъ живъ Петръ, онъ, генераль-полицеймейстеръ, не рѣшился бы сказать такихъ словъ любимой дочери царя.

Но вотъ умираетъ и Екатерина—новое горе плачущей молодой герцогинѣ.

Положеніе дѣлъ при дворѣ мгновенно измѣняется. Голштинское вліяніе отступаетъ на задній планъ, и величіе надменнаго герцога сразу рухнуло.

Многіе думали, что, до совершеннолѣтія Петра II, государствомъ будетъ управлять Анна Петровна, какъ всѣмъ извѣстно—любимѣйшая дочь Петра Великаго, о которой и Бутурлинъ говоритъ — «она была умильна собою, и пріемна, и умна, походила на отца»... — всѣ шансы были на ея сторонѣ.

Но ничьи надежды въ этомъ отношеніи не сбылись, не смотря даже на то, что и въ духовномъ завѣщаніи Екатерины I, написанномъ, по взаимному соглашенію, Меншиковымъ и Бассевичемъ, было многое сказано въ пользу Анны Петровны и голштинцевъ; Меншиковъ же всѣхъ ихъ и оттеръ отъ регентства, въ глубинѣ души своей проча императорскую корону одной особѣ, еще почти дѣвочкѣ, о которой никто не могъ и предполагать, какъ о тайной претенденткѣ на русскую корону. — Объ этой дѣвочкѣ будетъ сказано въ свое время.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, Бассевичъ подалъ въ верховный совѣтъ меморіалъ, въ которомъ просилъ объ исполненіи тѣхъ статей завѣщанія покойной императрицы, гдѣ дочерямъ Петра и Фридриху-Карлу голштинскому предоставлялись разныя денежныя выдачи, гдѣ упоминалось о покупкѣ дома для голштинскаго посольства и для свиты герцога, а равно предоставлялось имъ нѣсколько комнатъ въ академіи наукъ.

Верховный тайный совѣтъ ничего не отвѣчалъ на этотъ меморіалъ — голштинцамъ оставалось ждать. Ждала своей участи и Анна Петровна.

Но вотъ, вмѣсто отвѣта на меморіалъ, тайный совѣтъ объявляетъ оберъ-гофмейстеру Анны Петровны, Нарышкину, что-бы онъ наблюдалъ, исполняется ли герцогомъ все согласно брач-

наго контракта и выдаются ли Аннѣ герцогомъ проценты съ трехъ-сотъ тысячъ рублей, данныхъ ей въ приданое. Нарышкинъ отвѣчаетъ, что онъ ничего не знаетъ ни о контрактѣ, ни о деньгахъ. Тогда тайный совѣтъ посылаетъ жъ Бассевичу приказъ — доставить требуемое свѣдѣніе какъ относительно денегъ, «такъ и обо всемъ, что касается выгодъ цесаревны».

Въ отвѣтъ на это Бассевичъ и Штамке доводятъ до свѣдѣнія тайнаго совѣта, что герцогъ намѣренъ оставить Россію.

Вслѣдствіе этого совѣтъ даетъ ему въ распоряженіе два фрегата и шесть ластовыхъ судовъ. Герцогъ требуетъ, вмѣсто фрегатовъ, кораблей — и ему отказываютъ. Потомъ идетъ рѣчь объ уплатѣ милліона рублей, который слѣдовалъ герцогинѣ Аннѣ по завѣщанію матери. Въ совѣтѣ рѣшаютъ, чтобы герцогъ, получая деньги, обязался употреблять ихъ по волѣ Анны Петровны, чтобъ она была совершенно увѣрена въ сохранности этого капитала.

Наконецъ наступаетъ для герцогини Анны время отъѣзда изъ Россіи, разставанье съ родиной.

Аннѣ Петровнѣ выдаютъ часть завѣщаннаго ей матерью милліона — именно двѣсти тысячъ рублей. Получивъ деньги, она — было на квитанціи росписалась: «наслѣдная принцесса руссійская»; но совѣтъ возразилъ, что такой титулъ предосудителенъ для руссійскаго императора, который одинъ по своей волѣ можетъ располагать наслѣдствомъ, а потому предложилъ ей росписаться такъ: «урожденная принцесса всероссійская»...

Министры герцога представляютъ верховному совѣту, что Аннѣ Петровнѣ прискорбно будетъ, если раздѣлъ ея съ сестрой Елизаветой Петровной состоится не при ней и она ничего не въ состояніи будетъ взять на память о матери. Анна Петровна съ своей стороны проситъ реестръ наслѣдственныхъ

вещей, но при этомъ охотно уступаетъ Петру и его сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ все, что имъ понравится, а упоминаетъ только, что остались еще два сундука, которые не внесены въ раздѣлъ. Верховный тайный совѣтъ отвѣчаетъ, что для раздѣла наслѣдственныхъ вещей назначена будетъ особая коммисія и что всѣ вещи, имѣющія достаться Аннѣ Петровнѣ, будутъ переданы голштинскому министру; что, наконецъ, императору и сестрѣ его изъ тѣхъ вещей ничего не нужно, но что сундуки будутъ рассмотрѣны.

25-го іюля 1727 года Анна Петровна навсегда оставила Россію. Съ ней отправилась въ Голштинію и француженка Латуръ Лануа (La Tour l'Annois), которая находилась при ней во время ея дѣтства, а теперь опять пріѣхала изъ Франціи къ своей любимой царевнѣ.

Анна Петровна горько разставалась съ Россіею, горько плакала. Да и было о чемъ: деспотъ-мужъ уже достаточно успѣлъ выказаться—чего же ждать тамъ, вдали отъ Россіи, отъ родныхъ, когда и здѣсь ей приходилось подѣ-часть очень тяжело?

Въ своей столицѣ, веселомъ Килѣ, герцогъ скоро истратилъ всѣ взятыя изъ Россіи деньги — промоталъ приданое жены на роскошь, на кутежи — и уже въ мартѣ 1728 года снова просидѣлъ изъ Россіи помощи — въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ рублей.

Анна Петровна была уже беременна.

Вотъ что по этому поводу писала изъ Кіля въ Россію, отъ 26-го октября 1727 года, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, одна изъ находившихся при дворѣ Анны Петровны приближенная къ ней особа, именно Мавра Шепелева, въ своемъ очень остроумномъ, но далеко не отличающемся своими грамматическими качествами письмѣ, которое мы передаемъ съ дипломатическою точностію:

«Всемиловитѣйшая государыня цесаревна Елизаветъ Петровна!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здоровьѣ. Еще шъ уведомились мы, что ваша высочество веселится, и желаемъ мы, чтобъ вашему высочеству боле веселья имѣть, а печалъ николи бы боле не имѣть. Еще шъ данашу, что ваша сестрица все готовитъ, а именно: чепъчики и пелонки, и ужъ по всякой день варошитъца у ней въ брукху вашъ будущей племянникъ, или племянница, и комнаты ужъ готовы. Инова вашему высочеству писать за скоростію не имѣю, точію остаюсь ваша высочества верная раба

Ма в ра Шепелева.

«У нас в Били очень дажди велики и ветри, а печи все железніа, и то маленькіа».

Такъ-то писала приближенная къ Аннѣ Петровнѣ особа будущей императрицѣ російской, молоденькой цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Но бѣдной сестрѣ ея, Аннѣ Петровнѣ, не долго привелось жить вдали отъ родины.

Скоро она разрѣшается отъ бремени сыномъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, или — будущимъ императоромъ Петромъ Третьимъ, тѣмъ именно «племянникомъ» будущей императрицы Елизаветы Петровны, который «по всякой день варошитъца въ брукху» у матери, — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умираетъ, не достигнувъ двадцати лѣтъ отъ роду!

Екатерина II-я положительно говоритъ, что бѣдная женщина умерла чахоткой отъ непріятностей и семейныхъ огорченій.

Подобно Ксеніи Годуновой, умирая, она проситъ похоронить ее въ Россіи, около гроба славнаго и дорогаго ей отца.

За тѣломъ герцогини посланъ былъ корабль «Рафаилъ» и фрегатъ. Контръ-адмиралъ Бредакъ былъ начальникомъ эскадры.

Въ печальномъ посольствѣ этомъ находились президентъ ревизіонъ-комисіи Иванъ Бибииковъ, архимандритъ и два русскихъ священника.

12-го октября 1728 года тѣло Анны Петровны подъѣзжало къ Кронштадту. Минихъ получилъ изъ Москвы высочайшее повелѣніе встрѣтить прахъ съ подобающею честью и похоронить въ петропавловскомъ соборѣ, что и было исполнено 12-го ноября.

Веберъ зналъ эту несчастную, такъ мало жившую любимѣйшую дочь Петра Великаго: у него—говорить онъ—нѣтъ достаточно силъ, способностей и искусства, чтобы описать достойно всѣ похвальныя качества ея. Это была прекрасная душа въ прекрасномъ тѣлѣ. Петръ любилъ ее съ видимою нѣжностью: герцогиня и по наружности и по уму чрезвычайно походила на него.

Бассевичъ съ своей стороны говоритъ: Щедрая и очень образованная, герцогиня говорила, какъ на своемъ родномъ языкѣ, пофранцузски, понѣмецки, поитальянски и пошведски. Съ дѣтства показывала она неустрашимость героини, а въ отношеніи присутствія духа она напоминала своего великаго отца. Вотъ примѣръ этому: молодой графъ Апраксинъ признался ей въ любви. На это признаніе Анна Петровна отвѣчала презрѣніемъ. Полный надежды и смѣлости, Апраксинъ засталъ ее однажды одну и винулся къ ногамъ, предлагая свою шпагу, чтобы она кончила и жизнь и мученія его. Анна Петровна отвѣчала рѣшительно, что она готова исполнить эту просьбу. Это такъ испугало Апраксина, что онъ началъ просить извинить его безумство и дерзость. Великая княжна отпустила только тѣмъ, что рассказъ ея объ Апраксинѣ сдѣлалъ его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ.

Вспомнимъ, что черезъ сорокъ-пять лѣтъ послѣ смерти Анны Петровны, въ 1773 году, за Волгой, между раскольниками, на Иргизѣ и Яикѣ явился невѣдомый человѣкъ, который говорилъ, что онъ—сынъ этой дочери Петра Великаго.

То былъ—Пугачовъ.

XI.

Графиня Головкина.

(Графиня Екатерина Ивановна Головкина, урожденная кесаревна Ромодановская).

— «На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другомъ моимъ? Я любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно».

Такъ отвѣчала Головкина, когда, послѣ осужденія ея мужа, вице-канцлера графа Михайла Гавриловича Головкина, на вѣчную ссылку въ Сибирь, императрица Елизавета Петровна прислала сказать Головкиной, что, непричастная къ государственнымъ преступленіямъ мужа, графиня сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими гдѣ и какъ угодно.

Въ словахъ этихъ—цѣлая характеристика человѣка, и женщины—въ особенности.

Екатерина Ивановна была послѣднею въ знаменитѣйшемъ и древнѣйшемъ родѣ князей Ромодановскихъ, происходившихъ по прямой линіи отъ Рюрика. «Его пресвѣтлѣйшество генералиссимусъ», «князь-кесарь» съ царскимъ титуломъ «величе-

ства», Ромодановскій, котораго Петръ Великій называлъ дѣдушкой и о которомъ писалъ Апраксину — «съ нашимъ дѣдушкой какъ съ чортомъ вожусь, и не знаю, что съ нимъ дѣлать», такъ какъ этотъ суровый дѣдушка не давалъ забываться даже «царю-плотнику», — «всероссійскій дѣдушка» этотъ былъ дѣдушкой и Екатерины Ивановны, родившейся отъ сына «князя-кесаря», впоследствии тоже «князя-кесаря» Ивана Федоровича Ромодановскаго.

«Княжна-кесаревна» Екатерина Ромодановская родилась ровно за годъ до основанія Петербурга (1702), и потому всею своею жизнью должна была уже принадлежать новой Россіи, хотя еще въ молодости переживала время петровскихъ реформъ и, можно сказать, лично участвовала въ похоронахъ старой Россіи, какъ участвовала потомъ и въ похоронахъ царя-преобразователя.

Едва ли былъ въ Россіи домъ знатнѣе и богаче того дома, въ которомъ родилась, росла и воспитывалась «княжна-кесаревна», домъ, въ которомъ Петръ Великій «былъ какъ дома», какъ свой человѣкъ, какъ членъ семьи, и въ этомъ домѣ ласкалъ и баловалъ маленькую «княжну-кесаревну», слѣдилъ за ея воспитаніемъ, самъ выдалъ ее замужъ.

Не удивительно, что подъ вліяніемъ Петра «княжна-кесаревна» получила отличное воспитаніе, какъ о томъ говорятъ ея жизнеописатели.

До девятнадцатилѣтняго возраста о маленькой княжнѣ-кесаревнѣ вообще имѣется очень мало извѣстій въ современныхъ памятникахъ. Извѣстно только, что 12-го ноября 1721 года, во время празднованія въ Петербургѣ свадьбы гвардіи майора Матюшкина, въ должности «подругъ» невѣсты первую назначена была княжна-кесаревна, посаженою матерью была императрица,

а дружкой—красавецъ камеръ-юнкеръ Монсъ. Во время свадьбы княжна-кесаревна была очень замѣтна: Петръ лично выражалъ особую пріязнь къ молоденькой «подругѣ» невѣсты, проявляя эту пріязнь и милость, прилично случаю, въ забавныхъ формахъ. Такъ, по правиламъ свадебнаго церемоніала, подруга невѣсты, въ началѣ обѣда, должна была навязывать бантъ дружкѣ невѣсты—Монсу, а дружка, по принятому обычаю, долженъ былъ цѣловать въ губы навязывающую этотъ бантъ. Когда Монсъ, слѣдуя правиламъ свадебнаго церемоніала, поцѣловалъ княжну-кесаревну, Петръ, желая подшутить надъ красавцемъ, прекрасную голову котораго онъ впослѣдствіи, за разныя преступленія, велѣлъ отрубить и положить въ спиртъ,—замѣтилъ, что Монсъ, изъ почтенія къ дочери кесаря, не долженъ былъ цѣловать кесаревну въ губы, а могъ только приложиться къ ея ручкѣ, и потому, за этотъ проступокъ, въ видѣ штрафа приказалъ ему выпить до дна огромный бокалъ венгерскаго. Потомъ, когда во время послѣобѣденныхъ танцевъ, княжна-кесаревна танцевала минуэтъ съ красавцемъ Монсомъ, и когда Петру, бывшему въ сосѣдней комнатѣ, доложили объ этой парѣ, царь прибѣжалъ въ залу и, мигнувъ одному деньщику, велѣлъ вновь принести тотъ страшный бокалъ съ венгерскимъ. Увидѣвъ около себя царя и деньщика съ бокаломъ, Монсъ пришелъ въ ужасъ, не чувствуя за собою никакой вины, и изумленными глазами смотрѣлъ на государя.

— Это за то—сказалъ государь—что ты не отдалъ княжнѣ респекту и послѣ танца не поцѣловалъ ей ручки.

И провинившагося передъ кесаревной танцора заставили опять выпить.

На святки дворъ переѣхалъ въ Москву, а вмѣстѣ съ дворомъ переѣхали въ Москву и князья Ромодановскіе съ кесаревною въ

свой роскошный домъ. Здѣсь молодая дѣвушка, по словамъ ея біографовъ, участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ двора и города. Ѣздила къ вдовѣ царя Іоанна Алексѣевича, Марфѣ Матвѣевнѣ, урожденной Апраксиной, которая приходилась ей теткою и жила въ Измайловѣ; была въ числѣ семи особъ женскаго пола на ассамблеѣ у Александра Григорьевича Строганова, богатѣйшаго боярина тогдашней Москвы, и тамъ танцевала подъ музыку хозяйскаго оркестра и участвовала въ *petits-jeux*, затѣянныхъ генералъ-прокуроромъ Ягужинскимъ, человѣкомъ вообще очень веселаго нрава; праздновала послѣднюю зимнюю и свою дѣвичью ассамблею въ домѣ родительскомъ, гдѣ былъ и царь Петръ, и герцогъ голштинскій, и весь дворъ; дѣлала визиты, которые въ то время совершались по вечерамъ, такъ какъ тогдашнее общество обѣдало рано, а послѣ обѣда ложилось почитать часа на два, на три, и наконецъ—была просватана, не безъ участія и содѣйствія самого царя, за графа Михайлу Гавриловича Головкина, въ то время еще сержанта гвардіи, хорошо говорившаго по-нѣмецки.

Самъ государь, принимавшій такое горячее участіе въ судьбѣ княжны-кесаревны, указалъ свадьбѣ быть 8-го апрѣля.

Это была дѣйствительно кесарская свадьба. Царь принялъ на себя званіе «маршала» свадьбы. Онъ же самъ руководилъ и свадебнымъ поѣздомъ въ церковь, при такомъ церемоніалѣ: два трубача, верхомъ, не трубившіе; двѣнадцать шаферовъ верхомъ; царь въ открытомъ кабриолетѣ, шестернею, съ большими маршальскимъ жезломъ въ рукѣ; женихъ въ каретѣ шестернею; затѣмъ весь поѣздъ. Изъ церкви Петръ отправился за невѣстою, и привезъ ее въ такомъ поѣздѣ: два трубача, верхомъ, игравшіе маршъ; двѣнадцать шаферовъ, капитаны гвардіи, на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатыхъ чепракахъ и сбруяхъ; самъ Петръ, вер-

хомъ на превосходномъ гнѣдомъ конѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ (чепракъ и сѣдло зеленые, шитые золотомъ); невѣста, въ каретѣ, шестернею, а съ нею подруги: Нарышкина, тогда невѣста несчастнаго вполсѣдствіи Артемія Волынскаго, и Головкина, невѣста князя Трубецкаго; затѣмъ поѣздъ дамъ. У самой церкви царь-маршалъ соскочилъ съ лошади и самъ отворилъ дверцу кесаревниной кареты. Невѣсту ввели въ церковь подъ руки посаженные отцы—князь Меншиковъ и графъ Апраксинъ. Серебряные вѣнцы были такъ тяжелы отъ множества брильянтовъ и жемчугу, особенно вѣнецъ кесаревны, что его все время держали на рукахъ, не опуская на голову дѣвушкѣ. Въ домѣ молодыхъ Петръ самъ распорядился всѣмъ—и отводомъ мѣстъ гостямъ, и разсаживаньемъ ихъ по чинамъ. За дамскій столъ государь посадилъ молодую, по правую ея руку—посаженую мать, императрицу; по лѣвую—женихову мать, княгиню Меншикову; подлѣ императрицы—сестру невѣсты, княгиню Черкасскую; подлѣ Меншиковой—сестру жениха, генеральшу Балкъ, у середины стола, противъ невѣсты, дружка ея—Нарышкина; по обѣимъ сторонамъ его—подругъ невѣсты—Нарышкину и Головкину; далѣ, по обѣ стороны, дамъ по чинамъ. За мужскимъ столомъ государь посадилъ: молодого; по правую его руку—посаженнаго отца, князя Меншикова; по лѣвую—посаженнаго отца невѣсты, графа Апраксина; подлѣ Меншикова—тайнаго совѣтника Толстого; подлѣ Апраксина—Салтыкова; противъ жениха—герцога голштинскаго; по правую руку его—цесарскаго посла, графа Клинскаго; по лѣвую—прусскаго посла, барона Мардефельда; далѣ—прочихъ мужчинъ по чинамъ.

Самъ Петръ все время былъ на ногахъ, всѣмъ распорядился, и находился въ отличномъ расположеніи духа. Императрица, какъ бы сжалась надъ нимъ, послала ему съ камеръ-юнкеромъ

жаренаго голубя. Петръ отошелъ къ буфету и тамъ, стоя на ногахъ, ѣлъ голубя изъ рукъ, съ большимъ аппетитомъ. Первая перемяна кушаньевъ была, по обычаю, холодная; вторая—горячая. Увидя, что вторую перемяну несутъ на столъ гренадеры, Петръ побѣжалъ къ оберъ-кухмейстеру, ударилъ его маршальскимъ жезломъ, велѣлъ гренадерамъ съ перемяною возвратиться и передать блюда капитанамъ гвардіи, которые и поставили ихъ на столы. Герцогу и иностраннымъ министрамъ государь подавалъ напитки собственноручно; прочимъ разносили шафера, капитаны гвардіи.

Послѣ стола начались танцы, сначала церемоніальные: дамы по одной сторонѣ, кавалеры — по другой; музыканты заиграли родъ погребальнаго марша; кавалеръ и дама первой пары, сдѣлавъ реверансъ сосѣдамъ и другъ другу, взялись за руки, оттанцовали туръ влѣво и стали опять на свое мѣсто; тоже, по очереди, повторили и всѣ пары, безъ всякаго такта. Затѣмъ слѣдовали польскіе, минуэты и англезы. Молодая часто танцевала съ герцогомъ; но первый минуэтъ торжественно прошла съ мужемъ. Когда стемнѣло, передъ домою зажгли фейерверкъ. Въ щитѣ сіяли двѣ соединенныя буквы Р и С, изъ бѣлаго и голубого огней, съ надписью бѣлымъ огнемъ — *vivat*, т. е. *vivat princesse Catherine*. Фейерверкомъ тоже распоряжался самъ Петръ, все время бывшій на дворѣ. Послѣ фейерверка — опять танецъ — «прощальный». Пары связывались носовыми платками, и каждая, становясь поочереди первой, должна была изобрѣтать фигуры, а прочія — подражать первой. Этотъ танецъ, начинаясь въ залѣ, могъ окончиться и въ другихъ комнатахъ, въ саду, даже на чердакѣ, что зависѣло отъ коновода, т. е. прыгавшаго впереди скрипача. Здѣсь коноводомъ былъ Петръ. Онъ, съ жезломъ въ рукѣ, усердно прыгалъ и завелъ всѣхъ въ спальню.

Тамъ, за столомъ, уставленнымъ одними только сластями, усаживалась исключительно свадебная родня, не встававшая до тѣхъ поръ, пока не доложить ей, что молодой совершенно пьянъ. Дѣйствительно, къ одиннадцати часамъ молодой не стоялъ на ногахъ, и гости разѣхались, выслушавъ отъ шаферовъ приглашеніе пожаловать завтра, въ три часа пополудни, въ домъ князя-кесаря.

На другой день — опять пиръ. Когда, послѣ стола, молодой, по обычаю, «пройдя черезъ столъ», сорвалъ вѣнокъ надъ головою своей жены, и возвращаясь, хотѣлъ сѣсть на приготовленное ему мѣсто, по правую сторону кесаревны, Петръ сказалъ ему поголландски:

— Нѣтъ, постой, дочь кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ.

Молодые пересѣли. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ съ обычными церемоніями. Петръ, какъ маршалъ, прислуживалъ. Когда обѣдъ кончился, Екатерина Алексѣевна и дамы пошли въ другія комнаты, чтобъ дать время подмести и убрать все въ залѣ для танцевъ; а Петръ съ шаферами сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ обѣдать. Послѣ «церемоніи танцевъ», т. е. танцевъ официальныхъ, государынѣ вздумалось помучить стариковъ — канцлера и Долгорукова: она, танцую въ первой парѣ съ герцогомъ голштинскимъ, долго не прекращала танца, и старики страшно устали. Но тотчасъ же начавшійся англезъ обязалъ не только ихъ, но и всѣхъ толстяковъ приготовиться къ моціону. Государь и государыня, въ первой парѣ, придумывали разныя премудрости; Апраксинъ, Шафировъ, Толстой и князь-кесарь, люди очень толстые, слѣдуя за ними, едва переводили духъ. Но первая пара была неумолима, и толстяки, обливаясь потомъ, полумертвые отъ утомленія, валялись на стулья. Развеселившійся

государь пустилъ въ ходъ штрафные бокалы. Пляска и попойка длились до одиннадцати часовъ вечера. Танцевали, впрочемъ, только тѣ, которые были въ башмакахъ. Императрица уѣхала первая, за нею вскорѣ государь, а потомъ и всѣ гости.

Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, Берхгольцъ, въ запискахъ котораго и находится описаніе этихъ торжествъ, видѣлъ и постель молодой кесаревны, «лучшую во всей Россіи, сдѣланную по французской модѣ, обитую краснымъ бархатомъ, съ широкимъ вездѣ золотымъ галуномъ».

Мы съ намѣреніемъ привели это подробное изображеніе свадебныхъ торжествъ княжны-кесаревны: — тѣмъ ужаснѣе будетъ контрастъ ея жизни въ Сибири.

Свадьба наконецъ кончилась. Княжна-кесаревна Ромодановская перестала существовать и была уже не кесаревна, а графиня Головкина.

Мужу ея тогда же представилось повышение: его назначили министромъ-посланникомъ въ Пруссію на мѣсто брата Александра, произвели въ камеръ-юнкеры и опредѣлили содержаніе въ три тысячи рублей, т. е. половину того, что получалъ его братъ, который «высокій градусъ имѣлъ, и больше иждивенія надобно было».

Вскорѣ мужъ молодой Головкиной уѣхалъ въ Пруссію. Сопровождала ли она его за границу—неизвѣстно, но есть основаніе полагать, что она съ нимъ не разлучалась, какъ не разлучалась потомъ и двадцать лѣтъ спустя, когда его ссылали навѣчно въ Сибирь.

Прошло два года, и царя-маршала, который такъ усердно танцевалъ на свадьбѣ Екатерины Ивановны, не стало. Мужъ ея вернулся въ Россію.

Похоронили скоро и Екатерину I, тоже веселившуюся на свадьбѣ кесаревны. Начались перевороты, отъ которыхъ Голов-

княжна стояла въ сторонѣ, но мужъ ея принималъ въ нихъ непосредственное участіе. Погибли Меншиковы, Долгорукіе, породнившіеся было съ царскимъ домомъ.

На престолѣ императрица Анна Іоанновна. Настаетъ время Бироновъ. Головкина получаетъ званіе статсъ-дамы, Головкинъ — чинъ тайнаго совѣтника.

Но вотъ 16-го марта 1730 года изъ Москвы пишутъ въ тогдашнія «С. Петербургскія Вѣдомости»: «Вчерашняго числа умеръ здѣсь, немоществуя девять дней, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, также и кавалеръ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій, въ котораго оставшемся движимомъ и недвижимомъ имѣніи наследовалъ и сей фамиліи прозваніе принялъ нынѣшній сенаторъ и кавалеръ ордена святаго Александра Невскаго графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, яко супругъ единой оставшейся дочери послѣ сего умершаго князя Ромодановскаго, который послѣднимъ мужескаго пола изъ древней сей фамиліи Ромодановскихъ былъ».

Княжна-цесаревна снова приняла свою дѣвическую фамилію: она стала теперь — графиня Екатерина Ивановна Головкина, княгиня Ромодановская.

Всѣмъ извѣстно, каковы были времена Бирона. Но и Биронъ палъ. Государствомъ правила Анна Леопольдовна, племянница Екатерины Ивановны Головкиной-Ромодановской, а вмѣстѣ съ нею правилъ русскою землею и мужъ этой бывшей княжны-цесаревны, пожалованный вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ.

Но и это продолжалось не долго. Новый государственный переворотъ былъ роковымъ переворотомъ и всей жизни графини Головкиной.

24-го ноября 1741 года, въ екатерининъ день — день именинъ Головкиной, совершилась страшная перемена въ ея жизни. Говорятъ, что Головкинъ уже въ этотъ день предчувствовалъ свою бѣду — «о себѣ угадывалъ, что должно ему несчастью быть». Онъ былъ боленъ. Подагра и хирагра давно мучили его. Однако толпы «ласкателей», «милости снискателей и поздравителей» съ утра наполняли палаты Головкиныхъ, чтобъ поздравить съ дорогой именинницей.

Не смотря на болѣзнь хозяина, гости оставались обѣдать, а потомъ вечеромъ состоялся, волей-неволей, балъ. «Всѣ комнаты—говорить очевидецъ, князь Шаховской—окромѣ только той, гдѣ объятый болѣзнями и сожалѣнія достойной хозяинъ страдалъ, наполнены были столами, за коими какъ въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большей части изъ знатнѣйшихъ чиновъ и фамилій торжествовали, употребляя до весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями, что продолжа съ удовольствіемъ до перваго часу, за полночь по домамъ разъѣхались».

Но тутъ-то за полночь и совершилась катастрофа.

Ни Головкины, ни пирующие у нихъ гости не знали, что въ эти часы затѣвали противники правительницы Анны Леопольдовны: этой ночью, цесаревна Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова, Разумовскаго и Салтыкова, произвела государственный переворотъ съ помощью преображенскихъ гренадеровъ. Ночью же она объявила себя императрицею.

Головкины, проводивъ гостей, оставались въ своей спальнѣ. Графиня сидѣла у постели больного мужа.

Но вотъ — говорятъ біографы Головкиной — «среди безмолвія объятаго сномъ дома, неожиданно раздались въ парадныхъ покоехъ чьи-то шаги и, вмѣстѣ съ стукомъ ружейныхъ прикладовъ, замиравшихъ въ персидскихъ коврахъ, приблизились къ комнатѣ супруговъ». Это были двадцать пять преображенскихъ гренадеровъ, явившіеся арестовать вице-канцлера.

Гренадеры увезли больного вельможу и графиня осталась одна въ объятomъ ужасомъ домѣ.

Черезъ три дня она узнала изъ манифеста, что мужемъ ея было «сочинено нѣкоторое отъѣнное о наслѣдствіи имперіи опредѣленіе» и что онъ «въ перемѣнѣ сукцессіи былъ первымъ зачинщикомъ дѣла».

Домъ Головкиныхъ былъ оцѣленъ стражею и всѣ богатства ихъ конфискованы: описано было все до самой послѣдней вещицы; у самой графини допытывались чиновники, не спрятано ли еще чего въ домѣ или внѣ дома — «алмазныхъ искръ не въ дѣлѣ» или «жемчуговъ персидскихъ съ бурмицкими» и т. д.: несчастная графиня все отдала сыщикамъ.

Судъ надъ Головкинымъ и другими преступниками тянулся около двухъ мѣсяцевъ. Но вотъ 12-го января 1742 года последовала и казнь виновныхъ.

Въ головѣ ихъ, у эшафота, на которомъ лежали два топора и двѣ плахи, Остермана, закутаннаго въ халатъ и больного подагрой, держали на носилкахъ: ему объявлена была смертная казнь колесованіемъ; Головкину и другимъ — иныя казни, степенью ниже. Но тутъ же объявили осужденнымъ и милость: вмѣсто колесованія, Остерману назначена казнь отсѣченіемъ головы — и знаменитаго старика встали на эшафотъ: уложивъ его обнаженную отъ парика голову на плаху, палачъ отстегнулъ у старика воротъ рубахи, загнулъ воротникъ шлафрока, въ которомъ

принесли на плаху осужденнаго вельможу, и обнажилъ ему шею. Пробывъ въ такомъ ужасномъ положеніи съ минуту, Остерманъ узналъ, что ему дарована жизнь въ вѣчной ссылкѣ, кивнулъ головой, тотчасъ же потребовалъ свой колпакъ и парикъ и хладнокровно застегнулся. Головкину и остальнымъ преступникамъ также назначена вѣчная ссылка.

Видѣла ли всю эту ужасную сцену графиня Головкина — современники не говорятъ, хотя послѣдующіе писатели утверждаютъ, что она была на сенатской площади и все видѣла.

Осужденныхъ снова отвезли въ крѣпость. Женамъ вельможъ-преступниковъ объявлено, что «ежели похотятъ», могутъ слѣдовать за мужьями въ ссылку.

Тогда-то именно императрица Елизавета Петровна прислала къ Головкиной сказать, что, непричастная преступленіямъ мужа, она сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими гдѣ и какъ угодно, и тогда-то энергическая женщина, эта отвѣчала: «На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другимъ моимъ? Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно».

Отправление арестантовъ изъ Петербурга поручено было князю Шаховскому, бывшему пріятелю Головкиныхъ. На другой день Шаховской прислалъ къ графинѣ дорожныя сани «для забранія определеннаго багажа». Въ ту же ночь (19 на 20-е генваря), за часъ до выѣзда въ далекій путь, князь Шаховской ввелъ графиню, одѣтую совсѣмъ по дорожному, въ крѣпость. Она нашла мужа сидящимъ неподвижно: онъ только стоналъ отъ мучившихъ его подагрическихъ и хираргическихъ болей, не владея ужъ совсѣмъ лѣвою рукою; долгиe, запущенные волосы, длинная борода,

обрамливавшая исхудалое лицо, лишенное природного румянца, слабый и унылый видъ дѣлали бывшего вице-канцлера и кабинетъ-министра непохожимъ на прежняго всесильнаго вельможу. Но графиня даже не заплакала, не проронила ни одной слезы, чтобъ не встревожить мужа. За то онъ, рыдая какъ ребенокъ, цѣловалъ ея руки: она вѣдь не побоялась ни вѣчной ссылки, ни далекой дороги, ни всѣхъ ожидавшихъ ихъ лишеній, своею волею покидая богатства, почести и родину. Даже лицо князя Шаховского, стоявшаго тутъ же, какъ онъ самъ же говорить о себѣ, при видѣ этой трогательной и потрясающей сцены, «покрылось наибольшими видами печали».

Вошелъ офицеръ и объявилъ, что все готово. Головкина вынесли на рукахъ, бережно уложили съ постелью въ сани, графиня сѣла рядомъ, и грустный поѣздъ, сопровождаемый гвардейскимъ конвоемъ, при офицерѣ, выбрался за крѣпостныя стѣны и исчезъ въ морозномъ мракѣ генварской ночи.

Головкинымъ назначили для вѣчной ссылки какой-то невѣдомый острогъ Германгъ, о мѣстоположеніи котораго даже никто не знаетъ теперь; но полагаютъ, что онъ находился гдѣ-нибудь по сю сторону Оби.

Почти безконечный путь до этого невѣдомаго Германга лежалъ Головкинымъ черезъ родную графинѣ Москву, гдѣ маленькую кесаревну когда-то баловалъ «царь-работникъ», черезъ Владимиръ, Нижній, Козмодемьянскъ, Царевосанчурскъ, Котельничъ, Вятку, тогда еще называвшуюся Хлыновымъ, черезъ Соликамскъ, Верхотурье, Тюмень и Тобольскъ.

Обезсиленные и разломанные долгимъ путемъ—говорить новѣйшій біографъ Головкиной—измученные непрерывными по дорогѣ осмотрами и опросами въ губернскихъ и провинціальныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, Головкины, наконецъ, добрались до

мѣста назначенія. Унылое, безцвѣтное небо висѣло необъятными массами снѣговъ надъ непривѣтною окрестностью, истомленною суровымъ дыханіемъ полярной зимы. Снѣжный просторъ, подавляющій необозримостію, разстился всюду, синѣя безчисленными зигзагами потоковъ, скованныхъ еще стужею. Сюда привезли Головкиныхъ. Передъ ними, въ-перемену съ чернѣвшими изъ-подъ снѣга землянками, торчало нѣсколько жалкихъ хижинъ, окружавшихъ кривобокую, рубленную часовенку и обнесенныхъ незатѣйливымъ валомъ, съ жиденькимъ палисадомъ, и т. д.

Тутъ-то поселилась любимица царя Петра, нѣкогда блистательная княжна-кесаревна Ромодановская, на вѣчное житье съ больнымъ мужемъ.

Ей было уже сорокъ лѣтъ — молодость миновала...

Въ тѣсной избѣ, оконныя стекла которой замѣнялись льдинами, бывшая кесаревна день и ночь ухаживала за страдавшимъ подагрикомъ. Это былъ дѣйствительно геройскій подвигъ русской женщины, и если вѣрить сказаніямъ современниковъ, то женщина эта совершила неслыханное чудо: безъ докторовъ, безъ лекарствъ, одними своими заботами и неустаннымъ присмотромъ, она подняла на ноги больного, такъ что графъ, «неисцѣльно страдавшій въ роскошной обстановкѣ петербургскаго богача-вельможи, сталъ здоровъ, какъ не надо лучше, среди однообразныхъ сибирскихъ снѣговъ и многообразныхъ недостатковъ».

Такъ прожили они въ этой живой и никому невѣдомой могилѣ четырнадцать лѣтъ!...

Какъ на замѣчательный подвигъ женщины указываютъ, что во всѣ четырнадцать лѣтъ этого страшнаго томленія она при мужѣ не позволила ни разу себѣ не только заплакать, но даже пожалѣть о прошломъ величіи.

Изрѣдка только къ нимъ доходили изъ Гааги письма графа Александра Гавриловича Головкина, жившаго тамъ въ качествѣ русскаго посланника, да еще рѣже привозились къ нимъ письма сестры Анны Гавриловны, вдовы Ягужинскаго, вышедшей потомъ за Бестужева-Рюмина.

Но Головкины не дождались перемины въ своей печальной жизни. Самого Головкина не стало. 10-го ноября 1755 года онъ скончался, не имѣя еще и 55 лѣтъ отъ роду.

Графиня осталась одна въ своей далекой тюрьмѣ. «Только тогда — говорить ея жизнеописатель — невинная узница оросила въ первый разъ слезами одръ мужа, предалась горести».

Не желая разстаться съ мужемъ и послѣ смерти, она похоронила его тѣло въ сѣняхъ собственной хижинки своей, въ которой прожила съ покойникомъ четырнадцать лѣтъ, обратила эти сѣни въ молитвенное мѣсто, и тамъ, день и ночь, при свѣтѣ лампы, налитой рыбьимъ жиромъ, постоянно читала псалтирь по покойникѣ. Она одного только желала и высказывала это желаніе своимъ германскимъ приставникамъ, чтобъ ей позволено было лечь рядомъ съ мужемъ, но только у себя на родинѣ, въ далекой Москвѣ.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ довелъ это желаніе графини до свѣдѣнія государыни, и императрица соизволила на перевезеніе тѣла бывшаго графа Головкина изъ Германга въ Москву.

И вотъ для Головкиной опять началась далекая дорога изъ ссылки домой, но только уже везла она съ собою гробъ мужа, давно когда-то ѣхавшаго съ нею въ ссылку по той же дорогѣ.

Наконецъ, она доѣхала до Москвы и похоронила мужа въ георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены были отецъ и дѣдъ ея, князья-кесари Ромодановскіе, почти заправлявшіе всею русскою землею.

Свято и честно исполнивъ до конца высокую обязанность жены—говорить жизнеописатель Головкиной—графиня скромно поселилась на Никитской, въ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертомъ въ отсутствіи почтенной, родовой хозяйки своей. Время ея—миновало. Живая свидѣтельница эпохъ минувшихъ, графиня отдѣлялась отъ той среды, которую нашла теперь въ Москвѣ, цѣлымъ пробѣломъ долгой сибирской ссылки, или, другими словами, ровно на цѣлую эпоху отставала отъ новыхъ своихъ современниковъ и не имѣла, пока, общихъ съ ними интересовъ. Толки о Биронѣ, Остерманѣ, «кабинетѣ», цесаревнѣ, графѣ Линарѣ, прусскомъ союзѣ, какъ будто отдававшіеся еще въ ушахъ графини, давнымъ-давно не занимали никого, были забыты и замѣнились другими—о Разумовскихъ, Шуваловѣ, Бестужевѣ, университетѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, театрѣ и тысячѣ предметахъ, совершенно незнакомыхъ графинѣ. Стало быть въ обществѣ, питавшемся, какъ насущнымъ хлѣбомъ, взаимнымъ и непрерывнымъ истолкованіемъ именно этой тысячи предметовъ, графиня естественно чувствовала себя постороннею, ненужною. Не обижаясь ни тѣмъ, ни другимъ, Екатерина Ивановна благодушно признала себя развалиною и, избравъ себѣ благую часть, стала ежедневно ѣздить въ георгіевскій монастырь—молиться на могилѣ того, кого она любила еще молоденькою и счастливою дѣвочкою.

Но Москва не забыла бывшую цесаревну. Все ѣхало и шло къ ней, и она ласково принимала приходившихъ, охотно рассказывала о своемъ времени, о Петрѣ, о его дѣяніяхъ, о дѣлахъ его преемниковъ, о Биронѣ и о далекой Сибири.

Кончилось и царствованіе Елизаветы Петровны. Бывшая цесаревна, сама уже почти шестидесятилѣтняя старушка, оплакала послѣднюю дочь Петра Перваго.

Умеръ и Петръ Третій «отъ геморидальныхъ коликъ», какъ говорилось въ манифестѣ. Императрицею стала супруга его, Екатерина Вторая — одна изъ геніальныхъ женщинъ русской земли. А старушка «цесаревна» все жила, переживъ восемь царствованій, одно регентство и одно правленіе.

Екатерина Вторая, цѣня великій подвигъ бывшей «цесаревны», зная о ея ссыльной жизни въ Сибири, о ея прежнемъ величіи, возвратила ей достоинство статсъ-дамы и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ; но всего того, что у нея отнято было самую жизнь, воротать уже никто не могъ.

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Головкиной заканчиваетъ ея жизнеописаніе слѣдующими сочувственными словами, которыми и мы позволяемъ себѣ закончить нашъ бѣглый очеркъ этой, одной изъ лучшихъ, историческихъ русскихъ женскихъ личностей:

Посвящая все время молитвѣ, благотвореніямъ и отчизнолюбію, тридцать-пять лѣтъ прожила въ Москвѣ Екатерина Ивановна, со дня возвращенія изъ Сибири, и очень, очень состарѣлась. Изъ близкихъ родныхъ графини не было уже никого на свѣтѣ; всѣ, безъ исключенія, сверстники давно лежали въ могилахъ. Минуло двадцать-пять лѣтъ одному тому, какъ, принося графинѣ чистосердечное раскаяніе, умеръ гонитель мужа ея, князь Трубецкой. Болѣе двадцати-пяти лѣтъ прошло и съ той поры, какъ она, слишкомъ шестидесятилѣтнею старухою, привѣтствовала коронованіе императрицы, отпраздновавшей уже двадцатипятилѣтній юбилей своего царствованія. Много перехоронила графиня и такихъ старцевъ, которые родились послѣ ея замужества. Сама Екатерина Ивановна легла на смертный одръ почти девяноста лѣтъ отъ роду; сокрушалась, передъ кончиною, что не будетъ погребена подлѣ своего супруга (указомъ 1771 года за-

прещено хоронить тѣла въ чертѣ города), и, 29-го мая 1791 года, переселилась въ лучший міръ, оставивъ по себѣ въ этомъ славную, безукоризненную память... Московскіе бѣдники потеряли въ графинѣ Головкиной первѣйшую благодѣтельницу и кормилицу, а русская исторія—пріобрѣла еще одну свѣтлую личность.

Такъ говорить ея біографъ, тоже недавно умершій отъ бѣдности.

Дальше мы увидимъ, что русская земля не была бѣдна женщинами, имена которыхъ съ уваженіемъ должна произносить каждая современная и будущая русская женщина.

Если Головкина ничего другого не сдѣлала для своей страны—такъ то было другое время.

XII.

Княжна Марья Александровна Меншикова.

(Первая невеста Петра II-го).

Древняя Русь — Русь варяжская, удѣльная, монгольская и московская оставила намъ свидѣтельства о томъ, какъ правившіе ея судьбами великіе и иные князья рюриковичи, мономаховичи и всѣ представители раздробившихся княжескихъ родовъ, превратившіеся потомъ въ московскихъ и всея Великія и Малыя Россіи царей, сватались и женились: одинъ бралъ себѣ жену изъ своихъ же князей рюриковичей и мономаховичей, другой гречанку, третій чехиню, шведку, варяжку, болгарыню; женились великіе князья и на иноземныхъ княжнахъ, королевнахъ и принцессахъ; брали себѣ въ жены и царевнѣ татарокъ, княженъ черкешенокъ; дошла затѣмъ очередь и до боярышень, выбиравшихся въ царскія невесты изъ сотенъ и тысячъ боярскихъ и купеческихъ дочерей, которымъ дѣлались «смотрины» и изъ которыхъ выбирались самыя красивыя, тѣльныя и дородныя въ царскія невесты, брались ко двору, именовались до вѣнца царевнами, а иногда, если оказывались больны, попадали въ Сибирь: такъ явились на страницахъ русской исторіи царскія невесты—Сабуровы, Глинскія, Кошкины-Захарыны, Колтовскія, Долгорукія, Васильчиковы, Собакины, Нагія, Годуновы,

Салтыковы, Хлоповы, Милославскія, Нарышкины, Грушецкія, Апраксины, Лопухины, Скавронскія—это уже переходъ къ женщинамъ новой Руси.

Новая Русь, повернувшись лицомъ отъ востока къ западу, тамъ уже начала высматривать невѣсть для молодыхъ царей и царевичей; но старая Русь все еще проглядывала подъ полувосточной фizioноміей и подъ взятыми на прокатъ съ запада внѣшними формами Руси новой, и едва происходило какое-либо замѣшательство, какъ старая и новая боярщина, превратившаяся въ князей и графовъ, силилась если не сама сѣсть на царскій тронъ, то посадить рядомъ съ царемъ своихъ дочекъ княженъ, своихъ сестеръ, внучекъ и племянницъ.

Но поворотъ къ старому былъ уже невозможенъ—исторія не повторяется: тѣ народы, которые, по мѣткому выраженію русскаго народа, твердятъ задъ—исторически безнадежны; а русское племя не принадлежитъ къ безнадежнымъ.

Такая неудачная попытка—посадить на престолъ рядомъ съ царемъ и подъ царскою порфирою княженъ и боярышень—сдѣлана была и во время послѣдовавшихъ за смертью Петра Великаго замѣшательствъ.

Попытка эта принадлежитъ князьямъ Меншиковымъ и Долгорукимъ.

Меншиковъ надѣялся, что царскій тронъ раздѣлитъ старшая дочь его Марья—и этимъ погубилъ и себя и дѣвушку.

Долгорукіе тоже надѣялись посадить рядомъ съ царемъ свою сестру Екатерину—и тоже погубили и себя и свою красавицу сестру.

Вотъ печальная исторія гибели этихъ двухъ несчастныхъ дѣвушекъ—царскихъ невѣсть.

Марья Меншикова родилась 26-го декабря 1711 года, въ то время, когда отецъ ея, бывшій царскій любимецъ преображен-

скій сержантъ «Алексашка», потомъ «Данилычъ», затѣмъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ въ полной силѣ своего могущества и славы, объ-руку съ царемъ самовластно заправлялъ судьбами преобразовывавшейся Руси, блисталъ славой побѣдителя шведовъ подъ Полтавою и въ иныхъ битвахъ, когда выведенная имъ изъ шведскаго плѣна и пріютившаяся у него красивая дѣвушка Марта Савронская всецѣло овладѣвала привязанностью царя, когда, наконецъ, вся Россія знала только царя Петра да Меншикова.

Рожденіе Марьи—это было почти тоже, что рожденіе царскаго ребенка: крошечную княжну ждало могущество, слава, блескъ придворной жизни.

Какъ всѣ женщины и дѣвушки реформировавшейся Руси, княжна Марья должна была учиться, и она училась всему, чему только могли тогда учить вельможную дѣвушку, особенно когда образованіемъ ея могъ интересоваться самъ Петръ, стоявшій за обязательное обученіе, когда тутъ-же рядомъ стоялъ и отецъ, давно требовавшій, чтобъ и мать новорожденной княжны, когда еще была дѣвушкой «училась непрестанно русскому и нѣмецкому ученью», когда за этимъ ученьемъ должна была наблюдать и мать княжны, Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева, и умная тетка, бойкая, хотя безобразная «бой-дѣвка», какъ ее называлъ Петръ, тетка Варвара Михайловна, тоже Арсеньева.

И дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ, дѣвочка получила рѣдкое—опять-таки прибавимъ—по тому времени образованіе: она знала нѣсколько языковъ, получила хорошее музыкальное образованіе, прекрасно и граціозно танцевала, потому что у нихъ въ домѣ, у вельможнаго отца, былъ свой искусный танцмейстеръ—и вообще вся обстановка этой, справедливо можно сказать, новой русской дѣвушки представляла такой поразительный

контрастъ съ тою обстановкою, въ которой воспитывались прежнія царскія невѣсты, какъ, напримѣръ, Хлопова, потому только потерявшая корону, что, взятая ко двору и совсѣмъ невоспитанная деревенская боярышня, она слишкомъ набросилась во дворцѣ на сладкія кушанья, много кушала тогдашнихъ грубыхъ сластей, разстроила себѣ желудокъ, захворала и, заподозрѣнная въ «порчѣ», попала въ Сибирь, или дочь Рафа Всеволожскаго, потерявшая корону потому, что, не будучи воспитана, отъ радости, узнавъ что на нее палъ выборъ царя, упала въ обморокъ, тоже заподозрѣна была въ «порчѣ» и тоже сослана была въ Сибирь подобно бѣдненькой Хлоповой, любительницѣ сладкаго.

Оставшіеся отъ того времени портреты изображаютъ княжну Меншикову такою милою, привлекательною дѣвушкою. На лицѣ ея уже лежитъ печать новаго строя жизни, новыхъ потребностей: нѣтъ этой вялости, заспанности въ чертахъ, въ лицевыхъ мускулахъ, въ выраженіи и блескѣ глазъ, какая видится на хорошенъкихъ, но слишкомъ неподвижныхъ личинахъ женщинъ старѣй, совершенно-набожной, теремной Руси. Большіе черные глаза дѣвушки смотрятъ и привѣтливо, и кротно, и болѣе выразительно, чѣмъ глаза давно когда-то жившихъ бабушекъ и прабабушекъ, Натальи Кириловны, Софьи Алексѣевны, Марьи Ильичны Милославской и иныхъ.

Маленькая дѣвочка питала въ гордомъ отцѣ большія, даже слишкомъ дерзкія надежды.

Сначала, когда ей не было еще десяти лѣтъ, могущественный Меншиковъ искалъ ей жениха между могущественными же, но не коронованными особами—онъ еще не заглядывалъ въ слишкомъ темную даль:—уже послѣ, онъ заглянулъ въ нее и не рассмотрѣлъ тамъ своей и дочерниной страшной судьбы.

Не мало было и искателей руки вельможной дѣвушки: вся русская знать гордилась бы родствомъ съ «парскимъ двойникомъ», какиѣ былъ Меншиковъ; всѣ юные птенцы Петра Великаго сочли бы за особенную честь и счастье повести къ вѣнцу свѣтлѣйшую невѣсту.

Но ненасытный Меншиковъ загадывалъ дальше—онъ искалъ партіи для своей дочери на-сторонѣ, въ родственной, тогда еще самостоятельной, блистательной Польшѣ, гдѣ всякій дворянинъ не терялъ надежды видѣть корону Ягеллоновъ на своей головѣ.

Такого жениха своей княжнѣ нашелъ Меншиковъ въ старинномъ польскомъ родѣ, въ семьѣ графа Сапѣги, того Сапѣги, предка котораго еще царь Иванъ Васильевичъ, «собиратель русской земли», называлъ «Ивашкою Сопѣгою»: сынъ новаго Сапѣги, старосты бобруйскаго, графъ Петръ Сапѣга, сынъ богача, сынъ возможнаго и вѣроятнаго претендента на польскій престолъ и самъ такой же возможный и вѣроятный претендентъ на корону Пяста или Ягеллона—получилъ право именоваться женихомъ молоденькой княжны Марьи Меншиковой. Кто знаетъ—польская корона могла пасть и на голову Сапѣги и на его будущую жену—отчего было не думать такъ Меншикову?

Молодой, знатный женихъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ домѣ будущаго своего тестя, въ богатомъ дворцѣ Меншикова. Но невѣста была еще такъ молода—это былъ еще совершенный ребенокъ: оставалось долго ждать до вѣнца, пока дѣвочка разовьется, изъ ребенка превратится въ женщину, возмужаетъ.

Изъ уваженія къ отцу дѣвочки молодой Сапѣга снялъ съ себя красивый польскій костюмъ и облачился въ русскій, алый бархатный кафтанъ на зеленой подкладкѣ; надѣлъ зеленые чулки, какіе въ то время были въ модѣ: зеленый цвѣтъ тогда былъ уважаемъ

въ костюмѣ—Петра почти вездѣ видимъ въ зеленомъ кафтанѣ, и подъ Полтавой, въ зеленомъ мундирѣ, который мы видѣли на выставкѣ древностей г. Прохорова, и подъ Нарвой, и на Прутѣ.

Въ этомъ зеленомъ костюмѣ жениху княжны Марьи хорошо танцовалось. Время шло весело: каждый день молодой польскій вельможа водилъ свою хорошенькую невѣсту подъ звуки полонезовъ, англезовъ, экосесовъ, развлекалъ, забавлялъ ее разными играми, какъ свидѣтельствуеть о томъ Берхгольцъ.

Молодые люди сблизились между собой, привыкли другъ къ другу, наконецъ—полюбились одинъ другому.

Все общало имъ счастливую, веселую, блестящую жизнь, улаждаемую богатствомъ и могуществомъ:—отецъ назначалъ за княжной въ приданое 700,000 злотыхъ. У самого жениха было много маестностей, хлоповъ, «быдла», замковъ, «злота».

Умеръ Петръ. Меншиковъ сталъ еще самовластнѣе—императрица Екатерина Алексѣевна, бывшая воспитанница Меншикова, благодѣтельствованная имъ, выданная замужъ за царя, возведенная потомъ имъ же на престолъ—фактически уступила всю свою императорскую власть благодѣтелю своему, свѣтлѣйшему князю Меншикову, этому дѣйствительно рѣдкому «баловню счастья».

Когда дѣвочкѣ дочери его исполнилось пятнадцать лѣтъ, молодого графа Сапѣгу, жениха ея, императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала званіемъ дѣйствительнаго камергера.

Это было въ 1726 году.

А 12-го марта этого года, знаменитый Феофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, въ присутствіи императрицы, всей царской фамиліи, иностранныхъ министровъ и всего генералитета обручилъ вельможныхъ жениха и невѣсту. Они размѣнялись драгоценными перстнями—эти перстни подарила имъ сама императрица. Осыпая обрученныхъ милостями, государыня пожаловала не-

вѣстѣ, сверхъ того, сто тысячъ рублей и значительное число маестностей—деревней съ крестьянами и угодьями.

Слѣдовалъ торжественный обѣдъ, балъ, иллюминація. Богатый дворецъ Меншикова украшенъ былъ гербами графовъ Сапѣгъ и князя Меншикова. Ночь блистала огнями роскошной иллюминаціи. Тосты за здравіе императрицы, обрученныхъ, родныхъ ихъ и иныхъ знатныхъ особъ пились поцарски—при запахахъ пушекъ. Пиръ шелъ долго, весело.

Послѣ обрученія, милости императрицы еще болѣе усилились—все дѣлалось на нихъ какимъ-то волшебствомъ.

15-го октября Сапѣга получилъ орденъ Александра Невского.

31-го марта 1727 года Сапѣга и обѣ дочери Меншикова, Марья и Александра, пожалованы портретами императрицы, усыпанными брилльянтами, для ношенія на андреевскихъ лентахъ.

Но Меншиковъ задумалъ другое, рискованное дѣло: титулъ тестя вельможнаго польскаго пана графа Сапѣги казался для него ничтожнымъ, корона Пястовъ и Бривоустовъ могла попасть на голову его дочери, могла и не попасть. А ему хотѣлось видѣть эту головку въ коронѣ, и онъ измѣнилъ свое рѣшеніе въ отношеніи выдачи дочери за Сапѣгу.

Если его бывшая воспитанница, Марта Скавронтская, изъ скромной роли служанки пастора Глюка достигла до величія царской супруги и до императорскаго вѣнца, то отчего бы родной дочери его не сидѣть на столѣ Мономаха, на столѣ Невскаго, Петра Великаго и Екатерины?

Меншиковъ, отуманенный самовластіемъ, задумалъ выдать дочь свою за наследника престола, за сына покойнаго царевича Алексѣя Петровича, которому гибель онъ же самъ отчасти подготовилъ,—за великаго князя Петра Алексѣевича!

Но противники Меншикова, которыхъ было не мало, вели уже противъ него тайную войну: они совѣтывали императрицѣ назначить наследникомъ престола не Петра II-го, загнаннаго въ то время ребенка, которому даже герцогъ голштинскій Фридрихъ-Карлъ, мужъ великой княжны Анны Петровны, и даже генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ не стѣснялись оказывать высокоуваженіе и обидное невниманіе, — а передать престолъ именно этой Аннѣ Петровнѣ голштинской; планъ этотъ не чуждъ былъ повидимому и личнымъ цѣлямъ императрицы, для которой дочь и притомъ любимая дочь не только ея, но и покойнаго великаго царя Петра, была конечно ближе и дороже сына царевича Алексѣя.

Но Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову и какъ дочь расположенная къ нему, молчала — не выдавала своей материнской тайны, хотя, между тѣмъ, все дѣлала повидимому къ тому, чтобы дочь Меншикова вышла замужъ за внука.

Но императрица скоро занемогла.

Главы правленія — Меншиковъ, графъ Головкинъ, баронъ Остерманъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ — сочинили для императрицы духовное завѣщаніе.

Замѣчательно, что въ одномъ изъ пунктовъ этого завѣщанія положительно было выражено: «цесаревнамъ и администраціи вѣдается въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго князя съ княжною Меншиковою».

Всѣ, кто осмѣлился подать голосъ или высказать явное или тайное несогласіе съ этимъ рискованнымъ для Меншикова пунктомъ завѣщанія, санитированнаго волею умирающей императрицы, были биты внутомъ и разосланы въ ссылку.

Всесильный Меншиковъ еще выросъ: — это уже былъ гигантъ, распорядившійся царствомъ, шапкою и баршами Мономаха, не смотря на доказанную исторію тяжесть этой шапки.

Но вотъ императрица умираетъ.

Императоромъ провозглашается маленькій царевичъ Петръ Алексѣвичъ, подъ именемъ Петра II-го,—тотъ самый мальчикъ, къ которому такъ безцеремонно относились не только голштинскій герцогъ, но и петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. Императору нѣтъ еще и двѣнадцати лѣтъ.

Когда Меншиковъ объявилъ дочери о томъ, что она должна быть невѣстою не Сапѣги, а молодого императора, дѣвушка, говоря, упала въ обморокъ. Она уже привязалась къ Сапѣгѣ, любила его. Тяжелая шапка и бармы Мономаха не прельщали ее—ее манила иная жизнь.

Дѣвушка горько потомъ плакала о такой глубокой перемѣнѣ въ своей участи. Она молила отца пощадить ее, не мѣнять ея вѣрнаго счастья на невѣрное, можетъ быть страшное будущее, словно она предвидѣла, что будущее это дѣйствительно явится страшнымъ и грознымъ.

Съ тоски она захворала. Но все напрасно: Меншиковъ уже обѣими руками держался за тронъ, за корону, за скипетръ.

Обиженный старикъ Сапѣга женилъ сына на графинѣ Софѣѣ Карловнѣ Скавронской, и тѣмъ отвелъ сына отъ топора, который уже висѣлъ надъ головами Меншиковыхъ, но еще никому не былъ видимъ.

Мѣсто Сапѣги въ домѣ Меншикова занялъ юный императоръ: Меншиковъ взялъ его въ свой дворецъ, находившійся на Васильевскомъ острову, и заботился о воспитаніи царственнаго ребенка сообразно своимъ планамъ, приучалъ его къ своему семейству, дѣлалъ его какъ-бы членомъ своей семьи, послушнымъ сыномъ.

Сила Меншикова выросла до неумѣренныхъ размѣровъ—и сама рухнула подъ собственною своею тяжестью.

Меншиковъ повторилъ собою народную сказку о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о калѣкахъ переходящихъ: когда калѣки заставили Илью выпить одинъ ковшъ браги, недвижимый Илюша; сидѣвшій сиднемъ сидячимъ ровно тридцать лѣтъ и три года, всталъ на ноги; когда онъ выпилъ другой ковшъ, то почувствовалъ, что землю перевернуть въ силахъ, было бы лишь за что ухватиться и обо что опереться; но когда выпилъ роковой, третій ковшъ—силы его поубавилось какъ-бы на половину.

Меншикову судьба подносила этотъ третій роковой ковшъ, а онъ отъ жадности выпилъ и четвертый.

12-го мая 1727 года Меншиковъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а 25-го мая, въ присутствіи всего двора, въ присутствіи всего что трепетало временщика и втайнѣ искало его гибели, совершено обрученіе царственнаго жениха и невѣсты.

У княжны Меншиковой, какъ уже оглашенной невѣсты императора, придворные цѣлуютъ руку послѣ цѣлованія руки у императора.

Говорятъ, маленькій императоръ горько плакалъ, узнавъ, что его хотятъ женить: онъ на колѣняхъ просилъ свою старшую и любимую сестру Наталью Алексѣевну не женить его. Ребенокъ общалъ ей даже подарить самую дорогую для него вещь—карманные часы, лишь бы его спасли отъ женитьбы!

Но поворотъ повидимому былъ невозможенъ—маленькому императору не позволяли имѣть своей воли.

Сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы въ церквахъ всей российской имперіи, во время церковной службы, на ектеніяхъ молились, вмѣстѣ съ молитвою за здравіе государя императора—за здравіе «благочестивѣйшей государыни великой княжны Маріи Александровны!» Молоденькая невѣста получила титулъ «ея высочества». У нея теперь свой придворный, императорскій штатъ:

гофмаршаломъ назначенъ былъ родной дядя ея Василий Михайловичъ Арсеньевъ. У нея были теперь два камергера, четыре камеръ-юнкера, оберъ-гофмейстерины, гофмейстерины, штатсъ-фрейлины, гофъ-фрейлины, камеръ-пажъ Кошелевъ, пажи, прислуга. На дворъ «ея высочества» ассигнована особая сумма изъ государственной казны въ размѣръ тридцати четырехъ тысячъ рублей.

Меншиковъ отъ имени императора сыпалъ на себя милости полною горстью: 27-го іюня, дочери своей, императорской невѣстѣ, ея сестрѣ Александрѣ, теткѣ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой пожаловалъ орденъ св. Екатерины. Своего молоденькаго сына украсилъ андреевской лентой. Но этому новому кавалеру ордена Андрея Первозваннаго не было еще и пятнадцати лѣтъ!

Мало того—все сдѣлано повидимому и для будущаго, которое было, казалось, въ крѣпкой рукѣ Меншикова и не могло изъ нея выскользнуть. На предстоящій 1728 годъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ въ издававшійся тогда календарь внесены были, въ числѣ членовъ императорской фамиліи, имена—его собственное, его жены, обѣихъ дочерей, сына, съ обозначеніемъ лѣтъ, чиселъ и мѣсяцевъ рожденія и тезоименитствъ каждой особы.

Но 1728 годъ еще далеко. Только сентябрь начинается, а въ четыре мѣсяца до новаго года можно доѣхать до Сибири, до Тобольска, даже пожалуй до Камчатки, если скоро ѣхать.

И вотъ, дѣйствительно, судьба, болѣе сильная чѣмъ Меншиковъ, сама распорядилась насчетъ новаго 1728 года и насчетъ будущаго этихъ всесильныхъ людей.

6-го сентября 1727 года все великое зданіе, такъ прочно повидимому сколоченное ученикомъ и товарищемъ «Петра-плотника», любимымъ его подмастерьемъ «Данилычемъ» — разомъ рухнуло.

Меншикова постигла неожиданная имъ царская опала.

Другая сила—сила князей Долгоруковых—вытѣснила собою могущество Меншикова и сѣла на его насиженномъ мѣстѣ.

Вся семья Меншикова шла въ ссылку.

Относительно несчастной дѣвушки, подневольной невѣсты юнаго императора, немедленно сдѣлано было распоряженіе, «чтобы впредь обрученной невѣсты, при отправленіи службы божіа, не упоминать и о томъ во все государство отправить указы изъ святѣйшаго правительствующаго синода».

Мѣстомъ ссылки для вельможныхъ опальныхъ назначенъ былъ маленькій городокъ Рязанской губерніи, Раненбургъ.

11-го сентября состоялся выѣздъ изъ Петербурга изгнанниковъ. Выѣздъ былъ повидимому не ссылкой семьи, а самовластно удалявшагося отъ престола царя—такъ велико еще было матеріальное благосостояніе этого искуснаго подмастерья Великаго Петра.

Ссылный кортежъ Меншикова вмѣщалъ въ себѣ почти цѣлый царскій дворъ: этотъ подвижной дворъ или ханскій таборъ заключалъ: пять берлиновъ, шестнадцать колясокъ, четырнадцать фургоновъ и колымажекъ, сто двадцать семь человекъ прислуги, одного маршала, одного берейтора, двухъ мундшенковъ, пятерыхъ подъячихъ, двоихъ пѣвчихъ, восемь пажей, двоихъ карловъ, шестнадцать лаковъ, шестерыхъ гайдуковъ, двоихъ истопниковъ, двѣнадцать поваровъ, двадцать пять конюховъ, одного кузнеца, двоихъ шорниковъ, пятнадцать драгунъ, одного сапожника, троихъ портныхъ, пятерыхъ приказчиковъ, двадцать гребцовъ...

При княжнѣ Маріѣ оставалась еще частица ея бывшаго двора—гофмейстеръ Арсеньевъ, пажъ Арсеньевъ же и четыре конюха.

Но уже въ Клину, не доѣзжая до Москвы, ссылный кортежъ былъ остановленъ присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ, и у молоденькихъ княженъ, а равно у сына Меншикова отобранны были пожалованные имъ ордена.

Мало того, у царской невѣсты присланнымъ отъ двора Шустернымъ взятъ былъ обручальный перстень императора, а ей возвращено отъ жениха-государя ея обручальное кольцо, пожалованное покойною императрицею и стоившее двадцать тысячъ рублей.

На царской невѣстѣ не оставалось, такимъ образомъ, и тѣни ея царственнаго званія.

Это было 14-го октября—такъ медленно двигалась громоздкая процессія ссыльныхъ.

Ссылный таборъ проѣхалъ Москву, гдѣ когда-то, двадцать девять лѣтъ назадъ, преображенскій сержантъ «Алексашка Меншиковъ» въ воскресенскомъ селѣ собственноручно обезглавилъ двадцать стрѣльцовъ-бунтовщиковъ и одного изъ нихъ, по приказанію разгнѣваннаго царя, застрѣлилъ изъ фузеи.

Безъ сомнѣнія, многое вспомнилось Меншикову при проѣздѣ теперь черезъ Москву; но онъ этого не сказалъ своимъ дѣтямъ.

3-го ноября ссыльные добрались наконецъ до своего тихаго пристанища, до жалкаго Ренбургъ.

У Меншикова тамъ свой домъ въ крѣпости. Онъ и его семья живутъ свободно. Но только на ночь крѣпость съ ссыльными запирается, а кругомъ укрѣпленія дозоромъ ходитъ особая стража.

За ссыльными наблюдаетъ особый офицеръ, капитанъ преображенскаго полка Пырскій.

Наступилъ и 1728 годъ, насчетъ котораго Меншиковъ сдѣлалъ было еще недавно такія блистательныя распоряженія и увѣренъ былъ, что внесетъ свое семейство въ именной царскій календарь.

Но люди, столкнувшіе его съ высоты, не дремали—Меншиковъ вѣдь и въ своемъ изгнаніи былъ и казался страшною силою.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ на него доносовъ, 5-го генваря дозорная стража была усилена надъ ссыльными; князя и княгиню велѣно отдѣлить въ особую комнату, въ спальную, и тамъ держать

ихъ запертыми какъ въ казематѣ. Вняженъ отдѣлить отъ отца и матери въ другую комнату.

Дѣйствительно, реальная ссылка только что начиналась.

Но давленіе этой гнетущей силы не остановилось на полдорогѣ: тяготѣніе влекло катившійся по наклонной плоскости шаръ все далѣе, ниже, глубже.

8-го апрѣля послѣдовало распоряженіе о ссылкѣ всего рода Меншикова въ Сибирь, въ Березовѣ.—Вотъ это настоящая русская ссылка.

У Меншикова теперь отобрали всѣ его обширныя имѣнія, не-
сметныя богатства: болѣе ста тысячъ душъ крестьянъ, семнадцать домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, двѣсти лавокъ въ Москвѣ, девять милліоновъ рублей банковыхъ билетовъ лондонскаго и амстердамскаго банковъ и въ другихъ денежныхъ актахъ, четыре милліона наличными деньгами, множество брильянтовъ и разныхъ драгоценностей, больше милліона сорока пяти фунтовъ золота въ слиткахъ и шестьдесятъ фунтовъ въ утвари и посудѣ, множество серебряныхъ вещей—все это отобрано, конфисковано.

И вотъ 16-го апрѣля ссылныхъ вывезли изъ Раненбурга. Это было во вторникъ страстной недѣли.

Впереди, въ рогожной кибиткѣ, выѣхали князь и княгиня. Сзади, въ двухъ телегахъ ѣхали княжны и сынъ.

Страшный контрастъ съ тѣмъ, что было еще такъ недавно...

Но не успѣли опальные проѣхать и восьми верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, наблюдавшій за ссылными въ Раненбургѣ и показывавшій уже имъ свою тяжелую руку, нагналъ ихъ съ военною командою и всею княжескою дворнею. Мельгуновъ приказалъ ссылнымъ выйти изъ повозокъ, а солдатамъ и дворня — выбрасывать на дорогу пожитки несчастныхъ.

Этотъ внезапный осмотръ былъ предписанъ Мельгунову верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который приказалъ провѣрить, не увезли ли ссыльные съ собою чего-либо лишняго, не показаннаго въ описи, составленной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Плещеевымъ.

Мельгуновъ, съ свойственною ему грубостью и жестокостью, ревностно исполнилъ порученіе верховнаго тайнаго совѣта. У старика Меншикова оказались лишними противъ описи какіе-то пу-
стыки—теплое, дорожное платье—и это отобрали, не оставили даже одежды на дальнюю дорогу.

Юноша, князь Александръ, набралъ было съ собою много запаснаго платья, колпаковъ, чулокъ и разныхъ мелкихъ вещицъ—мѣдныхъ инженерныхъ инструментовъ для занятій, зеркальце, три гребня, три жестянки съ табакомъ... Это былъ еще ребенокъ. И у ребенка все взяли—даже сбереженный имъ мѣшечекъ съ полушками на два рубля!

А молоденькія княжны, собираясь въ далекій путь, запаслись было бѣдненькія нѣкоторыми домашними принадлежностями для туалета и для работъ—теплыми епанечками, шапочками, юпочками и чулочками; для своихъ женскихъ работъ уложили въ сундучокъ—шелку, лентъ, коробочку съ нитками, лоскутки разныхъ матерій, позументу... все это, и ленточки, и шелкъ, и ниточки, и кофточки, и юпочки, и епанечки, и шапочки—все отнялъ Мельгуновъ.

На царской невѣстѣ, на княжнѣ Марьѣ оставили только: тафтяную зеленую юпку, штофный черный кафтанъ и бѣлый корсетъ; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ; на зимнее время—зеленую тафтяную шубку—такого цвѣта, какой носилъ ея первый женихъ, графъ Сапѣга.

На княжнѣ Александрѣ оставили: зеленую тафтяную юпку, бѣлый штофный подшляфрокъ и зеленую же тафтяную шубку; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ.

Изъ домашней посуды (которою въ ссылкѣ завѣдывала бывшая царская невѣста Марья) отпустили ссыльнымъ: двѣ лопатки, котелъ съ крышкою и три кастрюли мѣдныхъ, двѣнадцать блюдеъ и двѣнадцать тарелокъ оловянныхъ и три тренога желѣзныхъ. Ни ножа, ни вилки, ни ложки не дали.

А дорога была еще долгая— могла и зимы захватить.

Мать ихъ, когда-то еще при Петрѣ Великомъ лихая наѣздница, красивая амазонка, разъѣзжавшая вмѣстѣ съ войсками царя и мужа въ войнѣ съ шведами, теперь постарѣвшая, не вынесла дороги и горя. Не доѣзжая до Казани, она умерла въ селѣ Услонѣ, на Волгѣ, въ виду города.

Въ Услонѣ найдена была въ послѣднее время уцѣлѣвшая могильная плита, напоминающая эту когда-то почти всесильную женщину. На плитѣ сохранилась часть надписи—это надгробная эпитафія: «здѣсь погребено тѣло рабы божіей Д....»—и только—все остальное стерло время, дожди и солнце... Уцѣлѣла одна начальная буква имени—и больше ничего. Теперь, можетъ быть, ужъ и буква *Д* стерлась.

Крапива и полынь проросли вокругъ, на могалѣ, и покрываютъ самый камень, подъ которымъ лежатъ кости княгини Меншиковой. Вокругъ разведенъ огородъ или садикъ, принадлежавшій сельскому дьячку.

Когда везли Меншиковыхъ, то по дорогѣ вездѣ народъ сходился толпами глядѣть на нихъ—царскую невѣсту везли.

Въ Тобольскѣ, одинъ изъ сосланныхъ туда когда-то княземъ Меншиковымъ бросалъ комъ грязи въ княженъ. Старикъ заплакалъ.

— Боже мой! въ меня бросай, а не въ этихъ несчастныхъ дѣтей, которыя ни въ чемъ передъ тобой не виноваты, говорилъ старикъ.

Дологъ былъ ихъ путь до Березова. Наконецъ доѣхали. Тогда это былъ еще болѣе дикій, пустынный, болѣе страшный городъ чѣмъ теперь. Петербургъ оставался за четыре тысячи верстъ назадъ.

Сначала Меншиковыхъ заключили тамъ въ острогъ, а послѣ они перебрались въ особый домъ, построенный самимъ Меншиковымъ при помощи работниковъ на берегу Сосвы. Домикъ этотъ заключалъ въ себѣ часовню и четыре комнаты: въ одной изъ нихъ помѣстились княжны, въ другой князь съ сыномъ, въ третьей—прислуга; четвертая отведена была подъ кладовую. Бывшая царевна завѣдывала кухней, а младшая сестра ея, княжна Александра—бѣльемъ.

Однообразна, томительна была жизнь этихъ знаменитыхъ арестантовъ, такая жизнь, которой нельзя вообразить—надо ее вынести, чтобъ понять всю ея страшную убійственность.

Въ долгіе зимніе вечера дѣти читали Меншикову священные книги, а онъ имъ рассказывалъ свое прошлое, которое дѣти и записывали, на память и въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Но къ сожалѣнію, рукопись, содержавшая этотъ рассказъ—пропала.

Не долгожъ, однако, пришлось ссыльнымъ томиться въ изгнаніи.

Старикъ Меншиковъ умеръ 12-го ноября 1729 года—только пятидесяти шести лѣтъ отъ роду.

За нимъ скоро послѣдовала и старшая дочь, бывшая царская невѣста: княжна Марья умерла 26-го декабря 1729 года—съ небольшимъ черезъ мѣсяць послѣ отца.

Умерла она ровно въ день своего рожденія—въ этотъ день ей исполнилось только восемнадцать лѣтъ!

Такъ вообще мало живетъ второе поколѣніе женщинъ XVIII вѣка: великая княжна Анна Петровна, герцогиня голштинская,

скончалась двадцати лѣтъ; княжна Меншикова—восемнадцати; другія женщины—отходили все почти въ такомъ же возрастѣ, кромѣ немногихъ: видно, что трудно было слабой, нѣжной и впечатлительной женской природѣ переживать то переходное, тяжелое время, когда старая Русь такъ сказать не на животъ, а на смерть билась съ Русью новой, не окрѣпшей, не подготовленной къ борьбѣ.

За десять дней до смерти княжны Меншиковой, бывший ея женихъ, юный императоръ Петръ II, менѣе всѣхъ виновный въ горькой участи Меншиковыхъ, вспомнилъ о своей развѣнчанной невѣстѣ и отдалъ верховному тайному совѣту приказъ—освободить изъ ссылки ее и остальныхъ дѣтей Меншикова, дозволивъ имъ жить въ деревнѣ, для чего и дать княжнамъ на прокормленье сто крестьянскихъ дворовъ въ Нижегородской губерніи, а брата ихъ записать въ полкъ.

Но милость императора уже не застала въ живыхъ его несчастную невѣсту.

Впослѣдствіи уже сдѣлались извѣстными слѣдующія обстоятельства жизни бывшей невѣсты Петра II.

Еще въ 1728 году, вслѣдъ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ князь Федоръ Долгорукій, сынъ знаменитаго Василя Лукича Долгорукаго.

Молодой Долгорукій давно любилъ Марью Меншикову и, узнавъ о ея ссылкѣ, взялъ заграничный паспортъ и подъ чужимъ именемъ пробрался въ Сибирь. Тамъ они тайно повѣнчаны были старымъ березовскимъ священникомъ, которому за это подаренъ былъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ потомствѣ священника.

Рассказываютъ, что лѣтомъ березовскіе жители часто видѣли молодыхъ—князя Федора Долгорукаго и бывшую царскую невѣсту—гулявшихъ вмѣстѣ. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ съ

окладною изъ серебра, или изъ серебряной блонды. Это безъ сомнѣнія подарокъ богатаго жениха.

Но черезъ годъ молодая женщина скончалась отъ родовъ—двойней. Съ этими дѣтьми ее и похоронили въ одномъ гробу.

Обстоятельство это раскрыто было совершенно случайно, уже въ нынѣшнемъ столѣтїи, почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти царской невѣсты.

Въ 1825 году, 30-го іюля, въ Березовѣ искали могилу знаменитаго временщика и любимца Петра Великаго—и вотъ что нашли, по мѣстнымъ извѣстіямъ:

Сначала докопались до двухъ младенческихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ гробочки, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды, изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробики младенцевъ, съ крестомъ, изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Когда сняли крышку, то увидѣли, что въ гробу, съ обонхъ концовъ, не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ—женщина—лежалъ покрытымъ зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ мертвеца, то, нетревожа его, разрѣзали атласъ по срединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій; лицо бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матерїи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; плафронъ изъ шелковой матерїи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки, безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу суживающимися; передъ остроносичные изъ шелковой махровой матерїи. Могила оставалась цѣлый день открытою, и лицо покойника совершенно почернѣло.

Это была княжна Марья Александровна Меншикова, впоследствии княгиня Долгорукая.

До сихъ поръ въ Березовѣ, въ бывшей спасской церкви, нынѣ воскресенскій соборъ, находятся двѣ парчевыя священническія ризы съ звѣздами св. Андрея Первозваннаго на наплечьяхъ, шитыя дочерьми князя Меншикова, и золотой медальонъ изящной работы, внутри котораго находится свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ: медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Федора Долгорукаго.

Свѣтлорусые волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Меншиковой, первой не-вѣстѣ императора Петра II-го.

ХІІІ.

Графиня Екатерина Алексѣевна Брюсъ, урожденная княжна Долгорукая.

(Вторая невѣста Петра ІІ-го).

Вторая невѣста императора Петра ІІ-го была такъ же несчастлива, какъ и первая, княжна Марья Александровна Меншикова, съ судьбою которой мы познакомились въ предыдущемъ очеркѣ.

Да Долгорукимъ и вообще не посчастливилось родство съ государями земли русской.

Такъ изъ исторіи женщинъ древней Руси намъ уже извѣстно, что одна изъ Долгорукихъ была пятою — если историки не ошибаются — очень несчастною супругою царя Ивана Васильевича Грознаго.

Грозный женился на Марьѣ Долгорукой 11-го ноября 1573 года, а на второй день послѣ брака, какъ намъ извѣстно, жизнь молодой царицы покончилась: царь, узнавъ, что его невѣста до супружества не сохранила дѣвства, приказалъ «затиснуть» ее въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ воду.

Не менѣе злополучная доля, хотя и не кончившаяся такъ трагически, постигла и вторую невѣсту молодого императора Петра ІІ-го,

княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, сестру друга и любимца императора, юнаго вельможи Ивана Алексѣевича Долгорукаго.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за самымъ ходомъ драмы, въ которой однимъ изъ первыхъ, хотя противъ воли дѣйствовавшихъ лицъ была княжна Долгорукая, погибшая потому именно, что и она, подобно своей прабабушкѣ Марьѣ Долгорукой, была какъ-бы насильно введена въ ансамбль лицъ, на дѣйствіи которыхъ построилась вся страшная историческая драма.

Мы можемъ слѣдить за невольной игрой въ этой драмѣ княжны Долгорукой по рассказамъ особы, у которой на глазахъ и начался первый актъ и кончился послѣдній, когда княжна Долгорукая надолго скрылась отъ глазъ зрителей.

Рассказы эти—это извѣстныя уже намъ письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны.

Письма эти пишутся въ Англію, къ другу той, которая пишетъ, и такимъ образомъ откровенно передаютъ всѣ ходячія новости дня:—этимъ-то они драгоцѣнны для насъ.

Такъ, въ третьемъ письмѣ своемъ, отъ 4-го ноября 1730 года, изъ Москвы, куда незадолго передъ тѣмъ переехалъ дворъ, а за нимъ всѣ посланники, министры и резиденты иностранныхъ дворовъ, леди Рондо между прочимъ пишетъ, съ кѣмъ она знакома, у кого бываетъ, что видитъ, и присовокупляетъ, что бываетъ и у супруги польскаго министра Лефорта, гдѣ каждый вечеръ собираются люди высшаго общества, и, къ крайнему ея огорченію, сходятся большею частью для игры въ карты, и что въ этой игрѣ принимаютъ участіе и дамы.

«Нѣсколько дней тому назадъ — продолжаетъ леди Рондо — я встрѣтила молодую даму, которая не играетъ; но происходитъ ли

это отъ той же непонятливости, какъ и моя, или оттого, что ея сердце наполнено нѣжною страстью—я не умѣю опредѣлить. Это—хорошенькая особа восемнадцати лѣтъ, обладающая кротостью, сердечной добротой, благоразуміемъ и привѣтливостію. Она сестра фаворита князя Долгорукаго. Братъ нѣмецкаго посланника—предметъ ея любви. Все уже улажено, и они ожидаютъ только исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ здѣшней странѣ, для того, чтобы, какъ я надѣюсь, быть счастливыми. Она, кажется, очень рада быть въ замужествѣ внѣ своего отечества, оказываетъ иностранцамъ много любезности, сильно любитъ своего жениха и взаимно имъ любима».

Здѣсь рѣчь идетъ именно о второй невѣстѣ молодого императора, княжнѣ Екатерины Долгорукой.

Она дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, была рѣдкая красавица, но, вопреки замѣчанію леди Рондо, «кротостью» не «обладала», а, напротивъ, была «чрезвычайно горда».

Она, какъ мы видимъ, въ карты не играетъ, не смотря на всеобщее увлеченіе этой игрой, что, въ свою очередь, если не свидѣтельствуетъ о недюжинности ума дѣвушки, то во всякомъ случаѣ говорить въ пользу независимости ея характера.

«Братъ нѣмецкаго посланника, предметъ ея любви» — это шуринъ графа Вратислава, австрійскаго посланника, молодой графъ Милиссимо.

Въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо обстоятельства жизни хорошенькой княжны Долгорукой круто измѣняются.

Вотъ что она пишетъ черезъ сорокъ шесть дней послѣ извѣстнаго уже намъ письма, тоже изъ Москвы, гдѣ продолжалъ оставаться дворъ:

«Перемѣна, происшедшая здѣсь послѣ моего послѣдняго письма, была изумительна — пишетъ леди Рондо 20-го декабря 1730

года: — молодой монархъ, какъ полагають, по внушенію своего фаворита, объявилъ, что онъ рѣшился жениться на хорошенькой княжнѣ Долгорукой, о которой я вамъ говорила въ моемъ послѣднемъ письмѣ.

«Какая жестокая пережѣна для двухъ лицъ, сердца которыхъ всецѣло отдались другъ другу!

«Но въ этой странѣ нельзя отказываться.

«Два дня тому назадъ при дворѣ происходило торжественное объявленіе о предстоящемъ бракѣ, и императоръ съ княжной, какъ здѣсь выражаются, были помолвлены.

«На другой день княжну отвезли въ домъ одного царедворца, находящійся вблизи дворца (это въ головинскій дворецъ), гдѣ она должна оставаться до дня свадьбы.

«Всѣ лица высшаго круга были приглашены, и, собравшись, сѣли на скамейкахъ въ большой залѣ: съ одной стороны государственные сановники и знатные русскіе, съ другой—иностранные министры и знатные иностранцы. Въ глубинѣ залы былъ поставленъ балдахинъ и подъ нимъ два кресла, а передъ креслами аналой, на которомъ лежало евангеліе. Много духовенства стояло съ каждой стороны аналая.

«Когда всѣ размѣстились, императоръ вошелъ въ залу и говорилъ со многими лицами; княжну съ матерью и сестрой привезли въ императорской каретѣ изъ помѣщенія, которое ей было отведено; впереди невѣсты ѣхалъ въ каретѣ братъ ея, оберъ-камергеръ, а за ней слѣдовало много императорскихъ экипажей. Братъ проводилъ княжну до дверей залы, гдѣ ее встрѣтилъ царственный женихъ и отвелъ къ одному изъ креселъ, а въ другое сѣлъ самъ.

«Прекрасная жертва (ибо я смотрю на нее, какъ на таковую) была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно обхватывав-

шее ея станъ; волосы, расчесанные на четыре косы, убранные большимъ количествомъ алмазовъ, падали внизъ; маленькая корона была надѣта на головѣ; длинный шлейфъ ея платья не былъ несенъ. Княжна имѣла видъ скромный, но задумчивый, и лицо блѣдное.

«Посидѣвъ нѣсколько минутъ, они встали и подошли къ аналою; императоръ, объявивъ, что беретъ княжну въ супруги, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ, послѣ чего женихъ и невѣста поцѣловали евангеліе, а архіепископъ новгородскій (Феофанъ Прокоповичъ) прочелъ краткую молитву; затѣмъ императоръ поклонился княжнѣ. Когда они снова сѣли, государь назначилъ кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты и изъявилъ желаніе, чтобы они тотчасъ же вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

«Тогда началось цѣлованіе руки княжны; женихъ держалъ ея правую руку въ своей, давая ее цѣловать каждому подходящему, такъ какъ всѣ были обязаны исполнить это.

«Наконецъ, къ великому удивленію всѣхъ, подошелъ несчастный покинутый юноша; до тѣхъ поръ она сидѣла съ глазами устремленными внизъ, но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала ее поцѣловать своему возлюбленному, между тѣмъ какъ тысячи чувствъ изобразились на ея лицѣ.

«Петръ покраснѣлъ, но толпа присутствовавшихъ приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человека нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и увести поскорѣе изъ города.

«Поступокъ этотъ былъ дерзокъ, въ высшей степени безразсуденъ и неожиданъ для нея.

«Юный государь открылъ съ княжною балъ, который скоро кончился, какъ я полагаю, къ ея великому удовольствію, потому

что все ея спокойствіе исчезло послѣ легкомысленнаго поступка и въ глазахъ были замѣтны только боязнь и разсѣянность.

«По окончаніи бала она была снова отвезена въ тотъ же домъ, но уже въ собственной каретѣ императора, на верху которой находилась императорская корона. Княжна сидѣла въ ней совершенно одна, сопровождаемая конвоемъ».

Современники говорятъ, что княжна Долгорукая рѣшилась отдать свою руку императору Петру II-му только вслѣдствіе настоятельныхъ требованій родни.

Съ своей стороны и молодой императоръ относился къ ней холодно: у него также противъ влеченій сердца вынудили согласіе жениться на княжнѣ Долгорукой ея же всеильные родные.

Разсказываютъ также, что графъ Милицсимо, котораго княжна страстно любила, на другой день послѣ обрученія императора и послѣ того, что обнаружилось при цѣлованьи графомъ Милицсимо руки у царской невѣсты, — былъ отправленъ за границу съ порученіемъ отъ своего посла и уже больше не возвращался въ Россію.

Леди Рондо между тѣмъ продолжаетъ:

«Но вы станете порицать меня за то, что я не набросала вамъ портрета императора. Онъ высокаго роста и очень полонъ для своего возраста, такъ какъ ему только пятнадцать лѣтъ; онъ бѣлъ, но очень загорѣлъ на охотѣ; черты лица его хороши, но взглядъ пасмуренъ, и, хотя онъ молодъ и красивъ, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго или пріятнаго. Платье его было свѣтлаго цвѣта, вышитое серебромъ.

«На молодую княжну теперь смотрятъ какъ на императрицу; я думаю однако, что еслибъ можно было заглянуть въ ея сердце, то оказалось бы, что величіе не можетъ облегчить ея страданій отъ безнадёжной любви; въ самомъ дѣлѣ, только крайнее мало-

душіе въ состояніи промѣнять любовь или дружбу на владычество».

Но вотъ сюжетъ драмы развивается далѣе — все ближе къ развязкѣ.

Леди Рондо слѣдитъ за тѣмъ, что у нея совершается передъ глазами, и вновь пишетъ въ февралѣ 1731 года:

«Когда я вамъ писала послѣднее письмо, всѣ (т. е. нашъ кружокъ) готовились къ торжественной свадьбѣ, назначенной на 19-е января.

«6-го числа того же мѣсяца здѣсь бываетъ большой праздникъ и происходитъ церемонія, называемая водосвятиемъ, установленная въ воспоминаніе крещенія, принятаго нашимъ Спасителемъ отъ св. Іоанна.

«Обычай требуетъ, чтобы государь находился во главѣ войскъ, которыя въ этомъ случаѣ выстраиваются на льду. Бѣдная, хорошенькая невеста должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и такою пышной свитой, какую только можно себѣ представить. Она сидѣла совершенно одна въ открытыхъ саняхъ, одѣтая такъ же, какъ въ день своего обрученія, и императоръ, слѣдуя обычаю страны, стоялъ позади ея саней.

«Никогда въ жизни я не помню дня болѣе холоднаго. Я боялась ѣхать на обѣдъ во дворецъ, куда всѣ были приглашены и собрались, чтобы встрѣтить молодого государя и будущую государыню при ихъ возвращеніи.

«Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ.

«Тотчасъ, какъ они вошли въ залу, императоръ сталъ жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это — слѣдствіе холода, но такъ какъ онъ продолжалъ жаловаться, то послали за докторомъ, который посоветовалъ ему лечь въ постель, найдя его очень не хорошимъ.

«Это обстоятельство разстроило все собраніе.

«Княжна весь день имѣла задумчивый видъ, который не измѣнился и при этомъ случаѣ; она простилась съ своими знакомыми такъ же, какъ и встрѣтила ихъ, т. е. съ серьезною привѣтливостію, если я могу такъ выразиться.

«На другой день у императора появилась оспа, а 19-го, день, назначенный для свадьбы, онъ умеръ около трехъ часовъ утра.

«Въ эту ночь, какъ я думаю, всѣ находились на ногахъ, по крайней мѣрѣ это было съ нами, потому что, зная вечеромъ всю опасность его положенія, никто не могъ предвидѣть послѣдствій его кончины и споровъ, которые должны были возникнуть въ отношеніи вопроса о престолонаслѣдіи.

«На другой день, около девяти часовъ, вдовствующая герцогиня курляндская была объявлена императрицей».

Затѣмъ леди Рондо прямо переходитъ къ княжнѣ Долгорукой, которая разомъ потеряла и жениха и корону...

«Ваше доброе сердце—говорить леди—будетъ скорбѣть о молодой особѣ, которая была разлучена съ тѣмъ, кого она любила, и теперь лишена даже той ничтожной награды, какую ей, казалось, сулило величіе!

«Меня увѣряютъ, что она переноситъ свое несчастіе героически и говоритъ, что оплакиваетъ общую потерю, какъ членъ государства, но, какъ частное лицо, радуется этой смерти, избавившей ее отъ пытки, которую самый жестокий извергъ и самая изобрѣтательная кровожадность не могли бы придумать. Она совершенно равнодушна къ своей будущей судьбѣ, и думаетъ, что если преодолѣла свою привязанность, то можетъ спокойно перенести всѣ тѣлесныя страданія.

«Сановникъ, навѣщавшій ее, рассказавъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ нею.

«Онъ нашелъ ее совершенно покинутою всѣми, кромѣ одной только служанки и лакея, который служилъ ей съ дѣтства. Такъ какъ сановникъ былъ возмущенъ увидѣнной имъ обстановкой, то она ему сказала: «наша страна вамъ мало извѣстна...» и къ тому, что я уже вамъ рассказала, она прибавила, что ея молодость и невинность, а также и извѣстная доброта той, которая наследовала престолъ, заставляютъ ее надѣяться, что она не будетъ подвергнута никакому публичному оскорбленію, а что бѣдность въ частной жизни для нея ничего не значить, такъ какъ ея сердце занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь. Предполагая, что подъ словомъ «единственный предметъ» могутъ подразумѣвать ея перваго жениха, она поспѣшно прибавила, что запретила своему сердцу думать о немъ съ того мгновенія, когда это стало преступнымъ, но что она имѣла въ виду свою семью, образъ дѣйствій которой, какъ она думаетъ, будутъ порицать, и что она не можетъ преодолѣть въ себѣ естественной привязанности, хотя и была принесена въ жертву обстоятельствамъ, которые теперь дѣлаются причиной гибели ея семьи.

«Вы—заключаетъ леди Рондо—сужденіе которой всегда такъ справедливо, не нуждаетесь въ подобномъ зрѣлищѣ, чтобы заставить васъ размышлять о ничтожествѣ всѣхъ мірскихъ превратностей, напоминающихъ намъ каждый часъ нашей жизни, что радости непрочны и мимолетны, и что среди всѣхъ огорченій насъ должна успокаивать мысль, что все на этомъ свѣтѣ непродолжительно».

Наконецъ, въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо какъ-бы мимоходомъ и неохотно касается заключительнаго акта драмы, болѣе или менѣе извѣстной каждому русскому читателю.

Вотъ ея слова, которыя, не смотря на ихъ краткость, не теряютъ своей драгоцѣнности какъ свидѣтельство современника:

«Говорятъ, что дворъ предполагаетъ отправиться въ Петербургъ. Если эта поѣздка состоится, то мои дѣла принудятъ меня также ѣхать туда.

«Вы очень любопытны, но чтобы удовлетворить васъ, я могу сказать лишь очень немного, потому что съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ моемъ настоящемъ положеніи, я не посѣщаю никакихъ общественныхъ мѣстъ.

«Все семейство Долгорукихъ, въ томъ числѣ и бѣдная царская невѣста, сосланы въ то самое мѣсто, гдѣ находятся дѣти князя Меншикова. Такимъ образомъ обѣ женщины, которыя одна послѣ другой были помолвлены за молодого царя, могутъ встрѣтиться въ изгнаніи.

«Это событіе, мнѣ кажется, можетъ послужить хорошимъ сюжетомъ для трагедіи. Говорятъ, что дѣти Меншикова возвращаются и будутъ доставлены той же стражей, которая препроводитъ въ ссылку Долгорукихъ. Если эта новость справедлива, то поступокъ будетъ великодушенъ, потому что ихъ отецъ былъ неумолимымъ врагомъ настоящей царицы, съ которой онъ обращался, и на словахъ и на дѣлѣ, очень оскорбительно.

«Васъ, можетъ быть, удивляетъ ссылка женщинъ и дѣтей; но здѣсь, когда глава семейства впадаетъ въ немилость, то все его семейство подвергается преслѣдованію, а имѣніе отбирается. Если въ обществѣ не встрѣчаютъ болѣе тѣхъ, кого привыкли тамъ видѣть, то никто о нихъ не освѣдомляется и только иногда говорятъ, что они раззорились. Если же они впали въ немилость, то о нихъ не говорятъ вовсе. Когда же, по счастію, имъ возвращаютъ благосклонность, то ихъ ласкаютъ по прежнему, не упоминая о прошломъ».

Но объ этомъ послѣднемъ актѣ драмы намъ извѣстно болѣе, чѣмъ было тогда извѣстно леди Рондо.

Долгорукіе, а въ томъ числѣ и въ первой мѣрѣ фаворитъ покойнаго императора, Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, обвиненные въ небреженіи здоровья молодого государя, какъ наиболѣе приближенныя къ нему лица, были сосланы въ свои отдаленныя касимовскія деревни.

Въ ссылку пошла и вторая царская невѣста Екатерина Алексѣевна Долгорукая, мало того — въ ссылку же шла и шестнадцатилѣтняя жена брата Екатерины Алексѣевны, бывшаго фаворита Ивана Алексѣевича — Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная графиня Шереметева, о благородномъ характерѣ которой и геройской рѣшимости раздѣлять участь свою съ участіемъ опальнаго жениха, а потомъ мужа, будетъ сказано въ особомъ очеркѣ.

Изъ касимовскихъ деревень всѣхъ Долгорукихъ ссылаютъ въ Сибирь, въ Березовъ, за то, что они «презрѣли» указъ, въ которомъ повелѣвалось, что жить имъ безвыѣздно не въ касимовскихъ, а въ пензенскихъ имѣніяхъ.

Долгорукіе оправдывались, что имъ такого указа объявлено не было...

Бдуть они черезъ Tobольскъ и сдаются тамъ подъ надзоръ гарнизонному офицеру, который, являясь часто къ своимъ высокимъ арестантамъ, по привычкѣ, въ туфляхъ на-босу-ногу, говорить каждому изъ нихъ «ты», какъ онъ привыкъ говорить каждому наторжнику и варпаку.

Любопытныя подробности этого путешествія опальныхъ вельможъ изъ касимовскихъ деревень до Березова описаны одною изъ ссыльныхъ, изъ ихъ же семьи, княгинею Натальею Борисовною Долгорукою, а потому мы и скажемъ еще объ этомъ предметѣ въ біографіи этой послѣдней женщины.

Не красна была жизнь Долгорукихъ въ Березовѣ; но впереди ожидали ихъ еще болѣе тяжкія испытанія, невольною причиною которыхъ была — если можно такъ выразиться — таже вдовствующая невѣста покойнаго императора Петра II-го, злополучная княжна Екатерина Алексѣевна.

Выше мы сказали, что тотъ, кого она любила, графъ Милиссимо, былъ высланъ изъ Россіи на другой день послѣ обрученія ея съ императоромъ и послѣ церемоніи цѣлованія руки царской невѣсты, когда передъ всѣмъ дворомъ обнаружилась тайна ея привязанности къ шурину графа Вратислава.

Хотя, по свидѣтельству леди Рондо, княжна Екатерина Алексѣевна и проговорила бывшему у нея сановнику, навѣстившему ее послѣ смерти жениха-императора, что «сердце ея занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь», то-есть дорогимъ ей графомъ Милиссимо, однако время и суровый Березовъ вытѣснили, кажется, изъ ея сердца этотъ «единственный предметъ», а тоска и уединеніе неволи заставляли молодое сердце искать привязанности.

Жить хотѣлось и любить хотѣлось; возврата къ прошлому уже не предвидѣлось; тотъ, кого она любила, былъ, по русскому выраженію, за тридевять земель, а молодость брала свое.

Но кого любить въ Березовѣ?

Гарнизоннаго офицера, который, можетъ быть, ходитъ въ туфляхъ на-босу-ногу? Вѣдь больше никакого не было въ Березовѣ.

И бывшая царская невѣста, у которой императоръ во время крещенскаго парада стоялъ на-запяткахъ, дѣйствительно полюбила гарнизоннаго офицера.

Это былъ офицеръ Овцынъ, который, надо полагать, не былъ похожъ на тобольскаго гарнизоннаго офицера, въ самомъ дѣлѣ ходившаго въ туфляхъ на-босу-ногу.

Интимная дружба съ Овцынымъ принесла новое горе дѣвушка и кончилась трагической гибелью для мужскихъ членовъ ея семейства.

Поощренный привязанностью княжны въ Овцыну, тобольскій подъячій Тишинъ, часто наѣзжавшій въ Березовъ по дѣламъ службы, рѣшился искать благосклонности бывшей царской невѣсты, но былъ ею отвергнутъ и оскорбленъ Овцынымъ.

Желая отмстить дѣвушкѣ и ея возлюбленному, отвергнутый подъячій сочинилъ гнусный доносъ на Долгорукихъ, которые и были вновь арестованы въ Березовѣ и вывезены въ Россію.

Схвачена была и бывшая царская невѣста княжна Екатерина Алексѣевна.

Надъ обвиняемыми Биронъ нарядилъ слѣдствіе и судъ, который и кончился страшною казнью четырехъ Долгорукихъ въ Новгородѣ, въ 1739 году.

Старшій братъ княжны Екатерины, бывшій любимецъ императора Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ, былъ четвертованъ, и подъ топоромъ палача читалъ молитву—«благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси познать тебя, Владыко»—пока языкъ его не замеръ на этомъ славословіи вмѣстѣ съ отрубленной головой.

Сама княжна была сослана на Бѣлоозеро, въ воскресенскій горичскій дѣвичій монастырь, тихвинскаго уѣзда.

Монастырь этотъ стоялъ въ суровой пустынѣ, не краше пустынь, окружавшихъ Березовъ.

Это было давнишнее, историческое мѣсто ссылки царственныхъ женщинъ древней Руси: въ этомъ монастырѣ томилаь когда-то Евфросинья, княгиня старицкая, мать послѣдняго удѣльнаго князя Владиміра Андреевича старицкаго, сосланная туда Еленою Глинскою; туда же сослана была и пострижена тамъ жена царевича Ивана, сына Грознаго, Прасковья Михайловна Соловая; тамъ же сидѣла въ ссылкѣ и Есенія Годунова.

Князю Екатерину Долгорукую подвергли въ этомъ монастырѣ суровому заключенію.

Въ монастырѣ этомъ, у входа въ такъ-называемый «чорный дворъ», гдѣ были хлѣва, конюшня и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ съ маленькими отверстіями вмѣсто оконъ; наружная дверь, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ наружнымъ замкомъ.

Эта-то хижинка и должна была сдѣлаться тюрьмой-кельею для бывшей царской невѣсты.

Когда привезли туда Долгорукую, то настоятельница монастыря такъ боялась присутствія въ ея владѣніяхъ этой высокой колодницы, что долго не хотѣла впускать въ монастырь никого изъ стороннихъ лицъ, и не рѣшалась даже богомольцевъ пускать въ монастырскую церковь, изъ опасенія, что ее могутъ обвинить въ небрежномъ смотрѣніи за арестанткой, и изъ страха, чтобъ кто-либо не увидалъ заключенную князю.

Но и въ этой убогой и суровой тюрьмѣ-кельѣ за двумя замками княжна Д о л г о р у к а я не забывала, кто она—не забывала, что была она когда-то и царская невѣста.

Однажды монахиня-приставница, по обычаю монастырскому, замахнулась на нее за что-то огромными своими чотками изъ деревянныхъ бусъ, служившими старымъ монахинямъ вмѣсто плетокъ на поученіе младшимъ сестрамъ и послушницамъ.

— Уважь свѣтъ и во тьмѣ!—гордо сказала Д о л г о р у к а я:— я княжна, а ты холопка!

Старица такъ смутилась одного грознаго вида молодой колодницы, что бѣжала, забывъ даже и тюрьму ея запереть.

Вообще бывшая невѣста Петра II-го не забыла своего царственного величія, а только ожесточилась, и къ врожденной княжеской гордости прибавила еще царственную неприступность.

Когда изъ Петербурга пріѣхалъ генераль отъ тайной канцеляріи и навѣстилъ ссыльную княжну, она не только не смутилась въ присутствіи важнаго гостя, но даже «грубость» ему оказала— не встала, когда тотъ вошелъ въ ея келью, и отвернулась отъ него.

Генераль, пригрозивъ ей батогами, уѣхалъ изъ монастыря, приказавъ еще строже смотрѣть за важной колодницей.

Напуганная мать-игуменья приказала заколотить остальное окошечко въ тюремной кельѣ княжны, и къ кельѣ этой не велѣла даже никого близко подпускать. Однажды двѣ монастырскія дѣвочки осмѣлились заглянуть въ скважину нутряного замка запретной двери—и за это подвергнуты были наказанью розгами.

Три года провела княжна подъ такимъ суровымъ монастырскимъ началомъ.

Но вотъ на престолъ вступаетъ императрица Елизавета Петровна — и темная келья бывшей царской невѣсты отворилась.

Изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ объ освобожденіи заключенной. Княжна пожалована во фрейлины. За нею присланы экипажи, прислуга. Княжна любезно прощается съ монастыремъ, обѣщаетъ не забывать его своими милостями.

И дѣйствительно не забыла. Въ 1744 году она прислала въ монастырь «Прологъ» съ надписью по листамъ:

«Лѣто 1744-е, марта въ 10-й день, сію книгу Прологъ, содержащую житія святыхъ угодникъ, дала въ даръ въ обитель Воскресенія Христова, горицкій дѣвичъ монастырь, на Бѣлоозерѣ, въ память своего пребыванія, княжна Екатерина Алексѣева Долгорукая».

Возвратившись изъ ссылки, княжна встрѣтила въ Петербургѣ всѣхъ своихъ родныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ новгородскихъ казней.

Императрица, помня, что княжна лишилась двухъ жениховъ— и графа Милиссимо, и императора Петра II-го, употребила все свое стараніе, чтобы выдать ее замужъ за достойнаго человѣка, и въ 1745 году нашла такого въ генераль-лейтенантъ графъ Александръ Романовичъ Брюсъ, родномъ племянникъ сподвижника Петра Великаго, фельдмаршала, знаменитаго «колдуна на Сухаревой башнѣ», астронома, алхимика, астролога, сочинителя Брюсова планетника («Брюсовъ календарь») и т. д.

Уже помолвленной невѣстой княжна ѣздила въ Новгородъ проститься съ погребенными тамъ тѣлами казенныхъ брата и дядей, покоившихся въ Рождественскомъ монастырѣ, что на поляхъ. «на убогихъ домахъ».

Протившись передъ свадьбой, по русскому обычаю, съ могилами своихъ родныхъ, она заложила тамъ церковь въ память казенныхъ.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы простудная горячка свела ее въ могилу.

Царское величіе и гордость не покидали ее до самой смерти. Умирая, бывшая «государыня-невѣста» при себѣ велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобы и послѣ ея смерти никто не смѣлъ носить той одежды, которую она носила.

XIV.

Наталья Долгорукова.

(Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, урожденная графиня Шереметева).

Женская личность, о которой мы намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ, принадлежить также къ той категоріи русскихъ историческихъ женщинъ прошлаго вѣка, на которыхъ обрушилась вся тяжесть переходнаго времени и задавила ихъ: это безпощадное время бросало попадавшіеся ему жертвы подъ свой, все перемалывающій, жерновъ и раздробляло ихъ на части, подобно джагернатской колесницѣ, раздроблявшей несчастныхъ женщинъ Индіи.

И нельзя при этомъ не замѣтить, что подъ ужасный жерновъ этотъ попали почти всѣ женщины, которыя могли сказать о себѣ, что они еще помнили Петра Великаго, что въ дѣтствѣ своими глазами видѣли, какъ онъ покатишь по русской землѣ этотъ тяжелый жерновъ, который и раздробилъ много стараго и негоднаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не мало молодого и свѣжаго.

Натальѣ Борисовнѣ Долгоруковой—вѣришь Шереметевой—было одиннадцать лѣтъ, когда хоронили Петра, и слѣдовательно она принадлежить къ тому поколѣнію русскихъ женщинъ, которыя — если можно такъ выразиться — у матерей

своихъ и кормилицъ высосали частицу молока, оставшагося еще отъ XVII вѣка, и съ молокомъ этимъ всосали несчастія всей своей жизни.

Несмотря на то, что Наталья Долгорукова принадлежала къ замѣчательнымъ личностямъ по своей нравственной высотѣ, по рѣдкому величію духа—ужасное время не пощадило и ее.

Вообще личность Долгоруковой заслуживаетъ того, чтобы потомство отнеслось къ ней особенно сочувственно и отмѣтило имя ея въ числѣ лучшихъ, самыхъ свѣтлыхъ личностей своего прошлаго.

Въ 1857 году, въ Лондонѣ вышла особая книга, посвященная памяти этой глубоко симпатичной женщины, подъ заглавіемъ «The life and times of Nathalia Borissovna, princesse Dolgoukoff». Авторъ этой книги—Джемсъ Артуръ Гирдъ (Heard).

У насъ въ Россіи о Долгоруковой писано не много, но все, что о ней написано, выставляетъ ее «личностью такою благородною и возвышенною», которая «дѣлаетъ честь родной сторонѣ».

Долгорукова оставила свои собственныя записки, которыя имѣли два изданія въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Писавшіе о Долгоруковой называютъ всю жизнь ея «трудной и скорбной», а ей самой даютъ наименованіе «великой страдальцы».

Наталья Борисовна родилась 17-го января 1714 года—слѣдовательно за одиннадцать лѣтъ до смерти Петра Великаго: этого одного достаточно было, чтобы и ей, подобно всѣмъ женщинамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, попасть подъ джагернатскую колесницу смутнаго переходнаго времени.

Она родилась въ одномъ изъ самыхъ знатныхъ домовъ своего времени—а эти-то дома преимущественно и задѣла тяжелая

индiйская колесница: отецъ ея былъ знаменитый фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, одинъ изъ соработниковъ Петра Великаго, который называлъ своего дѣловаго Бориса «Баярдомъ» за честность и «Тюренемъ» за ратные таланты и ставилъ его такъ высоко въ своемъ мнѣнiи, что, изъ уваженiя къ его заслугамъ, царь, вообще не любившiй притворяться или рисоваться, всегда встрѣчалъ Шереметева у дверей кабинета, когда тотъ «Тюрень» приходилъ къ нему, и провожалъ до дверей—когда тотъ уходилъ.

Мать ея была также изъ знатнаго рода: въ дѣтствѣ она была Салтыкова, Анна Петровна, а по первому браку носила фамилiю Нарышкиной, потому что была замужемъ за бояриномъ Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, роднымъ дядею Петра Великаго.

Много счастья должна была сулить жизнь для дѣвочки, родившейся въ такой завидной обстановкѣ: знатность рода, богатство, уваженiе царя—все обѣщало свѣтлую будущность.

А вышло наоборотъ, да такъ, какъ и не ожидалось: именно то, что должно было дать ей счастье—то именно и дало ей глубокое несчастье, которое она сама день за день и описываетъ, уже въ старости оглядываясь на свое прошлое, богатое такими поразительными контрастами.

Намѣреваясь говорить о своемъ прошломъ, она не задается задачею хроникера, не хочетъ захватывать всю ту разнообразную среду, въ которой какъ въ глубокомъ омутѣ погибали люди, а другiе на ихъ гибели строили свое счастье, чтобъ потомъ и самимъ погибнуть.

«Я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужiе пороки обличать», говоритъ она.

Себя и свою судьбу она такъ очерчиваетъ общими штрихами, говоря, что послѣ всего, что ею пережито, тяжело и доживать концы, тяжело и вспоминать прошлое:

«Отягощена голова моя безпокойными мыслями—говорить она—и кажется мнѣ, будто я уже отъ той тягости къ землѣ влонуся»...

«И я была человѣкъ—замѣчаетъ она далѣе—вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ... Но не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, а о милости божіей похваюсь: онъ мнѣ далъ столько силъ, что я перенесла».

Семейство, въ которомъ родилась Наталья, было очень большое: кромѣ стариковъ, у Натальи было еще три брата и четыре сестры. Но вся любовь семьи, а въ особенности матери, сосредоточивалась на маленькой Натальѣ.

Сама она говоритъ объ исключительной привязанности къ ней матери: «я ей была очень дорога».

На любимицѣ особенно сосредоточились и заботы матери относительно развитія ея способностей и предоставленія ей всего доступнаго тогда образованія въ полномъ объемѣ.

Мать усердно заботилась, чтобъ «ничего не упустить въ наукахъ, и—по словамъ Натальи Борисовны—все возможное употребляла къ умноженію моихъ достоинствъ».

Сердце матери не даромъ такъ прильнуло къ дочери: изъ нея вышла рѣдкая женщина, хотя мать и обманута была въ своихъ надеждахъ насчетъ ея будущаго.

«Лѣстилась она—говоритъ о своей матери Наталья Борисовна—лѣстилась она мною веселиться, представляла себѣ, что, когда приду въ совершенныя лѣта, буду ей добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости, и такъ меня поддерживала, какъ должно быть благородной дѣвушкѣ».

Дѣвушка росла веселая и счастливая. Она сама признается, что была «склонна къ веселію»; но еще въ ранней молодости веселію этому судьба положила перерывъ: отецъ ея умеръ, когда дѣвочка не успѣла еще войти въ возрастъ.

Но смерть отца была для нея совершенно почти не чувствительна; это было не то, что смерть матери, которая тоже была не за горами: дѣвочка была еще слишкомъ мала, когда умеръ отецъ, чтобъ понимать всю цѣну постигшаго ее несчастья. За то тяжела ей показалась неожиданная смерть матери.

Это несчастье постигло Наталью, когда ей только что минуло четырнадцать лѣтъ и когда она уже научилась больше цѣнить потерю того, что дѣйствительно цѣнно.

«Это первая бѣда меня встрѣтила», выражается она относительно смерти матери.

Дѣйствительно, это была пока первая реальная бѣда; а впереди ихъ копилось очень много и бѣды все тяжелыя, не переживаемыя и не забываемыя.

«Сколько я ни плакала—говорить она въ своихъ запискахъ, вспоминая смерть матери—все еще кажется было не довольно въ сравненіи съ ея любовью ко мнѣ, и ни слезами, ни рыданіемъ не воротила ея».

Но молодость брала свое. Какъ ни тяжела казалась потеря матери, какъ ни страшно было оглядываться назадъ, тѣмъ болѣе, что молодость вообще не любитъ оглядываться,—все же въ будущемъ свѣтились радости, да и вообще, что бы тамъ ни свѣтилось, молодость всегда идетъ къ этому будущему безъ оглядки, словно торопится пробѣжать безъ отдыха ту именно лучшую стадию своей жизни, о которой впослѣдствіи будетъ сожалѣть до самой могилы.

«Будетъ и мое время—мечталось ей при тяжеломъ раздумьи о потерѣ матери—повеселяюсь на свѣтѣ».

При всемъ томъ, она вела жизнь больше чѣмъ скромную, не смотря на то, что женщины первой половины XVIII вѣка жадно накинудись на свѣтскія удовольствія послѣ долгаго пощенія въ періодъ своего теремного существованія.

Дѣвушка того времени держала себя болѣе сдержанно, болѣе постаринному, чѣмъ какъ стала она держать себя во второй половинѣ XVIII вѣка.

«Въ тогдашнее время—говорить Наталья Борисовна—не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ; тогда нельзя было такъ мыкаться какъ въ нынѣшній вѣкъ (это говорится о семидесятихъ годахъ XVIII столѣтія:—для нея это былъ «нынѣшній вѣкъ»). Я и въ самой молодости весело не жила, и никогда сердце мое большого удовольствія не чувствовало».

Но время идетъ. Дѣвушка пришлось показываться въ свѣтъ, и свѣтъ сразу отличилъ ее—красивую, умную, знатную.

«Я очень счастлива была женихами—признается она послѣ, уже старушкой — очень счастлива... Начало было очень велико»...

Именно объ этомъ-то «великомъ началѣ» и слѣдуетъ сказать особеннно: это «великое начало» и погубило ее, приготовивъ ей самый горестный конецъ.

Мы уже знаемъ, что когда палъ Меншиковъ, то самымъ дорогимъ другомъ—любимцемъ императора Петра II и всесильнымъ временщикомъ при немъ сдѣлался девятнадцатилѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Къ довершенію могущества этого юноши, сестра его Екатерина, какъ извѣстно, помолвлена была за юнаго императора и друга этого мальчика-вельможи.

Этотъ-то князь Долгоруковъ и нашелъ молоденькую Наталью Шереметеву лучшую дѣвушкою въ Петербургѣ и Москвѣ, и на ней-то онъ посватался.

Это самое и было тѣмъ, о чемъ Наталья, уже старушка, вспоминаетъ, говоря: «начало было очень велико»...

Дѣйствительно, выходя замужъ за Долгорукова, дѣвушка становилась въ полномъ смыслѣ слова первою особою въ цѣлой имперіи послѣ императора и его будущей супруги—а эта будущая супруга-императрица была родная сестра князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, который и былъ «великимъ началомъ» для Натальи Шереметевой, который, наконецъ, и былъ оглашенъ ея женихомъ, какъ женихомъ ея сестры оглашенъ былъ молодой императоръ.

Чего же больше? Больше этого «великаго начала» не могло быть ни для одной русской дѣвушки.

Наталья Шереметева вступала, такимъ образомъ, въ родство съ императорскою фамиліею.

«Думала я, что я первая счастливица въ свѣтѣ. Всѣ кричали: «ахъ, какъ она счастлива!»—и моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать, а того не знала, что это счастье мною поиграетъ. Показалось оно мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ живутъ въ счастья люди, которыхъ Богъ благословить... Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка: милый человекъ въ глазахъ, союзъ любви будетъ до смерти неразрывнымъ, притомъ почести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе, всякій ищетъ милости»...

Отъ такого счастья дѣйствительно въ состояніи была закружиться голова.

И тутъ въ дѣвушкѣ говорить не тщеславіе, не желаніе быть первою женщиною въ государствѣ, стать въ свойство съ царскимъ домомъ; а она въ самомъ дѣлѣ страстно полюбила сво-

его жениха, потому что видѣла, какъ много и онъ былъ къ ней привязанъ.

Такъ она говорить о себѣ: «за великое благополучіе почитала его къ себѣ благосклонность, хотя и никакого знакомства не имѣла съ нимъ прежде нежели онъ моимъ женихомъ сталъ: но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила».

Впрочемъ, они не забывали и того, что женихъ ея такъ высоко поставленъ.

«Первая персона въ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи... Правда, что сперва это очень громко было».

Назначенъ былъ обрядъ обрученія.

«Правду могу сказать — замѣчаетъ она — рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія, всѣ чужестранные министры, всѣ наши знатные господа, весь генералитетъ были на нашемъ сговорѣ».

Обрученіе совершали архіерей и два ахимандрита. Обрядъ этотъ совершенъ былъ въ домѣ Шереметева — въ родномъ домѣ невѣсты. Пышность такъ велика была, что одни кольца, которыми размѣнялись женихъ и невѣста, стоили восемнадцать тысячъ рублей.

Родня жениха поцарски одарила невѣсту — «богатыми дарами, брилліантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями и всякою галантиреею». Съ своей стороны братъ невѣсты подарилъ жениху шесть пудовъ серебра — въ томъ числѣ драгоцѣнные кубки, фляги и проч.

Торжество это совершено было 24-го декабря 1729 года, накануне праздника рождества.

Празднество завершилось иллюминаціею, которая въ то время не похожа была на современные иллюминаціи: не было ни га-

зовыхъ звѣздъ, ни брилліантовыхъ огненныхъ вензелей, ни разныхъ другихъ искусственныхъ, съ помощью химіи и технологии производимыхъ эффектовъ. Тогда въ торжественные дни ночь блистала горящими смоляными бочками, иногда громадными кострами, иногда же просто сальными плшками.

И на торжествѣ обрученія Наталія Шереметевой горѣли смоляныя бочки.

Торжество было такъ велико, общественное положеніе обручаемыхъ такъ высоко, что весь городъ принималъ участіе въ этой—какъ тогда могли думать—государственной радости.

Глядя на это блистательное празднество, народъ, говорить Наталія Борисовна, радовался, что дочь славнаго Шереметева идетъ замужъ «за великаго человѣка, возставить родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцеву».

Сама невѣста думала, что «все это прочно и на цѣлый вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на-часъ».

Дѣйствительно, въ этотъ самый часъ, когда такъ пышно совершалось торжество обрученія царскаго любимца съ красавицею Шереметовою, бывшая царская невѣста, такая же молоденькая и прекрасная особа какъ и Шереметева, несчастная княжна Меншикова за четыре тысячи верстъ отъ Петербурга томила въ предсмертной агоніи—и никто не зналъ этого, хотъ быть можетъ многіе и вспоминали о ней, видя молодого императора и его вторую невѣсту, сестру обручаемаго князя Долгорукова, княжну Екатерину Долгорукову — присутствующими на этомъ торжествѣ.

Въ самые торжественные часы эти, въ Березовѣ, занесенномъ снѣгомъ, мучилась княгиня Марья Александровна Меншикова, а 26-го декабря умерла.

Скоро и счастливая невеста Долгорукова испытала, что «въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на-часть».

Прочность ея счастья не выдержала и мѣсяца: это счастье продолжалось всего только съ 24-го декабря по 19-е генваря— двадцать шесть дней; за то горе преслѣдовало ее сорокъ лѣтъ: «сорокъ лѣтъ по сей день стражду», говоритъ она впоследствии, вспоминая двадцать шесть дней мимолетнаго счастья, которое было дѣйствительно какимъ-то сномъ. За каждый день этого счастья она платила почти двумя годами страданій.

Покончивъ съ описаніемъ торжествъ своего обрученія, она начинаетъ описаніе новой эпохи своей жизни:

«Теперь—говоритъ она—надобно уже иную матерію начать».

Намъ извѣстно, какой переворотъ совершился 19-го генваря 1730 года, и какъ отразился онъ на участи главныхъ дѣйствующихъ лицъ изображаемой нами драматической картины: молодой императоръ, женихъ сестры князя Долгорукова, въ свою очередь счастливаго жениха Натальи Борисовны, простужается на парадѣ, заболѣваетъ оспою, вновь простужается, и умираетъ.

Всѣ Долгоруковы, по обычаю того страннаго времени, должны были погибнуть, какъ лица, ближе всѣхъ стоявшіе къ покойному государю, а скорѣе и ужаснѣе всѣхъ долженъ былъ погибнуть любимецъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, женихъ Натальи Борисовны Шереметевой.

Это было неизмѣннымъ закономъ того времени, словно это былъ еще остатокъ языческой старины, когда, по смерти хозяина и господина, съ нимъ вмѣстѣ зарывали въ землю его любимаго коня, всѣ воинскіе доспѣхи и всѣхъ наиболѣе близкихъ къ нему слугъ.

Такъ нужно было схоронить съ императоромъ Петромъ II-мъ всѣхъ, кого онъ любилъ и приближалъ къ себѣ, а раньше всѣхъ

ждала эта участь его друга и фаворита Ивана Алексѣевича Долгорукова.

Едва по Москвѣ пронеслась вѣсть о кончинѣ императора Петра II-го, какъ къ Натальѣ Борисовнѣ, ничего еще не слыхавшей о несчастьи, рано утромъ съѣхались всѣ ея родные въ страшной тревогѣ за свою собственную участь и за участь невѣсты царскаго любимца.

Наталья Борисовна еще спала, когда домъ ихъ наполнился перепуганными родными.

Сказали, наконецъ, и ей о постигшемъ всѣхъ несчастьи. Извѣстіе это такъ поразило ее, что она безпрестанно повторяла, словно помѣшенная: «ахъ пропала! пропала!»

«Я довольно знала обыкновеніе, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: — чего было и мнѣ ожидать?»

Но для нея, впроемъ, еще не все пропало: она еще не была женой фаворита, который неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, какъ обреченный на смерть обычаемъ страны и времени; она могла еще отказать ему; могла впослѣдствіи сдѣлать такую же блестящую партію съ другимъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что при ея положеніи, для нея всегда возможенъ былъ выборъ.

Тоже говорили ей и всѣ родные. Они утѣшали ее тѣмъ, что для нея еще нѣтъ ничего безповоротнаго; что имѣются уже на примѣтѣ готовые женихи для нея, а что отъ Долгорукова слѣдуетъ теперь же отказаться, слѣдуетъ непремѣнно разорвать съ нимъ всякую связь, какъ съ зачумленнымъ:—всякое прикосновеніе къ нему должно было быть гибельнымъ, смертельнымъ.

Но не такъ думала дѣвушка. Благородное сердце ея возмущилось этими предложеніями: она любила своего жениха; мало того, она хотѣла показать свѣту, что любила въ немъ не сановника, не любимца царскаго, а человѣка; что, разъ полюбивъ, она любить

беззавѣтно; что еслибъ она даже и не любила его, то во всякомъ случаѣ не измѣнила бы своему слову, и особенно теперь она не бросить его, когда у него все отнимается.

«Это предложеніе—говорить она о предложеніи родныхъ относительно отказа опальному жениху—такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказъ ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла, и такъ положила свое намереніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому нѣтъ уже участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода. А я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищемъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безуміе Богу. Онъ тому свидѣтель—все, любя мужа, сносила, а сколько можно мнѣ было—еще и его подкрѣпляла».

Вечеромъ пріѣхалъ къ ней женихъ. Здѣсь они вновь поклялись никогда не разлучаться, какая бы бѣда ни постигла ихъ въ будущемъ.

Бѣда, дѣйствительно, постигла скоро, и бѣда большая.

«Часъ-отъ-часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья?... Всѣ ближніе далече мене стали—всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали меня бояться... Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтъ, кому назначено на время быть велику, а послѣ прійти въ несчастье:—всѣ стануть презирать, никто говорить не захочетъ».

Большая бѣда ждалась съ часу-на-часъ.

Когда дѣвушка проѣзжала, вскорѣ послѣ смерти молодого государя, по городу, — гвардейскіе солдаты кричали:

— Это отца нашего невѣста! матушка наша! лишились мы своего государя!...

За то другіе кричали ей вслѣдъ:

— Прошло ваше время! Теперь не старая пора!

Страшные слухи стали ходить по городу — большая бѣда видимо приближалась.

«Каково мнѣ было тогда, въ шестнадцать лѣтъ!»

Родные опять уговариваютъ ее разстаться съ зачумленнымъ фаворитомъ; опять пугаютъ ее; но она остается непреклонною въ своемъ рѣшеніи.

Молодые люди назначаютъ день своей свадьбы. Но никто изъ родныхъ Натальи Борисовны не хочетъ и не рѣшается везти ее къ вѣнцу — это значило бы съ рукъ на руки передать дѣвушку тюремному сторожу, отправить въ ссылку.

Но дѣвушка непреклонна — и родные окончательно отрекаются отъ безумной упрямцы.

«Самъ Богъ отдавалъ меня замужъ, а больше никто!» восклицаетъ она, вспоминая это время.

Какія-то дальнія родственницы старушки проводили ее въ деревню, гдѣ жила, какъ-бы укрываясь отъ постороннихъ глазъ, вся семья Долгоруковыхъ.

Горько плакала дѣвушка, уѣзжая изъ отцовскаго дома и прощаясь съ родными стѣнами:

«Кажется, и стѣны дома отца моего помогали мнѣ плакать»...

Сирота-сиротой поѣхала она къ жениху, зная, что не на радость ѣдетъ: семья у жениха большая, надо угодить всѣмъ — и свекру, по старинному обычаю русскаго народа, надо быть по-

корливой, держать голову поклончиво, надо угодить и всему обширному роду, потому что она являлась въ родѣ Долгоруковыхъ послѣднимъ и младшимъ членомъ рода.

«И такъ нашъ бракъ былъ больше достоинъ плача, нежели радости».

Но все-таки черезъ три дня послѣ вѣнца молодые собрались-было дѣлать визиты роднымъ и знакомымъ.

Тогда-то и пришла большая бѣда.

Является изъ сената секретарь съ указомъ:—всѣмъ Долгоруковымъ повелѣвалось ѣхать въ дальнія деревни — старику-отцу Алексѣю Долгорукову, молодому Ивану и прочимъ.

Надо было спѣшно собираться въ путь, чтобъ не стряслось новой худшей бѣды.

Бѣда-то стряслась, но немного погода.

Наталья Борисовна, проживя всего на свѣтѣ шестнадцать лѣтъ, никогда прежде и никуда не ѣзжала, не знала, что нужно будетъ въ дорогѣ и въ деревнѣ, а потому все свое имущество отослала къ брату на сохраненіе — драгоценныя вещи, посуду, платье — а взяла только тулупъ для мужа да для себя шубу.

Братъ Наталья, зная дальность предстоящаго ссыльнымъ пути, прислалъ сестрѣ тысячу рублей, но она, въ дѣтскомъ невѣдѣніи всей трудности предстоящей жизни, взяла съ собой только четыреста рублей, а остальные отослала обратно.

Она знаетъ только мужа, только его видитъ, такъ и ходить за нимъ какъ тѣнь—«чтобъ изъ глазъ моихъ никуда не ушелъ»...

Наконецъ выѣхали.

Съ Натальей Борисовной поѣхала раздѣлять изгнаніе только «иноземка мадамъ», которая при ней еще при маленькой находилась и любила ее.

Но и эта скоро покинула ее, когда пришлось ужъ слишкомъ тяжело и дальше слѣдовать за любимицей своей «иноземка» не могла.

Выѣхали Долгоруковы въ самую распутицу, въ апрѣлѣ: — тащилась въ ссылку вся огромная семья долгоруковская.

«Я въ радости ихъ не участница была (прибавляетъ Наталья Борисовна), а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая».

Дорога была долгая и тяжелая: можно себѣ представить, каковы были тогда пути сообщенія, когда и при Екатеринѣ II, до конца прошлаго вѣка, богатые люди не иначе ѣздили по Россіи какъ съ отрядами вооруженной дворни и должны были нерѣдко, съ оружіемъ въ рукахъ, отбиваться отъ разбойниковъ.

Наши путешественники ночевали часто въ полѣ, въ лѣсу, на болотахъ. Было и такъ, что они ночуютъ въ одной деревнѣ, а туда ждутъ нападенія разбойниковъ.

За девяносто верстъ отъ Москвы нагналъ ихъ одинъ капитанъ гвардіи и объявилъ высочайшій указъ отъ 17-го апрѣля 1730 года. Въ указѣ этомъ вычислялись вины Долгоруковыхъ, а главная изъ нихъ — смерть молодого императора, послѣдовавшая отъ несмотрѣнія Долгоруковыхъ, отъ недостатка охраненія со стороны ихъ высочайшаго здравія.

Наконецъ, поѣздъ добрался до касимовскихъ имѣній Долгоруковыхъ.

Въ деревнѣ, молодая чета помѣстилась въ крестьянской избѣ; спальною ихъ сдѣлался сѣнной сарай.

Но и такая жизнь, относительно покойная, продолжалась только три недѣли.

Большая бѣда еще не вся исчерпалась...

12-го іюля 1730 года послѣдовалъ новый указъ.

Въ деревню, въ силу этого указа, пріѣхалъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью-четырьмя солдатами конвоя, поставилъ караулъ у всѣхъ дверей, гдѣ помѣщались ссыльные, и объявилъ, что вся семья Долгоруковыхъ ссылается въ Сибирь, въ знакомый уже намъ Березовъ.

«И держать ихъ тамъ безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ — объявлялось въ указѣ — людей опредѣлить къ нимъ пристойное число безъ излишества, письма домой писать имъ и изъ дома получать только на счетъ присылки запасовъ и другихъ домашнихъ нуждъ; всѣ письма, какъ посылаемые ими, такъ и входящія на ихъ имя, читать прежде офицерамъ, которые будутъ къ нимъ приставлены, и офицерамъ этимъ записывать: когда, куда и откуда и о чемъ были письма».

А вины ссыльныхъ прописаны были въ указѣ въ томъ смыслѣ, что опальному Алексѣю Долгорукову съ сыномъ Иваномъ и семьею вѣдно-де было жить въ Пензенской губерніи, а «онъ, весьма пренебрегая нашъ указъ, живетъ нынѣ въ касимовскихъ деревняхъ».

Но именно—по словамъ Натальи Борисовны—о пензенскихъ-то деревняхъ и не было сказано въ прежнемъ указѣ.

Какъ бы то ни было, но вина была указана именно эта.

«Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти — говорить снова Наталья Борисовна: — лишилась дома своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; не буду слышать о нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; брать меньшій мнѣ былъ дорогъ, — очень ужъ онъ любилъ меня; сестры маленькія остались. Боже мой! какая это тоска пришла!...

«Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и почести, и богатство, и сродниковъ; стражду съ нимъ и скитаюсь. Этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни пе-

редъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ былъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизньнюю свою заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и всякія бѣды сносить, могу сказать — безпримѣрныя бѣды».

Везли ихъ въ Сибирь подъ самымъ строгимъ карауломъ, сначала сухимъ путемъ, потомъ водою, потомъ опять сухимъ путемъ.

Дорога долгая, трудная. Несчастная жена бывшего царскаго любимца и дочь фельдмаршала, дорогою, по нуждѣ, сама платки моетъ, которыми слезы утирать надо.

«Нельзя всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла:—пускай бы я одна въ страданіяхъ была; товарища своего не могу видѣть безвинно страдающаго».

Для шестнадцатилѣтняго ребенка, балованной дочери фельдмаршала и богача—это въ самомъ дѣлѣ много.

Въ Тобольскѣ гвардейскій офицеръ передалъ арестантовъ гарнизонному офицеру—какъ говорится—изъ бурбоновъ.

Этотъ новый начальникъ ссыльныхъ сначала не говорилъ даже съ своими «арестантами»—«что ужъ на свѣтѣ этого титула хуже!» прибавляетъ Наталья Борисовна.

Офицеръ этотъ скоро, однако, сталъ постоянно обѣдать съ своими арестантами; но приходилъ въ солдатской шинели, надѣтой прямо на рубаху, и въ туфляхъ на-босу-ногу. И этотъ начальникъ говорилъ всѣмъ Долгоруковымъ, и князьямъ и княжнамъ—«ты».

Наташѣ Борисовнѣ онъ казался смѣшнымъ, а не возмутительнымъ, а какъ молодость смѣшлива во всѣхъ обстоя-

тельствахъ жизни, даже въ очень тяжелыхъ, то молоденькая ссыльная часто смѣялась, глядя на своего коменданта на-босу-ногу.

— Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ! замѣчалъ онъ ей.

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать — неизвѣстно: вѣроятно, онъ думалъ побить ее своею книжною ученостью, да на бѣду у ученаго офицера на-босу-ногу книги сгорѣли.

— Теперь-то вы натерпитеcя всякаго горя, говоритъ гвардейскій офицеръ, провожавшій ссыльныхъ до Тобольска, прощаясь съ ними, и даже плакалъ, оставляя ихъ въ далекой сторонѣ и возвращаясь въ Россію, въ Москву, въ Петербургъ.

— Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ, отвѣчала на это Наталья Борисовна.

Оттуда ссыльныхъ повезли на суднѣ, но на такомъ старомъ и гниломъ, точно оно сдѣлано было именно для того, чтобы гдѣ-нибудь утопить арестантовъ.

Надо къ этому прибавить, что Наталья Борисовна дѣлала этотъ далекій и трудный переѣздъ беременною.

Черезъ четыре мѣсяца, въ Березовѣ, она родила сына Михаила, — и вотъ у нея никого нѣтъ — ни бабки, ни кормилицы. Сына своего князя князь сына Михайлу Долгорукова вспоила она коровьимъ молокомъ.

Говорятъ, что въ Березовѣ или по пути туда Долгоруковы встрѣтились съ Меншиковыми: одни ѣхали въ Березовъ, другіе изъ Березова. Только обѣ царскія невѣсты не встрѣтились уже тамъ: Марья Меншикова съ генваря этого года лежала уже въ мерзлой сибирской землѣ, съ двумя младенцами, тоже Долгорукими, отъ князя Федора Васильевича Долгорукаго.

Намъ уже извѣстно изъ предыдущихъ очерковъ, что въ Березовѣ находилась вся семья Долгорукихъ: старикъ Алексѣй Гри-

горьевичъ, его сыновья и дочери, въ томъ числѣ бывшая невѣста покойнаго императора Петра II-го, сестра бывшаго его фаворита Ивана Алексѣевича—Екатерина. Несчастная связь ея съ тамошнимъ гарнизоннымъ офицеромъ Овцынымъ и отказъ въ благосклонности тобольскому подъячему Тишину были причиною, что, по доносу Тишина, всѣхъ Долгорукихъ, кромѣ женщинъ, забрали изъ Березова въ 1739 году.

Схваченъ былъ и мужъ Натальи Борисовны, которая долго не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ сдѣлали,—не знала до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны и до объявленія ей милостиваго позволенія о возвратѣ изъ ссылки.

А между тѣмъ съ мужемъ ея, какъ извѣстно ей стало послѣ, вотъ что было:

По доносу Тишина, Биронъ свезъ всѣхъ Долгорукихъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ ссылки въ Новгородъ и велѣлъ учинить надъ ними слѣдствіе по дѣлу, между прочимъ, о такихъ преступленіяхъ, о которыхъ осужденные и сами не вѣдали.

Оказавшихся наиболѣе виновными въ истинныхъ и мнимыхъ преступленіяхъ казнили.

Казнили жестоко и мужа Натальи Борисовны.

Это была дѣйствительно жестокая, ужасная казнь съ колесованіемъ и рубкою разныхъ членовъ, а потомъ головы.

Насколько молоденькая жена его показала твердость духа, отправившись съ нимъ подъ вѣнецъ, когда голова жениха уже заранѣе обречена была топору, а потомъ не побоялась и ссылки, настолько самъ онъ показалъ геройское терпѣніе, когда умиралъ на плахѣ.

Рубить ему палачъ правую руку—

— Благодарю тя, Господи! говорить Долгорукій.

Рубить палачъ лѣвую ногу—

— ... яко сподобилъ мя еси (продолжаетъ казнимый).

Рубить палачъ лѣвую руку—

— ... познать тебя, Владыко! (заканчиваетъ казнимый).

Тогда палачъ отрубаетъ ему и голову — нечѣмъ больше молиться...

Одиннадцать лѣтъ вдова казненнаго пробыла въ Березовѣ.

Возвращенная Елизаветой Петровной изъ ссылки, «великая страдальца», Наталья Долгорукая-Шереметева удалилась въ монастырь, въ Кіевъ. Тамъ она приняла схиму.

Умерла 3-го іюля 1771 года, пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду, когда на сцену жизни выступали новыя русскія женщины, о которыхъ мы въ свое время скажемъ.

XV.

Императрица Анна Іоанновна.

Семилѣтнимъ ребенкомъ царевна Анна Іоанновна вступила въ восемнадцатое столѣтіе.

Предшествовавшій вѣкъ и его своеобразный строй жизни она могла помнить такъ же смутно, какъ она смутно должна была помнить обстоятельства самаго ранняго дѣтства.

Но дѣтство всегда кладетъ неизгладимую печать на всю последующую жизнь человѣка, на его характеръ и склонности, на симпатіи и антипатіи его духа, при помощи коихъ впоследствии слагаются у человѣка отношенія къ людямъ, къ обстоятельствамъ и всѣмъ явленіямъ жизни.

Семнадцатый вѣкъ не могъ не наложить неизгладимую печать и на всю жизнь лица, о которомъ мы говоримъ, не смотря на то, что лицо это пережило всю эпоху ломки стараго, безпощадной ломки, предпринятой энергическимъ дядею царевны Анны Іоанновны — царемъ Петромъ.

Анна Іоанновна видѣла своими глазами, какъ обрѣзывалась борода у старой Руси, какъ на ея одрихлѣвшее отъ неподвижности, но здоровое тѣло надѣвалось новое платье; она видѣла все это, сама росла повидимому подъ условіями новой жизни; но

дѣтскія ея симпатіи не могли быть вытравлены новыми порядками, и она лишь разсудочно принадлежала новой жизни, подчинялась ея требованіямъ, а во многомъ, по законамъ нравственной инерціи, продолжала жить старою, до-петровскою, домостроевскою жизнью.

Анна Іоанновна была дочь старшаго брата Петра Великаго, «скорбнаго главою» царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

Годъ ея рожденія (22-го генваря 1793 года) совпадаетъ съ тѣмъ годомъ, когда ея державный дядя пытался только «прорубать окно въ Европу», которое и прорубили десять лѣтъ спустя, въ 1703 году, заложениемъ Петербурга: въ годъ рожденія царевны Анны юный Петръ только что успѣлъ заложить верфь въ Архангельскѣ и отправить за море, въ Голландію, первый свой «корабликъ».

Такимъ образомъ, хронологически, царевна Анна принадлежала новой Руси; но воспринимала ее отъ купели и пеленала старая Русь, и едва царевна появилась на свѣтъ божій, какъ, по древнему обычаю, во всѣ концы земли русской понеслись гонцы съ государевыми грамотами, такого же содѣржанія и такой же формы, съ какими носились гонцы по московскому царству съ вѣстями о рожденіи бабушекъ и прабабушекъ царевны.

«Великихъ государей богомъ дарованную радость вѣдать, ратнымъ и всякаго чину людямъ сказать и Господу Богу и пресвятой его Богоматери и всѣмъ святымъ о великихъ государей и той новорожденной благовѣрной государыни, царевны и великія княжны А н н ы І о а н н о в н ы многолѣтномъ здравіи молитвы и благодареніе воздавать» — вотъ что оглашалось грамотами по русской землѣ въ день рожденія царевны.

Въ памяти царевны должна была напечатлѣться обстановка ея дѣтства—этотъ старинный дворъ ея матери, царицы П р а с к о в ь и, съ тѣми свѣчаками и обычаями, подъ которыми выросли когда-то и женщины древней Руси.

«Домъ царицы П р а с к о в ь и Ф е д о р о в н ы—пишетъ ея родственникъ, историкъ Татищевъ—отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатень Тимофей Архиповичъ, сумазбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не столько при немъ, какъ послѣ его предсказанія вымыслили: онъ императрицѣ А н н ѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахиною и называлъ ее А н ф и с о ю; царевичъ П р а с к о в ь ѣ—быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ А н н а императрицею учинилась, указывали, яко-бы онъ ей задолго корону провѣщалъ»...

Живя въ такой обстановкѣ, маленькая царевна должна была однако подчиняться требованіямъ новаго времени: а требованія новаго времени тогда выражались единственно въ волѣ Петра. Петръ требовалъ, чтобы всѣ учились — и маленькую царевну должны были отъ часослова и псалтыря «присадить» къ изученію языковъ французскаго и нѣмецкаго.

Для перваго учителемъ взятъ былъ французъ Степанъ Рамбурхъ: этотъ французъ «танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго».

Рамбурху обѣщано было за ученіе царевенъ по триста рублей въ годъ жалованья; но ученіе шло такъ плохо, что царевна не научилась ни танцевать, ни писать пофранцузски въ теченіе пяти лѣтъ, и Рамбурхъ, не смотря на «долголѣтнія доуки царицѣ, царевнамъ и государю» о жалованьѣ — ничего не получилъ.

Не легко, какъ видно, привилась новая жизнь въ описанномъ нами выше дворѣ матери царевны Анны Іоанновны.

Нѣмецкимъ учителемъ у царевенъ былъ Остерманъ, старшій братъ прославившагося впоследствии дипломата и кабинетъ-министра Остермана. Но этотъ учитель, по отзыву Дюка-де-Лирія, «былъ величайшій глупецъ», считавшій себя «человѣкомъ съ большими способностями» и говорившій всегда «загадками»: отъ неспособности ли учителя или отъ всей жизненной обстановки — но и нѣмецкое ученье царевенъ шло плохо, такъ что хотя впоследствии Анна Іоанновна долго жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, однако по нѣмецки она не говорила всю жизнь.

Степень ея познаній въ русской грамотѣ мы увидимъ ниже изъ ея любопытныхъ писемъ къ матери.

Во времени воспитанія царевны Анны относятся интересныя свѣдѣнія, записанныя ея современникомъ, голландскимъ путешественникомъ и живописцемъ Корнелиемъ Ле-Брюномъ.

Петръ желалъ, чтобы Ле-Брюнъ снялъ портреты съ его племянницъ, съ царевенъ, и въ томъ числѣ съ Анны Іоанновны. Когда Ле-Брюнъ былъ представленъ царицѣ Прасковѣѣ, то, послѣ перваго привѣтствія, сама царица и царевны подносили ему изъ своихъ рукъ чаши съ водкою, виномъ и пивомъ.

Ле-Брюнъ изображаетъ царевенъ уже въ нѣмецкихъ платьяхъ, которыя онѣ впрочемъ надѣвали только тогда, когда показывались въ публикѣ. Прически царевенъ изображены на портретахъ такія, какія носились въ старой Руси.

По свидѣтельству Ле-Брюна, царевна Анна была блондинка съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Между тѣмъ всѣ позднѣйшіе ея біографы изображаютъ Анну Іоанновну брюнеткою — съ черными глазами, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и съ совершенно

черными волосами. Глаза ея и курчавые волосы—говорить одинъ нѣмецъ—«чернотой своею могли поспорить съ углемъ».

Ле-Брюнъ говорить, что царевна Анна и двѣ другія ея сестры—чрезвычайно мягкаго характера и обворожительно-любезны. Когда онъ рисовалъ портреты царевенъ, онѣ не знали, какъ и чѣмъ его угостить, часто удерживали у себя обѣдать и за столомъ нарочно для него подавали скромныя кушанья, хотя весь дворъ въ то время, по случаю великаго поста, не употреблялъ скромной пищи.

Въ 1709 году царевнѣ Аннѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и Петръ задумалъ немедленно выдать ее замужъ. Брачные союзы Петръ считалъ «сигурсомъ» въ своихъ политическихъ расчетахъ, и въ данномъ случаѣ политическія соображенія руководили имъ въ выборѣ жениха для своей племянницы въ лицѣ шестнадцатилѣтняго курляндскаго герцога, Фридриха Вильгельма.

Въ апрѣлѣ 1710 года намѣченный Петромъ женихъ уже писалъ царю, что желая выразить полную довѣренность къ царскимъ милостямъ и ускорить заключеніе союза между царемъ и разореннымъ до основанія герцогствомъ, которое было театромъ жестокой и опустошительной войны между Россією и Швецією,—онъ посылаетъ для заключенія брачнаго контракта довѣренныхъ лицъ. Эти послѣдніе просили, между прочимъ, царя послать къ герцогу портретъ всѣхъ трехъ царевенъ.

Портреты были посланы.

Герцогъ, никогда не видавшій царевенъ, почему-то остановился на портретѣ Анны Іоанновны.

«Мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ — говорить одинъ изъ новѣйшихъ писателей — почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну—позволяемъ себѣ только

догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ».

Царевна Анна была менѣе любима матерью, чѣмъ сестра ея Прасковья: для послѣдней ожидался, вѣроятно, болѣе выгодный женихъ.

Какъ бы то ни было, но женихъ казался доволенъ своею нѣвѣстою.

«Вы не только помогаете мнѣ обезпечить обладаніе моимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ, обѣщая силою поддерживать меня противъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній, но даже пожаловали мнѣ въ супруги ея высочество царевну Анну—дражайшій и любезнѣйшій залогъ благоволенія ко мнѣ вашего величества» — вотъ что писалъ герцогъ царю.

Съ своей стороны царевна, по приказу старшихъ, написала жениху любезное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, письмо витіеватое, но слишкомъ казенное.

«Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества — пишетъ невѣста — я съ особеннымъ удовольствіемъ узнала объ имѣющемъ быть, по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ величествъ, моихъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракъ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что почти не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ услышать ваше объясненіе въ любви ко мнѣ. Съ своей стороны увѣряю ваше высочество совершенно въ тѣхъ же чувствахъ, что при первомъ, сердечно желаемомъ, съ божьею помощію счастливомъ, личномъ свиданіи предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь между тѣмъ, свѣтлѣйшій герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею служницею. Анна».

Ясно, что это уже пріемъ новаго времени. Мы видѣли, что не такъ королевичъ Вольдемаръ сватался за бабушку царевны Анны Іоанновны, за царевну Ирину Михайловну: пять лѣтъ

прожилъ женихъ въ Москвѣ, и ему ни разу не показали не только невѣсты, но даже и ея портрета — «парсуны».

Въ августѣ 1710 года женихъ Анны Іоанновны, въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметева, прибылъ въ Петербургъ.

Начались пиры, катанья, фейерверки. Пиръ того времени отличался гомерической новоздержностью относительно питья крѣпкихъ напитковъ — и юный женихъ пилъ много, чѣмъ, кажется, и погубилъ себя.

Бракосочетаніе происходило 31-го октября. Описаніе брака равославно было по вѣсѣмъ европейскимъ дворамъ, въ доказательство, что Россія перестала быть варварскою страной и поевропейски справляетъ царскія свадьбы.

Но старая Русь съ ея повѣрьями и предрасудками пряталась за европейскими формами, за нѣмецкимъ платьемъ.

Надъ головою новобрачной висѣла корона изъ лавровыхъ листьевъ; надъ молодымъ герцогомъ — лавровый вѣнокъ. Петръ, во время пира, сорвалъ вѣнокъ герцога, и совѣтовалъ ему, по русскому обычаю, сорвать корону, висѣвшую надъ головой новобрачной герцогини. Юноша не въ силахъ былъ сорвать корону руками, а отрѣзалъ ее ножомъ.

Старая Русь стала шептаться, что это не къ добру.

Но Петру было не до старой Руси: онъ хотѣлъ, чтобы и новая Русь сказала въ этомъ торжествѣ. Эта послѣдняя сказывалась въ танцахъ и въ безумномъ весельѣ гостей, наконецъ въ пренебреженіи старыхъ обычаевъ.

Изъ «юрналовъ» (журналы) 1710 года, въ которыхъ описывалась свадьба Анны Іоанновны, мы узнаемъ, что царь за обѣденнымъ столомъ выдумалъ оригинальную забаву. На главномъ столѣ поставлены были два огромнѣйшіе пирога, вышиной болѣе аршина. Пироги изображали десертъ. Когда обѣдъ былъ

конченъ, царь вскрылъ пироги—и вмѣсто начинки изъ пироговъ выскочили двѣ карлицы. Изумленіе пирующихъ было неописанное. Петръ перенесъ карлицъ на другой столъ, и на этомъ столѣ сидѣвшіа въ пирогѣ живыя существа исполнили минуэтъ!

Но старая Русь не даромъ шептала, что быть худу.

Худо дѣйствительно скоро совершилось.

Въ генварѣ 1711 года Анна Іоанновна съ мужемъ, послѣ нескончаемыхъ пировъ и забавъ, выѣхали въ свое герцогство, въ Митаву.

Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ Дудергофѣ, молодой герцогъ умеръ. Полагаютъ, что юноша не вынесъ нашихъ брачныхъ пиршествъ и умеръ просто жертвою непомернаго питья горячихъ напитковъ.

Рано осталась Анна Іоанновна вдовою.

Тѣло герцога въ великолѣпномъ гробѣ отправили въ Митаву, въ герцогскій склепъ, а молодая вдова воротилась въ старый домъ матери, въ село Измайловское.

Но Петръ не желалъ оставлять Курляндію безъ герцогини. Его желаніе было переселить туда, все семейство царицы Прасковьи, и вотъ онъ, въ апрѣлѣ 1712 года, пишетъ сенату: «Понеже невѣстка наша, царица Прасковья Федоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселѣ въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, не мѣшкая».

Черезъ годъ послѣ этого, мы видимъ уже Анну Іоанновну больною. Она гоститъ у матери, въ селѣ Измайловскомъ, а между тѣмъ Петръ настаиваетъ, чтобъ она ѣхала съ дочерью въ Курляндію.

Мать Анны боится прогнѣвить царя своею медленностью, боится и ѣхать съ больною дочерью.

«Алексѣй Васильевичъ—пишетъ она кабинетъ-секретарю Макарову—здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй, донеси невѣстуншѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества,—во истинно за великими моими печалами. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла тринадцать недѣль каменною болѣзнію, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнію горячкою. А ежели имъ угодно скоро быть, и я, хотя больную, повезу. И ты пожалуй отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть — чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать»...

Скудное было житье Анны Іоанновны въ Курляндіи. Страна разорена войнами. Доходовъ никакихъ.

И вотъ царица Прасковья плачется за свою дочь передъ царемъ:

«Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу (т. е. отъ Петра, постоянно отсутствующаго), никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царевны учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу тому сенату. .

«Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабжала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

«Созволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царевнѣ моей, опредѣлено; съ чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновению княжескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленія: изъ вашей ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

«Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впредь изъ какого недознанія какой неугодности вамъ не учинить: чтó ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по при-
мѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство со-
держать, или просто?

«Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до
мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и ви-
дѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпасть и
управить.

«Кареть и лошадей мы беремъ на должовныхъ людей, по та-
мошнему чиновному порядку: также ей, царевнѣ моей, безъ осо-
бой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

«Повелите ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему ста-
рому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по при-
стойности дѣла.

«Прошу вседоучно, по своей крайней милости и по своему
слову, переимѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде
при царевнѣ моей, который дамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ
не опечалить, и быть на его мѣсто впредь иному, кому вы со-
изволите.

«На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и
объ отповѣди себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать бу-
демъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня
погланъ».

Упоминаемый въ челобитной «несносный гофмейстеръ» — это
Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ, по повелѣнію царя завѣ-
дывавшій всеми дѣлами Курляндіи, собиравшій съ этой страны
доходы и выдававший на содержаніе герцогини Анны «столь-
ко — какъ приказывалъ ему Петръ — безъ чего нельзя про-
быть».

Полагаютъ, что Бестужевъ-Рюминъ возбудилъ неудовольствіе къ себѣ старой царицы по разнымъ интригамъ и сплетнямъ, которыя приняли наконецъ форму прямого обвиненія, весьма можетъ быть неосновательнаго, будто бы Анна Іоанновна оказывала ему непозволительное для молодой вдовы вниманіе. Быть можетъ, что это клевета, не смотря даже на то, что клевету эту подтверждаетъ и князь Щербатовъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи о «поврежденіи нравовъ». Какъ человѣкъ, ратовавшій противъ новизны и специально избравшій своимъ предметомъ доказательство поврежденія нравовъ въ новой Руси, Щербатовъ во всемъ могъ видѣть порокъ и развратъ.

Поэтому едва ли можно принимать безъ критики его слова, относящіяся къ Аннѣ Іоанновнѣ: «не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ»...

Какъ бы то ни было, но это обвиненіе лежало на молодой вдовѣ, и сама мать ея, царица Прасковья, давала поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ о поведеніи дочери.

Но Петръ не вѣрилъ сплетнямъ. Не вѣрила имъ и Екатерина Алексѣевна.

Такъ отвѣчая на одну изъ слезницъ царицы Прасковьи по этому поводу, Екатерина говоритъ:

«Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже онъ не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла стануть, и то его величеству зѣло будетъ противно.

И зѣло я тому удивляюсь, что ваше величество такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приносить, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете».

Относительно же матеріальнаго обезпеченія Анны Іоанновны, царица Прасковья получила такой отвѣтъ отъ Екатерины:

«Государыня моя, невѣстушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

«Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Іевлева исправно дошли, на которыя доношу: объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу, и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ конечно снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда не надобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ, всякіе денежныя поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же ваше величество упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я надѣюсь, что, при

помощи божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщеть, и тогда уже меньше вашему величеству будетъ печали».

Мать Анны Іоанновны входила повидимому во всѣ мелочи жизни своей дочери, какъ это и должно было быть, когда старинное воспитаніе положительно не приучало молодую женщину къ самостоятельности. Оттого и молодыя и старыя женщины того времени считали себя еще болѣе безпомощными, чѣмъ женщины современныя намъ.

Поэтому, царица Прасковья докучаетъ Екатеринѣ то тѣмъ, чтобъ къ Аннѣ курляндской назначить тѣхъ, а не другихъ придворныхъ, то перемѣнить у нея пажей, то дать ей хорошихъ совѣтчиковъ.

«Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу Матвѣеву или Львову—отвѣчаетъ Екатерина на одну изъ такихъ материнскихъ доукъ—и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи».

Впрочемъ всѣ, кажется, смотрѣли на Анну Іоанновну, герцогиню курляндскую, какъ на ребенка: — даже поставка ей туалета зависѣла отъ царя и отъ Бестужева-Рюмина. Мало того, Петръ лично распоряжается, какихъ водокъ ставить ко двору герцогини курляндской: «ангеликовой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина пять ведеръ; изъ гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, персиковой, коричневой — по одному ведру».

Молодая герцогиня, повидимому скучавшая въ Курляндіи, продолжала ѣздить къ матери. Курляндцы считали это, для себя «конфузіей», и Петръ такъ утѣшаетъ ихъ въ этой «конфузіи» чрезъ Бестужева:

«Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузіи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны, извѣстенъ, и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возвратиться паки въ Курляндію и жить тамъ».

Ваше мы сказали, какое воспитаніе давалось тогда царевнамъ.

Русская женщина только начинала учиться, и потому неудивительно, что первые шаги ея на поприщѣ грамотности были не особенно успѣшны.

Трудно даже повѣрить, чтобы царевна, племянница Петра-преобразователя, герцогиня курляндская, писала такія письма, какъ приводимое нами ниже письмо Анны Іоанновны къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Но въ исторической жизни русской женщины важно и то, что она начинаетъ сама писать. Какъ она пишетъ — это другой вопросъ.

Вотъ одно изъ драгоценныхъ писемъ Анны Іоанновны, краснорѣчивѣе цѣлыхъ трактатовъ говорящее о степени образованія тогдашней женщины и ея жизненной обстановкѣ:

«Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя на многія лета вкупе съ государемъ нашимъ батюшкой, дядюшкой и государынями нашими сестрицами.

«Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала ізволила вспомнить меня. Незнаю матушка мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу милость, какъ я обрадовалась Богъ васъ свѣтъ мої самое такъ порадуетъ, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ не радовалась, какъ нынче радуюсь о милости вашей ксебѣ; прашу, матушка мая, впредь меня содержать всвоеі неотменноі милости, ей ей у меня крамѣ тебя свѣтъ мої нетъ никакой надѣжды; і вручаю я себя вмиласть тваю матеренскую; і надѣюсь, радость мая, тетушка што не оставишь меня всвоей милости і до маей смерти; изволили вы свѣтъ мой ка мнѣ приказовать, штобъ я отписала про Василя Ѳедоровича (Салтыковъ, дядя Анны Іоанновны), и я донашу. Ботороі здеса бытностію сваею многіе мнѣ противности дѣлалъ, какъ славами, такъ и публичными поступками, противъ маей чести; между которыми раза стри со слезами отъ него оташла... Онъ же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штобъ онъ былъ, іли кто другой, ево руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ мої до таво не допустить: я отъ Бестужева во всемъ доволна, и въ моихъ здешнихъ делахъ, очинь харашо поступаетъ,— І о всѣхъ Василя Ѳедоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донести Маврину. І поѣхалъ Василій Ѳедоровичъ отъ меня серпамъ; можно было видѣть, што онъ снадеждоі поѣхалъ, штобъ матушкѣ на меня мутить. Ізвесна свѣтъ мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Екатерину Ивановну); і какъ онъ пріѣхалъ впитербурхъ, і матушка изволить ка мнѣ писать не такъ милостива, какъ прежде исволила писавать; а нынче ісволить писать, штобъ я не печадилась: «я де не сердита», а я своей вины еі, еі не знаю; а можна видѣть по письмамъ, што гневна на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ: также какъ праважалъ

сестрицу. Окуневъ до земли, і былъ, здесь, і приѣхалъ отсюда въ Питербургъ, і онъ не мала напрасно на меня намутилъ матушке; і чаю вы, свѣтъ мой, таго Окунева изволите знать; и ни чимъ не магу радоваца; толка радуюсь матушка мая, тваєю миластію ксебѣ. И влнежна (Александра Григорьевна Долгорукая, злополучная жена В. Ф. Салтыкова) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедетъ истриги вваршаву кацу.

«При семъ прошу, матушка моя, какъ у самого Бога, у васъ, дарагая моя тетушка, покажи надо мною материнскую миласть: попроси, свет мой, миласти у дарагова государя нашего, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ миласть: мое супружественнае дела каакончанію привести, дабы я болше всокрушении і терпени отъ моихъ зладеевъ, ссораю кматушке не была; істенна, матушка моя, донашу несносна какъ наши ругаюца; если бы я таперь была при матушке, чаю бы чуть была жва отъ ихъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ мой свѣтъ сіе всвоей миласте.

«Также исополнили вы, свѣтъ мой, приказовать каинне: нетли нужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, извесна, што у меня ничево нетъ, кране што своли вашей выписаны штофы; а ежели кчему случаі позаветь, і я не имѣю нарочитыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотентъ, ни платья нарочетава; і втомъ ка мне ісвольте учинить, матушка моя, по высокаі своеі миласти, і здешнихъ пошленихъ денегъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ свої вгодъ содержать; также определенъ, по вашему указу. Бестужева сынъ ка мне оберъ-камарамъ юнкерамъ; і живетъ другой годъ безжалованья; и просить у насъ жалованья; і вы, светъ мой, какъ изволите; і пращу матушка моя не прагневаца на меня, што утрудила своимъ письмомъ, на-

деючи на милость вашу себѣ; еще прошу светъ мой, чтобъ матушка не вѣдала ничего; і владусь волю вашу, какъ матушка моя изволишь самною. При семъ племянница ваша Анна кланяюсь».

Указываютъ и еще на одно письмо отъ этой же эпохи жизни Анны Іоанновны, письмо, въ которомъ будто бы проглядываетъ ея нѣжная заботливость о своемъ пятидесяти-четырёхлѣтнемъ гофмейстерѣ, тогда какъ самой герцогинѣ было только двадцать-пять лѣтъ; но и въ этой заботливости мы опять-таки не видимъ ничего подозрительнаго, не смотря на брюзгливый отзывъ объ этомъ предметѣ князя Щербатова. Напротивъ, письмо это вполне драгоцѣнно для насъ въ историческо-бытовомъ отношеніи.

«Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня моя на многія лета вкупе згосударемъ нашимъ дядюшкою и батюшкою изгосударынеи нашими сестрицами — пишетъ Анна Іоанновна отъ 1-го ноября 1719 года.

«Прошу, свѣтъ мой тетушка, содержать меня ввашей высокой милости, вкотораі мой и животъ, и всю мою надежду, і отъ всехъ пративнастей защищеніе имею; еще прошу ввашей высокой милости вБестужеваі дочери, кнегинѣ Валконскаі, каторая ныне отселя поехала не оставить еіе ввашей высокой милости.

«При семъ, матушка моя дарагая, посылаю вашему величеству досканъ енѣтарной, о каторамъ, светъ мой, прошу милостива принять.

«При семъ племянница ваша Анна кланяется».

Какъ бы то ни было, но отношенія Анны Іоанновны къ Бестужеву Рюмину, при всей ихъ можетъ быть безупречности, составляютъ печальную страницу въ жизни будущей императрицы.

Отношенія эти поссорили ее съ матерью, крутой нравъ ко-

торой и суровая воля постоянно силились повидимому гнуть волю двадцатипятилѣтней дочери: въ царицѣ Прасковѣѣ и въ отношеніи ея къ дочери, царевнѣ Аннѣ, таились искры женщины стараго закала, вродѣ Софьи Витовтовны, которая держала въ рукахъ и мужа и сына.

Уже на смертномъ одрѣ, за два дня до своей кончины, суровая царица пишетъ Аннѣ Іоанновнѣ:

«Слышала я отъ моей вселюбезной невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы запрещеніемъ или тако рещи—проклятіемъ отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сомнѣвайся: все для вышешепомянутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю вамъ и прощаю вамъ во всѣмъ, хотя вы въ чемъ предъ мною и погрѣшили».

Между тѣмъ время шло, а герцогиня Анна оставалась вдовствующею, не смотря на заботы царственнаго дяди найти ей жениха во множествѣ германскихъ герцоговъ и курфирстовъ.

Вообще все время пребыванія Анны Іоанновны въ Курляндіи представляется самою безцвѣтною страницею въ ея жизни.

Около того времени, когда нападки на отношенія ея къ Бестужеву-Рюмину особенно усилились, появляется новое дѣйствующее лицо — Биронъ. Неотразимое вліяніе этой послѣдней личности проходитъ чрезъ всю жизнь Анны Іоанновны, и какъ герцогини курляндской, и какъ императрицы всероссійской.

Самъ Бестужевъ-Рюминъ ходатайствовалъ сначала о принятіи этой никому неизвѣстной и ничѣмъ не выдававшейся личности ко двору Анны курляндской. Впослѣдствіи личность эта сѣла на мѣсто своего благодѣтеля. Мало того, личность эта скоро начала гнуть по своему всю Курляндію, которая не хотѣла удостоить его званіемъ дворянина, а подъ конецъ нашла въ немъ своего

самодержавнаго герцога и чуть не диктатора-регента всей великорусской земли.

Но пока живъ былъ «батюшка-дядюшка» Петръ, голоса Бирона не слышно было въ Курляндіи, а слышенъ былъ только голосъ царя, помимо герцогини Анны отдававшаго приказъ Бестужеву: «Понеже слышу, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только, также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ расправѣ между людьми. На которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли, жалованье чтобъ не больше по чинамъ довано было, какъ при прежнихъ герцогиняхъ; людей непотребныхъ отпусти и впредь не принимай; виновныхъ наказывай, понеже не исправленіе взыщется на васъ».

Съ принятіемъ ко двору Бирона для Анны начинается новая жизнь: ее уже повидимому не тянетъ ни въ Москву, ни въ свое излюбленное отъ дѣтства село Измайловское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются для нея и новыя огорченія, ввидѣ намековъ и нашептываній о Биронѣ, о его камеръ-юнкерствѣ, о его необыкновенномъ фаворѣ.

Чтобы заглушить нашептыванья, чтобы шпионы и завистники вновь не «намутили» на нее при дворѣ грознаго «батюшки-дядюшки», Анна рѣшается женить своего камеръ-юнкера Бирона на одной изъ своихъ придворныхъ, на испещренной оспою дѣвицѣ Бенигнѣ Трейденъ.

Но вотъ умираетъ и грозный «батюшка-дядюшка».

Въ послѣднее свое пребываніе въ Россіи, еще при Петрѣ, Анна присутствовала при коронаціи Екатерины. Тогда съ нею познакомился и герцогъ голштинскій, впоследствии мужъ царицы Анны Петровны и отецъ императора Петра III.

Извѣстный камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся при голштинскомъ герцогѣ, такъ говоритъ о встрѣчѣ герцога съ Анной Іоанновной: «15-го марта его королевское высочество дѣлалъ парадный визитъ герцогинѣ курляндской. Она приняла его очень ласково, но не просила садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе»..

Но чѣмъ дальше, тѣмъ повидимому больше вырабатывается у этой женщины царственная самостоятельность, что впрочемъ не трудно объяснить: — грознаго «дядюшки-батьюшки» уже не было на свѣтѣ.

Около Анны, съ помощью Бирона, начинаетъ спланиваться курляндская партія, которая и начинаетъ парализовать силу Бестужева-Рюмина и всей русской партіи въ Митавѣ.

Въ это время у Анны Іоанновны является новый женихъ, въ лицѣ знаменитаго Морица саксонскаго, непосѣтнаго искателя приключеній изъ типа бродячихъ средне-вѣковыхъ кондотьеры.

Морица курляндцы хотятъ сдѣлать мужемъ Анны въ противовѣсъ русскому вліянію.

Является непосѣстный Морицъ въ Митаву — и его избираютъ въ герцоги. Депутатія курляндцевъ проситъ Анну одобрить выборъ страны и отдать свою руку Морицу. Последняя проситъ Остермана доложить Екаторинѣ, своей «матушкѣ-тетушкѣ»: «чтобъ ея императорское величество повелѣла сіе мое дѣло съ принцемъ Морицемъ совершить»..

Принцъ ей нравится; но онъ не нравится Меншикову, которому самому хочется надѣть на себя корону Курляндіи.

Съ цѣлью получить герцогство, Меншиковъ прїѣзжаетъ въ Митаву. Анна Іоанновна сама является къ нему съ слезною просьбою вдовицы.

«Начала она рѣчь объ извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбою — доносить Меншиковъ императрицѣ — чтобы въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество, могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее повелѣніе, представляя резоны: первое, что уже сколько лѣтъ какъ вдовствуетъ; второе, что блаженные и вѣчно достойныя памяти государь императоръ имѣлъ объ ней попеченіе, и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактовать были намѣрены, но не допустилъ того нѣкоторый случай»...

Самъ претендуя на корону, Меншиковъ хочетъ силою отнять жениха у плачущей Анны. Противъ жениха посылается войско. Но Морицъ, какъ подобаетъ бродячему рыцарю, съ шестьюдесятью молодцами своей свиты обороняется отъ войска. Мало того, невѣста въ подмогу рыцарю посылаетъ свою герцогскую гвардію — и руссій отрядъ, посланный Меншиковымъ для отнятія жениха у Анны Іоанновны, отступаетъ.

Герцогиня беретъ Морица въ свой замокъ, отводитъ ему тамъ помѣщеніе, каждое утро посылаетъ къ нему пажу узнавать о здоровьѣ, а другого — принимать отъ него приказанія.

Но странствующій рыцарь оказывается вѣтреннѣе Донъ-Кихота: онъ заводитъ интриги въ замкѣ, волочится за придворными дамами, компрометируетъ свое положеніе и репутацію невѣсты — и невѣста оказываетъ ему явную холодность.

Умираетъ и «тетушка-матушка» Екатерина.

Биронъ и курляндская партія еще выше поднимаютъ голову. Анна Іоанновна уже меньше заискиваетъ въ Петербургѣ,

гдѣ на престолѣ сидитъ ребенокъ-императоръ, племянникъ ея, Петръ II, водимый на помочахъ то одною, то другою сильною рукою царедворцевъ.

Биронъ, оттѣснившій отъ Анны Іоанновны Бестужева-Рюмина, уже кричитъ на этого послѣдняго какъ на стараго дворцаго.

«Онъ меня публично бранилъ и кричалъ въ каморѣ при дворѣ — жалуется Бестужевъ въ Петербургъ. — Его бѣдная фамилія въ десяти персонахъ не смѣла къ шляхетскому стану мѣшаться, нынѣ весьма стала горда и богата».

Около Анны Іоанновны все тѣснѣе и тѣснѣе спланивается кружокъ курляндскихъ нѣмцевъ, и кружокъ этотъ не въ мѣру растеть: Биронъ — уже камергеръ, гофмаршалъ Сакенъ, оберъ-гофмейстерина фонъ-деръ-Реннъ, шталмейстеръ и футтермейстеръ, три камеръ-юнкера, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау, множество гофратовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ, камеръ-лакеевъ — все это нѣмцы, и между ними нѣтъ ни одной русской фамиліи. Въ Москвѣ, отъ имени Анны Іоанновны, живетъ ея резидентъ, тоже нѣмецъ, Корфъ.

Имя русскихъ становится и презрѣнно и ненавистно въ Курляндіи: ясно, что нѣмецкія симпатіи Петра, перешедшія на его потомство и не сдерживаемыя его всерегулирующимъ гениемъ въ предѣлахъ разумности, зашли за предѣлъ упругости. То, что писала Екатерина царицѣ Прасковѣ, советуя ей взять ко двору Анны Іоанновны пажей изъ курляндцевъ — «ибо которые русскіе — и тѣ гораздо плохи» — это мнѣніе становится какъ-бы господствующимъ: всѣ русскіе почему-то разомъ оказываются «гораздо плохи».

Повидимому мягкая и безвольная Анна Іоанновна начинаетъ показывать царственную волю. Нѣсколько лѣтъ назадъ

она жаловалась на свое вдовство, а теперь ей представляется партія въ лицѣ герцога Фердинанда — и герцогиня оказывается «къ нему не склонна».

Вмѣсто Бестужева-Рюмина изъ Петербурга посылаютъ въ Курляндію Безобразова — и Анна Іоанновна не пускаетъ его въ свои помѣстья, грозятъ, что сама будетъ защищать ихъ.

Курляндія видимо подняла голову — и замѣчательно, съ этою высоко поднятою головою микроскопическое, сравнительно съ цѣлою Россіею, герцогство стояло надъ русской землею до самаго возшествія на престолъ Елизаветы Петровны.

Съ 18-го на 19-е генваря 1730 года умираетъ юный императоръ Петръ II. Мужская линія Петра Великаго на этомъ мѣстѣ обрывается.

Остаются — дочь Петра Великаго Елизавета Петровна и племянницы его, изъ которыхъ Анна Іоанновна топографически всѣхъ ближе къ Петербургу.

Въ ночь смерти императора собираются «верховники» на совѣщаніе объ избраніи новаго государя. Между «верховниками» — графъ Головкинъ, князя Долгорукіе — Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, Ягужинскій.

— Батюшки мои! — возвышаетъ свой голосъ Ягужинскій: — прибавьте намъ какъ можно воли... Теперь время думать, чтобъ самовластью не быть.

Выборъ «верховниковъ» останавливается не на дочери Петра Великаго, а на племянницѣ, на Аннѣ Іоанновнѣ.

Алексѣй Долгорукій — требуетъ короны для своей дочери, красавицы Екатерины, находившейся въ ссылкѣ послѣ помолвки съ покойнымъ императоромъ Петромъ II. Онъ требуетъ для нея короны, «яко для обрученной невѣсты».

Но имя Анны Іоанновны побѣждаетъ.

— Смертью почившаго императора — говоритъ при этомъ Дмитрій Голицынъ — прекратилось мужское поколеніе Петра І. Россія много терпѣла отъ деспотическаго его управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями и поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.

При этомъ, въ совѣщаніи «верховниковъ» заявляется, что Анна Іоанновна, въ случаѣ принятія короны, обязывается не брать съ собою Бирова, о которомъ уже составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ упрямомъ, заносчивомъ и заклятомъ врагѣ всѣхъ русскихъ.

Тотчасъ же составлены «условія»:

Императрица править государствомъ не иначе, какъ по соглашенію съ верховнымъ совѣтомъ.

Власти ея не подлежатъ: веденіе войны, заключеніе мира, наложеніе новыхъ податей, назначеніе въ высшія должности, наказаніе дворянина безъ доказательствъ его преступленія, конфискація имуществъ, распоряженіе казенными землями.

На содержаніе двора назначается извѣстная сумма.

Учреждается верховный совѣтъ: онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ и союзы.

Государственный казначей даетъ ему отчетъ въ расходахъ государственной казны.

Учреждается сенатъ: онъ разсматриваетъ дѣла, поступающія въ верховный совѣтъ.

Учреждается собраніе изъ двухъ-сотъ мелкихъ помѣщиковъ: собраніе защищаетъ права этого сословія, въ случаѣ если бы верховный совѣтъ нарушилъ ихъ.

Учреждается собраніе изъ дворянъ и купцовъ: оно обязано наблюдать, чтобы народъ не былъ угнетаемъ.

«Условія» эти оказались мертворожденными.

Въ девять часовъ утра Анна Іоанновна объявляется императрицею.

Вечеромъ въ Митаву отправляется депутація, состоявшая изъ генерала Леонтьева, князя Михайла Голицына и князя Василья Лукича Долгорукаго.

Между тѣмъ въ Москвѣ является сильная партія, которая идетъ въ разрѣзъ съ желаніями верховниковъ.

Это — Салтыковъ, Лопухинъ, графъ Апраксинъ, князь Черкасскій и множество другихъ сановниковъ.

Они составляютъ адресъ, въ которомъ доказываютъ необходимость единовластія, «особливо гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранить».

Они требуютъ также болѣе правильнаго распредѣленія доходовъ духовенства, «чтобы деревенскіе священники могли имѣть средства воспитывать своихъ дѣтей».

Они же, наконецъ, требуютъ «отдѣлить природное шляхетство отъ выслужившагося».

25-го генваря депутація «верховниковъ» находится уже въ Митавѣ и представляетъ императрицѣ, вмѣстѣ съ актомъ избранія ея на престолъ, вышепомянутыя «кондиціи».

Анна Іоанновна совѣтуется съ Бирономъ относительно «кондицій», и Биронъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы императрица немедленно согласилась на принятіе престола, но не какъ избранная государыня, а какъ наследница, имѣющая право на скипетръ и корону отъ одного Бога.

Тогда Анна Іоанновна собственноручно пишетъ на поданныхъ ей «кондиціяхъ»: «по сему общаюсь все безъ всякаго изъятія содержать».

И тутъ же, въ особомъ рескриптѣ верховному совѣту объявляетъ: «Отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили, что, по соизволенію Всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на россійскій прародителей нашихъ престолъ»....

Въ рескриптѣ же пояснялось, что помннутыя ограниченія сдѣланы будто бы по волѣ самой императрицы.

3-го февраля, въ собраніи верховнаго совѣта документы эти были прочитаны.

Передъ прочтеніемъ ихъ верховный совѣтъ распорядился разставить повсюду «вооруженное воинство—и (воскликаетъ знаменитый ораторъ и святитель Феофанъ Прокоповичъ) дивное было всѣхъ молчаніе!»

Молчаніе было прервано тѣмъ же княземъ Дмитріемъ Голицынымъ.

— Видите-де (говоритъ онъ), какая милостивая государыня, и каково мы отъ нея надѣялись, и таково она показала отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ея подвинулъ къ писанію сему. Отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!

14-го февраля совершается торжественное вшествіе новой императрицы въ Москву.

Верховники предчувствуютъ, что дѣло ихъ не добромъ кончится: — отъ своей родственницы и статсъ-дамы Салтыковой императрица знаетъ все, что безъ нея дѣлалось въ Москвѣ.

25-го февраля во дворецъ собирается до восьми-сотъ вельможъ и офицеровъ; собравшіеся просятъ аудіенціи.

Императрица является къ этой блестящей толпѣ просителей и принимаетъ отъ нихъ коллективную челобитную, въ которой заявлялось, что подписанныя государынею кондиціи—опасны для Россіи и что форма правленія должна быть избрана по большинству голосовъ.

«Учинить по сему» — пишетъ императрица резолюцію на челобитной.

Блестящая толпа просителей, забывъ содержаніе своей челобитной, тутъ же просить императрицу принять полное самодержавіе, по примѣру прародителей.

Императрица соизволяетъ на моленія челобитчиковъ — и разрываетъ «кондиціи», подписанныя въ Митавѣ и ставшія уже безполезными.

«Вечеромъ—говорить покойный академикъ П. П. Пекарскій—въ Москвѣ раздавались радостныя восклицанія.... но на небѣ разлилось кровавое зарево сѣвернаго сіянія, и народъ, смотря на него, думалъ, что не быть добру».

Никто конечно не зналъ, каково будетъ царствованіе новой государыни; но по тому впечатлѣнію, какое она производила на современниковъ, знавшихъ ее лично, скорѣе можно было ожидать добра, чѣмъ худа.

Леди Рондо, имѣвшая возможность часто видѣть императрицу, такъ отзывалась о ея наружности и проявленіяхъ ея личнаго характера: «Она почти моего роста, чрезвычайно полна, но не смотря на это, хорошо сложена и движенія ея свободны и ловки. Она смугла, волосы ея черны, а глаза темно-голубые; во взглядѣ ея есть что-то царственное, поражающее съ перваго разу. Когда же она говоритъ, то на губахъ ея является невыразимо пріятная улыбка. Она много разговариваетъ со всѣми, и въ обращеніи такъ привѣтлива, что кажется, будто говоришь съ

равной себѣ; однако же она ни на минуту не теряетъ достоинства государыни. Она, повидимому, очень кротка, и если бы была частнымъ лицомъ, то, какъ я думаю, считалась бы чрезвычайно пріятной женщиной».

По свидѣтельству другого современника, Дюка-де-Лирія, Анна Іоанновна является съ такими чертами своей внѣшней и внутренней индивидуальности:—Императрица Анна толста, смугловата и лицо у нея болѣе мужское, нежели женское. Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедро до расточительности, любить пышность чрезмерно, отъ чего дворъ ея великолѣпнѣе превосходить всѣ прочіе европейскіе. Она строго требуетъ повиновенія къ себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ ей оказанныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо помнить и нанесенныя ей оскорбленія. Говорятъ, что у нея нѣжное сердце, и я этому вѣрю, хотя она и скрываетъ тщательно свои поступки. Вообще могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголѣтнаго царствованія.

Между тѣмъ сохранилась и совершенно противоположная характеристика Анны Іоанновны; но характеристика эта очевидно пристрастна, написана подъ вліяніемъ злого воспоминанія, такъ какъ писана княгиней Натальею Борисовною Долгорукою, женою фаворита покойнаго Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которые всею семьею были сосланы въ Сибирь и потомъ иные изъ нихъ жестоко казнены.

Поэтому, Долгорукая, какъ бы изъ мщенія, говорить объ Аннѣ Іоанновнѣ: «Престрашнаго была взору. Отвратное лицо имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста».

Но личность женщины, какъ частнаго лица, и личность женщины, какъ лица государственнаго, въ фокусъ котораго отра-

жаются слишком много чуждыхъ и часто неизбѣжныхъ вліяній, не всегда могутъ быть сопоставляемы, и біографъ долженъ иногда по необходимости отдѣлять женщину отъ государыни, и наоборотъ.

Анна Іоанновна, слишкомъ долго находившаяся, до восшествія на престолъ, подъ жесткою опекою сначала «батьюшки-дядюшки» Петра и его слугъ, а потомъ Меншикова, долго боявшаяся всего, что исходило изъ ея суровой родины, изъ Москвы, отъ строгой царицы-матери и отъ всѣхъ русскихъ, у которыхъ она жила въ Курляндіи какъ-бы на хлѣбахъ, — естественно, ставъ императрицею, не могла вытравить въ себѣ того не мирящагося чувства, той горечи, которая находилась въ ней по отношенію къ ея родичамъ русскимъ.

Вотъ почему она и въ Москвѣ и въ Петербургѣ всю, такъ-сказать, окутала себя Курляндіею. Бироны, Трейденны, Левенвольды, Бисмаркъ, Остерманъ, Минихъ—вотъ что стало вокругъ ея трона и отгородило ее отъ русскихъ верховниковъ и всего русскаго.

Но и верховниковъ, предложившихъ ей обидныя «кондиціи», она не тронула: сосланы были только Долгорукіе за то, что не уберегли здоровье императора Петра II, да Сиверсъ и Фикъ—первый за то, что не хотѣлъ пить за ея здоровье, а послѣдній за то, что давалъ совѣты Дмитрію Голицыну объ ограниченіи самодержавія.

Потерявъ вѣру въ приверженность къ себѣ русскихъ, императрица естественно ищетъ для себя охраны по возможности внѣ русской сферы. Вѣрныя ея слуги курляндцы, представляя императрицѣ о необходимости созданія новой гвардіи въ противовѣсъ старой, петровской, докладываютъ: «офицеровъ опредѣлить изъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и иныхъ націй, и изъ русскихъ, откуда ваше величество повелите».

Выраженіе недовѣрія къ поданнымъ сказалось и въ возобновленіи новою императрицею страшнаго когда-то преображенскаго приказа, который однако переименованъ былъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Къ удивленію, завѣдываніе этимъ учрежденіемъ поручено было русскому, знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову.

Около двухъ лѣтъ по восшествіи на престолъ Анна Іоанновна жила въ Москвѣ, съ которою у нея соединялись дѣтскія воспоманія болѣе, чѣмъ съ Петербургомъ. Притомъ были и другія причины, по которымъ она не охотно переѣзжала въ сѣверную столицу. Объ этомъ отчасти намекаетъ посланныкъ Лефортъ, говоря: «Въ Петербургѣ не осмѣливаются произнести ни одного слова противъ государыни, и вообще сѣумѣли такъ хорошо удалить всѣхъ недовольныхъ, что едва остается слѣдъ русскихихъ, которыхъ можно было бы опасаться».

Тогда же состоялся указъ о переводѣ въ Петербургъ и тайной канцеляріи.

Подъ вліяніемъ личныхъ симпатій, въ царствованіе Анны Іоанновны обращено было особенное вниманіе законодательства на коневодство: въ этомъ явленіи сказывалась инициатива, исключительно исходившая отъ Бирона, который былъ большой любитель и знатокъ лошадей. По свидѣтельству Миниха, «герцога курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ, и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же императрица никогда съ терпѣніемъ не могла сносить его отсутствіе, то не токмо часто туда къ нему приходила, но также возымѣла желаніе обучаться верховой ѣздѣ, въ чемъ наконецъ и успѣла столько, что могла подамски, съ одной стороны на лошади, сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться».

Петербургъ и Москва чувствовали, что нѣмецкое вліяніе въ правительствѣ окончательно осилило, и повидимому покорились необходимости; но въ народѣ бродило смутное сознаніе, что та-кой порядокъ вещей — не удѣлъ русскаго государства, и это сознаніе выражалось то мѣстными вспышками, то побѣгами въ Польшу, то наконецъ бесполезнымъ и бессмысленнымъ желаніемъ — поворотить дѣла какъ-нибудь на старый путь.

Для этого у народа было одно средство, вполнѣ ребяческое и никогда ему ничего кромѣ зла не приносившее, но такое, за которое онъ всегда легко хватался: это — самозванство.

И вотъ на восьмомъ году царствованія Анны Іоанновны является самозванецъ. Какому-то работнику Ивану Минницкому представилось — «какъ бы отъ нѣкоторыхъ сонныхъ видѣній, ему бывшихъ, что онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ».

Около этого лунатика собираются довѣрчивые слушатели, и безумецъ, окруженный повѣрившими ему солдатами, напутствуемый толпою «многихъ подлыхъ людей», идетъ къ церкви села Ярославца. Священникъ встрѣчаетъ его на церковной паперти съ колокольнымъ звономъ, въ сопровожденіи хоругвей и неся на блюдѣ крестъ. Сумасшедшій беретъ въ руку крестъ, къ которому священникъ прикладывается и цѣлуетъ руку безумца. Съ крестомъ въ рукѣ самозванецъ входитъ въ церковь, проходитъ въ алтарь чрезъ царскія врата, беретъ евангеліе и становится съ нимъ въ царскихъ вратахъ — народъ прикладывается къ евангелію, цѣлуетъ руку самозванца, а священникъ поетъ молебенъ. Часы, служитъ акафистъ, на ектеньяхъ возноситъ имя царевича, двадцать лѣтъ уже лежавшаго въ землѣ, наконецъ поетъ многолѣтіе и тропарь пятидесятницы. Солдаты стоятъ около безумца съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, падаютъ передъ нимъ на колѣни, съ плачемъ клянутся стоять за него.

И вотъ всѣхъ этихъ дѣтей Румянцовъ забираетъ: самозванецъ и священникъ сажаются живыми на колъ, а прочіе — четвертуются.

Для характеристики Анны Іоанновны можно привести здѣсь отзывы о ней Миниховъ, отца и сына.

Первый изъ нихъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, такъ очерчиваетъ эту личность:

«Императрица Анна обладала великими достоинствами. Она имѣла проницательный умъ, знала свойства окружавшихъ ее лицъ, любила порядокъ и великолѣпіе, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ какъ при ней. Она была великодушна и щедро награждала заслуги. Главный недостатокъ ея заключался въ томъ, что она слишкомъ любила спокойствіе и не занималась дѣлами, предоставляя все произволу своихъ министровъ. Этому обстоятельству должно приписать несчастіе Долгорукихъ и Голицыныхъ, которые сдѣлались жертвами Остермана и Черкаскаго, только потому, что превышали ихъ умомъ и способностями. Биронъ погубилъ Воынскаго, Еропкина и ихъ друзей за то, что Воынскій подалъ императрицѣ записку, гдѣ проводилась мысль о необходимости удаленія любимца. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица горько плакала, когда Биронъ въ раздраженіи угрожалъ покинуть ее, если она не пожертвуетъ ему Воынскимъ и его друзьями».

Минихъ - сынъ, говоря, что слабыя стороны царствованія Анны должны быть объясняемы «прилѣпленіемъ къ нѣкоторымъ худымъ стариннымъ правиламъ», дѣлаетъ такое общее заключеніе:

«Даже ничто не помрачило бы сіянія сей императрицы, кромеъ — что изъ многихъ надъ знаменитыми и великими особами смертельныхъ приговоровъ оказалось — что она собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости слѣдовала. Въ

приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ, но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ нея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ курляндскій даже до кончины ея неослабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархія въ христіанскихъ земляхъ лишала себя вольности своей до того, что не токмо всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряжала, но также ни единого мгновенія безъ него обойтись не могла и рѣдко другого кого къ себѣ принимала, когда его не было. Никогда въ свѣтѣ, чаю, не бывало дружественнѣйшей четы, приемлющей взаимно въ увлеченіи или скорби совершенное участіе, какъ императрица съ герцогомъ. Оба почти никогда не могли во виѣшнемъ видѣ своемъ притворствоваться. Если герцогъ являлся съ пасмурнымъ лицомъ, то императрица въ то же время встревоженный принимала видъ. Буде тотъ веселъ, то на лицѣ монархини явное напечатлѣвалось удовольствіе. Если кто герцогу не угодилъ, тотъ изъ глазъ и встрѣчи монархини тотчасъ могъ примѣтить чувствительную перемѣну. Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ герцога и черезъ него одного императрица на оныя рѣшалась.

«Герцогъ всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ вольно съ императрицею обходиться, и буде не самъ, то чрезъ жену и дѣтей своихъ всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, чтобы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ. Сей неограниченный и единообразный родъ жизни естественно долженствовалъ рождать иногда сытость и сухость въ обращеніи между обѣихъ сторонъ. Дабы сіе отвратить и не явить недовольнаго лица внѣ комнаты предъ чужими очами, — не вѣдали избрѣсть лучшаго средства, какъ

содержать множество шутовъ и дураковъ мужеска и женска пола. Должность бѣльшей части сихъ людей состояла болѣе ругаться и драться между собою, нежели какія-либо смѣшныя шутки дѣлать и говорить. Они набраны были изъ разныхъ націй и чиновъ. Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій (князь Голицынъ и графъ Апраксинъ) должны были въ сей роли записываться.... Ни при единомъ дворѣ, статья можетъ, не находилось больше шпионовъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при російскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія, и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокія чины особы не стыдились къ тому служить орудіемъ»...

Въ заключеніе Минихъ добавляетъ объ императрицѣ: «Она была богомольна и притомъ нѣсколько суевѣрна, однако духовенству никакихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точно правилъ Петра Великаго. — Станомъ была она велика и възрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаемъ былъ благороднымъ и величественнымъ лицерасположеніемъ. Она имѣла большіе каріе и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темныя, лицо рябоватое и голосъ сильный и пронзительный. Сложеніемъ тѣла была она крѣпка и могла сносить многія удрученія».

Всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно изъ романа Лажечникова— «Ледяной домъ» — о забавѣ, устроенной Бирономъ въ пользу императрицы во время торжества заключенія мира съ Турціею. Игралась свадьба шута, князя Голицына, съ шутихою. Для брачной ночи молодыхъ устроенъ былъ домъ изъ льда и всѣ приспособленія къ нему, мебель, печи и украшенія—все было ледяное и довольно искусно отдѣланное.

При этомъ императрица милостиво наградила всѣхъ приближенныхъ, и «даже тотъ — прибавляетъ графъ Минихъ съ наивною добросовѣстнаго бытописателя — даже тотъ самый, который за любимую сучкою императрицы присмотръ имѣлъ и по природѣ былъ князь (Голицынъ), получилъ за ревностную службу 3,000 руб. въ подарокъ».

Анна Іоанновна скончалась 17-го октября 1740-го года — десять лѣтъ не дожила до второй половины восемнадцатаго столѣтія.

На эту вторую половину Россія переступила съ другою царственною женщиною, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Чувствуя приближеніе смерти, Анна Іоанновна назначила себя преемникомъ не дочь Петра Великаго цесаревну Елизавету Петровну, а трехмѣсячнаго внука своего, Іоанна III Антоновича.

— Когда я подписывала присягу новому императору, признавалась она потомъ Бирону — у меня дрожала рука, а этого не было со мною при подписаніи войны Турціи!

Когда Остерманъ подалъ умирающей императрицѣ для подписанія манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ, государыня спросила:

— Кто его писалъ?

— Вашъ нижайшій рабъ, отвѣчалъ Остерманъ.

— Надобно ли тебѣ это? спросила она, обращаясь къ Бирону.

Въ предсмертной агоніи она изъ окружавшихъ ее царедворцевъ узнала одного только Миниха.

— Прощай, фельдмаршалъ, сказала она.

Смерть побѣждала.

— Прощайте, обратилась умирающая ко всѣмъ окружавшимъ ее.

XVI.

Княжна Юсупова.

(Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, въ монахиняхъ Прокла).

Княжна Юсупова была одною изъ тѣхъ женщинъ новой послѣ-петровской Руси, которыя еще помнили Петра Великаго, но которыѣ суждено было пережить послѣ него тяжелое время петербургскихъ дворцовыхъ смуть, бироновщину и т. д., и изъ которыхъ рѣдкая личность не испытала либо ужасовъ тайной канцеляріи, либо монастырскаго заточенія, либо сибирской далекой ссылки.

— Первый императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, говорила впослѣдствіи княжна Юсупова, въ монастырскомъ заточеніи, вспоминая свое дѣтство.

Судьба Юсуповой представляется тайною, до сихъ поръ неразгаданною: одно ясно, что она была жертвою личнаго на нее неудовольствія императрицы Анны Іоанновны; но какая была вина княжны передъ императрицею—это осталось извѣстно только ей, государынѣ, да знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову, начальнику тайной канцеляріи.

Все, что до сихъ поръ извѣстно о несчастной судьбѣ княжны Юсуповой, которая испытала ужасы тайной канцеляріи, нака-

ываема была «кошками» и «шелепами», подверглась ссылке и заточенію повидимому за то, что она, быть можетъ невольно, подобно римскому поэту Овидію, была сопричастна какой-то тайнѣ двора, ее погубившей, хотя никому ею до могилы не выданной, — мы постараемся передать въ нижеслѣдующемъ, по возможности сжатою рассказъ, съ соблюденіемъ только характеристическихъ подробностей, выражающихъ колоритъ эпохи.

Въ сентябрѣ 1730 года, изъ Москвы, изъ царскаго дворца, привезена была въ Тихвинъ, въ тамошній дѣвичій введенскій монастырь, знатная дѣвушка, которую сопровождалъ сержантъ и солдаты.

Дѣвушка сдана была на руки тихвинскому архимандриту Феодосію, подъ началомъ котораго находился монастырь, а тотъ передалъ ссылную съ рукъ на руки игуменьѣ Дорофееѣ, съ наказомъ — держать накрѣпко привезенную особу и никого къ ней не допускать.

Сержанту, конвоировавшему ссылную дѣвушку, архимандритъ выдалъ росписку въ полученіи арестантки и отправилъ его обратно.

Привезенная была дочь одного изъ извѣстныхъ подвижниковъ Петра Перваго, генерала князя Григорія Димитріевича Юсупова, княжна П р а с к о в ѣ я.

Отецъ несчастной княжны умеръ всего только нѣсколько недѣль передъ этимъ: за что сослали такъ скоро его дочь — никто не зналъ. Не зналъ даже архимандритъ Феодосій, потому что въ указѣ къ нему о ссылкѣ княжны ничего не было упомянуто о ея винахъ.

Игуменья, принявъ княжну отъ архимандрита, не знала, гдѣ помѣстить ссылную, и потому оставила ее въ своей тѣсной кельѣ. Дѣвушкѣ она отвела небольшой уголъ за занавѣской, поставила

бѣдненькую кроватку, дала деревянный столъ и стулъ—вотъ все, что осталось у княжны послѣ дворца и послѣ роскошныхъ палатъ отца и матери, которая у нея одна осталась и одна о ней печаловалась.

Съ ссыльной привезена была и служанка—безобразная калмычка, дѣвка Марья: калмычки, татарки, арапы и всякіе уроды въ числѣ прислуги—это въ прошломъ вѣкѣ составляло отличительную черту и шикъ знатнаго барскаго дома.

Горько заплакала княжна, когда ее ввели въ тѣсную келью. Она ни съ кѣмъ не сказала ни слова, не отвѣчала ни на какіе вопросы, а только плотно закуталась въ одѣяло и, лежа на бѣдной кроваткѣ, стонала и плакала.

Въ Москвѣ, когда исчезла молодая Юсупова, говорили, что она сослана за приверженность къ великой княжцѣ Елизаветѣ Петровнѣ и за интригу, совмѣстно съ отцомъ, въ пользу возведенія цесаревны на престолъ. Носились также слухи, что княжну постигла ссылка за покойнаго отца, который, будто бы, въ числѣ прочихъ придворныхъ, задумывалъ ограниченіе самодержавія Анны Иоанновны. Передавали, наконецъ, что княжна была жертвою семейной интриги, что братъ ея, камергеръ Борисъ Юсуповъ, ненавидѣлъ ее по разнымъ причинамъ и, чтобъ воспользоваться всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, искусно подготовилъ ссылку сестрѣ.

Прошло нѣсколько дней монастырской жизни молодой Юсуповой: жгучее горе должно было поневолѣ улегаться въ сердца—надо было мириться, если не съ вѣчною ссылкой, то во всякомъ случаѣ съ необходимостью заточенія на долгое, неопредѣленное время; а неопредѣленность такъ тяжела, такъ гнетуща—надо было покориться всему.

Мать любила свою бѣдную дочь, и потому снабдила ее на долгую разлуку деньгами, обѣщала скорѣе выслать повара, необходимых штатъ прислуги и хорошіе запасы продовольствія.

Княжна купила у игуменьи свободную, принадлежащую монастырю келью, въ которой, до ссылки Юсуповой, жила другая ссыльная придворная особа, какая-то Калущкина, возвращенная императрицею изъ ссылки снова во дворецъ.

Къ княжнѣ игуменья приставила особую наемную женщину, не принадлежавшую къ монастырскому штату. Это была кузничиха Анна Юленева, имѣвшая въ послѣдствіи такое роковое значеніе въ жизни несчастной Юсуповой.

Юленева, повидимому, сразу поняла княжну и овладѣла ея вниманіемъ. Въ княжнѣ она подмѣтила слабыя стороны — это гордость, своевольный характеръ, вспыльчивость, злопамятность и желаніе повеселиться — но гдѣ и съ кѣмъ въ монастырскомъ заточеніи? Это одиночество придворной княжны, привыкшей къ разнообразнымъ удовольствіямъ, было причиною того, что несчастная, чтобъ отогнать гнодавшую ее тоску, стала принуждать себя выслушивать болтовню ловкой бабы, монастырскія сплетни и скандалы. Юленева, охотно пользуясь одиночествомъ и тоскою княжны, пересказала ссыльной монастырскія тайны и интрижки, маленькія слабости и матери игуменьи и старицъ.

Послѣ двора, молодой княжнѣ приходилось, такимъ образомъ, коротать жизнь въ самомъ захолустномъ углу, съ какой-нибудь неособенно пріятной кузничихой, входить въ интересы жизни самаго темнаго заброшеннаго угла и быть довольной даже обществомъ самой недоброкачественной торговли.

— Вотъ какой бываетъ случай, княжна Прасковья Григорьевна — говорила однажды Юленева, сидя у постели ссыльной въ долгій зимній вечеръ, въ тотъ самый моментъ, когда

далеко оттуда, въ Петербургѣ и Москвѣ, подруги княжны проводили эти часы иначе, въ блестящихъ залахъ, при яркомъ освѣщеніи:—вотъ какой бываетъ случай: Федора Калущкина жила здѣсь долго — тоже была ссыльная дворцовая: тебя изъ дворца, а ее опять во дворецъ. Чудно, голубушка, какъ это бываетъ на свѣтѣ—за что это такъ одни ссылаютъ, а потомъ другіе возвращаютъ? Твое дѣло княжеское, жила во дворцѣ, чай знаешь, матушка?

— Ничего не знаю, отвѣчала княжна, боясь проговориться о своей роковой тайнѣ.

— А здѣсь, матушка, и подавно ничего не знаютъ. Болтали въ народѣ о Калущкиной, слыхала я отъ матери, да и забыла.

— И я слышала отъ матери! сказала княжна со слезами на глазахъ:—когда я въ ссылку послана еще не была, то матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня по Калущкину послала, чтобъ ей Калущкиной быть во дворцѣ...

— Кто же это заведетъ, матушка? спрашивала Юленева.

Юсупова ничего не отвѣчала — она боялась своего прошлаго.

Мы потому приводимъ здѣсь эти разговоры княжны съ Юленевой, что каждое слово несчастной дѣвушки было потомъ ея допроснымъ пунктомъ и эти разговоры на всю уже жизнь загубили молодую женщину.

Время между тѣмъ шло. Въ келью молодой княжны заходили и мать-игуменья поговорить съ ссыльной, и монахини, и монастырскій стряпчій Шпилкинъ, и архимандритъ Феодосій. Но тоска по погибшему счастью грызла молодую женщину, хоть она и старалась разнообразить свою жизнь нарядами, которыхъ у нея было

довольно — всего ей прислала нѣжно любившая ее мать: у нея было нѣсколько перемѣнъ шлафроковъ и юбокъ—шлафрокъ гродетуровый зеленый, голубой камчатной, опушенъ алою тафтою, красной байбарековой съ голубою опушкою; были у нея и шубки—желтая тафтяная на бѣличьемъ мѣху съ серебряными пуговицами, камчатная вишневая на заячьемъ мѣху; корсеты, фонтажи, чепцы, косыночки, переднички, платки шитые серебромъ и шелковые, и съ кружевами, и рукавички желтыя лайковые, и шапка соболя — верхъ пунцоваго бархату, и соболя шейные — всего вдоволь. Но для кого было наряжаться?

И поговорить было не съ кѣмъ, особенно же о томъ, что стало гибелью всей ея жизни.

Но иногда она проговаривалась о какой-то тайнѣ своего недавняго, молодого, но какъ-бы отрѣзаннаго прошлаго.

— Воръ, генераль Ушаковъ трясущей!—говорила она съ негодованиемъ, забывая должную осторожность: — а жена его Кокошкиныхъ б....а. Коли бы дочь ту его воровку на мое мѣсто! Онъ напалъ на меня и взялъ меня допрашивать въ саду — да я не повинилась!

— А для чего ты не повинилась? спрашивала хитрая Ю л е н а :

— Я не повинилась, сожалѣя Дохтуровой да Мельгуновой... онѣ ко мнѣ воровейку-то подвели, мы сплошь дѣлали...

Видно было, что великодушная дѣвушка прикрыла собою другихъ,—и погибла черезъ это.

— Можно бы милости мнѣ искать у цесаревны Елизаветы Петровны... Да нѣтъ, нечего въ ней милости искать: и Шубинъ, который при ней былъ, и тотъ въ ссылку посланъ.

Всѣ повидимому забыли несчастную.

Горе и тоска одиночества все болѣе и болѣе раздражали мо-

лодную ссыльную, и довели ее до потери самообладанія, до вспышекъ, что и погубило ее окончательно.

Такъ она выдала себя однажды при стрипчемъ Шпилкинѣ.

— Братъ мой, князь Борисъ—сущій супостатъ, говорила она въ отчаяннѣ:—отъ его посягательства сюда я и прислана... Я вины за собой никакой не знаю... Государыня цесаревна Елизавета Петровна милостива и премилостива, и благонравна, и матушка государыня императрица Екатерина Алексѣевна была до меня милостива же, а нынѣшняя императрица до меня не милостива... Она вотъ въ какой монастырь меня сослала, а я вины за собой никакой не знаю. А взялъ меня братъ мой Борисъ да Остерманъ, и Остерманъ меня допрашивалъ. А я на допросъ его не могла вскорѣ отвѣтствовать, что была въ безпамятствѣ. А о чемъ меня Остерманъ спрашивалъ, того я не поняла, потому что Остерманъ говорилъ не такъ рѣчисто, какъ русскіе говорятъ... «Сто-де ты, судариня! (княжна передразнивала Остермана) будетъ тебѣ играть нами, то дѣти играй... а сюда-де ты призвана не на игранье, но о цемъ тебя спросимъ, о томъ-де ты и отвѣтствей»... Послѣ того спрашивали меня о письмахъ и о бабѣ, а что я имъ говорила — за безпамятствомъ не помню.

Шпилкинъ спрашивалъ — о какихъ письмахъ и о какой бабѣ она говорить; но княжна не отвѣчала, а раздражительно продолжала:

— Можно бы ей, государынѣ, сослать меня въ монастырь такой, который бы былъ отъ Москвы поближе, а не въ такой, въ какомъ я нынѣ обрѣтаюсь—здѣсь не монастырь, а шинокъ... Ежели бы государыня цесаревна Елизавета Петровна была императрицею, и она бы въ дальній монастырь меня не сослала... О, когда бы то видѣть или слышать, что она бы была императрицею!

Шпилкинъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ. Но донести боялся—боялся за свою шкуру, боялся застѣнка, дыбы, кнута.

У княжны началась вражда съ монастырскимъ начальствомъ: назвавъ монастырь «шинкомъ», она вызвала неприязнь къ себѣ игуменѣ, которая и стала тѣснить ссыльную.

Начались дразги, подкапыванья подъ дѣвушку; княжна не выносила всеневной пытки; ея гордость рѣзко обрушивалась на всѣхъ, ставила въ тупикъ простодушныхъ старицъ. Весь монастырь всталъ противъ гордой арестантки.

Княжна не вытерпѣла, и тайно отправила въ Петербургъ Юленеву съ жалобой на монастырь.

Мать-игуменья хитростью выведала о тайномъ отправленіи Юленевой съ жалобой, и предупредила опасность встрѣчной жалобой на княжну и доносомъ на ея поведеніе.

Завязалось новое дѣло—это была уже и послѣдняя развязка всей участи несчастной княжны.

25-го генваря 1735 года—это уже пятый годъ жизни Юсуповой въ монастырскомъ заточеніи! — когда Ушаковъ былъ съ докладомъ у государыни, императрица передала ему двѣ какія-то записки и приказала взять въ тайную канцелярію женщину, содержавшуюся въ архіепископскомъ домѣ знаменитаго сподвижника Петра Перваго, новгородскаго архіепископа Феофана Прокоповича, и, изслѣдовавъ все дѣло, доложить ея величеству о результатахъ изслѣдованія.

Женщина эта была—Юленева, а записки—письмо княжны Юсуповой къ Юленевой и письмо игуменѣ Дорофеи къ секретарю Феофана Прокоповича, Козьмѣ Родіоновичу Бухвостову.

Письма были переданы императрицѣ Феофаномъ Прокоповичемъ, который былъ друженъ съ Ушаковымъ и желалъ угодить

государынѣ, выдавъ ей княжну Юсупову, неизвѣстно за что заслужившую крайнюю немилость императрицы.

Въ письмѣ къ Юленевой княжна спрашивала только о положеніи дѣла—и больше ничего: въ немъ не было никакой тайны, которая бы послужила обвиненіемъ для ссыльной. Не было даже ни одного рѣзкаго слова о монастырѣ.

Между тѣмъ все письмо игуменьи къ Бухвостову—это полная обвинительная рѣчь противъ несчастной княжны. И это-то письмо порѣшило участь сосланной дѣвушки.

«Имѣется у насъ у обители княжна Юсупова по указамъ въ подохраненіи — писала между прочимъ мать-игуменья Бухвостову—и велѣно быть при ней одной бабѣ, а другихъ сослужительницъ не держать: того ради оная княжна, рияся на меня, производить всякія непотребности и живетъ непостоянно и неблагочинно: спозналася съ похабною дѣвкою тихвенскаго посада, кузнецкаго вѣдѣнія, зовется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходитъ оная дѣвка къ ней, княжнѣ, тайнымъ образомъ и согласуется, и наноситъ на обитель и на меня всякія непотребности, и совѣтуютъ съ нею не благо, но всякія коварства и ябеды. И въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ оная дѣвка, по согласію съ нею, княжною, отпушена въ Санктпетербургъ невѣдомо съ какими вымышленными ябедами: посылаетъ она, княжна, къ ней, дѣвки, всякія удовольнія припасы и деньги отъ меня недостойной тайно, токмо увѣдомлена я нынѣ отъ постороннихъ добрыхъ людей, что оныя припасы и деньги отвозитъ къ ней, дѣвкѣ, тихвинскаго посаду фроловской церкви дьячокъ Андрей Лялинъ, и нынѣ онъ обрѣтается въ Санктпетербургѣ; а иное я увѣдомлена отъ ея руки писаніемъ отъ добра человѣка, съ каковымъ, она, княжна, совѣтное письмо послала къ ней, дѣвкѣ, и съ того письма получила я копію, съ которой копіи при семъ моемъ

*

слезномъ прошеніи и копія приобщается ради сухаго извѣстія. Да слышно мнѣ отъ добрыхъ людей, что оная дѣвка чрезъ не-
какихъ людей получаетъ подать преосвященному несвѣдомыя мною
многія доношенія и коварства.

«О семъ прошу и слезно молю ваше высокоблагородіе, Козма
Родіоновичъ, дабы я недостойная вашимъ милостивымъ призрѣ-
ніемъ не оставлена была о невѣдомыхъ доношеніяхъ и ковар-
ствахъ отъ вышепоказанной дѣвки».

Такія-то письма попали въ руки императрицы. Юсупову вспо-
нили.

Взяли къ допросу въ тайную канцелярію всѣхъ прикосновен-
ныхъ къ дѣлу—но пичего не сказали допрашиваемые такого, что
могло бы обвинить княжну или пастъ на нее подозрѣніемъ о вы-
дачѣ строго хранимой тайны.

Буря повидимому проходила мимо дѣвушки.

Юленеву приводили и въ застѣнокъ, гдѣ она «съ подлин-
ной правды поднята была на дыбу и распрашивана съ пристра-
стіемъ»; но и тутъ она не выдала княжну ни однимъ словомъ.

Только черезъ мѣсяцъ сидѣнья въ Петропавловской крѣпости
Юленева изъ боязни смерти стала говорить о тѣхъ жалобахъ
Юсуповой, которыя уже намъ извѣстны.

Этого было достаточно для Ушакова, чтобъ вновь начать
розыскъ, ухватившись за намекъ, за слово, звучавшее именемъ
княжны Юсуповой.

Имя это опять раздалось въ кабинетъ государыни... Буря не
прошла мимо забытой всѣми дѣвушки.

По приказанію императрицы въ Петербургъ привезены были
и Юсупова, и стряпчій Шпилкинъ. Княжну велѣно было при-
вести «секретно»; посланному за ней приказано было не болтать
о томъ, что онъ везетъ ее въ тайную канцелярію; ему же при-

казано было доставить дѣвушку въ эту страшную канцелярію «въ ночныхъ часахъ».

И вотъ княжна Юсупова снова увидѣла, хотя ночью, Петербургъ, въ которомъ ей когда-то жилось такъ счастливо.

Княжну привезъ капралъ преображенскаго полка Ханыковъ, секретно и также ночью арестовавшій ее въ монастырѣ, такъ что объ этомъ арестѣ и о тайномъ исчезновеніи княжны изъ монастыря знала одна только мать-игуменья, да дѣвка калмычка Марья, тоже привезенная въ Петербургъ.

Утромъ, 19-го марта, гордая нѣкогда княжна, а теперь колодница, приведена была въ тайную канцелярію. Тамъ она вновь увидѣла страшнаго Ушакова, который уже разъ допрашивалъ ее въ измайловскомъ саду и противъ котораго она и въ ссылкѣ имѣла такое горькое, грызущее, недоброе чувство.

Начался допросъ—допросы тогда были не то что теперь...

Княжнѣ предъявили, будто бы она говорила неподобныя рѣчи о причинѣ своей ссылки.

Княжна отрицала обвиненіе.

— Вотъ что я говорила — показывала дѣвушка: — батюшка мой служилъ и императору великому вѣрою и правдою, и о самодержавствѣ ей, государынѣ, трудился и челобитную подавалъ, и коли бы батюшка мой живъ былъ, онъ бы сталъ просить у ея императорскаго величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де въ ссылкѣ не была.

Ей предъявили ея неподобныя рѣчи въ монастырѣ объ иноземцахъ.

И это она отрицала.

— Я говорила: нынѣ-де при дворѣ ея императорскаго величества имѣются многіе иноземцы и русскіе мужескаго и женскаго пола, и то я говорила, вѣдая о томъ, что при дворѣ ея импе-

раторскаго величества имѣются оберъ-камеръ-геръ господинъ фонъ Биронъ, да оберъ-гофмаршалъ господинъ фонъ Левенвольдъ и другіе какъ иностранцы, такъ и русскіе, мужскаго и женскаго пола, а не въ другой какой силѣ.

Предъявили рѣчи ея о Калужкиной.

Дѣвушка упорно отрицаетъ—выгораживаетъ свою жизнь.

— О Калужкиной я говорила: когда я въ ссылку послана еще не была, то де матушка моя сказывала мнѣ, что троицкой архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня соизволила по означенную Калужкину послать, чтобъ той Калужкиной быть во дворѣ, и притомъ въ разговорахъ объ оной упоминала я въ монастырѣ: когда бъ де я могла, чтобъ де хотя у оной Калужкиной попросить, чтобъ она, излуча благополучное время, побила челомъ у государыни, чтобъ меня изъ монастыря освободить.

Предъявили ей слова, говоренныя будто бы ею о томъ, что императрица «больна богомъ».

Дѣвушка не перестаетъ защищаться.

— Когда я—отвѣчаетъ на этотъ пунктъ княжна—живя въ монастырѣ услышала, что прислано извѣстіе о кончинѣ царевны Екатерины Ивановны, то зная, что и царица Прасковья Федоровна немоществовала ножками, то и говорила, что де всѣ, и ея императорское величество и сестрицы ея величества, государыни царевны нездоровы ножками.

Допрашивающіе не устаютъ: княжнѣ напомнили слова ея о допросѣ въ измайловскомъ саду.

Не устаетъ и дѣвушка защищать свою молодую жизнь.

О допросѣ въ измайловскомъ саду она показываетъ:

— Слова такія, что генералъ Ушаковъ взялъ допрашивать меня въ саду, я архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилину

говорила, когда они спрашивали меня о дѣлѣ—«за что де ты въ монастырь прислана, гдѣ была допрашивана?» И на то я сказала, что де я не въ канцеляріи допрашивана, и притомъ объявила объ означенномъ имѣвшемъ мнѣ въ саду допросѣ... И это я говорила потому, что дѣйствительно, когда я по извѣстному дѣлу, по которому сослана въ монастырь, изъ дому отца своего взята и отвезена была въ измайловскій садъ, и въ томъ саду допрашивана была генераломъ Ушаковымъ да графомъ фонъ Левенвольдомъ, а въ какой матеріи прежнее мое дѣло имѣлось, въ томъ архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилину и означенной дѣлѣ и никому я не говорила.

Ясно, что княжна никому не выдала тайны, за что она пострадала—даже при допросѣ роковое слово не сорвалось съ языка дѣвушки.

Это должно было успокоить Ушакова—тайна вопроса въ измайловскомъ саду навсегда осталась тайною.

Но Ушаковъ не остановился на этомъ.

Княжнѣ предъявили ея рѣчи о сержантѣ Шубинѣ.

Не легко было устоять противъ этого, самаго крупнаго обвиненія.

— Я говорила такія слова—отвѣчала подсудимая:— что де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни цесаревны ѣздовымъ, и какъ де еще въ монастырь я прислана не была, то де оный Шубинъ посланъ въ ссылку. И эти слова я говорила такъ, запросто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ, и что былъ онъ ѣздовымъ у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала я, а отъ кого—не упомяну, что оный Шубинъ посланъ въ ссылку, а куда и за что—того я не знаю и ни отъ кого о томъ не слыхала.

Не остановились и на этомъ—надо было вести дѣло до конца.

Дана была очная ставка княжнѣ съ доносицей, бывшей ея довѣренной, Юленевою-Шунею.

Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ встрѣтиться съ этой предательницей своей.

— Въ бытность княжны Прасковьи въ тихвинскомъ монастырѣ — говорила Юленева — въ день тезоименитства ея императорскаго величества, пришли къ кельѣ, въ которой княжна Прасковья жила, означеннаго дѣвичьяго монастыря попы для поздравленія со онымъ торжественнымъ днемъ, и княжна пускать ихъ въ келью къ себѣ мнѣ не велѣла. А какъ я говорила княжнѣ—«можно де ихъ пустить и для здравія государыни поднести по чаркѣ вина», и княжна Прасковья сказала: «я бы де рожна поднесла»...

Юленева обвиняла ее и въ томъ, будто она говорила ей: «первый де императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, и тогда де государыню и другихъ цесаревенъ царевнами не называли, а называли де только «Ивановными».

— Поповъ не пустила я къ себѣ въ день тезоименитства ея императорскаго величества потому, что они были пьяны — защищалась княжна: — о вниманіи ко мнѣ Петра Перваго говорила; о томъ, что царевенъ называли будто бы «Ивановными» — я не говорила.

Допросъ былъ доведенъ до конца. Больше спрашивать нечего.

Всѣ эти подробности Ушаковъ доложилъ императрицѣ.

Княжна все еще сидѣла въ тюрьмѣ—роковой часъ не приходилъ.

Но вотъ, черезъ нѣсколько дней, входитъ къ ней въ казематъ Ушаковъ и объявляетъ волю государыни:

— Я докладывалъ о тебѣ императрицѣ, княжна Прасковья Григорьевна: она очень гнѣвна, что ты не говоришь подлин-

ной истины, что ты болтала Аннѣ Юленевой и другимъ. Императрица приказала объявить тебѣ, чтобъ ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всемъ самую истину объявишь, то можешь ожидать всемилостивѣйшаго отъ ея императорскаго величества милосердія; буде же и нынѣ, по объявленіи тебѣ, Прасковѣ, ея императорскаго величества высокаго милосердія о вышесказанномъ истины не покажешь, то впредь отъ ея императорскаго величества милосердія къ тебѣ, Прасковѣ, показано не будетъ, а поступлено будетъ съ тобою, какъ по такимъ важнымъ дѣламъ съ другими поступается.

Измученная и допросами, и долгимъ сидѣньемъ въ казематѣ, и тоскливою жизнью въ ссылкѣ, наконецъ пораженная послѣднею императорскою угрозою, княжна покорилась своей участи и сказала Ушакову, что она ничего не помнить, что говорила въ монастырѣ.

— Развѣ — прибавила она — вышеозначенныя всѣ слова я говорила отъ горести, въ печали, въ безпамятствѣ своемъ, потому что я отъ горести своей не токмо въ безпамятствѣ, но яко изумленная (безумная) была, и говаривала сумазбродственно, чего нынѣ помнить не могу.

Дѣвушка безсильно и напрасно цѣплялась за надежду.

Допрашивали потомъ и архимандрита Феодосія, доставленнаго въ тайную канцелярію Феофаномъ Прокоповичемъ — но и тутъ ничего новаго не узнали.

18-го апрѣля былъ послѣдній докладъ Ушакова у государыни.

Императрица приказала объявить подсудимой свое окончательное рѣшеніе.

«За злодѣйственныя и непристойныя слова, по силѣ государственныхъ правъ, хотя княжна и подлежитъ смертной казни, но ея императорское величество, милосердуя къ Юсуповой за

службы ея отца, соизволила отъ смертной казни ея освободить, и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силѣ государственныхъ правъ — только изъ особливой ея императорскаго величества милости».

Дѣвушкѣ дарили жизнь; но не радостна была эта жизнь.

Вмѣсто смерти, княжнѣ велѣно «учинить наказанье — бить кошками — и постричь ея въ монахини, а по постриженіи изъ тайной канцеляріи послать княжну подъ карауломъ въ дальній, крѣпкій дѣвичій монастырь, который по усмотрѣнію Феофана архіепископа новгородскаго имѣеть быть избрѣтенъ, и быть оной, Юсуповой, въ томъ монастырѣ до кончины жизни ея неисходно».

Вотъ что осталось ей вмѣсто жизни.

Оставалось исполнить въ точности приговоръ императрицы — постричь княжну Юсупову въ тайной канцеляріи для избѣжанія разглашеній.

Но какъ это сдѣлать? Это былъ первый случай, что въ тайной канцеляріи должно было совершиться постриженіе; а между тѣмъ, въ Петербургѣ, по неимѣнію ни одного женскаго монастыря, ни въ кладовыхъ тайной канцеляріи, и нигдѣ нельзя было найти монашескаго одѣянія и прочихъ иноческихъ принадлежностей.

Тогда Ушаковъ послалъ нарочнаго въ Новгородъ къ одному довѣренному лицу для секретной покупки всего, что нужно для новопостригаемой.

Скоро привезли и эту послѣднюю одежду для княжны Юсуповой.

Вотъ какова была цѣна послѣднихъ женскихъ нарядовъ блестящей нѣкогда дѣвушки высшаго круга:

Апостольникъ — 3 копейки.

Поязка къ апостольнику — 10 копеекъ.

Крестъ—4 копейки.

Парамонъ—2 копейки.

Наметка флеровая—50 копеекъ.

Ряса нижняя съ узкими рукавами—90 копеекъ.

Мантійка маленькая—8 копеекъ.

Мантия большая, верхняя ряса съ широкими рукавами—3 рубля.

Ленты ременные съ пряжкой—3 копейки.

Четки—1 копейка.

Свитка бѣлаго полотна—10 копеекъ.

Все это княжеское облаченіе стоило 4 рубля 81 копейку.

А давно ли княжна Юсупова надѣвала на себя дорогія бальные платья, цвѣты, брильянты?—Очень давно, впрочемъ:—пять лѣтъ назадъ, пять долгихъ лѣтъ, состарившихъ дѣвушку.

30-го апрѣля 1735 года княжна была наказана «кошками».

Въ тотъ же день ее постригалъ синодальный членъ чудова монастыря, архимандритъ Ааронъ.

У княжны Юсуповой уже не было княжескаго титула и ея дѣвическаго родового имени:—въ инокиняхъ она наименована Проклою.

Передъ отправленіемъ въ вѣчную ссылку новопостриженной объявили, въ тайной канцеляріи, чтобъ обо всемъ происходившемъ она молчала до могилы, подъ опасеніемъ смертной казни.

4-го мая инокиня Прокла вывезена была изъ Петербурга. Путь ея лежалъ въ Сибирь, въ тобольскую епархію, въ введенскій дѣвичій монастырь, состоявшій при успенскомъ Далматовомъ монастырѣ.

Вотъ какой монастырь былъ «изобрѣтенъ» Феофаномъ Прокоповичемъ въ силу повелѣнія императрицы.

Молодая инокиня Прокла вышла на пяти подводахъ.— Съ нею была неразлучная спутница, дѣвка калмычка Марья.

И бывшей княжнѣ и калмычкѣ кормовыхъ денегъ въ дорогѣ вѣльно было отпускать по 25 копеекъ въ день.

Поѣздъ сопровождали три солдата и сержантъ Алексѣй Гурьевъ.

Долго́ былъ этотъ путь, по которому въ послѣдній разъ пришлось ѣхать княжнѣ Юсуповой.

Только 10-го августа сержантъ Гурьевъ воротился въ Петербургъ и доложилъ тайной канцеляріи:

— Княжну сдалъ благополучно въ тобольскій введенскій монастырь. Но для своея предосторожности, дабы впредь мнѣ нѣжайшему чего не пришлось, объявляю, что дорогою княжна Прокла неоднократно его превосходительство генерала и кавалера и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова и дочь его превосходительства, и секретаря тайной канцеляріи, Николая Хруцова, бранила, и говаривала неоднократно: воздай де Богъ генерала Ушакова дочери также какъ и мнѣ; дай де Богъ здравствовать моей матушкѣ да государынѣ цесаревнѣ.

Это были единственныя дорогія ей имена—мать и цесаревна; о нихъ она и прежде вспоминала съ любовью.

Въ пути княжна часто просила приставниковъ своихъ, чтобы ей дали жареную курицу. Гурьевъ замѣчалъ ей, что этого нельзя сдѣлать, такъ какъ ей, монахинѣ, мяса ѣсть не слѣдуетъ.

— Я ѣсть не стану—отвѣчала княжна Прокла—но хотъ посмотрю на жареную курицу и сыта буду.

Но ей все-таки курицы не дали.

Какова была жизнь Юсуповой въ Сибири — неизвѣстно. Но что долгое заточеніе, тоска и полная безнадежность возврата къ прежней жизни окончательно истомили и ожесточили дѣвушку—въ этомъ и сомнѣнія не можетъ быть. Безконечно долгіе и однообразные дни тянутся въ неволѣ какъ вѣчность; одинъ

день лѣниво смѣняетъ другой, все такой же долгій, тяжелый, безнадежный. Еще безконечнѣ тянутся мѣсяцы, годы—и только скоро эти годы, мѣсяцы и даже дни старѣются человѣка въ неволѣ.

Вотъ уже и третій годъ, какъ несчастная дѣвушка томится въ Сибири—восьмой годъ, какъ ее лишили свободы, взяли отъ матери.

Такая жизнь не умирала ссыльной. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго донесенія тобольскаго введенскаго монастыря отъ 6-го марта 1738 года:

«Монахиня Прокла нынѣ въ житіи своемъ стала являться весьма безчинна, а именно: первое—въ церковь божію ни на какое слово божіе ходить не стала; второе—монашеское одѣяніе съ себя сбросила и не носитъ; третье—монашескимъ именемъ, то есть Проклою не называется и звать не велитъ, а называется и велитъ именовать Прасковьєю Григорьевую; четвертое—разсвирѣпѣвъ, учинилась монашескому обыкновенію противна и ни въ чемъ по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую къ ней изъ келарской келіи пищу не пріемлетъ, а временемъ и бросаетъ на полъ, и, ругаясь, говоритъ: «у меня собаки лучше того ѣдали щи», и просить себѣ вснѣдъ излишнихъ припасовъ, чтобъ всегда было свѣжее и живое».

Не добромъ кончился для ссыльной и этотъ отзывъ.

Изъ Петербурга пришелъ строгій приказъ—князю держать въ монастырѣ въ ножныхъ желѣзахъ, въ которыхъ водятъ каторжниковъ, и имѣть подѣ карауломъ неисходно. Тайная канцелярія, по указу императрицы, предписывала монастырскому начальству:—«Проклу наказать шелепами и объявить, что если не уймется то будетъ жестокайше наказана».

Не знаемъ, долго ли еще тянулась неудавшаяся жизнь этой дѣвушки и чѣмъ она кончилась:—вѣроятно, ни Петръ Великій,

цѣловавшій ребенка въ голову, ни сама дѣвушка не ожидали, что на эту голову, ~~на которой~~ покоемось лобзаніе царя-преобразователя, упадетъ столько тяжелыхъ испытаній. —▲ за что?—исторія пока не можетъ отвѣчать на это, да, быть можетъ, и ~~никогда~~ не отвѣтитъ.

XVII.

Дочь Бирона.

(Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова, урожденная принцесса Биронъ).

Фамилія Бириновъ недолго оставалась на страницахъ русской исторіи: подобно такой же пришлой фамиліи Годуновыхъ, Бироны, съ грознымъ «временщикомъ» во главѣ, слишкомъ временно и слишкомъ мимолетно появляются на горизонтѣ русской государственной жизни и подобно Годуновымъ исчезаютъ безслѣдно, хотя одно лицо изъ этой слишкомъ памятной Россіи фамиліи доживаетъ почти до настоящаго столѣтія, но въ неизвѣстности, нося чужую, вполне уже русскую или обрусѣвшую фамилію.

Лицо это было — дочь Бирона, Гедвига.

Въ то время когда Биронъ, еще не знатный, но уже отличенный передъ всѣми придворными Анны Іоанновны, жилъ въ Митавѣ при дворѣ своей покровительницы, будущей русской государыни, Анна Іоанновна женила его на бѣдной дѣвушкѣ изъ дворянской фамиліи фонъ-Трейдень, Бенигнъ-Готлибъ.

Въ этомъ бракѣ Бирономъ прижито было трое дѣтей: въ 1723 году родилась у него дочь, которую называли Гедвигой,

потомъ, въ 1724 году, родился сынъ Петръ и въ 1727 году сынъ Карлъ.

Маленькая Гедвига оказалась горбуньей: небольшой горбовой наростъ былъ у нея на спинѣ, однако не слишкомъ безобразилъ ростъ и фигуру Гедвиги. Когда дѣвочка начала уже понимать свое положеніе, она увидѣла себя принадлежащею къ такой семьѣ, передъ которой раболопно преклонялся весь Петербургъ, и потому дѣвочка иначе не могла представить себѣ жизнь какъ въ тѣхъ образахъ, въ какихъ она предстала передъ нею съ самаго ея младенчества: отецъ ея былъ графъ, оберъ-камергеръ русскаго двора и «временщикъ».

Могущественный отецъ Гедвиги, всецѣло занятый сложными государственными дѣлами столько же, сколько придворными и дипломатическими интригами, не могъ конечно отдавать своего времени наблюденію за воспитаніемъ дѣтей, и потому вполне предоставилъ эту заботу женѣ своей, Бенигнѣ-Готлибъ. Бенигна-Готлибъ, по природѣ женщина не глупая, хотя съ ограниченнымъ образованіемъ, позаботилась дать своимъ дѣтямъ образованіе широкое, сообразное съ высокимъ государственнымъ саномъ ихъ отца: она не жалѣла на дѣтей денегъ, тѣмъ болѣе что государственныя сокровища были едва ли не въ безконтрольномъ распоряженіи ея мужа, всесильнаго временщика, выписала изъ Европы лучшихъ учителей, гувернеровъ и воспитателей, которые ввели въ программу воспитанія дѣтей Бирона всѣ науки, необходимыя для приготовленія къ государственной дѣятельности. Сама императрица принимала въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе: дѣтей Бирона она любила, какъ бы это были ея собственныя дѣти; она съ участіемъ слѣдила за ихъ воспитаніемъ; часто присутствовала во время классныхъ занятій; сама спрашивала уроки. Сыновья Бирона оказывали мало успѣ-

ховъ; учились вяло; были неразвиты, лѣнны, но за то Гедвига подавала блистательныя надежды; это была умненькая, живая дѣвочка; въ ученіи она дѣлала быстрые успѣхи и въ общемъ развитіи шла впереди своихъ братьевъ. Но, безъ сомнѣнія, физическіе недостатки маленькой горбуны отвратили отъ нея нѣжность отца, которому конечно желалось, чтобы дочь его блистала красотой, какъ онъ самъ блисталъ могуществомъ; чтобы съ помощью этой красоты можно было войти въ связи съ могущественными особами, если не здѣсь, въ Россіи, то въ Европѣ. Биронъ часто не скрывалъ своего нерасположенія къ Гедвигѣ, преслѣдовалъ ее насмѣшками, попреками, какъ дурнушку. Самолюбивая и умненькая дѣвочка не могла не видѣть этой слишкомъ крайней холодности отца, и, сознавая свой умъ, свое превосходство передъ прочими, заключалась въ себѣ самой, а черезъ это выросла въ себѣ скрытность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработала себѣ волю и самостоятельность.

Когда Гедвигѣ было десять лѣтъ, въ 1737 году, отецъ ея былъ пожалованъ герцогскимъ достоинствомъ, и маленькую Гедвигу стали называть «принцессой». Ей дали придворный штатъ, фрейлинъ, камеръ-юнгферъ, пажей.

Когда Гедвигѣ было двѣнадцать лѣтъ, она явилась ко двору. Въ это время совершалась свадьба племянницы государыни, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны, съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгскимъ. Это было 3-го іюня 1739 года. Гедвига отправилась въ придворную церковь въ великолѣпной золоченой каретѣ, окруженная свитой. При свадебной церемоніи она стояла рядомъ съ государыней. За официальнымъ придворнымъ обѣдомъ она сидѣла рядомъ съ новобрачными, а вечеромъ, во время придворнаго бала, управляла танцами.

Первое появленіе ея въ свѣтъ было вполнѣ удачно, и императрица осталась ею вполнѣ довольна. Молоденькая дѣвушка оказалась умна, ловка, находчива, и привлекла всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что это была дочь Бирона. Послѣ перваго выѣзда она уже являлась ко двору во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и около нея образовалась толпа поклонниковъ: вся блестящая молодежь того времени, всѣ придворные любезники окружали дочь Бирона; всѣ старались угодить ей, заслужить ея вниманіе, чтобъ, въ свою очередь, заслужить лестное вниманіе ея папаша. Это раболѣпство Гедвига, естественно, принимала какъ дань уваженія ея уму и талантамъ, какъ обаяніе ея красотою, и это тѣмъ болѣе было ей по душѣ и тѣмъ охотнѣе отдавалась она наслажденію блистать и побѣждать, что дома она встрѣчала только обидное невниманіе или ужъ не въ мѣру обидную придиричивость отца.

Вмѣстѣ съ отцомъ и Гедвига раздѣляла милости императрицы. Въ то время когда заключенъ былъ бѣлградскій миръ, въ 1740 году, Гедвига пожалована была портретомъ государыни, украшеннымъ брилліантами, для ношенія на груди. Начали уже поговаривать, что государыня готовить ей жениха въ числѣ владѣтельныхъ особъ и что ее намѣрены помолвить за сына одной изъ германскихъ коронованныхъ особъ.

Гедвига видѣла впереди новый рядъ побѣдъ, нескончаемую лѣстницу почестей и избытокъ жизненнаго счастья.

Но жизнь не дала того, что ожидалось не одною Гедвигою...

Въ октябрѣ 1740 года императрица Анна Іоанновна скончалась — и вмѣстѣ съ этимъ рухнуло могущество Бирона, рухнуло и счастье Гедвиги, такъ не надолго улыбавшееся ей.

Прошло 22 дни послѣ смерти императрицы, и Биронъ былъ уже обвиненъ въ государственной измѣнѣ, осужденъ и посаженъ

въ крѣпость. Въ крѣпость посажена была и ни въ чемъ неповинная Гедвига, которой было только семнадцать лѣтъ. Вся семья Бирона сидѣла въ крѣпости семь съ половиною мѣсяцевъ, пока не вышло новое опредѣленіе суда—сослать всѣхъ Бириновъ на вѣчное житье въ Сибирь.

Въ Пелыми, въ томъ заброшенномъ сибирскомъ городкѣ, который, полтора ста лѣтъ назадъ, заселенъ былъ ссыльными угличанами за то, что въ городѣ ихъ совершилось убійство царевича Димитрія и угличане отмстили его убійцамъ—въ этомъ далекомъ городкѣ для Бироновъ выстроили домъ о четырехъ комнатахъ и окружили его, какъ острогъ, высокимъ палисадомъ.

Вотъ куда поворотила звѣзда Гедвиги, загорѣвшаяся-было на западномъ горизонтѣ...

За высокимъ пелымскимъ палисадомъ, среди сибиряковъ, и грѣшныи Биронъ и неповинная Гедвига должны были кончать свою жизнь. Въ Сибирь Биронамъ позволено было взять часть своей прислуги, и въ томъ числѣ для Гедвиги съ матерью—«дѣвку арапку Софью и дѣвку турчанку Катерину».

Послѣ долгой и томительной дороги Бироны поселились въ Пелыми. Надорванный послѣдними событіями, Биронъ слегъ—онъ не привыкъ къ такимъ ударамъ: Гедвига и мать день и ночь чередовались около постели опальнаго вельможи, и читали ему, въ утѣшеніе, святую библію.

Можно себѣ представить, что переживала молодая дѣвушка...

А Биронъ, въ ссылкѣ, больной, былъ еще раздражительнѣе: что прежде, въ самовластныхъ порывахъ раздражительности, Биронъ изливалъ на всю Россію и давилъ ее собою, то теперь все почти обрушивалось на слабыя плечи нелюбимой имъ дочери горбуни.

Но черезъ годъ до Бироновъ дошла вѣсть о новыхъ важныхъ событіяхъ въ далекомъ Петербургѣ: на престолъ вступила цеса-

ревна Елизавета Петровна, и въ душѣ Бирона воскресла надежда на избавленіе, на возстаніе изъ его живой могилы. Онъ помнилъ, что дѣлалъ когда-то добро цесаревнѣ—и рѣшился писать ей о смягченіи своей тяжелой участи.

Благодарная императрица сжалилась надъ павшимъ величіемъ, и приказала перевести Бироновъ въ Ярославль. Тамъ, на берегу Волги, отвели имъ большой каменный домъ, который долго потомъ показывали какъ мѣстопробываніе нѣкогда страшнаго временщика.

Ярославль, казалось Гедвигѣ, стоялъ уже довольно близко къ тому мѣсту, гдѣ она была когда-то счастлива: вѣсти отъ Петербурга доходили до Ярославля гораздо скорѣе чѣмъ до Пелыми—и Гедвига дозволила себѣ мечтать о возвращеніи потеряннаго счастья, тѣмъ болѣе, что и въ силѣ и въ паденіи отецъ ея оставался все тѣмъ же — онъ не любилъ свою дочь, а несчастье сдѣлало его характеръ еще болѣе жесткимъ.

Гедвига испробовала всѣ средства, чтобъ напомнить о себѣ въ Петербургѣ, чтобы имя ея произнеслось при императрицѣ, чтобы дворъ опять открылся передъ дочерью опальнаго отца: Гедвига думала найти путь ко двору чрезъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ новаго своего мѣстозаключенія; но вліятельныя лица Ярославля были безсильны открыть молодой и честолюбивой мечтательницѣ путь ко двору. Она рѣшилась писать къ любимцу государыни, графу Шувалову, —но это осталось только бесполезной попыткой.

Такъ прошло восемь лѣтъ — восемь лучшихъ лѣтъ жизни.

Гедвига переживала уже двадцать шестой годъ этой странной жизни, исполненной страшныхъ, подавляющихъ контрастовъ—первая молодость ея проходила...

И вотъ дѣвушка рѣшается бѣжать изъ отцовскаго дома, какъ, сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ, бѣжала другая честолюбивая дѣвушка, Матрена Кочубей, но та бѣжала къ любимому человеку, къ своему счастью, а эта за тѣмъ, чтобы искать этого счастья.

Въ началѣ весны 1749 года Гедвига узнала, что императрица перѣехала въ Москву и въ апрѣлѣ отправляется пѣшкомъ къ Троицѣ на богомолье. Гедвига узнала, что императрица только въ полутораста верстахъ отъ Ярославля—это такъ близко: близкимъ казалось молодой дѣвущкѣ и ея долго искомое счастье.

15-го апрѣля ночью Гедвига бѣжала.

Надѣясь, что женщина скорѣе войдетъ въ ея положеніе, особенно когда узнаетъ мотивы ея бѣгства, смѣлая дѣвушка въ эту же ночь явилась къ женѣ ярославскаго воеводы Пушкина, и, обливаясь слезами, объявила ей, что она рѣшилась на бѣгство отъ жестокости и преслѣдованій отца, что преслѣдованія эти воздвигнуты на нее за то, что она желаетъ принять православіе, и что она рѣшилась идти прямо къ императрицѣ, дойти до лавры и просить защиты доброй государыни. Пушкина рада была ухватиться за этотъ счастливый случай, чтобы самой отличиться передъ государыней, и тою же ночью, вмѣстѣ съ бѣглянкой отправилась въ лавру.

Въ лаврѣ обѣ женщины нашли то, чего искали. Пушкина представила Гедвигу первой статсъ-дамѣ государыни, Шуваловой, и та приняла участіе въ молодой дѣвущкѣ. Гедвига, обладая искусствомъ заслуживать общее расположеніе и побуждать обаяніемъ своего ума, нашла въ Шуваловой сильную покровительницу, которая приняла въ ней самое горячее участіе. Дѣвушка представлена была императрицѣ, какъ несчастная жертва

родительской тиранніи, какъ существо, страдающее за тайную приверженность къ православію: то была «бѣдная овечка», ищущая своего стада, какъ представили это дѣло императрицѣ. Безъ словъ, но съ горькими слезами Гедвига упала передъ императрицей, и глубоко растрогала ее. Государыня обласкала дѣвушку, обѣщала свое покровительство, обѣщала даже быть ея матерью при крещеніи, которое и должно было совершиться въ Москвѣ.

Гедвига опять видѣла впереди свое потерянное счастье.

Дѣйствительно, черезъ три недѣли Гедвига была крещена въ церкви головинскаго дворца, и названа Екатериною.

Весь дворъ заинтересованъ былъ этою необыкновенною дѣвушкою и ея участію. Интересъ возбуждался еще болѣе тѣмъ, что это была уже памятная всѣмъ горбунья, дочь Бирона, принцесса, передъ которой когда-то весь дворъ раболобствовалъ и которая видѣла уже и крѣпостные казематы, и далекую Сибирь, и снова повидимому шла вгору. Гедвига скоро вошла въ довѣріе духовника императрицы, сдѣлалась домашнимъ человѣкомъ у Шуваловой и для нея создана была при дворѣ особая должность—второй надзирательницы за фрейлинами. Гедвига скоро вошла въ свою новую роль — объ ней опять заговорили, особенно же когда она оказалась очень ловкою распорядительницею въ устроеніи участи молоденькихъ фрейлинъ, которыхъ она умѣла хорошо пристраивать замужъ.

Но она не ограничилась и этимъ положеніемъ. Она нашла при дворѣ новыхъ доброжелателей, и въ числѣ ихъ былъ гофмаршалъ двора великаго князя Петра Федоровича, Чоглоковъ, обязанный Бирону тѣмъ, что герцогъ когда-то, еще когда былъ въ силѣ, взялъ молодого Чоглокова изъ кадетскаго корпуса въ конную гвардію и приблизилъ къ себѣ. Чоглоковъ ввелъ Гедвигу въ интимный кружокъ великаго князя, который тѣмъ бо-

лѣе полюбилъ дочь Бирона, что она была природная нѣмецкая принцесса и говорила съ нимъ по-нѣмецки. Великій князь любилъ съ ней говорить, повѣрялъ ей свои планы относительно обмундированія голштинскихъ солдатъ, и умная горбунья умѣла хорошо выслушивать будущаго императора, умѣла въ время дать совѣтъ, сказать свое мнѣніе. Когда Гедвиги не было у великаго князя, то онъ и тогда не забывалъ ее, посылая ей отъ своего стола кушанья, лакомства, и вообще показывая ей свое расположеніе.

Но надо было думать и о замужествѣ Гедвиги. Гофмейстера и другъ великой княгини Владиславова нашла ей жениха въ камергерѣ Петрѣ Салтыковѣ, котораго мать оказала немаловажную услугу императрицѣ при возшествіи ея на престолъ. Женитьба сына на Гедвигѣ, дочери Бирона, на принцессѣ, льстила самолюбію Салтыковой, и она приказала сыну ухаживать за дѣвушкой. Но Гедвига почему-то не благоволила къ Салтыкову и на отрѣзъ отказала ему. Салтыковъ, наученный матерью, бросился въ ноги императрицѣ, просилъ ея помощи въ его сердечномъ дѣлѣ, и когда императрица спросила Гедвигу, почему она отказывается такому прекрасному молодому человѣку— Гедвига отвѣчала, что она повинуется волѣ государыни. Это еще болѣе возвысило въ глазахъ государыни умненькую горбунью. Но ей все-таки не хотѣлось сдѣлаться Салтыковой и она умѣла такъ ловко повести дѣло, что опротивѣла жениху, и онъ поспѣшилъ жениться на княжнѣ Солнцевой. Императрица приняла еще болѣе горячее участіе въ покинутой, огорченной невѣстѣ. Тогда ей нашли другого жениха, князя Григорія Хованскаго; но этотъ уже самъ положительно не выносилъ своей горбатой невѣсты, и подъ разными предлогами уѣхалъ къ арміи.

Императрица нашла Гедвигъ третьяго жениха — это былъ баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ, человекъ умный, образованный, веселый собесѣдникъ въ обществѣ, ловкій придворный, говорившій хорошо на трехъ иностранныхъ языкахъ — на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, человекъ съ самымъ ровнымъ характеромъ, у котораго только были двѣ невинныя по тогдашнимъ понятіямъ страсти — вино и хорошенькія женщины. Черкасовъ, желая угодить императрицѣ, сдѣлалъ предложеніе Гедвигъ и получилъ ея согласіе. Сдѣлавшись женой Черкасова, Гедвига съумѣла заставить полюбить себя, и они дѣйствительно прожили съ мужемъ счастливо болѣе 35 лѣтъ.

Гедвига, нынѣ баронесса Черкасова, оставила дворъ и занялась исключительно воспитаніемъ дѣтей, которыхъ имѣла отъ Черкасова.

Она умерла въ 1796 году.

Подобно Ксеніи Годуновой, эта дочь Бирона, умирая, просила, чтобы ее похоронили вмѣстѣ съ ея знаменитымъ отцомъ и братьями.

Набальзамированный трупъ ея былъ перевезенъ въ Митаву, и тамъ, въ замкѣ, въ родовомъ склепѣ, дочь Бирона легла около тѣхъ, съ которыми она когда-то дѣлила могущество, славу, ссылку и — много семейнаго горя.

XVIII.

Графиня Мавра Егоровна Шувалова,

урожденная Шепелева.

Между женскими личностями первой половины прошлаго вѣка есть не мало такихъ, о которыхъ повидимому можно было бы совсѣмъ умолчать, какъ и объ остальной массѣ женщинъ, и жившихъ и умиравшихъ безвѣстно и не оставившихъ о своемъ существованіи никакого слѣда въ исторіи, которымъ ни личною дѣятельностью, ни обстоятельствами жизни, ни даже отношеніями къ другимъ историческимъ личностямъ не суждено было выступить изъ неизвѣстности, выпадающей на долю всему, что дюжиною, безцвѣтно, что ни добромъ, ни зломъ не выдѣлилось въ историческую особь, не оставило послѣ себя что-называется ни звука въ воздухѣ, ни слѣда на землѣ, ни строки на исторической страницѣ; но и въ этомъ числѣ есть такія, которыхъ, какъ ни безцвѣтно ихъ существованіе, обойти нельзя, потому что какое-нибудь слово, сказанное ими, какое-либо письмо, ими написанное, или дополняютъ картину своего времени, или составляютъ рѣдкій, характеристическій орнаментъ цѣлой исторической эпохи, или, наконецъ, освѣщаютъ положеніе другихъ историческихъ личностей.

Такою является фрейлина двора герцогини голштинской, несчастной цесаревны Анны Петровны, любимой дочери Петра Великаго, матери императора Петра III — Мавра Егоровна Шепелева.

Съ именемъ дѣвицы Шепелевой невольно связывается одно лишь воспоминаніе, но воспоминаніе очень рельефное:—это ея письма къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, будущей императрицѣ русской.

Простыя, безхитростныя, наивныя, крайне притомъ безграмотныя письма дѣвушки обезсмертили имя Шепелевой, и говорить о Шепелевой—значить говорить о ея письмахъ, которыя интереснѣе всей ея жизни и всѣхъ ея личныхъ дѣлъ, мелкихъ и ничтожныхъ въ общей суммѣ нашего историческаго прошлаго.

Мы поэтому и не будемъ почти говорить о Шепелевой, а скажемъ только о ея письмахъ: письма эти—колорить цѣлой эпохи и въ то же время живой портретъ и характеристика той, которая ихъ писала.

Мавра Шепелева происходила изъ стариннаго рода дворянъ Шепелевыхъ. Гдѣ она получила воспитаніе—неизвѣстно; но всего скорѣе слѣдуетъ предполагать, что воспитаніе это, какъ живое выраженіе того скуднаго педагогическаго питанія, которымъ довольствовалась тогда вся Россія, не многимъ разнилось отъ воспитанія женщины временъ еще стрѣлцкихъ; разница только въ томъ, что изъ тогдашнихъ женщинъ рѣдкая умѣла читать или начертать свое имя подъ какой-нибудь дарственной записью; Шепелева же сама пишетъ письма: черезъ руки Шепелевой безъ сомнѣнія прошли такія педагогическія руководства, какъ творенія Симеона Полоцкаго, Лазаря Барановича, а можетъ быть что-либо и поновѣе.

Какъ бы то ни было, но Шепелева является однимъ изъ экземпляровъ того такъ-сказать новаго изданія русской женщины, которое явилось въ свѣтъ послѣ Петра, нѣсколько дополненное и исправленное, и къ которому принадлежитъ другой подобный же экземпляръ—княжна Александра Григорьевна Долгорукая, бывшая потомъ замужемъ за Салтыковымъ, родственникомъ царицы Прасковьи, и переписывавшаяся съ извѣстною Матреною Балкъ.

Однимъ словомъ, Шепелева умѣла писать письма въ то время еще, когда не всѣ царицы умѣли это; но какъ она писала—это другой вопросъ.

Когда, послѣ Петра Великаго, цесаревна Анна Петровна вышла замужъ за герцога голштинскаго и съ своимъ супругомъ отправилась въ столицу Голштиніи—Киль, Мавра Шепелева находилась при особѣ молодой герцогини голштинской.

Уѣзжая въ Киль, Шепелева оставляла въ Россіи высокаго друга своего въ лицѣ младшей сестры герцогини Анны Петровны, цесаревны Елизаветы Петровны. Дружба эта выражалась не только въ милостивыхъ отношеніяхъ цесаревны къ придворной дѣвушкѣ, но и въ интимной перепискѣ, поддерживавшейся между Шепелевою и цесаревной. Последняя называла «Маврутку» Шепелеву даже своею дочкою.

Первое извѣстное намъ письмо Шепелевой къ цесаревнѣ относится къ 22-му октября 1727 года, слѣдовательно къ самымъ первымъ мѣсяцамъ пребыванія герцогини Анны Петровны, а вмѣстѣ съ нею и Шепелевой въ Килѣ.

Передаемъ это письмо съ дипломатическою и филологическою пунктуальностью—въ ней-то вся и сила.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна Елисаветъ Петровна!

«Доношу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава

Богу в добромъ здравье обретаются; при семъ же благодарствую за вашу высокую милость, что изволили ко мнѣ писать, и въпретъ прошу я вашева высочества, дабы незабвесьна была писмами. Еще шъ благодарствую за вашу высокую милость, что изволили ко мне, недостойной, прислать цытеръ католъ бриліантовой, и я не знаю, за что ваша высочество такъ меня, недостойною, жалуйте. Данашу я вашему высочеству, что я кланялас Бышову, и он столько обрадовался, что пуще быть нельзя, и приказал вамъ свой поклонъ отдать, а принцъ Авъгустъ поехалъ по мать, и как он будетъ, то я ему отдамъ от вас поклон, и черезъ два дни будит к нам, и обы принцессы, и я вашему высочеству обстоятельно отпишу про все. Еще шъ данашу, что пожалованъ Бышовъ въ гарънадеръску роту въ капитани поручики. А что вы изволили ко мне писать, чтобы я донесла песаревни о перъсонахъ, и я ей донасила, и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Францы, точас к вамъ пошлетъ перъсону Бышова и принцовъ обехъ, а въ Кили живописцы очень худи. Инова данашенія писать не имею, точию остаюс вашева высочества верная раба Мавра Шепелева».

Таковъ былъ языкъ и такова грамматическая и литературная сила въ писаніяхъ придворной особы первой половины прошлаго вѣка: особенно характерны такіа выраженія какъ «еще шъ данашу» (т. е. «еще жъ доношу») и подобныя.

Съ слѣдующимъ письмомъ Шепелевой, отъ 26-го октября, мы уже познакомились въ предыдущемъ очеркѣ, относящемся къ герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ: это то письмо, въ которомъ Шепелева извѣщаетъ цесаревну Елизавету Петровну, что сестрица ея готовится къ предстоящимъ родамъ и запасаетъ «чепъчики и пелонки», что «по всякой день варошитъца у ней въ брuxe будущей племянникъ или племянъница» цесаревны (т. е.,

какъ оказалось впослѣдствіи, будущій императоръ Петръ III), что «в Кили очен дажди велики и ветри», а «печи все железныя, и то маленькіе».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 20 ноября, Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что къ нимъ въ Киль долженъ скоро быть почетный гость—пренцесъ Элизабет мужъ», и просить своего высокаго друга называть ее, Маврутку, своею «дочерью», какъ и прежде называла ее Елизавета Петровна.

«Матушка моя государыня цесаревна, Элизабетъ Петровъна!—пишетъ Шепелева.—Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица и зять вашъ, слава Богу, в добромъ здравье. Прашу я васъ, матушка цесаревна, даби я, бедная, незабвенъна была вашей высокой милости. Данашу вашему высочеству, что на етой недели будить к нам пренцесъ Элизабет мужъ будит. Инова вашему высочеству данасит не имею, точію остаюс веръная ваша раба, такъ же, ежели не перемените свою милос ка мне, что вы меня называли, то веръная ваша дочь Мавра Шепелева».

Черезъ два мѣсяца Шепелева опять пишетъ въ Россію къ своему высокому другу и покровительницѣ, извѣщаетъ о здоровьѣ сестры ея, герцогини, о томъ, что у нихъ въ Киль долженъ быть 12-го генваря «банкетъ» въ честь дня рожденія королевскаго высочества «по новому стилю»—Европа, какъ видно, и ее, Маврутку, научила различать «стили»; при этомъ Шепелева называетъ себя и «вѣрною рабою» цесаревны, и «дочерью», и «холопкою и кузыною».

«Всемилоствейша государыня цесаревна и мать моя!

«Во перьвыхъ данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, въ добромъ здравье. Прашу я ваша высочество, дабы я, ваша раба и дочь, не оставлена была вашей высокой милости. Данашу я вашему высочеству, что у нас севодни

банкетъ, ражденіе ево каралевскаго высочества по новому стилю, и будить много дамъ и кавалеровъ. Инова вашему высочеству данасить ничего не имею, точію остаюсь вѣрная ваша раба и дочь, и холопка и кузына Мавра Шепелева».

Время, однако, близится къ развязкѣ; а какова должна была быть эта развязка—никто не зналъ.

18-го генваря Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что сестрица ея «дожидаетца на етихъ дняхъ» и поэтому приказала придворнымъ дамамъ и фрейлинамъ «готовить робы къ крестинамъ», что, наконецъ, вслѣдствіе ожиданія родовъ, безъ приказу никто изъ придворныхъ дамъ не смѣетъ ходить къ беременной герцогинѣ.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу; в добромъ сдоровьи, и сестрица ваша дожидаетца на етихъ дняхъ, и приказала намъ готовить робы крестинамъ, и дамы все делаютъ робы, и мы безъ приказу не ходимъ цесаревни. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имѣю, точію остаюсь ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Въ письмѣ отъ 1-го февраля Шепелева пишетъ цесаревнѣ о смерти ихъ придворнаго пѣвчаго, по фамиліи Чайка: это, вѣроятно, бѣдный малороссъ, за свой хорошій голось (голосами, какъ видно, и тогда славилась Малороссія) взятый ко двору, подобно Разумовскому, и умершій вдали отъ своей родной Украины.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!— пишетъ Шепелева въ этомъ письмѣ.—Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здаровьи. Прашу я ваша высочество, чтобъ я не оставлена была вашей высокой милости. Еще шъ данашу, что у нас умеръ певъчей Чайка желчью. Еще шъ данашу, что у нас зыма стоитъ две недели. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имею,

точію остаюсь верная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Въ это время герцогиня Анна Петровна разрѣшается отъ бремени сыномъ, будущимъ всероссійскимъ императоромъ Петромъ III, и Шепелева сообщаетъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, отъ 15-го февраля, о здоровьѣ ея маленькаго племянника и о томъ, что въ кормилицы ему взята была «отъ обаръ камаръгера», а потомъ за болѣзнью этой кормилицы взята другая.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

«Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица в добромъ здаровьи, и ево каралевское высочество и племянникъ вашъ в добромъ здаровьи, каръмилица была у вашева племянника взета отъ обаръ камаръгера, и нине занемогшей и взяли другую кармилицу. Инова не имѣю, точію остаюс верная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Послѣ этого письма слѣдуетъ перерывъ въ корреспонденціи до 25-го іюля 1728 года.

Въ теченіе этого промежутка, какъ извѣстно, умерла несчастная дочь Петра Великаго, которой жизнь вдали отъ родины далеко была не красива.

О смерти ея Шепелева ничего не пишетъ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ письма ея объ этомъ собственно обстоятельствѣ. Пишетъ она только 25-го іюля, что въ Киль ожидаются корабли, тѣ конечно, которые должны были перевезти тѣло умершей герцогини въ Россію, на родину, что навстрѣчу этимъ кораблямъ посылается изъ Киля большая яхта, что всѣмъ чинамъ и придворнымъ особамъ приказано съѣзжаться «на виносъ» тѣла умершей, и Шепелева общаетъ даже описать для Езизаветы Петровны церемонію выноса тѣла усопшей сестры ея.

Вотъ это любопытное письмо:

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна!

«Во неръвыхъ данашу вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здоровьи. Еще шъ данашу я вашему высочеству, что приставили принцу камаръ фроу Румерову жену, каторой камаръ фурьеръ у ево высочества. Дажидаимъ караблей суда завътря, или канешно послѣ завътрява, и послали яхтъ балшую на вѣстречу, и приказалъ ево высочество съезжать на всемъ на виносъ, а понесутъ чрезъ вѣсь горотъ, и ежели я успею написать церемонію, то пошлю къ вашему высочеству; надеюся, что церемонія велика будитъ; надеюся, что карабли пробудутъ у насъ неделю, потому что не въсо готова. Боля вашему высочеству данасыть ничего не имею, точію остаюсь верная ваша высочества раба Мавра Шепелева».

Наконецъ, сохранилось еще одно письмо Шепелевой изъ Кія. Письмо это — образцовое произведеніе пера молоденькой русской фрейлины первой половины прошлаго вѣка, дѣвушки, повидимому большой охотницы до описанія наружности красивыхъ кавалеровъ—и вообще это такое интересное посланіе, которое для насъ было бы дороже всякихъ другихъ историческихъ извѣстій о жизни Шепелевой, если бъ эти извѣстія и сохранились въ достаточной полнотѣ. Въ письмѣ этомъ, кромѣ наивнаго восхищенія красотою разныхъ принцевъ, кромѣ подробнѣйшаго описанія ихъ наружности, походки, голоса, фрейлина жалуется на обиліе въ Голштиніи пчелъ, которыя кусаются, и признаивно хвалится своему другу, что купила она любопытную табакерку, а въ ней нарисована «персона», и что всего удивительнѣе для русской барышни—«персона» эта похожа на Елизавету Петровну, когда она нагая.

Приведемъ цѣликомъ это неподражаемое посланіе:

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна Элизабетъ Петровна!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здравьѣ. Поздравляю васъ тезаименитствомъ вашимъ; дай, Боже, вамъ долгія лета жить, и чтобъ ваша намереніе оканчалось, которо у насъ в Кіи, и вѣвсяко ваша намереніе оканчалась. Данашу я вашему цесарьскому высочеству, что приехалъ к намъ принцъ Орьдовъ и принцъ Августъ. Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутурлинъ, и такъ тонокъ, глаза такія, какъ у васъ цветомъ и такъ велики, ресницы черныя, брови томнарусія, валоси такія, какъ у Семона Кириловича, белъ, не много почернее покойника Бышова и румяницъ алой всегда въ щекахъ, зубы беліи и хараши, губи всегда али и хороши, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанъка походить на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молать, 19 летъ, валоси свои носить, и валоси по паесть, руки паходятъ очинь на Бутурлина, и в Олександровъ день положила на нево кавалерию цесаревна. Данашу вамъ по принца Августа: такъ великъ, какъ меньшей Жерепцовъ, и такъ толстъ, лицомъ оченъ похожъ на Бышова, и асання и пахотка такая, какъ у Бышова была, и парики носить белія, в кашелке толъка, толстъ голос, и выежалъ герцохъ ихъ встречать отъ Кіи за милю в залатомъ берлини, а кавалери все веръхами, и геръцохъ и все кавалеры въ кавътанахъ цветънихъ, в камзоли черніи байковыя. Еще шъ данашу: приѣхал за ними гофмейстеръ да оберъ егаръмейстеръ, и оберъ егаръмейстеръ оченъ похожъ на Алексѣя Яковлевича Волъгова, лицомъ и осанкою, и нагами и руками. Еще шъ данашу, что у насъ въ Кіи такія дни хорошія, какъ бы

летомъ, и места мухъ впчели; какъ въ Питербурхи мухъ многа, такъ у насъ впчоль, и укусила меня за руку пчела, и я думала, что безъ руки буду, потому что распухла и ломъ великой былъ три дени. Еще шъ данашу: купила я табакерку, и перъсона в ней нахожа на ваше высочество, какъ вы нагія. Еще шъ прашу я ваша цесарьскова высочества объ дядушке моемъ, прикажите ка мне отписать; слишили ми, будто онъ и Кашеловъ и Машковъ потъ карауломъ в гораде, и я прашу ваша высочества матерской вашей ко мне милости, ежели ета нешастіе, прикожите меня увѣдомить. Инова вашему высочеству данасить не имею, точію рекамандую себя вамъ и остаюсь веръная ваша раба Маврутка Шепелева».

Не навсегда, однако, суждено было Шепелевой оставаться въ Голштиніи: неизвѣстно, возвратилась ли она въ Россію вмѣстѣ съ бренными останками своей герцогини или въ послѣдующіе годы, только мы опять видимъ ее замужемъ уже за графомъ Шуваловымъ.

Какъ была Маврутка Шепелева любимицей цесаревны Елизаветы Петровны, такъ и осталась ея любимицей, когда была уже графиней Шуваловой, а Елизавета Петровна вступила на престолъ своего отца.

У новой императрицы Шуваловы становятся первыми сановниками и довѣренными лицами: Елизавета Петровна возводитъ свою любимицу Маврутку на самую высокую степень придворной іерархіи — графиня Шувалова дѣлается первою статсъ-дамою государыни, и вліяніе ея при дворѣ становится такъ велико, что они съ мужемъ какъ бы повторяютъ собою роль еще такъ недавно погибшихъ всемилыхъ временщиковъ — Меншикова, Лестока, Бирона, съ тою только разницею, что благо-

родно пользуются своимъ высокимъ положеніемъ и не обращаютъ его на злое дѣло, подобно хотя бы Бирону.

Мало того, графиня Шувалова является въ роли покровительницы одного изъ членовъ опальной семьи Бирона: когда дочь этого послѣдняго, Гедвига, по возвращеніи Бирионовъ изъ Сибири въ Ярославль, бѣжала отъ суроваго отца, чтобъ искать милости у императрицы Елизаветы Петровны, Гедвига прежде всего нашла доступъ къ графинѣ Шуваловой, поправилась ей, разжаловала эту неизмѣнную любимицу государыни и при ея покровительствѣ вошла въ милость императрицы, при ея руководствѣ приняла православіе, снова взята была во дворъ и сдѣлала приличную партію, вышедши замужъ за барона Черкасова.

Вообще, какъ ни блестяща была жизнь графини Шуваловой въ періодъ ея могущества, какъ ни симпатична ея дѣятельность при дворѣ Елизаветы Петровны, но, въ качествѣ молоденькой фрейлины, пишущей такіа наивныя и прелестныя по своей простотѣ письма, Маврутка Шепелева представляется намъ еще болѣе симпатичною.

XIX.

Правительница Анна Леопольдовна.

Нѣтъ ничего пристрастнѣе и одностороннѣе отзывовъ современниковъ объ историческихъ личностяхъ, на какой бы высотѣ онѣ ни стояли, и чѣмъ выше положеніе, занимаемое этими личностями, тѣмъ отзывы о нихъ пристрастнѣе: одинъ возводитъ такую личность на недостижимую высоту, другой низводитъ ее ниже дѣйствительнаго уровня; оба силятся рельефнѣе отразить ее въ своемъ описательномъ рефракторѣ — и оба говорятъ, каждый съ своей точки зрѣнія, и правду и неправду, и тамъ, гдѣ одинъ рисуетъ повидимому схожій портретъ личности, другой его искажаетъ.

Для біографа послѣдующихъ временъ современники описываемой личности являются Сциллою и Харибдою, и біографъ съ помощью самой осмотрительной критики долженъ отдѣлять истину отъ лжи, ощупывая главнымъ образомъ больныя мѣста въ сказаніяхъ современниковъ.

Таковы отзывы этихъ послѣднихъ о женской личности, по однимъ — свѣтлымъ метеоромъ пролетѣвшей послѣ тяжелой бироновщины, по другимъ — безцвѣтно отсидѣвшей у трона и колыбельки своего сына малютки-императора и затѣмъ такъ же безцвѣтно дожившей свои молодые годы въ Холмогорахъ.

«Дочь герцогини мекленбургской — говорить о ней леди Рондо — взята императрицей вмѣсто родной дочери; ее зовутъ теперь принцессой Анной; она дѣвушка посредственной наружности, очень робка отъ природы, и нельзя еще сказать, что изъ нея будетъ».

Въ другомъ мѣстѣ эта же современница говоритъ: «Принцесса Анна, на которую смотреть какъ на наслѣдную принцессу, теперь уже находится въ такомъ возрастѣ, что могла бы заявить себя чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что ее воспитываютъ съ такую заботою; но въ ней нѣтъ ни красоты, ни граціи, и умъ ея не выказалъ еще ни одного блестящаго качества. Она держитъ себя очень степенно, говоритъ мало и никогда не смѣется, что мнѣ кажется неестественнымъ въ такой молодой особѣ и происходитъ, по моему мнѣнію, скорѣе отъ тупости, нежели отъ разсудительности. Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству меня могутъ повѣсить».

Но, дѣлая этотъ нелестный для молодой дѣвушки отзывъ, хитрая англичанка и придворная очень хорошо знала, что ее не повѣсятъ, а напротивъ будутъ довольны ею, если письмо ея будетъ «перяюстровано» Бирономъ.

Напротивъ, графъ Минихъ-сынъ, облагодѣтельствованный въслѣдствіи этою самою дѣвушкою, совершенно иные краски кладетъ на ея портретъ.

«Принцесса Анна — говорить онъ — сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны и ничто не было для нея неслыханно, какъ столь необходимое при дворѣ притворство и принужденіе, почему и произошло, что люди, пріобыкшіе въ прошлое правленіе къ грубѣйшимъ ласкательствамъ, несправедливо почитали ее надменною и якобы всѣхъ презирающею. Подъ видомъ

виѣшней холодности, была она внутренно снисходительна. При-
нужденная жизнь, которую она вела отъ двѣнадцати лѣтъ своего
возраста даже до кончины императрицы Анны Ивановны —
почему тогда кромѣ торжественныхъ дней никто посторонній къ
ней входить не смѣлъ и за всѣми поступками ея строго присма-
тривали — вселила въ ней такой вкусъ къ уединенію, что она
всегда съ неудовольствіемъ напряжалась, когда во время ея ре-
гентства надлежало ей принимать и являться въ публичѣ. Прият-
нѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ
избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила, и тутъ бывала
она свободна и весела въ обхожденіи. Дѣла слушать и рѣшать
не скучала она ни въ какое время и дабы бѣдные люди способ-
нѣе могли о нуждахъ своихъ ей представлять, назначенъ былъ
одинъ день въ недѣлю, въ который дозволялось каждому проше-
ніе свое подавать во дворцѣ кабинетному секретарю. Она знала
цѣнить истинныя достоинства и за оказанныя заслуги награждала
богато и добродушно. Великодушіе ея и скромность произвели, что
она вовсе не была недовѣрчива, и многихъ основательныхъ тре-
бовалось доводовъ, пока она повѣритъ какому либо впрочемъ и
несомнѣнному обвиненію. Для снисканія ея благоволенія нужна
была болѣе откровенность, нежели другія совершенства. Въ за-
конѣ своемъ была она усердна, но отъ всякаго суетвѣрія изъята.
Хотя она привезена въ Россію на второмъ году возраста своего,
однако, пособіемъ окружавшихъ ее иностранцевъ, знала нѣмецкій
языкъ совершенно. По французски разумѣла она лучше, нежели
говорила. До чтенія книгъ была великая охотница; много читала
на обоихъ помянутыхъ языкахъ и отмѣнный вкусъ имѣла къ дра-
матическому стихотворенію. Она почитала много людей съ такъ
называемымъ счастливымъ лицерасположеніемъ и судила большею
частію по лицу о душевныхъ качествахъ человѣка. Къ домаш-

нимъ служителямъ своимъ была она снисходительна и благотворна. Что касается внѣшняго вида ея, то была она роста средняго, собою статна и полна, волосы имѣла темноцвѣтные, а лиценачертаніе хотя и не регулярно пригожее, однако пріятное и благородное; въ одеждѣ была она великолѣпна и съ хорошимъ вкусомъ. Въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отчего большею частью убиралась не къ лицу».

Подобно этимъ двумъ современникамъ, видимо другъ друга отрицающимъ въ отзывахъ своихъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ, такіе же другъ друга отрицающіе отзывы о ней даютъ намъ и прочіе современники этой женщины: — то она совершенство, то она ничтожество, и изъ-за этихъ отзывовъ обликъ разсматриваемой нами женщины вырисовывается какимъ-то блѣднымъ, вялымъ, безжизненнымъ.

Но личность эта получаетъ свою явственную фізіономію, когда передъ нами проходитъ вся картина ея жизни—проходятъ и эти напудренные, принаряженные, но въ душѣ грубые льстецы, копающіе одинъ другому яму, и эти биреновскіе шпіоны, слѣдящіе за каждымъ шагомъ и движеніемъ молодой дѣвушки, и эти шуты и шутихи, жадные, завистливые, злые.

Двухлѣтнимъ ребенкомъ Анна Леопольдовна привезена была въ Россію. Она была дочь царевны Екатерины Іоанновны, внучка «скорбнаго главою» царя Іоанна Алексѣевича и суровой царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой. Объ отцѣ ея, герцогѣ мекленбургъ-шверинскомъ Карлѣ-Леопольдѣ, иначе не говорили, какъ о «человѣкѣ крайне взбалмошномъ, грубомъ, сварливомъ и безпокойномъ, бывшемъ въ тягость и женѣ своей, и подданнымъ». О матери ея отзывались тоже не совсѣмъ лестно — что «въ ней очень мало скромности»; что «она ничѣмъ

не затрудняется и болтаетъ все, что ей приходитъ въ голову»; что «она чрезвычайно толста и любитъ мужчинъ» (Дюкъ-де-Лирія).

Въ такой-то средѣ должна была выростать будущая правительница Россіи.

Мать Анны Леопольдовны, не будучи въ силахъ выносить деспотизмъ и грубость мужа, оставила его, и въ 1722 году уѣхала въ Россію, домой, подъ защиту своего могущественнаго «дядюшки-батюшки» Петра Великаго, захвативъ съ собою и маленькую свою дочку, принцессу Анну.

Когда умеръ Петръ, а за нимъ скоро отошла и императрица Екатерина Алексѣевна, а потомъ и молодой императоръ Петръ II, и когда изъ Митавы явилась Анна Іоанновна, тетка маленькой принцессы, явилась какъ самодержавная императрица, маленькая принцесса была взята ею за родную дочь, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени принцесса осталась сироткою — Екатерина Іоанновна умерла.

Положеніе маленькой принцессы быстро измѣнилось: она стала на виду, и притомъ въ самомъ двусмысленномъ, тяжеломъ положеніи.

Съ одной стороны, нѣмецкая партія, съ Остерманомъ и графомъ Левенвольде во главѣ, тайно рассчитывала видѣть въ ней преемницу Анны Іоанновны или, по крайней мѣрѣ, мать преемника; въ ней хотѣли видѣть соперницу цесаревны Елизаветы Петровны, которая для нѣмецкой партіи была не мила, не подходяща, потому что имѣла слишкомъ русскій нравственный обликъ и была несомнѣнно любима русскими. Съ другой стороны — Биронъ и боялся молоденькой принцессы, потому что она могла впоследствии занять тронъ Анны Іоанновны, и мечталъ на ней построить свое безсмертіе, женивъ на ней своего сына, и приближивъ его къ императорскому трону.

Вотъ почему съ самаго дѣтства Анна Леопольдовна стала предметомъ всѣхъ придворныхъ интригъ, напештываній, подглядываній, заискиваній, наговариваній и такихъ отзывовъ, какъ отзывъ леди Рондо, и такихъ—какъ графа Миниха. Это было яблоко раздора, которое соперники хотѣли, если не отнять другъ у друга цѣликомъ, то разломить на двое, а въ крайнемъ случаѣ — совсѣмъ растоптать.

Но вотъ нѣмецкая партія беретъ верхъ — и графъ Левенвольдъ ѣдетъ за границу искать для Анны Леопольдовны жениха.

Феофанъ Прокоповичъ, этотъ ловкій типъ обмоскалившагося малоросса, беретъ молодую принцессу подъ свое нравственное руководство. Съ другой стороны, въ руководительницы ей дается г-жа Адеркасъ, о которой леди Рондо говоритъ, что гувернантка эта, вдова французскаго генерала, «очень хороша собой, хотя и не молода», что она «обогатила свой природный умъ чтеніемъ»; что «такъ какъ она долго жила при разныхъ дворахъ, то ея знакомства искали лица всевозможныхъ званій, что и развило въ ней умственные способности и сужденія»; что «разговоръ ея можетъ нравиться и принцессѣ, и женѣ торговца, и каждая изъ нихъ будетъ удовлетворена ея бесѣдою»; что «въ частномъ разговорѣ она никогда не забываетъ придворной вѣжливости, а при дворѣ—свободы частнаго разговора»; что «въ бесѣдѣ она, какъ кажется, всегда ищетъ случая научиться чему-нибудь отъ тѣхъ, съ кѣмъ разговариваетъ»; что, по ея мнѣнію, «найдется очень мало лицъ, которыя сами не научились бы отъ нея чему-либо» и т. д.,—а что говоритъ леди Рондо, то рѣдко бываетъ не пристрастно, какъ мы не разъ это и видѣли.

Ясно, что молодая принцесса, попавъ въ руки Феофана Прокоповича и г-жи Адеркасъ, этой пройдохи, которую потомъ и выслали изъ Россіи—попала въ такую школу, изъ которой юному

существо трудно выйти не изломаннымъ нравственно, особенно подъ перекрестнымъ огнемъ наблюденій со стороны Бирона, разныхъ шутовъ и шутихъ, нѣмецкой и русской партій.

Но вотъ и женихъ найденъ для принцессы:—это былъ Антонъ-Ульрихъ, принцъ брауншвейгъ-бевеpнъ-люнебургскій.

Никому онъ не понравился въ Россіи—ни невѣстѣ, ни императрицѣ.

— Принцъ нравится мнѣ такъ же мало, какъ и принцессѣ — говорила Анна Іоанновна Бирону:—но высокія особы не всегда соединяются по наклонности. Будь, что будетъ, только онъ никогда не долженъ имѣть участія въ правленіи; довольно и того, если дѣти его будутъ наслѣдниками. Впрочемъ, принцъ кажется мнѣ очень миролюбивымъ и уступчивымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, я не удалю его отъ двора, чтобъ не обидѣть австрійскаго императора.

Невѣста прямо показывала ему презрѣніе: это былъ бѣлокурый, робкій, тщедушный юноша, и притомъ заика.

Его послали съ Минихомъ въ двѣ кампаніи. Онъ оттуда воротился загорѣлымъ офицеромъ, болѣе возмужалымъ. Но и возмужалого Анна Леопольдовна не полюбила его: она любила уже красиваго саксонскаго посланника, графа Линара, и эту страсть поддерживала въ ней ея же гувернантка Адеркасъ.

— Вы, министры проклятые—говорила она однажды Волынскому—на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала; а все вы для своихъ интересовъ привели.

Волынскій оправдывался, что это не его дѣло, что все это устроилъ Остерманъ.

— Чѣмъ же вы, ваше величество, недовольны? спрашивалъ Волынскій.

— Тѣмъ—отвѣчала Анна Леопольдовна—что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ.

Ловкій придворный на это отвѣчалъ:

— Хотя въ его свѣтлости и есть какіе недостатки, то, напротивъ, въ вашемъ высочествѣ есть довольныя благодарованія, и для того можете ваше высочество тѣ недостатки снабждать или награждать своимъ благоразуміемъ.

Но это не утѣшало молодую дѣвушку. Волынский просилъ ее, по крайней мѣрѣ, не обнаруживать своего презрѣнія къ жениху при постороннихъ: «ибо въ томъ разумъ и честь вашего высочества состоятъ».

— Если же—заключилъ онъ свои утѣшенія—принцъ брауншвейгскій тихъ, то тѣмъ лучше для вашего высочества, потому что онъ будетъ вамъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, и что ежели бы вашему высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ Биронъ, это бы хуже для васъ.

Юнаго Бирона она, дѣйствительно, еще меньше могла выносить, чѣмъ тихаго Антона-Ульриха.

Какъ бы то ни было, но время свадьбы приближалось.

2-го іюля 1739 года совершенно обрученіе жениха и невѣсты.

Очевидецъ этого грустнаго торжества говоритъ, что когда всѣ присутствовавшіе при церемоніи размѣстились по своимъ мѣстамъ, «вошелъ принцъ, чтобы поблагодарить ея величество за согласіе на бракъ его съ принцессою: на женихѣ была бѣлая шелковая одежда, вышитая золотомъ; его очень длинныя бѣлокурые волосы были завиты и распущены по плечамъ; мое воображеніе представляло его очень похожимъ на жертву. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, императрица приказала ему встать около себя подъ балдахиномъ. Затѣмъ великій канцлеръ и князь Черкасскій ввели принцессу, и когда она остановилась прямо противъ императрицы, то

послѣдняя сказала ей, что изъявила согласіе на бракъ ея съ принцемъ брауншвейгскимъ. При этихъ словахъ принцесса обвила руками шею тетки и залилась слезами; ея величество сохраняла нѣсколько времени важный видъ, но наконецъ сама заплакала. Послѣ рѣчи великаго маршала къ невѣстѣ, императрица, оправившись отъ волненія, взяла кольца принца и принцессы и обмѣняла ихъ, отдавъ принцу перстень принцессы, а ей — перстень принца. Потомъ она повѣсила портретъ принца на руку принцессы, обняла ихъ обоихъ и пожелала имъ счастія. Тогда подошла принцесса Елизавета Петровна и, заливаясь слезами, обняла и поздравила обрученную; но императрица отстранила ее, и принцесса, продолжая плакать, удалилась, предоставивъ другимъ продолжать поздравленія и цѣловать руку у новообрученной. Принцъ, поддерживая невѣсту, старался утѣшать ее и представлялъ очень глупую фигуру среди всѣхъ этихъ слезъ.

Мы уже видѣли свадебные обряды древней и новой Руси: видѣли, какъ въ XIII вѣкѣ, еще до татарскаго владычества, восьмилѣтняго ребенка, княжну Верхуслану отдавали замужъ за Ростислава Рюриковича; какъ, въ началѣ XVI вѣка, Елена Глинская выходила замужъ за великаго князя Василя Іоанновича; какъ, въ XVII вѣкѣ, Марья Ильинична Милославская вѣнчалась съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ — все это была древне-русская, заветная обрядность, и съ поѣзжанами, и съ тысячекими, и съ друзьями; видѣли, какъ Петръ Великій отдавалъ княжну-кесаревну Ромодановскую замужъ за Головкина и, по старому русскому обычаю, самъ былъ дружкой и сватомъ, а по новому — уже плясали на свадьбѣ экосесы и полонезы: — тутъ старина съ новизной еще боролись.

Но вотъ передъ нами уже совершенно европейская свадьба царственныхъ особъ.

Антонъ-Ульрихъ въ церкви ожидаетъ невѣсту. А по Петербургу тянется ослѣпительно богатый кортежъ невѣсты, невеселой Анны Леопольдовны.

Прежде всего ѣдутъ кареты особъ, занимающихъ государственныя должности, и кареты высшаго дворянства. Экипажи — европейскіе, великолѣпные. Около cadaго по десяти лакеевъ, которые идутъ впереди каретъ, по два скорохода и по нѣскольку ряженныхъ челядинцевъ: тутъ есть и ряженные арапы, въ черномъ бархатномъ платьѣ, которое такъ плотно обхватываетъ тѣло, что скороходы кажутся нагими; головы ихъ украшены перьями, какъ у индейцевъ.

За этой массой каретъ и людей ѣдетъ принцъ Карлъ, младшій сынъ Бирона, въ каретѣ, предшествуемой двѣнадцатью слугами, четырьмя скороходами, двумя гайдуками и двумя дворянами, которые ѣдутъ верхомъ.

За нимъ слѣдуетъ его старшій братъ, принцъ Петръ—въ той же пышной обстановкѣ.

Затѣмъ—самъ Биронъ, въ великолѣпнѣйшей каретѣ, предшествуемой двадцатью четырьмя слугами, восемью скороходами, четырьмя гайдуками, четырьмя пажамъ, шталмейстеромъ верхомъ на конѣ, маршаломъ и двумя камергерами; около cadaго—свои ливрейные слуги.

За Бирономъ—императрица съ невѣстой. Это—цѣлый особый поѣздъ: сорокъ восемь слугъ, двѣнадцать скороходовъ, двадцать четыре пажа съ ихъ наставникомъ, на конѣ; камергеры верхами; cadaго изъ нихъ сопровождаетъ скороходъ, держащій въ поводу лошадь, и два конныхъ лакея, въ собственной ливреѣ, съ подручными лошадьми; дворяне верхами; около cadaго два скорохода, ведущіе лошадь, и почетверо ливрейныхъ слугъ съ тремя подручными лошадьми; ливреи и сбруя—все это чрезвычайно бо-

гато; оберъ-штаймейстеръ, сопровождаемый всею конюшенною прислугою, конюхами и пикерами императрицы; оберъ-егермейстеръ, сопутствуемый всею охотничьею прислугою въ особыхъ одеждахъ; унтеръ-маршалъ двора съ жезломъ; оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ—и около каждаго своя ливрейная прислуга.

А уже тутъ—раскинутая на двѣ половины карета, необыкновенно великолѣпная, запряженная восемью лошадьми. Въ каретѣ—Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна, одна противъ другой, и первая на почетномъ мѣстѣ. На невѣстѣ платье съ корсажемъ изъ серебряной ткани; корсажъ спереди весь покрытъ брильянтами; завитые волосы раздѣлены на четыре косы, перевитыя брильянтами, а на головѣ — маленькая брильянтовая корона; множество брильянтовъ блеститъ еще въ черныхъ волосахъ.

За поѣздомъ императрицы и невѣсты слѣдуетъ поѣздъ цесаревны Елизаветы Петровны: у нея — своя свита, свои семь каретъ съ придворнымъ штатомъ, расположеннымъ по чинамъ, какъ и у императрицы, съ тою только разницею, что у цесаревны штатъ менѣе штата императрицы.

За поѣздомъ Елизаветы Петровны — поѣздъ супруги Бирона и его дочери Гедвиги: и здѣсь такая же обширная свита, какъ и у цесаревны.

Кортежъ замыкается многочисленнымъ рядомъ каретъ, въ которыхъ ѣдутъ супруги сзновниковъ и высшихъ дворянъ, окруженные толпами ливрейныхъ лакеевъ, скороходовъ и араповъ. Роскошь и великолѣпіе каретъ и ливрей, по отзыву очевидца, «невыразимы».

Такъ празднуется царственная свадьба въ новой Руси. Но какъ и въ старой, въ Руси временъ Верхуславы, Сбыславы, Соломоніи Сабуровой, Ксеніи Годуновой, этимъ бле-

скомъ и этою европейскою обстановкою не покупалось еще счастье русской женщины.

Не купила себѣ счастье и Анна Леопольдовна тѣмъ, что свадьба не сыграна была съ такою поразительною пышностью.

Она, говорятъ, горько плакала, а всю первую ночь своего супружества провела въ дворцовомъ саду, одиноко бродя по аллеямъ.

Черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ этого горькаго брака у молодыхъ супруговъ родился сынъ Іоаннъ Антоновичъ, который на третьемъ мѣсяцѣ своей жизни объявленъ былъ императоромъ подъ именемъ Іоанна III, но горька была участь этого императора-младенца, родившагося отъ такого горькаго брака.

Анна Леопольдова почти не видѣла своего сына: назначивъ ему высокую долю, императрица взяла его отъ матери и помѣстила младенца около своей опочивальни.

— Я хочу исполнить все, что зависить отъ меня—говорила она Бирону:—а что будетъ потомъ, зависить уже отъ воли Божіей. Вижу сама, что оставляю этого ребенка въ самомъ жалкомъ положеніи послѣ моей смерти; но я не въ силахъ ничѣмъ помочь ему, а отецъ и мать его тоже безсильны, особенно же отецъ, которому природа отказала даже въ самомъ необходимомъ для покровительства сына. Мать довольно умна, но у нея есть отецъ, извѣстный тиранъ и деспотъ: онъ, вѣрно, не замедлитъ сюда явиться, будетъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Мекленбургѣ, вовлечетъ Россію въ бѣдственные войны и доведетъ ее до разоренія. Я боюсь, что по смерти моей будутъ поносить мою память.

Рѣшившись привести это намѣреніе въ исполненіе, императрица призываетъ къ себѣ Анну Леопольдовну, и объявляетъ ей свою волю. Говорятъ, послѣдняя была изумлена и сму-

щена этимъ извѣстіемъ, потому что все еще питада въ себѣ надежду быть императрицей; однако изъявила полную покорность.

1-го октября 1740 года Іоаннъ III былъ объявленъ императоромъ и принималъ присягу своихъ подданныхъ: — императору не было еще и двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія.

Чрезъ семнадцать дней послѣ этого скончалась и Анна Іоанновна. Умирая, она подписала манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ имперіи, потому что ее просили объ этомъ высшіе сановники государства изъ боязни герцога курляндскаго.

— Господа! вы поступили какъ римляне! сказали Биронъ членамъ верховнаго совѣта, объявляя имъ манифестъ о назначеніи его регентомъ.

Анна Леопольдовна осталась въ сторонѣ: она была только мать императора.

Мало того, въ день смерти императрицы, вмѣстѣ съ прочими царедворцами, она и мужъ ея, мать и отецъ присягали въ вѣрности своему сыну и Бирону...

Аннѣ Леопольдовнѣ, матери императора, назначили двѣсти-тысячъ рублей въ годъ на расходы и позволили жить вмѣстѣ съ императоромъ-сыномъ въ зимнемъ дворцѣ.

Началось правленіе Бирона. Это было только продолженіе того тяжелаго времени, которое уже пережила Россія за послѣдніе годы.

Переживала это время и Анна Леопольдовна.

Но жить становилось часъ отъ часу невыносимѣе. Тѣ, которыхъ Биронъ называлъ «римлянами», не видѣли въ немъ ни ума Цезаря, ни хитрости Августа; а для отрицательныхъ достоинствъ Нерона и Карабаллы онъ былъ слишкомъ ничтоженъ.

И вотъ около Анны Леопольдовны, какъ около ядра кристалла, начинается формироваться нѣчто цѣльное, отдѣльное

отъ Бирона и враждебное ему: это — Минихъ, Остерманъ, Манштейнъ, Ушаковъ и другіе.

А Биронъ, между тѣмъ, какъ конь, закусившій удила, самъ неся къ пропасти. Задумавъ женить сына на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ и самому рядомъ съ сыномъ пристѣсть на ступеньки трона, къ которому онъ теперь подходилъ только какъ регентъ императора Іоанна III, и желѣя въ душѣ сбыть этого послѣдняго, онъ выразился однажды передъ Анной Леопольдовной, въ минуту раздраженія, что можетъ ее тотчасъ же вмѣстѣ съ мужемъ отослать обратно въ Германію и что есть на свѣтѣ одинъ принцъ, въ Голштиніи, которому будетъ очень пріятно явиться въ Россію на ихъ мѣсто.

— И я это сдѣлаю — сказалъ онъ въ запальчивости — если только меня къ этому принудятъ.

Это было 7 ноября.

На другой день Миниху случилось остаться съ Анной Леопольдовной наединѣ. Молодая женщина, подъ влияніемъ сдѣланнаго ей наканунѣ оскорбленія, все рассказала Миниху, напомнила и прежнія обиды, грубыя выходки, шпіонство, дерзости со стороны временщика и все, что дѣлало ея жизнь невыносимою. Она говорила, что не можетъ долѣе оставаться въ Россіи и просила стараго фельдмаршала употребить съ своей стороны влияніе, чтобъ Биронъ позволилъ ей взять съ собою сына.

Для Миниха, тайнаго врага Бирона, этого было достаточно. Онъ старался успокоить плачущую женщину. Онъ спрашивалъ, не повѣряла ли она еще кому-нибудь своихъ огорченій, и получивъ въ отвѣтъ, что только ему одному рѣшилась она высказаться, потому что оскорбленія стали уже невыносимы, старый фельдмаршалъ прямо сказалъ ей, что если она прикажетъ — Биронъ въ эту же ночь будетъ привезенъ къ ней арестантомъ.

Анна Леопольдовна рѣшилась. Минихъ просилъ ее только не открывать этой тайны никому, даже своему мужу.

Въ эту же ночь, Минихъ, взявъ съ собой адъютанта, подполковника Манштейна, отправился съ нимъ въ зимній дворецъ. На караулъ стоялъ преображенскій полкъ, командиромъ котораго былъ Минихъ.

Пройдя задними воротами въ покои Анны Леопольдовны, Минихъ тотчасъ же приказалъ дѣвицѣ Юліанѣ Менгденъ, фавориткѣ принцессы, разбудить ее.

Въ это время проснулся Антонъ-Ульрихъ и спросилъ жену въ просонкахъ, зачѣмъ она встаетъ такъ рано. Анна Леопольдовна отвѣчала, что ей сдѣлалось дурно, и принцъ снова уснулъ.

Она вышла къ Миниху. Фельдмаршалъ просилъ ее вмѣстѣ съ нимъ отправиться арестовать регента, но когда она рѣшительно отказалась лично участвовать въ самомъ актѣ арестованія, Минихъ просилъ ее по крайней мѣрѣ призвать къ себѣ караульныхъ офицеровъ и поговорить съ ними о предстоящей имъ экспедиціи для арестованія регента.

Преображенцы были позваны. Вся трепещущая и взволнованная, Анна Леопольдовна рассказала имъ о своемъ безпомощномъ положеніи и дрожащимъ голосомъ отдала приказъ арестовать регента.

— Надѣюсь — говорила она — что вы сдѣлаете это для вашего императора и его родителей, а преданность ваша не останется безъ награды.

Преображенцы въ одинъ голосъ отвѣчали, что пойдутъ за фельдмаршаломъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Анна Леопольдовна плакала, обнимая Миниха, а офицерамъ дала поцѣловать свою руку.

Преображенцы удалились. Пройдя въ комнату, смежную съ дѣтской, гдѣ спалъ младенецъ - императоръ, Анна Леопольдовна въ безсиліи опустилась на кровать къ дежурному камергеру, сыну фельдмаршала Миниха.

Пробужденный этой неожиданностью Минихъ вскочилъ съ испугомъ, не понимая, что вокругъ него происходитъ.

— Мой любезный Минихъ—говорила принцесса:—знаешь ли, что предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента.

— Дай Богъ, чтобъ это благополучно удалось! прибавила она помолчавъ.

Затѣмъ Анна Леопольдовна, въ сопровожденіи Юліаны Менгденъ, отправилась въ дѣтскую, куда пришелъ и Антонъ-Ульрихъ.

Ребенокъ-императоръ спалъ.

Скоро явился и старикъ Минихъ съ извѣстіемъ, что Манштейнъ съ помощью двадцати преображенскихъ гренадеровъ благополучно совершилъ государственный переворотъ:—Биронъ былъ арестованъ.

Изъ дворца тотчасъ же отправлены были гонцы ко всѣмъ министрамъ и сановникамъ съ приглашеніемъ прибыть въ дворцовую церковь для принесенія присяги матери императора. Собраны были ко дворцу и всѣ находившіеся въ Петербургѣ полки.

Страшнаго Бирона не существовало. Переворотъ совершенъ былъ такъ быстро и такъ неожиданно, что никто не хотѣлъ этому вѣрить.

«А нельзя было не повѣрить — говорить одинъ изъ біографовъ Анны Леопольдовны—что насталъ-таки этотъ желанный конецъ господству Бирона. Густыя толпы народа окружали зимній дворецъ, къ которому безпрестанно подъѣзжали экапажи, высаживавшіе разряженныхъ и раззолоченныхъ господъ. На пло-

щади выстроены были гвардейскіе полки съ распущенными знаменами. Всѣ лица выражали радость и признательность; всѣ голоса звучали весело и бодро. Анна Леопольдовна провозглашена была великой княгиней всероссійской и правительницей государства на все время несовершеннолѣтія императора. Какъ двадцать два дня тому назадъ, вельможи присягали ей въ дворцовой церкви, гвардія на площади, народъ — по разнымъ церквамъ. Не было только теперь, какъ двадцать два дня тому назадъ, ни патрулей, ни пушекъ на перекресткахъ, ни мрачныхъ и унылыхъ лицъ. Послѣ присяги, императоръ показанъ былъ полкамъ въ окошко и привѣтствуемъ громкимъ «ура»! Потомъ отслужили благодарственный молебенъ и пропѣли «Тебе Бога хвалимъ». Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, народъ плясалъ на площадяхъ; незнакомые люди, встрѣчаясь на улицахъ, обнимались, какъ друзья, и плакали, какъ женщины — отъ полноты свѣтлыхъ ощущеній.

«Еще не было примѣра — писалъ въ тотъ же день французскій посланникъ въ Петербургѣ, маркизь де-ла-Шатарди, къ французскому посланнику въ Берлинѣ — чтобъ въ здѣшнемъ дворцѣ собиралось столько народа, и весь этотъ народъ обнаруживалъ такую неподдѣльную радость, какъ сегодня».

Большія награды получили тѣ, которые такъ или иначе способствовали этому перевороту.

Щедро былъ награжденъ и Минихъ, главный руководитель всего этого дѣла и исполнитель переворота; но старикъ все-таки считалъ себя обойденнымъ въ милостяхъ: старый фельдмаршалъ надѣялся получить званіе генералиссимуса; но званіемъ этимъ Анна Леопольдовна наградила своего супруга.

Старый фельдмаршалъ не могъ скрыть своего неудовольствія, а Остерманъ, завидывавшій ему, не скупился на нашептыванья

Аннѣ Леопольдовнѣ разныхъ неблагопріятныхъ для Миниха намековъ. Правительница стала его бояться.

— Фельдмаршалъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы умеръ теперь, сказала она по этому случаю.

Минихъ понялъ, что имъ не дорожатъ, и просилъ отставки. Анна Леопольдовна не удерживала его.

— Я могла воспользоваться плодами измѣны—говорила она, намекая на произведенный Минихомъ переворотъ — но не могу уважать измѣнника. Да и нельзя было выносить долѣе нестерпимаго высокомерія фельдмаршала. Онъ не обращалъ никакого вниманія на мои формальныя и неоднократныя приказанія, а мужу моему противорѣчилъ на каждомъ шагѣ. Ему никакъ нельзя довѣряться: онъ слишкомъ честолюбивъ и характера самого безпокойнаго. Всего бы лучше ему теперь отправиться на покой въ свое украинское помѣстье. Я, право, не понимаю, отчего онъ туда не уѣдетъ?

Минихъ былъ уволенъ Анною Леопольдовною 7 марта 1741 года — ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ совершеннаго имъ переворота.

Удаленіе Миниха ускорено было именно тѣмъ лицомъ, которое имъ же было погублено четыре мѣсяца назадъ — Бирономъ: этотъ страшный арестантъ говорилъ своимъ судьямъ въ шлисельбургской крѣпости, что онъ не принялъ бы регентства, если бъ его не умоляли о томъ Минихъ, хотѣвшій даже стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы Биронъ согласился.

— Я совѣтую великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ человека самого опаснаго въ цѣлой имперіи — говорилъ онъ — и помнить всегда, что если ея высочество хоть разъ откажетъ ему въ какой нибудь его просьбѣ, она уже не можетъ почитать себя безопасною на престолѣ.

Но Анна Леопольдовна не предчувствовала, что и безъ Мнѣха ей не долго оставалось сидѣть на тронѣ своего сына-малютки, для котораго тронъ Петра Великаго оказался слишкомъ высокъ...

У Петра оставалась еще дочь, о которой повидимому забыли въ моментъ переворота. Ее вспомнили послѣ—только тогда, когда она сама о себѣ напомнила.

Эта именно забывчивость, это невниманіе къ своему высокому посту и погубило Анну Леопольдовну, которую воспитаніе и привычки не научили помнить, что она—мать императора и занимаетъ его тронъ до тѣхъ поръ, пока императору ничего кромѣ колыбельки не нужно было, и что положеніе это налагаетъ на человѣка тяжелыя обязанности.

А читая отзывы о ней современниковъ, нельзя не прійти къ заключенію, что она именно это и забыла.

Хотя мы вообще недоувѣрчиво относимся къ свидѣтельствамъ современниковъ, какъ и высказали это выше, но если изъ сопоставленія этихъ отзывовъ выходитъ нѣчто цѣльное, опредѣленное, то слова современниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ и не могутъ не получать относительной степени достовѣрности.

Такъ англійскій посланникъ Финчъ рисуетъ Анну Леопольдовну слѣдующими чертами:

«Правительница, кажется, одарена умомъ, проницательностію, хорошими природными качествами и человѣколюбіемъ; но она имѣетъ скрытный характеръ и слишкомъ любитъ уединяться. Она видимо страдаетъ, являясь въ публику, и предпочитаетъ проводить время въ обществѣ своей фаворитки и ея родныхъ. Всѣ дѣла пошли бы лучше, еслибъ правительница чаще показывалась публикѣ и обладала бы той привѣтливостію, къ которой приучены здѣшніе придворные прежними государями и которая произвела бы теперь самыя лучшія послѣдствія».

Но любовь къ уединенію—это еще не такое качество, которое могло привести правленіе Анны Леопольдовны къ трагической развязкѣ; только въ соединеніи съ другими, болѣе положительными недостатками характера и невыдержанностью, качество это привело къ катастрофѣ.

Манштейнъ, напротивъ, рисуетъ черты Анны Леопольдовны болѣе яркими, но далеко не выгодными красками. Онъ говоритъ, что «принцесса была чрезвычайно капризна, вспыльчива, безпечна и нерѣшительна, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Въ продолженіе своего годичнаго регентства, она управляла кротко, любила дѣлать добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣла дѣлать его истати. Въ образѣ жизни она подчинялась совершенно своей фавориткѣ, не обращала вниманія на совѣты министровъ и людей опытныхъ и не обладала ни однимъ качествомъ, необходимымъ для правителя. Ея постоянно печальный и скучный видъ происходилъ, можетъ быть, отъ непріятностей, испытанныхъ ею отъ герцога курляндскаго, въ царствованіе императрицы Анны».

Еще менѣе привлекательныя тѣни набрасываетъ на личность Анны Іоанновны фельдмаршалъ графъ Минихъ, ея личный врагъ послѣ своего паденія.

«Она — говоритъ Минихъ — съ самаго малолѣтства имѣла дурныя привычки, и родительница ея, царица Екатерина Ивановна, мало обращала на нихъ вниманія. Опредѣленная къ ней воспитательницею госпожа Адеркасъ очень худо выполняла свои обязанности, за что и была выслана изъ Россіи съ повелѣніемъ никогда въ нее не возвращаться. Характеръ принцессы обнаруживался вполнѣ въ то время какъ она сдѣлалась правительницею. Главнымъ природнымъ ея недостаткомъ было нерадѣніе къ дѣламъ. Она никогда не показывалась въ кабинетѣ.

Не разъ, когда мнѣ случалось приходить къ ней съ отчетомъ по дѣламъ кабинета или испрашивать ея разрѣшеній, она, сознавая свою неспособность, говорила мнѣ: «Какъ бы я желала, чтобы сынъ мой выросъ поскорѣе и началъ самъ управлять дѣлами!» Она была очень невнимательна даже къ своему наряду: голову повязывала бѣлымъ платкомъ и часто въ спальномъ платьѣ ходила къ обѣднѣ, иногда оставалась даже въ такомъ костюмѣ въ обществѣ, за обѣдомъ и по вечерамъ, проводя ихъ въ карточной игрѣ съ избранными ею особами.

Въ то время когда катастрофа еще не совершилась, друзья Анны Леопольдовны предупреждали ее, что опасность не далеко, что надо принять мѣры для своего спасенія. Ей указывали на возрастающую популярность Елизаветы Петровны, на то, что преобразенцы, которые арестовали Бирона, стали теперь не ея друзьями, а друзьями именно Елизаветы Петровны—правительница ничего не хотѣла слушать.

— Ваше высочество! — говорилъ ей австрійскій посланникъ маркизъ де-Ботта — вы на краю пропасти. Ради Бога, спасите себя, спасите императора, спасите вашего супруга!

И все это было напрасно: маркиза де-Ботту приглашали играть въ карты, и все забывалось.

Антон-Ульрихъ предупредили, что Лестокъ готовить переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны, и когда онъ, сказавъ объ этомъ женѣ, присовокупилъ, что хочетъ арестовать Лестока, Анна Леопольдовна запретила ему это: она прямо сказала, что отвѣчаетъ за невинность Елизаветы Петровны.

А между тѣмъ тамъ дѣйствительно все уже было готово.

24-го ноября, ночью, Елизавета Петровна, въ сопровожденіи своихъ друзей, явилась къ гвардіи, къ тѣмъ самымъ преобразенцамъ, которые еще такъ недавно арестовали Бирона,

и объявила имъ свое намѣреніе. Преображенцы отвѣчали, что готовы перебить всѣхъ враговъ цесаревны; но это имъ было запрещено—и они повиновались.

Анна Леопольдовна въ это время спокойно спала въ своемъ дворцѣ. Спалъ и малютка-императоръ въ своей колыбели.

Съ шумомъ ввалилось тридцать преображенцевъ въ спальню правительницы. Она проснулась. Именемъ «императрицы Елизаветы» преображенцы приказали ей слѣдовать за собою.

Анна Леопольдовна просила преображенцевъ позволить ей повидаться съ новой императрицей — ей не позволили, и только торопили поскорѣе одѣваться.

Проснувшійся отъ этой суматохи Антонъ-Ульрихъ, обезумѣвъ отъ страха, неподвижно сидѣлъ на постели: второй разъ онъ не понималъ, что вокругъ него дѣлается; но тогда, въ первый разъ, онъ не понималъ, что жена его идетъ арестовать Бирона, а теперь не понималъ, что пришли арестовать его жену—правительницу.

Наконецъ и онъ понялъ въ чемъ дѣло...

Съ отчаянья онъ сталъ упрекать жену въ томъ, что, не слушая ничьихъ предостереженій, она сама приготовила себѣ гибель.

— Слава Богу еще, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, и что Елизавета достигла своей цѣли безъ кровопролитія (отвѣчала она мужу). И за эту милость надо благодарить Бога.

И въ эту минуту она оставалась вѣрна себѣ...

Антонъ-Ульрихъ, все еще сидѣвшаго на постели, солдаты завернули въ одѣяло—и вынесли на дворъ.

Тамъ ждали сани. Въ эти сани уложили царственныхъ супруговъ, закутали шубами, такъ какъ на дворѣ было холодно — и повезли въ дворецъ Елизаветы Петровны.

Изъ спальной комнаты правительницы преображенцы перешли въ дѣтскую.

Солдатамъ строго было запрещено будить младенца-императора.

«Озвучивъ вразвѣту Іоанна Антоновича, почивавшаго безмятежнымъ сномъ своего счастливаго возраста, преображенцы терпѣливо дожидались его пробужденія (такъ описываютъ арестъ императора Іоанна III). Когда же онъ проснулся, солдаты, выпуски одинъ передъ другимъ, старались завладѣть его особою. Ребенокъ кричалъ при видѣ незнакомыхъ людей съ грубыми движеніями и лицами, съ гремѣвшими ружьями, и тянулся къ своей кормилицѣ, прибѣжавшей на его крикъ изъ сосѣдней комнаты. Кормилица взяла его на руки, покачала, успокоила и, не смѣя ослушаться объявленнаго ей приказанія, передала своего питомца на руки одному изъ солдатъ. Плакавшій императоръ съ торжествомъ отнесенъ былъ въ дворцовую караульную, гдѣ дожидалась его сама цесаревна».

И вотъ начинается для Анны Леопольдовны новая жизнь—медленное приготовленіе къ преждевременной смерти.

Какъ ни безрадостна была вся первая половина жизни этой бѣдной женщины, однако вторая половина ея была уже до такой степени тяжка, что, какъ бы ни были велики передъ судомъ исторіи вины, можетъ быть невольныя, этой несчастной женщины, вины эти едва ли заслуживали такого непомѣрно тяжкаго искупленія.

Вся жизнь ея — рядъ непрерываемыхъ давленій со стороны людей и обстоятельствъ.

Дѣтскіе годы проводятся на глазахъ у отца тирана, который мучитъ мать своего ребенка, мучитъ своихъ подданныхъ.

Мать Анны Леопольдовны не выносить такой жизни и бѣжитъ съ ребенкомъ въ Россію на родину.

Ребенокъ повидимому готовится къ самой счастливой жизни: впереди у нея корона на ея собственной головѣ или на головѣ ея сына.

Но это-то самое высокое назначеніе и дѣлаетъ для молодой принцессы жизнь пыткой: за ней шпионить Биронъ, за ней шпионять всѣ придворные, каждое ея слово переносится изъ кабинета въ кабинетъ; этотъ усиленный надзоръ приучаетъ дѣвушку къ скрытности, скрытность и уединеніе дѣлають то, что люди ей становятся противны; но она остается также добра къ нимъ и мягка по природѣ.

Ее отдають насильно замужъ, когда она любитъ другого. Но она и съ этимъ мирится.

Родился у нея сынъ — сына отнимають у матери: — поневолѣ пристрастишься къ картамъ.

Она мать русскаго императора — а ей грозять, что ее выгонять изъ Россіи.

Она просить, чтобы, изгоняя ее изъ Россіи, ей по крайней мѣрѣ позволили взять съ собой сына — ее дѣлають неограниченной правительницей Россіи.

Она думаетъ хоть тутъ успокоиться, отдохнуть, избрать такой образъ жизни, какой ей нравится — ей говорятъ, что она не смѣетъ жить такъ, какъ ей нравится. Ей ставятъ въ вину то, что она позволяетъ себѣ одно развлеченіе — карты. Ей ставятъ въ вину то, что она скучна, что лицо ея не весело, что она ходитъ въ капотѣ, что она не чешется.

Но вотъ у нея и у ея сына берутъ престолъ и отдають болѣе достойной личности — она покоряется.

Для нея остается одно — уѣхать на свою родину, съ мужемъ, съ лишеннымъ короны младенцемъ-императоромъ, и доживать тамъ свой вѣкъ. Ее дѣйствительно и отправляютъ на родину;

но съ дороги возвращаютъ: ее настигаютъ въ Ригѣ и сажаютъ въ тамошнюю крѣпость.

Цѣлый годъ живетъ она съ своей семьей въ этомъ заточеніи; но это еще не все.

Черезъ годъ ее перевозятъ въ динаминдскую крѣпость, и опять держатъ годъ.

Въ крѣпости она родитъ двухъ дочерей, Екатерину и Елизавету: эти несчастныя дѣвочки появляются на свѣтъ божій прямо арестантками.

Черезъ годъ ихъ всѣхъ отвозятъ въ Раненбургъ, рязанской губерніи.

Но бывшаго малютку-императора съ матерью, отцемъ и грудными сестрами опасно оставлять и въ Раненбургѣ—и вотъ ихъ разлучаютъ: младенца-императора отвозятъ въ шлиссельбургскую крѣпость, чтобъ враги царствующей особы не сдѣлали его орудіемъ своихъ замысловъ, а мать, отца и дѣвочекъ—сестеръ везутъ въ Холмогоры, на родину Ломоносова.

Съ тѣхъ поръ мать не видѣла уже больше своего сына.

Такимъ образомъ Анна Леопольдовна, Антонъ-Ульрихъ и двѣ ихъ дочери-малютки Екатерина и Елизавета находятъ послѣдній пріютъ — на пустынномъ островкѣ Двины, вдали отъ Петербурга, вдали отъ родины, вдали даже отъ Архангельска, потому что съ двинскаго островка арестантамъ никуда не позволено отлучаться.

Какова же была эта послѣдняя жизнь Анны Леопольдовны и близкихъ ей существъ—мужа и двухъ дѣвочекъ?

Живутъ они подъ строгимъ надзоромъ. Къ нимъ приставлены особыя команды. Помѣщеніе ихъ — старый архіерейскій домъ, тотъ домъ, въ которомъ жилъ еще когда-то Афанасій, холмогорскій епископъ, присутствовавшій въ Москвѣ во время стрѣлцаго

бунта, когда, въ грановитой палатѣ, при чтеніи челобитной раскольниковъ, Никита Пустосвять, не убоившись царевны Софьи Алексѣевны, ударилъ этого самаго епископа Афанасія. Домъ этотъ стоялъ вдали отъ другихъ домовъ и огороженъ былъ высокими палисадами.

Если узникамъ и позволялось выходить изъ этого дома, то они могли прогуливаться только по заглухшему саду, примыкавшему къ дому. Иногда имъ позволялось кататься, но не далѣе двухъ-сотъ сажень отъ дома.

И во время гулянья по саду, и во время катанья по двухсот-саженной площади за ссыльными наблюдали двѣ воинскія команды.

Время шло. Въ Холмогорахъ Анна Леопольдовна еще родила сына — Петра.

А между тѣмъ впереди еще такъ много жизни—молодой женщины всего только двадцать шесть лѣтъ.

Проходитъ еще годъ. У Анны Леопольдовны уже и третій сынъ — Алексѣй. Но родовъ этого послѣдняго сына она не переноситъ.

Изъ Холмогоръ тѣло бывшей правительницы везутъ въ Петербургъ и погребаютъ въ александровской лаврѣ, а мужъ и дѣти остаются въ Холмогорахъ, старшій сынъ, бывший императоръ — въ шлиссельбургской крѣпости.

«Бывшая правительница российской имперіи — говоритъ биографъ Анны Леопольдовны — до конца жизни сохранила свой неизмѣнный скучающій и разсѣянный видъ, къ которому только въ послѣдніе годы въ Холмогорахъ присоединилось выраженіе глубокаго, тяжкаго страданія и одной неотвязчивой и скорбной думы. Это была дума матери о сынѣ — о томъ бѣдномъ ребенкѣ, который нѣкогда такъ громогласно привѣтствуемъ былъ

передъ зимнимъ дворцомъ гвардейскими полками, а теперь одиноко страдалъ и томился».

По словамъ покойнаго академика Пекарскаго, въ дворцахъ сохранилось нѣсколько оригинальныхъ портретовъ Анны Леопольдовны, особенно же замѣчательный портретъ работы Каравака. На портретѣ гатчинскаго дворца правительница изображена, по свидѣтельству того же академика, въ желтомъ капотѣ, съ подобранными подъ бѣлый платокъ, въ родѣ шапочки, непричесанными волосами. Черты лица не крупные, съ выраженіемъ апатіи.

Оба Миниха были правы, говоря — первый, что женщина эта «въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отъ чего большею частью убиралась не къ лицу», второй — что она голову повязывала бѣлымъ платкомъ и т. д.

Несчастія Анны Леопольдовны какъ бы по наслѣдству перешли ко всей ея семьѣ.

Антонъ-Ульрихъ прожилъ въ Холмогорахъ тридцать-два года: будучи привезенъ туда съ своею злополучною женою еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати-семи, двадцати-восьми, онъ дожилъ тамъ до старости, убивая безконечные дни ссылки прогулками съ дѣтьми по заброшенному и высоко огороженному архіерейскому саду и катаясь, подъ надзоромъ солдатъ, непремѣнно не далѣе двухъ-сотъ сажень отъ своего острога.

Когда на престолъ взошла императрица Екатерина II, она предлагала ему свободу — выѣхать изъ Россіи, но только безъ дѣтей: Антонъ-Ульрихъ отказался отъ такой свободы, потому что въ ссылкѣ онъ ослѣпъ, а безъ дѣтей слѣпому старику и свобода не казалась свободою.

Такъ въ Холмогорахъ онъ и умеръ, переживъ не только жену, но и своего первенца сына-императора: Іоаннъ Антоновичъ, все время остававшійся въ крѣпости, былъ убитъ во время

заговора Мировича, и только одинъ Мировичъ отдалъ царскія почести трупѣ убитаго императора, упавъ передъ нимъ на колѣни вмѣстѣ съ своею караульною командою.

Остальныя дѣти Анны Леопольдовны около сорока лѣтъ оставались въ Холмогорахъ: привезенные туда младенцами, они въ ссылкѣ выросли и возмужали, и другой жизни, кромѣ жизни арестантовъ, не понимали.

Въ 1780 году родная сестра Антона-Ульриха, вдовствовавшая королева датская Юліана-Марія исходатайствовала, наконецъ, дѣтямъ Анны Леопольдовны свободу, которая была для нихъ и страшна и уже несвоевременна. Эти совершенно невинные узники, говорятъ, такъ привыкли къ мѣсту своего заточенія, въ которомъ выросли и возмужали, что сначала извѣстіе о свободѣ просто испугало ихъ, и они хотѣли лучше остаться въ Холмогорахъ, лишь бы только имъ позволили отъѣзжать далѣе двухъ-сотъ сажень отъ тюрьмы.

Послѣ Холмогоръ ихъ поселили въ Ютландіи, въ городѣ Горзенѣ: безъ сомнѣнія, они тамъ уже скучали о Холмогорахъ, гдѣ прожили около сорока лѣтъ и гдѣ протекло ихъ — все же какъ бы оно ни было тяжело — золотое дѣтство.

Такимъ образомъ, права была Анна Леопольдовна, когда еще молоденькой дѣвушкой говорила Волынскому о своемъ нежеланіи выходить замужъ:

— Вы, министры проклятые, на это привели... а все вы это для своихъ интересовъ привели...

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

НОВАГО ВРЕМЕНИ

БЮГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОСТАВИЛЪ

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVІІІ ВѢКА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ А. ЧЕРКЕСОВА И К-^о.
1874.

*Анна Никаноровна Мордовцевой,
Вера Даниловна Мордовцевой,
Наталья Иосифовна Первольфъ,*

*съ любовью посвящаетъ
мужу, отцу и дядюшка—автору.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР
Предисловіе	IX—XV
I. Анна Монсъ.	1
II. Гетманша Скоропадская	26
III. Матрена Балкъ.	39
IV. Фрейлина Гамильтонъ	58
V. Бронъ-принцесса Шарлотта.	69
VI. Дѣвка Афросинья	99
VII. Александра Салтыкова	118
VIII. Екатерина I.	134
IX. Дарья Колтовская.	159
X. Анна Петровна	168
XI. Графиня Головкина	190
XII. Княжна Меншикова (невѣста Петра II).	208
XIII. Графиня Брюсъ (невѣста Петра II)	228
XIV. Наталья Долгорукова.	244
XV. Анна Іоанновна.	264
XVI. Бняжна Юсупова	299
XVII. Дочь Бирона	319
XVIII. Графиня Мавра Шувалова	329
XIX. Анна Леопольдовна	340

Издавая въ свѣтъ біографическіе очерки подъ заглавіемъ «Русскія историческія женщины», мы считали свой трудъ не-конченнымъ, потому что остановились на рубежѣ, отдѣляющемъ старую до-петровскую Русь отъ новой.

Въ томъ трудѣ, насколько это было возможно и насколько представлялось это требовательнымъ, мы, собравъ воедино отдѣльныя черты русской исторической женщины и цѣльныя историческія женскія личности, изобразили ихъ въ той полнотѣ и опредѣленности, въ какой древняя русская женщина была видима лѣтописцу и историку изъ-за стѣнъ высокаго терема и изъ-за монастырской ограды: не наша вина, если мало была видима древняя русская женщина благочестивому лѣтописцу въ его рабочей кельѣ, и оттого съ такимъ блѣднымъ и неясно очерченнымъ обликомъ попала она на столбцы монастырскихъ хронографовъ и свитковъ. Блѣдною отразилась она на древнихъ свиткахъ и на столбцахъ лѣтописца—блѣдною вышла и въ нашихъ очеркахъ.

Но передъ нами лежатъ еще полтора столѣтія нашей исторической жизни, когда женщина, въ силу того, что сильная рука Петра-преобразователя и не менѣе сильная рука времени, сорвавъ съ женщины покрывавшую ее древле-отеческую фату и распахнувъ двери терема, растворивъ монастырскія ворота, вы-

вели ее на свѣтъ божій, показали ей, кромѣ семейныхъ, и общественныя горя и радости, открыли передъ ней и Европу, съ добромъ и зломъ ея цивилизаціи, и не тронутое еще поле женской общественной дѣятельности,—когда, въ силу всего этого, женщина является и на престолѣ, какъ законодатель, и въ обществѣ, какъ членъ его и подѣ-часъ руководитель, и въ литературѣ, какъ сотрудникъ мужчины и самостоятельный дѣятель слова:—эта женщина, для которой жизненная программа «Домостроя» стала историческимъ преданіемъ, должна была оставить на страницахъ исторіи болѣе замѣтный слѣдъ и болѣе явственную черту своего существованія чѣмъ ея далекая историческая родственница, женщина древней Руси, начиная отъ княгини Ольги, Рогнеды, Мальфреды-чехини, Верхуславы, и кончая Еленою Глинскою, Ксеніею Годуновою и царевною Софьею.

Предлагаемые нынѣ очерки, какъ и изданные уже нами, имѣютъ цѣлью собрать воедино разбѣянныхъ на пространства ста пятидесяти лѣтъ нашей исторической жизни женщинъ, чѣмъ-либо оставившихъ по себѣ слѣдъ на страницахъ исторіи, женщинъ, прямо или косвенно, могущественно и лично или только относительно и рефлексивно, благотѣльно или, къ сожалѣнію, обратнo этому вліявшихъ на ходъ и направленіе нашей исторической жизни, въ массѣ, въ цѣломъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліявшихъ своимъ ли умомъ и дѣятельностью, своимъ ли личнымъ добромъ и доброю волею, своею ли красотою, или, наконецъ, своими несчастіями, своими ошибками, своею зло-направленною волею и т. д.

Едва ли слѣдуетъ пояснять при этомъ, что исполненіе послѣдняго нашего труда должно было потребовать отъ насъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ выполненіе труда уже исполненнаго нами по отношенію къ женщинамъ древней Руси; но, при

тяжелой подѣ-часъ работѣ своей, мы находили для себя нравственную поддержку въ той мысли, что, безъ самостоятельной и по возможности обстоятельной обработки собственно исторіи русской женщины, никогда не будетъ полна и достаточно понятна вся русская исторія, потому что какъ и въ древней Руси женщина изъ терема и дѣтской, такъ или иначе, но въ болѣе или менѣе значительной степени руководила судьбами Россіи, давая первоначальное нравственное воспитаніе древне-русскому дѣятелю, князю, боярину, посадскому и житеюму люду, а потомъ, невидимо для посторонняго глаза, направляла волю мужьевъ, братьевъ, дѣтей по доброму или злему пути, такъ и въ новой Россіи женщина въ такой же, если не въ болѣе значительной степени даетъ извѣстный ходъ и тонъ нашей исторической жизни, начиная съ дѣтской и кончая гостиной, школой, кабинетомъ мужа, брата и сына, направляетъ и мужа и брата и сына то добрымъ совѣтомъ, то любовью, то лаской, то слезами по тому направленію, которое женщина скорѣе чѣмъ мужчина избираетъ въ силу чуткости своего сердца и своей впечатлительности и руководить мужчиной въ добромъ или обратномъ этому направленіи.

Женщина—какою она проявляется и въ исторіи—это такой чувствительный барометръ, который прежде всего отражаетъ въ себѣ состояніе, если позволено будетъ такъ выразиться, общественной атмосферы, и каковъ характеръ и направленіе исторической эпохи, такою является и женщина едва ли не исключительнѣе чѣмъ мужчина. Вотъ почему исторія русской женщины не только пополняетъ собою русскую исторію вообще, но и уясняетъ ее болѣе чѣмъ вся сумма прочихъ историческихъ матеріаловъ.

Настоящій трудъ нашъ разбивается на три части, сообразно тремъ, довольно замѣтно одна отъ другой отличающимся по

своему внутреннему содержанію, историческимъ эпохамъ, пережитымъ Россіею въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій: это—первыя пятьдесятъ лѣтъ отъ начала петровскихъ реформъ и окончательнаго введенія Россіи въ общій строй европейскихъ державъ до возрожденія началъ сознанія русскаго національнаго чувства; потомъ—вторыя пятьдесятъ лѣтъ, эпоха развитія этого чувства, до конца восемнадцатаго столѣтія; и, наконецъ, настоящее столѣтіе. Всѣ существенныя отличія каждой изъ этихъ эпохъ преимущественно выражаетъ собою живая и подвижная фizioномія русской женщины, ея стремленія, ея дѣятельность, ея добрыя и фальшивыя увлеченія и весь ея нравственный и общественный обликъ.

Въ первую изъ этихъ эпохъ мы увидимъ, какъ русская женщина, рванувшись изъ терема въ широко раскрытую Петромъ дверь и надѣвъ нѣмецкое платье вмѣсто сарафана и тѣлогрѣи, чтобы блистать въ ассамблеѣ и при дворѣ, надѣлала не мало ошибокъ и сама не мало пострадала, пока не поняла нѣсколько отчетливѣе своего женскаго призванія. Во вторую эпоху—русская женщина высоко поднимаетъ и въ глазахъ Россіи и въ глазахъ Европы имя той самой русской женщины, которая когда-то сидѣла въ терему и золотомъ вышивала да подблюдныя пѣсни со славленьемъ русскаго князя пѣла: русская женщина второй половины восемнадцатаго вѣка является не только помощникомъ и другомъ мужчины, но и полезнымъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелемъ—это ученица и другъ Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Новикова, Вольтера, Руссо, Даламбера, Дидро. Въ послѣднюю эпоху, въ настоящее столѣтіе—сначала русская женщина отражаетъ въ себѣ какое-то нравственное колебаніе и безплодное броженіе мысли, уходитъ въ католичество, поводитъ родину, отдается мистицизму, служитъ напѣ, а потомъ, когда это броженіе кончилось, изъ нея какъ изъ личинки выходитъ та симпатичная русская женщина, кото-

рую мы уже можемъ назвать матерью современнаго женскаго молодого поколѣнія: эта женщина—другъ Сперанскаго, Пушкина, Языкова, Гоголя, Лермонтова, Веневитинова, Грановскаго, или же прототипъ женщины такъ-называемаго русскаго, западнаго на-
правления.

Недостатки и неполноту нашей работы мы сами сознаемъ болѣе, чѣмъ, быть можетъ, найдетъ ихъ критика и читатель; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что и первая и послѣдній будутъ къ намъ снисходительны во уваженіе къ тому, что трудъ нашъ представляетъ первый опытъ подобнаго рода въ русской литературѣ, а обширность избраннаго нами предмета, съ одной стороны, не позволяла намъ дать нашему труду желательной полноты, такъ какъ масса разбѣянныхъ въ повременныхъ и спеціальныхъ изданіяхъ матеріаловъ, прямо или только косвенно относящихся къ данному предмету, не позволяла намъ вносить въ нашъ трудъ всего, что—казалось-бы для другого—стоить этого внесенія, просто изъ боязни превратить наши очерки въ многотомное и не всѣмъ доступное изданіе; съ другой—она же останавливала насъ отъ внесенія въ свой трудъ не только литературы самого предмета съ указаніемъ на источники, но и многихъ женскихъ личностей, особенно настоящаго столѣтія, о которыхъ хотя и можно было бы сказать не мало, но едва ли это было бы и удобно и своевременно.

Въ выборѣ женскихъ личностей для нашего труда мы руководствовались однимъ исключительно правиломъ: если женщина служила такъ или иначе выраженіемъ своего времени, дополняла собой характеристическія подробности и черты своей эпохи и своего общества, сама вносила что-либо въ жизнь и исторію, или какимъ-либо фактомъ и событіемъ въ своей жизни оставляла болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи, или, наконецъ, на ней отражался только лучъ безсмертія другого лица, которому

она была близка, подобно тому какъ лучъ безсмертія освѣщаетъ образы Стеллы и Ванессы потому только, что эти женщины любили безсмертнаго Свифта,—мы по возможности не обходили такую женщину.

Вообще мы сказали о новой русской женщинѣ, кажется, все, что можно было и стоило о ней сказать; то же, что обойдено нами—обойдено потому, что или не стоило или не могло быть упомянутымъ.

За нашимъ трудомъ, мы увѣрены, останется по крайней мѣрѣ та заслуга, что такъ какъ всѣ разбѣянные въ массѣ книгъ свѣдѣнія о русской женщинѣ по возможности сведены нынѣ нами въ общій сводъ и уцѣлѣвшіе отъ историческаго забвенія останки русской женщины бережно снесены нами такъ-сказать въ общую историческую усыпальницу, то уже каждой изъ этихъ женщинъ легко можетъ быть отведено подобающее ей на великомъ историческомъ владбищѣ мѣсто: —уразумѣніе относительнаго значенія каждой женщины, какъ продукта своего времени, его выразителя и дѣятеля, возможно только тогда, когда всѣ они проходятъ передъ нами одна за другою въ томъ видѣ, въ какомъ они когда-то жили и дѣйствовали, и въ той обстановкѣ, которая создавала ихъ нравственный образъ.

Не задаваясь задачей ученаго изслѣдованія, мы предназначаемъ свой трудъ для чтенія образованной русской женщины всѣхъ возрастовъ, сообразно историческимъ возрастамъ описываемыхъ нами русскихъ женщинъ. Оттого и посвящаемъ этотъ трудъ женѣ, дочери и внучкѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не отнестись съ признательностью къ именамъ тѣхъ изъ нашихъ писателей, которыхъ трудами и матеріалами мы пользовались при составленіи настоящихъ нашихъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи значительнымъ облегченіемъ нашей работѣ служили отдѣльные труды, бібліографическія указанія и изданія: П. И. Бартенева. К. Н. Басту-

жева-Рюмина, О. М. Бодянского, кн. Г. Н. Голицына, Г. В. Есипова, Д. И. Иловайского, М. Н. Лонгинова, А. Я. Марковича, П. И. Мельникова, А. В. Никитенко, П. П. Пекарского, М. И. Семевского, С. М. Соловьева, Ев. Туръ, Н. Г. Устрялова, Н. И. Фирсова, М. Д. Хмырова, С. Н. Шубинского и другихъ.

I.

Анна Монсъ.

(Баронесса Анна Ивановна фонъ Кейзерлингъ, урожденная Монсъ).

Мы видѣли уже русскихъ историческихъ женщинъ до-петровской Руси.

Число ихъ было такъ невелико, что втеченіе долгихъ восьми столѣтій, отъ Рюрика и до Петра, русская земля выставила на страницы исторіи только нѣсколько именъ женщинъ, блѣдныя и неясныя облики которыхъ или освѣщались чужимъ, заимствованнымъ отъ другихъ историческихъ лицъ свѣтомъ, или же проходили передъ нами какъ историческія тѣни, безлично, почти безобразно, безъ ясныхъ очертаній.

Последнія изъ нихъ, какъ царевна Софья Алексѣевна или Матрена Кочубей, сошли въ могилу съ тяжелымъ сознаніемъ, что время ихъ отошло: одна жаловалась, что горько теперь имъ стало жить, когда волна новой жизни нахлынула на нихъ и захлестнула ихъ, еще полныхъ энергіи, но боровшихся противъ девятаго вала эпохи, говоря образнымъ языкомъ народа; другая не могла не тосковать, видя гибель всего, что она любила, и замѣну иными порядками тѣхъ, къ которымъ она привыкла въ своей поэтической Украинѣ.

Отходящихъ женщинъ вытѣсняли собою другія, болѣе современныя, болѣе молодыя, и, занявъ ихъ мѣста, затирали даже слѣдъ своихъ предшественницъ въ памяти людей, не имѣя только силы окончательно затереть слѣдъ ихъ въ исторіи.

Такия личности какъ царевна Софья Алексѣевна или царица Авдотья Федоровна Лопухина, съ одной стороны, въ Великой Россіи, вытѣсняются болѣе молодыми женскими силами, какъ «вывезенная изъ нѣмцевъ Анна Монсова», Матрена Балкша, Марта Скавронская и цѣлая фаланга женщинъ русскихъ и обрусѣвшихъ, съ другой—въ Малой Россіи—у гетманской булавы, вмѣсто несчастной и поэтической украинки Матрены, возлюбленной Мазепы, становятся другія, болѣе современные, хотя менѣе поэтическія украинки, какъ гетманша Настасья Марковна Скоропадская, просящая у русской царицы для себя маетностей—«нѣсколько изобильныхъ деревень и угодій», или «дочка» этой гетманши, нѣжинская полковница Толстая, вышедшая замужъ за великорусскаго вельможу и свою украинскую фамилію промѣнявшая на московскую.

Съ начала XVIII вѣка петровскіе порядки и петровскія женщины вступаютъ въ свои права и всецѣло оттѣсняють собою и отжившіе свой вѣкъ до-петровскіе порядки и отжившихъ свою скромную долю до-петровскихъ женщинъ.

Вмѣсто княгинь, княженъ, боярынь, боярышень, царицъ, царевенъ, великихъ княгинь, а чаще инокинь и старицъ, являются баронессы, графини, генеральши, генеральскія дочери, фрейлины и т. д.

Одною изъ первыхъ между этими новыми русскими женщинами, такъ-сказать заметавшими собою слѣдъ до-петровской русской женщины, является—по времени—баронесса Анна Ивановна фонъ Кейзерлингъ, русская нѣмка изъ московской нѣмецкой слободы, урожденная дѣвица Монсъ.

Сама по себѣ—это была личность далеко не крупная и даже далеко не симпатичная, такъ что не ея именемъ желательно было бы украсить первую страницу исторіи русскихъ женщинъ или списокъ историческихъ женщинъ въ Россіи, а именемъ болѣе симпатичнымъ и болѣе высокимъ, которая могла бы выставить русская земля за послѣднія полтора столѣтія и съ которыми мы встрѣтимся далѣе въ нашихъ очеркахъ; но мы не имѣемъ права обходить ни одного имени, болѣе или менѣе повліявшаго, хотя бы даже отрицательно, на ходъ нашихъ историческихъ судебъ, если бы даже, притомъ, вліяніе это было и не личное, не непосредственное, а рефлексивное, черезъ другія историческія личности, какъ именно и выразилось, рефлексивно, отрицательное вліяніе на поступательный ходъ русской общественной жизни баронессы фонъ Кейзерлингъ: хронологически, она первая наступаетъ своею ногою на стирающійся уже слѣдъ русской женщины отживавшаго стараго цикла—она же, по праву, должна первою явиться и въ собраніи русскихъ женщинъ новаго историческаго цикла.

Баронесса фонъ Кейзерлингъ, болѣе извѣстная по своему дѣвическому имени какъ Анна Монсъ, была дочь Іоанна Монса, уроженца города Миндена, что на Везерѣ, по свидѣтельству однихъ писателей—виноторговца и бочарныхъ дѣлъ мастера, по другимъ—мастера золотыхъ дѣлъ. Монсъ съ женою Модестою выѣхалъ въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія и поселился въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, извѣстной тогда подъ именемъ «Кукуй-городка». Монсы имѣли трехъ сыновей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ своею судьбою и трагическою смертію младшій Виллиамъ, и двухъ дочерей—Модесту или Матрену, какъ ее называли русскіе, и Анну.

Обѣ дочери, какъ и все семейство Монсовъ, отличались замѣчательною красотою.

Лефортъ, будущій сподвижникъ царя-преобразователя, былъ близко знакомъ съ семействомъ Монсовъ, а съ Анной, по свидѣтельству тогдашняго австрійскаго посла Гваріента, этотъ умный женевецъ находился въ самой интимной дружбѣ, какая только возможна между мужчиною и женщиною.

«Впослѣдствіи—говорить другой современный писатель и воспитатель царевича Алексѣя Петровича, Гюйссенъ—когда при стрѣльцкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвальнаго великодушія остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья».

Лефортъ, всегда умѣвший, среди серьезныхъ занятій, доставить молодому царю и соотвѣтственныя развлеченія, свелъ своего впечатлительнаго питомца съ московскими нѣмцами и въ особенности съ красивою семьею Монсовъ.

Петру понравились обѣ дѣвушки-нѣмочки, но красавица Анна произвела на него болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ старшая сестра—и впечатлѣніе это было едва ли не роковой минутой для всей послѣдующей жизни царя-преобразователя.

Знакомство его съ Анною Монсъ относятъ къ 1692 году. Одновременно съ этимъ замѣчаютъ уже и охлажденіе царя къ его первой супругѣ, Авдотѣ Федоровнѣ Лопухиной, которая во время его безпрестанныхъ мыканій изъ конца въ конецъ русской земли и во время «потѣшныхъ» экспедицій по Бѣлому морю, тоскуетъ о своемъ «лапушкѣ свѣтъ-Петрушенькѣ» и шлетъ ему исполненные глубокой скорби письма.

«Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія».

Но Петра больше тянетъ уже въ нѣмецкую слободу, въ скромный домикъ Монсовъ, а не во дворецъ, гдѣ его ждетъ плачущая царица.

Слѣдуютъ потомъ походы Петра подъ Азовъ; но и въ разлукѣ онъ не забываетъ красавицу нѣмецкой слободы. Петръ уѣзжаетъ путешествовать по Европѣ и учиться западной цивилизаціи съ топоромъ и пилой въ рукѣ. И тамъ, среди чудесъ Европы, онъ не забываетъ свою «Аннушку».

Между тѣмъ въ Россіи, въ отсутствіе царя, вспыхиваетъ стрѣльцкій бунтъ.

Царь быстро возвращается домой, везя съ собой страшную грозу и неслыханную кару для измѣнниковъ. 25-го августа 1698 года онъ является въ Москву; но даже и не заѣхалъ въ тотъ день во дворецъ, а посѣтилъ только Анну Монсѣ.

«Крайне удивительно—писалъ австрійскій посолъ Гваріентъ— что царь, противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія, еще одержимъ прежнею страстью: онъ тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монсѣ».

Напротивъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: «великій работникъ» русской земли умѣлъ глубоко любить, такъ глубоко, какъ глубоко любилъ онъ все, что охватывало его страстную природу; полюбивъ разъ, онъ уже не умѣлъ разлюбить подобно натурамъ мелкимъ, непостояннымъ; Петръ глубоко любилъ только двухъ женщинъ, Анну Монсѣ, а потомъ Марту Скавронскую—императрицу Екатерину Алексѣевну—и любилъ ихъ до могилы. Не правы тѣ историки, которые приписываютъ «царю-работнику» какую-то недостойную его вѣтренность.

Намъ извѣстно, что потомъ было, когда царь изслѣдовалъ стрѣльцкую измѣну: представителей стараго русскаго ратнаго дѣла, стрѣльцовъ, постигли ужасныя казни; царица Евдокія заточена

въ монастырь; царевна Софья, одна изъ наиболѣе цѣльныхъ и неподатливыхъ женскихъ личностей до-петровскаго цикла, тоже исчезла въ монастырь подъ рясою монахини и подъ скромнымъ именемъ сестры Сусанны.

Съ той поры Петръ весь отдается своей привязанности къ молодой представительницѣ новаго типа русской женщины, къ Аннушкѣ Монцовой, и, по свидѣтельству современниковъ, преимущественно иностранцевъ, дѣвушка стояла этой нѣжной привязанности великаго человѣка. Всѣ иностранцы отзываются о ней съ большими похвалами, и безъ сомнѣнія въ ней было что-либо достойное любви такого человѣка-великана, каковъ былъ Петръ.

«Особа эта—говорить одинъ изъ современниковъ—служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, но не прикидывалась страдальцей; имѣла самый обворожительный нравъ, не возмущаемый капризами; не знала кокетства; плѣняла мужчинъ, сама того не желая; была умна и въ высшей степени добросердечна».

Они же увѣряютъ, что дѣвица Монсѣ была такъ безупречна въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Петру и такъ цѣломудренно-сдержанна, что вслѣдствіе этой холодности сама лишила себя трона, который она безъ сомнѣнія раздѣлила-бы съ царемъ-преобразователемъ, если бы не оттолкнула его отъ себя предпочтеніемъ ему другой личности, которую она дѣйствительно полюбила: царя же, говорятъ, она не любила, а только умѣла цѣнить его любовь къ ней, отвѣчала ему теплой дружбой и умѣла пользоваться добрымъ чувствомъ всемогущаго властелина русской земли.

Между тѣмъ русская земля, въ особенности же Москва, косо смотрѣвшая на преобразованія царя, на нѣмецкій покррой платья и на вниманіе, оказываемое имъ, въ лицѣ нѣмцевъ, всей цивили-

зованной Европѣ, совершенно иначе смотрѣла на эти отношенія царя къ молодой кукуйской красавицѣ.

— Видишь—говорилъ одинъ москвичъ другому—какое бусурманское житье въ Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ нѣмецкой земли нѣмку Монсову, и живетъ она въ лефортовыхъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той же нѣмки.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой—говорилъ нѣмецъ, портной Фланкъ, аптекаршѣ Якимовой—и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотыя.

— Это не ту кровать ты видѣлъ—замѣчала аптекарша:—а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь: здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Тутъ Якимова, какъ значитъ въ современномъ слѣдственномъ дѣлѣ, начала говорить «неудобъ сказываемыя» слова.

— Какой онъ государь—говорилъ также о Петрѣ колодникъ Ванька Борлютъ—какой онъ государь! Бусурманъ! въ среду и пятницу ѣсть мясо и лягушки. Царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анною Монсовою.

Весной 1699 года Петръ вновь отправился въ походъ подъ Азовъ, и не смотря на свои ратные и государственные труды и заботы, онъ успѣвалъ переписываться съ своей любимицей, которая также отвѣчала ему охотно своими скромными, почтительными и видимо сдержанными посланіями, въ коихъ большею частью говорится то о присылкѣ «милостивому государю» апельсиновъ и «цитроновъ», чтобъ онъ ихъ «кушалъ на здравіе», то о высылкѣ «цедреоли»; но тутъ же дѣвушка заговариваетъ и объ государственныхъ дѣлахъ—она уже является ходатаицею за другихъ особъ, за лицъ изъ высшаго государственнаго круга.

Въ высокой степени любопытны эти письма, характеризующія и время, и женщинъ того времени, а въ особенности женщину, которая могла бы, если бы пожелала, раздѣлять тронъ царя-преобразователя.

«Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливаго пребыванія.

«Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовать и дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтнемъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа Бога вседневно о здравіи твоёмъ и продолженіи вѣку твоего государева, и дай Богъ чтобы намъ вскорѣ видать милостивое пришествіе твое, а что изволишь писать объ цедреоли, и я ожидаю въ скоромъ часѣ, и какъ скоро привезутъ, то не замѣшкавъ пошлю, и если бы у меня убогой крылья были, и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла.

«Прошу у тебя милостиваго государя объ вдовѣ Петра Салтыкова, что дѣло у нихъ съ Лобановымъ, естли угодно и воля твоя пожаловать меня убогую чтобы дѣло то перенести изъ семеновскаго въ другой приказъ, а буде тебѣ государю не нравно, и милости прошу чтобы до твоего государскаго пришествія людей той вдовы Салтыковой не трогать и на правожѣ не бить. Мнѣ государь отъ ней упокою нѣтъ. Непрестанно присылаетъ съ великими слезами. Пожалуй государь не прогнѣвайся, что объ дѣлахъ докучаю милости твоей.

«Засимъ здравствуй милостивой государь на множество лѣтъ.

«Sein getreue dinnerin bet in mein dot.

«den 28 may.

А. М. М.»

На адресѣ этого письма написано: «An myn Heer grot commandeur Peter Alexewitz asoff».

Въ другомъ письмѣ, посылая царю «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобъ государь «кушалъ на здоровье», дѣвушка проситъ, чтобъ онъ не забывалъ о ней.

«Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливое пришествіе.

«Прошу у тебя государя, дай милостиво вѣдать о своемъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной о такомъ великомъ здравіи всемъ сердцемъ обрадоваться.

«Посылаю я къ тебѣ милостивому государю четыре цитрона и четыре апельсина, подай Господь бы тебѣ милостивому государю кушать на здоровье.

«А о цедреоли не прогнѣвайся государь, что не присылаю, во истину по сю пору не бывала, и вельми объ этомъ печалюся, что по сю пору не бывало.

«Засимъ остаюсь раба твоя bed in mein dot.

«Анно 1699 dem 8 iuni.

А. М. М.»

Посылаетъ она, наконецъ, ящикъ давно ожидаемой «цедреоли», и вновь пишетъ:

«Милостивѣйшій государь.

«Подай Господь Богъ тебѣ, милостивому государю, многолѣтняго и благополучнаго здравствования.

«Послала я къ тебѣ милостивѣйшему государю ящикъ съ цедреоли двѣнадцатъ скляницъ. Дай Боже тебѣ милостивому государю на здравіе кушать, рада бы больше прислала, да не могла достать.

«Ver bleib sein getreuste dinnerin bet in mein dot. А. М.»

Петръ отвѣчаетъ своей любимицѣ на ея письма, и дѣвушка

вновь шлетъ ему посланіе, все такое же сдержанное, полуоффиціальное:

«Милостивѣйшему государю.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтнее здравіе и счастливое пребываніе.

«Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтномъ здравіи чрезъ милостивое свое письмо, о которомъ всемъ сердцемъ обрадовалась, и молю Богу вседневно о продолженіи вѣку твоего государева. Прошу у тебя милостиваго государя, пожалуй прости винѣ моей, меня убогую рабу свою, что въ милости твоей писала о дѣлѣ Салтыковой вдовы, я о томъ опасна чтобъ впредь какова гнѣву не было отъ тебя милостиваго государя чтобъ такъ дерзновенно зела.

«Sein getreue dinnerin bis in mein dot.

«Dem 25 iuly.

А. М. М.»

Наконецъ, дѣвушка рѣшается заговорить съ своимъ повелителемъ и возлюбленнымъ о дѣлахъ болѣе серьезныхъ: она напоминаетъ ему объ обѣщаніи сдѣлать ее помѣщицей—записать за ней изъ дворцовыхъ селъ волость.

«Благочестивый великій государь царь Петръ Алексѣевичъ милостивно здравствуй, о чемъ государь и милости у тебя государя просила, и ты государь поволитъ приказалъ Ѳеодору Алексѣвичу выписать изъ дворцовыхъ селъ волость и Ѳеодоръ Алексѣевичъ по твоему государству указу выписавъ послалъ къ тебѣ государю чрезъ почту, и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умиловився государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и для многолѣтняго здравія царевица Алексѣя Петровича свой государевъ милостивый указъ учини.

Ich ver suche mein gnadigste herr und vater seyt mein gnadige bitt nit af um Gottes willen posalu mene sein undergnadigste dienerrin bet in mein dot.

«Dem 11 september.

A. M. M.»

Кромѣ государевыхъ волостей дѣвушка получала отъ своего высокаго друга и другія доказательства его любви къ ней: такъ Петръ пожаловалъ ей съ матерью ежегодный пенсіонъ въ 708 рублей, что, при бережливости, даже скупости царя-преобразователя и при постоянной нуждѣ его въ деньгахъ, которыхъ такъ много требовалось на постройку кораблей, на прорытіе каналовъ, на возведеніе крѣпостей, на посылку молодыхъ вельможъ за границу и нескончаемыя войны со шведами—представляло тогда солидную субсидію. Мало того, государь построилъ своей любимицѣ огромный каменный палаццо, въ самой нѣмецкой слободѣ, недалеко отъ нѣмецкой кирки, чтобъ его возлюбленной ближе было ходить въ церковь. Наконецъ, государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный брильянтами, цѣнностью въ тысячу рублей—и это было тогда, когда молодой супругъ царевича Алексѣя Петровича буквально было нечѣмъ кормиться, какъ мы и увидимъ ниже.

Осыпанное милостями царя, семейство Монсовъ скоро стало злоупотреблять своимъ вліяніемъ, въ чемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, наиболѣе виновата была мать дѣвушки, повидимому очень корыстолюбивая старуха. Корыстолюбіе, впрочемъ, замѣчается и въ характерѣ самой дѣвушки.

Монсы начали вмѣшиваться въ государственныя дѣла, ходатайствовали по присутственнымъ мѣстамъ за себя и за другихъ,—и въ виду дружбы къ нимъ государя, всѣ государственные люди спѣшили сдѣлать имъ все угодное. По свидѣтельству Гюйсена, воспитателя царевича Алексѣя, въ присутственныхъ мѣстахъ даже

принято было за правило, что если *madame* или *mademoiselle Montzen* имѣли какое-либо дѣло или тяжбу, будь это ихъ собственное дѣло или ихъ друзей, то объ этомъ дѣлались особенныя *reflexions salva justitia*, и Монсы такъ широко воспользовались этимъ снисхожденіемъ царя, что стали мѣшаться въ дѣла нашей внѣшней торговли, ходатайствовать за иноземныхъ купцовъ, набирать себѣ черезъ это большія деньги, и ставили себя въ совершенно исключительное положеніе.

Трудно винить въ этомъ случаѣ дѣвушку: она, надо полагать, пользовалась своимъ влияніемъ въ подобныхъ нечистыхъ дѣлахъ совершенно невинно, руководимая своею корыстною матерью.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ влиянія дѣвушки на царя.

Въ Москвѣ состоялъ на службѣ артиллерійскій полковникъ, иноземецъ Краге. Однажды, пьяный гайдукъ Краге въ присутствіи господина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдуга за это наказали кнутомъ, но Серьеръ не удовольствовался этимъ наказаніемъ и, по выздоровленіи отъ увѣчья, подалъ счетъ на Краге—во что ему обошлось леченіе. Серьеръ въ ходатайствѣ своемъ прибѣгнулъ къ помощи *fräulein Monsin* и ея дочери; но австрійскій посолъ Гваріентъ два раза успѣлъ защитить Краге, и Серьеру отказано въ его претензіи. Тогда Серьеръ, воспользовавшись случайной ссорой Краге съ дѣвицей Монсъ, вызвался быть ходатаемъ по дѣламъ семейства Монсовъ и завѣдывать ихъ хозяйствомъ. За это дѣвушка настойчиво ходатайствовала за него у царя, и Петръ, «вопреки двукратному отказу въ претензіи минеру, приговорилъ Краге къ штрафу въ 560 рублей» —огромный по тому времени штрафъ!

Но дѣвушка все-таки не искренно любила царя: она дѣйствительно была только его «вѣрная» и «убогая раба», его

«getreuste dinnerin» — служительница; но дѣвическое сердце ея избрало другаго, хотя царь и не зналъ долго объ измѣнѣ своей любимицы, потому что продолжалъ осыпать ее щедрою рукою, подаривъ уже въ 1703 году своей «Аннушкѣ» еще одно помѣстье — село Дубино въ козельскомъ уѣздѣ — 295 крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями.

Дѣвушка полюбила саксонскаго посланника Кенигсека.

Въ 1702 году Кенигсекъ, вѣроятно прельщенный выгодами службы въ Россіи и, можетъ быть, побуждаемый любовью къ красавицѣ Монсъ, вступилъ въ русскую службу. Онъ сопровождалъ царя въ походахъ, былъ въ числѣ его иноземцевъ любимцевъ и учителей русскаго народа.

Но трагическая кончина Кенигсека открыла Петру глаза: онъ узналъ, что его Аннашка любила покойника.

Вотъ какъ открылась тайна дѣвицы Монсъ:

«Въ одинъ роковой день (такъ или почти такъ говорятъ объ этомъ происшествіи леди Рондо, жена англійскаго резидента, въ письмѣ къ одному своему другу въ Англію, въ 1730 году) — государь возвращался съ осмотра строившейся крѣпости; при переходѣ черезъ подъемный мостъ, польскій министръ (это и есть Кенигсекъ), сопровождавшій вмѣстѣ съ другими государя, упалъ въ воду, и не смотря на всѣ усилія спасавшихъ его, утонулъ. Когда трупъ вытащили изъ воды, государь вынулъ изъ кармана утопленника бумаги, сначала велѣлъ ихъ запечатать, а потомъ, при разборѣ бумагъ покойника, не безъ удивленія увидѣлъ между ними портретъ своей любимицы; затѣмъ нашелъ нѣсколько самыхъ страстныхъ писемъ ея къ покойнику. пылая гнѣвомъ и ревностью, государь вбѣжалъ въ комнату къ моему разскащицѣ (къ знакомой леди Рондо) и приказалъ привести Анну Монсъ. Когда она вошла, Петръ заперъ дверь и грозно спросилъ: «для

чего ты писала къ поляку?» Та заперлась. Петръ показаль письма, портретъ и объявилъ о смерти своего противника. Услышавъ роковую вѣсть, красавица залилась слезами и впала въ непритворное молчаніе, между тѣмъ какъ царь осыпаль ее самыми рѣзкими укорами, грозилъ казнью и пришелъ въ такой гнѣвъ, что можно было подумать, что онъ убьетъ измѣнницу на мѣстѣ. Когда первый пылъ гнѣва прошелъ, слезы и красота Монсъ побѣдили государя, и онъ самъ заплакалъ. Тогда, простивъ невѣрную, онъ со слезами сказалъ: «Забываю все. Я также имѣю слабости. Я не могу тебя ненавидѣть — виню собственную довѣрчивость. Продолжать мою связь—значить унижать себя. Прочь! я съумѣю примирить страсть съ разсудкомъ. Ты ни въ чемъ не будешь нуждаться, но я съ этихъ поръ не хочу тебя видѣть». Петръ сдержалъ слово: Анна Монсъ выдана была замужъ за одного служащаго, получившаго хорошее мѣсто въ отдаленной провинціи; монархъ заботился объ ихъ семейномъ счастьѣ до конца жизни и оказывалъ имъ постоянно свою любовь».

По всей вѣроятности, разсказъ этотъ изукрашенъ романтическими подробностями; но основа его вѣрна: леди Рондо писала это только черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Анны Монсъ.

Знаменитый Миллеръ подтверждаетъ этотъ разсказъ, хотя передаетъ его какъ варіантъ на повѣствованіе леди Рондо.

Миллеръ такъ разсказываетъ этотъ трагическій случай:

«При осадѣ Шлюссельбурга Петръ узналъ, что обворожительная *domicella* Монсъ ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ, и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному черезъ не-

большой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстїи о смерти Кенигсека—была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ, и вмѣсто нихъ нашелъ нѣжныя письма своей фаворитки. *Domisella Mops* слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку — сомнѣнія быть не могло... О портретѣ тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь уже не хотѣлъ знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастья, если бы сдумѣла превозмочь неосторожную склонность къ Кенигсеку.

Сохранилось о трагической смерти соперника Петра собственноручное письмо государя. Надо полагать, что письмо писано было имъ Ѳ. Апраксину въ тотъ самый моментъ, когда трупъ Кенигсека былъ только вытащенъ изъ воды, а бумаги еще не были распечатаны, или Петръ не читалъ ихъ, пока они не просохли.

«Здѣсь все изрядно милостію божіею—писалъ онъ изъ Шлюссельбурга 15 апрѣля 1703 года—только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои: первый—докторъ Леймъ, а потомъ Кенисенъ, которой принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно, — и такъ вмѣсто радости—печаль».

Но болѣе глубокая печаль, только уже не о Кенигсекѣ, а о себѣ самомъ, должна была посѣтить государя, когда онъ разобралъ бумаги утопленника, и нашелъ въ нихъ то, чего не ожидалъ.

Въ первыя минуты гнѣва Петръ приказалъ арестовать свою любимицу и ея сестру Матрену въ собственномъ домѣ Монсовъ. Обѣ женщины отданы были подъ строгій надзоръ князя-кесаря Ромодановскаго, и имъ запрещено было посѣщать даже вѣрку.

Три года томилаcь неосторожная дѣвушка въ своемъ печальномъ заточеніи. Томилаcь съ нею и сестра ея, и равно сидѣли подѣ арестомъ и другія лица, челоѡкъ до тридцати, которые такъ или иначе прикосновенны были «къ дѣлу Монцовоу».

Тяжело было дѣвушкаѣ съ такой высоты упасть такъ глубоко въ глазахъ всей Москвы: тяжкая опала всегда была тяжка для подпадавшихъ подѣ эту опалу, подѣ эту «грозную сиверку».

Сидя въ заточеніи, дѣвушка, какъ и древне-русскія да и почти всѣ женщины на свѣтѣ, стала прибѣгать къ гаданьямъ по разнымъ «тетрадкамъ», конечно мистическимъ, къ ворожбѣ, къ привораживанью, къ чародѣйнымъ перстнямъ, лишь бы отвратить отъ себя «грозную сиверку» и опять приворотить къ себѣ сердце государя: «стали они, Монсы—говорить современникъ—пользоваться запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества».

Но все было напрасно: колдовство оказалось безсильнымъ противъ петровой «сиверки».

«Хотя за подобныя поступки—писалъ въ 1706 году Гюйсень—за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ, чтобъ процессъ о Монсахъ былъ совершенно прекращенъ, и только ех capite ingrati tudinis отъ Монсовъ отобраны деревни, и каменный палаццо отошелъ впослѣдствіи подѣ анатомическій театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами».

Но дѣвушка, не смотря на смерть своего прежняго возлюбленнаго, не смотря на царскую опалу, имѣла челоѡка, который

тоже любилъ ее—это прусскій посланникъ, баронъ фонъ Кейзерлингъ. Видно, слишкомъ много было очарованія въ этой молодой женщинѣ и безъ сомнѣнія было не мало и нравственныхъ достоинствъ, если такъ велико оказывалось ея обаяніе даже тогда, когда всѣмъ извѣстны были и ея прежнія отношенія къ царю, и ея тайная любовь къ покойному Кенигсеку, и, наконецъ, упавшій на нее позоръ царской «сиверки».

Въ 1706 году Головинъ доносилъ царю, что посланникъ фонъ Кейзерлингъ челомъ бьетъ, «чтобъ Анна Монсовой и сестрѣ ея Балкшѣ (Матренѣ, бывшей уже замужемъ за Балкомъ) дано было позволеніе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде можно, отпустить къ мужу: сіе просить онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастіе ихъ ему, посланнику», т. е. любви и дружбѣ его къ Аннѣ Монсъ.

— О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ—отвѣчалъ царь—велѣлъ и писать Шафирову, чтобъ дать ей позволеніе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить.

Анна Монсъ и сестра ея Матрена Балкъ были, наконецъ, освобождены.

Но въ казематахъ еще сидѣли прикосновенные къ «дѣлу Монцовой».

— Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой: что мнѣ объ нихъ укажешь? спрашивалъ, въ 1707 году, князь-кесарь Ромодановскій царя.

— Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовой колодники, и тѣмъ рѣшеніе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны, отвѣчалъ Петръ.

Но прежними милостями царя дѣвушка не могла уже пользоваться: «Монсы—писалъ Гюйссенъ—живутъ свободно, но уже не

могутъ расчитывать и не имѣютъ на то права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена.

Да царю уже было теперь не до «Аннушки»: съ 1705 года его посѣтила уже едва ли не послѣдняя и самая глубокая привязанность, какую только могъ имѣть этотъ далеко не столь непостоянный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ царь-работникъ, какимъ его изображаютъ новѣйшіе его порицатели:—Петръ любилъ уже въпослѣдствіи знаменитую молодую плѣнницу, Марту Скавронскую, или какъ потомъ онъ называлъ ее—«Екатери́ну Васи́леевъскую», сдѣлавшуюся потомъ императрицею государынею Екате́риною Алексѣе́вною Первою. Можетъ быть также, что въ этой новой привязанности онъ искалъ забвенія той, которая ему измѣнила и въ которой онъ такъ глубоко обманулся.

Анна Монсъ съ своей стороны считалась уже въ это время невѣстою прусскаго посланника Кейзерлинга, хотя и это обстоятельство, повидимому, оставалось тайною для царя, который едва ли могъ окончательно вытѣснить изъ сердца свою первую серьезную привязанность къ той, которую онъ дѣйствительно любилъ и которой вѣрилъ болѣе десяти лѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, трудно обвинить въ непостоянствѣ человѣка, который любилъ одну женщину десять лѣтъ, имѣя притомъ столько соблазновъ полюбить любую красавицу своего двора, всего своего государства и любую женщину во всей пространной Европѣ, которую Петръ исколесилъ и какъ царь, и какъ простой корабельный плотникъ.

Этого-то постоянства и честнаго чувства къ женщинѣ и боялся молодой фаворитъ царя, знаменитый «Алексашка», въпослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, который строилъ все свое благополучіе на той вѣроятной мысли, что царь такъ же глубоко можетъ привязаться и къ находившейся у Мен-

шикова плѣнницѣ Мартѣ Скавронской, какъ глубоко былъ онъ привязанъ къ «Моншѣ» или къ его любимой «Аннушкѣ Монцовой».

Понятно, почему въ 1707 году Кейзерлингъ крупно поссорился съ Меншиковымъ изъ-за своей невѣсты, о которой онъ хлопоталъ у царя, а «Данилычъ» ему препятствовалъ въ этомъ, стараясь поддержать гнѣвъ царя къ своей прежней любимицѣ. Понятно также, почему одинъ изъ современниковъ этого событія, Нейбауеръ, писалъ въ видѣ угрозы, что «о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсѣ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ» — грозилъ, значить, гласностью.

Какъ бы то ни было, но царь, даже познакомившись съ Мартою Скавронскою, все еще не могъ выгнать изъ своего упрямаго сердца прежнюю привязанность—свою Аннушку, между тѣмъ какъ Аннушка такъ же упрямо и еще упрямѣе послѣ своего заточенія продолжала быть холодна къ царю.

«Меншиковъ и Екатерина рисковали потерять все—говорить Гельбигъ—если бы красавица уступила. Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности сѣумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсѣ съ своими превосходными качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и возлюбленнаго Кейзерлинга. И первая и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданіе дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь: она тайно обру-

чилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, когда только-что собирался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвѣзчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. Больно видѣть—продолжаетъ Гельбигъ—что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвѣнчался съ прекрасною Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея супругъ. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же.

Гельбигъ нѣсколько изукрасилъ свой рассказъ вопреки истинѣ. Анна Монсъ вышла замужъ за Кейзерлинга 18 іюня 1711 года, а Кейзерлингъ скончался 11 декабря въ Стольпе, на дорогѣ въ Берлинъ.

Молодая красавица, теперь уже вдова Кейзерлингъ, осталась въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и жила въ деревянномъ домикѣ вмѣстѣ съ матерью. Старуха-мать лѣтъ пятнадцать страдала хроническою болѣзнью и почти не вставала съ постели. Больна была и Анна Ивановна: здоровье ея было сильно потрясено превратностями жизни, и молодая женщина тая-

ла какъ свѣчка—харкала кровью и по нѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели.

Какъ на прекрасную черту семейства Монсовъ слѣдуетъ указать на то, что всѣ члены ея были связаны самою тѣсною дружбою.

Едва умеръ мужъ злополучной любимицы Петра, какъ для нея настали новыя непріятности—это житейскія, экономическія дразги, которыя такъ тяжело отзываются на характеръ женщины и нерѣдко извращаютъ ея хорошіе инстинкты, дѣлаютъ женщину мелочною и иногда окончательно губятъ въ ней все хорошее.

Такія житейскія дразги окончательно подкосили и безъ того рухнувшее здоровье исторической «Аннушки»: братъ ея умершаго мужа заявилъ претензію на всѣ движимыя и недвижимыя имѣнія покойника, находившіяся въ Курляндіи и Пруссіи.

До насъ дошли письма Анны Кейзерлингъ отъ этого времени къ брату Вилиму, къ тому Вилиму, котораго прекрасная голова была впоследствии, по приказанію царя, отрублена и сохранялась въ академическомъ музеѣ рядомъ съ такою же прекрасною головою фрейлины Гамилтъонъ, тоже отрубленною по приказанію царя. — Но объ этомъ послѣ.

Письма такой личности, какъ первая и едва ли не послѣдняя серьезная любовь Петра Великаго, какъ бы ни было чуждо исторической важности содержаніе этихъ писемъ, не могутъ не имѣть историческаго значенія для Россіи, для той Россіи, которая до сихъ поръ чувствуетъ на себѣ слѣды рабочихъ рукъ и всенивелирующей палицы царя-преобразователя.

«Любезный, отъ всего сердца любимый братецъ! — пишетъ вдова Кейзерлингъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа, брату своему Вилиму, который въ качествѣ «генеральсь-адъютанта» исполнялъ всевозможныя порученія Петра за границей:—желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ

здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; не знаю, чѣмъ и утѣшиться».

Она просить брата привезти ей вещи и деньги ея мужа, «потому-что—говорить она—лучше когда они у меня, чѣмъ у чужихъ людей».

Въ одномъ письмѣ Анна спрашиваетъ брата, что ей дѣлать съ портретомъ царя, который былъ у нея. Она велитъ спросить у своего адвоката, Лаусона: «отдавать ли этотъ портретъ царя деверю, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи».

Много, безъ сомнѣнія, напоминалъ ей этотъ портретъ царя, осыпанный дорогими камнями...

Явилось еще горе, правда ничтожное, но для больной женщины тяжелое и притомъ оскорбительное. Камердинеръ ея покойнаго мужа, Штраленбергъ, сталъ распускать за границей обидные для Анны Ивановны слухи, что будто бы оставленная имъ въ Москвѣ жена страдаетъ отъ грубаго обращенія съ ней Анны.

«Прошу тебя, любезный братъ—писала Вилиму по этому обстоятельству Анна—не вѣрь этому лгуну Штраленбергу: онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыхавъ о томъ, какъ безстыдно жетъ ея мужъ, будто бы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ,—ей хорошо у меня: когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье».

Черезъ двѣ недѣли она спрашиваетъ брата: «напиши мнѣ пожалуйста—привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію?—Вели, чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ».

Затѣмъ снова вспоминаетъ о портретѣ царя:

«Ради Бога—пишетъ она—побереги шкатулку съ бумагами, чтобъ ничего не потерялось, а старшему моему зятю скажи, чтобъ онъ только прислалъ мнѣ портретъ его величества съ драгоценными камнями».

Порицатели этой женщины говорятъ, что она думала о драгоценныхъ камняхъ собственно, а не о портретѣ того, который такъ много ее любилъ.

Лѣтомъ 1712 года Анна съ матерью ѣздили на нѣсколько недѣль за границу, гдѣ они и гостили у старшей сестры Анны, Матрены Ивановны Балкъ, мужъ которой по дѣламъ царя находился тогда въ городѣ Эльбингѣ.

Не долго однако оставалось жить бывшей любимицѣ Петра: чахотка видимо съѣдала ее.

Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни (1713—1714) Анна успѣла внушить къ себѣ если не страсть, то желаніе имѣть ее своею женой—плѣнному шведскому капитану Миллеру. Одни говорятъ, что они уже были помолвлены, другіе—что Миллеръ только старался вкрасѣ въ довѣріе Анны и пользоваться отъ нея какими-либо подарками. Братъ Анны увѣрялъ впослѣдствіи, что Миллеръ «притворствомъ вѣрлся въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзни сестры моей взялъ, ставаясь съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, взялъ многіе пожитки». Поэтому онъ и просилъ правительство отобрать эти вещи у Миллера: а вещи эти были—«камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый, кувшинецъ, да блюдо что бороды брѣютъ, серебряныя», и другіе «пожитки».

Анна—бывшая Монсъ—скончалась 30 сентября 1714 года на рукахъ больной старухи-матери и пастора.

Въ числѣ драгоценныхъ вещей, описанныхъ послѣ покойницы, между прочими показаны: портретъ-царя, когда-то ее любившаго—

«образъ съ разными съ драгими каменьями, охваченъ около, въ тысячу рублей», «умершаго господина фонъ Келзерлинка персона въ алмазахъ—семь сотъ рублей», нитка жемчугу для какой-то «сиротки»—не тайное ли это дитя покойной красавицы?

«Какъ бы то ни было, но проводивъ въ могилу бранные останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе»—говорить одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Анны Монсъ, и прямо утверждаетъ, что видитъ въ этой женщинѣ «страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку расчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ томъ суевѣрную, лишенную всякаго образованія, даже мало грамотную. Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ не было—говоритъ онъ—никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не сумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не сумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ Петръ показалъ, что и великіе люди не изъятъ человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпнеть очи, и имъ затемняетъ разумъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Федоровна ссылается въ заточеніе; наследникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзору, и вслѣдствіе этого затаиваетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени страдательная со стороны царевича, не важная по ходу, которая

быть может приняла бы болѣе серьезные размѣры, если бы не кончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсѣ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, и въ немъ между прочимъ и на брата Анны, Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ челоуѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и—это еще догадки—дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра Великаго».

Отзывъ этотъ—слишкомъ суровъ: несчастная женщина едва ли заслужила такой жесткій приговоръ исторіи.

Исторія быть можетъ сама виновата передъ осуждаемою ею женщиною: не по винѣ ли Анны Монсѣ Петръ полюбилъ забавы въ нѣмецкой слободѣ? Не тамъ ли онъ наслушался о чудесахъ цивилизованнаго міра, когда еще не видалъ его изъ своей Москвы? Не Анна ли Монсѣ была причиною, что любовь къ болѣе или менѣе европейски-цивилизованной дѣвушкѣ заставила Петра оглянуться и на свой старо-московскій охабень и на старую Русь, а потомъ заглянуть въ Европу, чтобы русскому «мѣдвѣжонку», какъ называли молодого Петра стрѣльцы, не стыдно было въ нѣмецкомъ кафтанѣ показаться передъ дѣвушкой, которая, подобно золотымъ яблокамъ Геркулеса, вывезена была изъ Армидиныхъ садовъ Европы и заставила русскаго Геркулеса похотѣть и самому побывать въ этихъ садахъ, чтобы вывезти оттуда золотые яблоки цивилизаціи?

Онъ такъ и сдѣлалъ, потому что русскому Геркулесу Анна Монсѣ казалась свѣтлымъ лучомъ, пробившимся изъ царства свѣта.

II.

Гетманша Скоропадская.

(Настасья Марковна Скоропадская, урожденная Марковичъ).

Съ наступленіемъ XVIII-го вѣка, вмѣстѣ съ Великою Россією и Малороссія начинаетъ новый циклъ историческаго существованія, на которомъ рѣзкою тѣнью лежитъ уже окраска новаго времени, новаго направленія.

Но это новое время для Малороссіи должно было выказаться не въ томъ, въ чемъ оно выказалось для Великой Россіи. Великая Россія вмѣстѣ съ Петромъ сдѣлала крутой поворотъ по не протоптанному еще пути, которымъ она силилась выйти на культурную дорогу, проторенную западною цивилизаціею. Малороссія тоже должна была сдѣлать крутой поворотъ, но только въ направленіи, обратномъ противоположномъ тому, какое избрала Великая Россія: для послѣдней силу нравственнаго тяготѣнія съ новаго времени представлялъ западъ; для Малороссіи же это западное тяготѣніе было не новостью. Малороссія и до соединенія съ Великою Россією тяготѣла къ западу черезъ Польшу. Это западное тяготѣніе и погубило Малороссію, убило въ ней послѣднюю тѣнь политической и государственной автономіи. Сначала историческія несчастія, постигавшія Польшу, постигали и Малороссію, когда

они составляли до нѣкоторой степени одно политическое тѣло. Потомъ государственная деморализація Польши заразила неизлечимою гангреною и нѣкоторыя части малорусскаго государственнаго тѣла. При Богданѣ Хмѣльницкомъ Малороссія поняла, что тяготѣніе ея къ западу спасительнѣе будетъ не черезъ такой непрочный, подгнившій проводникъ какъ Польша, а черезъ прочно вкопанные въ историческую почву столпы русской народной жизни.

Мазепа хотѣлъ-было вновь наклонить это нравственное и политическое тяготѣніе Малороссіи къ западу, хотѣлъ создать для нея даже собственное, независимое тяготѣніе — и погибъ самъ, сдѣлавъ западное тяготѣніе для Малороссіи повидимому навсегда гибельнымъ и немыслимымъ.

Поддалась-было этому западному тяготѣнію и послѣдняя малорусская женщина, послѣдняя въ смыслѣ старой, исторической, гетманской Малороссіи — и тоже погибла, погубивъ свое семейство, подведя голову отца подъ топоръ мазепинскаго ката. Это была возлюбленная Мазепы — Матрена Кочубей.

Малороссія увидѣла, что для нея невозможно уже было западное тяготѣніе, что тяготѣніе это, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ политическихъ комбинаціяхъ, всегда будетъ гибельно, и первую женщиною-украинкою, сознавшею эту политическую истину, была современница несчастной Матрены Кочубей — гетманша Настасья Скоропадская.

Скоропадская является какъ-бы преемницею Матрены Кочубей, новою украинскою женщиною. Матрена, ослѣпленная страстью къ своему сѣдому возлюбленному гетману, мечтала видѣть въ своихъ рукахъ гетманскую булаву. Мало того, отуманенная обаятельными поэтическими рѣчами влюбленнаго старика, дѣвушка мечтала видѣть «украинскую короону» на сѣдой

головѣ этого стараго поэта, и—конечно—корона эта грезилась дѣвушкамъ и на ея молодой, прекрасной, чернявой головкѣ.

Скоропадская вырвала изъ рукъ Матрены эту гетманскую булаву, потому что поняла, куда должна была тяготѣть съ этою булавою вся Малороссія: булава эта буквально очутилась въ рукахъ Настасьи Скоропадской, потому что мужъ ея, гетманъ Иванъ Скоропадскій, человекъ слабый, безвольный, безхарактерный, не умѣлъ держать эту булаву и охотно, фактически, уступилъ ее своей умной, энергической и хорошенькой Настѣ.

Сохранившійся портретъ изображаетъ Настасью Скоропадскую замѣчательно миловидною женщиною. Портретъ, по-видимому, рисованъ былъ съ нея еще въ молодости. Прелестное овальное личико, съ тонкими, почти дѣтскими чертами, полно граціи. Что-то деликатное и изящное проглядываетъ въ этихъ чертахъ, въ разрывѣ большихъ глазъ, въ очертаніяхъ рта и красивыхъ маленькихъ губокъ.

Гетманша изображена въ высокой мѣховой шапкѣ, вродѣ казачаго кивера или гайдамацкой красивой киреи, напоминающей московскую старинную шапку-боярку, только болѣе изящной формы, съ выдающимся на бокъ верхомъ, по-казаки. Шубка на Скоропадской мѣховая, съ узкими рукавами, опушенными тоже мѣхомъ, вродѣ украинской «коротушки», которая ловко обрисовываетъ станъ и талью женщины; въ лѣвой, съ тонкими изящными пальцами рукъ что-то вродѣ тросточки, или по-видимому маленькой гетманской булавы; въ правой рукѣ, приложенной выше пояса или скорѣе къ груди—платочекъ, украинская «хусточка». Шубка распахнута, и изъ подъ нея виднѣется бѣлая, шитая по-украински сорочка съ широкою лентою или украинскою «стричкою» у горла. На шеѣ—украинское «намисто», кораллы,

любимое украшеніе малороссіянокъ до настоящаго времени, украшеніе, которымъ и Мазепа не разъ прельщалъ свою «безумно коханую» Мотроненьку Кочубей.

Скоропадская происходила изъ малорусскаго рода Марковичей. Гдѣ и какое получила она воспитаніе—неизвѣстно; но что родилась она въ семьѣ образованныхъ малороссіянъ, это доказывается тѣмъ, что родной ея племянникъ, «малороссійскій подскарбій генеральный», Яковъ Марковичъ, оставившій любопытныя записки о Малороссіи того времени, былъ человекъ совершенно европейскаго образованія, зналъ иностранные языки, ученымъ образомъ знакомъ былъ съ медициною и вообще, по видимому, находился въ уровнѣ не русскаго, не московскаго, а западно-европейскаго образованія. Въ такой образованной средѣ воспитана была и Настасья Марковичъ, впоследствии гетманша Скоропадская.

Въ дневникѣ образованнаго малороссійскаго подскарбія почти на каждой страницѣ попадаетъ имя гетманши Скоропадской — «ясновельможная Анастасія Скоропадская гетманова», «ясновельможная тетка» подскарбія, «ясновельможная пани» и т. д.

Вышедши замужъ за Скоропадскаго, молоденькая Настасья Марковичъ, впоследствии, когда мужъ ея выбранъ былъ въ гетманы, въ позднѣйшіе такъ-сказать преемники погибшаго Мазепы, стала во главѣ управленія всею Малороссіею, потому что мужъ ея, какъ мы сказали, далеко былъ не способенъ заправлять этою, привыкшею къ вольности, странною.

Петръ Великій, очень хорошо понимавшій людей и относительную ихъ пригодность или непригодность къ дѣлу, скоро опѣнилъ дѣловыя качества молоденькой украинки, заправлявшей

своимъ мужемъ, и черезъ нее сталъ дѣйствовать на заправленіе ходомъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ на мѣстѣ.

Когда у Скоропадской выросла дочь Ульяна, Петръ Великій, желая еще болѣе упрочить нравственное тяготѣніе Малороссіи не къ западу, а къ Великой Россіи, задумалъ брачными связями украинокъ съ великороссіянами и великороссіянокъ съ украинцами укрѣпить это тяготѣніе и конечное объединеніе въ будущемъ Великой и Малой Россіи.

Съ этою цѣлью Петръ обратился къ Скоропадской съ предложеніемъ отдать дочь Юліанію за великороссіянина изъ знатнаго рода, за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго со-вѣтника Петра Андреевича Толстого, который, какъ извѣстно, помогалъ Петру Великому въ доставленіи изъ-за границы царевича Алексѣя Петровича.

Скоропадская тоже поняла необходимость или неизбежность этого объединенія, и когда Петръ, вообще любившій устраивать свадьбы по своимъ государственнымъ соображеніямъ, вызвался быть сватомъ у дочери гетмановой, пани гетманова воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы бракъ ея дочери съ великороссіяниномъ принесъ, кромѣ политической пользы ея странѣ, еще и матеріальныя выгоды ея собственному семейству.

Поэтому, какъ ловкая женщина, понявшая силу вліянія, оказываемаго на царя другою женщиною, Екатериною Алексѣевною, Скоропадская избрала эту послѣднюю своею посредницею между сватомъ и своею дочерью.

Вотъ что она, по этому случаю, между прочимъ пишетъ Екатеринѣ: «Понеже его графское сіятельство (графъ Головкинъ) учинилъ отвѣтъ, что царское величество не изъ малороссійскихъ, но изъ великороссійскихъ персонъ дочери нашей единственной мужа благоволилъ избрать, тогда мы тому монаршему благоволе-

нію весьма благодарны. У великороссійскихъ народовъ есть такое обыкновеніе, что за дочерьми даютъ зятѣмъ изобильныя деревни и угодья; мы убо не имѣемъ таковыхъ угодій и деревень за нашею дочерью дать, и ради того, припадая у стопъ ногъ вашего величества, всемиренно молю исходатайствовать нынѣ при животѣ моего мужа собственно для моего во вдовствѣ пропитанія и за дочерью дачи маестностей нѣсколько».

И маестности эти были получены.

Такимъ образомъ, какъ по волѣ Петра состоялось обряженіе великорусскихъ бояръ изъ московскаго въ нѣмецкое платье и знаменитое, историческое обрѣзаніе боярскихъ бородъ, такъ, по волѣ того же царя и при помощи послѣдней исторической украинки, превратившейся въ первую историческую «южнорусскую» женщину, совершилось первое объединеніе малорусской казацкой крови съ московскою боярскою, и съ тѣхъ поръ въ русской исторіи отдѣльныя женскія личности собственно изъ украинкокъ исчезаютъ, потому что послѣдующія украинки въ жизни своей и въ дѣятельности совершенно сливаются съ великорусскими женщинами, подобно тому какъ и исторія Малороссіи окончательно сливается съ исторіею Великой Россіи: въ XVIII и XIX вѣкѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ малорусскихъ историческихъ женскихъ личностей, а есть общерусскія женщины—Разумовскія, Шаховскія, Яворскія, Безбородки, Сологубы, Лизогубы, Гамалѣи, Кочубеи, Четвертинскія и т. д.

Гетманша Скоропадская, такимъ образомъ, была первою новою украинскою женщиною и послѣднею изъ тѣхъ женщинъ старой Украины, лучшимъ и заключительнымъ типомъ которыхъ была Матрена Кочубей.

Племянникъ гетманши Скоропадской, упомянутый нами выше малороссійскій подскарбій генеральный, Яковъ Марковичъ,

оставившій послѣ себя любопытный дневникъ, подъ 1718 годомъ, между прочимъ, говорить, что когда гетманша Скоропадская и мужъ ея съ своею гетманскою свитою ѣздили въ Петербургъ и въ Москву, то «на Москвѣ, въ великій постъ, за волею и сватаньемъ самого государя и царицы, засватали дочь гетманскую за сына Петра Андреевича Толстого».

А подъ 12-мъ октября того же 1718 года у Марковича записано: «въ недѣлю (въ воскресенье), въ Глуховѣ веселье (свадьба) было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Ульяну отдалъ за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича. Съ женихомъ пріѣзжали въ сватахъ: братъ его родный старшій Иванъ Петровичъ и другой въ первыхъ (т. е. двоюродный) Борисъ Ивановичъ и нѣсколько при нихъ особъ великоросійскихъ».

Затѣмъ мужа Ульяны Скоропадской, Петра Толстого, царь назначилъ нѣжинскимъ полковникомъ: это былъ первый въ Малороссіи полковникъ, происходившій не изъ природныхъ украинцевъ

Такъ при помощи Петра и не безъ вліянія Скоропадской совершалось нравственное и политическое объединеніе Великой и Малой Россіи или воссоединеніе частей русскаго народа, давно когда-то разорваннаго на двѣ половины разными историческими невзгодами:—въ этомъ огромная историческая заслуга Скоропадской.

Мало того, Скоропадская и въ своей обыденной жизни поддерживала и укрѣпляла связь великорусской и малорусской половинъ русскаго народа: обладая свѣтлымъ умомъ и природнымъ тактомъ, Скоропадская умѣла ласково и съ достоинствомъ принимать у себя въ Глуховѣ, въ гетманскомъ помѣщеніи, высокихъ гостей, которые наѣзжали въ Малороссію изъ Москвы и

Петербурга, на славу ихъ угошала и тѣмъ побѣждала московскую гордость и грубость, съ которою когда-то плохо ладила неумѣлая и не менѣе грубая старшина малороссійская.

Съ другой стороны С к о р о п а д с к а я сама платила визиты навѣщавшимъ ее русскимъ вельможамъ, и неоднократно ѣздила въ Москву и Петербургъ, покидая надолго свою гетманскую столицу Глуховъ, чего до того времени не рѣшилась бы сдѣлать ни одна украинская женщина, еслибъ къ тому не принудили ее крайнія обстоятельства.

Такъ, когда въ 1722 году панъ гетманъ Скоропадскій ѣздилъ въ Москву съ своею свитою, съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ, бунчуковымъ генеральнымъ Лизогубомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, къ этой свитѣ «ясновельможная пани гетманова» присоединила свою собственную свиту и дала возможность московскимъ людямъ видѣть и свою украинскую красоту и свое гетманское величіе.

Въ этомъ же году, по возвращеніи изъ Россіи, гетманъ Скоропадскій умеръ и на его мѣсто избранъ былъ другой гетманъ.

Оставшись вдовою, уступивъ гетманскую булаву другому лицу, С к о р о п а д с к а я, не смотря на то, что не имѣла уже никакого officialнаго положенія, до самой однако своей смерти удержала за собою титулъ «ясновельможной паніи гетмановой».

Время шло и С к о р о п а д с к а я видѣла приближеніе старости.

Умеръ Петръ, ея царственный свать и покровитель.

Въ 1728 году овдовѣла и дочь С к о р о п а д с к о й, нѣжинская полковница У л ь я н а Т о л с т а я: Толстой умеръ, какъ записано въ дневникѣ племянника паніи С к о р о п а д с к о й, «съ той причины, что питьемъ излишнимъ водки онъ повредилъ легкое и нажилъ эпилепсію».

Въ 1729 году Скоропадская снова ѣдетъ въ Москву со всею малороссійскою старшиною. У нея есть особая цѣль въ этой поѣздкѣ — исходатайствовать себѣ и вдовствующей дочери своей нѣсколько новыхъ маестностей отъ русскаго правительства.

Въ Москвѣ и Петербургѣ, при содѣйствіи графа Головкина, Скоропадская исходатайствовала себѣ новое царское жалованье, и императрица по этому случаю указомъ объявляла: «пожаловали мы гетманшу Скоропадскую, за вѣрную службу мужа ея, гетмана Ивана Скоропадскаго, — повелѣли дать ей для пропитанія отъ трехъ до четырехъ сотъ дворовъ, по ея смерти».

Въ то же время Скоропадская просила, чтобы ей позволено было взять къ себѣ дочь свою, вдову Толстую, которая, по высочайшему указу, находилась въ деревнѣ—и императрица снизошла и на эту просьбу заслуженной украинки.

Скоропадская въ этотъ разъ довольно долго оставалась въ Москвѣ и Петербургѣ:—это былъ ея послѣдній визитъ Великой Россіи, послѣднее путешествіе.

Подъ 15-мъ марта этого года въ дневникѣ Марковича значится: «Пани Скоропадская была у графа Головкина и благодарила его за опредѣленіе маестностей».

Подъ 14-мъ апрѣля читаемъ: «Пани принесена на Кучеровку, Сасиновку и Лиловицу грамота, а принесли подъячіе иностранной коллегіи, которымъ дали первѣйшему 15 рублей, а другому 3 рубли». Это—взятка Малороссіи великорусскому чиновничеству.

28-го апрѣля Скоропадская обратно выѣхала въ Украину, въ бывшую столицу свою Глуховъ.

Подъ 17-мъ іюня у Марковича отмѣчено: «Ясновельможная была у князя Шаховскаго, а потомъ съ нею я ѣдиль до пана гетмана, гдѣ и обѣдали у паніи гетмановой».

Черезъ день въ дневникѣ отмѣчено: «Князь Шаховской визиту отдавалъ теткѣ моей» — т. е. Скоропадской.

Старая украинка знакома уже была съ европейскими обычаями. За то ей всѣ оказывали почетъ не по одному ея высокому положенію, но и по уму, по такту, съ которыми она держала себя. Такъ въ дневникѣ Марковича не рѣдко встрѣчаются отмѣтки: «У тетки были послѣ обѣда князь съ княгинею и комендантша» и т. д.

Но не долго привелось прожить этой женщинѣ послѣ возвращенія изъ Великой Россіи.

Въ декабрѣ 1729 года Скоропадская занемогла и уже не вставала больше.

Вотъ какъ Марковичъ описываетъ послѣдніе дни своей ясно-вельможной тетки:

11-го декабря: «У тетки немощствующій былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ побѣдять, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и до поздна пробылъ».

16-го декабря: «Пани больше больна становится; я передъ полночью отъ нея въ домъ повернулся».

17-го: «Тетка немощствующая приняла маслосвятіе и исповѣдь и причастіе святыхъ таинъ».

18-го: «Тетка горше стала болѣть, а въ ночи совсѣмъ изнемогла»...

Наконецъ, 19-го декабря въ дневникѣ записано: «Тетка моя, Анастасія Скоропадская гетманова, сего утра години съ полночи 7-й минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіанской доброй рефлексіи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: «О тяжкая временная жизнь! О вѣчная будущей радость!»..

Въ высшей степени любопытно описаніе печальной процессіи, съ которою тѣло гетманши сопровождаемо было по городу, временной столицѣ гетмановъ Украины. И въ этой процессіи принимаетъ участіе уже не одна Малороссія: представители Великой Россіи также идутъ за гробомъ бывшей гетманши.

Вотъ это описаніе, помѣщенное подъ 21-мъ декабря:

«Рано по службѣ божіей, покойной ясновельможной тѣло положили въ труну, чернымъ аксамитомъ съ золотымъ позаментомъ обитую, и подъ балдахиномъ, съ чернаго сукна сдѣланнымъ, пугомъ лошадей въ капяхъ черныхъ повезли публично чрезъ городъ. При сей церемоніи присутствовали гетманъ съ гетмановою, князь Шаховскій съ княгинею и множество изъ великороссійскихъ знатныхъ лицъ, также и народъ.

«Выпроводивши гробъ за городъ, не доходя Четвертинского млина, они воротились, а мы поѣхали за тѣломъ и пріѣхали въ ночномъ времени къ монастырю Гамалѣевскому, гдѣ всѣ старицы съ свѣчами вышли противъ тѣла съ плачемъ и воплемъ безмѣрнымъ.

«Тѣло ввели въ монастырь и поставили въ трапезѣ, гдѣ усмотрѣли, что на лицѣ покойной, на правой сторонѣ подбородка, очень красно, также и праваго уха нижній конецъ очень красенъ, и уши мягки, а лицо ни въ чемъ не измѣнилось, и какую-то вѣчность и осклабленіе якобы показывало.

«Тутъ панихиду великую отправили».

Около мѣсяца тѣло усопшей гетманши оставалось не погребеннымъ.

Но вотъ 13-го января 1730 года совершено и погребеніе Скоропадской.

При погребеніи присутствовали: «съ духовенства архимандритъ новгородскій Нилъ, который службу божію служилъ и въ погребеніи».

беніи начальствоваль, префектъ коллегіума кievскаго Амвросій Дубневичъ, который предику пространную говорилъ, монастыря петропавловскаго законники, пустынки мутинской начальникъ съ братією, протопопъ глуховскій со многими попами, также священники и съ другихъ городовъ, именно Воронежа, Новгорода и Кролевца. Изъ мірскихъ лицъ знатнѣйшія: пани гетманова, княгиня Шаховская и Мякина, пани Петрова Апостолова и пани Михайлова, тетки пани Павлова и пани Миклашевская съ мужемъ, бригадиръ Арсеньевъ, панъ Федоръ Савичъ и другіе».

Тѣло гетманши положено рядомъ съ тѣломъ мужа, гетмана Скоропадскаго.

Нельзя при этомъ обойти молчаніемъ послѣднюю волю этой замѣчательной украинки, выраженную въ ея духовномъ завѣщаніи.

Высокой торжественностью и силой дышетъ языкъ этого завѣщанія:

«Естества человѣческаго, прародительнымъ паденіемъ разрушеннаго, тотъ единый состоитъ долгъ: человѣкамъ смертнымъ, отъ персти созданнымъ, по смертномъ временного сего теченія пресѣченію, знову въ персть вселитися...

«Сего ради я, будучи оному первому долгу генеральнымъ создателя своего опредѣленіемъ повинная, а другимъ по человѣколюбнымъ спасителя заповѣдемъ одолженная, заврешенно той послѣдній воспоминая предѣлъ»... объявляю мою послѣднюю волю и такъ далѣе. Воля эта, главнымъ образомъ, состояла въ томъ завѣтѣ, чтобы послѣ ея смерти между домашними и родными ея не было «мятежей, распръ, истязаній».

Въ предсмертныхъ распоряженіяхъ Скоропадская не забываетъ своихъ крестьянъ и служителей, и такъ торжественно наказываетъ наслѣдникамъ: «оставшихъ домашнихъ моихъ, а

особливо служителей дому моего, истязывать и затруднять никто же да дерзнетъ»...

Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отказѣ имѣнія дочери своей, Юліаніи Толстой, Скоропадская еще опредѣленнѣе выражаетъ свою заботу о служителяхъ дома.

«Служителей моихъ—говорить она—а особливо Андрея Кондзеровскаго и Агафію Ивановну, которые даже до кончины моей вѣрно и усердно зъ презрѣніемъ всякой пользы и покоя служили покойному сожителевѣ моему и мнѣ, имѣть оной дочери моей Уліанѣ и наследникамъ въ особливомъ респектѣ и помогать во всемъ».

Какъ ни была повидимому блестяща жизнь этой женщины, однако много пришлось ей пережить въ эпоху ломки, предпринятой Петромъ Великимъ на всѣхъ концахъ Россіи и не легко отразившейся на Малороссіи при окончательномъ сплоченіи ея съ Великою Россіею въ одно политическое, государственное и экономическое тѣло.

Припомнимъ только одно, что Скоропадская находилась въ родствѣ съ домою знаменитаго гетмана Павла Полуботка, отношенія котораго къ суровому преобразователю Россіи приобрѣли такую печальную историческую извѣстность: — въ послѣднихъ, тщетныхъ порывахъ Малороссіи отклонить отъ себя тяжелую великороссійскую руку, Скоропадская стояла такъ-сказать между Сциллою и Харибдою, и надо было много умѣнья съ ея стороны, чтобы московская неудержимая сила не раздасила окончательно и того, что рѣшилось бы неблагоприятно ей сопротивляться, и того, что уже создало бесполезность этого сопротивленія.

III.

Матрена Балкъ.

(Матрена Ивановна Балкъ, урожденная Монсъ).

Матрена Балкъ, какъ мы видѣли выше, была родною сестрою той самой женщины, на которую пала первая любовь молодого «царя-работника» и которая, кажется, была не послѣднею, хотя, быть можетъ, невольною виновницею того, что Петръ задумалъ во что бы то ни стало прорубить окно въ Европу, откуда на него повѣяло и первою молодою любовью въ лицѣ хорошенькой дочери виноторговца, и охмѣляющимъ запахомъ цивилизаціи въ лицѣ женева Лефорта.

Хотя Матрена была старшею сестрою Анны Монсъ, однако она много пережила свою знаменитую младшую сестру, и судьба ея имѣла, кажется, роковое вліяніе на Россію въ томъ отношеніи, что тотъ, кто любилъ ея младшую сестру и отчасти ради ея ввелъ свой народъ въ общій строй европейской цивилизаціи,—раньше былъ утраченъ Россіею, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать.

По многимъ причинамъ Матрена Балкъ заслужила историческое, хотя не вполне завидное безсмертіе: она вмѣстѣ съ своей сестрой способствовала тому, что Петръ охотно мѣнялъ

традиціонныя удовольствія двора на новыя для него удовольствія нѣмецкаго общества «Кукуй-городка», потому что молодой царь охотно посѣщалъ домъ Монсовъ, гдѣ встрѣчалъ двухъ красивыхъ и развязныхъ дѣвушекъ-сестеръ; она вмѣстѣ съ сестрой способствовала, конечно рефлексивно, тому, что симпатіи молодого царя, черезъ нихъ, стали тяготѣть болѣе къ западу, чѣмъ къ востоку; она же вмѣстѣ съ братомъ своимъ Виллимомъ, о которомъ мы тоже упоминали выше, несчастнымъ образомъ способствовала тому, что Петръ, умирая раньше чѣмъ бы слѣдовало, самую смертью своею какъ бы завѣщалъ своему народу нравственное служеніе той національности, изъ которой вышли сестры-дѣвушки, надолго приковавшія симпатіи царя-преобразователя и къ себѣ и къ создавшей ихъ національности.

Матрена Монсъ не долго однако оставалась въ родительскомъ домѣ, въ которомъ такъ часто видѣла молодого русскаго царя. Когда Петръ сталъ оказывать видимое вниманіе къ ихъ семейству, Матрена была просватана за одного изъ отличенныхъ царемъ слугъ своихъ, за Федора Николаевича Балка, который въ 1699 году былъ уже полковымъ командиромъ, и потомъ все болѣе и болѣе поднимался по служебной лѣстницѣ.

Такимъ образомъ сестры должны были разлучиться, хотя не надолго, и Матрена Монсъ стала называться Матреною Ивановною Балкъ или «Балкшею».

Хотя о послѣдующемъ за этимъ періодѣ жизни Матрены Балкъ и сохранилось не мало извѣстій, но событія жизни ея были не столь рельефны до роковаго 1724 года, чтобъ могли оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи.

Превратная судьба ея младшей сестры—любовь царя, потомъ грозная его «сиверка» вслѣдствіе тайной дружбы дѣвушки съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ, затѣмъ освобожденіе

опальной дѣвушки изъ-подъ трехлѣтняго домашняго ареста — все это непосредственно отражалось и на судьбѣ Матрены Балкѣ.

Когда Петръ обнаружилъ, что любимая имъ дѣвушка тайно переписывается съ Кенигсекомъ, онъ велѣлъ арестовать ее, но не одну: съ нею арестована была и сестра Матрена, способствовавшая, какъ полагаютъ, тайнымъ сношеніямъ Анны съ Кенигсекомъ.

Мы видѣли, что три года лежала царская опала на провинившихся сестрахъ: три года они изнывали въ заперти, прибѣгали къ колдовству, ко всѣмъ таинственнымъ силамъ, чтобъ воротить къ себѣ милость обиженнаго царя, и только въ 1706 году были освобождены изъ-подъ ареста.

Мужъ Матрены Балкѣ состоялъ въ это время въ должности коменданта вновь завоеваннаго Дерпта, и Матрена Ивановна, по освобожденіи изъ-подъ ареста, отправилась на житье къ мужу. Тамъ она пробыла до 1710 года, а оттуда царь, пожаловавъ Балка бригадиромъ, назначилъ его комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ они и находились до 1714 года.

Отъ этого времени сохранились письма Матрены къ брату Виллиму о сестрѣ Аннѣ, когда, покинутая Петромъ и потерявшая мужа, баронесса Кейзерлингъ уже томилась въ чахоткѣ и хлопотала о томъ, чтобъ не расхищено было имѣніе ея покойнаго мужа.

«Прошу тебя — пишетъ Матрена въ одномъ изъ этихъ писемъ брату — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры».

Такъ горячо всѣ они любили свою Анну, которая дѣйствительно, должно быть, стояла такого горячаго чувства со стороны

всѣхъ, кто ее зналъ, не исключая и вѣчно-занятого царя-работника.

«Если не лучше будутъ дѣйствовать въ дѣлѣ любезной нашей сестры — пишетъ Матрена въ другомъ письмѣ къ брату — то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи покойнаго мужа Анны. Видно, ты не очень-то заботишься о данномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать передъ нашей сестрой».

Вездѣ эта сестра, эта общая любимица Анна — на первомъ планѣ.

Около этого времени или нѣсколько раньше (осенью 1711 года) счастливая, а скоро роковая судьба свела Матрену Балкѣ съ будущей императрицей Екатериной Алексѣвной, которая вытѣсняла уже изъ сердца царя сестру Матрены, «любезную Аннушку».

Когда Матрена находилась съ мужемъ въ Эльбингѣ, туда пріѣхала Екатерина Алексѣвна, и государь писалъ, между прочимъ, мужу Матрены: «отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ — и что ей понадобится денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ».

Расторопная и сметливая Балкѣ скоро умѣла снискать расположение Екатерины до такой степени, что даже государь, можетъ быть въ угоду своей супругѣ, забылъ свою опѣлу на нее и на ея недавно овдовѣвшую сестру и показывалъ ей всѣ знаки царскаго вниманія. «Отпиши ко мнѣ — писалъ между прочимъ Петръ Екатеринѣ Алексѣвнѣ въ августѣ 1712 года — къ которому времени родить Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть».

Черезъ два мѣсяца, Петръ, приказывая очистить Эльбингъ отъ войскъ, велитъ озаботиться, чтобъ Матрена была бережно вывезена изъ крѣпости впередъ съ обозами. — Видно, что Петръ

не забывалъ того времени, когда зналъ Матрену еще дѣвужкой въ «Кукуй-городкѣ» и былъ счастливъ тамъ своею первою привязанностью.

Всѣ эти знаки царскаго вниманія дали Матренѣ Ивановѣ надежду на лучшія времена, и она стала рваться изъ Эльбинга въ Россію, ко двору, поближе къ тому свѣтлому центру, изъ котораго исторгло ихъ несчастіе сестры Анны.

Около этого времени и братъ ея Виллимъ уже далеко поднялся въ гору. Къ нему-то она теперь шлетъ письмо за письмомъ, чтобъ чрезъ вліятельныхъ особъ онъ вывелъ ее изъ далекаго Эльбинга, чтобъ у царя выхлопоталъ ей съ мужемъ переводъ по крайней мѣрѣ въ Або. «Здѣсь же все очень дорого—говорить она—а мужъ полтора года не получаетъ жалованья, и мы проживаемся; къ тому-же мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасаюсь за его жизнь».

Мало того, практическая Матрена не забываетъ выдвигать впередъ и своего сына Петра, который уже былъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ.

«Прошу васъ—пишетъ она къ брату—пожалуйста сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ у царя доброю оказіею былъ, понеже лучше чтобъ онъ у васъ былъ. Я надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пошлетъ его съ дѣлами въ Санктпетербургъ».

Скоро—какъ намъ уже извѣстно — умерла ихъ общая любимица, сестра Анна.

Но это семейное горе умѣрилось другимъ счастьемъ: братъ Виллимъ шелъ въ гору такъ быстро, что у всякаго на его мѣстѣ должна была закружиться голова — и дѣйствительно, голова закружилась не только у красавца Виллима, но и у его умной сестры Матрены.

Въ 1716 году, Виллимъ Монсъ изъ «генеральсь адъютантовъ» царя произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры ко двору царицы. Это была особая милость и царя и царицы: Виллимъ становится всесильнымъ временщикомъ даже при такомъ всезнающемъ и всевидящемъ царѣ, каковъ былъ Петръ.

«Я отъ сердца обрадовалась—писала по этому поводу сметливая Матрѣна къ брату—отъ сердца обрадовалась, что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи—боже помози вамъ и впредь! А вы ко мнѣ пишете—что то къ счастью или несчастью. Богъ васъ сохранить отъ всякаго несчастья».

Да, это было и къ громадному счастью и къ еще болѣе громадному несчастью и Виллима и Матрены.

Матрена Ивановна достигла своихъ стремлений—она опять при дворѣ. Счастье широко имъ улыбнулось, только счастья этого уже не раздѣляла ихъ бѣдная Анна, лежавшая уже въ сырой землѣ и утратившая тотъ прелестный образъ, которымъ такъ многіе когда-то любовались.

Братъ Матрены сталъ общимъ любимцемъ при дворѣ. Въ него влюблялись всѣ фрейлины и другія важныя дѣвицы и дамы, а Матрена охотно становилась посредницей между влюбленными. Черезъ ея руки шли любовныя записки, признанія—и все это послѣ обнаружилось, а обнаруженное—стало потомъ достояніемъ архивовъ и исторіи.

Но этого мало. Братъ Матрены скоро сталъ буквально заправлять русскою землею, а за нимъ поднималась и Матрена, такъ что передъ братомъ и сестрой преклонялось все: князь Андрей Вяземскій, Иванъ Шуваловъ, отецъ будущаго временщика Елизаветы Петровны, князь Александръ Черкасскій, Артемій Волинскій, эта крупная личность того времени, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Олсуфьевъ,

Иоганъ Эрнестъ Биронъ, будущій грозный временщикъ другого царствованія, Лестокъ—опять тоже будущій временщикъ, Гагаринъ, Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинъ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, Левъ Измайловъ, посолъ въ Китаѣ, Семень Нарышкинъ, князь Одоевскій, князь Никита Трубецкой, Владиміръ Шереметевъ, князь Сергѣй Юсуповъ—вся эта знать въ десяткахъ и сотняхъ то просительныхъ, то поздравительныхъ, то ласкательныхъ и заискивающихъ писемъ спѣшила расточать свою любезность передъ блестящимъ свѣтиломъ двора, повергать къ его ногамъ и къ ногамъ его сестры Матрены Ивановны свои просьбы, жалобы, челобитья и т. д. и т. д.—все это патенты на историческое безсмертіе и все это теперь покоится въ архивахъ на полкахъ, ждетъ будущихъ историковъ.

Вся эта масса патентовъ на безсмертіе раскрылась тогда же, когда всесильный братъ и сестра его были арестованы и бумаги ихъ разобраны были самимъ Петромъ въ тайной канцеляріи.

И братъ и сестра обвинены были въ крупномъ, поголовномъ взяточничествѣ. Было за ними и другое, тайное преступленіе, о которомъ исторія можетъ только догадываться, потому что Петръ своею рукою закрылъ это преступленіе отъ взоровъ исторіи...

Не касаясь дѣяній Виллима Монсъ, мы укажемъ только на нѣсколько случаевъ лихоимства Матрены Балкъ, что и послужило открытымъ предлогомъ для суда надъ нею.

Петръ Салтыковъ дарить ей возокъ, и вотъ Матрена Ивановна, зная, какъ силенъ братъ ея у императрицы, пишетъ ему: «Любезный братецъ! Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ ради-бога похлопотать объ его имѣніи: его туда не пускаютъ. Сдѣлай пожалуйста все, что только возможно, потому что старая императрица (царица Прасковья) хочетъ взять имѣніе себѣ, и Олсуфьевъ посылалъ уже туда сво-

ихъ приказчиковъ, чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова».

Князь Алексѣй Долгорукой даетъ ей тоже хорошую взятку—коляску да шестерку лошадей—и Матрена Ивановна снова пишетъ брату: «князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой меня просилъ, чтобъ я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ... Прошу, любезный братецъ, помоги ему: онъ совершенно на тебя полагается».

Другіе князя Долгорукіе, князь Федоръ, княгиня Анна, а также жена Василия Жукича Долгорукова, княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына—все это дарить Матрену съѣстными припасами, кофеемъ, опахалами, атласомъ китайскимъ, балберекомъ; даже царевны Прасковья Ивановна, Анна Ивановна и сама царица Прасковья дарятъ ей кто пятьдесятъ рублей, кто двѣсти червонныхъ.

Прослуживъ полтретья года (1717—1718) гофмейстериною при дворѣ Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, и попавъ потомъ ко двору Екатерины Алексѣевны, Матрена Балкъ жаловалась, что «одолжилась на этой службѣ многими долгами», и потому просила государыню пожаловать ей—въ уѣздѣ кексгольмскомъ «питерскій погостъ», да въ ковельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, да нѣскольکو деревень въ Украинѣ, оставшихся послѣ полковника Перекрестова.

Лѣтъ восемь продолжалось это темное царствованіе надъ русскою землею сестры и брата, которыхъ власть изъ честныхъ простыхъ нѣмцевъ низвела на такую степень гражданской демократизаціи, до которой трудно человѣку принизиться, не ослаби-

нужь окончательно отъ блеска опьяняющей и одурающей славы и власти.

А причина этому, главнымъ образомъ, была въ томъ, что великій Петръ сталъ сильно старѣть и хилѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало притупляться и его недреманное, зоркое око.

Только за два мѣсяца до смерти какая-то невидимая рука приподняла завѣсу съ заслѣпленныхъ глазъ царя: царь получилъ ясныя указанія на то, что Монсъ и его сестра Балъя обманываютъ его самымъ гнуснымъ образомъ, обманываютъ не только какъ царя, но и какъ супруга, нѣжно, до самой смерти любившаго своего послѣдняго «друга сердешнишкаго Катеринушку», которая замѣнила ему, насколько это было возможно, его первую любовь.

Царю кто-то подаль «сильненькое» письмо, а о чемъ или о комъ—то зналъ одинъ лишь царь да таинственный доносчикъ.

Это былъ страшный ударъ для государя: даже его желѣзную силу пошатнулъ этотъ ударъ.

Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1724 года послѣдовалъ арестъ Виллима Монса.

Узнавъ объ этомъ, Матрена Ивановна слегла въ постель: она поняла, что страшный топоръ занесенъ и надъ ея умной головой.

Рано утромъ, 13 числа, дѣйствительно явился и къ ней страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи. Генеральша должна была встать съ постели и слѣдовать за Ушаковымъ въ его домъ, оцѣпленный стражей.

Страшенъ былъ допросъ Виллима Монса: его допрашивалъ самъ царь, при одномъ видѣ котораго подсудимый упалъ въ обморокъ. Но Матрена Ивановна ничего пока этого не знала: она должна была сама давать показанія на вопросы, которые и ей задавалъ самъ государь. Въ чемъ состояли эти устные

вопросы и отвѣты—осталось никому неизвѣстнымъ кромѣ царя и самой допрашиваемой.

На бумагѣ же со словъ ея было записано слѣдующее:

— Брала я взятки съ служителей Грузинцовыхъ сто рублей.

— Купецкой человѣкъ Красносельцовъ далъ четыреста рублей.

— Купчина Юринской, бывший съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайской атласъ.

— Купецъ иноземецъ Мееръ триста червонныхъ.

— Капитанъ Альбрехтъ долгу своего на мнѣ уступилъ сто двадцать рублей.

— Сынъ игумены, князь Василій Ржевской, закладныя мои серьги во ста рубляхъ отдалъ безденежно.

— Посоль въ Китаѣ Левъ Измайловъ, по приѣздѣ, подарилъ три косяка камки да десять фунтовъ чаю.

— Петръ Салтыковъ—старый недорогой возокъ.

— Астраханской губернаторъ Волынской—полпуда кофею.

— Великій канцлеръ графъ Головкинъ—двадцать возовъ сѣна.

— Князь Юрій Гагаринъ—четыре серебряныхъ фляши.

— Князь Федоръ Долгоруковъ—полпуда кофею.

— Князь Алексѣй Долгоруковъ далъ старую коляску да шестерикъ не дорогихъ лошадей.

— Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ на именины подарилъ мнѣ маленькой перстень алмазной, а послѣ пятьдесятъ четвертей муки.

— Его высочество герцога голштинской—два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ, и ленту.

— Купчиха Любъ—парчу на кафтанъ, штофу шелкового на самаръ.

— Баронесса Строганова—балбереку тридцать аршинъ.

— Баронесса Шафирова, жена бывшего вице-канцлера—штофъ шелковой.

— Княгиня Червасская—атласъ китайской.

— Княгиня Долгорукова, жена посла Василя Лукича—опахало.

— Княгиня Анна Долгорукова—запасу разнаго.

— Княгиня Анна Ивановна Голицына—тоже.

— Княгиня Меншикова—на имянины ленту шитую золотомъ.

— Царевна Прасковья Ивановна — четыреста или пятьсотъ рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила; отъ нея-жъ кусоѣ полотна варандорфскаго и запасы съѣстные—запасы тѣ за то, чтобъ просила я у брата о домовомъ ея раздѣлѣ съ сестрами.

— Царевна Анна Ивановна, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

— Царица Прасковья Федоровна подарила двѣсти червонцевъ.

— Да нынѣ, въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домового, а сколько и когда—не помню.

Въ тотъ же день, 13 ноября, послѣ полудня, отрядъ солдатъ съ чиновникомъ и барабанщиками проходилъ по улицамъ и площадямъ Петербурга, и когда сбѣгался народъ на барабанный бой, ему объявляли, чтобъ каждый изъ нихъ, кто давалъ взятки камергеру Монсу и сестрѣ его генеральшѣ Балъ, или знаетъ что объ этомъ, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія начальства, подѣ страхомъ тяжкаго наказанія.

14 ноября—тотъ же барабанный бой по городу.

15 ноября состоялось постановленіе «вышняго суда»:—«учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь».

15 же ноября самъ государь на докладѣ дѣла написалъ:
«**Матрену Балкшу**—бить кнутомъ и сослать въ **Тобольскъ**».
Другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу подвергнуть инымъ соотвѣтственнымъ наказаніямъ, и въ томъ числѣ перваго пажы **Екатерины**, **Григорія Солового**—высѣчь батогами и написать въ солдаты.

15 же ноября на стѣнахъ домовъ въ **Петербургѣ** прибита была слѣдующая публикація:

1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго, объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на троицкой площади экзекуція бывшему камергеру **Виллиму Монсу**, да сестрѣ его **Балкшѣ**, подъячему **Егору Столѣтову**, камеръ-лакею **Ивану Балакиреву** (знаменитому шуту **Балакиреву**!)—за ихъ плутовство такое: что **Монсъ**, и сестра его, и **Егоръ Столѣтовъ**, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали винныхъ плутовъ отъ обличенія винъ ихъ, и брали за то великія взятки, и **Балакиревъ** въ томъ **Монсу** и прочимъ служилъ.

16 ноября **Монсу** отрублена была голова.

Тутъ же, у трупы брата, **Матренѣ Балкѣ** читано было:

«**Матрена Балкѣ**! понеже ты вступила въ дѣла, которыя дѣлала чрезъ брата своего **Виллима Монса** при дворѣ его императорскаго величества, непристойныя ему, и за то брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество—бить тебя кнутомъ и сослать въ **Тобольскъ** на вѣчное житье».

Экзекуція кончилась.

Тутъ же, на особыхъ столбахъ, прибиты были росписи взятокъ: имена тѣхъ, кто бралъ, и тѣхъ—кто давалъ.

Все это дѣло **Монса** и его сестры—странное и таинственное дѣло.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Россіи такъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ:

«Въ ноябрѣ 1724 года государь Петръ I испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, вдова генерала Б а л к ѣ. Монсъ приобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Е к а т е р и н ы, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ—заключаетъ этотъ историкъ—изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры: преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе»...

Другіе же, менѣе достовѣрные повѣствователи этого событія рассказываютъ дѣло съ подробностями, не совсѣмъ вѣроятными, хотя и построенными на исторической основѣ, на фактахъ, которыхъ отрицать нельзя.

Говорятъ, что Монса погубила собственная красота его и злоупотребленіе ею, а сестру его—неумѣстная услужливость.

Гельбигъ повѣствуетъ, что когда Монсъ заслужилъ особенное вниманіе Е к а т е р и н ы А л е к с ѣ в н ы и сталъ имъ охотно пользоваться, то «чтобъ удержать взаимную склонность въ границахъ приличія, необходимо было дать этому любимцу какое-нибудь мѣсто при дворѣ, и, такимъ образомъ, вести интригу, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія. Е к а т е р и н а повела дѣло искусно: Монсъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, а потомъ въ камергеры ея двора. Петръ ничего не подозрѣвалъ; разъ только

царевна Елизавета, тогда еще болтливый и рѣзвый ребенокъ, рассказала, что маменька очень смутилась, когда она приходомъ своимъ прервала бесѣду ея съ Монсомъ. Отецъ не обратилъ вниманія на дѣтскую болтовню, и дѣло на ту пору обошлось безъ послѣдствій. Нѣсколько времени спустя, Петръ получилъ доносъ болѣе опредѣленный; тогда онъ далъ генеральшѣ Балкъ щекотливое порученіе подсматривать за братомъ. 8 ноября 1724 года, государю вздумалось съѣздить въ Шлиссельбургъ. По доносу П. И. Ягужинскаго, ревнивый Петръ, нѣсколько часовъ спустя, вернулся въ городъ и никѣмъ не замѣченный пробрался во дворецъ (нынѣ екатерининскій институтъ), гдѣ и засталъ супругу, бесѣдующую съ Монсомъ: тутъ же была его сестра, Балкъ».

Послѣ ужасной сцены—по словамъ того же Гельбига—Петръ ужиналъ, по обыкновенію, во дворцѣ, а на другой день Монсъ былъ арестованъ; вслѣдъ за Монсомъ посадили въ крѣпость Матрену Балкъ, секретаря императрицы и одного камеръ-лакея. Петръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, самъ снималъ допросы съ виновнаго. Дѣятельнымъ пособникомъ при розыскѣ былъ Ушаковъ. Рассказываютъ, что при этомъ монархъ пришелъ однажды въ такой гнѣвъ, что хотѣлъ собственноручно покарать красавца-камергера, но Никита Ивановичъ Рѣпинъ, случившійся при этомъ, удержалъ разгнѣваннаго властелина. Слѣдствіе и судъ произведены были съ необыкновенною скоростью. 10-го ноября обвиненнаго привезли въ зимній дворецъ, гдѣ собрался верховный судъ. Рассказываютъ, что здѣсь несчастнаго схватилъ параличъ. 16-го ноября Монсъ былъ выведенъ изъ крѣпости, подъ прикрытіемъ большого конвоя.—Онъ простился съ дворовыми людьми своими, которые проливали слезы, обнимая въ послѣдній разъ своего господина. Близъ сената, на петербургской сторонѣ, на томъ са-

момъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибъ на висѣлицѣ князь Гагаринъ, прочитанъ былъ Монсу смертный приговоръ. Официальнымъ предлогомъ къ его осужденію было обвиненіе въ лихоимствѣ.—Камергеръ выслушалъ приговоръ съ необыкновенною твердостью; снялъ съ себя нагольный тулупъ, шейный платокъ, положилъ голову на плаху, подарилъ сопровождавшему его пастору золотые часы съ портретомъ государыни и просилъ у палача одной милости—отрубить голову скорѣе, съ одного удара. Голова была отдѣлена отъ туловища и взоткнута на шесть, а тѣло долго еще лежало на мѣстѣ казни. Въ тотъ же день, мимо рокового помоста проѣхалъ государь въ саняхъ съ своею супругою и указалъ трепещущей Екатерины на голову нѣкогда дорогаго ей камергера.

Не смѣя заступиться за него во время слѣдствія и суда, Екатерина, говорятъ, молила государя о пощадѣ Матрены Балъ, сестры несчастнаго Монса. Разгнѣванный Петръ ударомъ кулака разбилъ большое венеціанское зеркало. «Видишь—сказалъ онъ женѣ — одного удара достаточно было, чтобъ разбить эту драгоцѣнность: одного слова будетъ довольно, чтобъ обратить тебя въ прахъ, изъ котораго я тебя возвысилъ. Нѣжная супруга сія—повѣствуетъ Голиковъ — съ умиленнымъ прискорбіемъ взглянувъ на великаго монарха, отвѣчала: «вы разбили прекрасное украшеніе своего дворца—неужели вы думаете, что дворецъ станетъ отъ этого лучше?»

Говорятъ также, что отрубленную голову Монса государь приказалъ положить въ спиртъ и поставилъ сначала ее въ кабинетъ императрицы, а потомъ отдалъ на сохраненіе въ академическій музей вмѣстѣ съ хранившеюся уже тамъ другою прекрасною отрубленною головою дѣвицы Гамильтонъ, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Разсказываютъ при этомъ, что государь хотѣлъ наказать и Екатерину, но только Толстой и Остерманъ остановили разгнѣваннаго монарха: они представили ему, что если Екатерину постигнетъ безславная смерть, то безславіе это падетъ и на дочерей государя, ни въ чемъ неповинныхъ великихъ княженъ, и бѣдныя дѣвушки не найдутъ жениховъ. Прибавляютъ къ этому, что Петръ хотѣлъ будто бы лишить жизни и своихъ неповинныхъ дочерей, но ходившая за ними француженка-гувернантка спасла своихъ воспитанницъ, спрятавшись съ ними, въ моментъ гнѣва государя, подъ столъ.

Въ числу бездоказательныхъ добавленій къ этимъ событіямъ принадлежитъ и то, будто бы Екатерина за смерть Монса заплатила Петру отравой, въ чемъ ей помогъ Меншиковъ. — Ясно, что это сказки, какъ результатъ тогдашнихъ догадокъ, перешептываній: — всякій не дознанный фактъ родитъ фабулу, мифъ, легенду.

Что касается лично до Матрены Балъ, то легенда присовокупляетъ, что женщина эта молила царя о пощадѣ, напоминала ему о его первой, молодой любви къ покойной сестрѣ ея — и Петръ, будто бы, обнялъ ее, поцѣловалъ, но не простилъ: «прощеніе не въ моей власти», сказалъ монархъ; однако же смягчилъ жестокость публичной казни, повелѣвъ дать сестрѣ Анны Монсъ вмѣсто десяти ударовъ внутомъ—пять.

Въ основѣ и эти фабулы имѣютъ долю правды; но подробности—больше чѣмъ сомнительны.

Черезъ два мѣсяца послѣ этой катастрофы государь умираетъ: — болѣе чѣмъ вѣроятно, что глубокое огорченіе, причиненное ему Монсами, свело въ могилу этого великана русской земли раньше срока, положеннаго ему его желѣзною, незнавшею устали натурою.

На престолъ вступаетъ императрица Екатерина Первая.

Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только что возвѣщалось по улицамъ и площадямъ созданной имъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина—говорить новѣйшій изслѣдователь этой эпохи на основаніи архивныхъ документовъ—изрекла милостивое прощеніе бывшей своей довѣреннѣйшей подругѣ, Матренѣ Балкѣ, и всѣмъ пострадавшимъ по ея дѣлу.

Прощеніе изрекалось въ такой формѣ: «ради поминовенія блаженныхъ и вѣчно достойныхъ памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу не ссылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ вышняго суда, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ»..

Ее воротили съ дороги.

Москва, нѣмецкая слобода, мѣсто родины, мѣсто дѣтскихъ игръ съ покойною сестрою Анною, мѣсто перваго знакомства съ великимъ царемъ, тоже покойникомъ—вотъ что нашла Матрена Балкѣ вмѣсто далекаго и холоднаго Тобольска.

Но она была уже стара: не много лѣтъ оставалось ей прожить въ довольствѣ и счастьи, что едва ли совмѣстно съ жгучими воспоминаніями о пережитой жизни, о прекрасной головѣ брата, взоткнутой на шесть, о чахоточной сестрѣ, съѣденной этою самою жгучею жизнью.

Но у Матрены Балкѣ были дѣти. Ея красавицу дочь Наталью ожидала такая же страшная судьба, какъ страшно было все въ то удивительное время. —Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Фрейлина Гамильтонъ.

(Фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ).

Между историческими женскими личностями, которыя заслужили безсмертіе или славною дѣятельностію, вписавшею имена ихъ въ списокъ лучшихъ людей человѣчества, или непосредственнымъ отношеніемъ къ лицамъ и событіямъ, достойнымъ вѣчной исторической памяти, или же, наконецъ, превратностями своей судьбы,—къ сожалѣнію есть и такія, на долю которыхъ выпало безсмертіе иного рода, безсмертіе—какъ историческая кара за злыя дѣянія, за роковыя ошибки, за униженіе человѣческаго имени. Исторія не обходитъ ни Леонида, павшаго при Фермопилахъ для спасенія отечества, ни Герострата, безумно сжегшаго храмъ Діаны, это чудо свѣта; она даетъ безсмертіе матери Гракховъ; она же не можетъ отнять безсмертія и у матери Нерона. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что наше, русское, прошедшее даетъ намъ примѣровъ безсмертія перваго рода больше чѣмъ послѣдняго.

Къ несчастнымъ личностямъ послѣдняго рода между историческими русскими женщинами слѣдуетъ отнести дѣвицу Га-

милътонъ, помѣщицу Дарью Салтыкову, извѣстную болѣе подъ именемъ Салтычихи, и нѣкоторыхъ другихъ.

Дѣвица Гамильтонъ принадлежала къ одной отрасли древнѣйшихъ и именитѣйшихъ родовъ шотландскихъ и датскихъ, переселившейся въ Россію въ царствованіе Грознаго и породнившейся потомъ съ знаменитою фамиліею боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, которому Марія Гамильтонъ приходится внучкой.

Около 1713 года дѣвица Гамильтонъ является фрейлиною супруги Петра I, императрицы Екатерины Алексѣевны.

О дѣтствѣ Маріи Гамильтонъ ничего не извѣстно: кто была ея мать; руководила ли дѣтскимъ развитіемъ дѣвочки нѣжная заботливость матери, или дѣвочка лишена была этого руководства и несчастный ребенокъ брошенъ былъ на произволъ слѣпого случая—объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Исторія застаётъ эту знатную дѣвушку уже при дворѣ, фрейлиной. Дѣвушка пользуется расположеніемъ и царя и его супруги до самаго года своей роковой кончины, послѣдовавшей въ 1719 году. Есть гадательныя свидѣтельства о томъ, что дѣвица Гамильтонъ была, будто бы, очень близка къ великому преобразователю Россіи; и какъ фрейлина, отличенная особымъ вниманіемъ государя, пользовалась не малымъ значеніемъ при дворѣ, жила въ роскоши, имѣла нѣчто вродѣ своего штата изъ дѣвушекъ, изъ камеръ-фрау, ей прислуживавшихъ, и вообще окружена была почетомъ и всеобщимъ вниманіемъ.

Есть извѣстія, что Гамильтонъ отличалась замѣчательною красотою: когда, впослѣдствіи, голова Гамильтонъ была отрублена на плахѣ, то эту прекрасную голову, уже мертвую, великій царь цѣловалъ передъ всѣмъ народомъ. — Но объ этомъ послѣ.

Какъ первая при дворѣ красавица, соперницами которой могли быть развѣ только княгини Марья Юрьевна Черкасская, двѣ Головкины, Измайлова и генеральша Чернышова, которую Петръ называлъ «Авдотья бой-баба»,—фрейлина Гамильтонъ блистала на придворныхъ ассамблеяхъ, привлекала толпы поклонниковъ, въ числѣ которыхъ, послѣ самаго царя, сердце ея отмѣтило одного счастливца:—съ нимъ она не разлучалась до своей страшной смерти. Это былъ одинъ изъ царскихъ любимцевъ, «деньщикъ» государя Иванъ Михайловичъ Орловъ. Царскіе деньщики въ то время были тоже, что въ нынѣшнее время флигель-адъютанты.

Гамильтонъ тѣмъ болѣе привязывалась къ своему любимцу, чѣмъ болѣе замѣчала охлажденіе къ себѣ императора, который, будто бы, при своей до крайности подвижной натурѣ, легко мѣнялъ свои временныя привязанности, хотя такой взглядъ на Петра, по нашему мнѣнію, крайне ошибоченъ: болѣе чѣмъ кто-либо Петръ былъ постояненъ въ своихъ привязанностяхъ.

Обстоятельства способствовали роковому сближенію Гамильтонъ съ Орловымъ. Когда въ началѣ 1716 года, государь и государыня отправились за границу, Гамильтонъ сопровождала ихъ въ качествѣ фрейлины двора императрицы, а Орловъ не разставался съ государемъ какъ одинъ изъ расторопныхъ молодыхъ деньщиковъ его.

Несчастная связь ихъ скоро, однако, кончилась самой страшной развязкой для дѣвушки.

Года черезъ два, въ Петербургѣ обнаружилось, что послѣдствіемъ близкихъ отношеній дѣвицы Гамильтонъ съ Орловымъ была неоднократная беременность дѣвушки. Обнаружилось также, что Гамильтонъ, желая скрыть свое несчастное положеніе отъ постороннихъ, а равно отъ царя и его и свое-

го любимца, прибѣгала къ преступнымъ мѣрамъ — къ дѣтскому убійству.

Преступленія ея были обнаружены царемъ совершенно случайно и притомъ такъ, что невольною причиною гибели своей и царской любимицы былъ тотъ, кого дѣвушка любила — самъ Орловъ. Однажды онъ, узнавъ о какомъ-то тайномъ сходбищѣ и развѣдавъ о людяхъ, составлявшихъ это общество, подалъ царю обстоятельный доносъ на заговорщиковъ. Это было вечеромъ. Государь, прочитавъ доносъ своего деньщика, положилъ его въ карманъ и занялся другими дѣлами. Ложась спать, онъ обыкновенно приказывалъ деньщикамъ класть свой сюртукъ или къ себѣ подъ подушку или на стулъ у кровати. Такъ дѣлалъ и Орловъ, раздѣвавшій въ этотъ вечеръ государя. Когда Петръ заснулъ и дежурство Орлова кончилось, онъ отправился куда-то къ своимъ пріятелямъ и прогулялъ съ ними всю ночь.

Государь, по обыкновенію просыпавшійся очень рано, сталъ искать въ карманѣ доносъ Орлова, чтобъ вновь прочитать, и не нашелъ его тамъ. Бумага пропала. Полагая, что доносъ украденъ, государь закипѣлъ гнѣвомъ и приказалъ позвать Орлова, который одинъ долженъ былъ знать, что случилось съ доносомъ, потому что на ночь раздѣвалъ царя. Орлова не нашли. Гнѣвъ Петра дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда, наконецъ, гонцы отыскивали загулявшаго деньщика и привели къ государю. Не зная истинной причины царскаго гнѣва и полагая, что Петръ узналъ о его дружеской связи съ камеръ-фрейлиною ея величества, «дѣвкою» Марьею Гаментовою, какъ тогда называли фрейлинъ («дѣвки»), Орловъ, при видѣ гнѣвнаго царя, упалъ на колѣни.

— Виновать, государь! — взмолился Орловъ: — люблю Марьюшку! (такъ звали при дворѣ эту красавицу фрейлину

и такъ называлъ ее самъ царь: «дѣвка М а р ь ю ш к а», «дѣвка Авдотья бой-баба» и другія фрейлины).

Петръ сразу понялъ, что бумагу не Орловъ взялъ, и сталъ уже спрашивать его какъ виновнаго въ близкихъ отношеніяхъ къ его бывшей фавориткѣ.

— Давно ль ты ее любишь? спросилъ царь.

— Третій годъ.

— Бывала ли она беременна?

— Бывала.

— Значить, и рожала?

— Рожала, да мертвыхъ.

Петръ, какъ хорошій слѣдователь, не остановился на этомъ. Онъ нападалъ на слѣдъ преступленія.

— Видалъ ты ихъ мертвыхъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нея сіе зналъ, отвѣчалъ трепетавшій деньщикъ.

Петръ вспомнилъ, что, не задолго передъ этимъ, у дворцоваго фонтана, въ лѣтнемъ саду, найденъ былъ мертвый ребенокъ, завернутый въ придворную салфетку, и матери ребенка не могли отыскать.

Царь тотчасъ же приказалъ привести къ себѣ подозрѣваемую фрейлину. Г а м и л ь т о н ѣ сначала клялась, что она невинна, но скоро потомъ уличена была свидѣтелями и разными другими обстоятельствами.

— Зналъ ли объ этихъ убійствахъ Орловъ? спрашиваетъ снова царь.

— Нѣтъ, Орловъ не зналъ, отвѣчаетъ несчастная преступница.

Орловъ былъ посаженъ въ крѣпость, «а надъ фрейлиною— говорить современникъ—убійцею нераскаянною государь повелѣлъ нарядить уголовный судъ».

Злополучная бумага, бывшая причиною раскрытія преступлений, найдена была въ курткѣ государя: карманъ въ немъ поролся, и доносъ попалъ между сукномъ куртка и подкладкой.

Судъ по этому дѣлу былъ неумолимъ. Рассказываютъ, что гнѣвъ Петра еще болѣе старался увеличивать всесильный уже въ то время князь Меншиковъ, который былъ самъ равнодушенъ къ Гамильтонъ и, кромѣ того, боялся, что красавица эта могла вытѣснить изъ сердца государя привязанность его къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, пользовавшейся покровительствомъ Меншикова еще до того времени, когда царь обратилъ на нее вниманіе и приблизилъ къ себѣ. Но и безъ этого государь находился въ ту пору въ страшномъ нравственномъ возбужденіи: это были тѣ самые дни, когда шелъ судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, кончившійся смертію царевича и страшными казнями его соучастниковъ.

21 іюня 1718 года Гамильтонъ была допрашивана въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и повинилась во всемъ. Но слѣдователи на этомъ не остановились: она была пытана въ «застѣнкѣ», и «съ виски» (одинъ родъ пытки) подтвердила свое признаніе. Въ присутствіи государя, лично прибывшаго въ застѣпокъ, несчастную дѣвушку вновь пытали—дали пять ударовъ кнутомъ: она ничего новаго не сказала.

Похоронивъ царевича Алексѣя Петровича, царь отправляется на море и приказываетъ продолжать розыскъ по дѣлу Гамильтонъ. Ее пытаются «вдругорядъ», и узнаютъ тоже, что знали и прежде—ничего новаго.

Замѣчательно, что во время всѣхъ этихъ страшныхъ пыточныхъ мукъ, дѣвушка ни однимъ словомъ не промолвилась, даже подъ невыносимыми пытками, о виновности того, кого она любила, тогда какъ Орловъ малодушно, боясь пытокъ, лгалъ на

нее, присылая изъ крѣпости, гдѣ онъ сидѣлъ, собственноручныя письма и извѣты въ розыскную канцелярію, а потомъ каялся, что писалъ ложь, будто бы въ безпамятствѣ: «и притомъ—пишетъ онъ въ послѣднемъ письмѣ—прошу себѣ милостиваго помилованія, что я въ первомъ письмѣ написалъ лишнее: когда мнѣ приказали написать, и я со страху и въ безпамятствѣ своемъ написалъ все лишнее... Клянусь живымъ Богомъ, что всего въ письмѣ не упомяну, и ежели мнѣ въ этомъ не повѣрять, чтобы у иныхъ спросить—того не было».

27 ноября 1718 года надъ виновною фрейлиною состоялся смертный приговоръ:

«Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, слушавъ вышеписаннаго дѣла и выписки, указалъ—по имянному своему великаго государя указу—дѣвку Марью Гаментову, что она съ Иваномъ Орловымъ жила блудно и была оттого беременна трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила, за такое ея душегубство... казнить смертию».

Съ подписаніемъ приговора фрейлину заковали въ желѣзо.

Государь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ отправился къ олонечнымъ марціальнымъ водамъ, а осужденная фрейлина томила въ заключеніи до возвращенія царя.

Такъ прошло четыре мѣсяца. Долгое заточеніе фрейлины — говоритъ современный намъ составитель обстоятельнаго изслѣдованія объ этой несчастной жертвѣ распущенности нравовъ прошлаго вѣка—и тяжкія ея страданія возбудили наконецъ жалость у государыни, и она, умоляемая свойственниками и родными несчастной фрейлины, рѣшилась ходатайствовать о ея прощеніи. Она тѣмъ болѣе надѣлась на успѣхъ, что видѣла родъ нерѣшитель-

ности со стороны царя казнить бывшую ея фрейлину, такъ какъ со времени подписанія смертнаго приговора прошло четыре мѣсяца. Много и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ присоединились къ просьбѣ императрицы: она убѣдила заступиться за нее любимую невѣстку Петра — царицу Прасковью Федоровну, пользовавшуюся большимъ уваженіемъ государя. — Царица не отказалась отъ попытки умиловить Петра, и съ этою цѣлью, наканунѣ казни, пригласила къ себѣ государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого, подписавшаго смертный приговоръ злополучной фрейлины. Трое названныхъ вельможъ уже приготовлены были къ просьбѣ, и съ своей стороны общали ее поддержать. Въ общемъ разговорѣ, царица Прасковья искусно свела рѣчь на Гамильтонъ, извиняла ея преступленія человѣческою слабостью, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ государѣ, сравнивала земного владыку съ царемъ небеснымъ, который долготерпѣливъ и многомилостивъ. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой, вслѣдъ за царицей, стали тоже просить за фрейлину, говоря въ смыслѣ словъ священнаго писанія о помилованіи. Царь былъ въ духѣ. Выслушавъ челобитье, онъ спросилъ невѣстку:

— Чей законъ есть на таковыя злодѣянія?

— Вначалѣ божескій, а потомъ государевъ, отвѣчала царица.

— Что жъ именно законы сіи повелѣваютъ? не то ли, что «проливая кровь человѣческую, да проліется и его?».

Царица должна была согласиться, что за смерть — смерть.

— А когда такъ — сказалъ Петръ — поразсудя, невѣстуха: ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тягчае законъ божій уничтожить? Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, которые, неразсудною милостію законъ божій преступя, погибли тѣломъ и душою... И если вы (онъ обратился

къ вельможамъ) имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите какъ хотите—я спорить не буду.

Всѣ умоляли. Никто не рѣшался ни брать на себя отвѣта, ни дѣлать то, на что не было охоты у повелителя.

На слѣдующее утро послѣ этого, 14 марта 1719 года, лишь только стало разсвѣтать, на троицкой площади, близъ петропавловской крѣпости, собралась толпа народа, давно привыкшаго къ казнямъ. Солдаты цѣпью окружали эшафотъ. Тамъ же, на позорномъ столбѣ и на колесахъ торчали головы, все еще не похороненныя: это были головы тѣхъ, которые были казнены 8 декабря предшествовавшаго года, какъ соучастники по дѣлу несчастнаго царевича Алексѣя Петровича.

Явился и государь на мѣсто казни. Изъ крѣпости вывели осужденную фрейлину вмѣстѣ съ ея горничною, знавшею о преступленіи госпожи. Осужденная до послѣдняго мгновенья ждала помилованія. Догадываясь, что самъ государь будетъ при казни, она одѣлась въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами, въ надеждѣ, что красота ея, хотя уже поблекшая отъ пытокъ и заточенія, произведетъ впечатлѣніе на монарха, напомнить ему тѣ часы, когда и онъ ее любилъ и ласкалъ (если только это было)... Но несчастная ошиблась. Правда, государь былъ ласковъ, простился съ нею, поцѣловалъ ее, и даже, говорятъ, далъ ей слово, что къ ней не прикоснется нечистая рука палача. Однако прибавилъ въ заключеніе:

— Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти... И такъ прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только ему съ раскаяніемъ и вѣрою.

Она упала на колѣни и молилась. Государь что-то шепнулъ на ухо палачу. Присутствовавшіе думали, что онъ изрекъ все-

милостивѣйшее прощеніе — но ошиблись: царь отвернулся... Сверкнулъ топоръ—и голова скатилась на помость. Царь исполнилъ обѣщаніе: тѣло красавицы не было осквернено прикосновеніемъ рукъ палача.

Великій Петръ поднялъ мертвую голову и почтилъ ее поцѣлуемъ.

Такъ какъ онъ считалъ себя свѣдущимъ въ анатоміи, то при этомъ случаѣ долгомъ почелъ показать и объяснить присутствующимъ различныя жилы на головѣ. Поцѣловавъ ее въ другой разъ, бросилъ на землю, перекрестился и уѣхалъ съ мѣста казни.

Конфисковавъ въ казну нѣкоторыя оставшіяся послѣ казненной драгоценныя вещи, великій Петръ приказалъ конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имѣла несчастная фрейлина—ея красивую голову.

Голова Гамильтонъ была положена въ спиртъ и отдана въ академію наукъ, гдѣ ее хранили въ особой комнатѣ, съ 1724 года, вмѣстѣ съ такою же красивою головою камергера Монса, брата знаменитой и самой первой любимицы Петра, Анны Монсъ, перваго красавца всего тогдашняго Петербурга, любимца императрицы Екатерины I, казненнаго, какъ говорилось выше, по повелѣнію царя, который подозрѣвалъ, что Екатерина и Монсъ любили другъ друга. Голова Монса, по приказанію царя, долго стояла въ кабинетѣ царицы для ея назиданія, а потомъ сдана въ академію, гдѣ была уже въ спирту и голова Гамильтонъ. Воля монарха исполнялась съ величайшею точностью. За головами былъ большой уходъ до смерти Петра и до восшествія на престолъ Екатерины I. Когда же увидѣли, что императрица забыла о бывшемъ любимцѣ своемъ, отрубленную голову котораго, послѣ казни въ теченіе нѣсколькихъ дней, ви-

дѣла передъ собой въ кабинетѣ, то и смотрителя академіи за-
были объ этихъ годахъ.

Спустя шестьдесятъ лѣтъ объ нихъ вспомнили....

Это было въ 1780 годахъ. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, въ качествѣ президента академіи, пересматривала счета этого заведенія и нашла, что чрезвычайно много выходитъ спирту. Между прочимъ, она замѣтила, что спиртъ отпускается на двѣ головы, хранимыя въ подвалѣ, въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго ввѣренъ особому сторожу; но онъ самъ не зналъ, чьи головы находятся подъ его охраной.

Долго рылись въ архивѣ. Наконецъ, нашли владѣльцевъ головъ: это были—двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ и камергеръ Виллимъ Ивановичъ Монсъ. Княгиня Дашкова донесла о находкѣ императрицѣ Екатерины II. Головы принесли во дворецъ, разсматривали, и всѣ удивлялись сохранившимся слѣдамъ ихъ прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали въ погребу.

Достойно вниманія, что злополучная фрейлина Гамильтонъ почти до нашего времени жила въ преданіяхъ академическаго музея («кунсткамеры»).

Какъ о всѣхъ почти историческихъ герояхъ о Гамильтонъ составила народная легенда.

«Лѣтомъ 1830 года я былъ въ кунсткамерѣ (писалъ, въ 1860 году, въ одну изъ русскихъ газетъ, г. Эндогуровъ). Нѣсколько посѣтителей, должно быть, изъ купцовъ, осматривали монстровъ, въ сопровожденіи чичероне-сторожа, который объяснялъ имъ все, по своему уразумѣнію. Услышавъ ѡханье и бханье купцовъ, я подошелъ къ нимъ и со мною вмѣстѣ очень

почтенный человекъ съ орденомъ на шеѣ. Сторожъ, указывая на банку съ головой, объяснилъ: «при государѣ Петрѣ I была необыкновенная красавица, которую какъ увидѣлъ государь, такъ и приказалъ отрубить ей голову и поставить въ спиртъ въ кунсткамерѣ, на вѣчныя времена, чтобъ всѣ и во всѣ времена могли видѣть, какія красавицы рождаются на Руси». Почтенный человекъ, съ орденомъ на шеѣ, выслушавъ рассказъ, возвысилъ голосъ и сталъ выговаривать сторожу, что онъ рассказываетъ нелѣпости, и, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ его, сказалъ: «какъ можно, чтобъ такой великій и правосудный государь, какъ былъ Петръ I, поступилъ такъ съ невинною красавицею! Напротивъ, это голова придворной особы, которая дѣвицею разрѣшилась отъ бремени, и, изъ желанія скрыть свой стыдъ, убила ребенка, что и было открыто; судъ же приговорилъ ее къ смертной казни. А такъ какъ она была красавица, то государь повелѣлъ голову ея хранить въ спирту вмѣстѣ съ прочими монстрами».... «Не помню (продолжаетъ далѣе г. Эндогуровъ), про кого изъ преемниковъ Петра I онъ говорилъ, что, увидѣвъ голову красавицы, онъ приказалъ выставить ее въ кунсткамерѣ на видное мѣсто, чтобъ простой народъ, имѣвшій доступъ въ музей во время святой недѣли, могъ видѣть голову женщины, рѣшившейся на такое злодѣяніе, рассказывать исторію ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что будто бы участь этой красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный домъ и пріемъ въ оный, секретно, незаконнорожденныхъ дѣтей».

«Въ 1833 году я опять былъ въ кунсткамерѣ (продолжаетъ г. Эндогуровъ), и тотъ же сторожъ успѣшилъ рассказать намъ свою прежнюю исторію. Я напомнилъ ему о томъ господинѣ, который остановилъ его въ 1830 году, но ветеранъ, махнувъ ру-

кою, сказалъ: «гдѣ имъ знать? мы не мало лѣтъ живемъ здѣсь, такъ ужъ лучше знаемъ».

Оказалось, что это была голова не фрейлины Гамильтонъ, а какого-то мальчика, какъ рѣдкій экземпляръ великолѣпно сохранившейся въ спирту человѣческой головы.

Голова же несчастной Гамильтонъ, какъ мы видѣли выше, зарыта въ подвалѣ около ста лѣтъ тому назадъ.

.

Кронъ-принцесса Шарлотта.

(Супруга царевича Алексѣя Петровича).

Двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича. Мало того, роковымъ отношеніямъ этихъ женщинъ къ царевичу Россія обязана тѣми долгими муками, которыя привелось переживать ей въ теченіе всего восемнадцатаго столѣтія именно потому, что Алексѣй въ жизни своей столкнулся съ этими двумя женщинами и что наиболѣе изъ нихъ любимая имъ невольнo свела царевича въ могилу, когда, быть можетъ, ему оставалось еще жить очень долго.

Женщины эти были—кронъ-принцесса Шарлотта, которую царевичъ не любилъ, и Афросинья Федорова, крѣпостная дѣвка Вяземскаго, которую несчастный царевичъ любилъ повидимому первою и послѣднею любовью и для которой отказывался отъ отца, отъ короны и скипетра, отъ обладанія всею русскою землею.

Въ годъ полтавской побѣды, въ маѣ 1709 года, Петръ отправилъ царевича за границу учиться. Пребываніе Алексѣя Петровича за границею должно было имѣть и другую цѣль: отецъ задумалъ его женить на какой-нибудь иноземной принцессѣ.

«Зоонъ!—писалъ царь къ сыну, называя его «зоономъ», т. е. «сыномъ», поѣмцами или поголландски—Sohn.—«Зоонъ! объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправить, и, кому съ вами ѣхать, прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, такъ геометрію и фортификацію, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію скончаешь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ».

«Отпиши»—это, значить, конецъ ученью и начало женитьбы.

Черезъ полтора года приставленные къ царевичу дядьки—князь Трубецкой и графъ Головкинъ, уже пишутъ царю: «Государь царевичъ обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей, о которыхъ 7 сего декабря мы доносили, выучилъ еще профондиметрію и стереометрію, и такъ съ божіею помощію геометрію всю окончилъ».

Пора и женить; но женить на иноземкѣ, чтобъ съ молодою женою сына царя-преобразователя пересадить на русскую почву новую женщину взамѣнъ тѣхъ, которыя тихонько носятъ тѣлогрѣи и «дьявольскія кики» и которыя сердцемъ и умомъ живутъ въ старинѣ.

Сватанье дѣйствительно началось, хотя царевичъ всѣми силами старался оттянуть это роковое для него дѣло, и, если можно, воротиться въ Россію неженатымъ. Есть основанія предполагать, что въ это время онъ уже любилъ ту другую женщину, которая и ускорила его конецъ, хотя этого и не могла желать.

Изъ заграничныхъ невѣсть выборъ совѣтниковъ Петра и приставниковъ царевича остановился на Софіи-Шарлоттѣ, прин-

цессъ бланкенбургской, сестра которой Елизавета была замужемъ за австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ, впоследствии императоромъ Карломъ VI—родня, слѣдовательно, приличная, уважаемая въ Европѣ.

«Домъ нашихъ сватовъ — изрядной», писалъ Петръ своему сенату.

Но были и другіе царственные дома, которые желали бы войти въ родство съ могущественнымъ сѣвернымъ царемъ: австрійскій дворъ хотѣлъ женить царевича на своей эрцгерцогинѣ, и вдовствующая императрица сердилась, что царскіе сваты больше клонили на сторону Шарлотты бланкенбургской.

Главнымъ сватомъ былъ посланникъ Урбихъ. На него-то и сердилась вдовствующая императрица австрійская: «и мнѣ отъ ея придворныхъ дамъ выговаривано—писалъ Урбихъ Головкину—потому что онѣ въ то же время очень надѣялись ввести въ Россію отправленіе католической вѣры».

Царевичъ былъ на-сторожѣ. До него не могли не доходить и эти слухи, о томъ, что съ помощью его женитьбы русскій народъ стануть нудить въ католичество.

Это понимали и заграницей, и вотъ почему дѣдъ принцессы Шарлотты, старый герцогъ Антонъ-Ульрихъ, писалъ Урбиху уже въ августѣ 1710 года:

«Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ, думая, что вы конечно опредѣлили условія супружества, по указу царскаго величества. Причина тревоги та, что народъ русскій никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, про-

тягивая время. Они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ, и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельдъ, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя отца своего и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ. Онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву и тогда онъ уговоритъ царя, чтобы позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ. Думаютъ, что выборъ московской государыни дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу... Госпожа Матвѣева, въ проѣздъ свой черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣевъ удовольствованъ былъ дворомъ вольфенбительскимъ».

И между тѣмъ, понимая все это, сваты настаивали на своемъ, не заботясь о томъ, что дѣвушка, на которой принудятъ царевича жениться, будетъ непременно жертвою.

Впрочемъ, раздумье это брало стараго дѣдушку принцессы Шарлотты.

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ Урбиху: «О намѣреніи царскомъ не сомнѣваюсь. Но можетъ ли онъ принудить принца къ такому супружеству, и что будетъ съ принцессою, если принцъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь?»

Но упрямый царь никого и ничего не слушалъ: онъ видѣлъ впереди одну цѣль—новую Россію и сближеніе ея съ Европою. Онъ даже забылъ горькій опытъ своей молодой жизни, когда его

неволею или только не по любви женили на царицѣ Евдокии Лопухиной.

Мать Шарлотты, какъ и всѣ остальные, была ослѣплена своими честолюбивыми мечтами и блескомъ имени русской царицы, которою будетъ ея дочь.

Вотъ съ какимъ торжествомъ пишетъ эта мать Урбиху о томъ, что царевичъ ласково взглянулъ на ея дочь:

«Страхи, которыми мы предавались, и быть можетъ не безъ основанія, вдругъ разсѣялись въ такое время, когда всего меньше можно было этого ожидать, разсѣялись какъ туча, скрывающая солнечные лучи, и наступаетъ хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ польскою королевою и потому съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. Моя дочь Шарлотта увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ честенъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честію, какую принцъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Миѣ не остается желать ничего болѣе, какъ заключенія такого хорошаго начала, и чтобъ дѣло не затнулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супругъ мой—мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести».

Искренно ли говорила дѣвушка то, что передавала ея мать, и говорила ли даже—трудно рѣшить.

Но царевичъ дѣйствительно рѣшился: онъ видѣлъ, что судьбы своей ему не избѣжать, какъ не убѣжать отъ огня. Отцу-то онъ и объявилъ, что исполняетъ его наказъ — готовъ жениться на иноземкѣ.

Въ это время онъ былъ еще въ Саксоніи, гдѣ, при дворѣ польско-саксонскомъ короля Августа, и находилась его невѣста, какъ родственница короля.

Но царевичъ больше вѣрилъ своему духовнику, чѣмъ отцу, и вотъ что онъ писалъ тайно отъ отца своей «святинѣ», своему отцу духовному Якову Игнатьеву:

«Извѣствую вашей святини, помянутый курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь вольфенбительской, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ польскому королю, который и Саксонією владѣетъ, Августъ, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожь мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ она мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ супружество. А я уже извѣстенъ, что онъ не хочетъ меня женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человекъ добръ, и лучше ея мнѣ здѣсь не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля божія, чтобъ сіе совершилъ, а буде нѣтъ — чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ немъ, все какъ онъ хочетъ, такъ и творить, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ».

Это было начало 1711 года. Все больше и больше старая Русь чуяла, что не воскреснуть ей въ прежнихъ формахъ. А тутъ и царевичъ—единственная надежда старой Руси—женится на иноземкѣ, на иновѣркѣ.

Духовникъ пишетъ къ царевичу, что невѣсту его слѣдуетъ обратить въ православіе. Духовникъ правъ—и царевичъ хорошо

понимаетъ это. Но какъ принудить дѣвушку къ перемѣнѣ вѣры, когда, можетъ быть, и отецъ не позволитъ этого?

«Противъ писанія твоего о моемъ собственномъ дѣлѣ—отвѣчаетъ царевичъ духовнику—понудить ту особу къ воспріятію нашей вѣры весьма невозможно, но развѣ послѣ, когда она въ наши края пріѣдетъ, и сама разсмотреть, можетъ то и сочинити, а прѣжъ того весьма сему состоится невозможно».

Нельзя не видѣть, что Петръ сильно торопиль свадьбой сына.

Не смотря на то, что весной этого года ему приходилось уже, отъ стычекъ съ шведами на сѣверѣ, скакать на югъ для войны съ турками, онъ и въ дорогѣ занимается свадьбой сына.

Въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Яворовѣ, Петръ подписываетъ брачный контрактъ сына: кронъ-принцесса остается при своемъ евангелическо-лютеранскомъ исповѣданіи; дѣти ея принимаютъ греческій законъ; кронъ-принцесса получаетъ пятьдесятъ тысячъ рублей ежегоднаго содержанія изъ царской казны и, кромѣ того, половину этой суммы при совершеніи брака.

Контрактъ переданъ царевичу, и онъ долженъ самъ отправляться съ нимъ къ родителямъ невѣсты. Но бережливый Петръ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ и нерѣдко отказывавшій себя въ необходимомъ, поручилъ сыну что-либо выторговать изъ условной суммы.

Но расчетливыхъ нѣмцевъ не легко было побѣдить на этомъ пунктѣ, и царевичъ призналъ себя побѣжденнымъ—не выторговалъ ни одного рубля.

«По указу, государь, твоему—пишетъ онъ отцу—о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили, и просили больше; только я какъ могъ старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше пятидесяти тысячъ, и я, по указу твоему, въ томъ

же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли пятьдесятъ тысячъ, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачю, на сіе они весьма не похотѣли, и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакожъ не могъ сдѣлать, и по указу твоему—будетъ они за сіе заупрямятся, написать ровную дачю—и въ трактатѣ написалъ ровную дачю, и сіе учиня, подписалъ я, тожде и они своими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать, и для того послалъ въ Дрезденъ и въ инныя мѣста».

Контрактъ подписанъ—отступленіе для царевича невозможно. Волей-неволей онъ становится уже оглашеннымъ женихомъ кронъ-принцессы.

Все лѣто онъ живетъ у родныхъ невѣсты. Тяжелое это было лѣто и для Петра и для его сына: Петръ пережилъ «прутскій походъ», царевичъ—послѣдніе дни своей нравственной независимости.

Едва Петръ воротился изъ прутскаго похода, какъ послѣдовало и совершеніе брака.

«Господа сенатъ!—писалъ царь въ Петербургъ:—объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы польской, на которомъ бракъ довольно было знатныхъ персонъ. Домъ князей вольфенбительскихъ, нашихъ сватовъ, изрядной».

Но неутомонный царь не знаетъ устали. Не хочетъ онъ, чтобъ съ нею былъ знакомъ и его сынъ. Хочетъ онъ къ тому же при-

учить и его молоденькую жену, какъ приучилъ «сердешинькаго друга своего Катеринушку».

Черезъ три дня послѣ свадьбы мужъ кронъ-принцессы уже получаетъ приказъ отъ отца—немедленно ѣхать въ Торнъ и тамъ завѣдывать продовольствіемъ русскихъ войскъ.

Станнымъ и горькимъ должно было показаться новобрачной кронъ-принцессѣ такое неожиданное распоряженіе ея новаго отца:—прямо изъ-подъ вѣнца да на фуражировку.

Но надо было покоряться свѣтилу, спутникомъ котораго она сдѣлалась именно вслѣдствіе силы тяготѣнія къ этому большому свѣтилу.

Какъ ни было горько и обидно молодой женщинѣ, но она должна была вынести первую разлуку, о которой уже распускались неблагоприятные толки, дошедшіе и до Вѣны.

«Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано—извѣщалъ Урбіхъ Головкина—чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ—что бракъ хотя и совершенъ, однако къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронъ-принцъ кронъ-принцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку чтобъ дорожную постель взять, кронъ-принцъ ей жестоко отвѣчалъ и ухалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбителѣ и Дрезденѣ навѣдался, то мнѣ отписали совершенно противное, именно—что обѣ стороны довольны».

За продовольствіемъ арміи царевичу некогда было думать о молодой женѣ. Изъ Торна онъ пишетъ отцу только о дѣлѣ, и если однажды и упоминаетъ о женѣ, то опять-таки съ провіантской точки зрѣнія.

«Жена моя еще сюда не бывала. Ожидаю вскорѣ. И какъ она будетъ, за людьми ея смотрѣть буду, чтобъ они жили смирно и никакой обиды здѣшнимъ людямъ не чинили».

Накопецъ, къ концу года пріѣхала къ нему и молодая жена. Но на первыхъ же порахъ жизнь ея въ новой обстановкѣ не могла показаться ей привлекательною: жена наследника русскаго престола, не испытывавшая до того времени подъ крыломъ матери нужды въ деньгахъ, тотчасъ же испытала ее, какъ только вступила въ невѣдомый для нея міръ.

Черезъ три-четыре мѣсяца послѣ свиданія кронъ-принцессы съ мужемъ—новый указъ отъ неугомоннаго свекра и новая разлука съ мужемъ: отецъ назначаетъ царевичу походъ въ Померанію.

Съ царскимъ указомъ пріѣхалъ Меншиковъ, и онъ-то нашелъ кронъ-принцессу и ея мужа въ нуждѣ. Молодая женщина плачетъ—ей приходится просить о деньгахъ; нѣтъ у нея ни лошадей, ни экипажа.

«Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ — писалъ по этому случаю Меншиковъ царю:—что какъ онъ, такъ и кронъ-принцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду, понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено (у Петра все посолдатски!); а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронъ-принцессы къ походу ни лошадей, и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло просить: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронъ-принцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться-бъ ей нечѣмъ».

Мужъ уѣзжаетъ въ Померанію, а кронъ-принцесса въ Эльбингъ.

Скучно молодой женщинѣ и безъ мужа и безъ родныхъ: она

дѣйствительно стала для всѣхъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Трудно поэтому и винить ее за то, что будто бы она не сошлась съ мужемъ:—некогда еще имъ было свыкнуться и полюбить другъ друга.

Но въ Россіи ждали молодую супругу царскаго наслѣдника. Ожиданія были и другого рода, и объ этихъ-то ожиданіяхъ извѣщалъ царевича московскій духовникъ его: духовникъ спрашивалъ «о зачатіи во чревѣ».

«О зачатіи во чревѣ сопряженные мнѣ хочещи вѣдати, радѣтель—отвѣчалъ ему царевичъ:—и возвѣщаю, что весьма до отъѣзду моего подлинно познати было не можно еще, и повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ писаніемъ не умедля вашей святости возвѣщу».

Не даромъ Москва интересовалась «зачатіемъ во чревѣ» кронъ-принцессы: на этомъ ожиданіи строились свои планы—планы о несбыточномъ воскресеніи старой Руси.

Почти годъ прожила кронъ-принцесса одинокою въ Эльбингѣ.

Но вотъ настало время и въ Россію ѣхать. Прибывшій въ Эльбингъ бригадиръ Балкъ, мужъ уже извѣстной намъ Матрены Балкъ, сестры знаменитой Анны Монсъ, объявилъ Шарлоттѣ царскій указъ о выѣздѣ ея изъ Эльбинга.

Но ей опять не съ чѣмъ выѣхать—денегъ нѣтъ; а мужъ занятъ отцовскими дѣлами въ Помераніи.

Надо опять просить денегъ—и Шарлотта просить ихъ у свекра.

«Вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли, не оставила-бъ, какъ того моя должность и требуетъ, исполнить, и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ

никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я какъ въ прочемъ и окажу, что вашего царскаго величества указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ, я же есмь со всякимъ подданнѣйшимъ респектомъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшая и вѣрнопокорнѣйшая невестка Шарлотта».

Но молодой женщинѣ передъ отправленіемъ въ далекую, невѣдомую страну хочется повидаться съ родными, можетъ быть въ послѣдній разъ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), проститься съ ними, взглянуть на родныя мѣста. И вотъ она ѣдетъ въ Брауншвейгъ, тѣмъ болѣе, что денегъ отъ свекра все еще не было.

И суровый свекоръ сердится на молодую женщину за эту простительную вольность, которую она въ правѣ была себѣ позволить.

Петръ, какъ русскій пѣсенный «грозѣнь батюшка», не смотря на письменное извиненіе невестки относительно этой отлучки, пишетъ ей вѣжливое, но колкое замѣчаніе.

«Вашей любви къ намъ отправленное писаніе отъ 17 генваря получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, что васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншви́гъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ видѣть никогда-бъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Чтѣ же ваша любовь впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привести могло. Сожительница наша съ кронъ-принцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петер-

бургъ предвоспріяла, куды, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете».

Это первый официальный выговоръ въ жизни молодой женщины. Но у такого свекра какъ Петръ надо ко всему привыкать, надо всего ожидать.

Шарлотта снова пишетъ грозному батюшкѣ, и не однократно пишетъ, приводитъ свои резоны, объясняетъ причины своей «скорой резолюціи»—и грозный батюшка прощаетъ свою «дружбно любезную госпожу невѣстку».

«Дружбно любезная госпожа невѣстка!—пишетъ онъ ей 11 февраля:—Вашей любви различныя къ намъ отправленныя писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5,000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда отправлены, нынѣ ужъ исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ албертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ воспріимите, куда и сожительница наша и кронъ-принцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ, пребывая вашей любви дружбно склонный отецъ».

Но уѣзжая изъ Помераніи въ Россію съ мачихой, царевичъ не заѣхалъ къ женѣ: можетъ быть, отецъ вновь торопилъ его съ какимъ-нибудь спѣшнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но для молодой женщины и это могло быть каплей яду въ ея только что начавшейся семейной жизни.

Не дождавшись визита мужа, она не хочет, чтобъ и свекоръ проѣхалъ изъ Европы въ Россію мимо нея, не заѣхавъ къ ней, не повидавшись ни съ ней, ни съ ея родными.

Но она уже боится свекра. Она не рѣшается прямо къ нему писать. Она уже ищетъ окольныхъ путей, посредниковъ—и обращается съ такимъ письмомъ къ Головкину:

«Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобъ его царское величество не проѣхалъ мимо насъ: прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ чрезъ Брауншвейгъ; и герцогъ, и мой отецъ, и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услышать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость, назначить мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться».

Петръ снизошелъ на просьбу своей «дружбно любезной невѣстки» и назначилъ ей свиданіе въ замкѣ Зальцдаленѣ, недалеко отъ Брауншвейга.

Но вотъ кронъ-принцесса вступила наконецъ и на русскую землю. Она въ Нарвѣ. Изъ Нарвы она пишетъ о своемъ прибытіи любимой сестрѣ царя, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

На это письмо Шарлотта получаетъ наилюбезнѣйшее и наивгигіеватѣйшее письмо отъ Натальи Алексѣевны, письмо, написанное такимъ слогомъ, который составляетъ сумму краснорѣчія Симеона Полоцкаго и Феофана Прокоповича, краснорѣчія семнадцатаго вѣка, какъ-бы состязающагося съ краснорѣчіемъ

первой четверти восемнадцатаго: тутъ слышится и запахъ чего-то западнаго и запахъ чего-то очень восточнаго.

Вотъ это драгоценное посланіе Натальи Алексѣевны:

«Пресвѣтлѣйшая принцесса! Съ особеннымъ моимъ увеселеніемъ получила я благопріятнѣйшее и любительнѣйшее писаніе вашего высочества, и о прибытіи вашемъ въ Нарву и о намѣреніи къ скорому предпріятію пути вашего до Санктпетербурга увѣщена есмь, отъ чего мнѣ всеусердная причиняется радость, такъ что я не хотѣла ни мало оставить ваше высочество о томъ чрезъ сіе мое благосклонно поздравить и извѣстить, что имѣемъ въ нашемъ общемъ сожалѣніи о отбытіи царскаго величества и его высочества государя царевича; елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему, и уповаю, что возвращеніе его царскаго величества и его высочества вскорѣ намъ общую подастъ радость. Ожидаю съ нетерпѣливостію того моменту, чтобъ мнѣ при дружескомъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества Наталья».

Но еще большей веверѣчивостію дышетъ письмо къ кронъ-принцессѣ графа Головкина, который, какъ канцлеръ новой Руси, долженъ былъ считать своею обязанностію не ударить лицомъ въ грязь передъ иноземною принцессою и показать, что и русскіе дипломаты понимаютъ, что значить европейское обхожденіе и какія мудренныя слова уже успѣла усвоить новая Русь: тутъ есть и «нижайшіе респекты», и «профессованіе жаркой ревности», и въ то же время что-то напоминающее языкъ требника XVI вѣка.

«Свѣтлѣйшая и высочайшая принцесса, моя государыня!—пишетъ Головкинъ:—Съ толикою радостію, колико я имѣю респекту и благоговѣнія къ особѣ вашего царскаго высочества, получилъ я увѣдомленіе чрезъ господина Нарышкина о счастливомъ

прибытіи вашего царскаго высочества въ Нарву, и о милости-вомъ напoминаніи, которымъ ваше царское высочество изволили меня почтить въ присутствіи сего генеральнаго офицера, и понеже я всегда профessoвалъ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобъ ваше царское высочество не увѣстить чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобъ не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи вашего царскаго высочества, и такожде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что ваше царское высочество благоволили меня высокодушно въ напamатованіи своемъ сохранить. Если бы я не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества, отъ сего-жъ бы моменту преданъ бы я въ должной моей покорности до вашего царскаго высочествія, дабы мнѣ все помянутое персонально вашему царскому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мнѣ удовольствоваться моей ревности, въ томъ принужденъ я еще ближайшаго прибытія сюда вашего царскаго высочества обожждать, и тогда не премину предаться ко двору вашего царскаго высочества воспріять честь еже засвидѣтельствовать вашему царскому высочеству, съ коимъ респектомъ и благоговѣніемъ я есмь» и т. д.

Это такъ «профессують жаркую ревность» къ иноземной кронъ-принцессѣ новые русскіе люди.

А между тѣмъ старая Москва не о томъ думаетъ. Ей хочется иноземку приобщить къ своей греческой вѣрѣ, одѣть ее въ тѣлогрѣю, сдѣлать русскою царицею, какою была благочестивѣйшая царица Марья Ильична или райская голубица, сладчайшая Анастасія Романовна.

И вотъ, когда еще кронъ-принцесса не успѣла ступить на русскую землю, Москва уже спрашиваетъ царевича, не сподобилъ

ли его Богъ навести свою молодую супругу на путь православія, коли не любовію, то принужденіемъ.

«Я ее теперь не принуждаю къ нашей православной вѣрѣ — отвѣчаетъ царевичъ:—но когда пріѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское ризное облаченіе и украшеніе и всякое церковное облаченіе, тогда, думаю, и сама безъ принужденія потребуетъ нашей православной вѣры и св. крещенія, а теперь еще она ничего нашего церковнаго благолѣпія не видала и не слыхала, а что у насъ нынѣ священникъ отпускаетъ вечерни, утрени и часы въ одной епитрахили, и того смотрѣть нечего. А у нихъ, по ихъ вѣрѣ, никакого священническаго украшенія нѣтъ, и литургію ихъ пасторъ служитъ въ одной епанчѣ: а когда увидитъ наше церковное благолѣпіе и священно-архіерейское и іерейское одѣяніе, божественное человѣческое безорганное пѣніе, думаю, сама радостію возрадуется и усердно возжелаетъ соединиться съ нашею православною Христовою церковію».

Торжественная встрѣча, которою сопровождался вѣздъ кронъ-принцессы въ Петербургъ, въ этотъ петровский «парадизъ», еще не отстроенный, не убранный, разбросанный, въ эту «бывающую столицу», ласки, оказанныя Шарлоттѣ со стороны всѣхъ лицъ многочисленной царской семьи, «профессованіе жаркихъ респектовъ» со стороны ловкихъ царедворцевъ въ родѣ Головкина — все это должно бы было усладить понятную горечь, разогнать невольную боязнь, съ которыми молодая женщина должна была вступать въ невѣдомую ей страну, въ невѣдомую жизнь, по которой уже успѣли пробѣжать еще такъ недавно легкія тучки.

Но мужа опять нѣтъ. Свекра тоже не видно. Они оба въ финляндскомъ походѣ.

Возвращается мужъ на короткое время. Шарлотта не одна.

Но неугомонный свекоръ опять гонить царевича отъ молодой жены: надо ѣхать въ Старую-Русу, въ Ладугу; надо распоряжаться насчетъ постройки судовъ.

Шарлотта опять одна.

А между тѣмъ за границей, на родинѣ Шарлотты и въ Австріи, уже поднимаются «плевелы». Распускаются слухи, что кронъ-принцесса не полюбила русскому народу, что она унижена въ царской семьѣ, что ей не позволяютъ даже переписываться съ родными.

Но вотъ русскій посолъ Матвѣевъ пишетъ изъ Вѣны Головину:

«Изъ дому императрицы (австрійской) узналъ я, что государыня принцесса царевича 6 іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни царицы и государыни церевны и всѣхъ высокихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ приѣздѣ. Очень нужно, чтобъ ваше превосходительство изволилъ ей, государынѣ принцессѣ, вручить интересъ его царскаго величества и меня, дабы ея высочество изволила къ императрицѣ о томъ особое партикулярное письмо написать и чрезъ васъ на меня прислать, что можетъ принести много пользы интересамъ царскаго величества: императрица можетъ сдѣлать все, что захочетъ, а она ея высочество чрезвычайно любить. Такимъ образомъ государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у царскаго величества находится въ особой милости и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамеренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничи-

женіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками».

Дипломатическая выдумка Матвѣева достигла цѣли. Шарлотта была хорошо направлена искусною рукою Головкина, и уже въ декабрѣ того же года Матвѣевъ слышалъ въ Вѣнѣ отъ самой императрицы, что ея сестрѣ, Шарлоттѣ, оказываются въ Россіи и милости и почетъ, и что она, императрица, и мужъ ея, Карлъ VI, чрезвычайно этимъ довольны: такимъ образомъ интересъ царскаго величества былъ «врученъ» по принадлежности.

Но какова въ самомъ дѣлѣ была жизнь Шарлотты въ Россіи?

Едва ли ей жилось хорошо; но едва ли въ этомъ нехорошемъ была виновата Россія. Кронъ-принцесса знала, куда шла и на что шла. Если ей и показалась тяжка жизнь въ Россіи, то отчасти причиною тутъ было ея неумѣнье, ея апатическая, инертная натура и вся сумма неблагоприятныхъ условій, главнымъ образомъ обрушившихся на ея мужа, и рефлексивно — и на нее.

Хотя царевичъ и говорилъ своему духовнику, что жена его «человѣкъ добръ», но хмѣльной онъ не то говорилъ: «на меня де жену чертовку навязали».

Тутъ уже нельзя не видѣть, что жена была для него не любя, что любя была для него другая женщина—но объ ней послѣ.

— Царевичъ былъ въ гостяхъ—разсказывалъ его камердинеръ—пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронъ-принцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «вотъ-де Гаврило Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали: какъ-де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить. Развѣ-де я умру, то ему Головкину не заплачу. А сыну его Александру—

головѣ его быть на колѣ, и Трубецкаго: они-де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться».—Я ему молвилъ: «царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ—будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они». Онъ мнѣ молвилъ: «Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шенну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ: тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинять».—Я стою молчу. Онъ мнѣ говоритъ: «Что ты молчишь и задумался?»—Я молвилъ: «Что мнѣ, государь, говорить?»—Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: «Не досадила ли я вчерась кому?» Я сказалъ нѣтъ.—«Инь не говорилъ ли пьяный чего?» Я ему сказалъ, что говорилъ что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: «Кто пьянъ не живетъ? у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о нихъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, видѣ-де тебѣ не повѣрятъ: я запруся, а тебя станутъ пытать».—Самъ говорилъ, а самъ смѣялся.

По возвращеніи царевича изъ Ладogi отъ стройки судовъ, Шарлотта опять не долго видитъ его около себя—некогда и «посердитовать» на него.

Царевичъ ѣдетъ за границу, въ Карлсбадъ. У него разстроено здоровье.

Кронъ-принцесса была въ это время беременна по восьмому мѣсяцу. Петръ, по обыкновенію, находился гдѣ-то въ отсутствіи. Но трезвая голова его ничего не забывала—успѣвала думать и за себя и за другихъ, какъ рука его въ одно время умѣла дер-

жать и перо и шпагу, что онъ и писалъ разъ своей «Къ а т е р и н у ш к ѣ».

Рожденіе перваго ребенка у наслѣдника престола—очень важное дѣло въ государствѣ. Петръ очень хорошо помнилъ, какія басни выдумываются относительно рожденія царскихъ дѣтей и какъ, на основаніи этихъ басенъ, иногда опрокидывается весь государственный строй, законный наслѣдникъ не признается законнымъ, являются самозванцы, мутятся царства. Петръ не забылъ, что и объ его рожденіи выдумана была легенда: говорили, что онъ—не царскій сынъ; что настоящій царскій сынъ подмѣненъ нѣмецкимъ отродьемъ, сыномъ Лефорта; что, поэтому, и онъ, Петръ—не Петръ, а «Питеръ» Лефоровичъ, нѣмецъ, сынъ Лефорта.

Еще въ болѣе сомнительномъ положеніи находилась кронъ-принцесса. Мужа съ ней нѣтъ, свекоръ въ отсутствіи, свекрови тоже нѣтъ. Родильница—нѣмка. Около нея—одни нѣмки и нѣмцы. Долго ли подмѣнить ребенка царскаго простымъ нѣмчонкомъ?

И предусмотрительный Петръ пишетъ невѣсткѣ:

«Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вѣще года, того ради, когда благоволить вамъ Богъ прислѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были».

Петръ хотѣлъ, чтобы при родахъ Шарлотты находились и представительницы русскаго общества, почтенныя придворныя особы, которыя могли бы прекратить своимъ личнымъ свидѣтельствомъ возможность распусканія басней хотя бы со стороны «не-

молчно ^имолвишей своими неистовыми языки старушки-Москвы, этой «лаятельной вдовицы».

Такими особами назначены были—графиня Головкина, жена канцлера, генеральша Брюсъ и «князь-игуменья» Ржевская. Они должны были безотлучно находиться при кронъ-принцессѣ до самаго ея разрѣшенія отъ бремени.

Но кронъ-принцесса, не понявъ цѣли распоряженій царя, сочла эти распоряженія оскорбительными для своей чести. Письмо царя она истолковала совершенно въ превратномъ смыслѣ: ей почему-то представилось, что или Петръ подозрѣваетъ ее въ чемъ-то или что другіе могутъ подозрѣвать ее. Петръ не говоритъ ни о какихъ подозрѣніяхъ; онъ исключительно имѣетъ въ виду обставить рожденіе первенца у наслѣдника престола возможно болѣе торжественнымъ образомъ, какъ этого и требовала государственная важность самаго этого акта, и придать этому дѣлу наиболѣе гласности; а Шарлотта думаетъ, что это лично ей не довѣряютъ или боятся, что на нее будутъ клеветать.

Задавшись такой странной мыслью, кронъ-принцесса написала царю не менѣе странное письмо, въ каждомъ словѣ котораго сквозитъ неумѣренная обидчивость: назначеніе къ ней, на время родовъ, почетныхъ дамъ—это «не заслуженный и необычный поступокъ, который для нея чрезвычайно *sensible*»; это, по ея мнѣнію, «торжество *malice*»; что отъ торжества этой «*malice*» она должна «страдать и наказываться за лжи безбожныхъ людей»; что, напротивъ, ея «*conduite* и совѣсть будутъ ея свидѣтелями и судьями на страшномъ судѣ»; что она не нуждается въ предосторожностяхъ противъ злыхъ языковъ; что царь неоднократно обѣщалъ ей свою милость, отеческую любовь и заботливость, и что всякій, кто осмѣлится оскорбить ее ложью и клеветою, долженъ быть наказанъ какъ великій преступ-

никъ; что, при всемъ томъ, никакая ложь и клевета не могутъ запятнать ее, кронъ-принцессу; однако-жь «душа ея скорбитъ, что завистники ея и преслѣдователи имѣютъ такую силу, что могли подвести подъ нее такую интригу»; что, наконецъ, «Богъ, ея единственное утѣшеніе и прибѣжище на чужбинѣ, услышитъ вздохи и сократитъ дни страданія существа всѣми покинутого».

Ясно, что существо это страдало, но страдало отъ своего собственнаго невѣднія.

Даже въ назначеніи къ ней повивальной бабки она видѣла оскорбленіе—это была, по ея мнѣнію, «великая немилость со стороны царя», «нарушеніе брачнаго договора, въ которомъ ей предложено было свободное избраніе служителей», что поэтому, если ей дадутъ чужую повивальную бабку, «то глаза кронъ-принцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровью». Понимая все это какъ обиду, какъ оскорбленіе, притѣсненіе, кронъ-принцесса просила, чтобъ назначенію къ ней почетныхъ русскихъ дамъ былъ данъ такой видъ, какъ будто бы она сама требовала этого вслѣдствіе отсутствія царя и мужа.

Не желая огорчать родильницу, все сдѣлали такъ, какъ она желала. Даже болѣе—о письмѣ къ ней царя, казавшемся столь обиднымъ для чувствительной кронъ-принцессы, Головкинъ никому даже и не говорилъ, а увѣдомляя Петра, что кронъ-принцесса разрѣшилась дочерью, которую назвали Натальею, онъ между прочимъ доносилъ: «О письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то (назначеніе трехъ дамъ) учинено по ихъ прошенію».

Въ высшей степени любопытно и оригинально письмо по этому случаю Ржевской, которая такъ сообщала царю о своемъ пребываніи у кронъ-принцессы:

«По указу вашему, у ея высочества кронъ-принцессы я и Брюсова жена живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она къ намъ милостива. И я общаюсь самимъ Богомъ, ни на великіе миліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились».

Видно, что старая Русь не привыкла еще ни къ нѣмецкимъ «куплиментамъ», ни къ «присѣданію хвоста», ни къ «нѣмецкимъ яствамъ»; но скоро, какъ мы увидимъ ниже, ко всему привыкнетъ.

Петръ и Екатерина были въ это время въ Ревелѣ. Когда курьеры привезли къ нимъ донесенія о благополучномъ разрѣшеніи кронъ-принцессы, царь и царица немедленно отозвались привѣтливыми письмами къ родильницѣ.

«Свѣтлѣйшая кронъ-принцесса, дружбнолюбезная государыня невѣстка!—писала Екатерина.—Вашему высочеству и любви я зѣло обязана за дружбное ваше объявленіе о счастливомъ разрѣшеніи вашему и рожденіи принцессы дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о томъ поздравляю, и желаю вамъ скорого возвращенія совершеннаго вашего здравія, и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я зѣло радовалась получа вѣдомость о вышепомянутомъ вашему счастливомъ разрѣшеніи; но зѣло сожалѣю, что я счастья не имѣла въ томъ времени въ Петербургѣ присутствовать. Однакожь мы здѣсь не оставили публичнаго благодаренія Богу за счастливое ваше разрѣшеніе отдать. Я же не оставляю вашему высочеству и любви всѣ желаемые опыты нашей склонности и къ вашей особѣ имѣющей любви, при всякомъ случаѣ, оказать, въ чемъ ваше высочество и любовь прошу благоволите обнадежены быть, также что я всегда

пребуду вашего высочества и любви дружелюбноохотная мать Екатерина».

Писалъ родильницѣ и Петръ. Безъ сомнѣнія это письмо царя, не показалось уже кронъ-принцессѣ обиднымъ, потому что въ отвѣтъ своемъ она называетъ его «облиганнымъ» и увѣряетъ, что милостивыя заявленія, которыми наполнено письмо царя, укрѣпили ея довѣренность къ нему. Наконецъ, она любезно присовокупляетъ, что такъ какъ на этотъ разъ она «манкировала» родить принца, то въ слѣдующій разъ надѣется быть счастливѣе.

Не довелось, однако, этой женщинѣ пожить на «чужбинѣ»: не успѣла она ни узнать Россіи, ни полюбить ее — такъ она и осталась для нея «чужбиною».

Какъ бы то ни было, она не обманула свекра обѣщаніемъ родить ему внука: въ слѣдующемъ, 1715 году, кронъ-принцесса дѣйствительно родила сына, царевича Петра, будущаго императора Петра II, но родила его какъ-бы затѣмъ только, чтобъ самой умереть, исполнивъ назначеніе матери.

Роды были благополучны. Огорченій, въ родѣ тѣхъ, которыя сопровождали рожденіе дочери, повидимому не было. Родильница, напротивъ, быстро поправлялась, и можетъ быть это-то самое быстрое возстановленіе силъ, придавъ молодой женщинѣ излишнюю самоувѣренность, погубило ее. Послѣ родовъ она слишкомъ рано встала съ постели, не вылежавъ и четырехъ сутокъ, и тотчасъ же стала принимать поздравленія. Но вслѣдъ затѣмъ она почувствовала себя дурно; родильная болѣзнь приняла такой исходъ, что врачи объявили больную безнадежною.

Понявъ свое положеніе, кронъ-принцесса поспѣшила сдѣлать распоряженія на счетъ своей смерти и будущаго своихъ дѣтей.

Во время болѣзни жены царевичъ не отходилъ отъ ея постели. Онъ три раза падалъ въ обморокъ и былъ повидимому безутѣшенъ.

«Въ такія минуты—говорить современный русскій историкъ—сознаніе проясняется: кронъ-принцесса была «добрый человѣкъ»; если «сердитовала», отталкивала отъ себя, то не безъ причины: грѣхи были на душѣ у царевича, а онъ былъ также «добрый человѣкъ».

Петръ, не смотря на то, что самъ былъ боленъ, явился къ умирающей невѣстѣ. Только царица не могла быть при ней въ эти послѣдніе часы: она сама была, какъ говорится, «на часахъ».

Думая о судьбѣ дѣтей, кронъ-принцесса не хотѣла поручить ихъ ни своему мужу, за которымъ она, можетъ быть, знала нѣчто или догадывалась, ни свекру-царю, ни царицѣ: она думала, что своя, родная, нѣмецкая душа будетъ больше любить и беречь ихъ. Поэтому, призвавъ къ себѣ барона Левенвольда, умирающая объявила ему свою волю:—принцесса остѣ-фрисландская должна замѣнить сиротамъ мать; если же царь не согласится на это, то Левенвольде самъ долженъ отвезти маленькую ея дочь въ Германію. При этомъ она просила его написать къ ея роднымъ, что она была всегда довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы, что все обѣщанное въ контрактѣ было исполнено и, кромѣ того, ей оказано было много благодарностей; что даже теперь, не смотря на свою собственную болѣзнь, царь прислалъ къ ней князя Меншикова и своихъ врачей. Она же поручала Левенвольду просить ея мать и сестру, австрійскую императрицу, возобновить дружбу между царемъ и цесаремъ, что отъ этого союза будетъ много пользы ея дѣтямъ.

О дѣтяхъ, слѣдовательно, были послѣднія заботы матери. Мужъ оставался въ тѣни.

Затѣмъ кронъ-принцесса скончалась (22-го октября 1715 года), проживъ въ Россіи съ небольшимъ два года и, кажется, не видавъ Москвы, ни «архіерейскаго, архимандричьяго и іерей-

скаго ризнаго облаченія и украшенія». Москва напрасно беспокоилась.

Ранняя смерть кронъ-принцессы вызвала много толковъ, неблагоприятныхъ для Россіи, но едва ли основательныхъ.

Печаль свела кронъ-принцессу въ могилу—вотъ что говорили въ Германіи. Можетъ быть, печаль и тоска по родинѣ, неумѣнье и нежеланье переработать себя для жизни въ новой чуждой для нея атмосферѣ, чувство одиночества и отрѣшенности отъ всего родного, отъ того воздуха, которымъ молодая женщина дышала съ колыбели — можетъ быть, все это и вело ее къ могилѣ, но вело медленно, какъ ведетъ къ могилѣ невеселая и неудавшаяся жизнь всѣхъ живущихъ на землѣ; но свела ее въ могилу просто родильная болѣзнь.

Между тѣмъ австрійскій резидентъ Плейеръ доносилъ своему двору, что жизнь кронъ-принцессы укоротили чисто-внѣшнія причины: деньги, назначенныя ей на содержаніе, выплачивались будто бы неакуратно, съ большимъ трудомъ, такъ что никогда не выдавалось разомъ болѣе 500 или 600 рублей; что кронъ-принцесса постоянно нуждалась и не могла платить своей прислугѣ; что она сама и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ; что кронъ-принцесса замѣчала зависть при царскомъ дворѣ по поводу рожденія принца; знала будто бы даже, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, и по всѣмъ этимъ причинамъ она была въ постоянной печали.

Ясно, что объясненія эти, особенно же послѣднія—не могутъ выдержать критики, и потому объясненія, приведенныя нами выше, остаются во всей силѣ.

Хотя и изъ всего рассказаннаго нами въ настоящемъ очеркѣ достаточно, кажется, выясняется и личность разсматриваемой нами женщины, и мѣсто, которое ей должна отвести русская

исторія, однако мы не можемъ не привести здѣсь весьма удачной, по нашему мнѣнію, характеристики этой исторической женщины, которая была какъ-бы первымъ опытомъ пересадки западно-европейской женщины на русскую почву, характеристики, принадлежащей перу неутомимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ историковъ.

Поведеніе кронъ-принцессы въ Россіи — говорить С. М. Соловьевъ — не могло возбудить въ Петрѣ, въ его семействѣ и въ окружавшихъ его никакой привязанности. Какъ видно, Шарлотта, пріѣхавъ въ Россію, осталась кронъ-принцессою, и не употребила никакого старанія сдѣлаться женою русскаго царевича, русскою великою княгинею. Въ оправданіе ея можно сказать, что отъ нея этого не требовалось: ее оставили при прежнемъ лютеранскомъ исповѣданіи, жила она въ новооснованномъ Петербургѣ, гдѣ ей трудно было познакомиться съ Россіею. Но не могла же она не видѣть, какъ было важно для сближенія съ мужемъ принять его исповѣданіе, не могло скрыться передъ нею, что онъ и окружавшіе его сильно этого желаютъ; что же касается до петербургской обстановки, то, взглянувъшисъ внимательно, мы видимъ, что дворъ не только царевича, но и самого царя былъ чисто русскій. Кронъ-принцесса не сблизилась съ этими дворами; она замкнула себя въ своемъ дворѣ, который весь, за исключеніемъ одного русскаго имени (Бестужевъ), былъ составленъ изъ иностранцевъ. Мы не станемъ возражать противъ отзыва царевича Алексѣя о кронъ-принцессѣ, что она была «человѣкъ добрый»; но мы видимъ, что она отнеслась къ Россіи и ко всему русскому съ нѣмецкимъ національнымъ узкимъ взглядомъ, не хотѣла быть русскою, не хотѣла сближаться съ русскими, не хотѣла, не могла преодолѣть труда, необходимаго для иностранки при подобномъ сближеніи; гораздо легче, покойнѣе было

оставаться при своемъ, съ своими; но отчужденіе такъ близко граничить съ враждою; можно догадываться, что окружавшіе кронъ-принцессу иностранцы не говорили съ уваженіемъ и любовью о Россіи и русскихъ, иначе кронъ-принцессѣ пришла бы охота сблизиться съ страной и народомъ, достойными уваженія и любви. Какъ у мужа не было охоты къ отцовской дѣятельности, такъ у жены не было охоты стать русскою и дѣйствовать въ интересахъ Россіи и царскаго семейства, употребляя свое вліяніе на мужа. Петру не могло нравиться это отчужденіе невѣстки и недостатокъ вліянія ея на мужа, тогда какъ на это вліяніе онъ долженъ былъ сильно рассчитывать. Онъ имѣлъ право надѣяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будутъ могущественно содѣйствовать воспитанію еще молодого человѣка, отученію его отъ тѣхъ взглядовъ и привычекъ, которые отталкивали его отъ отцовской дѣятельности; онъ могъ думать, что сынъ женится — перемѣнится, и ошибся въ своихъ расчетахъ; невѣстка отказалась помогать ему и Россіи; мужъ и жена были похожи другъ на друга — косностью природы; энергія, наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа обоихъ требовала бѣжать, запирались отъ всякаго труда, отъ всякаго усилія, отъ всякой борьбы. Этого бѣгства другъ отъ друга было достаточно для того, чтобъ бракъ былъ нравственно бесплоденъ....

Кронъ-принцессѣ тѣмъ легче было удалиться отъ мужа и отъ всѣхъ русскихъ, что съ нею пріѣхала въ Россію ея родственница и другъ, принцесса Юліана-Луиза остъ-фрисландская, которая, какъ говорятъ, вмѣсто того чтобъ стараться о сближеніи между мужемъ и женою, только усиливала разладъ. Подобные друзья бываютъ ревнивы, не любятъ, чтобъ другъ ихъ имѣлъ, кромѣ нихъ, еще другія привязанности; но намъ не нужно пред-

полагать положительных стремлений со стороны принцессы Юліаны; довольно того, что кронъ-принцесса имѣла привязанность, которая замѣняла ей другія, имѣла въ Юліанѣ человека, съ которымъ могла отводить душу на чужбинѣ; а принцесса остъ-фрисландская, съ своей стороны, не дѣлала ничего, чтобъ заставить Шарлотту подумать о своемъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ къ новому отечеству. Кронъ-принцесса жаловалась, что не хорошо, и Юліана вторила ей, что не хорошо, и тѣмъ улаживали другъ друга, а какъ сдѣлать лучше, — этого придумать не могли.

Какъ бы то ни было, но съ именемъ кронъ-принцессы не можетъ быть не соединено воспоминаніе о томъ, что, бѣгая отъ нея, царевичъ Алексѣй Петровичъ невольно бѣжалъ въ объятія другой женщины, о которой мы сейчасъ скажемъ; а съ именемъ этой послѣдней неразрывно связано начало и отчасти причины той катастрофы, которая кончилась смертью царевича «въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ», и другими, очень крупными послѣдствіями для всей Россіи.

VI.

Дѣвка Афросинья.

(Афросинья Федорова).

Въ предыдущемъ очеркѣ мы сказали, что двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, изъ которыхъ одна помимо своей воли вела его къ трагической развязкѣ и ускорила эту развязку потому именно, что была имъ нелюбима, а послѣдняя, потому именно что была имъ любима, стала для него тѣмъ Дамоклесовымъ мечомъ, который она сама же, и также помимо своей воли, а можетъ быть и по безволію, и обрушила на его голову.

Хотя имена этихъ двухъ женщинъ и неудобно было бы ставить рядомъ, но рядомъ они поставлены самою исторіею, и отдѣлать эти имена одно отъ другого невозможно.

Эта послѣдняя женщина была—А ф р о с и н ѣ я Ф е д о р о в а, по однимъ свидѣтельствамъ—крѣпостная дѣвушка учителя царевича, извѣстнаго Никифора Вяземскаго, съ шестилѣтняго возраста и съ азбуки преподававшего царевичу грамоту, по другимъ—плѣнная финляндка, «низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная», какъ писалъ своему правительству голландскій резидентъ Деби, и потомъ принявшая православіе.

Какъ бы то ни было, но когда у царевича шли семейные нелады съ кронъ-принцессою и когда царевичъ жаловался, что жена его «сердитуетъ» и что онъ посадить на колъ тѣхъ, которые «навязали ему эту жену чертовку»,—въ это время у царевича уже была другая привязанность, которую онъ сначала скрывалъ, а потомъ не тайлъ ее не только отъ отца, отъ Россіи, но и отъ всей Европы.

Что могло привязать царевича къ этой дѣвушкѣ—неизвѣстно; но вѣроятно лучшія стремленія его жизни находили отзвукъ въ сердцѣ дѣвушки, отъ которой царевичъ ничего не тайлъ, а напротивъ совѣтывался съ нею въ самыхъ кровныхъ вопросахъ своего будущаго и будущаго всей Россіи, что и погубило его.

Имя А ф р о с и н ы становится историческимъ съ того момента, какъ царевичъ, по смерти кронъ-принцессы и по окончательномъ разрывѣ съ отцемъ, задумалъ тайно бѣжать за границу.

Получивъ грозный «тестamentъ» отца, по которому для царевича представлялось два тяжелыхъ и единственныхъ исхода—или сдѣлаться достойнымъ великаго отца, чтобы смѣло потомъ взять въ свои руки русскую землю, или же отказаться отъ престола, быть отрѣзаннымъ отъ царства подобно «уду гангреному» и постричься въ монахи,—Алексѣй, хотя на письмѣ и отказался отъ наслѣдства и изъявилъ покорность идти въ монастырь, однако, совѣтуясь съ своими приближенными и находя, что можно изъ монаховъ разстричься, что «въѣдь кlobукъ не прибить ко головѣ гвоздемъ», какъ выражался Кикинъ, «можно его и снять»,—принялъ намѣреніе бѣжать изъ Россіи.

Но еще прежде этого, когда царевичъ изъявилъ отцу покорность идти въ монастырь, онъ не могъ забыть, что оставляетъ любимую женщину.

Въ это время, послѣ нравственныхъ встрясокъ, послѣ смерти жены и роковыхъ объясненій съ отцомъ, царевичъ заболѣлъ. Думая умереть, онъ даетъ А ф р о с и н ѣ два письма, одно къ своему духовнику, а другое къ Кикину.

— Когда я умру—говорилъ онъ дѣвущицѣ—отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ.

Въ письмахъ царевичъ говорилъ, что идти въ монастырь по принужденію и чтобъ духовникъ и Кикинъ дали вручительницѣ писемъ извѣстную сумму изъ хранившихся у нихъ его собственныхъ денегъ.

Но вотъ царевичъ передумалъ идти въ монастырь: онъ рѣшился укрыться отъ отца въ Европѣ, у кого-либо изъ западныхъ государей.

Однимъ для него страшнѣе этотъ побѣгъ—на кого онъ оставить любимую имъ женщину?

Приказавъ камердинеру своему Ивану Большому-Афанасьеву готовиться въ дорогу, по примѣру того какъ они и прежде съ нимъ ѣздили въ нѣмецкіе края, царевичъ сталъ плакать.

— «Какъ мнѣ оставить А ф р о с и н ѣ ю и гдѣ ей быть?»—жаловался царевичъ.—А потомъ спросилъ Большого-Афанасьева: «Не скажешь ли кому, что я буду говорить?»

Афанасьевъ общался молчать.

— Я А ф р о с и н ѣ ю съ собою беру до Риги—началъ царевичъ.—Я не къ батюшкѣ поѣду (царь въ это время находился въ Копенгагенѣ и звалъ туда сына). Поѣду я къ цесарю или въ Римъ.

— Воля твоя, государь—отвѣчалъ на это Афанасьевъ:—только я тебѣ не совѣтникъ.

— Для чего?

— Того ради—отвѣчалъ Афанасьевъ—когда это тебѣ удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гнѣваться.

— Однако ты молчи про это, никому не рассказывай!—предупреждалъ царевичъ:—только у меня про это ты знаешь да Кикинъ. Онъ для меня въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что я съ нимъ не увижусь. Авось на дорогѣ увижусь.

Это было въ сентябрѣ 1716 года—меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти кронъ-принцессы Шарлотты.

26-го сентября царевичъ оставилъ Петербургъ и направилъ свой путь на Ригу.

Афросинью онъ не оставилъ въ Россіи: она была съ нимъ. Кроме того онъ взялъ съ собою брата Афросиньи, Ивана Федорова, и троихъ слугъ.

Меншиковъ зналъ, что царевичъ беретъ съ собою Афросинью, хотя не зналъ, что онъ ѣдетъ не къ отцу, а бѣжать укрываться отъ него.

Впрочемъ, поведеніе Меншикова является тутъ очень подозрительнымъ: не даромъ царевичъ показывалъ, что Меншиковъ съ самаго дѣтства нарочно его развращалъ, спавалъ его, потакалъ вреднымъ его страстямъ, чтобъ сдѣлать юношу неспособнымъ и на этомъ построить свои планы—передать русское царство въ родъ своей питомицы Екатерины Алексѣевны, а потомъ ввести въ ея родъ и свой родъ.

— Гдѣ ты ее оставляешь? спросилъ Меншиковъ царевича объ Афросиньѣ.

— Возьму до Риги, а потомъ отпущу въ Петербургъ, уклончиво отвѣчалъ царевичъ, не желая открыть Меншикову тайну побѣга.

— Возьми ее лучше съ собою, совѣтывалъ Меншиковъ.

Зачѣмъ? На глаза отцу, если онъ вѣрилъ, что царевичъ къ отцу ѣдетъ?—Вообще, все это очень сомнительное дѣло.

Царевичъ и Афросинья доѣхали до Риги. Последняя не осталась въ этомъ городѣ. Они ѣдутъ дальше, на Либаву.

Но не на Копенгагенъ, не къ отцу поѣхалъ царевичъ:—онъ повернулъ на Вѣну!

Царевичъ исчезъ. Отецъ въ страшной тревогѣ. Вся Россія въ тревожномъ состояніи.

10-го ноября, поздно вечеромъ, въ Вѣнѣ, царевичъ явился къ австрійскому вице-канцлеру Шёнборну, и сталъ говорить ему съ сильными жестикюляціями, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь: меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла. Если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрягать, чтобъ лишить жизни и сукцессіи; но я не хочу въ монастырь, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь.

Тутъ царевичъ въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ:

— Ведите меня къ цесарю!

Спросилъ пива. Ему дали мозельвейну. Шёнборнъ старался успокоить его.

— Я ничего не сдѣлалъ отцу—снова говорилъ царевичъ— всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался, я ослабѣлъ духомъ отъ преслѣдованія и потому что меня хотѣли запоить до смерти. Отецъ былъ добръ ко мнѣ. Когда у меня пошли дѣти и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына. Она съ княземъ Меншиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня, оба люди злые, безбожные, безсовѣстные. Я противъ отца ни въ чемъ не виновать, люблю и уважаю его по заповѣдямъ, но не хочу постричься и отнять права у бѣдныхъ дѣтей моихъ, а царица и Меншиковъ хотятъ меня уморить или въ монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты къ солдатству; но за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отецъ поручилъ мнѣ управленіе и все шло хорошо, отецъ былъ доволенъ. Но когда пошли у меня дѣти, жена умерла, а у царицы сынъ родился, то захотѣли меня замучить до смерти или запоить (несчастный повторяется). Я спокойно сидѣлъ дома, но годъ тому назадъ принужденъ былъ отцомъ отказаться отъ наслѣдства и жить приватно, или въ монастырь идти. Напослѣдокъ пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ—или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи: исполнить первое—погубить себя разными мученіями и пьянствомъ, второе—погубить и тѣло и душу. Потомъ мнѣ дали знать, чтобъ я берегся отцовскаго гнѣва, и что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня изъ страха, потому что отецъ становится слабъ здоровьемъ. Поэтому я притворился, что ѣду къ отцу, и добрые пріятели присовѣтывали мнѣ ѣхать къ цесарю, который мнѣ свойскъ и великій, великодушный государь, котораго отецъ уважаетъ. Цесарь окажетъ мнѣ покровительство. Къ французамъ и къ шведамъ я не могъ идти, потому что это враги моего отца, котораго я не хотѣлъ гнѣвить. Говорятъ, будто я дурно обходился съ

моею женой, сестрою императрицы; но Богу извѣстно, что не я дурно съ нею обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ какъ простую горничную, но она по своей едукации къ этому не привыкла и сильно печалилась. Къ тому же заставляли меня и ее терпѣть недостатокъ, и особенно стали дурно обходиться, когда у нея пошли дѣти. Хочу къ цесарю, цесарь не оставитъ меня и моихъ дѣтей, не выдастъ меня отцу, потому что отецъ окруженъ злыми людьми, и самъ очень жестокъ, не цѣнитъ человѣческой крови, думаетъ, что какъ Богъ имѣетъ право жизни и смерти. Онъ уже много пролилъ невинной крови, часто самъ налагалъ руку на несчастныхъ обвиненныхъ. Онъ чрезвычайно гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого, и если цесарь выдастъ меня отцу, то это все равно что самъ меня казнить. Да если бы и отецъ меня пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не замучатъ до смерти или не отравятъ.

Царевича затѣмъ скрываютъ въ Вейербургѣ, недалеко отъ Вѣны.

Изъ Вейербурга его перевозятъ въ крѣпость Эренбергъ вмѣстѣ съ Афросиньей и укрываютъ тамъ подъ видомъ государственнаго преступника.

Но отецъ ищетъ сына. Онъ догадывается, гдѣ онъ.

Въ мартѣ 1717 года въ Вѣну пріѣзжаетъ капитанъ гвардіи Александръ Румянцевъ съ тремя офицерами, чтобъ схватить царевича.

Аврамъ Веселовскій, тоже посланный Петромъ для розысковъ сына, узналъ, что молодой знатный русскій, подъ именемъ Коханскаго, и съ нимъ женщина — спрятаны въ Тиролѣ, въ крѣпости Эренбергъ.

Тогда вѣнскій дворъ отправляетъ въ Эренбергъ своего секретаря Кейля, который и увозитъ царевича вмѣстѣ съ Афросиньей.

синьей въ Италію, въ Неаполь. Афросинья переодѣта пажомъ.

Въ Неаполѣ царевича и Афросинью укрываютъ въ крѣпости св. Эльмо.

Царь въ послѣдней степени раздраженія. Онъ намѣренъ объявить Австріи войну.

Въ Вѣну съ требованіемъ выдачи царевича является Петръ Толстой, тотъ самый, сынъ котораго женатъ былъ потомъ на дочери гетманши Скоропадской. Начинаются переговоры. Австрія встревожена крайнимъ гнѣвомъ могущественнаго царя.

Изъ Вѣны Толстой и Румянцевъ скачутъ въ Неаполь. Царевича они находятъ въ домѣ вице-короля.

Толстой страшаетъ вице-короля войной. Требуется сказать царевичу, что война заставитъ его выдать.

— Такъ сурово говорить ему не могу—уклоняется вице-король.

Толстой настаиваетъ.

— Я намѣренъ его настрашать—прибавляетъ вице-король—будто хочу отнять у него женщину, которую онъ при себѣ держитъ.

Это дѣйствительно самая страшная для царевича угроза: онъ на все готовъ, лишь бы не отнимали у него Афросинью.

Вице-король, впрочемъ, дѣйствовалъ такъ по инструкціямъ изъ Вѣны. Въ Вѣнѣ думали, что царь больше всего негодуетъ на сына за Афросинью. Поэтому удаленіе ея Австрія считала средствомъ примиренія съ суровымъ царемъ.

Этимъ только обманомъ и напугали царевича. Онъ покорился, обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день, и просилъ Толстого обождать.

Царевичу конечно нужно было посовѣтываться съ своей возлюбленной: что выбирать — покориться отцу и ѣхать въ Россію, или лишиться той, которую онъ любитъ.

Царевичъ выбралъ первое, чтобъ только не разставаться съ Афросиньей.

«И съ этимъ я отъ него поѣхалъ прямо къ вицерою (вице-королю)—писалъ Толстой—которому объявилъ что было потребно, прося его, чтобъ немедленно послалъ къ нему сказать, чтобъ онъ дѣвку отъ себя отлучилъ, что онъ вицерой и учинилъ: по-неже выразумѣлъ я изъ словъ его, царевича, что больше всего боится ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. И того ради просилъ я вицероя учинить предреченный поступокъ, дабы съ трехъ сторонъ вдругъ пришли къ нему противныя вѣдомости, т. е. что у него отнята надежда на протекцію цесарскую, а я ему объявилъ отцевъ къ нему скорый пріѣздъ и прочая, а вицерой разлученіе съ дѣвкою. И когда присланный отъ вицероя объявилъ ему разлученіе съ дѣвкою, тотчасъ ему сказалъ, чтобъ ему дали сроку до утра: «а завтра-де я присланнымъ отъ отца моего объявлю, что я съ ними къ отцу моему поѣду, предлагаю имъ только двѣ кондиціи, которыя я уже сего дня министру Толстому объявилъ». А кондиціи тѣ: первая, чтобъ ему отецъ позволялъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отнимать. И хотя эти государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожъ я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. А когда мы наавтра къ нему съ капитаномъ Румянцевымъ пріѣхали, онъ намъ тотчасъ объявилъ, что безъ прекословія ѣдетъ купно съ нами и притомъ насъ просилъ, чтобъ мы ему исходатайствовали у отца той милости, дабы повелѣлъ ему на оной дѣвѣ жениться, не дожидая до С.-Петербурга. О семъ я его величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, чтобъ изволилъ ему на то позволить. для того что онъ тѣмъ себя весьма покажетъ во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той

дѣвки; другое — цесаря весьма огорчить, и уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третіе, что уже отниметь опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. Мнѣ мнится, что сіе ни чему предбудущему противно не будетъ, но и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ состоянія».

Царевичъ, наконецъ, ѣдетъ въ Россію. 4-го октября онъ пишетъ отцу и просить прощенія.

Но страшно ему ѣхать прямо на глаза отцу. Отъ своихъ приставниковъ онъ требуетъ прежде провести его въ Бари — поклониться мощамъ Николая-чудотворца.

Поклонившись мощамъ, они снова ѣдутъ въ Неаполь, и уже 14-го октября выѣзжаютъ оттуда по дорогѣ въ Римъ.

Афросинья беременна. Она не можетъ поспѣть за царевичемъ — и ѣдетъ съ особымъ поѣздомъ, медленно.

На память объ ней, при разставаньи, царевичъ беретъ отъ нея «платочекъ».

Всю дорогу до Рима и до Венеціи онъ неотступно упрашиваетъ Толстого и Румянцева — выпросить ему у отца позволеніе обвѣнчаться съ Афросиньею до приѣзда въ Петербургъ. Ожидая этого разрѣшенія, онъ затягиваетъ свой путь, выдумываетъ разные предлоги — осмотрѣть Римъ, Венецію и другіе города.

Однимъ словомъ царевичъ ѣхалъ очень медленно: вѣдь онъ ѣхалъ за своей смертью, не зная того, да и никто этого не зналъ.

Но впереди повидимому не смерть ждетъ, а прощенье отца, женитьба на любимой дѣвушкѣ, тихая жизнь въ деревнѣ.

Дѣйствительно, 14-го ноября отецъ ему пишетъ изъ Петербурга:

«Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенья, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господь

Толстова и Румянцова письменно и словесно общено, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, который также здѣсь вамъ позволится, о чемъ онъ вамъ объявить. Петръ».

Просто «Петръ» — нѣтъ прибавки «отецъ».

Но царевичъ видитъ, что онъ прощенъ, что ему позволятъ жениться на любимой женщинѣ. Съ такими надеждами можно ѣхать и къ суровому отцу.

Отвѣчая сыну прощеніемъ, царь въ тоже время писалъ Толстому и Румянцеву:

«Мои господа! письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши края пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у племянницы въ домѣ (т. е. у Анны Іоанновны); а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такъ великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напередъ сего писалъ, и въ томъ его обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его».

Ясно, что все прощено и все позволено. Правду говорилъ царевичъ вице-канцлеру Шёнборну въ ту ужасную ночь, когда явился къ нему какъ помѣшанный, что «отецъ къ нему добръ». Вѣдь отецъ и самъ былъ, какъ и сынъ, не безъ слабостей: и онъ любилъ когда-то Анну Монцову, иноземку, дочь вино-

торговца, и эта «дѣвка иноземка» была ему дороже всѣхъ царевенъ, королевенъ и принцессъ; вѣдь и теперь отецъ любить бывшую плѣнную нѣмку, приведенную въ русскій лагерь въ одной сорочкѣ; а теперь она царица. Отчего жъ и сыну не позволить любить ту, которая для него дороже короны и земли русской?

Беременная Афросинья, какъ мы сказали, далеко отстала дорогой отъ царевича.

Отъ этого времени сохранились три письма царевича и Афросиньи. Писемъ этихъ повидимому не знали прежде наши историки — ни Н. Г. Устряловъ, ни С. М. Соловьевъ, а изданы они академіею по подлинникамъ, хранившимся у покойнаго К. И. Арсеньева.

Какой нѣжной заботливостью дышетъ первое письмо царевича къ своей «Афрасинюшкѣ», писанное съ дороги, съ нѣмецкой границы, отъ 19-го ноября:

«Матушка моя другъ мой сердешной Афрасинюшка здравствуй на множество лѣтъ. Я слава Богу даѣхалъ да немецкой земли в добромъ здравіи не печался маменка для Бога. а я на твой платочикъ глядя веселюся зделай другъ мой себе теплое одеяло подчемъ спать для того что холодно а печей выталиі нетъ а подшубою нетакъ хороше спать. Немешкай долго ввенецѣи что тебя дале то тяжеле а дорогою поѣзжай неспеша береги себе і малинково Селебенова засимъ тебя і с нимъ і з братомъ предаю в сохранение божіе і пребываю вѣрны твой другъ всегда Алексей».

«Селебеновъ», «Селебенъ» — это они такъ называютъ свое дитя...

На это письмо Афросинья отвѣчаетъ царевичу уже изъ Германіи, изъ Аугсбурга, отъ декабря:

«Государь мой батюшка другъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Здравствуй на многая лѣта что меня изволишь памятовать: благодатью божіею в добромъ здоровіи. Селебинымъ поздравляю тебѣ, государю, праздникомъ рождества христова. Желаю слышать о вашемъ здоровіи. Доношу тебѣ, государь, пріѣхали въ Аушшпургъ декабря 24 числа, слава Богу, въ добромъ здоровіи и впредь уповаю на его божескую милость, который подъ рукою милости своея сохранить насъ отъ всякаго зла. Изъ Аушшпурга наняли фурманщиковъ до Берлина и отправимся завтра поутру. Летигу наняли до Берлина, для того что въ коляскѣ не возможно ѣхать: земля мерзлая и очень колотко. Ев ф р о с и н ѣ я».

Скоро царевичъ предсталъ предъ очи грознаго батюшки.

По Москвѣ разносится страшный шопоть о томъ, что скоро начнется розыскъ. Но розыска еще нѣтъ. Можетъ и пронесется мимо эта горькая чаша. Сторонники царевича бранятъ Толстого, бранятъ и самого Алексѣя.

— Иуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ, и ему не перваго кушать, говоритъ Иванъ Нарышкинъ.

— Слышалъ ты—говорить князь Василій Долгорукій Богдану князю Гагарину — что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на А ф р о с и н ѣ ! Жолвь ему, не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно.

Но вотъ 3-го февраля, въ понедѣльникъ, въ кремлевскій дворецъ, гдѣ собралось все высшее духовенство и сановники, является царь, а за нимъ вводятъ царевича безъ шпаги.

Отецъ сталъ выговаривать сыну. Царевичъ бросается отцу въ ноги, во всемъ винится и со слезами проситъ помилованія. Отецъ прощаетъ на условіяхъ — отказаться отъ наслѣдства и открыть своихъ сообщниковъ.

Царевичъ все исполняетъ. Отъ престола онъ отрекается въ успенскомъ соборѣ передъ евангеліемъ, и подписываетъ отреченіе.

Въ тотъ же день обнародывается манифестъ съ изложеніемъ причинъ лишенія царевича престола, и начинается розыскъ.

Въ тотъ же день, передъ началомъ страшнаго дѣла, царевичъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ съ своей возлюбленной.

Вотъ что онъ пишетъ ей изъ Преображенскаго:

«Другъ мой сердешной А ф р а с и н ю ш к а. Здравствуй матушка моя на множество лѣтъ. Я пришѣлъ сюда сегодня а батюшка былъ вверху на Москвѣ в столовой полатѣ со всеми і тутъ я пришел і поклонился ему в землю прося прощенія что от него ушелъ къ цесарю, і подалъ ему повинное писмо і онъ меня простилъ милостиво і сказалъ что де тебя наследства ілишаю і надлежитъ де тебѣ і прочимъ крестъ целовать брату яко наслѣднику і чтобъ какъ мнѣ такъ и прочимъ по смерти батюшкы не промыслять о моемъ возведеніи на престолъ, і потомъ велелъ честь за что онъ меня лишилъ наследства і потомъ пошли в соборную церковь і целовали я і прочіи крестъ а каково объявление і предъ крестомъ присяга то пришлю къ тебѣ впредъ а нынѣ за скоростью не успелъ і потомъ батюшка взялъ меня къ себѣ ѣсть і поступаетъ ко мнѣ милостиво дай боже что і впередъ также і чтобъ мнѣ даждася тебя въ радости. Слава Богу что насъ отъ наследства отлучили понеже останемся в покое с тобою. Дай боже благополучно пожить с тобою в деревнѣ понеже мы с тобою нічего не желали только чтобъ жить в Рождественѣ сама ты знаешь что мнѣ нічего не хочется толкомъ с тобою до смерти в покое дожить а будетъ что немецкихъ врагъ будетъ о семъ невѣрь пожалуй ей ей болше нічего не было вѣрный другъ твой Алексѣй».

Начались аресты, казни. Жестокая казнь постигла Кикина. Казнили Большого-Афанасьева, дьяка Воронова. Схватили князя

Василія Долгорукаго, Никифора Вяземскаго, перваго учителя царевича, у котораго этотъ послѣдній и спознался съ А ф р о с и н ѣ ю.

Глѣбовъ, бывшій ростовскій епископъ Досифей, а теперь разстрига Дежидъ, Пустынскій, Журавскій, Дорукинъ—все это кончило смертью то на колу, то на колесѣхъ.

Покончивъ московскія казни, царь, 18-го марта, ѣдетъ въ Петербургъ. Царевичъ съ нимъ. Буря, кажется, прошла совсѣмъ.

Царевичъ весь отдается одной страсти — увидѣть А ф р о с и н ѣ ю. Въ свѣтлый праздникъ пасхи онъ на колѣняхъ умоляетъ мачиху не разлучать ихъ, позволить имъ бракъ.

Въ половинѣ апрѣля въ Петербургъ пріѣзжаетъ наконецъ и А ф р о с и н ѣ я.

Нужно и ее допросить.

Никто не думалъ, чтобъ показанія А ф р о с и н ѣ и дали такой страшный конецъ дѣлу.

По невѣдѣнію или изъ желанія спасти себя, эта женщина все открыла, чего никто не открылъ, и чего царь даже и не ждалъ.

А ф р о с и н ѣ я показала, что въ Эренбергѣ, въ крѣпости, царевичъ писалъ письма порусски къ архіереямъ, писалъ къ цесарю съ жалобами на отца.

А ф р о с и н ѣ царевичъ говорилъ, что въ русскомъ войскѣ бунтъ, что объ этомъ въ газетахъ пишутъ.

Около Москвы волненіе—объ этомъ въ письмахъ пишутъ.

— «Авось либо Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться», радовался царевичъ, слыша о смутѣ въ Россіи.

Изъ Неаполя царевичъ также часто писалъ цесарю жалобы на царя.

— «Вотъ видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!»—говорилъ царевичъ, прочтя въ газетахъ извѣстіе, что младшій царевичъ боленъ.

— «Хотя батюшка и дѣлаетъ, что хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка» — такъ говорилъ онъ о «сенатахъ».

Къ архіереямъ для того писалъ письма, чтобъ ихъ подметывать.

— «Я старыхъ всѣхъ переведу — говаривалъ царевичъ — и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ. Когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ. Корабли держать не буду. Войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣніемъ. Зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ».

Читая въ газетахъ о какихъ-нибудь видѣніяхъ, или извѣстія, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, говаривалъ, что видѣнія и тишина не даромъ.

— «Можетъ быть отецъ мой умереть, или бунтъ будетъ. Отецъ мой, не знаю, за что меня не любитъ, и хочетъ наслѣдникомъ сдѣлать брата моего, а онъ еще младенецъ, и надѣется отецъ мой, что жена его, моя мачиха, умна: и когда, сдѣлавши это, умереть, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, и будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня».

Афросинья не пускала его бѣжать изъ Неаполя къ папѣ римскому просить протекціи.

Когда собирался ѣхать къ отцу, то Афросинья отдалъ черныя письма, велѣлъ ихъ сжечь, а когда приходилъ секретарь вице-роя неаполитанскаго, то царевичъ сказывалъ ему изъ тѣхъ писемъ нѣкоторые слова понѣмечки, а секретарь записывалъ, и написалъ одинъ листъ, а писемъ всѣхъ было листовъ съ пять».

Вотъ что открывала Афросинья...

Когда, затѣмъ, царь спросилъ сына, пристасть ли бы онъ къ бунтовщикамъ, если бъ за нимъ прислали, даже при живомъ

отца, сынъ отвѣчалъ: «А хотя бы и при живомъ прислали, когда бы они сильны были, то бы могъ и поѣхать»...

Это говорилъ сынъ отцу.

«Все было сказано (позволяемъ себѣ выписать это блестящее мѣсто изъ теоріи Соловьева). Передъ Петромъ не былъ сынъ, неспособный и сознающій свою неспособность, бѣжавшій отъ принужденія къ дѣятельности и возвратившійся съ тѣмъ, чтобъ погребсти себя въ деревнѣ съ женщиною, къ которой пристрастился. Передъ Петромъ былъ наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся на свои права и на сочувствіе большинства русскихъ людей, радостно прислушивавшійся къ слухамъ и замысламъ, имѣвшимъ цѣлю гибель отца, готовый воспользоваться возмущеніемъ, если бы даже отецъ и былъ еще живъ, лишь бы возмущившіеся были сильны. Но этого мало: программа дѣятельности по занятіи отцовскаго мѣста уже начертана: близкіе къ отцу люди будутъ замѣнены другими, все пойдетъ наоборотъ, все, что стоило отцу такихъ трудовъ, все, изъ-за чего подвергался онъ такимъ бѣдствіямъ, и наконецъ получилъ силу и славу для себя и для государства, все это будетъ низпровергнуто, причемъ, разумѣется, не будетъ пощады второй женѣ и дѣтямъ отъ нея. Надобно выбирать: или онъ, или они? или преобразованная Россія въ рукахъ человѣка, сочувствующаго преобразованію, готоваго далѣе вести дѣло, или видѣть эту Россію въ рукахъ человѣка, который съ своими Досифеями будетъ съ наслажденіемъ истреблять память великой дѣятельности. Надобно выбирать; средняго быть не можетъ, ибо заявлено, что кlobукъ не гвоздемъ будетъ къ головѣ прибитъ. Для блага общаго надобно пожертвовать недостойнымъ сыномъ; надобно однимъ ударомъ уничтожить всѣ преступныя надежды. Но казнить родного сына! Сначала Петръ въ Москвѣ былъ склоненъ снисходительно смотрѣть на сына; въ

немъ видно было желаніе оправдать Алексѣя чрезъ обвиненіе другихъ. Царь говорилъ Толстому: «Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевѣдецъ и судья вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мой противникъ». Толстой отвѣчалъ: «Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха». — «Не будутъ летать, скоро, скоро!» сказалъ на это Петръ.»

Пытали наконецъ и царевича.

19-го іюня дали царевичу двадцать-пять ударовъ.

24-го іюня—пятнадцать ударовъ.

26-го іюня вновь были въ застѣнкѣ: самъ царь, Меншиковъ, князь Долгорукій, Гаврило Головкинъ, Федоръ Апраксинъ, Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, Петръ Толстой, Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ.

Началось съ восьми часовъ утра. Въ одиннадцать разѣхались.

«Того жъ числа (значится въ «записной книгѣ с.-петербургской гварнизонной канцеляріи») пополудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился».

Въ тотъ же день перехвачено было донесеніе голландскаго резидента Деби, писанное вѣроятно за нѣсколько часовъ до смерти царевича:

«Хотя царевичъ Алексѣй Петровичъ чаялъ, что чрезъ полученное прощеніе и для того опубликованный манифестъ о своемъ животѣ увѣренъ былъ,—понеже его царское величество самъ его болѣе за проведеннаго, нежели проводителя и главу того замысла

почиталъ,—однако же объ немъ весьма инако оказывается. Метреса царевича случай подала на открытіе наивящихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и къ б.... съ принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножомъ и угроженіемъ смерти принужденная особа. Многіе чають, что она, по принятіи греческой вѣры и первому рожденію, чрезъ греческаго священника и духовнаго отца того принца, который также посаженъ, въ пути дѣйствительно вѣнчана съ царевичемъ, и видится, что сіе нѣкоторымъ образомъ основательно есть, понеже, когда помянутая метреса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы и ей при томъ сказано было, что когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ, она на это отвѣствовала: «Къ первому б.... принуждена была, и послѣ того принца никто при моемъ боку лежать не будетъ». О которыхъ словахъ разныя сумнѣнія учинены были, которыя болѣе къ тому клонятся, что она еще вовсе надежду не потеряла въ которое время нибудь корону на себѣ видѣть. Хотя она чрезъ глубочайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ царя утвердить, однакожь она чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила, также чрезъ письма, которыя они къ нему писали и у нея найдены».

Такова была историческая миссія А ф р о с и н ѣ и Ф е д о р о в о й. Какъ видно изъ донесенія резидента Деби, и она мечтала видѣть на своей головѣ корону.

VII.

Александра Салтыкова.

(Александра Григорьевна Салтыкова, урожденная княжна Долгорукая).

Петровскія преобразованія очень глубоко захватывали старую русскую почву. Обновляя государственныя формы, общественную жизнь и внѣшнія проявленія этой жизни, вызывая и развивая образовательныя и производительныя силы страны, Петръ заглядывалъ и въ семейную жизнь русскаго общества, справедливо понимая, что семья — первый общественный питомникъ: — если семья дастъ обществу урода, то и общество не въ силахъ сдѣлать изъ него человѣка.

Петръ зналъ семью по программѣ «Домостроя»; зналъ онъ и русскую женщину, жившую въ семьѣ по этой же программѣ. Онъ самъ былъ отчасти воспитанникъ домостроевскихъ женщинъ; но, по счастью, онъ скоро отбился отъ нихъ, и пошелъ своею дорогою.

Заглядывая и въ семейную обстановку русскаго общества, Петръ и тутъ пытался воевать съ «барбарскими обычаями». Онъ, между прочимъ, высказывалъ, что желаетъ русское общество «изъ

прежнихъ азiятскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся».

Для этого царь, между прочимъ, запрещалъ указами, «чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходили замужъ».

Это уже прямая забота о женщинѣ. Петръ, противникъ «Домостроя» и всего застарѣлаго, хотѣлъ защитить женщину отъ рекомендуемой Сильвестромъ «плетки» и отъ мужниныхъ кудалковъ.

Насколько воля преобразователя встрѣчала отпоръ въ старой русской семьѣ, доказываетъ вся несчастная жизнь хоть бы такой высоко поставленной женщины, какъ княжна Долгорукая, нашедшая себѣ мужа въ знаменитомъ братѣ царицы П р а с к о в ь и Ф е д о р о в н ы, Васильѣ Федоровичѣ Салтыковѣ.

Александра Григорьевна Долгорукая была дочь князя Григорія Федоровича Долгорукаго и племянница знаменитаго петровскаго сподвижника, неустрашимаго Якова Долгорукаго.

Какъ почти всѣ женщины первой четверти восемнадцатаго столѣтія, княжна Долгорукая одной ногой такъ-сказать стояла еще позади рубежа, отдѣлявшаго старую Русь отъ новой, такъ что на воспитаніи ея должны были лежать старыя краски, только жизнь и обстановка давали уже имъ новый оттѣнокъ.

Въ 1707 году, молодою дѣвушкою она вышла замужъ за немолодого уже вдовца, Василія Салтыкова—слѣдовательно породнилась съ царскою семьей, хотя Долгорукіе и прежде бывали въ ровномъ родствѣ съ владѣтелями русской земли.

Семейное положеніе, въ которое поставлена была молодая княжна, и составляетъ все содержаніе ея жизни. Положеніе это становится до нѣкоторой степени характеристикой эпохи—и оттого несложная, но и нерадостная жизнь этой женщины пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ интересъ историческій.

Десять лѣтъ прожила бывшая княжна Долгорукая въ замужествѣ съ Салтыковымъ, и жизнь эта не выходила повидимому изъ колеи обыкновенныхъ, рядовыхъ жизней высшаго и средняго общества.

Вслѣдствіе родства съ царскимъ домомъ, Салтыковы обращаются въ придворной сферѣ. Въ 1718—1719 годахъ они живутъ въ Митавѣ, при дворѣ герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая, какъ дочь царицы Прасковьи, приходилась племянницей Салтыкову, а по нему—и его женѣ, Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

Около этого времени у Салтыковыхъ разыгрывается семейная драма, источникъ которой намъ неизвѣстенъ, но самая тяжелая роль въ этой драмѣ выпадаетъ на долю Салтыковой. Разладъ между ними, можетъ быть, начинался давно, но рѣзкое обнаруженіе его относится къ тому времени, когда Салтыковъ началъ открыто преслѣдовать жену и обращаться съ нею самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Салтыкова жаловалась герцогинѣ, обращалась съ просьбою о защитѣ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; но это еще болѣе вызывало ожесточеніе со стороны мужа, и жизнь Салтыковой становилась каторгой: мужъ обращался съ ней грубо, постоянно бранилъ, и, даже вопреки «Домострою», часто пускалъ въ ходъ кулакъ и палку. Мало того, онъ открыто жилъ съ любовницею, съ своею собственною служанкою, и это еще болѣе увеличивало тягость положенія жены, которая, какъ хозяйка въ домѣ, часто была морима голодомъ.

Уѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ, Салтыковъ безчеловѣчно избилъ жену и оставилъ ее на произволъ судьбы. Анна Іоанновна сжалась надъ больною, и взяла ее къ себѣ, поручивъ придворному доктору лечить нанесенныя ей мужемъ раны.

Но вотъ мужъ требуетъ ее къ себѣ въ Петербургъ. Боясь по-

выхъ истязаній, Салтыковъ а рѣшается бѣжать къ отцу, у котораго она была единственная дочь.

Отецъ ея въ это время находился въ Варшавѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Убѣгая къ отцу, Салтыковъ тайно предувѣдомила его объ этомъ, а другимъ никому не открыла своего намѣренія кромѣ герцогини Анны Іоанновны.

Отецъ выслалъ навстрѣчу дочери князя Шейдякова, который и долженъ былъ проводить ее до Варшавы. Шейдяковъ встрѣтилъ бѣглицу недалеко отъ Митавы, на Двинѣ, въ одной еврейской корчмѣ, и тотчасъ же распорядился, чтобы обозъ съ ея вещами и дворнею ѣхалъ далѣе въ Ригу, а Салтыкову съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, приготовленную имъ заранѣе, и приказалъ держать путь къ Варшавѣ.

Но Салтыковъ знала своего мужа и боялась его. Она знала, что онъ и у отца найдетъ ее и вытребуеъ для расправы. Поэтому, чтобы смягчить его гнѣвъ и по возможности обмануть, давъ благовидный предлогъ своему бѣгству, она съ дороги пишетъ ему: «При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть—я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла».

Съ трудомъ больная доѣхала до Варшавы. Жестоко-огорченный старикъ-отецъ, за оскорбленіе дочери и за безчестіе своего знатнаго рода, ищетъ расправы у царя.

Замѣчательный интересъ представляетъ его челобитная царю: въ ней онъ указываетъ Петру, что реформы его не проникли еще въ глубину русской старой семьи, что тамъ еще идетъ прежняя

кулачная расправа, что даже именитые люди знаменуютъ свои отношенія къ женщинѣ «барбарскими поступками», что «азіятскіе обычаи» изъ русской семьи не выводятся.

«Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь! — пишетъ онъ царю:— Ваше величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азіятскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изволили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не выходилъ за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную не малое время имѣлъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, та-кожъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, ссорили. Для чего какою немилостію обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное гоненіе и мученіе терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, ни послѣдней подданной сиротѣ снести было не мочно; однако она, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что, не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерти. и такъ мучительно билъ, что замертвую кинулъ, и притомъ токмо напамывалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житіи доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Е к а т е р и н ѣ А л е к с ѣ в н ѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потомъ что было ея, все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію, и Польшу безчестно наслушалъ, и въ Петербургъ отѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще

жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больницу къ себѣ везть, что уже была и повезена. И видя оная послѣднее свое житѣе, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упавая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возратить, но и изъ его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастье, радость, здоровье, но и честь на вѣки отнялъ».

Старый придворный не ограничился этой челобитной къ царю. Онъ зналъ, что въ настоящее время, при Петрѣ, женщина стала не то, что была въ старое время, когда все, что касалось государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, считалось не бабьего ума дѣломъ. Теперь, особенно при дворѣ, женщина становилась все-сильною, отчасти потому, что это было въ принципѣ царя — выводить женщину изъ терема и дѣлать ее участницею общественной жизни. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо было позволить женщинѣ изъ своей свѣтлицы переходить и въ кабинетъ мужа, заглядывать въ лежащія у него на столѣ бумаги, говорить о дѣлахъ, о челобитчикахъ.

Петръ такъ и дѣлалъ—онъ не отгонялъ «Екатеришку» отъ своего рабочаго стола, и она знала челобитчиковъ своего мужа. Еще раньше этого Анна Монсъ уже неоднократно прашивала Петра за челобитчиковъ, даже злоупотребляла ласкою къ ней царя,

широко пользуясь правомъ посредницы. Не одна «Екатери-нушка» имѣла силу при дворѣ и прашивала за челобитчиковъ, а и «Дарья-глупая», «Анисья-старая», Брюсова жена и инныя. Впослѣдствіи, когда Виллимъ Монсъ вошелъ въ особенную силу при особѣ Екатерины Алексѣевны, сестра его, Матрена Балкъ, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ придворнаго присяжнаго повѣреннаго, и такъ широко воспользовалась возможностью получи- ки гонорара со всѣхъ челобитчиковъ и челобитчицъ, что была предана позорной гражданской казни и пошла въ ссылку, а голова ея брата осталась на колу, а потомъ въ банкѣ со спир- томъ.

Старый придворный, князь Долгорукій, зналъ объ этомъ значеніи женщинъ при дворѣ, и вручилъ свою обиженную дочь покровительству Екатерины Алексѣевны. Царица, конечно съ разрѣшенія царя, позволила ей частно оставаться при отцѣ.

Въ благодарность за это Долгорукій писалъ Екатеринѣ: «Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексѣевна. Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С.-Пе-тербурга высокоимлостивое писаніе отъ 10 іюля я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость на вѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно симъ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостью не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому-жъ

усильно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчыя несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людямъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ». Въ заключеніе этого прошенія, князь Долгорукій, «упадая подъ ноги» царицы, просить не отдавать его дочери «на прежнее мученіе и убивство», просить возвратить приданое его дочери и выражаетъ надежду, что его «нижайшая суплика» не будетъ оставлена безъ вниманія.

Но этимъ не ограничились Долгорукіе. Имъ казалось, что при Петрѣ настало царство женщинъ, и потому надо пользоваться женскою силою.

Въ то время когда отецъ писалъ царицѣ, сама обиженная, Салтыкова, обратилась къ придворному присяжному повѣренному, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкѣ.

Письма Салтыковой къ Балкѣ составляютъ драгоценные документы для исторіи русской женщины: изъ нихъ видно, чѣмъ была русская женщина, по отношенію къ ея развитію и образованію, при началѣ преобразованія русской земли, та женщина, которая черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ превратилась въ женщину-писателя, которая явилась свѣту въ лицѣ княгини Дашковой и цѣлой плеяды російскихъ «Сафо», «Кориннъ» и проч.

Вотъ какимъ изумительнымъ языкомъ писала, въ 1719 году, супруга брата царицы, женщина изъ блестящаго рода князей Долгорукихъ, единственная дочь образованнаго посланника и русскаго министра:

«Государыня мая матрена ивановна много летно здравѣствууй купно са всеми вашими! писмо милости вашей получила, въ каторомъ изволите отвѣтствовать на мое писмо, каторое я къ

вамъ писала из кенезъ Берха, за что я вамъ, матушъка мая, благодаръствую и въпретъ васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радасію ожидать буду... и прашу на меня и неизволте прогневатьца, что мешъкала за нещасіемъ моимъ, на оное ваше писмо отвѣтъствовать; понежа у меня батюшъка канешъно болень огреваю четьри недели истень-но въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить майми писмами; ежели дасть Богъ Батюшъку лехъча, буду писать простъ-рано на будущей почте Сердешъно сердешно сожелею о вашей балежьне изволька мъне отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мъне отписать писмо мое отъ егана изволилъ получить какошъ надеюся, что онъ намъ данесетъ обавсемъ прастъранъно, каторая челабитъная послана къ царскому величеству такошъ и всемиластивой гасударыне царице екатерине алектъсеевне, изволте освѣдамитъца и камъне отписать, какъ изволятъ принять; а я въ бедахъ сванхъ инова претъстательства неимею кромя ея величества и ане камне пишуть, что мушъ мой хочеть на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушъла; я етава не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела въ чемъ батюшъке доехать принуждена была себе делать до последней рубашъки еде онъ увесъ ссобою ту бабѹ, каторая завъсемъ хадила; она снимъ уехала ссабою ли ане забрали или у людей оставили пускай его людей стой бабаю пытаются мне была ничаво негде брать я уже была давъно савъсемъ обрана и отъ нево разъбита токмо имела при себе несколка из майхъ алмазавъ и то у меня последняя аграбилъ, какъ поехалъ въ петербуръхъ сказалъ мне: ежели не дашъ хателъ да смерти убить, я ему свеликаю радасію и то отдала толка обобралъ и самъ билъ на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласъть

вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизволите слуга веръная до смерти.

«Изваршавы октября 17,1719 г.»

Изъ письма Салтыковой видно, что она зачѣмъ-то ѣздила въ «кенезъ Берхъ», то-есть въ Кенигсбергъ.

Не довольствуясь этимъ письмомъ, Салтыкова черезъ мѣсяцъ отправляетъ къ Матренѣ Балкъ второе посланіе, еще ужаснѣе перваго. Вотъ оно:

«Гасудараня мая матрена ивановъна многолѣтне здравствуі купно со всѣми вашими! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюса».

При этомъ Салтыкова говоритъ, что письмо Матрены Ивановны съ Белашинцевымъ получила—сожалѣть о ея болѣзни. Просить посылать письма черезъ Бестужева. Матрена Балкъ просила ее остерегаться Дашкова: «его ныня у насъ нетъ, отпушченъ къ москве, желею, что я прежде не ведала я бы нарощно при немъ гаварила, что надлежить другимъ ведать.

«Пача въсево васъ прошу, изволте меня садержать, по своему обещанію, веръно такошъ где вазъможна упоминать въ миласти ее величеству, гасударыне циа, въ чемъ на миласть вашу безсумненною надежду имею, такошъ прашу матушъка мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышитъ въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердіе и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видетъ

Остаюсь вамъ веръная до смерти александра. Прашу от меня покланитъца ее миласти анъне ильинишъне».

Изъ этихъ писемъ видно, что дѣйствительно къ концу жизни великаго преобразователя Россіи наставало при дворѣ царство женщинъ.

По отправкѣ послѣдняго письма къ Балкѣ, Салтыкова сама ѣдетъ въ Москву для присканія свидѣтелей противъ мужа; но узнавъ, что «тиранскій мужъ» отпущенъ изъ Петербурга, приходитъ въ отчаянье, и шлетъ новую «суплику» къ государынѣ, а Матренѣ Балкѣ черезъ секретаря своего пишетъ:

«Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, симъ моимъ писаніемъ трудить и просить, дабы, по своей ко мне склонности, се приложенное мое письмо еѣ величеству всемилостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрезъ которое я ее величеству рабски доносила о приезде моемъ къ Москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая объ отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петербурха, ради великой нужды, а именно чтобъ мне сыскатъ верныхъ свидѣтелей, и очиститъ себя въ сносныхъ животахъ, въ чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челомъ, о которой моей нужде прошу донести словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже я объ оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно еѣ величеству необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня въ прежней любви вашей, и упоминатъ въ милости всемилостивѣйшей государыне царице. Такожде и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ; понеже я нынѣ кроме васъ приятелей въ санктъ-Петербурхѣхъ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомитъ меня, какъ еѣ величество всемилостивѣйшая государыня царица изволить принятъ отъ васъ мою низжайшую суплику, за что вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

«P. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю въ волю вашу: прошу неизвольте онаго ко мне отпущать напрасно безъ всякой ведомости, приездъ токмо мне принесетъ пущую пѣчуаль. Такождѣ

васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске онаго человека согласитца съ анной еедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду».

Вездѣ и во всемъ женщины—Екатерина Алексѣевна, Матрена Ивановна Балкъ, тамъ Анна Ильинишна, тутъ Анна Федоровна Юшкова: и дворъ, и сенать, и юстицъ-коллегія повидимому наполнены женщинами.

Наконецъ и самъ великій воротило при дворѣ царицы, Виллимъ Монсъ, превращается въ женщину.

Замѣчательно, что какъ во всей этой женской исторіи Виллимъ Монсъ былъ главнымъ двигателемъ и при дворѣ, и въ юстицъ-коллегіи, то чтобъ прикрыть свое участіе благовидною наружностью, онъ переписывается съ Салтыковой не отъ своего, а отъ имени женщины же, только пишетъ свои посланія къ ней особо-сочиненною азбукою, латинскими буквами.

Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Салтыковой: «Sdrawstwoy matouska aleksandra grigorgefna, bosedai wam dobrago sdorowje; sa fse samejstwa vassei, selaju dabie piessange etage was magu goschudarinu fdobrom strafge sastalla na katorom at fsewo fsewo swogewo sertza selaju» и т. д.

Мы не рѣшаемся на большую выписку изъ этого тарабарскаго посланія, а перелагаемъ его на удобопонятное правописание: «прошу васъ, мою государыню, дабы я не оставлена была писаніемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье, когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я съ великою радостью воспринимаю и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному свѣдомо, и стараюсь, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію, и надѣюсь, что вскорѣ послѣ праздника, только васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокру-

шать объ ономъ дѣлѣ, все Богомъ будетъ устроено, понеже ея величество вельми къ вамъ милостива и ни вѣсть какъ сожалѣть объ васъ, такожде и объ родителей вашемъ, присемъ остаюся вамъ моею государынѣ вѣрная вамъ *usluszisza*» (т. е. услужница).

«Услужница» эта—самъ Виллимъ Монсъ, камергеръ двора ея величества Екатерины Алексѣевны.

Вообще это было замѣчательное время. Женская интрига какъ паутина начала опутывать великаго преобразователя Россіи, который все болѣе и болѣе жаловался на старость и нездоровье.

Такимъ образомъ Виллимъ Монсъ, подъ видомъ женщины, переписывался съ Салтыковой, а посредникомъ ихъ въ этой корреспонденціи является гофмаршалъ митавскаго двора герцогини Анны Іоанновны Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ. Предлагая всесильному Монсу свое посредничество въ передачѣ писемъ Салтыковой, которой покровительствовала Анна Іоанновна, Бестужевъ-Рюминъ писалъ Монсу: «Извольте, государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обязуюсь вѣрнымъ ко услугамъ вашимъ быть при вашей корешпанденціи. Извольте оныя письма ко мнѣ при всепріятномъ вашемъ писаніи присылать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой охранныости отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно, и весьма секретно содержать буду».

Сторону обиженной, какъ видно изъ предыдущаго, приняла вся женская половина двора и аристократіи: на сторонѣ Салтыковой стояли сама царица Екатерина Алексѣевна, герцогиня курляндская Анна Іоанновна, будущая императрица, потомъ Матрена Ивановна Балкъ, Анна Федоровна Юшкова и другія. Но и противная, обидѣвшая сторона была не безсильна: отъѣчикъ былъ братъ старой царицы

Прасковьи, имѣвшей значеніе у Петра. Узнавъ, что противъ него возсталъ цѣлый сонмъ женщинъ, Салтыковъ подалъ на имя царя объявленіе, что у него жена сбѣжала. Въ объявленіи этомъ онъ говоритъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Митавы въ Петербургъ, то приказалъ женѣ выѣзжать вслѣдъ за нимъ, и потому для проводовъ ея оставилъ цѣлый штатъ прислуги. Но къ удивленію его, въ Петербургъ явились только дворовые служители, а жена съ горничною исчезла: «ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всё они скрылись, про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить».

Поэтому Салтыковъ требовалъ допросить прислугу—куда дѣвалась жена.

Царь на просьбѣ Салтыкова положилъ резолюцію: «о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ юстицъ-коллегіи. А буде зачѣмъ рѣшать будетъ не можно—учинить намъ доношеніе».

Начался опросъ людей. Къ отвѣту призвали и князя Шейдякова, помогавшаго побѣгу Салтыковой. Шейдяковъ сказалъ, что онъ, провожая къ отцу дочь князя Долгорукаго, исполнялъ порученіе начальства.

— А тебѣ, Шейдякову,—возражалъ на это Салтыковъ,—безъ мужнинаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало.

Салтыковъ, въ оправдательныхъ отвѣтахъ своихъ, между прочимъ, говорилъ: «жену безвинно мучительски не билъ, немилостиво».

ство съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ».

Но потомъ далѣе, какъ бы сознавая себя правымъ по «Домострою», этотъ ученикъ попа Сильвестра и сынъ древней Руси откровенно сознавался: «за непослушаніе билъ я жену самъ своею рукою, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не привращала и противъ меня невѣжила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла. Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя (отца обиженной) писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія».

Салтыковъ, сознавая свою силу, даже отшучивается въ своихъ отвѣтахъ юстицъ-коллегіи, ловко отпарируя обвиненія Долгорукаго: «что въ челобитѣ его написано, что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ отвѣчать мнѣ, на то что въ челобитѣ не написано, невозможно». Далѣе: «Истецъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно, а не выдавъ да не слыхавъ, и челобитной писать не надлежало. Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужья награждали женъ за уходъ».

Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ. Юстицъ-коллегія не рѣшалась разводить мужа съ женой. Дѣло перешло въ синодъ. Въ синодѣ опять тянется:—даже женское вліяніе не помогало.

Но вотъ царь и царица собираются въ персидскій походъ. Это было уже въ 1722 году.

Боясь, что въ отсутствіе царицы дѣло рѣшать въ пользу мужа, отецъ Салтыковой опять пишетъ Екатеринѣ Але-

к сѣвнѣ, больше надѣясь повидимому на женское заступничество, чѣмъ на мужское:

«Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня. Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ велиествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Праскевы Федоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ синода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и улика взята: и ежели ваше величество отымете отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лечилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но по именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться».

И дѣйствительно, дѣло это тянулось еще восемь лѣтъ: умеръ Петръ Великій, умерла Екатерина Алексѣевна, умеръ Петръ II, и только при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1730 году, семейная драма Салтыковыхъ кончилась тѣмъ, что бывшая княжна Долгорукая пострижена была въ монахини въ нижегородскій дѣвичій монастырь.

Ясно, что старая Русь была еще очень сильна и царство женщинъ на Руси было только кажущимся.

VIII.

Императрица Екатерина Алексѣевна I.

Систематическая борьба противъ русской старины, предпринятая Петромъ въ лицѣ почитательницъ этой старины, родной своей сестры царевны Софьи и первой супруги, царицы Евдокии, личное знакомство царя-плотника, во время путешествій за границую, съ европейскою женщиною, сравнительное превосходство этой послѣдней по отношенію къ тогдашней русской женщинѣ, превосходство, конечно сначала виѣшнее, на первый разъ всего болѣе бросающееся въ глаза всякому полудикарю, наконецъ сердечная привязанность къ одной изъ «иноземокъ», привязанность, безъ сомнѣнія вызывавшая осужденіе со стороны старой русской женщины,—естественно должны были вызвать Петра на борьбу и съ этою старою русскою женщиною, которая была едва ли не сильнѣе стараго русскаго мужчины, пятывшагося, когда ему брили бороду и рядили его въ нѣмецкое платье.

Женщина повидимому не пятилась, но была опаснѣе для Петра чѣмъ мужчина, потому что старыя изъ нихъ и наиболѣе вліятельныя прятали свою старину, свою «душегрѣю», подъ нѣмецкое платье, а подъ польскую шапку—старинную «невѣдомо какую дьявольскую камилавку».

Съ женщиною можно бороться только ея женскимъ оружіемъ, и Петръ противъ старо-русской женской, невидимой, но опасной рати долженъ былъ выставить нѣмецкую и иную новую женскую рать.

Бъ этой рати и принадлежала та именно женщина, о которой мы намѣрены говорить и для которой, рожденной не въ Москвѣ, а гдѣ-то у нѣмцевъ, не существовало ни древней Руси, ни ея обычаевъ, ни ея завѣтныхъ костюмовъ.

24-го августа 1702 года, русскими войсками, во время войны со шведами, былъ взятъ въ плѣнъ маріенбургскій пасторъ Глюкъ, а съ нимъ молодая миловидная дѣвушка, находившаяся у него въ услуженіи.

Дѣвушка эта была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго или Сковаронскаго, по имени М а р т а.

— Вѣдаемъ мы—говорилъ впослѣдствіи одинъ солдатъ, когда М а р т а была уже императрицею—вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кофтанъ.

Плѣнницу эту, приведенную подъ русское знамя въ одной сорочкѣ, ожидала впослѣдствіи великая доля: сначала она раздѣляла тронъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, царемъ Петромъ Алексѣвичемъ, а по смерти его единовластно и самодержавно обладала и русскимъ трономъ и судьбами русскаго народа.

Плѣнная дѣвушка отличалась замѣчательной красотой. Богатая природа ея была одарена и другими достоинствами, которыя показала она въ различныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни.

Сначала М а р т а С к а в р о н с к а я отличена была генераломъ Боуромъ, сподвижникомъ Петра, а потомъ на нее обратилъ вниманіе любимецъ государя, Меншиковъ, у котораго царь и увидѣлъ эту дѣвушку.

Марта была взята ко двору—она произвела на царя глубокое впечатлѣніе. Во дворѣ дѣвушка введена была въ кругъ царскихъ знатныхъ боярынь и молодыхъ фрейлинь или «дѣвокъ», какъ ихъ называли, которыхъ вниманію и заботливости государь и поручилъ молодую, симпатичную плѣнницу. Фрейлины и боярыни, видя расположеніе къ дѣвушкѣ государя, ухаживали за ней, оберегали ее, развлекали, увеселяли.

Скоро дѣвушка была крещена въ православіе и получила имя Екатерины, а по отчеству—Алексѣевны, потому что царевичъ Алексѣй былъ ея воспреемникомъ.

При непрерывныхъ отлучкахъ своихъ то на войну, то на построеніе крѣпостей и каналовъ, Петръ обыкновенно переписывался съ отсутствующими довѣренными и приближенными къ нему лицами—переписывался онъ и съ «Катеринушкой» или скорѣе съ главной ея приставницей, Анисьею Кириловною Толстой.

То онъ называетъ свою Катеринушку—«маткой», то—поголландски или понѣмецки—«мудерь»,—и письма царя отличаются, по обыкновенію, крайнимъ лаконизмомъ: «Матка здравствуй!»—или: «Здравствуй, мудерь!»—вотъ и все-пока.

Съ своей стороны Анисья Кириловна, отъ имени юной «матки» и отъ сонма всѣхъ фрейлинь и боярынь-приставницъ, отвѣчаетъ царю, большею частью, въ шутиливомъ тонѣ. Такъ, въ письмѣ 6-го октября 1705 года весь этотъ сонмъ женщинъ подписался разомъ: «Анна Меншикова. Варвара. Катерина сама третья. Тетка несмышленная. Дарья глупая. Засимъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ».

Анна Меншикова—это сестра Александра Даниловича Меншикова. Варвара—это Варвара Михайловна Арсеньева. «Катерина сама третья» — понятно кто. «Тетка

несмышленная»—это сама Ани́сья Кириловна Толстая. «Дарья глупая»—это сестра Варвары Михайловны Арсеньевой, впоследствии свѣтлѣйшая княгиня Меншикова.

Всѣ эти женщины группировались около Катери́нушки и находились при дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны.

28-го декабря 1706 года Катери́нушка родила дочь, и ее называли также Екатери́ной: ребенокъ умеръ 27-го іюня 1708 года.

Съ кажды́мъ годомъ росла привязанность царя къ Катери́нушкѣ—съ Анною Монсѣ глубокая связь была порвана. Привязанность къ Катери́нушкѣ такъ и сквозить во всѣхъ письмахъ, на которыя царь не скупился во время своихъ мыканій по Россіи и по Европѣ. Мало того, едва привязанность царя къ молодой плѣнницѣ закрѣплена была рожденіемъ дочери, какъ Петръ уже начинаетъ думать о болѣе прочномъ будущемъ своей возлюбленной, вслучаѣ если онъ умретъ, не сдѣлавъ о ней никакого распоряженія.

И вотъ, думая начать войну съ турками, царь пишетъ Меншикову:

«Благодарствую вашей милости за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ для безвѣснаго сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, и ежели благой Богъ сіе дѣло окончаетъ, то совершимъ въ Питербурху».

Что́ это былъ за «пароль»—можно догадаться: это было обѣщаніе объявить Катери́нушку своею законною супругой.

5-го генваря 1708 года, Петръ, въ самый разгаръ войны съ Барломъ XII, опасаясь за свою жизнь, пишетъ Меншикову: «Ежели что́ мнѣ случится волею божіею, тогда три тысячи рублей,

которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою». — Катерина Василевская—это она же, Катеринушка. «Дѣвочка» — это дочь, царевна Екатерина, умершая въ этомъ же году.

Съ своей стороны Екатерина Алексѣевна, помня, чѣмъ она обязана Меншикову, который обратилъ на нее вниманіе государя, относится къ нему какъ къ отцу.

«Милостивой нашъ государь батюшка, князь Александръ Даниловичъ, здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое; пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здоровіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева, отъ вашего сіятельства ни единого письма не получали, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи описать про здоровье государево».

Такъ пишетъ Екатерина своему прежнему благодѣтелю.

Тонъ этихъ писемъ, однако, постоянно начинается измѣняться.

Такъ, отъ 13-го февраля 1710 года, Екатерина Алексѣевна уже пишетъ Меншикову:

«Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адмиралъ (это—Петръ) милостию всевышняго Бога въ добромъ здоровіи, тако жъ и я съ дѣтками своими при милости его въ добромъ же здоровіи, только что собинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Тако же доношу, что господинъ контръ-адмиралъ не въ малой печали есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, что мало къ милости твоей писалъ: и милость твоя впредь не изволь сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребываніе, какъ милость твоя самъ извѣстенъ, вельми суетно. Иванъ Авергіевъ доносилъ про милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ колпинской

деревни на большую дорогу извоилиъ дорогу просѣкать: и я хозяину своему о томъ доносила, что зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный прикащикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло тоскуеть по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то извольте пожаловать къ намъ прислать немедленно. Екатерина».

Въ томъ же 1710 году она пишетъ въ постъ-скриптумъ своего письма къ Меншикову: «Маденькія наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются».

Съ своей стороны Меншиковъ пишетъ ей, 12-го марта 1711 года, въ такомъ тонѣ: «Екатеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой: Екатерина Алексѣевна многолѣтно о Господѣ здравствуй!».

Но уже 30 апрѣля такъ: «Всемиловѣйшая государыня царица!»

А она ему отъ 13 мая того же года: «пребываю и остаюсь ваша невѣска Екатерина». Тутъ же прибавляетъ, что съ «хозяиномъ» отправляется въ турецкій походъ. «Хозяинъ»—это самъ царь.

Послѣ, когда Петръ прогнѣвался на Меншикова за взятки и разореніе Польши, Екатерина писала своему бывшему покровителю: «Доношу вашей свѣтлости, чтобъ вы не извоили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели со стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ Шаутбенахтъ по прежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ».—«Шаутбенахтъ»,—это царь.

19-го февраля 1712 года царь доказываетъ, что сдержалъ свой «пароль»: онъ формально сочетался бракомъ съ своей Катери нушкой—она теперь царица!

Какъ ни часто Петръ разлучался, по дѣламъ, съ своей Катери нушкою, другомъ сердешниинимъ, но онъ постоянно думалъ о ней, гдѣ бы то ни былъ и чѣмъ бы ни былъ занятъ, и напоминалъ о себѣ то грамоткой, то подарочкомъ. То посылалъ онъ своей красавицѣ «матерію—по желтой землѣ да кольцо, а маленькой (дочкѣ) полосатую», и тутъ же выражалъ желаніе—«носить на здоровье». То покупалъ своей «маткѣ»—«въ Дрезденѣ часы новой моды, для пыли внутри стекла, да печатку, да четверной лапушкѣ втраіомъ» (?), и тутъ же извинялся, что «больше за скоростью достать не могъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ». То посылаетъ ей «устерсы», и прибавляетъ—«сколько могъ сыскать».

За частыми отлучками мужа Катери нушкѣ иногда вскрустнется, царю напишутъ объ этомъ приставницы-фрейлины—и онъ спѣшитъ ее развлечь, утѣшить, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы далеко ни приходилось посылать курьеровъ. Откуда-нибудь изъ Полтавы, когда Катери нушкѣ вскрустнется, царь шлетъ къ ней бутылку венгерскаго, и убѣдительно проситъ: «для-бога, не печалься—мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье. Дай богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили».

Съ своей стороны и приставницы Катери нушки, теперь уже царицы, пишутъ о ней царю, зная, что царь самъ тоскуетъ по ней,—и письма ихъ подлаживаются подъ тонъ переписки царя съ его дорогой супругою.

Такъ, одна изъ приближенныхъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ особѣ, Настасья Петровна Голицына, пишетъ царю:

«Всемиловѣйшій государь дорогой мой батюшка! желаю пришествія твоего къ себѣ вскорѣ, и ежели ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало

трудно. Царица государыня всегда не изволить опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ неотступно сижу, и Кириловна, у кровати стоя, дремлетъ. Царица государыня изволить говорить: «тетушка, дремлешь?» Она говорить: «нѣтъ, не дремлю, я на туфли гляжу». А Марья по палатѣ съ постелею ходитъ, и со всѣми бранится, а Кириловна за стуломъ стоитъ, да на царицу государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу».

Суровый, холодный и непреклонный, царь въ своихъ отношеніяхъ къ Катериனுшкѣ—полонъ нѣжности и заботливой предупредительности. Желѣзная воля его перерождается—Петръ неузнаваемъ.

Катериனுшкѣ предстоитъ дорога—и вотъ суровый царь предупреждаетъ свою дорогую «женушку»: «поѣзжай съ тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно идтить въ Аналимъ; только для-бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ гафѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя».

Для дороги посылаются маршруты, выставляются лошади, рѣчь идетъ даже о погодѣ, о трудности дороги.

«Дай-боже, чтобъ здрава проѣхали, въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непразности».

Катериனுшка беременна, и вновь соскучилась о государѣ.

«Для-бога—заботливо пишетъ Петръ—чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чего сама знаешь, что желаю—и лучше ѣхать, нежели печалиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать, а вѣдаю, что не утерпишь, и которою дорогою поѣдешь—дай знать».

«Дай-боже—вновь пишетъ царь по отправкѣ предыдущаго письма—чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ застало, чего въ олтерацѣ (въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости дожидаюсь по вся часы».

Тутъ же отправляетъ къ ней «славнѣйшаго лекаря»—и снова выражаются безпокойство, боязнь и радость.

Какъ ни любить онъ дѣло, но и за дѣломъ онъ скучаетъ, когда долго не видитъ своего «друга сердешниинкого». Тоску свою онъ конечно выражаетъ шуткой, но въ этой шуткѣ сквозить истинная тоска: «горазда безъ васъ скучаю»—пишетъ царь изъ Вильны,—и прибавляетъ съ знаніемъ народнаго юмора: потому-де онъ скучаетъ, что «ошить и обмытъ некому...»

«Предаю васъ въ сохраненіе божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что дай, дай, Боже!»

И пріѣхавъ въ «Питербурхъ», въ свое любимое дѣтище, Петръ скучаетъ: «Для Бога, пріѣзжайте скоряй; а ежели зачѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ».

«Хочется мнѣ съ тобою видѣться—вновь пишетъ онъ—а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того что я въ двадцать семь лѣтъ былъ, а ты въ сорокъ два года не была».

Это писалось тогда, когда Катериношкѣ было двадцать семь лѣтъ, а царю—сорокъ два года: оттого она иногда называетъ его въ шутку своимъ «старичкомъ»,—и «старичокъ» дѣйствительно тосковалъ по своей милой молодкѣ.

«Откуда же происходила—спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей и знатоковъ этого времени—эта тоска по милой, или, лучше сказать, чѣмъ поддерживала Катериношка такую страсть въ Петрѣ, въ человѣкѣ бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ?»

Едва ли Петра можно назвать «непостояннымъ»: его первая любовь—къ Аннѣ Монсъ, и его послѣдняя привязанность—къ Екатеринѣ, напротивъ, доказываютъ, что этотъ человѣкъ, если любилъ кого истинно—то ужъ любилъ навсегда и постоянно, какъ любилъ онъ свое дѣло и Россію. Вообще очень ошибочно нѣкоторые писатели изображаютъ «чернорабочаго царя» какимъ-то вѣтрянымъ, легковѣрнымъ по отношенію къ женщинамъ: это—не его натура, не его стиль, если можно такъ выразиться.

Что—спрашиваетъ тотъ же писатель—приносила съ собой Екатерина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

«Съ нею явилось веселье—отвѣчаетъ онъ:—она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга—то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять живѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты этой, по судьбѣ своей замѣчательной женщины; портреты эти современны ей и нынѣ украшаютъ романовскую галлерею въ зимнемъ дворцѣ. Черты лица Екатерины неправильны; она вовсе не была красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ вздернутомъ носѣ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще во всей фizioноміи столько жгучей страсти; въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что не мудрено понять, какъ такой колоссъ какъ Петръ всецѣло отдался этому «сердешинькому другу».

Далѣе, тотъ же писатель говоритъ о ней: «Женщина, не только лищонная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя

мачиха—умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ. Таковы письма его къ Катериношкѣ съ извѣстіями о битвахъ съ шведами, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его—самой ей пріѣхать для поздравленія съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтки по поводу сдачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно знаменательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ «другомъ Катериношкой»: «мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо левъшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!»

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра «сердешинишкой другъ Катериношка» выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ, вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній; ни то, ни другое не высказывается; но въ то же время здѣсь въ полусушутливомъ и полусерьезномъ тонѣ являются выраженія удовольствія, даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій. Такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ Катериношки—нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и къ полному своему удовольствію видѣлъ съ ея стороны сочувствіе къ его внутреннимъ дѣяніямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно; Петръ не требовалъ больше, что видно даже изъ его порученій женѣ; всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ высмотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кой-какія вещи, съѣстные припасы, а чаще всего пива да вина. Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ въ одной изъ цидулокъ государь просилъ между прочимъ,

чтобъ «Екатеринушка погодила до середины распостатца» (отъ бременя). За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодницей его страстей и привычекъ; тѣ и другія охватили ея собственнымъ существомъ. Такъ съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе предметы мужа, то есть пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти, хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній. Количество подобныхъ подарковъ распредѣлялось Екатериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на минеральныхъ водахъ онъ получалъ презенты въ «одну бутылочку». — «Чая, что духъ пророческой въ тебѣ есть — благодарилъ Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ — что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велать въ день пить; и такъ сего магарыча будетъ съ меня».

Но не въ этомъ только проявлялись достоинства Екатерины. Кромѣ ея ласковости, нѣжности и предупредительности къ Петру, она была добра и сердечна по природѣ: всякій обиженный смѣло шелъ къ ней; всякій, подпавшій подъ сиверку «Петрушеньки», прятался за «матушку» Екатерину Алексѣевну — и она сглаживала съ царя эту сиверку, и спасала дѣйствительно невинныхъ, а иногда заслоняла собой и виновныхъ, просто по своей добротѣ.

Она была дѣйствительно также и умна. Съ какимъ тактомъ она умѣетъ во-время похвалить своего «Петрушеньку» за полтавскую вѣкторію, поговорить о его любимыхъ корабликахъ, обо всемъ, что составляло духовную жизнь ея «старичка».

«Поздравляю васъ, батюшка моего — пишетъ она царю — сыномъ Ивана Михайловича, который нынѣ отъ болѣзни своей, благодарить Бога, совсѣмъ уже выздоровѣлъ, и хотя къ кампаніи, такъ готовъ. — Какимъ образомъ оный сынокъ свободенъ,

о всемъ о томъ будетъ вамъ извѣстно отъ Брауна; а я вкратцѣ доношу, какъ слышала, что учинена въ немъ самая малая скважинка возлѣ кили, и конечно отъ якоря».

«Сынокъ» — это не что иное, какъ корабль, который былъ пробить якоремъ и судьба котораго, конечно, беспокоила Петра: «сынокъ» выздоровѣлъ — пишетъ Катеринушка.

Въ другомъ письмѣ она шутливо возбуждаетъ ревность мужа, говорить, что безъ него она обѣдала съ «ковалерами, которые по 290 лѣтъ», и также шутить насчетъ князь-кесаря Ромодановскаго, называя его, какъ и самъ Петръ называлъ Ромодановскаго — «государемъ» и «его величествомъ»; самого же царя называетъ «другомъ сердешнымъ контра-адмираломъ» и «господаномъ», а часто также «хозяиномъ».

«Другъ мой сердешной господинъ господавъ контра адмирал здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я приѣхала сюда по писму вашему. У государя нашѣва со многимъ прошеніемъ просила, чтобъ онъ изволил побыть здѣсь до успеньева дни. Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляя многія свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ паки сюда приѣхать къ сентябрю мѣсяцу, и отсель изволитъ итить конечно сего мая 25 числа. При семъ прошу вашей милости, дабы изволил увѣдомитъ меня своимъ писаніемъ о состояніи дражайшего своего здравія и счастливомъ вашемъ прибытіи к Ревелю, что даждь Боже. Засимъ здравіе вашей милости в сохранение божіе предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Из Санктъпитербуха мая 23. 1714 г.»

«Р. S. вчерашняго дня была я въ питер гофе, гдѣ обѣдали со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣт. А именно тихон Никитичъ, король самаяцкой, Иванъ Гавриловичъ Беклемишев, Иванъ

Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать».

Въ другомъ посланіи извѣщаетъ, что получила письмо отъ маленькихъ своихъ царевенъ, «отъ детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою».

«При отпуске сего доносителя—писать она вновь—ко извѣстию вашей милости иного не имѣю, токма что здѣсь, за помощію вышняго, благополучно состоитъ. А я зѣло сожалѣю, что после первого вашего писания, которое изволил писат от финскихъ берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили мене увѣдомит о состояніи своего дражайшего здоровья, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости полпива и свѣже просоленныхъ огурцовъ; дай Боже вам оное употреблят на здравіе. Засим здравіе вашей милости во всегдашнее божіе сохранение предавъ, остав жена твоя Екатерина. Отъ 30 Іюля 1714. Ревель.

«Р. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ она была у вас ли или где инде о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ курьеромъ Кишкинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣнія были».

•
Это была дѣйствительно морская битва со шведами. Русскіе побѣдили, и Петръ радостно извѣщалъ жену «о николи у насъ бывшей викторіи на морѣ надъ шведскимъ флотомъ».

Екатерина съ своей стороны радуется и поздравляетъ съ побѣдой.

«А что ваша милость изволили упомянуть в своем писмѣ, чтоб мнѣ здѣсь вашу милость ожидать, а ежели мнѣ будет время, то ѣхать въ саняхъ питербухъ, и я сердечно желаю счастливаго

вашего сюда прибытия. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену променяет не изволите» — замѣчательная фраза въ ея устахъ.

А далѣе, въ концѣ письма, вновь шутить: «Прошу должной мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею викторіею господина князь баса (Ивана Головина); також извольте у него спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые имъ у шведовъ корабли) какъ онъ пожелуетъ, детми или пасынками?»

Всякая шутка супруги вызывала отвѣтную остроту отъ царя, и иногда шутки эти заходили очень далеко.

Такъ, Екатерина разъ шутливо намекала царю о какихъ-то «забавахъ», конечно не дозволенныхъ съ точки зрѣнія супружества, и Петръ отшучивался: «и того нѣтъ у насъ, понеже мы люди старые и не таковскіе»... Дѣйствительно «не таковскіе».

А въ другой разъ самъ колетъ свою Катерину шу:

«Пишешь ты, якобы для лекарства, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого нибудь вытѣе (лучше, здоровѣе) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ тарунчанъ? я больше чаю — изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двема леты занялъ. Такъ-то вы евины дочки дѣлаете надъ стариками!»

Царь часто шутить надъ своей «старостью», потому что былъ на пятнадцать лѣтъ старѣе своей супруги, а равно подтруниваетъ и надъ ея мнимой невѣрностью.

«Хотя ты меня и не любишь — пишешь онъ изъ-за границы, гдѣ лечился, и извѣщая, что ему лучше: — однакожъ чаю, что тебѣ сія вѣдомость не противна, и рюмку выпьешь купно съ своими столпами».

Замѣчательно, что во всѣхъ ста-четырехъ письмахъ къ Екатеринѣ Петръ только разъ упоминаетъ о царевичѣ Алексѣѣ,

и то опять-таки шуточно, по поводу его женитьбы на кронъ-принцессѣ Шарлоттѣ. Въ этомъ письмѣ царь велитъ Екатеринѣ «объявить всешутѣйшему князь-наѣ и прочимъ, чтобъ пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими».

Чувствуетъ Петръ, что все болѣе и болѣе старѣется и болѣетъ чаще: заѣдаетъ его недужье, бессилье да «чечуй». А Катеринушка отъ недужья и бессилья шлетъ ему, гдѣ бы онъ ни былъ, «крѣпиша» — водки, или «армитажу» — вина.

Но ему все тоскуется безъ жены, а вѣчно съ ней быть невозможно.

Вотъ онъ по дѣлу въ Ревелѣ, и не забываетъ своего «друга сердешинькаго» — посылаетъ ей изъ ревельскаго дворцоваго саду цвѣты да мяту, что сама Катеринушка садила, и приписываетъ: «Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно».

Съ своей стороны Екатерина, благодаря мужа за цвѣты и мяту, пишетъ изъ Петербурга:

«И у насъ гулянья есть довольно: огородъ раскинулся изрядно и лучше прошлагоднаго; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалею, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ. Мнѣ это не дорого, что сама садила: мнѣ то пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фруктовъ... дай Боже во здравье кушать».

Уѣхавъ Петръ лечиться въ Спа на минеральныя воды, и постоянно пишетъ своему другу о томъ, что скучаетъ, что пьетъ за ея здравье — «по чаркѣ крѣпиша съ племянникомъ», т. е. водки.

«И мы — отвѣчаетъ ему Екатерина — Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. выпьемъ хмѣльнаго за здравье «старичка».

Чаще и чаще начинаетъ она писать своему «старичку» о его любимомъ царевичѣ, но не о злосчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, а о маленькомъ Петрѣ Петровичѣ, котораго они называли «шишечкою».

Въ одномъ письмѣ, когда Петръ находился еще во Франціи, Екатерина пишетъ, что если бъ онъ былъ при ней, «то бъ новаго шишеньку здѣлала бы».

«Дай Богъ — отвѣчаетъ на это «старичокъ» — чтобъ пророчество твое сбылось!»

«Однакожъ я чаю — пишетъ Екатерина пребывающему во Франціи супругу — что вашей милости не такъ скучно, какъ намъ, ибо вы всегда можете Фоминъ понедѣльникъ тамъ сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые».

«Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомои (прачки) — пишетъ она вновь — однакожъ и старая не забываетъ»...

«Другъ мой, ты, чаю, описалась о портомоѣ — отвѣчаетъ Петръ — понеже у Шафирова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старъ»...

«Понеже — далѣе шутить онъ — во время питія водъ домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради и матресу свою отпустили къ вамъ»...

«А я больше мною — возражаетъ ему Екатерина — что вы оную матресишку изволили отпустить за ея болѣзнью, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченья изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего Боже сохрани, чтобъ и галанъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала».

Или еще въ этомъ же родѣ, по поводу того, что Петръ все называлъ себя старикомъ:

«Дай Богъ мнѣ, дождавшись, вѣрно дорогимъ называть старикомъ—шутить Екатерина—а нынѣ не признаваю, и напрасно затѣяно, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей—старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся»...

Ничего не пропускалъ царь, чтобъ не сообщать о томъ Батеринушкѣ. Было у него въ Парижѣ свиданіе съ маленькимъ французскимъ королемъ, котораго русскій великанъ, во время визитной встрѣчи, взялъ на руки и внесъ во дворецъ.

И вотъ по этому поводу великанъ пишетъ своей супругѣ:

«Объявляю вамъ, что въ прошлой понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній каралица, которой пальца на два болѣе Луки нашего, карлы, дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому семь лѣтъ».

Все болѣе и болѣе, старѣя и недужая, отдавался царь своей послѣдней страсти — до изысканности нѣжной привязанности къ Батеринушкѣ и ея дѣтямъ, и все болѣе холодѣлъ къ царевичу Алексѣю, который казался ему недостойнымъ владѣть великою страной.

И Екатерина молчала о царевичѣ Алексѣѣ—въ письмахъ ея онъ забытъ, какъ забыть и въ письмахъ отца. Естественнo, что, какъ мать, она помнитъ только о своемъ ребенкѣ, о великомъ князѣ Петрѣ Петровичѣ, о своемъ «шипенъкѣ» или «Піотрушкѣ», какъ она его иногда называла. Она постоянно величаетъ отцу эту крошку «сантпистербургскимъ хозяиномъ».

За то, когда Петръ каралъ царевича Алексѣя и его сторонниковъ, когда ему вездѣ видѣлась кровь казненныхъ, и его мощная голова тряслась отъ страшныхъ, переживаемыхъ имъ минутъ жизни, Екатерина съ замѣчательнымъ, громаднымъ тактомъ

женщины заслоняетъ передъ нимъ эту картину ужасовъ умиротворенною картиною семейнаго ихъ счастья съ новыми дѣтьми.

«Прошу, батюшка мой, обороны отъ Піотрушки—пишетъ она царю, занятому страшнымъ процессомъ царевича Алексѣя — понеже не малую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а именно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любить той рѣчи, что уѣхали; но болѣе любить то и радуется, какъ молвишь, что здѣсь папа».

Съ своей стороны и лейбъ-медикъ Блюментростъ пишетъ царю о маленькомъ царевичѣ: «государь царевичъ, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, тако жъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволить нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно, что и коренные хотять выходить».

Екатерина не даетъ Петру забыть о младшемъ сынѣ—и царь ждетъ отъ него больше чѣмъ дождался отъ первенца Алексѣя.

«Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и при помощи божіей во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою»...

А этого-то и не любилъ несчастный старшій братъ его, царевичъ Алексѣй, за что и погибъ.

Сказавъ всѣхъ сторонниковъ этого царевича, похоронивъ и его самого, царь топить свое глубокое горе — не могъ же онъ не любить его! — въ новыхъ походахъ, въ новой кипучей дѣятельности, которая и поддерживала и ломала его жгѣзную силу: онъ носится по морю, воюетъ вновь со шведами, и тоскуетъ по семьѣ, а все перемогается.

«Ты меня хотя и жалѣешь—пишетъ онъ Екатеринѣ — однакожь не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена Туба

(начальника шведской эскадры), которая его со всёмъ флотомъ такъ спрятала, что не только его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Ваксгольмомъ и всёми батареями». А въ реляціи объявляетъ о побѣдахъ адмирала Апраксина — «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ великимъ сикориномъ» (копьемъ).

«Всепокорно прошу вашу милость—отвѣчаетъ на это Екатерина — дабы писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ письмѣ изволите жаловать, что я жалѣю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева шведская желаетъ съ вами въ любви быть: въ томъ та не безъ сумнѣнія. А ктому жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такія уже толь не малыя лѣта да какое счастье получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ не было! Для-бога прошу вашу милость—одного его сюда не отпускать, а извольте съ собою вмѣстѣ привести».

Но здоровье державнаго гиганта годъ-отъ-году становится хуже и хуже. Онъ почти постоянно на лекарствахъ.

А между тѣмъ желѣзная воля его требуетъ дѣятельности. Онъ, не удовольствовавшись войною съ шведами, но и не разставаясь надолго съ Екатериной, безъ которой постоянно скучалъ, идетъ въ персидскій походъ.

Но и оттуда онъ возвращается больной...

«А подлѣ больного Петра — еще блестяще, еще эффектиче наружность полной, высокой, далеко еще не недужной Екатерины—говорить цитированный нами выше знатокъ петровскаго

времени.—Благодари современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 годъ, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она—то въ дорогомъ серебряной матеріи платьѣ, въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества ништадтскаго мира; роскошная черная коса убрана со вкусомъ; на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка; черные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонкорозоваго цвѣта ноздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горячія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечь, высоко поднятой груди, — все вмѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Екатерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности.

«Печалуюсь» въ пидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что, по характеру своему, она не была способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьезно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣивалась интимнымъ другомъ Виллимомъ Монсомъ съ его фамиліей.

«Но неужели—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь — не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги—необыкновенной властью, своимъ вмѣшательствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ даетъ пищу неблагоприятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его «сердешинькаго друга?»...

Но оставимъ эти догадки, имѣющіе болѣе анекдотическое, а не историческое значеніе — они излишни.

Мы уже знаемъ, что нашелся такой голосъ, который шепнулъ на ухо царю, и — можетъ быть — напрасно!

Мы знаемъ также, что прекрасная, хотя не безукоризненно честная голова камеръ-юнкера очутилась на колу, а потомъ, говорятъ, въ спирту, въ кунсткамерѣ. Тутъ, вѣроятно все, много сказочной подкраски.

Какъ бы то ни было, ровно за полгода до этой страшной катастрофы (о которой мы по необходимости должны были подробнѣе упомянуть при характеристикѣ Матрены Балкѣ), когда чей-то невѣдомый голосъ шепнулъ царю — можетъ быть недостойную клевету на его ненаглядную «Катеньку», — въ Москвѣ совершенно было торжество коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны.

Пышность торжества была невиданная, да и самое событіе — рѣдко повторяющееся въ исторіи: нѣкогда плѣнная дѣвушка Марта Скавронская, приведенная въ русскій станъ въ одной сорочкѣ, вѣнчалась императорскою короною и облакалась въ царскую порфиру...

Современники говорятъ, что императрица заплакала при этомъ...

«Ты, о Россія! — превозглашалъ въ этотъ день знаменитый нашъ пастырь и ораторъ Феофанъ Прокоповичъ — не засвидѣтельствуешь ли ты о богомвѣнчанной императрицѣ твоей, что всѣ дары и добродѣтели Семирамиды вавилонской, Тамирьскифской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи императрицы римской и иныхъ именитыхъ женъ Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видѣши въ ней нелицемерное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дочерямъ, великому внуку и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищегѣ, милосердіе къ бѣднымъ и винова-

тытъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по мнѣнію аки огнь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во вселадкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отменяетъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умягчаетъ. О необычная!... великая героиня... о честный сосудъ... И яко отецъ отечества, благоутробную сію мать російскую вѣнчавый, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россія! сіе благолѣпіе, твоя красота, твой верхъ позлащенъ солнца яснѣе просіялъ».

Послѣ коронаціи, Екатерина Алексѣевна нѣсколько дней оставалась еще въ Москвѣ, а государь раньше ея уѣхалъ въ Петербургъ.

И опять начинается смучать о ней: видно, самому чувствовалось, что не долго оставалось ему жить на свѣтѣ.

«Екатеринушка, другъ мой сердешнишкой, здравствуй! — пишетъ онъ ей съ дороги. — Я вчерась прибылъ въ Боровичи слава Богу благополучно, здорово, гдѣ намоля нашихъ потрошонковъ («потрошонки» — это царскія дѣти) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ... зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаюсь, развѣ съ дождей вода прибудеть; а ежели не прибудеть и сносно тебѣ будетъ, лучшебъ до Бронницъ ѣхать сухимъ путемъ; а тамъ ямы частыя — не надобно волостныхъ... Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовили... дай Боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ».

А черезъ нѣсколько дней уже пишетъ изъ Петербурга:

«Нашелъ все, какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ повеселились («огородъ» — это лѣтній садъ); только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется — все пусто безъ тебя... и ежели бъ не праздники зашли, уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Птергофъ... дай Богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ!»

Пришелъ ноябрь. Царю подали безымянное письмо. Началось страшное дѣло Монса и его сестры Балкы.

Мы обойдемъ это дѣло: мы уже знаемъ, что чуть ли не оно подкосило послѣднюю силу пятидесяти-шестилѣтняго колосса.

27-го генваря 1725 года, въ четвертомъ часу пополуночи, Екатерина овдовѣла: вмѣсто Петра Великаго, всю жизнь не знавшаго усталы, во дворцѣ лежалъ посинѣлый трупъ.

Дворецъ точно замеръ на нѣсколько мгновеній. Но трупъ не вставалъ — не просыпался.

«И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли: сама государыня отъ сердца глубоко вздохнула чуть жива, и когда бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться», говорить Феофанъ Прокоповичъ.

Плакалъ, говорятъ, весь Петербургъ. Во всѣхъ полкахъ не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ угаснувшей силѣ — о солдатскомъ отцѣ.

Плакала и императрица, занявшая осиротѣлый тронъ своего великаго покойника.

Осиротѣлыя птенцы этого дѣйствительно не бывалаго въ мірѣ «чернорабочаго царя» — князь Меншиковъ, Бутурлинъ, Ягужинскій, Девиеръ, Макаровъ и Нарышкинъ — тѣсно сомкнулись вокругъ державной вдовы.

Въ первые дни императрица совѣмъ не выходитъ изъ своихъ покоевъ: она появляется только у гроба своего супруга.

Совершила она и похороны Петра: Петербургъ, по словамъ современниковъ, казался осиротѣлымъ, скорбнымъ.

«Но да отыдетъ скорбь лютая—возглашалъ тотъ же Феофанъ у гроба покойника:—Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ россіянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямого по немъ помощника въ жизни и подобовавшаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и манархиня и мать всероссійская? Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому».

Иностранные дворы спѣшили поздравить императрицу съ восшествіемъ на престолъ. Особенно поздравленіе персидскаго шаха было оригинально, если вѣрить запискамъ княгини Дашковой.

«Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра—писалъ шахъ— что Богъ не одарилъ тебя любовію къ крѣпкимъ напиткамъ: я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки, и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдственной постелѣ».

Вступивъ на престолъ, императрица Екатерина I оставалась такою же, какою была и при Петрѣ: русскою землею правилъ Меншиковъ, это «дитя сердца» (Herzenskind) «чернорабочаго царя», какъ справедливо называли и того и другого.

Мы полагаемъ, что о Екатеринѣ, какъ исторической женщинѣ, сказано достаточно.

IX.

Дарья Ивановна Колтовская.

Прошло не болѣе четверти столѣтія съ того времени, какъ русская общественная почва, говоря словами одного стариннаго оратора, была вспахана реформами Петра и засѣяна новыми сѣменами, какъ уже успѣли выказаться и положительныя и отрицательныя стороны введенныхъ въ русскую жизнь новыхъ началъ: нововспаханная почва дала и пшеницу и конопь, и не легко было потомъ русскому обществу очищать свою ниву отъ сорныхъ травъ, извлекать изъ новыхъ началъ то хорошее, которое они въ дѣйствительности имѣли и могли дать.

Оттого противники новыхъ началъ не безъ основанія говорили, что то хорошее, которое навязывается силою, не бываетъ хорошо, что принятое по принужденію — не бываетъ прочно, а навѣянное вѣтромъ—вѣтромъ и разносится.

Противники новыхъ началъ утверждали, что съ бочкою меду въ русскую жизнь влита и ложка дегтю, что отрицаніе старины внесло съ собою до нѣкоторой степени и отрицаніе общественной нравственности, неуваженіе къ обычаю перешагнуло за черту уваженія ко многому, что признавалось дорогимъ и священнымъ,

что насильно обрিতая старость хотя и вызывала справедливый смѣхъ молодежи, но за смѣхомъ надъ обритою и переряженною въ нѣмецкій кафтанъ старостью стояла уже прямая деморализація этой смѣющейся молодежи, какъ результатъ ея легковѣрія: старыя-де столбы подрублены, новые не вогнаты въ почву — и все общественное зданіе разшатано.

Какъ на прямой результатъ насильственныхъ нововведеній указывали на усилившуюся безнравственность общества, которое не знало чему вѣрить — старому или новому, на развратъ, на продажность, взяточничество и, наконецъ, на ослабленіе семейныхъ связей, хотя едва ли можно отрицать, чтобы недостатковъ этихъ не было и въ дореформенной Руси.

Болѣе всего указываютъ на деморализацію женщины. Жить съ постороннимъ мужчиною въ неодобрительной связи, говорятъ, перестало для женщины быть позоромъ.

Все это, конечно, мнѣнія нѣсколько преувеличенныя. Хотя дѣйствительно первая половина XVIII вѣка представляетъ относительно весьма замѣтную вольность нравовъ, но женщина въ общемъ едва ли сдѣлалась деморализованнѣе оттого, что она стала до нѣкоторой степени жить общественною жизнью, стала выѣзжать въ ассамблеи, танцовать съ посторонними мужчинами.

Были случаи, гдѣ женщина дѣйствительно доходила до паденія и до преступленія, какъ фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ; но случаи эти всегда были въ человѣческомъ обществѣ и едва ли не всегда будутъ.

Такою, случайно нарушившею законы общественной нравственности, женщиною представляется намъ и Колтовская, которой имя сохранила исторія потому только, что женщина эта не любила своего мужа и, не уважая его памяти, открыто

соединила свою жизнь съ человѣкомъ, котораго любила, но связь съ которымъ не освящалась закономъ.

Колтовская была первою у насъ женщиною, которая выступаетъ въ той именно обстановкѣ и въ томъ общественномъ положеніи, кои въ настоящее время принято называть «гражданскимъ бракомъ».

Дарья Ивановна Колтовская была женою сѣвскаго воеводы Григорія Алексѣевича Колтовскаго—слѣдовательно женщина болѣе или менѣе высшаго круга.

У Колтовскаго подѣ начальствомъ служилъ незначительный чиновникъ—подъячій Максимъ Пархомовъ, на котораго Колтовская и обратила свое вниманіе.

Дружба Колтовской и Пархомова приняла такія формы, что имъ невозможно было оставаться врозь, и они должны были искать совмѣстной жизни.

Но Пархомовъ былъ женатъ. Жена была препятствіемъ для соединенія его съ Колтовскою, и онъ рѣшился устранить это препятствіе.

Пархомовъ видѣлъ множество примѣровъ постриженія женъ въ монахини отъ живыхъ мужей: Грозный постригъ не одну свою супругу; на глазахъ Пархомова Петръ Великій постригъ въ инокини первую свою супругу Евдокію Федоровну Лопухину и жилъ въ непризнанномъ бракѣ—по крайней мѣрѣ такъ говорили—съ Анною Монсъ, а потомъ съ Мартою Скавронскою, пока эта послѣдняя не стала его законною супругою.

Пархомовъ послѣдовалъ этимъ внушительнымъ примѣрамъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1722 года онъ постригъ свою жену Ирину при помощи игумена Филагрія, настоятеля рильскаго никольскаго монастыря воынской пустыни, — и взялъ себѣ за жену бывшую воеводшу Колтовскую.

Нѣсколько лѣтъ прожила такимъ образомъ Колтовская съ Пархомовымъ, пока противъ ихъ незаконнаго сожитія не возбуждено было судебное преслѣдованіе.

Дѣло дошло до святѣйшаго синода.

Колтовская и Пархомовъ были арестованы и привезены въ Петербургъ.

Синодъ, разсматривая это дѣло, нашелъ, что Пархомовъ постригъ свою жену «безъ указу», а Колтовская отдалась ему «для беззаконнаго прелюбодѣянія».

Въ то время рѣшенія духовнаго суда основывались на «Кормчей книгѣ», на евангеліи, на правилахъ вселенскихъ соборовъ и на русскомъ спеціальномъ судебникѣ — «Духовномъ Регламентѣ».

Обращаясь къ этимъ церковнымъ узаконеніямъ, синодъ встрѣчалъ слѣдующія, подходящія къ данному случаю, статьи:

«Всякъ отпущай жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творить ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ» (Матв. V, 31—32).

«Оставитъ человекъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину, яко же къ тому нѣста два, но плоть едина: еже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ» (XIX, 5—6).

«Иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творить на ню» (Мар. X, 11—12).

«Женяйся пущеницею, прелюбодѣетъ» (Лук. XVI, 18).

Въ первомъ посланіи къ коринфянамъ апостола Павла: «А оженившимся завѣщаю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпущати» (VII, 10—11).

Въ правилахъ карфагенскаго собора: «Бракомъ совокупившимся распущающимися, аще не смирятся, да пребываетъ тако: аще ли ино, къ покаянію да понуждени будутъ» (прав. 102). Въ толкованіи на это правило: «Угодно бысть собора сего, по евангельскому и апостольскому ученію, никому же своя жены не изгнати; просто не разлучится отъ нея. Аще прилучится или мужу восхотѣвшему, или женѣ, разлучитися отъ сожителства, и не смирится и не восхочета паки слитися и купно жити, да пребудутъ паки во единствѣ, и другому браку да не сочетаются».

Къ этимъ всѣмъ яснымъ и опредѣленнымъ для даннаго случая законамъ приведено прямое подтвержденіе изъ «Духовнаго Регламента» о монахахъ: «Не принимать мужа, жену живу имѣющаго. Обычай его есть, что мужъ съ женою взаимное согласіе творить, что мужъ въ монахи постригся, а жена бы свободна была пойти за иного. Сей разводъ простымъ кажется быть правильный, но слову Божию противенъ, ежели для единой сей причины дѣется; а хотя бы и была причина къ разводу довольная, однако жъ сего не дѣлать мужу съ женою самовольно, но представлять о томъ разводѣ епископу своему обстоятельно, которому подлинно освидѣтельствовавъ, для разсужденія и опредѣленія писать въ святѣйшій синодъ, а не получа изъ синода резолюцій, таковыхъ разводовъ не чинить».

Между тѣмъ синодъ находилъ, что Пархомовъ не только прежде постриженія жены своей не указалъ на нее, за что бы она могла быть пострижена, или какъ выражено въ рѣшеніи синода, не показалъ на жену «правильной вины письменно», но даже ни отъ кого не требовалъ указнаго опредѣленія, въ случаѣ если бы жена его даже добровольно пожелала принять постриженіе; напротивъ, онъ постригъ ее насильно и женился на Болтовской «весьма неправильно».

Изъ всего изложеннаго синодъ заключалъ, что Пархомовъ поступилъ «выше показаннымъ господнимъ словесамъ и апостольскому и святыхъ отецъ преданію противно».

Только 16-го декабря 1726 года, уже по смерти Петра Великаго, состоялось постановленіе синода по дѣлу Колтовской и Пархомова, и этимъ постановленіемъ опредѣлялось—Колтовскую и Пархомова развести.

Вслѣдствіе этого—говорилось въ объявленіи синода—«они, Пархомовъ и Дарья Колтовская, разведены, и другъ съ другомъ жить имъ не велѣно, о чемъ и указъ имъ сказанъ, съ крѣпкимъ за преслушаніе подтвержденіемъ, въ чемъ онъ, Пархомовъ, мая 24 дня, 1727 года, и своеручно подписался, что исполнять то святѣйшаго синода опредѣленіе будетъ».

Послѣ объявленія этого рѣшенія подсудимымъ, они были отсланы подъ карауломъ въ юстицъ-коллегію, которая, не освобождая ихъ, должна была дослѣдовать дѣло свѣтскимъ судомъ, а потомъ вновь прислать въ синодъ для наложенія на виновныхъ церковнаго покаянія.

Но судъ свѣтскій оказался милостивѣе духовнаго: Пархомова и Колтовскую не только не осудили, но даже предоставили имъ полную свободу, и они начали вновь жить по старому.

Синодъ узналъ объ этомъ только черезъ полтора года, когда у Колтовской, послѣ опредѣленія синодомъ развода ея съ Пархомовымъ, родился ребенокъ.

Вину въ этомъ дѣлѣ синодъ весьма справедливо вводитъ на свѣтскій судъ, который освободилъ подсудимыхъ, какъ выражается синодъ, «знатно по страсти презирающихъ законныя повелѣнія».

Могло быть и такъ, что свѣтскіе судьи были подкуплены подсудимыми: продажность суда въ то время, какъ видно и изъ манифеста Екатерины II, доходила до вопіющихъ размѣровъ.

«А нынѣ извѣстно — говорить синодъ — что онъ, Пархомовъ, на свободѣ ходить и живетъ паки съ оною прелюбодѣицею, Дарьею Колтовскою, единокупно, и называетъ ее себѣ женою, и чрезъ приходскихъ священниковъ объявилось, что и дѣтище съ нею, послѣ выше помянутаго разводу, прижилъ, и правильное святѣйшаго синода по законамъ божіимъ запрещеніе ихъ въ томъ богопротивномъ прелюбодѣйствѣ и опредѣленіе уничтожаетъ, за что грядетъ гнѣвъ божій на сыны противленія».

Послѣ этого возникаетъ вторичное дѣло о Колтовской. Ее и Пархомова судятъ уже за сопротивленіе духовному суду.

Вторичное опредѣленіе синода было таково: «Оныхъ противниковъ, Максима Пархомова и прелюбодѣицу его, Колтовскую, донедѣже пребываютъ въ упрямствѣ своемъ и не возвратятся съ покаяніемъ, оглушить отъ церкви, и входа церковнаго имъ нигдѣ не давати, и въ домъ ихъ ни съ какими церковными требами не входить».

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ послѣднемъ своемъ рѣшеніи синодъ руководствовался не «Духовнымъ Регламентомъ», а постановленіемъ московскаго собора 1667 — 1668 года — чисто русскимъ историческимъ закономъ, состоявшимся, какъ говорится въ объявленіи синода, «при прадѣдѣ его императорскаго величества, блаженные и вѣчнодостойныя памяти великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Россіи самодержцѣ, и при бытіи святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, Памсія александрійскаго, Макарія антиохійскаго, Іоасафа московскаго и всея Россіи, и многихъ греческихъ архіереевъ и всѣхъ русскіихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего освященнаго собора, за руками ихъ, о не слушающихъ и противящихся».

Извѣстно, что соборное постановленіе это состоялось по поводу суда надъ патріархомъ Никономъ — за его сопротивленіе духовному суду.

Законъ этотъ примѣненъ былъ и въ данномъ случаѣ къ Колтовской и Пархомову.

Синодъ приводитъ этотъ замѣчательный по своей силѣ и по своему историческому значенію законъ:

«Аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ святаго и животворящаго духа, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отца и сына и святаго духа, и проклятію и анафемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесоединенія и стада, и отъ церкви божіей отсѣваемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, пребудеть въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа со Іудею предателемъ и распятыми Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, и каменіе, и дрѣвеса да разрушатся и да растлятся. И той да будетъ не разрѣшенъ и растленъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ. Аминь».

Въ заключеніе этого строгаго постановленія было выражено:

«Которое соборное изложеніе и святѣйшій правительствующій синодъ утверждаетъ и по содержанію онаго тою властію и силою всесвятаго духа, на вышереченныхъ мерзкихъ прелюбодѣйцовъ, Пархомова и вдову Колтовскую, сіе изреченіе заключаемъ неотмѣнно».

Дальнѣйшая судьба Колтовской намъ неизвѣстна.

Мы не считали себя въ правѣ обойти эту женщину въ своихъ очеркахъ потому, что она представляетъ собою явленіе, до нѣкоторой степени характеризующее то переходное нравственное состояніе, которое въ началѣ прошлаго столѣтія переживала Россія, явленіе, которое — если бы было въ болѣе древней русской жизни, то едва ли выразилось бы въ такихъ формахъ, въ какихъ выразилось оно въ эпоху нравственнаго броженія русскаго общества.

Можно утвердительно сказать, что Болтовская въ XVII-мъ вѣкѣ не поступила бы такъ открыто, какъ поступила она въ XVIII-мъ, и безъ сомнѣнія облекла бы свою привязанность къ любимому человѣку въ иныя формы.

Х.

Анна Петровна,

герцогиня голштинская.

Въ то время, когда культурныя начала общественной жизни западной Европы, съ наступленіемъ XVIII столѣтія, какъ-бы силою ворвавшись въ неподвижный дотолѣ строй русской жизни, выводили русскую женщину изъ терема, моленной и кладовой, вырывали ее изъ-за монастырскихъ стѣнъ и темной монастырской кельи, опрокидывали весь застывшій на «Домостроѣ» повседневный обиходъ боярыни, боярышни, княгини, княжны и царевны и намѣчали типъ новой русской женщины,—подъ крыломъ этой послѣдней вырастали дочери и внуки, для которыхъ старая жизнь становилась уже преданіемъ и которыя съ своей стороны готовили поколѣнія будущихъ русскихъ женщинъ, съ инымъ характеромъ, инымъ типомъ и иною фізіономією, такихъ женщинъ, въ коихъ бабушки и прабабушки ихъ XVII вѣка не признали бы своихъ внучекъ и правнучекъ. Эти послѣднія начинаютъ уже кой-чему учиться, и учиться не одному «четью-пѣтью церковному», которому обучались ихъ бабушки, и то рѣдкія, а чему-то другому, правда—весьма скудному, но все же вы-

ходящему изъ узкихъ рамокъ «четырь-пять церковнаго» и вышиванья воздуховъ и поясовъ для своихъ духовниковъ.

Уже Меншиковъ, въ 1705 году, пишетъ—какъ мы видѣли—своей будущей невѣстѣ, Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, жившей въ то время съ его двумя молоденькими сестрами при дворѣ царевны Натальи Алексѣевны — «для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило».

И дѣвушки второго поколѣнія XVIII вѣка начинаютъ уже учиться не только больше чѣмъ учились ихъ бабушки, но и больше своихъ матерей и предшественницъ, больше чѣмъ учились красавицы Анна Монсъ, Матрена Балкъ, Марта Скавронская, гетманша Скоропадская и другія.

Къ этому-то второму поколѣнію женщинъ XVIII вѣка принадлежитъ и та женская личность, которая въ нашихъ настоящихъ очеркахъ стоитъ теперь на очереди—царевна Анна Петровна.

Царевна Анна была второю дочерью Петра Великаго и Марты Скавронской, которая, въ то время когда родилась эта дѣвочка-царевна, не именовалась еще Екатериной Алексѣевной, а называлась или Мартою Скавронскою, или «госпожею Кохъ», или же «Екатериною Василеевскою».

Эта дочь Марты и Петра родилась 27 января 1708 года и въ первые годы своей жизни не носила ни титула княжны, ни титула царевны, потому что сама мать ея не носила никакихъ еще титуловъ.

О дѣвочкѣ пишутъ въ одномъ письмѣ отъ 28-го декабря 1708 года просто какъ объ «Аннушкѣ»: «при семъ извѣстую—Аннушка во здравіи».

Хотя въ то время и издавался уже календарь и въ немъ каждый годъ помѣщались члены царской фамиліи, но о дочеряхъ Петра до самаго 1724 года не упоминалось ни разу—какъ будто бы ихъ и не было: не упоминалось и объ «Аннушкѣ» или о царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Только уже въ календарѣ на 1725 годъ—годъ смерти Петра Великаго—показаны дни тезоименитства великихъ князей Анны, Елизаветы и Паталя Петровенъ; но за то ничего не упоминается о дняхъ тезоименитства дѣтей царевича Алексѣя Петровича—Петра и Натальи.

Какъ дочь Петра, жаждавшаго знаній, страстно любившаго всякія научныя свѣдѣнія, гдѣ бы онъ ни сталкивался съ ними въ своей дѣловой, неутомимо-рабочей жизни, маленькая «Аннушка» должна была учиться, и дѣйствительно училась.

Хотя о дѣтскомъ ея періодѣ вообще не имѣется почти никакихъ свѣдѣній, но объ этомъ именно обстоятельствѣ, о направленіи воспитанія дѣвочки новымъ путемъ, отшатнувшимся отъ программы «Домостроя», сохранились нѣкоторые извѣстія.

Одинъ изъ бытописателей прошлаго вѣка Штелинъ со всею свойственною ему простотою передаетъ, со словъ будто бы императрицы Елизаветы Петровны, такой фактъ, что однажды Петръ, заставъ своихъ маленькихъ дочерей, ее—Елизавету Петровну, и старшую ея сестру «Аннушку», за чтеніемъ писемъ госпожи Ламбертъ, приказалъ перевести ему оттуда одну страницу. Ему перевели.

— Счастливы вы, дѣти—сказалъ онъ—что васъ воспитываютъ и въ молодыхъ лѣтахъ приучаютъ къ чтенію полезныхъ книгъ! Въ своей молодости я былъ лишенъ и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ.

Дѣвочка, такимъ образомъ, училась не только русскому, но и нѣмецкому и французскому «ученью», о необходимости кото-

раго для своихъ сестеръ настаивалъ и Меншиковъ, и знала нѣсколько языковъ. Для того времени и это уже былъ великій шагъ женщины къ новой фазѣ ея гражданскаго вочеловѣченія.

Когда дѣвочкѣ было только шесть лѣтъ, она уже умѣла нѣсколько писать, и въ одномъ изъ писемъ ея матери, Екатерины, къ Петру, отъ 1714 года, когда царь былъ въ отсутствіи и воевалъ со шведами на морѣ, видимъ приписку: получила письмо—говоритъ Екатерина царю—«отъ детей нашихъ, въ которомъ писмѣ а н н у ш к а приписала имя свое своею ручкою».

Когда дѣвочкѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, то у этой крошки былъ уже свой небольшой придворный штатъ. Одинъ писатель прошлаго вѣка, Веберъ, упоминаетъ между прочимъ, что въ послѣдствіи гофмейстериною маленькой царевны сдѣлана была Клементова (Klementoff), и при этомъ получила титулъ баронессы.

Дѣвочка подрастала и становилась завидною невѣстою для разныхъ германскихъ и иныхъ владѣтельныхъ князей и принцовъ, которые желали бы охотно заручиться родственнымъ и политическимъ союзомъ съ такимъ сильнымъ тестемъ, какимъ былъ обладатель великаго московскаго царства, повидимому наступившаго уже широкою пятою на горло сѣвернаго льва, безпокойнаго рубаки Карла XII.

Такимъ соискателемъ руки царевны Анны Петровны явился Фридрихъ-Карлъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, явился такъ поспѣшно, что невѣстѣ только-что исполнилось одиннадцать лѣтъ. Герцогу голштинскому страстно хотѣлось пріобрѣсти право на шведскій престолъ, который былъ сильно пошатнутъ рукою Петра: эта загрубѣлая въ работѣ рука могла помочь молодому герцогу, которому было всего двадцать лѣтъ, сѣсть на тотъ

престолъ, на которомъ не сидѣлось войнолюбивому и «бранливому» Карлу XII.

Въ этихъ видахъ юноша отдался подъ покровительство русскаго царя, и, чтобъ приобрести болѣе реальное право на это покровительство, явился искателемъ руки маленькой царевны **А н н ы**.

Бассевичъ утверждаетъ, что дядя молодого герцога умолялъ юношу не рисковать поѣздкой въ Россію, въ эту «страну варваровъ». Онъ напоминалъ ему, что въ этой невѣдомой для Европы странѣ уже постигло большое несчастье одного изъ голштинскихъ герцоговъ, такого же молодого и неопытнаго юношу:—онъ разумѣлъ, вѣроятно, или Магнуса, или «титularнаго короля» Ливоніи, женившася когда-то на княжнѣ Марѣ Владиміровнѣ старицкой, или молодого принца Юанна, несчастнаго жениха Ксеніи Годуновой, сложившаго въ Москвѣ свою молодую красивую голову и свои кости въ чужую землю, или же, наконецъ, принца Вольдемара, котораго много лѣтъ не выпускали изъ Москвы, куда онъ пріѣхалъ свататься за дочь царя Михаила Федоровича, царевну Ирину Михайловну.

Но молодой герцогъ не послушался своего дяди и рѣшился попытать счастья, которое, дѣйствительно, не легко далось ему въ руки: подобно отдаленному предшественнику своему, отважному норманну, Гаральду норвежскому, совершившему чудеса храбрости, чтобъ заслужить любовь русской красавицы, княжны Елизаветы, дочери Ярослава, и въ безнадежной страсти мыкавшемуся по морямъ и пѣвшему свою знаменитую пѣсню о томъ, что «дѣва русская Гаральда презираетъ»,—подобно этому «великану сумрака», новѣйшій Гаральдъ, голштинскій принцъ Фридрихъ-Карлъ употреблялъ неимоверныя старанія, чтобъ заслужить любовь русской «Аннушки», тосковалъ и кутилъ отчасти въ

Россіи цѣлые годы, и хотя не производилъ чудеса храбрости, но, ища случая увидѣть свою красавицу, давалъ подъ ея окнами серенады, вздыхалъ, страдалъ, — а русская «Аннушка» все оставалась для него недоступнымъ сокровищемъ.

Петръ Великій былъ не-прочь, однако, отдать свою любимицу «Аннушку» за герцога, чтобъ имѣть въ немъ и черезъ него претендентство на шведскій престолъ и его именемъ брать у Швеціи ключи балтійскаго поморья полною горстью; но согласіемъ на бракъ почему-то очень долго медлилъ—и не безъ причины.

Впрочемъ, невѣста была еще такъ молода—это было совсѣмъ дитя, еще не вышедшее изъ отрочества.

Герцогъ прибылъ въ Россію инкогнито, подъ именемъ и званіемъ русскаго «пранорщика», и прежде всего, на пути своемъ въ Петербургъ, явился въ Ригу. Съ герцогомъ пріѣхалъ и камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся въ свитѣ жениха, и этотъ-то Берхгольцъ оставилъ драгоценныя записки о пребываніи герцога въ Россіи, о сватовствѣ, о неудачахъ этого долгаго сватовства, о всѣхъ, наконецъ, наиболѣе рельефныхъ и мельчайшихъ, но характерныхъ событіяхъ того времени.

Берхгольцъ говоритъ, что онъ увидалъ царевну Анну Петровну лѣтомъ 1721 года, въ Петербургѣ, въ лѣтнемъ саду, который тогда еще назывался царскимъ «огородомъ». По его словамъ, маленькая царевна была прекрасна какъ ангелъ, съ чуднымъ цвѣтомъ лица, съ удивительными руками и станомъ, довольно уже высокаго роста, брюнеточка. Красота ея была дѣйствительно замѣчательна, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ царевну. Это былъ типъ самого Петра—только типъ женскій, смягченный, улучшенный, хотя дѣвушка и походила на отца поразительно.

Берхгольцъ описываетъ даже костюмъ ея съ младшей сестрой Елизаветой Петровной: княжны одѣты великолѣпно, при-

чесаны по послѣдней парижской модѣ—Европа сильно задѣла своими культурными крыломъ Россію, когда въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ Петербургъ началъ уже жить парижскими модами, въ началѣ XVIII вѣка, черезъ тридцать лѣтъ послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ!

Но герцога рѣдко имѣлъ счастье видѣть ту, для которой пріѣхалъ изъ-за моря. Его держали въ почтительномъ отдаленіи отъ великихъ княженъ. Когда царь и царица уѣзжали куда-либо изъ Петербурга, царевны вовсе не показывались жениху, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто и они выѣхали куда-нибудь.

Исторія Гаральда, такимъ образомъ, повторяется черезъ семьсотъ лѣтъ!

Камеръ-юнкеръ герцога, Берхгольцъ, ведетъ дневникъ. Какъ счастливѣйшіе дни въ жизни своего молодого герцога Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ тѣ немногіе и кратковременные моменты, когда герцогу удавалось видѣть юныхъ княженъ при какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ.

Встрѣчаясь съ невѣстой, герцога положительно робѣлъ, былъ застѣнчивъ, почти не рѣшался заговорить съ нею. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Только съ 21-го октября онъ почему-то успѣлъ побѣдить свою робость и сталъ выказывать дѣвушкамъ болѣе нѣжнаго вниманія, въ разговорахъ—болѣе свободы и смѣлости. Мало того, онъ старался оказывать ей рыцарскіе знаки своей сердечной привязанности: такъ, однажды, замѣтивъ, что игра его волторнистовъ нравится молоденькой княжнѣ, онъ сталъ ѣздить по Фонтанкѣ мимо оконъ дворца, находившагося тогда въ лѣтнемъ саду, а музыканты его играли ноктурно.

На прогулкахъ онъ искалъ случая встрѣтить княжну, заговорить съ нею, полюбоваться ею.

Разъ это счастье улыбнулось ему: Берхгольцъ рассказываетъ, что однажды герцогъ встрѣтился съ княжной въ саду и даже осмѣлился поцѣловать у нея ручку. Счастье молодого человѣка, по словамъ Берхгольца, было выше всякой мѣры.

Въ это время заключенъ былъ ништадтскій трактатъ. Изъ словъ и намековъ Петра, герцогъ долженъ былъ ожидать всего своего благополучія отъ заключенія этого трактата. Но оказалось, что въ статьяхъ ништадтскаго договора о герцогѣ не было упомянуто даже ни однимъ словомъ, а напротивъ—Россія обязывалась никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ дѣла Швеціи.

Герцогъ и всѣ бывшіе съ нимъ голштинцы упали духомъ.

Чтобы утѣшить ихъ, по Петербургу распустили слухъ, что герцогъ, наконецъ, женится на дочери царя.

Этотъ слухъ польстилъ самолюбію герцога — надежды его вновь воскресали.

Въ день тезоименитства императрицы Екатерины Алексѣевны, въ катерининъ день, 24-го ноября, герцогъ давалъ серенаду подъ окнами дворца.

«Старшая принцесса—говоритъ по этому случаю Берхгольцъ—ясно показала тогда, что она большая любительница музыки, потому что почти постоянно во время серенады держала тактъ рукою и головою. Его высочество часто обращалъ взоры къ ея окну, и, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ: онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописанную любовь, которую обнаруживаетъ при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами».

Но не смотря на эти завѣренія Берхгольца о страстной любви герцога къ тринадцатилѣтнему ребенку-невѣстѣ, страсть эта подвержена сильному сомнѣнію: герцогъ видимо искалъ не одного миловиднаго личика хорошенькой и благородной по сердцу ца-

ревны, не одной любви ея, а въ придачу къ ней и, главное, въ первой мѣрѣ — шведскаго престола, котораго онъ надѣялся достигнуть только черезъ нее, царевну, а потомъ уже и руки своей невѣсты, еще впрочемъ не нареченной.

Сомнѣніе это становится неопровержимымъ, когда мы скажемъ, что, женившись на той, къ которой онъ показывалъ столько робкой и глубокой страсти, герцогъ слишкомъ жестоко отнесся къ своему божеству, не только, тотчасъ послѣ вѣнца, украдкой глотавшему горькія слезы, а вполне изстрадавшемуся потомъ подъ гнетомъ тяжелой жизни съ этимъ, умѣвшимъ хорошо притворяться, молодымъ искателемъ шведской короны и русскихъ денегъ.

Но объ этомъ въ свое время...

Въ началѣ 1722 года царскій дворъ переѣхалъ въ Москву. За дворомъ переѣхалъ туда и герцогъ.

А о свадьбѣ все не было ни рѣчи, ни даже намека.

Время между тѣмъ все идетъ. Голштинцы все ждутъ напрасно.

Хотя, затѣмъ, въ февралѣ, на фейерверкѣ, у герцога, по приказанію царя, изображенъ былъ видъ голштинской столицы, города Киля, съ плывущими къ нему, съ одной стороны, русскимъ кораблемъ съ дѣвою, а съ другой—шведскимъ кораблемъ съ короною, однако же о бракѣ опять-таки не было сказано ни слова: — всѣ оставались такъ церемонно-любезны и сдержанны, начиная отъ самого царя и кончая молоденькими царевнами.

Между тѣмъ французскій посланникъ Кампредонъ пишетъ въ Парижъ о предложеніи царя выдать царевну Анну за принца шартрскаго—и герцогъ голштинскій ничего объ этомъ не знаетъ:—его видимо водятъ — ни отвѣта, ни привѣта.

Наступаетъ пасха. Герцогъ видитъ, что всѣ русскіе христосуются, цѣлуются. Ему понравился этотъ добрый обычай. И вотъ

онъ — просить императрицу позволить и ему, по русскому обычаю, похристосоваться. Ему позволяют — и онъ цѣлуется съ царевнами.

«Старшая — замѣчаетъ при этомъ Берхгольцъ — по врожденной застѣнчивости, поколебалась было немного, однако послѣдовала знаку императрицы; но младшая, Елизавета Петровна, тотчасъ подставила свой розовый ротикъ для поцѣлуя».

И герцогъ снова радъ — его фонды видимо поднимаются: онъ пьетъ за здоровье царской фамиліи — онъ веселъ, онъ даже навеселѣ, снова выпиваетъ нѣсколько бокаловъ, и, откланиваясь императрицѣ и царевнамъ, вновь цѣлуется и съ матерью-императрицею и съ дѣвушками — великими княжнами.

Въ свитѣ герцога радость и ликованье. Голштинцы распииваютъ на радостяхъ нѣсколько кубковъ и ложатся спать отуманенные.

Но вотъ царь собирается ѣхать въ персидскій походъ и предлагаетъ герцогу оставить безъ него Россію. Надежды жениха окончательно рушатся. Тогда между царемъ и герцогомъ является посредникомъ Бассевичъ, голштинецъ же, и ему удается исходатайствовать у Петра позволеніе молодому герцогу остаться въ Москвѣ. Но между тѣмъ Петръ тайно приказываетъ Меншикову увезти великихъ князей въ Петербургъ.

Герцогъ узнаетъ объ этомъ, и за нѣсколько верстъ отъ Москвы устраиваетъ въ палаткахъ прощальный пиръ. Онъ думаетъ, что, проѣзжая мимо палатокъ, царевны сдѣлаютъ ему честь — остановятся, что онъ задержать ихъ въ палаткѣ, сдѣлаетъ ихъ участницами прощальнаго обѣда; но царевны вышли изъ экипажа только на нѣсколько минутъ, и тотчасъ же уѣхали. Съ горя голштинцы сами сѣли за роскошный столъ, приготовленный для царевенъ, и волей-неволей отпировали на холостую ногу.

А время все идетъ. Наступаетъ ужъ 1723 годъ.

Въ этомъ году герцогу удастся вновь увидѣть свою красавицу, въ Петербургѣ. По словамъ Берхгольца — царевна все хо-рошѣетъ, а дѣла герцога все не двигаются.

Вообще это сватанье напоминаетъ средневѣковые подходы рыцаря къ дамѣ своего сердца: цѣлые годы проходятъ, а рыцарь все ломаетъ на турнирахъ копье въ честь своей возлюбленной, носить ей цвѣтъ, вздыхаетъ у подъемнаго моста ея замка, словно голштинскій герцогъ у Фонтанки, и только на какомъ-нибудь годовомъ турнирѣ издали увидитъ свою богиню въ числѣ «ста красавицъ свѣтлоокихъ» и отъ одного вида ея и блеска глазъ разгорается его забрало, какъ говорится въ одной легендѣ, переложенной въ прекрасную балладу.

Но вотъ голштинцы замѣчаютъ, что къ концу 1723 года съ герцогомъ становятся необыкновенно любезны при дворѣ.

Проходить еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наступаютъ именины невѣсты, 3 февраля 1724 года. Свита герцога замѣчаетъ, что самъ Петръ очень внимателенъ къ ихъ господину — и свита начинаетъ надѣяться, что конецъ ея ожиданій не далекъ, что ихъ скоро отпустить домой, въ дорогой имъ родной Киль, съ молодою герцогиней.

Но и это былъ ложный лучъ надежды.

«Къ сожалѣнію — говоритъ Берхголецъ — это было напрасно; надо надѣяться, что съ помощію божіею воспослѣдуетъ всему желанный конецъ въ коронацію», которая ожидалась въ маѣ этого года.

Герцогъ, однако, становится все смѣлѣе и настойчивѣе: бывая навеселѣ, онъ уже называетъ Петра «батюшкою» — и свита его радуется такимъ успѣхамъ своего молодого господина.

Наступаетъ четвертый катерининъ день со времени приѣзда герцога въ Россію — и только въ этотъ день, 24-го ноября 1724

года, при посредствѣ Остермана и голштинцевъ Бассевича и Штамке, написанъ былъ брачный контрактъ голштинскаго герцога Фридриха-Карла и цесаревны Анны Петровны.

Въ 21-й статьѣ контракта опредѣлялось и обезпечивалось будущее хозяйство Анны Петровны и ея будущихъ дѣтей, назначался для нея штатъ, опредѣлялись «маетности» и употребленіе ея приданого, которое, кромѣ драгоценностей и уборовъ, состояло въ трехъ-стахъ тысячахъ рублей единовременной выдачи. Анна Петровна должна оставаться въ греческой вѣрѣ, а дѣти ея — мальчики — должны быть крещены по лютеранскому обряду, а дѣвочки — воспитываться въ православной вѣрѣ. Анна Петровна и мужъ ея отказываются и за себя и за потомство отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону российской имперіи.

Три «секретные артикула» контракта гласили: Россія обязывается помогать герцогу голштинскому достигать шведской короны, возвратить Шлезвигъ; а со стороны Петра — право («власть и мочь») призвать, по своему усмотрѣнію, «къ сукцессіи короны и имперіи всероссийской одного изъ урожденныхъ отъ сего супружества принцевъ», и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю императора, «безъ всякихъ кондцій».

Тутъ же Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ съ свойственною ему откровенностью:

«Надобно замѣтить, что несравненная, прекрасная принцесса Анна назначена въ супруги нашему государю, чего и мы всѣ горячо желали. Такимъ образомъ теперь кончилась неизвѣстность — на долю старшей или младшей принцессы выпадетъ этотъ жребій. Хотя ничего нельзя сказать противъ красоты и пріятности послѣдней (Елизаветы Петровны), однако всѣ мы, по

многимъ основаніямъ, желали отъ всего сердца, чтобы старшая, то-есть принцесса Анна, досталась нашему государю».

Петръ, между тѣмъ, думалъ иначе: ему все хотѣлось свою «Аннушку» отдать за французскаго короля—это жребій болѣе завидный, чѣмъ быть голштинскою герцогинею. Французская корона и корона Голштиніи—тутъ выборъ ясенъ. Но представитель французскаго королевства Кампредонъ все отвѣчалъ неопредѣленно, уклончиво — вотъ что и понудило Петра рѣшиться наконецъ на этотъ голштинскій компромиссъ: — онъ, что называется, не вытерпѣлъ, а Кампредонъ сказалъ, что французскому королю была бы болѣе выгодною невѣстою великая княжна Елизавета Петровна, которая и моложе Анны лѣтами и живѣе характеромъ.

На другой день по заключеніи контракта Петръ пригласилъ герцога—едва ли не въ первый разъ—обѣдать запросто, по семейному, — и съ тѣхъ поръ герцогъ могъ ужъ видѣть свою невѣсту ежедневно.

Бассевичъ прямо говоритъ, что Петръ желалъ и не скрывалъ этого желанія, чтобъ послѣ его смерти наслѣдовала Анна, его любимая дочь, и Кампредонъ говоритъ тоже, что послѣ смерти своего маленькаго «Піотрушки», великаго князя Петра Петровича, царь все хотѣлъ «Аннушку» передать «сукцессію» на російское царство.

Но вотъ въ январѣ 1725 года царь тяжело занемогаетъ.

Больной Петръ, давно уже перебогавшійся, сразу почувствовалъ, что кончина его близка, началъ было писать что-то: «отдать»... и не могъ дальше продолжать своего послѣдняго завѣщанія; рука его, такъ много работавшая, такъ твердо державшая и скипетръ, и историческую палицу, бывшую всякаго лѣнтяя и подлеца, попадавашаго подъ палицу, рука, державшая

такъ умѣло и топоръ, и пилу, и командирскій рупоръ, и рюмку съ анисовкой, и перо, такъ много писавшее—эта рука отказывалась больше писать, и царь послалъ за своей «Аннушкой», чтобъ ей продиктовать послѣднюю волю; но когда великая княжна подошла къ отцу — онъ ужъ былъ безъ языка.

Послѣ смерти отца Анна Петровна страшно тосковала, «потому что—говорить Берхгольцъ — императоръ всегда показывалъ неописанную нѣжность и любовь къ обѣимъ дочерямъ, и въ особенности къ старшей».

Изъ ничтожества, какимъ герцога казался при Петрѣ, со смертію его онъ мгновенно выросъ въ значеніи при дворѣ. Екатерина видимо была расположена къ нему, такъ какъ хорошо понимала, что многимъ обязана была Бассевичу, голштинцу же, при вступленіи на престолъ.

Назначена была наконецъ свадьба.

Въ апрѣлѣ герцога нанялъ лучший тогда въ Петербургѣ домъ графа Апраксина, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь зимній дворецъ, за три тысячи рублей въ годъ, и переехалъ туда передъ самой свадьбой.

Бракосочетаніе совершено было въ троицкой церкви, на петербургской сторонѣ, 21-го мая 1725 года. Епископъ Феофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ птенцовъ Петра, послѣ свадебнаго обряда благословилъ новобрачныхъ пославянски, а герцогу переводилъ свое пастырское благословеніе на латинскій языкъ.

Въ этотъ же день, въ ознаменованіе торжества, императрица Екатерина Первая учредила орденъ Александра-невскаго.

Въ сентябрѣ молодые ѣздили осматривать ладожскій каналъ, любимое дѣтище Петра-строителя. Въ деревнѣ Лавѣ они остановились ночевать. Ночлегъ дала имъ просторная мужицкая избѣ. Въ избѣ этой оказалось много дѣтей, особливо дѣвочекъ. Гово-

рять, что Анна Петровна, всегда ласковая къ дѣтямъ и любившая ихъ общество, созвала всѣхъ этихъ ребятишекъ и съ удовольствіемъ провела съ ними весь вечеръ, не смотря на то, что это были крестьянскіе, не всегда опрятные ребятишки, а пріемная комната—крестьянская изба. Утромъ дѣти опять собрались къ доброй царевнѣ, пѣли ей пѣсни,—и Анна Петровна всѣхъ ихъ одарила деньгами.

Но дочери Петра съ тѣхъ поръ уже не улыбалось счастье.

Время скоро разоблачило характеръ рыцаря, послѣ свадьбы показавшаго свое лицо изъ-за забрала. Замужство видимо не сулило Аннѣ Петровнѣ ничего хорошаго, потому что изъ угодливаго и робкаго Фридрихъ-Карль тотчасъ послѣ вѣнца превратился въ надменнаго и безтактнаго гордеца и деспота. Даже на императрицу онъ пересталъ обращать вниманіе.

Аннѣ скоро пришлось плакать тайкомъ, чтобъ никто не видалъ слезъ молодой голштинской герцогини. Екатеринѣ же пришлось раскаяваться, что поспѣшила свадьбой;—но было уже поздно.

Началась тяжелая жизнь для молодой герцогини — семейныя сцены, дразги, ревность; слезы, говорятъ, часто льются и сквозь золото.

Впечатлительное сердце молодой женщины было привязчиво; она вся отдавалась своимъ добрымъ побужденіямъ, и даже къ несчастному сыну царевича Алексѣя Петровича, къ великому князю Петру Алексѣевичу, всѣми брошенному, она одна показывала постоянную и непритворную привязанность. За то герцогъ не удостоилъ даже посѣщеніемъ этого будущаго русскаго императора, Петра Второго.

Вообще герцогъ былъ далеко не находка: болѣзненный, не красивый собой, дурной нравственности, ревнивый и мотъ—онъ

былъ, говорятъ современники, мученіемъ для своей доброй и нѣжной жены, которую въ одинъ годъ вогналъ въ могилу.

Гоненія на Анну начались скоро, еще въ Россіи.

Въ одно время Анна Петровна обратила благосклонное вниманіе на камергера Тессина, молодого человѣка изъ свиты своего мужа, обратила вниманіе потому, что это былъ умный, образованный мужчина среди кутиль герцогской свиты — и ревнивый герцогъ тотчасъ же удалилъ Тессина въ Берлинъ на зло женѣ. Анна Петровна была обижена и оскорблена этой грубой выходкой, и не явилась на праздничное торжество, на которомъ должна была присутствовать.

Вообще съ этимъ несчастнымъ бракомъ все повидимому отшатнулось отъ бѣдной женщины. Даже при дворѣ матери-императрицы ей стали оказывать мало уваженія, потому что для русскихъ царедворцевъ она, по русскому обычаю и по народнымъ понятіямъ, стала «отрѣзаннымъ ломтемъ».

«Генераль-полицеймейстеръ Девіеръ, сидя однажды во дворцѣ—передаетъ Кампредонъ — нѣчто великому князю Петру Алексѣвичу на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у окна въ той же палатѣ, плакала, и въ такой печальный случай онъ, Девіеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на кровати: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина!»

Вѣроятно, когда бы былъ живъ Петръ, онъ, генераль-полицеймейстеръ, не рѣшился бы сказать такихъ словъ любимой дочери царя.

Но вотъ умираетъ и Екатерина—новое горе плачущей молодой герцогинѣ.

Положеніе дѣлъ при дворѣ мгновенно измѣняется. Голштинское вліяніе отступаетъ на задній планъ, и величіе надменнаго герцога сразу рухнуло.

Многіе думали, что, до совершеннолѣтія Петра II, государствомъ будетъ управлять Анна Петровна, какъ всѣмъ извѣстно—любимѣйшая дочь Петра Великаго, о которой и Бутурлинъ говоритъ — «она была умильна собою, и пріемна, и умна, походила на отца»... — всѣ шансы были на ея сторонѣ.

Но ничьи надежды въ этомъ отношеніи не сбылись, не смотря даже на то, что и въ духовномъ завѣщаніи Екатерины I, написанномъ, по взаимному соглашенію, Меншиковымъ и Бассевичемъ, было многое сказано въ пользу Анны Петровны и голштинцевъ; Меншиковъ же всѣхъ ихъ и оттеръ отъ регентства, въ глубинѣ души своей проча императорскую корону одной особѣ, еще почти дѣвочкѣ, о которой никто не могъ и предполагать, какъ о тайной претенденткѣ на русскую корону. — Объ этой дѣвочкѣ будетъ сказано въ свое время.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, Бассевичъ подалъ въ верховный совѣтъ меморіалъ, въ которомъ просилъ объ исполненіи тѣхъ статей завѣщанія покойной императрицы, гдѣ дочерямъ Петра и Фридриху-Карлу голштинскому предоставлялись разныя денежныя выдачи, гдѣ упоминалось о покупкѣ дома для голштинскаго посольства и для свиты герцога, а равно предоставлялось имъ нѣсколько комнатъ въ академіи наукъ.

Верховный тайный совѣтъ ничего не отвѣчалъ на этотъ меморіалъ — голштинцамъ оставалось ждать. Ждала своей участи и Анна Петровна.

Но вотъ, вмѣсто отвѣта на меморіалъ, тайный совѣтъ объявляетъ оберъ-гофмейстеру Анны Петровны, Нарышкину, что-бы онъ наблюдалъ, исполняется ли герцогомъ все согласно брач-

наго контракта и выдаются ли Аннѣ герцогомъ проценты съ трехъ-сотъ тысячъ рублей, данныхъ ей въ приданое. Нарышкинъ отвѣчаетъ, что онъ ничего не знаетъ ни о контрактѣ, ни о деньгахъ. Тогда тайный совѣтъ посылаетъ жъ Бассевичу приказъ — доставить требуемое свѣдѣніе какъ относительно денегъ, «такъ и обо всемъ, что касается выгодъ цесаревны».

Въ отвѣтъ на это Бассевичъ и Штамке доводятъ до свѣдѣнія тайнаго совѣта, что герцогъ намѣренъ оставить Россію.

Вслѣдствіе этого совѣтъ даетъ ему въ распоряженіе два фрегата и шесть ластовыхъ судовъ. Герцогъ требуетъ, вмѣсто фрегатовъ, кораблей — и ему отказываютъ. Потомъ идетъ рѣчь объ уплатѣ милліона рублей, который слѣдовалъ герцогинѣ Аннѣ по завѣщанію матери. Въ совѣтѣ рѣшаютъ, чтобы герцогъ, получая деньги, обязался употреблять ихъ по волѣ Анны Петровны, чтобъ она была совершенно увѣрена въ сохранности этого капитала.

Наконецъ наступаетъ для герцогини Анны время отъѣзда изъ Россіи, разставанье съ родиной.

Аннѣ Петровнѣ выдаютъ часть завѣщаннаго ей матерью милліона — именно двѣсти тысячъ рублей. Получивъ деньги, она — было на квитанціи росписалась: «наслѣдная принцесса руссійская»; но совѣтъ возразилъ, что такой титулъ предосудителенъ для руссійскаго императора, который одинъ по своей волѣ можетъ располагать наслѣдствомъ, а потому предложилъ ей росписаться такъ: «урожденная принцесса всероссійская»...

Министры герцога представляютъ верховному совѣту, что Аннѣ Петровнѣ прискорбно будетъ, если раздѣлъ ея съ сестрой Елизаветой Петровной состоится не при ней и она ничего не въ состояніи будетъ взять на память о матери. Анна Петровна съ своей стороны проситъ реестръ наслѣдственныхъ

вещей, но при этомъ охотно уступаетъ Петру и его сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ все, что имъ понравится, а упоминаетъ только, что остались еще два сундука, которые не внесены въ раздѣлъ. Верховный тайный совѣтъ отвѣчаетъ, что для раздѣла наслѣдственныхъ вещей назначена будетъ особая коммисія и что всѣ вещи, имѣющія достаться Аннѣ Петровнѣ, будутъ переданы голштинскому министру; что, наконецъ, императору и сестрѣ его изъ тѣхъ вещей ничего не нужно, но что сундуки будутъ рассмотрѣны.

25-го іюля 1727 года Анна Петровна навсегда оставила Россію. Съ ней отправилась въ Голштинію и француженка Латуръ Лануа (La Tour l'Annois), которая находилась при ней во время ея дѣтства, а теперь опять пріѣхала изъ Франціи къ своей любимой царевнѣ.

Анна Петровна горько разставалась съ Россіею, горько плакала. Да и было о чемъ: деспотъ-мужъ уже достаточно успѣлъ выказаться—чего же ждать тамъ, вдали отъ Россіи, отъ родныхъ, когда и здѣсь ей приходилось подѣ-часть очень тяжело?

Въ своей столицѣ, веселомъ Килѣ, герцогъ скоро истратилъ всѣ взятые изъ Россіи деньги — промоталъ приданое жены на роскошь, на кутежи — и уже въ мартѣ 1728 года снова просидѣлъ изъ Россіи помощи — въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ рублей.

Анна Петровна была уже беременна.

Вотъ что по этому поводу писала изъ Киля въ Россію, отъ 26-го октября 1727 года, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, одна изъ находившихся при дворѣ Анны Петровны приближенная къ ней особа, именно Мавра Шепелева, въ своемъ очень остроумномъ, но далеко не отличающемся своими грамматическими качествами письмѣ, которое мы передаемъ съ дипломатическою точностію:

«Всемиловитѣйшая государыня цесаревна Елизаветъ Петровна!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здоровье. Еще шъ уведомились мы, что ваша высочество веселится, и желаемъ мы, чтобъ вашему высочеству боле веселья иметь, а печалъ никогда бы боле не иметь. Еще шъ данашу, что ваша сестрица все готовитъ, а именно: чепчики и пелонки, и ужъ по всякой день варошитца у ней въ брукху вашъ будущей племянникъ, или племянница, и комнаты ужъ готовы. Инова вашему высочеству писать за скоростію не имѣю, точію остаюсь ваша высочества верная раба

Мавра Шепелева.

«У нас в Били очень дажди велики и ветри, а печи все железныя, и то маленькия».

Такъ-то писала приближенная къ Аннѣ Петровнѣ особа будущей императрицѣ російской, молоденькой цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Но бѣдной сестрѣ ея, Аннѣ Петровнѣ, не долго привелось жить вдали отъ родины.

Скоро она разрѣшается отъ бремени сыномъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, или — будущимъ императоромъ Петромъ Третьимъ, тѣмъ именно «племянникомъ» будущей императрицы Елизаветы Петровны, который «по всякой день варошитца въ брукху» у матери, — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умираетъ, не достигнувъ двадцати лѣтъ отъ роду!

Екатерина II-я положительно говоритъ, что бѣдная женщина умерла чахоткой отъ непріятностей и семейныхъ огорченій.

Подобно Ксеніи Годуновой, умирая, она проситъ похоронить ее въ Россіи, около гроба славнаго и дорогаго ей отца.

За тѣломъ герцогини посланъ былъ корабль «Рафаилъ» и фрегатъ. Контръ-адмиралъ Бредалъ былъ начальникомъ эскадры.

Въ печальномъ посольствѣ этомъ находились президентъ ревизіонъ-комисіи Иванъ Бибииковъ, архимандритъ и два русскихъ священника.

12-го октября 1728 года тѣло Анны Петровны подъѣзжало къ Кронштадту. Минихъ получилъ изъ Москвы высочайшее повелѣніе встрѣтить прахъ съ подобающею честью и похоронить въ петропавловскомъ соборѣ, что и было исполнено 12-го ноября.

Веберъ зналъ эту несчастную, такъ мало жившую любимѣйшую дочь Петра Великаго: у него—говорить онъ—нѣтъ достаточно силъ, способностей и искусства, чтобы описать достойно всѣ похвальныя качества ея. Это была прекрасная душа въ прекрасномъ тѣлѣ. Петръ любилъ ее съ видимою нѣжностью: герцогиня и по наружности и по уму чрезвычайно походила на него.

Бассевичъ съ своей стороны говоритъ: Щедрая и очень образованная, герцогиня говорила, какъ на своемъ родномъ языкѣ, пофранцузски, понѣмецки, поитальянски и пошведски. Съ дѣтства показывала она неустрашимость героини, а въ отношеніи присутствія духа она напоминала своего великаго отца. Вотъ примѣръ этому: молодой графъ Апраксинъ признался ей въ любви. На это признаніе Анна Петровна отвѣчала презрѣніемъ. Полный надежды и смѣлости, Апраксинъ засталъ ее однажды одну и винулся къ ногамъ, предлагая свою шпагу, чтобы она кончила и жизнь и мученія его. Анна Петровна отвѣчала рѣшительно, что она готова исполнить эту просьбу. Это такъ испугало Апраксина, что онъ началъ просить извинить его безумство и дерзость. Великая княжна отмстила только тѣмъ, что рассказъ ея объ Апраксинѣ сдѣлалъ его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ.

Вспомнимъ, что черезъ сорокъ-пять лѣтъ послѣ смерти Анны Петровны, въ 1773 году, за Волгой, между раскольниками, на Иргизѣ и Яикѣ явился невѣдомый человѣкъ, который говорилъ, что онъ—сынъ этой дочери Петра Великаго.

То былъ—Пугачовъ.

ХІ.

Графиня Головкина.

(Графиня Екатерина Ивановна Головкина, урожденная кесаревна Ромодановская).

— «На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другомъ моимъ? Я любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно».

Такъ отвѣчала Головкина, когда, послѣ осужденія ея мужа, вице-канцлера графа Михайла Гавриловича Головкина, на вѣчную ссылку въ Сибирь, императрица Елизавета Петровна прислала сказать Головкиной, что, непричастная къ государственнымъ преступленіямъ мужа, графиня сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими гдѣ и какъ угодно.

Въ словахъ этихъ—цѣлая характеристика человѣка, и женщины—въ особенности.

Екатерина Ивановна была послѣднею въ знаменитѣйшемъ и древнѣйшемъ родѣ князей Ромодановскихъ, происходившихъ по прямой линіи отъ Рюрика. «Его пресвѣтлѣйшество генералиссимусъ», «князь-кесарь» съ царскимъ титуломъ «величе-

ства», Ромодановскій, котораго Петръ Великій называлъ дѣдушкой и о которомъ писалъ Апраксину — «съ нашимъ дѣдушкой какъ съ чортомъ вожусь, и не знаю, что съ нимъ дѣлать», такъ какъ этотъ суровый дѣдушка не давалъ забываться даже «царю-плотнику», — «всероссійскій дѣдушка» этотъ былъ дѣдушкой и Екатерины Ивановны, родившейся отъ сына «князя-кесаря», впоследствии тоже «князя-кесаря» Ивана Федоровича Ромодановскаго.

«Княжна-кесаревна» Екатерина Ромодановская родилась ровно за годъ до основанія Петербурга (1702), и потому всею своею жизнью должна была уже принадлежать новой Россіи, хотя еще въ молодости переживала время петровскихъ реформъ и, можно сказать, лично участвовала въ похоронахъ старой Россіи, какъ участвовала потомъ и въ похоронахъ царя-преобразователя.

Едва ли былъ въ Россіи домъ знатнѣе и богаче того дома, въ которомъ родилась, росла и воспитывалась «княжна-кесаревна», домъ, въ которомъ Петръ Великій «былъ какъ дома», какъ свой человѣкъ, какъ членъ семьи, и въ этомъ домѣ ласкалъ и баловалъ маленькую «княжну-кесаревну», слѣдилъ за ея воспитаніемъ, самъ выдалъ ее замужъ.

Не удивительно, что подъ вліяніемъ Петра «княжна-кесаревна» получила отличное воспитаніе, какъ о томъ говорятъ ея жизнеописатели.

До девятнадцатилѣтняго возраста о маленькой княжнѣ-кесаревнѣ вообще имѣется очень мало извѣстій въ современныхъ памятникахъ. Извѣстно только, что 12-го ноября 1721 года, во время празднованія въ Петербургѣ свадьбы гвардіи майора Матюшкина, въ должности «подругъ» невѣсты первую назначена была княжна-кесаревна, посаженою матерью была императрица,

а дружкой—красавецъ камеръ-юнкеръ Монсъ. Во время свадьбы княжна-кесаревна была очень замѣтна: Петръ лично выражалъ особую пріязнь къ молоденькой «подругѣ» невѣсты, проявляя эту пріязнь и милость, прилично случаю, въ забавныхъ формахъ. Такъ, по правиламъ свадебнаго церемоніала, подруга невѣсты, въ началѣ обѣда, должна была навязывать бантъ дружкѣ невѣсты—Монсу, а дружка, по принятому обычаю, долженъ былъ цѣловать въ губы навязывающую этотъ бантъ. Когда Монсъ, слѣдуя правиламъ свадебнаго церемоніала, поцѣловалъ княжну-кесаревну, Петръ, желая подшутить надъ красавцемъ, прекрасную голову котораго онъ впослѣдствіи, за разныя преступленія, велѣлъ отрубить и положить въ спиртъ,—замѣтилъ, что Монсъ, изъ почтенія къ дочери кесаря, не долженъ былъ цѣловать кесаревну въ губы, а могъ только приложиться къ ея ручкѣ, и потому, за этотъ проступокъ, въ видѣ штрафа приказалъ ему выпить до дна огромный бокалъ венгерскаго. Потомъ, когда во время послѣобѣденныхъ танцевъ, княжна-кесаревна танцевала минуэтъ съ красавцемъ Монсомъ, и когда Петру, бывшему въ сосѣдней комнатѣ, доложили объ этой парѣ, царь прибѣжалъ въ залу и, мигнувъ одному деньщику, велѣлъ вновь принести тотъ страшный бокалъ съ венгерскимъ. Увидѣвъ около себя царя и деньщика съ бокаломъ, Монсъ пришелъ въ ужасъ, не чувствуя за собою никакой вины, и изумленными глазами смотрѣлъ на государя.

— Это за то—сказалъ государь—что ты не отдалъ княжнѣ респекту и послѣ танца не поцѣловалъ ей ручки.

И провинившагося передъ кесаревной танцора заставили опять выпить.

На святки дворъ переѣхалъ въ Москву, а вмѣстѣ съ дворомъ переѣхали въ Москву и князья Ромодановскіе съ кесаревною въ

свой роскошный домъ. Здѣсь молодая дѣвушка, по словамъ ея біографовъ, участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ двора и города. Ѣздила къ вдовѣ царя Іоанна Алексѣевича, Марфѣ Матвѣевнѣ, урожденной Апраксиной, которая приходилась ей теткою и жила въ Измайловѣ; была въ числѣ семи особъ женскаго пола на ассамблеѣ у Александра Григорьевича Строганова, богатѣйшаго боярина тогдашней Москвы, и тамъ танцевала подъ музыку хозяйскаго оркестра и участвовала въ *petits-jeux*, затѣянныхъ генералъ-прокуроромъ Ягужинскимъ, человѣкомъ вообще очень веселаго нрава; праздновала послѣднюю зимнюю и свою дѣвичью ассамблею въ домѣ родительскомъ, гдѣ былъ и царь Петръ, и герцогъ голштинскій, и весь дворъ; дѣлала визиты, которые въ то время совершались по вечерамъ, такъ какъ тогдашнее общество обѣдало рано, а послѣ обѣда ложилось почитать часа на два, на три, и наконецъ—была просватана, не безъ участія и содѣйствія самого царя, за графа Михайлу Гавриловича Головкина, въ то время еще сержанта гвардіи, хорошо говорившаго по-нѣмецки.

Самъ государь, принимавшій такое горячее участіе въ судьбѣ княжны-кесаревны, указалъ свадьбѣ быть 8-го апрѣля.

Это была дѣйствительно кесарская свадьба. Царь принялъ на себя званіе «маршала» свадьбы. Онъ же самъ руководилъ и свадебнымъ поѣздомъ въ церковь, при такомъ церемоніалѣ: два трубача, верхомъ, не трубившіе; двѣнадцать шаферовъ верхомъ; царь въ открытомъ кабриолетѣ, шестернею, съ большими маршальскимъ жезломъ въ рукѣ; женихъ въ каретѣ шестернею; затѣмъ весь поѣздъ. Изъ церкви Петръ отправился за невѣстою, и привезъ ее въ такомъ поѣздѣ: два трубача, верхомъ, игравшіе маршъ; двѣнадцать шаферовъ, капитаны гвардіи, на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатыхъ чепракахъ и сбруяхъ; самъ Петръ, вер-

хомъ на превосходномъ гнѣдомъ конѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ (чепракъ и сѣдло зеленые, шитые золотомъ); невѣста, въ каретѣ, шестернею, а съ нею подруги: Нарышкина, тогда невѣста несчастнаго вполсѣдствіи Артемія Волынскаго, и Головкина, невѣста князя Трубецкаго; затѣмъ поѣздъ дамъ. У самой церкви царь-маршалъ соскочилъ съ лошади и самъ отворилъ дверцу кесаревниной кареты. Невѣсту ввели въ церковь подъ руки посаженные отцы—князь Меншиковъ и графъ Апраксинъ. Серебряные вѣнцы были такъ тяжелы отъ множества брильянтовъ и жемчугу, особенно вѣнецъ кесаревны, что его все время держали на рукахъ, не опуская на голову дѣвушкѣ. Въ домѣ молодыхъ Петръ самъ распоряжался всѣмъ—и отводомъ мѣстъ гостямъ, и разсаживаньемъ ихъ по чинамъ. За дамскій столъ государь посадилъ молодую, по правую ея руку—посаженую мать, императрицу; по лѣвую—женихову мать, княгиню Меншикову; подлѣ императрицы—сестру невѣсты, княгиню Черкасскую; подлѣ Меншиковой—сестру жениха, генеральшу Балкъ, у середины стола, противъ невѣсты, дружка ея—Нарышкина; по обѣимъ сторонамъ его—подругъ невѣсты—Нарышкину и Головкину; далѣ, по обѣ стороны, дамъ по чинамъ. За мужскимъ столомъ государь посадилъ: молодого; по правую его руку—посаженнаго отца, князя Меншикова; по лѣвую—посаженнаго отца невѣсты, графа Апраксина; подлѣ Меншикова—тайнаго совѣтника Толстого; подлѣ Апраксина—Салтыкова; противъ жениха—герцога голштинскаго; по правую руку его—цесарскаго посла, графа Клинскаго; по лѣвую—прусскаго посла, барона Мардефельда; далѣ—прочихъ мужчинъ по чинамъ.

Самъ Петръ все время былъ на ногахъ, всѣмъ распоряжался, и находился въ отличномъ расположеніи духа. Императрица, какъ бы сжалась надъ нимъ, послала ему съ камеръ-юнкеромъ

жаренаго голубя. Петръ отошелъ къ буфету и тамъ, стоя на ногахъ, ѣлъ голубя изъ рукъ, съ большимъ аппетитомъ. Первая переѣмна кушаньевъ была, по обычаю, холодная; вторая—горячая. Увидя, что вторую переѣмну несутъ на столъ гренадеры, Петръ побѣжалъ къ оберъ-кухмейстеру, ударилъ его маршальскимъ жезломъ, велѣлъ гренадерамъ съ переѣмною возвратиться и передать блюда капитанамъ гвардіи, которые и поставили ихъ на столы. Герцогу и иностраннымъ министрамъ государь подавалъ напитки собственноручно; прочимъ разносили шафера, капитаны гвардіи.

Послѣ стола начались танцы, сначала церемоніальные: дамы по одной сторонѣ, кавалеры — по другой; музыканты заиграли родъ погребальнаго марша; кавалеръ и дама первой пары, сдѣлавъ реверансъ сосѣдамъ и другъ другу, взялись за руки, оттанцовали туръ влѣво и стали опять на свое мѣсто; тоже, по очереди, повторили и всѣ пары, безъ всякаго такта. Затѣмъ слѣдовали польскіе, минуэты и англезы. Молодая часто танцевала съ герцогомъ; но первый минуэтъ торжественно прошла съ мужемъ. Когда стемнѣло, передъ домою зажгли фейерверкъ. Въ щитѣ сіяли двѣ соединенныя буквы Р и С, изъ бѣлаго и голубого огней, съ надписью бѣлымъ огнемъ — *vivat*, т. е. *vivat princesse Catherine*. Фейерверкомъ тоже распоряжался самъ Петръ, все время бывшій на дворѣ. Послѣ фейерверка — опять танецъ — «прощальный». Пары связывались носовыми платками, и каждая, становясь поочереди первой, должна была изобрѣтать фигуры, а прочія — подражать первой. Этотъ танецъ, начинаясь въ залѣ, могъ окончиться и въ другихъ комнатахъ, въ саду, даже на чердакѣ, что зависѣло отъ коновода, т. е. прыгавшаго впереди скрипача. Здѣсь коноводомъ былъ Петръ. Онъ, съ жезломъ въ рукѣ, усердно прыгалъ и завелъ всѣхъ въ спальню.

Тамъ, за столомъ, уставленнымъ одними только сластями, усаживалась исключительно свадебная родня, не встававшая до тѣхъ поръ, пока не доложить ей, что молодой совершенно пьянъ. Дѣйствительно, къ одиннадцати часамъ молодой не стоялъ на ногахъ, и гости разѣхались, выслушавъ отъ шаферовъ приглашеніе пожаловать завтра, въ три часа пополудни, въ домъ князя-кесаря.

На другой день — опять пиръ. Когда, послѣ стола, молодой, по обычаю, «пройдя черезъ столъ», сорвалъ вѣнокъ надъ головою своей жены, и возвращаясь, хотѣлъ сѣсть на приготовленное ему мѣсто, по правую сторону кесаревны, Петръ сказалъ ему поголландски:

— Нѣтъ, постой, дочь кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ.

Молодые пересѣли. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ съ обычными церемоніями. Петръ, какъ маршалъ, прислуживалъ. Когда обѣдъ кончился, Екатерина Алексѣевна и дамы пошли въ другія комнаты, чтобъ дать время подмести и убрать все въ залѣ для танцевъ; а Петръ съ шаферами сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ обѣдать. Послѣ «церемоніи танцевъ», т. е. танцевъ официальныхъ, государынѣ вздумалось помучить стариковъ — канцлера и Долгорукова: она, танцую въ первой парѣ съ герцогомъ голштинскимъ, долго не прекращала танца, и старики страшно устали. Но тотчасъ же начавшійся англезъ обязалъ не только ихъ, но и всѣхъ толстяковъ приготовиться къ моціону. Государь и государыня, въ первой парѣ, придумывали разныя премудрости; Апраксинъ, Шафировъ, Толстой и князь-кесарь, люди очень толстые, слѣдуя за ними, едва переводили духъ. Но первая пара была неумолима, и толстяки, обливаясь потомъ, полумертвые отъ утомленія, валялись на стулья. Развеселившійся

государь пустилъ въ ходъ штрафные бокалы. Пляска и попойка длились до одиннадцати часовъ вечера. Танцевали, впрочемъ, только тѣ, которые были въ башмакахъ. Императрица уѣхала первая, за нею вскорѣ государь, а потомъ и всѣ гости.

Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, Берхгольцъ, въ запискахъ котораго и находится описаніе этихъ торжествъ, видѣлъ и постель молодой кесаревны, «лучшую во всей Россіи, сдѣланную по французской модѣ, обитую краснымъ бархатомъ, съ широкимъ вездѣ золотымъ галуномъ».

Мы съ намѣреніемъ привели это подробное изображеніе свадебныхъ торжествъ княжны-кесаревны: — тѣмъ ужаснѣе будетъ контрастъ ея жизни въ Сибири.

Свадьба наконецъ кончилась. Княжна-кесаревна Ромодановская перестала существовать и была уже не кесаревна, а графиня Головкина.

Мужу ея тогда же представилось повышение: его назначили министромъ-посланникомъ въ Пруссію на мѣсто брата Александра, произвели въ камеръ-юнкеры и опредѣлили содержаніе въ три тысячи рублей, т. е. половину того, что получалъ его братъ, который «высокій градусъ имѣлъ, и больше иждивенія надобно было».

Вскорѣ мужъ молодой Головкиной уѣхалъ въ Пруссію. Сопровождала ли она его за границу—неизвѣстно, но есть основаніе полагать, что она съ нимъ не разлучалась, какъ не разлучалась потомъ и двадцать лѣтъ спустя, когда его ссылали навѣчно въ Сибирь.

Прошло два года, и царя-маршала, который такъ усердно танцевалъ на свадьбѣ Екатерины Ивановны, не стало. Мужъ ея вернулся въ Россію.

Похоронили скоро и Екатерину I, тоже веселившуюся на свадьбѣ кесаревны. Начались перевороты, отъ которыхъ Голов-

княжна стояла въ сторонѣ, но мужъ ея принималъ въ нихъ непосредственное участіе. Погибли Меншиковы, Долгорукіе, породнившіеся было съ царскимъ домомъ.

На престолѣ императрица Анна Іоанновна. Настаетъ время Бироновъ. Головкина получаетъ званіе статсъ-дамы, Головкинъ — чинъ тайнаго совѣтника.

Но вотъ 16-го марта 1730 года изъ Москвы пишутъ въ тогдашнія «С. Петербургскія Вѣдомости»: «Вчерашняго числа умеръ здѣсь, немоществуя девять дней, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, также и кавалеръ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій, въ котораго оставшемся движимомъ и недвижимомъ имѣніи наследовалъ и сей фамиліи прозваніе принялъ нынѣшній сенаторъ и кавалеръ ордена святаго Александра Невскаго графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, яко супругъ единой оставшейся дочери послѣ сего умершаго князя Ромодановскаго, который послѣднимъ мужескаго пола изъ древней сей фамиліи Ромодановскихъ былъ».

Княжна-кесаревна снова приняла свою дѣвическую фамилію: она стала теперь — графиня Екатерина Ивановна Головкина, княгиня Ромодановская.

Всѣмъ извѣстно, каковы были времена Бирона. Но и Биронъ палъ. Государствомъ правила Анна Леопольдовна, племянница Екатерины Ивановны Головкиной-Ромодановской, а вмѣстѣ съ нею правилъ русскою землею и мужъ этой бывшей княжны-кесаревны, пожалованный вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ.

Но и это продолжалось не долго. Новый государственный переворотъ былъ роковымъ переворотомъ и всей жизни графини Головкиной.

24-го ноября 1741 года, въ екатерининъ день — день именинъ Головкиной, совершилась страшная перемена въ ея жизни. Говорятъ, что Головкинъ уже въ этотъ день предчувствовалъ свою бѣду — «о себѣ угадывалъ, что должно ему несчастью быть». Онъ былъ боленъ. Подагра и хирагра давно мучили его. Однако толпы «ласкателей», «милости снискателей и поздравителей» съ утра наполняли палаты Головкиныхъ, чтобъ поздравить съ дорогой именинницей.

Не смотря на болѣзнь хозяина, гости оставались обѣдать, а потомъ вечеромъ состоялся, волей-неволей, балъ. «Всѣ комнаты—говорить очевидецъ, князь Шаховской—окромѣ только той, гдѣ объятый болѣзнями и сожалѣнія достойной хозяинъ страдалъ, наполнены были столами, за коими какъ въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большей части изъ знатнѣйшихъ чиновъ и фамилій торжествовали, употребляя до весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями, что продолжа съ удовольствіемъ до перваго часу, за полночь по домамъ разъѣхались».

Но тутъ-то за полночь и совершилась катастрофа.

Ни Головкины, ни пирующие у нихъ гости не знали, что въ эти часы затѣвали противники правительницы Анны Леопольдовны: этой ночью, цесаревна Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова, Разумовскаго и Салтыкова, произвела государственный переворотъ съ помощью преображенскихъ гренадеровъ. Ночью же она объявила себя императрицею.

Головкины, проводивъ гостей, оставались въ своей спальнѣ. Графиня сидѣла у постели больного мужа.

Но вотъ — говорятъ біографы Головкиной — «среди безмолвія объятаго сномъ дома, неожиданно раздались въ парадныхъ покояхъ чьи-то шаги и, вмѣстѣ съ стукомъ ружейныхъ прикладовъ, замиравшихъ въ персидскихъ коврахъ, приблизились къ комнатѣ супруговъ». Это были двадцать пять преображенскихъ гренадеровъ, явившіеся арестовать вице-канцлера.

Гренадеры увезли больного вельможу и графиня осталась одна въ объятomъ ужасомъ домѣ.

Черезъ три дня она узнала изъ манифеста, что мужемъ ея было «сочинено нѣкоторое отъѣнное о наслѣдствіи имперіи опредѣленіе» и что онъ «въ перемѣнѣ сукцессіи былъ первымъ зачинщикомъ дѣла».

Домъ Головкиныхъ былъ оцѣпленъ стражею и всѣ богатства ихъ конфискованы: описано было все до самой послѣдней вещицы; у самой графини допытывались чиновники, не спрятано ли еще чего въ домѣ или внѣ дома — «алмазныхъ искръ не въ дѣлѣ» или «жемчуговъ персидскихъ съ бурмицкими» и т. д.: несчастная графиня все отдала сыщикамъ.

Судъ надъ Головкинымъ и другими преступниками тянулся около двухъ мѣсяцевъ. Но вотъ 12-го января 1742 года последовала и казнь виновныхъ.

Въ головѣ ихъ, у эшафота, на которомъ лежали два топора и двѣ плахи, Остермана, закутаннаго въ халатъ и больного подагрой, держали на носилкахъ: ему объявлена была смертная казнь колесованіемъ; Головкину и другимъ — иныя казни, степенью ниже. Но тутъ же объявили осужденнымъ и милость: вмѣсто колесованія, Остерману назначена казнь отсѣченіемъ головы — и знаменитаго старика встали на эшафотъ: уложивъ его обнаженную отъ парика голову на плаху, палачъ отстегнулъ у старика воротъ рубахи, загнулъ воротникъ шлафрока, въ которомъ

принесли на плаху осужденнаго вельможу, и обнажилъ ему шею. Пробывъ въ такомъ ужасномъ положеніи съ минуту, Остерманъ узналъ, что ему дарована жизнь въ вѣчной ссылкѣ, кивнулъ головой, тотчасъ же потребовалъ свой колпакъ и парикъ и хладнокровно застегнулся. Головкину и остальнымъ преступникамъ также назначена вѣчная ссылка.

Видѣла ли всю эту ужасную сцену графиня Головкина — современники не говорятъ, хотя послѣдующіе писатели утверждаютъ, что она была на сенатской площади и все видѣла.

Осужденныхъ снова отвезли въ крѣпость. Женамъ вельможъ-преступниковъ объявлено, что «ежели похотятъ», могутъ слѣдовать за мужьями въ ссылку.

Тогда-то именно императрица Елизавета Петровна прислала къ Головкиной сказать, что, непричастная преступленіямъ мужа, она сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими гдѣ и какъ угодно, и тогда-то энергическая женщина, эта отвѣчала: «На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другимъ моимъ? Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно».

Отправление арестантовъ изъ Петербурга поручено было князю Шаховскому, бывшему пріятелю Головкиныхъ. На другой день Шаховской прислалъ къ графинѣ дорожныя сани «для забранія определеннаго багажа». Въ ту же ночь (19 на 20-е генваря), за часъ до выѣзда въ далекій путь, князь Шаховской ввелъ графиню, одѣтую совсѣмъ по дорожному, въ крѣпость. Она нашла мужа сидящимъ неподвижно: онъ только стоналъ отъ мучившихъ его подагрическихъ и хираргическихъ болей, не владея ужъ совсѣмъ лѣвою рукою; долгиe, запущенные волосы, длинная борода,

обрамливавшая исхудалое лицо, лишенное природного румянца, слабый и унылый видъ дѣлали бывшего вице-канцлера и кабинетъ-министра непохожимъ на прежняго всесильнаго вельможу. Но графиня даже не заплакала, не проронила ни одной слезы, чтобъ не встревожить мужа. За то онъ, рыдая какъ ребенокъ, цѣловалъ ея руки: она вѣдь не побоялась ни вѣчной ссылки, ни далекой дороги, ни всѣхъ ожидавшихъ ихъ лишеній, своею волею покидая богатства, почести и родину. Даже лицо князя Шаховского, стоявшаго тутъ же, какъ онъ самъ же говорить о себѣ, при видѣ этой трогательной и потрясающей сцены, «покрылось наибольшими видами печали».

Вошелъ офицеръ и объявилъ, что все готово. Головкина вынесли на рукахъ, бережно уложили съ постелью въ сани, графиня сѣла рядомъ, и грустный поѣздъ, сопровождаемый гвардейскимъ конвоемъ, при офицерѣ, выбрался за крѣпостныя стѣны и исчезъ въ морозномъ мракѣ генварской ночи.

Головкинымъ назначили для вѣчной ссылки какой-то невѣдомый острогъ Германгъ, о мѣстоположеніи котораго даже никто не знаетъ теперь; но полагаютъ, что онъ находился гдѣ-нибудь по сю сторону Оби.

Почти безконечный путь до этого невѣдомаго Германга лежалъ Головкинымъ черезъ родную графинѣ Москву, гдѣ маленькую кесаревну когда-то баловалъ «царь-работникъ», черезъ Владимиръ, Нижній, Козмодемьянскъ, Царевосанчурскъ, Котельничъ, Вятку, тогда еще называвшуюся Хлыновымъ, черезъ Соликамскъ, Верхотурье, Тюмень и Тобольскъ.

Обезсиленные и разломанные долгимъ путемъ—говорить новѣйшій біографъ Головкиной—измученные непрерывными по дорогѣ осмотрами и опросами въ губернскихъ и провинціальныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, Головкины, наконецъ, добрались до

мѣста назначенія. Унылое, безцвѣтное небо висѣло необъятными массами снѣговъ надъ непривѣтною окрестностью, истомленною суровымъ дыханіемъ полярной зимы. Снѣжный просторъ, подавляющій необозримостію, разстился всюду, синѣя безчисленными зигзагами потоковъ, скованныхъ еще стужею. Сюда привезли Головкиныхъ. Передъ ними, въ-перемену съ чернѣвшими изъ-подъ снѣга землянками, торчало нѣсколько жалкихъ хижинъ, окружавшихъ кривобокую, рубленную часовенку и обнесенныхъ незатѣйливымъ валомъ, съ жиденькимъ палисадомъ, и т. д.

Тутъ-то поселилась любимица царя Петра, нѣкогда блистательная княжна-кесаревна Ромодановская, на вѣчное житье съ больнымъ мужемъ.

Ей было уже сорокъ лѣтъ — молодость миновала...

Въ тѣсной избѣ, оконныя стекла которой замѣнялись льдинами, бывшая кесаревна день и ночь ухаживала за страдавшимъ подагрикомъ. Это былъ дѣйствительно геройскій подвигъ русской женщины, и если вѣрить сказаніямъ современниковъ, то женщина эта совершила неслыханное чудо: безъ докторовъ, безъ лекарствъ, одними своими заботами и неустаннымъ присмотромъ, она подняла на ноги больного, такъ что графъ, «неисцѣльно страдавшій въ роскошной обстановкѣ петербургскаго богача-вельможи, сталъ здоровъ, какъ не надо лучше, среди однообразныхъ сибирскихъ снѣговъ и многообразныхъ недостатковъ».

Такъ прожили они въ этой живой и никому невѣдомой могилѣ четырнадцать лѣтъ!...

Какъ на замѣчательный подвигъ женщины указываютъ, что во всѣ четырнадцать лѣтъ этого страшнаго томленія она при мужѣ не позволила ни разу себѣ не только заплакать, но даже пожалѣть о прошломъ величіи.

Изрѣдка только къ нимъ доходили изъ Гааги письма графа Александра Гавриловича Головкина, жившаго тамъ въ качествѣ русскаго посланника, да еще рѣже привозились къ нимъ письма сестры Анны Гавриловны, вдовы Ягужинскаго, вышедшей потомъ за Бестужева-Рюмина.

Но Головкины не дождались перемины въ своей печальной жизни. Самого Головкина не стало. 10-го ноября 1755 года онъ скончался, не имѣя еще и 55 лѣтъ отъ роду.

Графиня осталась одна въ своей далекой тюрьмѣ. «Только тогда — говорить ея жизнеописатель — невинная узница оросила въ первый разъ слезами одръ мужа, предалась горести».

Не желая разстаться съ мужемъ и послѣ смерти, она похоронила его тѣло въ сѣняхъ собственной хижинки своей, въ которой прожила съ покойникомъ четырнадцать лѣтъ, обратила эти сѣни въ молитвенное мѣсто, и тамъ, день и ночь, при свѣтѣ лампы, налитой рыбьимъ жиромъ, постоянно читала псалтирь по покойникѣ. Она одного только желала и высказывала это желаніе своимъ германскимъ приставникамъ, чтобъ ей позволено было лечь рядомъ съ мужемъ, но только у себя на родинѣ, въ далекой Москвѣ.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ довелъ это желаніе графини до свѣдѣнія государыни, и императрица соизволила на перевезеніе тѣла бывшаго графа Головкина изъ Германга въ Москву.

И вотъ для Головкиной опять началась далекая дорога изъ ссылки домой, но только уже везла она съ собою гробъ мужа, давно когда-то ѣхавшаго съ нею въ ссылку по той же дорогѣ.

Наконецъ, она доѣхала до Москвы и похоронила мужа въ георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены были отецъ и дѣдъ ея, князья-кесари Ромодановскіе, почти заправлявшіе всею русскою землею.

Свято и честно исполнивъ до конца высокую обязанность жены—говорить жизнеописатель Головкиной—графиня скромно поселилась на Никитской, въ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертомъ въ отсутствіи почтенной, родовой хозяйки своей. Время ея—миновало. Живая свидѣтельница эпохъ минувшихъ, графиня отдѣлялась отъ той среды, которую нашла теперь въ Москвѣ, цѣлымъ пробѣломъ долгой сибирской ссылки, или, другими словами, ровно на цѣлую эпоху отставала отъ новыхъ своихъ современниковъ и не имѣла, пока, общихъ съ ними интересовъ. Толки о Биронѣ, Остерманѣ, «кабинетѣ», цесаревнѣ, графѣ Линарѣ, прусскомъ союзѣ, какъ будто отдававшіеся еще въ ушахъ графини, давнымъ-давно не занимали никого, были забыты и замѣнились другими—о Разумовскихъ, Шуваловѣ, Бестужевѣ, университетѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, театрѣ и тысячѣ предметахъ, совершенно незнакомыхъ графинѣ. Стало быть въ обществѣ, питавшемся, какъ насущнымъ хлѣбомъ, взаимнымъ и непрерывнымъ истолкованіемъ именно этой тысячи предметовъ, графиня естественно чувствовала себя постороннею, ненужною. Не обижаясь ни тѣмъ, ни другимъ, Екатерина Ивановна благодушно признала себя развалиною и, избравъ себѣ благую часть, стала ежедневно ѣздить въ георгіевскій монастырь—молиться на могилѣ того, кого она любила еще молоденькою и счастливою дѣвочкою.

Но Москва не забыла бывшую цесаревну. Все ѣхало и шло къ ней, и она ласково принимала приходящихъ, охотно рассказывала о своемъ времени, о Петрѣ, о его дѣяніяхъ, о дѣлахъ его преемниковъ, о Биронѣ и о далекой Сибири.

Кончилось и царствованіе Елизаветы Петровны. Бывшая цесаревна, сама уже почти шестидесятилѣтняя старушка, оплакала послѣднюю дочь Петра Перваго.

Умеръ и Петръ Третій «отъ геморoidalныхъ коликъ», какъ говорилось въ манифестѣ. Императрицею стала супруга его, Екатерина Вторая — одна изъ гениальныхъ женщинъ русской земли. А старушка «цесаревна» все жила, переживъ восемь царствованій, одно регентство и одно правленіе.

Екатерина Вторая, цѣня великій подвигъ бывшей «цесаревны», зная о ея ссыльной жизни въ Сибири, о ея прежнемъ величіи, возвратила ей достоинство статсъ-дамы и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ; но всего того, что у нея отнято было самую жизнь, воротить уже никто не могъ.

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Головкиной заканчиваетъ ея жизнеописаніе слѣдующими сочувственными словами, которыми и мы позволяемъ себѣ закончить нашъ бѣглый очеркъ этой, одной изъ лучшихъ, историческихъ русскихъ женскихъ личностей:

Посвящая все время молитвѣ, благотвореніямъ и отчизнолюбію, тридцать-пять лѣтъ прожила въ Москвѣ Екатерина Ивановна, со дня возвращенія изъ Сибири, и очень, очень состарѣлась. Изъ близкихъ родныхъ графини не было уже никого на свѣтѣ; всѣ, безъ исключенія, сверстники давно лежали въ могилахъ. Минуло двадцать-пять лѣтъ одному тому, какъ, принося графинѣ чистосердечное раскаяніе, умеръ гонитель мужа ея, князь Трубецкой. Болѣе двадцати-пяти лѣтъ прошло и съ той поры, какъ она, слишкомъ шестидесятилѣтнею старухою, привѣтствовала коронованіе императрицы, отпраздновавшей уже двадцатипятилѣтній юбилей своего царствованія. Много перехоронила графиня и такихъ старцевъ, которые родились послѣ ея замужества. Сама Екатерина Ивановна легла на смертный одръ почти девяносто лѣтъ отъ роду; сокрушалась, передъ кончиною, что не будетъ погребена подлѣ своего супруга (указомъ 1771 года за-

прещено хоронить тѣла въ чертѣ города), и, 29-го мая 1791 года, переселилась въ лучший міръ, оставивъ по себѣ въ этомъ славную, безукоризненную память... Московскіе бѣдники потеряли въ графинѣ Головкиной первѣйшую благодѣтельницу и кормилицу, а русская исторія—пріобрѣла еще одну свѣтлую личность.

Такъ говорить ея біографъ, тоже недавно умершій отъ бѣдности.

Дальше мы увидимъ, что русская земля не была бѣдна женщинами, имена которыхъ съ уваженіемъ должна произносить каждая современная и будущая русская женщина.

Если Головкина ничего другого не сдѣлала для своей страны—такъ то было другое время.

XII.

Княжна Марья Александровна Меншикова.

(Первая невеста Петра II-го).

Древняя Русь — Русь варяжская, удѣльная, монгольская и московская оставила намъ свидѣтельства о томъ, какъ правившіе ея судьбами великіе и иные князья рюриковичи, мономаховичи и всѣ представители раздробившихся княжескихъ родовъ, превратившіеся потомъ въ московскихъ и всея Великія и Малыя Россіи царей, сватались и женились: одинъ бралъ себѣ жену изъ своихъ же князей рюриковичей и мономаховичей, другой гречанку, третій чехиню, шведку, варяжку, болгарыню; женились великіе князья и на иноземныхъ княжнахъ, королевнахъ и принцессахъ; брали себѣ въ жены и царевнѣ татарокъ, княженѣ черкешенокъ; дошла затѣмъ очередь и до боярышень, выбиравшихся въ царскія невесты изъ сотенъ и тысячъ боярскихъ и купеческихъ дочерей, которымъ дѣлались «смотрины» и изъ которыхъ выбирались самыя красивыя, тѣльныя и дородныя въ царскія невесты, брались ко двору, именовались до вѣнца царевнами, а иногда, если оказывались больны, попадали въ Сибирь: такъ явились на страницахъ русской исторіи царскія невесты—Сабуровы, Глинскія, Кошкины-Захарыны, Колтовскія, Долгорукія, Васильчиковы, Собакины, Нагія, Годуновы,

Салтыковы, Хлоповы, Милославскія, Нарышкины, Грушецкія, Апраксины, Лопухины, Скавронскія—это уже переходъ къ женщинамъ новой Руси.

Новая Русь, повернувшись лицомъ отъ востока къ западу, тамъ уже начала высматривать невѣсть для молодыхъ царей и царевичей; но старая Русь все еще проглядывала подъ полувосточной фizioноміей и подъ взятыми на прокатъ съ запада внѣшними формами Руси новой, и едва происходило какое-либо замѣшательство, какъ старая и новая боярщина, превратившаяся въ князей и графовъ, силилась если не сама сѣсть на царскій тронъ, то посадить рядомъ съ царемъ своихъ дочекъ княженъ, своихъ сестеръ, внучекъ и племянницъ.

Но поворотъ къ старому былъ уже невозможенъ—исторія не повторяется: тѣ народы, которые, по мѣткому выраженію русскаго народа, твердятъ задъ—исторически безнадежны; а русское племя не принадлежитъ къ безнадежнымъ.

Такая неудачная попытка—посадить на престолъ рядомъ съ царемъ и подъ царскою порфирою княженъ и боярышень—сдѣлана была и во время послѣдовавшихъ за смертью Петра Великаго замѣшательствъ.

Попытка эта принадлежитъ князьямъ Меншиковымъ и Долгорукимъ.

Меншиковъ надѣялся, что царскій тронъ раздѣлитъ старшая дочь его Марья—и этимъ погубилъ и себя и дѣвушку.

Долгорукіе тоже надѣялись посадить рядомъ съ царемъ свою сестру Екатерину—и тоже погубили и себя и свою красавицу сестру.

Вотъ печальная исторія гибели этихъ двухъ несчастныхъ дѣвушекъ—царскихъ невѣсть.

Марья Меншикова родилась 26-го декабря 1711 года, въ то время, когда отецъ ея, бывшій царскій любимецъ преображен-

скій сержантъ «Алексашка», потомъ «Данилычъ», затѣмъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ въ полной силѣ своего могущества и славы, объ-руку съ царемъ самовластно заправлялъ судьбами преобразовывавшейся Руси, блисталъ славой побѣдителя шведовъ подъ Полтавою и въ иныхъ битвахъ, когда выведенная имъ изъ шведскаго плѣна и пріютившаяся у него красивая дѣвушка Марта Савронская всецѣло овладѣвала привязанностью царя, когда, наконецъ, вся Россія знала только царя Петра да Меншикова.

Рожденіе Марьи—это было почти тоже, что рожденіе царскаго ребенка: крошечную княжну ждало могущество, слава, блескъ придворной жизни.

Какъ всѣ женщины и дѣвушки реформировавшейся Руси, княжна Марья должна была учиться, и она училась всему, чему только могли тогда учить вельможную дѣвушку, особенно когда образованіемъ ея могъ интересоваться самъ Петръ, стоявшій за обязательное обученіе, когда тутъ-же рядомъ стоялъ и отецъ, давно требовавшій, чтобъ и мать новорожденной княжны, когда еще была дѣвушкой «училась непрестанно русскому и нѣмецкому ученью», когда за этимъ ученьемъ должна была наблюдать и мать княжны, Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева, и умная тетка, бойкая, хотя безобразная «бой-дѣвка», какъ ее называлъ Петръ, тетка Варвара Михайловна, тоже Арсеньева.

И дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ, дѣвочка получила рѣдкое—опять-таки прибавимъ—по тому времени образованіе: она знала нѣсколько языковъ, получила хорошее музыкальное образованіе, прекрасно и граціозно танцевала, потому что у нихъ въ домѣ, у вельможнаго отца, былъ свой искусный танцмейстеръ—и вообще вся обстановка этой, справедливо можно сказать, новой русской дѣвушки представляла такой поразительный

контрастъ съ тою обстановкою, въ которой воспитывались прежнія царскія невѣсты, какъ, напримѣръ, Хлопова, потому только потерявшая корону, что, взятая ко двору и совсѣмъ невоспитанная деревенская боярышня, она слишкомъ набросилась во дворцѣ на сладкія кушанья, много кушала тогдашнихъ грубыхъ сластей, разстроила себѣ желудокъ, захворала и, заподозрѣнная въ «порчѣ», попала въ Сибирь, или дочь Рафа Всеволожскаго, потерявшая корону потому, что, не будучи воспитана, отъ радости, узнавъ что на нее палъ выборъ царя, упала въ обморокъ, тоже заподозрѣна была въ «порчѣ» и тоже сослана была въ Сибирь подобно бѣдненькой Хлоповой, любительницѣ сладкаго.

Оставшіеся отъ того времени портреты изображаютъ княжну Меншикову такою милою, привлекательною дѣвушкою. На лицѣ ея уже лежитъ печать новаго строя жизни, новыхъ потребностей: нѣтъ этой вялости, заспанности въ чертахъ, въ лицевыхъ мускулахъ, въ выраженіи и блескѣ глазъ, какая видится на хорошенъкихъ, но слишкомъ неподвижныхъ личинахъ женщинъ старѣй, совершенно-набожной, теремной Руси. Большіе черные глаза дѣвушки смотрятъ и привѣтливо, и кротно, и болѣе выразительно, чѣмъ глаза давно когда-то жившихъ бабушекъ и прабабушекъ, Натальи Кириловны, Софьи Алексѣевны, Марьи Ильичны Милославской и иныхъ.

Маленькая дѣвочка питала въ гордомъ отцѣ большія, даже слишкомъ дерзкія надежды.

Сначала, когда ей не было еще десяти лѣтъ, могущественный Меншиковъ искалъ ей жениха между могущественными же, но не коронованными особами—онъ еще не заглядывалъ въ слишкомъ темную даль:—уже послѣ, онъ заглянулъ въ нее и не рассмотрѣлъ тамъ своей и дочерниной страшной судьбы.

Не мало было и искателей руки вельможной дѣвушки: вся русская знать гордилась бы родствомъ съ «парскимъ двойникомъ», какиѣ былъ Меншиковъ; всѣ юные птенцы Петра Великаго сочли бы за особенную честь и счастье повести къ вѣнцу свѣтлѣйшую невѣсту.

Но ненасытный Меншиковъ загадывалъ дальше—онъ искалъ партіи для своей дочери на-сторонѣ, въ родственной, тогда еще самостоятельной, блистательной Польшѣ, гдѣ всякій дворянинъ не терялъ надежды видѣть корону Ягеллоновъ на своей головѣ.

Такого жениха своей княжнѣ нашелъ Меншиковъ въ старинномъ польскомъ родѣ, въ семьѣ графа Сапѣги, того Сапѣги, предка котораго еще царь Иванъ Васильевичъ, «собиратель русской земли», называлъ «Ивашкою Сопѣгою»: сынъ новаго Сапѣги, старосты бобруйскаго, графъ Петръ Сапѣга, сынъ богача, сынъ возможнаго и вѣроятнаго претендента на польскій престолъ и самъ такой же возможный и вѣроятный претендентъ на корону Пяста или Ягеллона—получилъ право именоваться женихомъ молоденькой княжны Марьи Меншиковой. Кто знаетъ—польская корона могла пасть и на голову Сапѣги и на его будущую жену—отчего было не думать такъ Меншикову?

Молодой, знатный женихъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ домѣ будущаго своего тестя, въ богатомъ дворцѣ Меншикова. Но невѣста была еще такъ молода—это былъ еще совершенный ребенокъ: оставалось долго ждать до вѣнца, пока дѣвочка разовьется, изъ ребенка превратится въ женщину, возмужаетъ.

Изъ уваженія къ отцу дѣвочки молодой Сапѣга снялъ съ себя красивый польскій костюмъ и облачился въ русскій, алый бархатный кафтанъ на зеленой подкладкѣ; надѣлъ зеленые чулки, какіе въ то время были въ модѣ: зеленый цвѣтъ тогда былъ уважаемъ

въ костюмѣ—Петра почти вездѣ видимъ въ зеленомъ кафтанѣ, и подъ Полтавой, въ зеленомъ мундирѣ, который мы видѣли на выставкѣ древностей г. Прохорова, и подъ Нарвой, и на Прутѣ.

Въ этомъ зеленомъ костюмѣ жениху княжны Марьи хорошо танцовалось. Время шло весело: каждый день молодой польскій вельможа водилъ свою хорошенькую невѣсту подъ звуки полонезовъ, англезовъ, экосесовъ, развлекалъ, забавлялъ ее разными играми, какъ свидѣтельствуеть о томъ Берхгольцъ.

Молодые люди сблизились между собой, привыкли другъ къ другу, наконецъ—полюбились одинъ другому.

Все общало имъ счастливую, веселую, блестящую жизнь, улаждаемую богатствомъ и могуществомъ:—отецъ назначалъ за княжной въ приданое 700,000 злотыхъ. У самого жениха было много маестностей, хлоповъ, «быдла», замковъ, «злота».

Умеръ Петръ. Меншиковъ сталъ еще самовластнѣе—императрица Екатерина Алексѣевна, бывшая воспитанница Меншикова, благодѣтельствованная имъ, выданная замужъ за царя, возведенная потомъ имъ же на престолъ—фактически уступила всю свою императорскую власть благодѣтелю своему, свѣтлѣйшему князю Меншикову, этому дѣйствительно рѣдкому «баловню счастья».

Когда дѣвочкѣ дочери его исполнилось пятнадцать лѣтъ, молодого графа Сапѣгу, жениха ея, императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала званіемъ дѣйствительнаго камергера.

Это было въ 1726 году.

А 12-го марта этого года, знаменитый Феофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, въ присутствіи императрицы, всей царской фамиліи, иностранныхъ министровъ и всего генералитета обручилъ вельможныхъ жениха и невѣсту. Они размѣнялись драгоценными перстнями—эти перстни подарила имъ сама императрица. Осыпая обрученныхъ милостями, государыня пожаловала не-

вѣстѣ, сверхъ того, сто тысячъ рублей и значительное число маетностей—деревней съ крестьянами и угодьями.

Слѣдовалъ торжественный обѣдъ, балъ, иллюминація. Богатый дворецъ Меншикова украшенъ былъ гербами графовъ Сапѣгъ и князя Меншикова. Ночь блистала огнями роскошной иллюминаціи. Тосты за здравіе императрицы, обрученныхъ, родныхъ ихъ и иныхъ знатныхъ особъ пились поцарски—при запахахъ пушекъ. Пиръ шелъ долго, весело.

Послѣ обрученія, милости императрицы еще болѣе усилились—все дѣлалось на нихъ какимъ-то волшебствомъ.

15-го октября Сапѣга получилъ орденъ Александра Невского.

31-го марта 1727 года Сапѣга и обѣ дочери Меншикова, Марья и Александра, пожалованы портретами императрицы, усыпанными брилльянтами, для ношенія на андреевскихъ лентахъ.

Но Меншиковъ задумалъ другое, рискованное дѣло: титулъ тестя вельможнаго польскаго пана графа Сапѣги казался для него ничтожнымъ, корона Пястовъ и Бривоустовъ могла попасть на голову его дочери, могла и не попасть. А ему хотѣлось видѣть эту головку въ коронѣ, и онъ измѣнилъ свое рѣшеніе въ отношеніи выдачи дочери за Сапѣгу.

Если его бывшая воспитанница, Марта Скавронекая, изъ скромной роли служанки пастора Глюка достигла до величія царской супруги и до императорскаго вѣнца, то отчего бы родной дочери его не сидѣть на столѣ Мономаха, на столѣ Невскаго, Петра Великаго и Екатерины?

Меншиковъ, отуманенный самовластіемъ, задумалъ выдать дочь свою за наследника престола, за сына покойнаго царевича Алексѣя Петровича, которому гибель онъ же самъ отчасти подготовилъ,—за великаго князя Петра Алексѣевича!

Но противники Меншикова, которыхъ было не мало, вели уже противъ него тайную войну: они совѣтывали императрицѣ назначить наследникомъ престола не Петра II-го, загнаннаго въ то время ребенка, которому даже герцогъ голштинскій Фридрихъ-Карлъ, мужъ великой княжны Анны Петровны, и даже генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ не стѣснялись оказывать высокоуваженіе и обидное невниманіе, — а передать престолъ именно этой Аннѣ Петровнѣ голштинской; планъ этотъ не чуждъ былъ повидимому и личнымъ цѣлямъ императрицы, для которой дочь и притомъ любимая дочь не только ея, но и покойнаго великаго царя Петра, была конечно ближе и дороже сына царевича Алексѣя.

Но Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову и какъ дочь расположенная къ нему, молчала — не выдавала своей материнской тайны, хотя, между тѣмъ, все дѣлала повидимому къ тому, чтобы дочь Меншикова вышла замужъ за внука.

Но императрица скоро занемогла.

Главы правленія — Меншиковъ, графъ Головкинъ, баронъ Остерманъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ — сочинили для императрицы духовное завѣщаніе.

Замѣчательно, что въ одномъ изъ пунктовъ этого завѣщанія положительно было выражено: «цесаревнамъ и администраціи вѣдается въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго князя съ княжною Меншиковою».

Всѣ, кто осмѣлился подать голосъ или высказать явное или тайное несогласіе съ этимъ рискованнымъ для Меншикова пунктомъ завѣщанія, санктированнаго волею умирающей императрицы, были биты внутомъ и разосланы въ ссылку.

Всесильный Меншиковъ еще выросъ: — это уже былъ гигантъ, распорядившійся царствомъ, шапкою и барнами Мономаха, не смотря на доказанную исторію тяжесть этой шапки.

Но вотъ императрица умираетъ.

Императоромъ провозглашается маленькій царевичъ Петръ Алексѣвичъ, подъ именемъ Петра II-го,—тотъ самый мальчикъ, къ которому такъ безцеремонно относились не только голштинскій герцогъ, но и петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. Императору нѣтъ еще и двѣнадцати лѣтъ.

Когда Меншиковъ объявилъ дочери о томъ, что она должна быть невѣстою не Сапѣги, а молодого императора, дѣвушка, говорятъ, упала въ обморокъ. Она уже привязалась къ Сапѣгѣ, любила его. Тяжелая шапка и бармы Мономаха не прельщали ее—ее манила иная жизнь.

Дѣвушка горько потомъ плакала о такой глубокой перемѣнѣ въ своей участи. Она молила отца пощадить ее, не мѣнять ея вѣрнаго счастья на невѣрное, можетъ быть страшное будущее, словно она предвидѣла, что будущее это дѣйствительно явится страшнымъ и грознымъ.

Съ тоски она захворала. Но все напрасно: Меншиковъ уже обѣими руками держался за тронъ, за корону, за скипетръ.

Обиженный старикъ Сапѣга женилъ сына на графинѣ Софѣѣ Карловнѣ Скавронской, и тѣмъ отвелъ сына отъ топора, который уже висѣлъ надъ головами Меншиковыхъ, но еще никому не былъ видимъ.

Мѣсто Сапѣги въ домѣ Меншикова занялъ юный императоръ: Меншиковъ взялъ его въ свой дворецъ, находившійся на Васильевскомъ острову, и заботился о воспитаніи царственнаго ребенка сообразно своимъ планамъ, приучалъ его къ своему семейству, дѣлалъ его какъ-бы членомъ своей семьи, послушнымъ сыномъ.

Сила Меншикова выросла до неумѣренныхъ размѣровъ—и сама рухнула подъ собственною своею тяжестью.

Меншиковъ повторилъ собою народную сказку о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о калѣкахъ переходящихъ: когда калѣки заставили Илью выпить одинъ ковшъ браги, недвижимый Илюша; сидѣвшій сиднемъ сидячимъ ровно тридцать лѣтъ и три года, всталъ на ноги; когда онъ выпилъ другой ковшъ, то почувствовалъ, что землю перевернуть въ силахъ, было бы лишь за что ухватиться и обо что опереться; но когда выпилъ роковой, третій ковшъ—силы его поубавилось какъ-бы на половину.

Меншикову судьба подносила этотъ третій роковой ковшъ, а онъ отъ жадности выпилъ и четвертый.

12-го мая 1727 года Меншиковъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а 25-го мая, въ присутствіи всего двора, въ присутствіи всего что трепетало временщика и втайнѣ искало его гибели, совершено обрученіе царственнаго жениха и невѣсты.

У княжны Меншиковой, какъ уже оглашенной невѣсты императора, придворные цѣлуютъ руку послѣ цѣлованія руки у императора.

Говорятъ, маленькій императоръ горько плакалъ, узнавъ, что его хотятъ женить: онъ на колѣняхъ просилъ свою старшую и любимую сестру Наталью Алексѣевну не женить его. Ребенокъ общалъ ей даже подарить самую дорогую для него вещь—карманные часы, лишь бы его спасли отъ женитьбы!

Но поворотъ повидимому былъ невозможенъ—маленькому императору не позволяли имѣть своей воли.

Сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы въ церквахъ всей российской имперіи, во время церковной службы, на ектеніяхъ молились, вмѣстѣ съ молитвою за здравіе государя императора—за здравіе «благочестивѣйшей государыни великой княжны Маріи Александровны!» Молоденькая невѣста получила титулъ «ея высочества». У нея теперь свой придворный, императорскій штатъ:

гофмаршаломъ назначенъ былъ родной дядя ея Василий Михайловичъ Арсеньевъ. У нея были теперь два камергера, четыре камеръ-юнкера, оберъ-гофмейстерины, гофмейстерины, штатсъ-фрейлины, гофъ-фрейлины, камеръ-пажъ Кошелевъ, пажи, прислуга. На дворъ «ея высочества» ассигнована особая сумма изъ государственной казны въ размѣръ тридцати четырехъ тысячъ рублей.

Меншиковъ отъ имени императора сыпалъ на себя милости полною горстью: 27-го іюня, дочери своей, императорской невѣстѣ, ея сестрѣ Александрѣ, теткѣ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой пожаловалъ орденъ св. Екатерины. Своего молоденькаго сына украсилъ андреевской лентой. Но этому новому кавалеру ордена Андрея Первозваннаго не было еще и пятнадцати лѣтъ!

Мало того—все сдѣлано повидимому и для будущаго, которое было, казалось, въ крѣпкой рукѣ Меншикова и не могло изъ нея выскользнуть. На предстоящій 1728 годъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ въ издававшійся тогда календарь внесены были, въ числѣ членовъ императорской фамиліи, имена—его собственное, его жены, обѣихъ дочерей, сына, съ обозначеніемъ лѣтъ, чиселъ и мѣсяцевъ рожденія и тезоименитствъ каждой особы.

Но 1728 годъ еще далеко. Только сентябрь начинается, а въ четыре мѣсяца до новаго года можно доѣхать до Сибири, до Тобольска, даже пожалуй до Камчатки, если скоро ѣхать.

И вотъ, дѣйствительно, судьба, болѣе сильная чѣмъ Меншиковъ, сама распорядилась насчетъ новаго 1728 года и насчетъ будущаго этихъ всесильныхъ людей.

6-го сентября 1727 года все великое зданіе, такъ прочно повидимому сколоченное ученикомъ и товарищемъ «Петра-плотника», любимымъ его подмастерьемъ «Данилычемъ» — разомъ рухнуло.

Меншикова постигла неожиданная имъ царская опала.

Другая сила—сила князей Долгоруковых—вытѣснила собою могущество Меншикова и сѣла на его насиженномъ мѣстѣ.

Вся семья Меншикова шла въ ссылку.

Относительно несчастной дѣвушки, подневольной невѣсты юнаго императора, немедленно сдѣлано было распоряженіе, «чтобы впредь обрученной невѣсты, при отправленіи службы божіа, не упоминать и о томъ во все государство отправить указы изъ святѣйшаго правительствующаго синода».

Мѣстомъ ссылки для вельможныхъ опальныхъ назначенъ былъ маленькій городокъ Рязанской губерніи, Раненбургъ.

11-го сентября состоялся выѣздъ изъ Петербурга изгнанниковъ. Выѣздъ былъ повидимому не ссылкой семьи, а самовластно удалявшагося отъ престола царя—такъ велико еще было матеріальное благосостояніе этого искуснаго подмастерья Великаго Петра.

Ссылный кортежъ Меншикова вмѣщалъ въ себѣ почти цѣлый царскій дворъ: этотъ подвижной дворъ или ханскій таборъ заключалъ: пять берлиновъ, шестнадцать колясокъ, четырнадцать фургоновъ и колымажекъ, сто двадцать семь человекъ прислуги, одного маршала, одного берейтора, двухъ мундшенковъ, пятерыхъ подъячихъ, двоихъ пѣвчихъ, восемь пажей, двоихъ карловъ, шестнадцать лаковъ, шестерыхъ гайдуковъ, двоихъ истопниковъ, двѣнадцать поваровъ, двадцать пять конюховъ, одного кузнеца, двоихъ шорниковъ, пятнадцать драгунъ, одного сапожника, троихъ портныхъ, пятерыхъ приказчиковъ, двадцать гребцовъ...

При княжнѣ Маріѣ оставалась еще частица ея бывшаго двора—гофмейстеръ Арсеньевъ, пажъ Арсеньевъ же и четыре конюха.

Но уже въ Клину, не доѣзжая до Москвы, ссылный кортежъ былъ остановленъ присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ, и у молоденькихъ княженъ, а равно у сына Меншикова отобранны были пожалованные имъ ордена.

Мало того, у царской невѣсты присланнымъ отъ двора Шустернымъ взятъ былъ обручальный перстень императора, а ей возвращено отъ жениха-государя ея обручальное кольцо, пожалованное покойною императрицею и стоившее двадцать тысячъ рублей.

На царской невѣстѣ не оставалось, такимъ образомъ, и тѣни ея царственнаго званія.

Это было 14-го октября—такъ медленно двигалась громоздкая процессія ссыльныхъ.

Ссылный таборъ проѣхалъ Москву, гдѣ когда-то, двадцать девять лѣтъ назадъ, преображенскій сержантъ «Алексашка Меншиковъ» въ воскресенскомъ селѣ собственноручно обезглавилъ двадцать стрѣльцовъ-бунтовщиковъ и одного изъ нихъ, по приказанію разгнѣваннаго царя, застрѣлилъ изъ фузеи.

Безъ сомнѣнія, многое вспомнилось Меншикову при проѣздѣ теперь черезъ Москву; но онъ этого не сказалъ своимъ дѣтямъ.

3-го ноября ссыльные добрались наконецъ до своего тихаго пристанища, до жалкаго Раненбурга.

У Меншикова тамъ свой домъ въ крѣпости. Онъ и его семья живутъ свободно. Но только на ночь крѣпость съ ссыльными запирается, а кругомъ укрѣпленія дозоромъ ходитъ особая стража.

За ссыльными наблюдаетъ особый офицеръ, капитанъ преображенскаго полка Пырскій.

Наступилъ и 1728 годъ, насчетъ котораго Меншиковъ сдѣлалъ было еще недавно такія блистательныя распоряженія и увѣренъ былъ, что внесетъ свое семейство въ именной царскій календарь.

Но люди, столкнувшіе его съ высоты, не дремали—Меншиковъ вѣдь и въ своемъ изгнаніи былъ и казался страшною силою.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ на него доносовъ, 5-го генваря дозорная стража была усилена надъ ссыльными; князя и княгиню велѣно отдѣлить въ особую комнату, въ спальную, и тамъ держать

ихъ запертыми какъ въ казематѣ. Вняженъ отдѣлить отъ отца и матери въ другую комнату.

Дѣйствительно, реальная ссылка только что начиналась.

Но давленіе этой гнетущей силы не остановилось на полдорогѣ: тяготѣніе влекло катившійся по наклонной плоскости шаръ все далѣе, ниже, глубже.

8-го апрѣля послѣдовало распоряженіе о ссылкѣ всего рода Меншикова въ Сибирь, въ Березовѣ.—Вотъ это настоящая русская ссылка.

У Меншикова теперь отобрали всѣ его обширныя имѣнія, неслетныя богатства: болѣе ста тысячъ душъ крестьянъ, семнадцать домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, двѣсти лавокъ въ Москвѣ, девять милліоновъ рублей банковыхъ билетовъ лондонскаго и амстердамскаго банковъ и въ другихъ денежныхъ актахъ, четыре милліона наличными деньгами, множество брильянтовъ и разныхъ драгоценностей, больше милліона сорока пяти фунтовъ золота въ слиткахъ и шестьдесятъ фунтовъ въ утвари и посудѣ, множество серебряныхъ вещей—все это отобрано, конфисковано.

И вотъ 16-го апрѣля ссылныхъ вывезли изъ Раненбурга. Это было во вторникъ страстной недѣли.

Впереди, въ рогожной кибиткѣ, выѣхали князь и княгиня. Сзади, въ двухъ телегахъ ѣхали княжны и сынъ.

Страшный контрастъ съ тѣмъ, что было еще такъ недавно...

Но не успѣли опальные проѣхать и восьми верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, наблюдавшій за ссылными въ Раненбургѣ и показывавшій уже имъ свою тяжелую руку, нагналъ ихъ съ военною командою и всею княжескою дворнею. Мельгуновъ приказалъ ссылнымъ выйти изъ повозокъ, а солдатамъ и дворнѣ — выбрасывать на дорогу пожитки несчастныхъ.

Этотъ внезапный осмотръ былъ предписанъ Мельгунову верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который приказалъ провѣрить, не увезли ли ссыльные съ собою чего-либо лишняго, не показаннаго въ описи, составленной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Плещеевымъ.

Мельгуновъ, съ свойственною ему грубостью и жестокостью, ревностно исполнилъ порученіе верховнаго тайнаго совѣта. У старика Меншикова оказались лишними противъ описи какіе-то пу-
стыки—теплое, дорожное платье—и это отобрали, не оставили даже одежды на дальнюю дорогу.

Юноша, князь Александръ, набралъ было съ собою много запаснаго платья, колпаковъ, чулокъ и разныхъ мелкихъ вещицъ—мѣдныхъ инженерныхъ инструментовъ для занятій, зеркальце, три гребня, три жестянки съ табакомъ... Это былъ еще ребенокъ. И у ребенка все взяли—даже сбереженный имъ мѣшечекъ съ полушками на два рубля!

А молоденькія княжны, собираясь въ далекій путь, запаслись было бѣдненькія нѣкоторыми домашними принадлежностями для туалета и для работъ—теплыми епанечками, шапочками, юпочками и чулочками; для своихъ женскихъ работъ уложили въ сундучокъ—шелку, лентъ, коробочку съ нитками, лоскутки разныхъ матерій, позументу... все это, и ленточки, и шелкъ, и ниточки, и кофточки, и юпочки, и епанечки, и шапочки—все отнялъ Мельгуновъ.

На царской невѣстѣ, на княжнѣ Марьѣ оставили только: тафтяную зеленую юпку, штофный черный кафтанъ и бѣлый корсетъ; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ; на зимнее время—зеленую тафтяную шубку—такого цвѣта, какой носилъ ея первый женихъ, графъ Сапѣга.

На княжнѣ Александрѣ оставили: зеленую тафтяную юпку, бѣлый штофный подшляфрокъ и зеленую же тафтяную шубку; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ.

Изъ домашней посуды (которою въ ссылкѣ завѣдывала бывшая царская невѣста Марья) отпустили ссыльнымъ: двѣ лопатки, котелъ съ крышкою и три кастрюли мѣдныхъ, двѣнадцать блюдеъ и двѣнадцать тарелокъ оловянныхъ и три тренога желѣзныхъ. Ни ножа, ни вилки, ни ложки не дали.

А дорога была еще долгая— могла и зимы захватить.

Мать ихъ, когда-то еще при Петрѣ Великомъ лихая наѣздница, красивая амазонка, разъѣзжавшая вмѣстѣ съ войсками царя и мужа въ войнѣ съ шведами, теперь постарѣвшая, не вынесла дороги и горя. Не доѣзжая до Казани, она умерла въ селѣ Услонѣ, на Волгѣ, въ виду города.

Въ Услонѣ найдена была въ послѣднее время уцѣлѣвшая могильная плита, напоминающая эту когда-то почти всесильную женщину. На плитѣ сохранилась часть надписи—это надгробная эпитафія: «здѣсь погребено тѣло рабы божіей Д....»—и только—все остальное стерло время, дожди и солнце... Уцѣлѣла одна начальная буква имени—и больше ничего. Теперь, можетъ быть, ужъ и буква *Д* стерлась.

Крапива и полынь проросли вокругъ, на могалѣ, и покрываютъ самый камень, подъ которымъ лежатъ кости княгини Меншиковой. Вокругъ разведенъ огородъ или садикъ, принадлежавшій сельскому дьячку.

Когда везли Меншиковыхъ, то по дорогѣ вездѣ народъ сходился толпами глядѣть на нихъ—царскую невѣсту везли.

Въ Тобольскѣ, одинъ изъ сосланныхъ туда когда-то княземъ Меншиковымъ бросалъ комъ грязи въ княженъ. Старикъ заплакалъ.

— Боже мой! въ меня бросай, а не въ этихъ несчастныхъ дѣтей, которыя ни въ чемъ передъ тобой не виноваты, говорилъ старикъ.

Дологъ былъ ихъ путь до Березова. Наконецъ доѣхали. Тогда это былъ еще болѣе дикій, пустынный, болѣе страшный городъ чѣмъ теперь. Петербургъ оставался за четыре тысячи верстъ назадъ.

Сначала Меншиковыхъ заключили тамъ въ острогъ, а послѣ они перебрались въ особый домъ, построенный самимъ Меншиковымъ при помощи работниковъ на берегу Сосвы. Домикъ этотъ заключалъ въ себѣ часовню и четыре комнаты: въ одной изъ нихъ помѣстились княжны, въ другой князь съ сыномъ, въ третьей—прислуга; четвертая отведена была подъ кладовую. Бывшая царевна завѣдывала кухней, а младшая сестра ея, княжна Александра—бѣльею.

Однообразна, томительна была жизнь этихъ знаменитыхъ арестантовъ, такая жизнь, которой нельзя вообразить—надо ее вынести, чтобъ понять всю ея страшную убійственность.

Въ долгіе зимніе вечера дѣти читали Меншикову священные книги, а онъ имъ рассказывалъ свое прошлое, которое дѣти и записывали, на память и въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Но къ сожалѣнію, рукопись, содержавшая этотъ рассказъ—пропала.

Не долгожъ, однако, пришлось ссыльнымъ томиться въ изгнаніи.

Старикъ Меншиковъ умеръ 12-го ноября 1729 года—только пятидесяти шести лѣтъ отъ роду.

За нимъ скоро послѣдовала и старшая дочь, бывшая царская невѣста: княжна Марья умерла 26-го декабря 1729 года—съ небольшимъ черезъ мѣсяць послѣ отца.

Умерла она ровно въ день своего рожденія—въ этотъ день ей исполнилось только восемнадцать лѣтъ!

Такъ вообще мало живетъ второе поколѣніе женщинъ XVIII вѣка: великая княжна Анна Петровна, герцогиня голштинская,

скончалась двадцати лѣтъ; княжна Меншикова—восемнадцати; другія женщины—отходили все почти въ такомъ же возрастѣ, кромѣ немногихъ: видно, что трудно было слабой, нѣжной и впечатлительной женской природѣ переживать то переходное, тяжелое время, когда старая Русь такъ сказать не на животъ, а на смерть билась съ Русью новой, не окрѣпшей, не подготовленной къ борьбѣ.

За десять дней до смерти княжны Меншиковой, бывший ея женихъ, юный императоръ Петръ II, менѣе всѣхъ виновный въ горькой участи Меншиковыхъ, вспомнилъ о своей развѣнчанной невѣстѣ и отдалъ верховному тайному совѣту приказъ—освободить изъ ссылки ее и остальныхъ дѣтей Меншикова, дозволивъ имъ жить въ деревнѣ, для чего и дать княжнамъ на прокормленье сто крестьянскихъ дворовъ въ Нижегородской губерніи, а брата ихъ записать въ полкъ.

Но милость императора уже не застала въ живыхъ его несчастную невѣсту.

Впослѣдствіи уже сдѣлались извѣстными слѣдующія обстоятельства жизни бывшей невѣсты Петра II.

Еще въ 1728 году, вслѣдъ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ князь Федоръ Долгорукій, сынъ знаменитаго Василя Лукича Долгорукаго.

Молодой Долгорукій давно любилъ Марью Меншикову и, узнавъ о ея ссылкѣ, взялъ заграничный паспортъ и подъ чужимъ именемъ пробрался въ Сибирь. Тамъ они тайно повѣнчаны были старымъ березовскимъ священникомъ, которому за это подаренъ былъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ потомствѣ священника.

Рассказываютъ, что лѣтомъ березовскіе жители часто видѣли молодыхъ—князя Федора Долгорукаго и бывшую царскую невѣсту—гулявшихъ вмѣстѣ. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ съ

окладною изъ серебра, или изъ серебряной блонды. Это безъ сомнѣнія подарокъ богатаго жениха.

Но черезъ годъ молодая женщина скончалась отъ родовъ—двойней. Съ этими дѣтьми ее и похоронили въ одномъ гробу.

Обстоятельство это раскрыто было совершенно случайно, уже въ нынѣшнемъ столѣтїи, почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти царской невѣсты.

Въ 1825 году, 30-го іюля, въ Березовѣ искали могилу знаменитаго временщика и любимца Петра Великаго—и вотъ что нашли, по мѣстнымъ извѣстіямъ:

Сначала докопались до двухъ младенческихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ гробочки, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды, изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробики младенцевъ, съ крестомъ, изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Когда сняли крышку, то увидѣли, что въ гробу, съ обонхъ концовъ, не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ—женщина—лежалъ покрытымъ зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ мертвеца, то, нетревожа его, разрѣзали атласъ по срединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій; лицо бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матерїи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; плафронъ изъ шелковой матерїи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки, безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу суживающимися; передъ остроносовые изъ шелковой махровой матерїи. Могилка оставалась цѣлый день открытою, и лицо покойника совершенно почернѣло.

Это была княжна Марья Александровна Меншикова, впоследствии княгиня Долгорукая.

До сихъ поръ въ Березовѣ, въ бывшей спасской церкви, нынѣ воскресенскій соборъ, находятся двѣ парчевыя священническія ризы съ звѣздами св. Андрея Первозваннаго на наплечьяхъ, шитыя дочерьми князя Меншикова, и золотой медальонъ изящной работы, внутри котораго находится свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ: медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Федора Долгорукаго.

Свѣтлорусые волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Меншиковой, первой не-вѣстѣ императора Петра II-го.

ХІІІ.

Графиня Екатерина Алексѣевна Брюсъ, урожденная княжна Долгорукая.

(Вторая невѣста Петра ІІ-го).

Вторая невѣста императора Петра ІІ-го была такъ же несчастлива, какъ и первая, княжна Марья Александровна Меншикова, съ судьбою которой мы познакомились въ предыдущемъ очеркѣ.

Да Долгорукимъ и вообще не посчастливилось родство съ государями земли русской.

Такъ изъ исторіи женщинъ древней Руси намъ уже извѣстно, что одна изъ Долгорукихъ была пятою — если историки не ошибаются — очень несчастною супругою царя Ивана Васильевича Грознаго.

Грозный женился на Марьѣ Долгорукой 11-го ноября 1573 года, а на второй день послѣ брака, какъ намъ извѣстно, жизнь молодой царицы покончилась: царь, узнавъ, что его невѣста до супружества не сохранила дѣвства, приказалъ «затиснуть» ее въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ воду.

Не менѣе злополучная доля, хотя и не кончившаяся такъ трагически, постигла и вторую невѣсту молодого императора Петра ІІ-го,

княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, сестру друга и любимца императора, юнаго вельможи Ивана Алексѣевича Долгорукаго.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за самымъ ходомъ драмы, въ которой однимъ изъ первыхъ, хотя противъ воли дѣйствовавшихъ лицъ была княжна Долгорукая, погибшая потому именно, что и она, подобно своей прабабушкѣ Марьѣ Долгорукой, была какъ-бы насильно введена въ ансамбль лицъ, на дѣйствіи которыхъ построилась вся страшная историческая драма.

Мы можемъ слѣдить за невольной игрой въ этой драмѣ княжны Долгорукой по рассказамъ особы, у которой на глазахъ и начался первый актъ и кончился послѣдній, когда княжна Долгорукая надолго скрылась отъ глазъ зрителей.

Рассказы эти—это извѣстныя уже намъ письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны.

Письма эти пишутся въ Англію, къ другу той, которая пишетъ, и такимъ образомъ откровенно передаютъ всѣ ходячія новости дня:—этимъ-то они драгоцѣнны для насъ.

Такъ, въ третьемъ письмѣ своемъ, отъ 4-го ноября 1730 года, изъ Москвы, куда незадолго передъ тѣмъ переехалъ дворъ, а за нимъ всѣ посланники, министры и резиденты иностранныхъ дворовъ, леди Рондо между прочимъ пишетъ, съ кѣмъ она знакома, у кого бываетъ, что видитъ, и присовокупляетъ, что бываетъ и у супруги польскаго министра Лефорта, гдѣ каждый вечеръ собираются люди высшаго общества, и, къ крайнему ея огорченію, сходятся большею частью для игры въ карты, и что въ этой игрѣ принимаютъ участіе и дамы.

«Нѣсколько дней тому назадъ — продолжаетъ леди Рондо — я встрѣтила молодую даму, которая не играетъ; но происходитъ ли

это отъ той же непонятливости, какъ и моя, или оттого, что ея сердце наполнено нѣжною страстью—я не умѣю опредѣлить. Это—хорошенькая особа восемнадцати лѣтъ, обладающая кротостью, сердечной добротой, благоразуміемъ и привѣтливостію. Она сестра фаворита князя Долгорукаго. Братъ нѣмецкаго посланника—предметъ ея любви. Все уже улажено, и они ожидаютъ только исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ здѣшней странѣ, для того, чтобы, какъ я надѣюсь, быть счастливыми. Она, кажется, очень рада быть въ замужествѣ внѣ своего отечества, оказываетъ иностранцамъ много любезности, сильно любитъ своего жениха и взаимно имъ любима».

Здѣсь рѣчь идетъ именно о второй невѣстѣ молодого императора, княжнѣ Екатерины Долгорукой.

Она дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, была рѣдкая красавица, но, вопреки замѣчанію леди Рондо, «кротостью» не «обладала», а, напротивъ, была «чрезвычайно горда».

Она, какъ мы видимъ, въ карты не играетъ, не смотря на всеобщее увлеченіе этой игрой, что, въ свою очередь, если не свидѣтельствуетъ о недюжинности ума дѣвушки, то во всякомъ случаѣ говорить въ пользу независимости ея характера.

«Братъ нѣмецкаго посланника, предметъ ея любви» — это шуринъ графа Вратислава, австрійскаго посланника, молодой графъ Милиссимо.

Въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо обстоятельства жизни хорошенькой княжны Долгорукой круто измѣняются.

Вотъ что она пишетъ черезъ сорокъ шесть дней послѣ извѣстнаго уже намъ письма, тоже изъ Москвы, гдѣ продолжалъ оставаться дворъ:

«Перемѣна, происшедшая здѣсь послѣ моего послѣдняго письма, была изумительна — пишетъ леди Рондо 20-го декабря 1730

года: — молодой монархъ, какъ полагають, по внушенію своего фаворита, объявилъ, что онъ рѣшился жениться на хорошенькой княжнѣ Долгорукой, о которой я вамъ говорила въ моемъ послѣднемъ письмѣ.

«Какая жестокая пережѣна для двухъ лицъ, сердца которыхъ всецѣло отдались другъ другу!

«Но въ этой странѣ нельзя отказываться.

«Два дня тому назадъ при дворѣ происходило торжественное объявленіе о предстоящемъ бракѣ, и императоръ съ княжной, какъ здѣсь выражаются, были помолвлены.

«На другой день княжну отвезли въ домъ одного царедворца, находящійся вблизи дворца (это въ головинскій дворецъ), гдѣ она должна оставаться до дня свадьбы.

«Всѣ лица высшаго круга были приглашены, и, собравшись, сѣли на скамейкахъ въ большой залѣ: съ одной стороны государственные сановники и знатные русскіе, съ другой—иностранные министры и знатные иностранцы. Въ глубинѣ залы былъ поставленъ балдахинъ и подъ нимъ два кресла, а передъ креслами аналой, на которомъ лежало евангеліе. Много духовенства стояло съ каждой стороны аналая.

«Когда всѣ размѣстились, императоръ вошелъ въ залу и говорилъ со многими лицами; княжну съ матерью и сестрой привезли въ императорской каретѣ изъ помѣщенія, которое ей было отведено; впереди невѣсты ѣхалъ въ каретѣ братъ ея, оберъ-камергеръ, а за ней слѣдовало много императорскихъ экипажей. Братъ проводилъ княжну до дверей залы, гдѣ ее встрѣтилъ царственный женихъ и отвелъ къ одному изъ креселъ, а въ другое сѣлъ самъ.

«Прекрасная жертва (ибо я смотрю на нее, какъ на таковую) была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно обхватывав-

шее ея станъ; волосы, расчесанные на четыре косы, убранные большимъ количествомъ алмазовъ, падали внизъ; маленькая корона была надѣта на головѣ; длинный шлейфъ ея платья не былъ несенъ. Княжна имѣла видъ скромный, но задумчивый, и лицо блѣдное.

«Посидѣвъ нѣсколько минутъ, они встали и подошли къ аналою; императоръ, объявивъ, что беретъ княжну въ супруги, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ, послѣ чего женихъ и невѣста поцѣловали евангеліе, а архіепископъ новгородскій (Феофанъ Прокоповичъ) прочелъ краткую молитву; затѣмъ императоръ поклонился княжнѣ. Когда они снова сѣли, государь назначилъ кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты и изъявилъ желаніе, чтобы они тотчасъ же вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

«Тогда началось цѣлованіе руки княжны; женихъ держалъ ея правую руку въ своей, давая ее цѣловать каждому подходящему, такъ какъ всѣ были обязаны исполнить это.

«Наконецъ, къ великому удивленію всѣхъ, подошелъ несчастный покинутый юноша; до тѣхъ поръ она сидѣла съ глазами устремленными внизъ, но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала ее поцѣловать своему возлюбленному, между тѣмъ какъ тысячи чувствъ изобразились на ея лицѣ.

«Петръ покраснѣлъ, но толпа присутствовавшихъ приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человека нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и увести поскорѣе изъ города.

«Поступокъ этотъ былъ дерзокъ, въ высшей степени безразсуденъ и неожиданъ для нея.

«Юный государь открылъ съ княжною балъ, который скоро кончился, какъ я полагаю, къ ея великому удовольствію, потому

что все ея спокойствіе исчезло послѣ легкомысленнаго поступка и въ глазахъ были замѣтны только боязнь и разсѣянность.

«По окончаніи бала она была снова отвезена въ тотъ же домъ, но уже въ собственной каретѣ императора, на верху которой находилась императорская корона. Княжна сидѣла въ ней совершенно одна, сопровождаемая конвоемъ».

Современники говорятъ, что княжна Долгорукая рѣшилась отдать свою руку императору Петру II-му только вслѣдствіе настоятельныхъ требованій родни.

Съ своей стороны и молодой императоръ относился къ ней холодно: у него также противъ влеченій сердца вынудили согласіе жениться на княжнѣ Долгорукой ея же всемогущие родные.

Рассказываютъ также, что графъ Милицимо, котораго княжна страстно любила, на другой день послѣ обрученія императора и послѣ того, что обнаружилось при цѣлованьи графомъ Милицимо руки у царской невѣсты, — былъ отправленъ за границу съ порученіемъ отъ своего посла и уже больше не возвращался въ Россію.

Леди Рондо между тѣмъ продолжаетъ:

«Но вы станете порицать меня за то, что я не набросала вамъ портрета императора. Онъ высокаго роста и очень полонъ для своего возраста, такъ какъ ему только пятнадцать лѣтъ; онъ бѣлъ, но очень загорѣлъ на охотѣ; черты лица его хороши, но взглядъ пасмуренъ, и, хотя онъ молодъ и красивъ, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго или пріятнаго. Платье его было свѣтлаго цвѣта, вышитое серебромъ.

«На молодую княжну теперь смотрятъ какъ на императрицу; я думаю однако, что еслибъ можно было заглянуть въ ея сердце, то оказалось бы, что величіе не можетъ облегчить ея страданій отъ безнадежной любви; въ самомъ дѣлѣ, только крайнее мало-

душіе въ состояніи промѣнять любовь или дружбу на владычество».

Но вотъ сюжетъ драмы развивается далѣе — все ближе къ развязкѣ.

Леди Рондо слѣдитъ за тѣмъ, что у нея совершается передъ глазами, и вновь пишетъ въ февралѣ 1731 года:

«Когда я вамъ писала послѣднее письмо, всѣ (т. е. нашъ кружокъ) готовились къ торжественной свадьбѣ, назначенной на 19-е января.

«6-го числа того же мѣсяца здѣсь бываетъ большой праздникъ и происходитъ церемонія, называемая водосвятиемъ, установленная въ воспоминаніе крещенія, принятаго нашимъ Спасителемъ отъ св. Іоанна.

«Обычай требуетъ, чтобы государь находился во главѣ войскъ, которыя въ этомъ случаѣ выстраиваются на льду. Бѣдная, хорошенькая невеста должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и такою пышной свитой, какую только можно себѣ представить. Она сидѣла совершенно одна въ открытыхъ саняхъ, одѣтая такъ же, какъ въ день своего обрученія, и императоръ, слѣдуя обычаю страны, стоялъ позади ея саней.

«Никогда въ жизни я не помню дня болѣе холоднаго. Я боялась ѣхать на обѣдъ во дворецъ, куда всѣ были приглашены и собрались, чтобы встрѣтить молодого государя и будущую государыню при ихъ возвращеніи.

«Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ.

«Тотчасъ, какъ они вошли въ залу, императоръ сталъ жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это — слѣдствіе холода, но такъ какъ онъ продолжалъ жаловаться, то послали за докторомъ, который посоветовалъ ему лечь въ постель, найдя его очень не хорошимъ.

«Это обстоятельство разстроило все собраніе.

«Княжна весь день имѣла задумчивый видъ, который не измѣнился и при этомъ случаѣ; она простилась съ своими знакомыми такъ же, какъ и встрѣтила ихъ, т. е. съ серьезною привѣтливостію, если я могу такъ выразиться.

«На другой день у императора появилась оспа, а 19-го, день, назначенный для свадьбы, онъ умеръ около трехъ часовъ утра.

«Въ эту ночь, какъ я думаю, всѣ находились на ногахъ, по крайней мѣрѣ это было съ нами, потому что, зная вечеромъ всю опасность его положенія, никто не могъ предвидѣть послѣдствій его кончины и споровъ, которые должны были возникнуть въ отношеніи вопроса о престолонаслѣдіи.

«На другой день, около девяти часовъ, вдовствующая герцогиня курляндская была объявлена императрицей».

Затѣмъ леди Рондо прямо переходитъ къ княжнѣ Долгорукой, которая разомъ потеряла и жениха и корону...

«Ваше доброе сердце—говорить леди—будетъ скорбѣть о молодой особѣ, которая была разлучена съ тѣмъ, кого она любила, и теперь лишена даже той ничтожной награды, какую ей, казалось, сулило величіе!

«Меня увѣряютъ, что она переноситъ свое несчастіе героически и говоритъ, что оплакиваетъ общую потерю, какъ членъ государства, но, какъ частное лицо, радуется этой смерти, избавившей ее отъ пытки, которую самый жестокий извергъ и самая изобрѣтательная кровожадность не могли бы придумать. Она совершенно равнодушна къ своей будущей судьбѣ, и думаетъ, что если преодолѣла свою привязанность, то можетъ спокойно перенести всѣ тѣлесныя страданія.

«Сановникъ, навѣщавшій ее, рассказавъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ нею.

«Онъ нашелъ ее совершенно покинутою всѣми, кромѣ одной только служанки и лакея, который служилъ ей съ дѣтства. Такъ какъ сановникъ былъ возмущенъ увидѣнной имъ обстановкой, то она ему сказала: «наша страна вамъ мало извѣстна...» и къ тому, что я уже вамъ рассказала, она прибавила, что ея молодость и невинность, а также и извѣстная доброта той, которая наследовала престолъ, заставляютъ ее надѣяться, что она не будетъ подвергнута никакому публичному оскорбленію, а что бѣдность въ частной жизни для нея ничего не значить, такъ какъ ея сердце занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь. Предполагая, что подъ словомъ «единственный предметъ» могутъ подразумѣвать ея перваго жениха, она поспѣшно прибавила, что запретила своему сердцу думать о немъ съ того мгновенія, когда это стало преступнымъ, но что она имѣла въ виду свою семью, образъ дѣйствій которой, какъ она думаетъ, будутъ порицать, и что она не можетъ преодолѣть въ себѣ естественной привязанности, хотя и была принесена въ жертву обстоятельствамъ, которые теперь дѣлаются причиной гибели ея семьи.

«Вы—заключаетъ леди Рондо—сужденіе которой всегда такъ справедливо, не нуждаетесь въ подобномъ зрѣлищѣ, чтобы заставить васъ размышлять о ничтожествѣ всѣхъ мірскихъ превратностей, напоминающихъ намъ каждый часъ нашей жизни, что радости непрочно и мимолетны, и что среди всѣхъ огорченій насъ должна успокаивать мысль, что все на этомъ свѣтѣ непродолжительно».

Наконецъ, въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо какъ-бы мимоходомъ и неохотно касается заключительнаго акта драмы, болѣе или менѣе извѣстной каждому русскому читателю.

Вотъ ея слова, которыя, не смотря на ихъ краткость, не теряютъ своей драгоцѣнности какъ свидѣтельство современника:

«Говорятъ, что дворъ предполагаетъ отправиться въ Петербургъ. Если эта поѣздка состоится, то мои дѣла принудятъ меня также ѣхать туда.

«Вы очень любопытны, но чтобы удовлетворить васъ, я могу сказать лишь очень немного, потому что съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ моемъ настоящемъ положеніи, я не посѣщаю никакихъ общественныхъ мѣстъ.

«Все семейство Долгорукихъ, въ томъ числѣ и бѣдная царская невѣста, сосланы въ то самое мѣсто, гдѣ находятся дѣти князя Меншикова. Такимъ образомъ обѣ женщины, которыя одна послѣ другой были помолвлены за молодого царя, могутъ встрѣтиться въ изгнаніи.

«Это событіе, мнѣ кажется, можетъ послужить хорошимъ сюжетомъ для трагедіи. Говорятъ, что дѣти Меншикова возвращаются и будутъ доставлены той же стражей, которая препроводитъ въ ссылку Долгорукихъ. Если эта новость справедлива, то поступокъ будетъ великодушенъ, потому что ихъ отецъ былъ неумолимымъ врагомъ настоящей царицы, съ которой онъ обращался, и на словахъ и на дѣлѣ, очень оскорбительно.

«Васъ, можетъ быть, удивляетъ ссылка женщинъ и дѣтей; но здѣсь, когда глава семейства впадаетъ въ немилость, то все его семейство подвергается преслѣдованію, а имѣніе отбирается. Если въ обществѣ не встрѣчаютъ болѣе тѣхъ, кого привыкли тамъ видѣть, то никто о нихъ не освѣдомляется и только иногда говорятъ, что они раззорились. Если же они впали въ немилость, то о нихъ не говорятъ вовсе. Когда же, по счастію, имъ возвращаютъ благосклонность, то ихъ ласкаютъ по прежнему, не упоминая о прошломъ».

Но объ этомъ послѣднемъ актѣ драмы намъ извѣстно болѣе, чѣмъ было тогда извѣстно леди Рондо.

Долгорукіе, а въ томъ числѣ и въ первой мѣрѣ фаворитъ покойнаго императора, Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, обвиненные въ небреженіи здоровья молодого государя, какъ наиболѣе приближенные къ нему лица, были сосланы въ свои отдаленныя касимовскія деревни.

Въ ссылку пошла и вторая царская невѣста Екатерина Алексѣевна Долгорукая, мало того — въ ссылку же шла и шестнадцатилѣтняя жена брата Екатерины Алексѣевны, бывшаго фаворита Ивана Алексѣевича — Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная графиня Шереметева, о благородномъ характерѣ которой и геройской рѣшимости раздѣлять участь свою съ участіемъ опальнаго жениха, а потомъ мужа, будетъ сказано въ особомъ очеркѣ.

Изъ касимовскихъ деревень всѣхъ Долгорукихъ ссылаютъ въ Сибирь, въ Березовъ, за то, что они «презрѣли» указъ, въ которомъ повелѣвалось, что жить имъ безвыѣздно не въ касимовскихъ, а въ пензенскихъ имѣніяхъ.

Долгорукіе оправдывались, что имъ такого указа объявлено не было...

Бдуть они черезъ Тобольскъ и сдаются тамъ подъ надзоръ гарнизонному офицеру, который, являясь часто къ своимъ высокимъ арестантамъ, по привычкѣ, въ туфляхъ на-босу-ногу, говорить каждому изъ нихъ «ты», какъ онъ привыкъ говорить каждому наторжнику и варпаку.

Любопытныя подробности этого путешествія опальныхъ вельможъ изъ касимовскихъ деревень до Березова описаны одною изъ ссыльныхъ, изъ ихъ же семьи, княгинею Натальею Борисовною Долгорукою, а потому мы и скажемъ еще объ этомъ предметѣ въ біографіи этой послѣдней женщины.

Не красна была жизнь Долгорукихъ въ Березовѣ; но впереди ожидали ихъ еще болѣе тяжкія испытанія, невольною причиною которыхъ была — если можно такъ выразиться — таже вдовствующая невѣста покойнаго императора Петра II-го, злополучная княжна Екатерина Алексѣевна.

Выше мы сказали, что тотъ, кого она любила, графъ Милиссимо, былъ высланъ изъ Россіи на другой день послѣ обрученія ея съ императоромъ и послѣ церемоніи цѣлованія руки царской невѣсты, когда передъ всѣмъ дворомъ обнаружилась тайна ея привязанности къ шурина графа Вратислава.

Хотя, по свидѣтельству леди Рондо, княжна Екатерина Алексѣевна и проговорила бывшему у нея сановнику, навѣстившему ее послѣ смерти жениха-императора, что «сердце ея занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь», то-есть дорогимъ ей графомъ Милиссимо, однако время и суровый Березовъ вытѣснили, кажется, изъ ея сердца этотъ «единственный предметъ», а тоска и уединеніе неволи заставляли молодое сердце искать привязанности.

Жить хотѣлось и любить хотѣлось; возврата къ прошлому уже не предвидѣлось; тотъ, кого она любила, былъ, по русскому выраженію, за тридевять земель, а молодость брала свое.

Но кого любить въ Березовѣ?

Гарнизоннаго офицера, который, можетъ быть, ходитъ въ туфляхъ на-босу-ногу? Вѣдь больше никакого не было въ Березовѣ.

И бывшая царская невѣста, у которой императоръ во время крещенскаго парада стоялъ на-запяткахъ, дѣйствительно полюбила гарнизоннаго офицера.

Это былъ офицеръ Овцынъ, который, надо полагать, не былъ похожъ на тобольскаго гарнизоннаго офицера, въ самомъ дѣлѣ ходившаго въ туфляхъ на-босу-ногу.

Интимная дружба съ Овцынымъ принесла новое горе дѣвушка и кончилась трагической гибелью для мужскихъ членовъ ея семейства.

Поощренный привязанностью княжны въ Овцыну, тобольскій подъячій Тишинъ, часто наѣзжавшій въ Березовъ по дѣламъ службы, рѣшился искать благосклонности бывшей царской невѣсты, но былъ ею отвергнутъ и оскорбленъ Овцынымъ.

Желая отмстить дѣвушкѣ и ея возлюбленному, отвергнутый подъячій сочинилъ гнусный доносъ на Долгорукихъ, которые и были вновь арестованы въ Березовѣ и вывезены въ Россію.

Схвачена была и бывшая царская невѣста княжна Екатерина Алексѣевна.

Надъ обвиняемыми Биронъ нарядилъ слѣдствіе и судъ, который и кончился страшною казнью четырехъ Долгорукихъ въ Новгородѣ, въ 1739 году.

Старшій братъ княжны Екатерины, бывшій любимецъ императора Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ, былъ четвертованъ, и подъ топоромъ палача читалъ молитву—«благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси познать тебя, Владыко»—пока языкъ его не замеръ на этомъ славословіи вмѣстѣ съ отрубленной головой.

Сама княжна была сослана на Бѣлоозеро, въ воскресенскій горичскій дѣвичій монастырь, тихвинскаго уѣзда.

Монастырь этотъ стоялъ въ суровой пустынѣ, не краше пустынь, окружавшихъ Березовъ.

Это было давнишнее, историческое мѣсто ссылки царственныхъ женщинъ древней Руси: въ этомъ монастырѣ томилаь когда-то Евфросинья, княгиня старицкая, мать послѣдняго удѣльнаго князя Владиміра Андреевича старицкаго, сосланная туда Еленою Глинскою; туда же сослана была и пострижена тамъ жена царевича Ивана, сына Грознаго, Прасковья Михайловна Соловая; тамъ же сидѣла въ ссылкѣ и Есенія Годунова.

Князю Екатерину Долгорукую подвергли въ этомъ монастырѣ суровому заключенію.

Въ монастырѣ этомъ, у входа въ такъ-называемый «чорный дворъ», гдѣ были хлѣва, конюшня и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ съ маленькими отверстіями вмѣсто оконъ; наружная дверь, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ наружнымъ замкомъ.

Эта-то хижинка и должна была сдѣлаться тюрьмой-кельею для бывшей царской невѣсты.

Когда привезли туда Долгорукую, то настоятельница монастыря такъ боялась присутствія въ ея владѣніяхъ этой высокой колодницы, что долго не хотѣла впускать въ монастырь никого изъ стороннихъ лицъ, и не рѣшалась даже богомольцевъ пускать въ монастырскую церковь, изъ опасенія, что ее могутъ обвинить въ небрежномъ смотрѣніи за арестанткой, и изъ страха, чтобъ кто-либо не увидалъ заключенную князю.

Но и въ этой убогой и суровой тюрьмѣ-кельѣ за двумя замками княжна Д о л г о р у к а я не забывала, кто она—не забывала, что была она когда-то и царская невѣста.

Однажды монахиня-приставница, по обычаю монастырскому, замахнулась на нее за что-то огромными своими чотками изъ деревянныхъ бусъ, служившими старымъ монахинямъ вмѣсто плетокъ на поученіе младшимъ сестрамъ и послушницамъ.

— Уважь свѣтъ и во тьмѣ!—гордо сказала Д о л г о р у к а я:— я княжна, а ты холопка!

Старица такъ смутилась одного грознаго вида молодой колодницы, что бѣжала, забывъ даже и тюрьму ея запереть.

Вообще бывшая невѣста Петра II-го не забыла своего царственного величія, а только ожесточилась, и къ врожденной княжеской гордости прибавила еще царственную неприступность.

Когда изъ Петербурга пріѣхалъ генераль отъ тайной канцеляріи и навѣстилъ ссыльную княжну, она не только не смутилась въ присутствіи важнаго гостя, но даже «грубость» ему оказала— не встала, когда тотъ вошелъ въ ея келью, и отвернулась отъ него.

Генераль, пригрозивъ ей батогами, уѣхалъ изъ монастыря, приказавъ еще строже смотрѣть за важной колодницей.

Напуганная мать-игуменья приказала заколотить остальное окошечко въ тюремной кельѣ княжны, и къ кельѣ этой не велѣла даже никого близко подпускать. Однажды двѣ монастырскія дѣвочки осмѣлились заглянуть въ скважину нутряного замка запретной двери—и за это подвергнуты были наказанью розгами.

Три года провела княжна подъ такимъ суровымъ монастырскимъ началомъ.

Но вотъ на престолъ вступаетъ императрица Елизавета Петровна — и темная келья бывшей царской невесты отворилась.

Изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ объ освобожденіи заключенной. Княжна пожалована во фрейлины. За нею присланы экипажи, прислуга. Княжна любезно прощается съ монастыремъ, обѣщаетъ не забывать его своими милостями.

И дѣйствительно не забыла. Въ 1744 году она прислала въ монастырь «Прологъ» съ надписью по листамъ:

«Лѣто 1744-е, марта въ 10-й день, сію книгу Прологъ, содержащую житія святыхъ угодникъ, дала въ даръ въ обитель Воскресенія Христова, горицкій дѣвичь монастырь, на Бѣлоозерѣ, въ память своего пребыванія, княжна Екатерина Алексѣева Долгорукая».

Возвратившись изъ ссылки, княжна встрѣтила въ Петербургѣ всѣхъ своихъ родныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ новгородскихъ казней.

Императрица, помня, что княжна лишилась двухъ жениховъ— и графа Милиссимо, и императора Петра II-го, употребила все свое стараніе, чтобы выдать ее замужъ за достойнаго человѣка, и въ 1745 году нашла такого въ генераль-лейтенантъ графъ Александръ Романовичъ Брюсъ, родномъ племянникъ сподвижника Петра Великаго, фельдмаршала, знаменитаго «колдуна на Сухаревой башнѣ», астронома, алхимика, астролога, сочинителя Брюсова планетника («Брюсовъ календарь») и т. д.

Уже помолвленной невѣстой княжна ѣздила въ Новгородъ проститься съ погребенными тамъ тѣлами казенныхъ брата и дядей, покоившихся въ Рождественскомъ монастырѣ, что на поляхъ. «на убогихъ домахъ».

Протившись передъ свадьбой, по русскому обычаю, съ могилами своихъ родныхъ, она заложила тамъ церковь въ память казенныхъ.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы простудная горячка свела ее въ могилу.

Царское величіе и гордость не покидали ее до самой смерти. Умирая, бывшая «государыня-невѣста» при себѣ велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобы и послѣ ея смерти никто не смѣлъ носить той одежды, которую она носила.

XIV.

Наталья Долгорукова.

(Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, урожденная графиня Шереметева).

Женская личность, о которой мы намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ, принадлежить также къ той категоріи русскихъ историческихъ женщинъ прошлаго вѣка, на которыхъ обрушилась вся тяжесть переходнаго времени и задавила ихъ: это безпощадное время бросало попадавшіяся ему жертвы подъ свой, все перемалывающій, жерновъ и раздробляло ихъ на части, подобно джагернатской колесницѣ, раздроблявшей несчастныхъ женщинъ Индіи.

И нельзя при этомъ не замѣтить, что подъ ужасный жерновъ этотъ попали почти всѣ женщины, которыя могли сказать о себѣ, что они еще помнили Петра Великаго, что въ дѣтствѣ своими глазами видѣли, какъ онъ покатилъ по русской землѣ этотъ тяжелый жерновъ, который и раздробилъ много стараго и негоднаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не мало молодого и свѣжаго.

Натальѣ Борисовнѣ Долгоруковой—вѣриѣ Шереметевой—было одиннадцать лѣтъ, когда хоронили Петра, и слѣдовательно она принадлежить къ тому поколѣнію русскихъ женщинъ, которыя — если можно такъ выразиться — у матерей

своихъ и кормилицъ высосали частицу молока, оставшагося еще отъ XVII вѣка, и съ молокомъ этимъ всосали несчастія всей своей жизни.

Несмотря на то, что Наталья Долгорукова принадлежала къ замѣчательнымъ личностямъ по своей нравственной высотѣ, по рѣдкому величію духа—ужасное время не пощадило и ее.

Вообще личность Долгоруковой заслуживаетъ того, чтобы потомство отнеслось къ ней особенно сочувственно и отмѣтило имя ея въ числѣ лучшихъ, самыхъ свѣтлыхъ личностей своего прошлаго.

Въ 1857 году, въ Лондонѣ вышла особая книга, посвященная памяти этой глубоко симпатичной женщины, подъ заглавіемъ «The life and times of Nathalia Borissovna, princesse Dolgoukoff». Авторъ этой книги—Джемсъ Артуръ Гирдъ (Heard).

У насъ въ Россіи о Долгоруковой писано не много, но все, что о ней написано, выставляетъ ее «личностью такою благородною и возвышенною», которая «дѣлаетъ честь родной сторонѣ».

Долгорукова оставила свои собственныя записки, которыя имѣли два изданія въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Писавшіе о Долгоруковой называютъ всю жизнь ея «трудной и скорбной», а ей самой даютъ наименованіе «великой страдальцы».

Наталья Борисовна родилась 17-го января 1714 года—слѣдовательно за одиннадцать лѣтъ до смерти Петра Великаго: этого одного достаточно было, чтобы и ей, подобно всѣмъ женщинамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, попасть подъ джагернатскую колесницу смутнаго переходнаго времени.

Она родилась въ одномъ изъ самыхъ знатныхъ домовъ своего времени—а эти-то дома преимущественно и задѣла тяжелая

индiйская колесница: отецъ ея былъ знаменитый фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, одинъ изъ соработниковъ Петра Великаго, который называлъ своего дѣловаго Бориса «Баярдомъ» за честность и «Тюренемъ» за ратные таланты и ставилъ его такъ высоко въ своемъ мнѣнiи, что, изъ уваженiя къ его заслугамъ, царь, вообще не любившiй притворяться или рисоваться, всегда встрѣчалъ Шереметева у дверей кабинета, когда тотъ «Тюрень» приходилъ къ нему, и провожалъ до дверей—когда тотъ уходилъ.

Мать ея была также изъ знатнаго рода: въ дѣтствѣ она была Салтыкова, Анна Петровна, а по первому браку носила фамилiю Нарышкиной, потому что была замужемъ за бояриномъ Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, роднымъ дядею Петра Великаго.

Много счастья должна была сулить жизнь для дѣвочки, родившейся въ такой завидной обстановкѣ: знатность рода, богатство, уваженiе царя—все обѣщало свѣтлую будущность.

А вышло наоборотъ, да такъ, какъ и не ожидалось: именно то, что должно было дать ей счастье—то именно и дало ей глубокое несчастье, которое она сама день за день и описываетъ, уже въ старости оглядываясь на свое прошлое, богатое такими поразительными контрастами.

Намѣреваясь говорить о своемъ прошломъ, она не задается задачею хроникера, не хочетъ захватывать всю ту разнообразную среду, въ которой какъ въ глубокомъ омутѣ погибали люди, а другiе на ихъ гибели строили свое счастье, чтобъ потомъ и самимъ погибнуть.

«Я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужiе пороки обличать», говоритъ она.

Себя и свою судьбу она такъ очерчиваетъ общими штрихами, говоря, что послѣ всего, что ею пережито, тяжело и доживать концы, тяжело и вспоминать прошлое:

«Отягощена голова моя безпокойными мыслями—говорить она—и кажется мнѣ, будто я уже отъ той тягости къ землѣ вхоплюсь»...

«И я была человѣкъ—замѣчаетъ она далѣе—вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ... Но не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, а о милости божіей похваюсь: онъ мнѣ далъ столько силъ, что я перенесла».

Семейство, въ которомъ родилась Наталья, было очень большое: кромѣ стариковъ, у Натальи было еще три брата и четыре сестры. Но вся любовь семьи, а въ особенности матери, сосредоточивалась на маленькой Натальѣ.

Сама она говоритъ объ исключительной привязанности къ ней матери: «я ей была очень дорога».

На любимицѣ особенно сосредоточились и заботы матери относительно развитія ея способностей и предоставленія ей всего доступнаго тогда образованія въ полномъ объемѣ.

Мать усердно заботилась, чтобъ «ничего не упустить въ наукахъ, и—по словамъ Натальи Борисовны—все возможное употребляла къ умноженію моихъ достоинствъ».

Сердце матери не даромъ такъ прильнуло къ дочери: изъ нея вышла рѣдкая женщина, хотя мать и обманута была въ своихъ надеждахъ насчетъ ея будущаго.

«Лѣстилась она—говоритъ о своей матери Наталья Борисовна—лѣстилась она мною веселиться, представляла себѣ, что, когда приду въ совершенныя лѣта, буду ей добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости, и такъ меня поддерживала, какъ должно быть благородной дѣвушкѣ».

Дѣвушка росла веселая и счастливая. Она сама признается, что была «склонна къ веселію»; но еще въ ранней молодости веселію этому судьба положила перерывъ: отецъ ея умеръ, когда дѣвочка не успѣла еще войти въ возрастъ.

Но смерть отца была для нея совершенно почти не чувствительна; это было не то, что смерть матери, которая тоже была не за горами: дѣвочка была еще слишкомъ мала, когда умеръ отецъ, чтобъ понимать всю цѣну постигшаго ее несчастья. За то тяжела ей показалась неожиданная смерть матери.

Это несчастье постигло Наталью, когда ей только что минуло четырнадцать лѣтъ и когда она уже научилась больше цѣнить потерю того, что дѣйствительно цѣнно.

«Это первая бѣда меня встрѣтила», выражается она относительно смерти матери.

Дѣйствительно, это была пока первая реальная бѣда; а впереди ихъ копилось очень много и бѣды все тяжелыя, не переживаемыя и не забываемыя.

«Сколько я ни плакала—говорить она въ своихъ запискахъ, вспоминая смерть матери—все еще кажется было не довольно въ сравненіи съ ея любовью ко мнѣ, и ни слезами, ни рыданіемъ не воротила ея».

Но молодость брала свое. Какъ ни тяжела казалась потеря матери, какъ ни страшно было оглядываться назадъ, тѣмъ болѣе, что молодость вообще не любитъ оглядываться,—все же въ будущемъ свѣтились радости, да и вообще, что бы тамъ ни свѣтилось, молодость всегда идетъ къ этому будущему безъ оглядки, словно торопится пробѣжать безъ отдыха ту именно лучшую стадию своей жизни, о которой впослѣдствіи будетъ сожалѣть до самой могилы.

«Будетъ и мое время—мечталось ей при тяжеломъ раздумьи о потерѣ матери—повеселяюсь на свѣтѣ».

При всемъ томъ, она вела жизнь больше чѣмъ скромную, не смотря на то, что женщины первой половины XVIII вѣка жадно накинудись на свѣтскія удовольствія послѣ долгаго пощенія въ періодъ своего теремного существованія.

Дѣвушка того времени держала себя болѣе сдержанно, болѣе постаринному, чѣмъ какъ стала она держать себя во второй половинѣ XVIII вѣка.

«Въ тогдашнее время—говорить Наталья Борисовна—не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ; тогда нельзя было такъ мыкаться какъ въ нынѣшній вѣкъ (это говорится о семидесятихъ годахъ XVIII столѣтія:—для нея это былъ «нынѣшній вѣкъ»). Я и въ самой молодости весело не жила, и никогда сердце мое большого удовольствія не чувствовало».

Но время идетъ. Дѣвушка пришлось показываться въ свѣтъ, и свѣтъ сразу отличилъ ее—красивую, умную, знатную.

«Я очень счастлива была женихами—признается она послѣ, уже старушкой — очень счастлива... Начало было очень велико»...

Именно объ этомъ-то «великомъ началѣ» и слѣдуетъ сказать особеннно: это «великое начало» и погубило ее, приготовивъ ей самый горестный конецъ.

Мы уже знаемъ, что когда палъ Меншиковъ, то самымъ дорогимъ другомъ—любимцемъ императора Петра II и всесильнымъ временщикомъ при немъ сдѣлался девятнадцатилѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Къ довершенію могущества этого юноши, сестра его Екатерина, какъ извѣстно, помолвлена была за юнаго императора и друга этого мальчика-вельможи.

Этотъ-то князь Долгоруковъ и нашелъ молоденькую Наталью Шереметеву лучшую дѣвушкою въ Петербургѣ и Москвѣ, и на ней-то онъ посватался.

Это самое и было тѣмъ, о чемъ Наталья, уже старушка, вспоминаетъ, говоря: «начало было очень велико»...

Дѣйствительно, выходя замужъ за Долгорукова, дѣвушка становилась въ полномъ смыслѣ слова первою особою въ цѣлой имперіи послѣ императора и его будущей супруги—а эта будущая супруга-императрица была родная сестра князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, который и былъ «великимъ началомъ» для Натальи Шереметевой, который, наконецъ, и былъ оглашенъ ея женихомъ, какъ женихомъ ея сестры оглашенъ былъ молодой императоръ.

Чего же больше? Больше этого «великаго начала» не могло быть ни для одной русской дѣвушки.

Наталья Шереметева вступала, такимъ образомъ, въ родство съ императорскою фамиліею.

«Думала я, что я первая счастливица въ свѣтѣ. Всѣ кричали: «ахъ, какъ она счастлива!»—и моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать, а того не знала, что это счастье мною поиграетъ. Показалось оно мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ живутъ въ счастья люди, которыхъ Богъ благословить... Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка: милый человѣкъ въ глазахъ, союзъ любви будетъ до смерти неразрывнымъ, притомъ почести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе, всякій ищетъ милости»...

Отъ такого счастья дѣйствительно въ состояніи была закружиться голова.

И тутъ въ дѣвушкѣ говорить не тщеславіе, не желаніе быть первою женщиною въ государствѣ, стать въ свойство съ царскимъ домомъ; а она въ самомъ дѣлѣ страстно полюбила сво-

его жениха, потому что видѣла, какъ много и онъ былъ къ ней привязанъ.

Такъ она говорить о себѣ: «за великое благополучіе почитала его къ себѣ благосклонность, хотя и никакого знакомства не имѣла съ нимъ прежде нежели онъ моимъ женихомъ сталъ: но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила».

Впрочемъ, они не забывали и того, что женихъ ея такъ высоко поставленъ.

«Первая персона въ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи... Правда, что сперва это очень громко было».

Назначенъ былъ обрядъ обрученія.

«Правду могу сказать — замѣчаетъ она — рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія, всѣ чужестранные министры, всѣ наши знатные господа, весь генералитетъ были на нашемъ сговорѣ».

Обрученіе совершали архіерей и два ахимандрита. Обрядъ этотъ совершенъ былъ въ домѣ Шереметева — въ родномъ домѣ невѣсты. Пышность такъ велика была, что одни кольца, которыми размѣнялись женихъ и невѣста, стоили восемнадцать тысячъ рублей.

Родня жениха поцарски одарила невѣсту — «богатыми дарами, брилліантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями и всякою галантиреею». Съ своей стороны братъ невѣсты подарилъ жениху шесть пудовъ серебра — въ томъ числѣ драгоцѣнные кубки, фляги и проч.

Торжество это совершено было 24-го декабря 1729 года, накануне праздника рождества.

Празднество завершилось иллюминаціею, которая въ то время не похожа была на современные иллюминаціи: не было ни га-

зовыхъ звѣздъ, ни брилліантовыхъ огненныхъ вензелей, ни разныхъ другихъ искусственныхъ, съ помощью химіи и технологии производимыхъ эффектовъ. Тогда въ торжественные дни ночь блистала горящими смоляными бочками, иногда громадными кострами, иногда же просто сальными плшками.

И на торжествѣ обрученія Наталія Шереметевой горѣли смоляныя бочки.

Торжество было такъ велико, общественное положеніе обручаемыхъ такъ высоко, что весь городъ принималъ участіе въ этой—какъ тогда могли думать—государственной радости.

Глядя на это блистательное празднество, народъ, говорить Наталія Борисовна, радовался, что дочь славнаго Шереметева идетъ замужъ «за великаго человѣка, возставить родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцеву».

Сама невѣста думала, что «все это прочно и на цѣлый вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на-часъ».

Дѣйствительно, въ этотъ самый часъ, когда такъ пышно совершалось торжество обрученія царскаго любимца съ красавицею Шереметовою, бывшая царская невѣста, такая же молоденькая и прекрасная особа какъ и Шереметева, несчастная княжна Меншикова за четыре тысячи верстъ отъ Петербурга томила въ предсмертной агоніи—и никто не зналъ этого, хотъ быть можетъ многіе и вспоминали о ней, видя молодого императора и его вторую невѣсту, сестру обручаемаго князя Долгорукова, княжну Екатерину Долгорукову — присутствующими на этомъ торжествѣ.

Въ самые торжественные часы эти, въ Березовѣ, занесенномъ снѣгомъ, мучилась княгиня Марья Александровна Меншикова, а 26-го декабря умерла.

Скоро и счастливая невеста Долгорукова испытала, что «въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на-часть».

Прочность ея счастья не выдержала и мѣсяца: это счастье продолжалось всего только съ 24-го декабря по 19-е генваря— двадцать шесть дней; за то горе преслѣдовало ее сорокъ лѣтъ: «сорокъ лѣтъ по сей день стражду», говоритъ она въ послѣдствіи, вспоминая двадцать шесть дней мимолетнаго счастья, которое было дѣйствительно какимъ-то сномъ. За каждый день этого счастья она платила почти двумя годами страданій.

Покончивъ съ описаніемъ торжествъ своего обрученія, она начинаетъ описаніе новой эпохи своей жизни:

«Теперь—говоритъ она—надобно уже иную матерію начать».

Намъ извѣстно, какой переворотъ совершился 19-го генваря 1730 года, и какъ отразился онъ на участи главныхъ дѣйствующихъ лицъ изображаемой нами драматической картины: молодой императоръ, женихъ сестры князя Долгорукова, въ свою очередь счастливаго жениха Натальи Борисовны, простужается на парадѣ, заболѣваетъ оспою, вновь простужается, и умираетъ.

Всѣ Долгоруковы, по обычаю того страннаго времени, должны были погибнуть, какъ лица, ближе всѣхъ стоявшіе къ покойному государю, а скорѣе и ужаснѣе всѣхъ долженъ былъ погибнуть любимецъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, женихъ Натальи Борисовны Шереметевой.

Это было неизмѣннымъ закономъ того времени, словно это былъ еще остатокъ языческой старины, когда, по смерти хозяина и господина, съ нимъ вмѣстѣ зарывали въ землю его любимаго коня, всѣ воинскіе доспѣхи и всѣхъ наиболѣе близкихъ къ нему слугъ.

Такъ нужно было схоронить съ императоромъ Петромъ II-мъ всѣхъ, кого онъ любилъ и приближалъ къ себѣ, а раньше всѣхъ

ждала эта участь его друга и фаворита Ивана Алексѣевича Долгорукова.

Едва по Москвѣ пронеслась вѣсть о кончинѣ императора Петра II-го, какъ къ Натальѣ Борисовнѣ, ничего еще не слыхавшей о несчастьи, рано утромъ съѣхались всѣ ея родные въ страшной тревогѣ за свою собственную участь и за участь невѣсты царскаго любимца.

Наталья Борисовна еще спала, когда домъ ихъ наполнился перепуганными родными.

Сказали, наконецъ, и ей о постигшемъ всѣхъ несчастьи. Извѣстіе это такъ поразило ее, что она безпрестанно повторяла, словно помѣшенная: «ахъ пропала! пропала!»

«Я довольно знала обыкновеніе, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадають: — чего было и мнѣ ожидать?»

Но для нея, впроемъ, еще не все пропало: она еще не была женой фаворита, который неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, какъ обреченный на смерть обычаемъ страны и времени; она могла еще отказать ему; могла впослѣдствіи сдѣлать такую же блестящую партію съ другимъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что при ея положеніи, для нея всегда возможенъ былъ выборъ.

Тоже говорили ей и всѣ родные. Они утѣшали ее тѣмъ, что для нея еще нѣтъ ничего безповоротнаго; что имѣются уже на примѣтѣ готовые женихи для нея, а что отъ Долгорукова слѣдуетъ теперь же отказаться, слѣдуетъ непремѣнно разорвать съ нимъ всякую связь, какъ съ зачумленнымъ:—всякое прикосновеніе къ нему должно было быть гибельнымъ, смертельнымъ.

Но не такъ думала дѣвушка. Благородное сердце ея возмущилось этими предложеніями: она любила своего жениха; мало того, она хотѣла показать свѣту, что любила въ немъ не сановника, не любимца царскаго, а человѣка; что, разъ полюбивъ, она любить

беззавѣтно; что еслибъ она даже и не любила его, то во всякомъ случаѣ не измѣнила бы своему слову, и особенно теперь она не бросить его, когда у него все отнимается.

«Это предложеніе—говорить она о предложеніи родныхъ относительно отказа опальному жениху—такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказъ ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла, и такъ положила свое намереніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому нѣтъ уже участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода. А я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищемъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безуміе Богу. Онъ тому свидѣтель—все, любя мужа, сносила, а сколько можно мнѣ было—еще и его подкрѣпляла».

Вечеромъ пріѣхалъ къ ней женихъ. Здѣсь они вновь поклялись никогда не разлучаться, какая бы бѣда ни постигла ихъ въ будущемъ.

Бѣда, дѣйствительно, постигла скоро, и бѣда большая.

«Часъ-отъ-часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья?... Всѣ ближніе далече мене стали—всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали меня бояться... Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтъ, кому назначено на время быть велику, а послѣ прійти въ несчастье:—всѣ стануть презирать, никто говорить не захочетъ».

Большая бѣда ждалась съ часу-на-часъ.

Когда дѣвушка проѣзжала, вскорѣ послѣ смерти молодого государя, по городу, — гвардейскіе солдаты кричали:

— Это отца нашего невѣста! матушка наша! лишились мы своего государя!...

За то другіе кричали ей вслѣдъ:

— Прошло ваше время! Теперь не старая пора!

Страшные слухи стали ходить по городу — большая бѣда видимо приближалась.

«Каково мнѣ было тогда, въ шестнадцать лѣтъ!»

Родные опять уговариваютъ ее разстаться съ зачумленнымъ фаворитомъ; опять пугаютъ ее; но она остается непреклонною въ своемъ рѣшеніи.

Молодые люди назначаютъ день своей свадьбы. Но никто изъ родныхъ Натальи Борисовны не хочетъ и не рѣшается везти ее къ вѣнцу — это значило бы съ рукъ на руки передать дѣвушку тюремному сторожу, отправить въ ссылку.

Но дѣвушка непреклонна — и родные окончательно отрекаются отъ безумной упрямцы.

«Самъ Богъ отдавалъ меня замужъ, а больше никто!» восклицаетъ она, вспоминая это время.

Какія-то дальнія родственницы старушки проводили ее въ деревню, гдѣ жила, какъ-бы укрываясь отъ постороннихъ глазъ, вся семья Долгоруковыхъ.

Горько плакала дѣвушка, уѣзжая изъ отцовскаго дома и прощаясь съ родными стѣнами:

«Кажется, и стѣны дома отца моего помогали мнѣ плакать»...

Сирота-сиротой поѣхала она къ жениху, зная, что не на радость ѣдетъ: семья у жениха большая, надо угодить всѣмъ — и свекру, по старинному обычаю русскаго народа, надо быть по-

корливой, держать голову поклончиво, надо угодить и всему обширному роду, потому что она являлась въ родѣ Долгоруковыхъ послѣднимъ и младшимъ членомъ рода.

«И такъ нашъ бракъ былъ больше достоинъ плача, нежели радости».

Но все-таки черезъ три дня послѣ вѣнца молодые собрались-было дѣлать визиты роднымъ и знакомымъ.

Тогда-то и пришла большая бѣда.

Является изъ сената секретарь съ указомъ:—всѣмъ Долгоруковымъ повелѣвалось ѣхать въ дальнія деревни — старику-отцу Алексѣю Долгорукову, молодому Ивану и прочимъ.

Надо было спѣшно собираться въ путь, чтобъ не стряслось новой худшей бѣды.

Бѣда-то стряслась, но немного погода.

Наталья Борисовна, проживя всего на свѣтѣ шестнадцать лѣтъ, никогда прежде и никуда не ѣзжала, не знала, что нужно будетъ въ дорогѣ и въ деревнѣ, а потому все свое имущество отослала къ брату на сохраненіе — драгоценныя вещи, посуду, платье — а взяла только тулупъ для мужа да для себя шубу.

Братъ Наталья, зная дальность предстоящаго ссыльнымъ пути, прислалъ сестрѣ тысячу рублей, но она, въ дѣтскомъ невѣдѣніи всей трудности предстоящей жизни, взяла съ собой только четыреста рублей, а остальные отослала обратно.

Она знаетъ только мужа, только его видитъ, такъ и ходить за нимъ какъ тѣнь—«чтобъ изъ глазъ моихъ никуда не ушелъ»...

Наконецъ выѣхали.

Съ Натальей Борисовной поѣхала раздѣлять изгнаніе только «иноземка мадамъ», которая при ней еще при маленькой находилась и любила ее.

Но и эта скоро покинула ее, когда пришлось ужъ слишкомъ тяжело и дальше слѣдовать за любимицей своей «иноземка» не могла.

Выѣхали Долгоруковы въ самую распутицу, въ апрѣлѣ: — тащилась въ ссылку вся огромная семья долгоруковская.

«Я въ радости ихъ не участница была (прибавляетъ Наталья Борисовна), а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая».

Дорога была долгая и тяжелая: можно себѣ представить, каковы были тогда пути сообщенія, когда и при Екатеринѣ II, до конца прошлаго вѣка, богатые люди не иначе ѣздили по Россіи какъ съ отрядами вооруженной дворни и должны были нерѣдко, съ оружіемъ въ рукахъ, отбиваться отъ разбойниковъ.

Наши путешественники ночевали часто въ полѣ, въ лѣсу, на болотахъ. Было и такъ, что они ночуютъ въ одной деревнѣ, а туда ждутъ нападенія разбойниковъ.

За девяносто верстъ отъ Москвы нагналъ ихъ одинъ капитанъ гвардіи и объявилъ высочайшій указъ отъ 17-го апрѣля 1730 года. Въ указѣ этомъ вычислялись вины Долгоруковыхъ, а главная изъ нихъ — смерть молодого императора, послѣдовавшая отъ несмотрѣнія Долгоруковыхъ, отъ недостатка охраненія со стороны ихъ высочайшаго здравія.

Наконецъ, поѣздъ добрался до касимовскихъ имѣній Долгоруковыхъ.

Въ деревнѣ, молодая чета помѣстилась въ крестьянской избѣ; спальною ихъ сдѣлался сѣнной сарай.

Но и такая жизнь, относительно покойная, продолжалась только три недѣли.

Большая бѣда еще не вся исчерпалась...

12-го іюля 1730 года послѣдовалъ новый указъ.

Въ деревню, въ силу этого указа, пріѣхалъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью-четырьмя солдатами конвоя, поставилъ караулъ у всѣхъ дверей, гдѣ помѣщались ссыльные, и объявилъ, что вся семья Долгоруковыхъ ссылается въ Сибирь, въ знакомый уже намъ Березовъ.

«И держать ихъ тамъ безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ — объявлялось въ указѣ — людей опредѣлить къ нимъ пристойное число безъ излишества, письма домой писать имъ и изъ дома получать только на счетъ присылки запасовъ и другихъ домашнихъ нуждъ; всѣ письма, какъ посылаемыя ими, такъ и входящія на ихъ имя, читать прежде офицерамъ, которые будутъ къ нимъ приставлены, и офицерамъ этимъ записывать: когда, куда и откуда и о чемъ были письма».

А вины ссыльныхъ прописаны были въ указѣ въ томъ смыслѣ, что опальному Алексѣю Долгорукову съ сыномъ Иваномъ и семьею вѣдно-де было жить въ Пензенской губерніи, а «онъ, весьма пренебрегая нашъ указъ, живетъ нынѣ въ касимовскихъ деревняхъ».

Но именно—по словамъ Натальи Борисовны—о пензенскихъ-то деревняхъ и не было сказано въ прежнемъ указѣ.

Какъ бы то ни было, но вина была указана именно эта.

«Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти — говорить снова Наталья Борисовна: — лишилась дома своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; не буду слышать о нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; брать меньшій мнѣ былъ дорогъ, — очень ужъ онъ любилъ меня; сестры маленькія остались. Боже мой! какая это тоска пришла!...

«Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и почести, и богатство, и сродниковъ; стражду съ нимъ и скитаюсь. Этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни пе-

редъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ былъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизньнюю свою заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и всякія бѣды сносить, могу сказать — безпримѣрныя бѣды».

Везли ихъ въ Сибирь подъ самымъ строгимъ карауломъ, сначала сухимъ путемъ, потомъ водою, потомъ опять сухимъ путемъ.

Дорога долгая, трудная. Несчастная жена бывшего царскаго любимца и дочь фельдмаршала, дорогою, по нуждѣ, сама платки моетъ, которыми слезы утирать надо.

«Нельзя всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла:—пускай бы я одна въ страданіяхъ была; товарища своего не могу видѣть безвинно страдающаго».

Для шестнадцатилѣтняго ребенка, балованной дочери фельдмаршала и богача—это въ самомъ дѣлѣ много.

Въ Тобольскѣ гвардейскій офицеръ передалъ арестантовъ гарнизонному офицеру—какъ говорится—изъ бурбоновъ.

Этотъ новый начальникъ ссыльных сначала не говорилъ даже съ своими «арестантами»—«что ужъ на свѣтѣ этого титула хуже!» прибавляетъ Наталья Борисовна.

Офицеръ этотъ скоро, однако, сталъ постоянно обѣдать съ своими арестантами; но приходилъ въ солдатской шинели, надѣтой прямо на рубаху, и въ туфляхъ на-босу-ногу. И этотъ начальникъ говорилъ всѣмъ Долгоруковымъ, и князьямъ и княжнамъ—«ты».

Наташѣ Борисовнѣ онъ казался смѣшнымъ, а не возмутительнымъ, а какъ молодость смѣшлива во всѣхъ обстоя-

тельствахъ жизни, даже въ очень тяжелыхъ, то молоденькая ссыльная часто смѣялась, глядя на своего коменданта на-босу-ногу.

— Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ! замѣчалъ онъ ей.

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать — неизвѣстно: вѣроятно, онъ думалъ побить ее своею книжною ученостью, да на бѣду у ученаго офицера на-босу-ногу книги сгорѣли.

— Теперь-то вы натерпитесь всякаго горя, говоритъ гвардейскій офицеръ, провожавшій ссыльныхъ до Тобольска, прощаясь съ ними, и даже плакалъ, оставляя ихъ въ далекой сторонѣ и возвращаясь въ Россію, въ Москву, въ Петербургъ.

— Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ, отвѣчала на это Наталья Борисовна.

Оттуда ссыльныхъ повезли на суднѣ, но на такомъ старомъ и гниломъ, точно оно сдѣлано было именно для того, чтобы гдѣ-нибудь утопить арестантовъ.

Надо къ этому прибавить, что Наталья Борисовна дѣлала этотъ далекій и трудный переѣздъ беременною.

Черезъ четыре мѣсяца, въ Березовѣ, она родила сына Михаила, — и вотъ у нея никого нѣтъ — ни бабки, ни кормилицы. Сына своего князя князь сына Михайлу Долгорукова вспоила она коровьимъ молокомъ.

Говорятъ, что въ Березовѣ или по пути туда Долгоруковы встрѣтились съ Меншиковыми: одни ѣхали въ Березовъ, другіе изъ Березова. Только обѣ царскія невѣсты не встрѣтились уже тамъ: Марья Меншикова съ генваря этого года лежала уже въ мерзлой сибирской землѣ, съ двумя младенцами, тоже Долгорукими, отъ князя Федора Васильевича Долгорукаго.

Намъ уже извѣстно изъ предыдущихъ очерковъ, что въ Березовѣ находилась вся семья Долгорукихъ: старикъ Алексѣй Гри-

горьевичъ, его сыновья и дочери, въ томъ числѣ бывшая невѣста покойнаго императора Петра II-го, сестра бывшего его фаворита Ивана Алексѣевича—Екатерина. Несчастная связь ея съ тамошнимъ гарнизоннымъ офицеромъ Овцынымъ и отказъ въ благосклонности тобольскому подъячему Тишину были причиною, что, по доносу Тишина, всѣхъ Долгорукихъ, кромѣ женщинъ, забрали изъ Березова въ 1739 году.

Схваченъ былъ и мужъ Натальи Борисовны, которая долго не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ сдѣлали,—не знала до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны и до объявленія ей милостиваго позволенія о возвратѣ изъ ссылки.

А между тѣмъ съ мужемъ ея, какъ извѣстно ей стало послѣ, вотъ что было:

По доносу Тишина, Биронъ свезъ всѣхъ Долгорукихъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ ссылки въ Новгородъ и велѣлъ учинить надъ ними слѣдствіе по дѣлу, между прочимъ, о такихъ преступленіяхъ, о которыхъ осужденные и сами не вѣдали.

Оказавшихся наиболѣе виновными въ истинныхъ и мнимыхъ преступленіяхъ казнили.

Казнили жестоко и мужа Натальи Борисовны.

Это была дѣйствительно жестокая, ужасная казнь съ колесованіемъ и рубкою разныхъ членовъ, а потомъ головы.

Насколько молоденькая жена его показала твердость духа, отправившись съ нимъ подъ вѣнецъ, когда голова жениха уже заранѣе обречена была топору, а потомъ не побоялась и ссылки, настолько самъ онъ показалъ геройское терпѣніе, когда умиралъ на плахѣ.

Рубить ему палачъ правую руку—

— Благодарю тя, Господи! говорить Долгорукій.

Рубить палачъ лѣвую ногу—

— ... яко сподобилъ мя еси (продолжаетъ казнимый).

Рубить палачъ лѣвую руку—

— ... познать тебя, Владыко! (заканчиваетъ казнимый).

Тогда палачъ отрубаетъ ему и голову — нечѣмъ больше молиться...

Одиннадцать лѣтъ вдова казненнаго пробыла въ Березовѣ.

Возвращенная Елизаветой Петровной изъ ссылки, «великая страдальца», Наталья Долгорукая-Шереметева удалилась въ монастырь, въ Кіевъ. Тамъ она приняла схиму.

Умерла 3-го іюля 1771 года, пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду, когда на сцену жизни выступали новыя русскія женщины, о которыхъ мы въ свое время скажемъ.

XV.

Императрица Анна Іоанновна.

Семилѣтнимъ ребенкомъ царевна Анна Іоанновна вступила въ восемнадцатое столѣтіе.

Предшествовавшій вѣкъ и его своеобразный строй жизни она могла помнить такъ же смутно, какъ она смутно должна была помнить обстоятельства самаго ранняго дѣтства.

Но дѣтство всегда кладетъ неизгладимую печать на всю последующую жизнь человѣка, на его характеръ и склонности, на симпатіи и антипатіи его духа, при помощи коихъ впоследствии слагаются у человѣка отношенія къ людямъ, къ обстоятельствамъ и всѣмъ явленіямъ жизни.

Семнадцатый вѣкъ не могъ не наложить неизгладимую печать и на всю жизнь лица, о которомъ мы говоримъ, не смотря на то, что лицо это пережило всю эпоху ломки стараго, безпощадной ломки, предпринятой энергическимъ дядею царевны Анны Іоанновны — царемъ Петромъ.

Анна Іоанновна видѣла своими глазами, какъ обрѣзывалась борода у старой Руси, какъ на ея одрихлѣвшее отъ неподвижности, но здоровое тѣло надѣвалось новое платье; она видѣла все это, сама росла повидимому подъ условіями новой жизни; но

дѣтскія ея симпатіи не могли быть вытравлены новыми порядками, и она лишь разсудочно принадлежала новой жизни, подчинялась ея требованіямъ, а во многомъ, по законамъ нравственной инерціи, продолжала жить старою, до-петровскою, домостроевскою жизнью.

Анна Іоанновна была дочь старшаго брата Петра Великаго, «скорбнаго главою» царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

Годъ ея рожденія (22-го генваря 1793 года) совпадаетъ съ тѣмъ годомъ, когда ея державный дядя пытался только «прорубать окно въ Европу», которое и прорубили десять лѣтъ спустя, въ 1703 году, заложениемъ Петербурга: въ годъ рожденія царевны Анны юный Петръ только что успѣлъ заложить верфь въ Архангельскѣ и отправить за море, въ Голландію, первый свой «корабликъ».

Такимъ образомъ, хронологически, царевна Анна принадлежала новой Руси; но воспринимала ее отъ купели и пеленала старая Русь, и едва царевна появилась на свѣтъ божій, какъ, по древнему обычаю, во всѣ концы земли русской понеслись гонцы съ государевыми грамотами, такого же содѣржанія и такой же формы, съ какими носились гонцы по московскому царству съ вѣстями о рожденіи бабушекъ и прабабушекъ царевны.

«Великихъ государей богомъ дарованную радость вѣдать, ратнымъ и всякаго чину людямъ сказать и Господу Богу и пресвятой его Богоматери и всѣмъ святымъ о великихъ государей и той новорожденной благовѣрной государыни, царевны и великія княжны А н н ы І о а н н о в н ы многолѣтномъ здравіи молитвы и благодареніе воздавать» — вотъ что оглашалось грамотами по русской землѣ въ день рожденія царевны.

Въ памяти царевны должна была напечатлѣться обстановка ея дѣтства—этотъ старинный дворъ ея матери, царицы П р а с к о в ь и, съ тѣми свѣчаами и обычаями, подъ которыми выросли когда-то и женщины древней Руси.

«Домъ царицы П р а с к о в ь и Ф е д о р о в н ы—пишетъ ея родственникъ, историкъ Татищевъ—отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатень Тимофей Архиповичъ, сумазбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не столько при немъ, какъ послѣ его предсказанія вымыслили: онъ императрицѣ А н н ѣ, какъ была царевною, провѣщаль быть монахиною и называлъ ее А н ф и с о ю; царевичъ П р а с к о в ь ѣ—быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ А н н а императрицею учинилась, указывали, яко-бы онъ ей задолго корону провѣщаль»...

Живя въ такой обстановкѣ, маленькая царевна должна была однако подчиняться требованіямъ новаго времени: а требованія новаго времени тогда выражались единственно въ волѣ Петра. Петръ требовалъ, чтобы всѣ учились — и маленькую царевну должны были отъ часослова и псалтыря «присадить» къ изученію языковъ французскаго и нѣмецкаго.

Для перваго учителемъ взятъ былъ французъ Степанъ Рамбурхъ: этотъ французъ «танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго».

Рамбурху обѣщано было за ученіе царевенъ по триста рублей въ годъ жалованья; но ученіе шло такъ плохо, что царевна не научилась ни танцевать, ни писать пофранцузски въ теченіе пяти лѣтъ, и Рамбурхъ, не смотря на «долголѣтнія доуки царицѣ, царевнамъ и государю» о жалованьѣ — ничего не получилъ.

Не легко, какъ видно, привилась новая жизнь въ описанномъ нами выше дворѣ матери царевны Анны Іоанновны.

Нѣмецкимъ учителемъ у царевнѣ былъ Остерманъ, старшій братъ прославившагося впоследствии дипломата и кабинетъ-министра Остермана. Но этотъ учитель, по отзыву Дюка-де-Лирія, «былъ величайшій глупецъ», считавшій себя «человѣкомъ съ большими способностями» и говорившій всегда «загадками»: отъ неспособности ли учителя или отъ всей жизненной обстановки — но и нѣмецкое ученье царевнѣ шло плохо, такъ что хотя впоследствии Анна Іоанновна долго жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, однако по-нѣмецки она не говорила всю жизнь.

Степень ея познаній въ русской грамотѣ мы увидимъ ниже изъ ея любопытныхъ писемъ къ матери.

Во времени воспитанія царевны Анны относятся интересныя свѣдѣнія, записанныя ея современникомъ, голландскимъ путешественникомъ и живописцемъ Корнелиемъ Ле-Брюномъ.

Петръ желалъ, чтобы Ле-Брюнъ снялъ портреты съ его племянницъ, съ царевнѣ, и въ томъ числѣ съ Анны Іоанновны. Когда Ле-Брюнъ былъ представленъ царицѣ Прасковѣѣ, то, послѣ перваго привѣтствія, сама царица и царевны подносили ему изъ своихъ рукъ чаши съ водкою, виномъ и пивомъ.

Ле-Брюнъ изображаетъ царевнѣ уже въ нѣмецкихъ платьяхъ, которыя онѣ впрочемъ надѣвали только тогда, когда показывались въ публикѣ. Прически царевнѣ изображены на портретахъ такія, какія носились въ старой Руси.

По свидѣтельству Ле-Брюна, царевна Анна была блондинка съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Между тѣмъ всѣ позднѣйшіе ея біографы изображаютъ Анну Іоанновну брюнеткою — съ черными глазами, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и съ совершенно

черными волосами. Глаза ея и курчавые волосы—говорить одинъ нѣмецъ—«чернотой своею могли поспорить съ углемъ».

Ле-Брюнъ говорить, что царевна Анна и двѣ другія ея сестры—чрезвычайно мягкаго характера и обворожительно-любезны. Когда онъ рисовалъ портреты царевенъ, онѣ не знали, какъ и чѣмъ его угостить, часто удерживали у себя обѣдать и за столомъ нарочно для него подавали скромныя кушанья, хотя весь дворъ въ то время, по случаю великаго поста, не употреблялъ скромной пищи.

Въ 1709 году царевнѣ Аннѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и Петръ задумалъ немедленно выдать ее замужъ. Брачные союзы Петръ считалъ «сикурсомъ» въ своихъ политическихъ расчетахъ, и въ данномъ случаѣ политическія соображенія руководили имъ въ выборѣ жениха для своей племянницы въ лицѣ шестнадцатилѣтняго курляндскаго герцога, Фридриха Вильгельма.

Въ апрѣлѣ 1710 года намѣченный Петромъ женихъ уже писалъ царю, что желая выразить полную довѣренность къ царскимъ милостямъ и ускорить заключеніе союза между царемъ и разореннымъ до основанія герцогствомъ, которое было театромъ жестокой и опустошительной войны между Россією и Швецією,—онъ посылаетъ для заключенія брачнаго контракта довѣренныхъ лицъ. Эти послѣдніе просили, между прочимъ, царя послать къ герцогу портретъ всѣхъ трехъ царевенъ.

Портреты были посланы.

Герцогъ, никогда не видавшій царевенъ, почему-то остановился на портретѣ Анны Іоанновны.

«Мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ — говорить одинъ изъ новѣйшихъ писателей — почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну—позволяемъ себѣ только

догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ».

Царевна Анна была менѣе любима матерью, чѣмъ сестра ея Прасковья: для послѣдней ожидался, вѣроятно, болѣе выгодный женихъ.

Какъ бы то ни было, но женихъ казался доволенъ своею нѣвѣстою.

«Вы не только помогаете мнѣ обезпечить обладаніе моимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ, обѣщая силою поддерживать меня противъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній, но даже пожаловали мнѣ въ супруги ея высочество царевну Анну—дражайшій и любезнѣйшій залогъ благоволенія ко мнѣ вашего величества» — вотъ что писалъ герцогъ царю.

Съ своей стороны царевна, по приказу старшихъ, написала жениху любезное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, письмо витіеватое, но слишкомъ казенное.

«Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества — пишетъ не вѣста — я съ особеннымъ удовольствіемъ узнала объ имѣющемъ быть, по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ величествъ, моихъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракъ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что почти не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ услышать ваше объясненіе въ любви ко мнѣ. Съ своей стороны увѣряю ваше высочество совершенно въ тѣхъ же чувствахъ, что при первомъ, сердечно желаемомъ, съ божьею помощію счастливомъ, личномъ свиданіи предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь между тѣмъ, свѣтлѣйшій герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею служницею. Анна».

Ясно, что это уже пріемъ новаго времени. Мы видѣли, что не такъ королевичъ Вольдемаръ сватался за бабушку царевны Анны Іоанновны, за царевну Ирину Михайловну: пять лѣтъ

прожилъ женихъ въ Москвѣ, и ему ни разу не показали не только невѣсты, но даже и ея портрета — «парсуны».

Въ августѣ 1710 года женихъ Анны Іоанновны, въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметева, прибылъ въ Петербургъ.

Начались пиры, катанья, фейерверки. Пиръ того времени отличался гомерической новоздержностью относительно питья крѣпкихъ напитковъ — и юный женихъ пилъ много, чѣмъ, кажется, и погубилъ себя.

Бракосочетаніе происходило 31-го октября. Описаніе брака равославно было по вѣсѣмъ европейскимъ дворамъ, въ доказательство, что Россія перестала быть варварскою страной и поевропейски справляетъ царскія свадьбы.

Но старая Русь съ ея повѣрьями и предрасудками пряталась за европейскими формами, за нѣмецкимъ платьемъ.

Надъ головою новобрачной висѣла корона изъ лавровыхъ листьевъ; надъ молодымъ герцогомъ — лавровый вѣнокъ. Петръ, во время пира, сорвалъ вѣнокъ герцога, и совѣтовалъ ему, по русскому обычаю, сорвать корону, висѣвшую надъ головой новобрачной герцогини. Юноша не въ силахъ былъ сорвать корону руками, а отрѣзалъ ее ножомъ.

Старая Русь стала шептаться, что это не къ добру.

Но Петру было не до старой Руси: онъ хотѣлъ, чтобы и новая Русь сказала въ этомъ торжествѣ. Эта послѣдняя сказывалась въ танцахъ и въ безумномъ весельѣ гостей, наконецъ въ пренебреженіи старыхъ обычаевъ.

Изъ «юрналовъ» (журналы) 1710 года, въ которыхъ описывалась свадьба Анны Іоанновны, мы узнаемъ, что царь за обѣденнымъ столомъ выдумалъ оригинальную забаву. На главномъ столѣ поставлены были два огромнѣйшіе пирога, вышиной болѣе аршина. Пироги изображали десертъ. Когда обѣдъ былъ

конченъ, царь вскрылъ пироги—и вмѣсто начинки изъ пироговъ выскочили двѣ карлицы. Изумленіе пирующихъ было неописанное. Петръ перенесъ карлицъ на другой столъ, и на этомъ столѣ сидѣвшіа въ пирогѣ живыя существа исполнили минуэтъ!

Но старая Русь не даромъ шептала, что быть худу.

Худо дѣйствительно скоро совершилось.

Въ генварѣ 1711 года Анна Іоанновна съ мужемъ, послѣ нескончаемыхъ пировъ и забавъ, выѣхали въ свое герцогство, въ Митаву.

Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ Дудергофѣ, молодой герцогъ умеръ. Полагаютъ, что юноша не вынесъ нашихъ брачныхъ пиршествъ и умеръ просто жертвою непомернаго питья горячихъ напитковъ.

Рано осталась Анна Іоанновна вдовою.

Тѣло герцога въ великолѣпномъ гробѣ отправили въ Митаву, въ герцогскій склепъ, а молодая вдова воротилась въ старый домъ матери, въ село Измайловское.

Но Петръ не желалъ оставлять Курляндію безъ герцогини. Его желаніе было переселить туда, все семейство царицы Прасковьи, и вотъ онъ, въ апрѣлѣ 1712 года, пишетъ сенату: «Понеже невѣстка наша, царица Прасковья Федоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселѣ въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, не мѣшкая».

Черезъ годъ послѣ этого, мы видимъ уже Анну Іоанновну больною. Она гоститъ у матери, въ селѣ Измайловскомъ, а между тѣмъ Петръ настаиваетъ, чтобъ она ѣхала съ дочерью въ Курляндію.

Мать Анны боится прогнѣвить царя своею медленностью, боится и ѣхать съ больною дочерью.

«Алексѣй Васильевичъ—пишетъ она кабинетъ-секретарю Макарову—здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй, донеси невѣстуншѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества,—во истинно за великими моими печалами. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла тринадцать недѣль каменною болѣзнію, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнію горячкою. А ежели имъ угодно скоро быть, и я, хотя больную, повезу. И ты пожалуй отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть — чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать»...

Скудное было житье Анны Іоанновны въ Курляндіи. Страна разорена войнами. Доходовъ никакихъ.

И вотъ царица Прасковья плачется за свою дочь передъ царемъ:

«Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу (т. е. отъ Петра, постоянно отсутствующаго), никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царевны учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу тому сенату. .

«Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабжала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

«Созволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царевнѣ моей, опредѣлено; съ чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновению княжескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленія: изъ вашей ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

«Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впредь изъ какого недознанія какой неугодности вамъ не учинить: чтó ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по при-мѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство со-держать, или просто?

«Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и ви-дѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпастъ и управить.

«Кареть и лошадей мы беремъ на должовныхъ людей, по та-мошнему чиновному порядку: также ей, царевнѣ моей, безъ осо-бой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

«Повелите ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему ста-рому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по при-стойности дѣла.

«Прошу вседоучно, по своей крайней милости и по своему слову, переимѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который дамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить, и быть на его мѣсто впредь иному, кому вы со-изволите.

«На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отповѣди себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать бу-демъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня погланъ».

Упоминаемый въ челобитной «несносный гофмейстеръ» — это Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ, по повелѣнію царя завѣ-дывавшій всеми дѣлами Курляндіи, собиравшій съ этой страны доходы и выдававший на содержаніе герцогини Анны «столю-ко» — какъ приказывалъ ему Петръ — безъ чего нельзя про-быть».

Полагаютъ, что Бестужевъ-Рюминъ возбудилъ неудовольствіе къ себѣ старой царицы по разнымъ интригамъ и сплетнямъ, которыя приняли наконецъ форму прямого обвиненія, весьма можетъ быть неосновательнаго, будто бы Анна Іоанновна оказывала ему непозволительное для молодой вдовы вниманіе. Быть можетъ, что это клевета, не смотря даже на то, что клевету эту подтверждаетъ и князь Щербатовъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи о «поврежденіи нравовъ». Какъ человѣкъ, ратовавшій противъ новизны и специально избравшій своимъ предметомъ доказательство поврежденія нравовъ въ новой Руси, Щербатовъ во всемъ могъ видѣть порокъ и развратъ.

Поэтому едва ли можно принимать безъ критики его слова, относящіяся къ Аннѣ Іоанновнѣ: «не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ»...

Какъ бы то ни было, но это обвиненіе лежало на молодой вдовѣ, и сама мать ея, царица Прасковья, давала поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ о поведеніи дочери.

Но Петръ не вѣрилъ сплетнямъ. Не вѣрила имъ и Екатерина Алексѣевна.

Такъ отвѣчая на одну изъ слезницъ царицы Прасковьи по этому поводу, Екатерина говоритъ:

«Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже онъ не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла стануть, и то его величеству зѣло будетъ противно.

И зѣло я тому удивляюсь, что ваше величество такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приносить, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете».

Относительно же матеріальнаго обезпеченія Анны Іоанновны, царица Прасковья получила такой отвѣтъ отъ Екатерины:

«Государыня моя, невѣстушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

«Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Іевлева исправно дошли, на которыя доношу: объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу, и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ конечно снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда не надобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ, всякіе денежныя поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же ваше величество упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я надѣюсь, что, при

помощи божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщеть, и тогда уже меньше вашему величеству будетъ печали».

Мать Анны Іоанновны входила повидимому во всѣ мелочи жизни своей дочери, какъ это и должно было быть, когда старинное воспитаніе положительно не приучало молодую женщину къ самостоятельности. Оттого и молодыя и старыя женщины того времени считали себя еще болѣе безпомощными, чѣмъ женщины современныя намъ.

Поэтому, царица Прасковья докучаетъ Екатеринѣ то тѣмъ, чтобъ къ Аннѣ курляндской назначить тѣхъ, а не другихъ придворныхъ, то перемѣнить у нея пажей, то дать ей хорошихъ совѣтчиковъ.

«Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу Матвѣеву или Львову—отвѣчаетъ Екатерина на одну изъ такихъ материнскихъ докукъ—и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи».

Впрочемъ всѣ, кажется, смотрѣли на Анну Іоанновну, герцогиню курляндскую, какъ на ребенка: — даже поставка ей туалета зависѣла отъ царя и отъ Бестужева-Рюмина. Мало того, Петръ лично распоряжается, какихъ водокъ ставить ко двору герцогини курляндской: «ангеликовой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина пять ведеръ; изъ гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, персиковой, коричневой — по одному ведру».

Молодая герцогиня, повидимому скучавшая въ Курляндіи, продолжала ѣздить къ матери. Курляндцы считали это, для себя «конфузіей», и Петръ такъ утѣшаетъ ихъ въ этой «конфузіи» чрезъ Бестужева:

«Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузіи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны, извѣстенъ, и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возвратиться паки въ Курляндію и жить тамъ».

Ваше мы сказали, какое воспитаніе давалось тогда царевнамъ.

Русская женщина только начинала учиться, и потому неудивительно, что первые шаги ея на поприщѣ грамотности были не особенно успѣшны.

Трудно даже повѣрить, чтобы царевна, племянница Петра-преобразователя, герцогиня курляндская, писала такія письма, какъ приводимое нами ниже письмо Анны Іоанновны къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Но въ исторической жизни русской женщины важно и то, что она начинаетъ сама писать. Какъ она пишетъ — это другой вопросъ.

Вотъ одно изъ драгоценныхъ писемъ Анны Іоанновны, краснорѣчивѣе цѣлыхъ трактатовъ говорящее о степени образованія тогдашней женщины и ея жизненной обстановкѣ:

«Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя на многія лета вкупе съ государемъ нашимъ батюшкой, дядюшкой и государынями нашими сестрицами.

«Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала ізволила вспомнить меня. Незнаю матушка мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу милость, какъ я обрадовалась Богъ васъ свѣтъ мої самое такъ порадуетъ, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ не радовалась, какъ нынче радуюсь о милости вашей ксебѣ; прошу, матушка мая, впредь меня содержать всвоеі неотменноі милости, ей ей у меня крамѣ тебя свѣтъ мої нетъ никакой надѣжды; і вручаю я себя вмиласть тваю матеренскую; і надѣюсь, радость мая, тетушка што не оставишь меня всвоей милости і до маей смерти; изволили вы свѣтъ мой ка мнѣ приказовать, штобъ я отписала про Василя Ѳедоровича (Салтыковъ, дядя Анны Іоанновны), и я донашу. Ботороі здеса бытностію сваею многіе мнѣ противности дѣлалъ, какъ славами, такъ и публичными поступками, противъ маей чести; между которыми раза стри со слезами отъ него оташла... Онъ же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штобъ онъ былъ, іли кто другой, ево руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ мої до таво не допустить: я отъ Бестужева во всемъ доволна, и въ моихъ здешнихъ делахъ, очинь харашо поступаетъ,— І о всѣхъ Василя Ѳедоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донести Маврину. І поѣхалъ Василій Ѳедоровичъ отъ меня серпамъ; можно было видѣть, што онъ снадеждоі поѣхалъ, штобъ матушкѣ на меня мутить. Ізвесна свѣтъ мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Екатерину Ивановну); і какъ онъ пріѣхалъ впитербурхъ, і матушка изволить ка мнѣ писать не такъ милостива, какъ прежде исволила писавать; а нынче ісволить писать, штобъ я не печадилась: «я де не сердита», а я своей вины еі, еі не знаю; а можна видѣть по письмамъ, што гневна на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ: также какъ праважалъ

сестрицу. Окуневъ до меня, і былъ, здесь, і приѣхалъ отсюда въ Питербургъ, і онъ не мала напрасно на меня намутилъ матушке; і чаю вы, свѣтъ мой, таго Окунева изволите знать; и ни чимъ не магу радоваца; толка радуюсь матушка мая, тваєю миластію ксебѣ. И влнежна (Александра Григорьевна Долгорукая, злополучная жена В. Ф. Салтыкова) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедетъ истриги вваршаву кацу.

«При семъ прошу, матушка моя, какъ у самого Бога, у васъ, дарагая моя тетушка, покажи надо мною материнскую миласть: попроси, свет мой, миласти у дарагова государя нашего, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показавъ миласть: мое супружественнае дела каакончанію привести, дабы я болше всокрушении і терпени от моіхъ зладеевъ, ссораю кматушке не была; істенна, матушка моя, донашу несносна какъ наши ругаюца; если бы я таперь была при матушке, чаю бы чуть была жва отъ іхъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ мой свѣтъ сіе всвоей миласте.

«Также ісвоили вы, свѣтъ мой, приказовать камне: нетли нужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, извесна, што у меня ничево нетъ, кране што своли вашей выписаны штофы; а ежели кчему случаі позаветь, і я не имѣю нарочитыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотентъ, ни платья нарочетава; і втомъ ка мне ісвольте учинить, матушка моя, по высокаі своеі миласти, і здешнихъ пошленихъ денегъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ свої вгодъ содержать; также определенъ, по вашему указу. Бестужева сынъ ка мне оберъ-камарамъ юнкерамъ; і живетъ другой годъ безжалованья; и проситъ у мени жалованья; і вы, светъ мой, какъ изволите; і пращу матушка моя не прагневаца на меня, што утрудила своимъ письмомъ, на-

деючи на милость вашу себѣ; еще прошу светъ мой, чтобъ матушка не вѣдала ничего; і владусь волю вашу, какъ матушка моя изволишь самною. При семъ племянница ваша Анна кланяюсь».

Указываютъ и еще на одно письмо отъ этой же эпохи жизни Анны Іоанновны, письмо, въ которомъ будто бы проглядываетъ ея нѣжная заботливость о своемъ пятидесяти-четырёхлѣтнемъ гофмейстерѣ, тогда какъ самой герцогинѣ было только двадцать-пять лѣтъ; но и въ этой заботливости мы опять-таки не видимъ ничего подозрительнаго, не смотря на брюзгливый отзывъ объ этомъ предметѣ князя Щербатова. Напротивъ, письмо это вполне драгоцѣнно для насъ въ историческо-бытовомъ отношеніи.

«Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня моя на многія лета вкупе згосударемъ нашимъ дядюшкомъ и батюшкомъ изгосударынеми нашими сестрицами — пишетъ Анна Іоанновна отъ 1-го ноября 1719 года.

«Прошу, свѣтъ мой тетушка, содержать меня ввашей высокой милости, вкотораі мой и животъ, и всю мою надежду, і отъ всехъ пративнастей защищеніе имею; еще прошу ввашей высокой милости вБестужеваі дочери, кнегинѣ Валконскаі, каторая ныне отселя поехала не оставить еіе ввашей высокой милости.

«При семъ, матушка моя дарагая, посылаю вашему величеству досканъ енѣтарной, о каторамъ, светъ мой, прошу милостива принять.

«При семъ племянница ваша Анна кланяеця».

Какъ бы то ни было, но отношенія Анны Іоанновны къ Бестужеву Рюмину, при всей ихъ можетъ быть безупречности, составляютъ печальную страницу въ жизни будущей императрицы.

Отношенія эти поссорили ее съ матерью, крутой нравъ ко-

торой и суровая воля постоянно силились повидимому гнуть волю двадцатипятилѣтней дочери: въ царицѣ Прасковѣѣ и въ отношеніи ея къ дочери, царевнѣ Аннѣ, таились искры женщины стараго закала, вродѣ Софьи Витовтовны, которая держала въ рукахъ и мужа и сына.

Уже на смертномъ одрѣ, за два дня до своей кончины, суровая царица пишетъ Аннѣ Іоанновнѣ:

«Слышала я отъ моей вселюбезной невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы запрещеніемъ или тако рещи—проклятіемъ отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сомнѣвайся: все для вышешепомянутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю вамъ и прощаю вамъ во всѣмъ, хотя вы въ чемъ предъ мною и погрѣшили».

Между тѣмъ время шло, а герцогиня Анна оставалась вдовствующею, не смотря на заботы царственнаго дяди найти ей жениха во множествѣ германскихъ герцоговъ и курфирстовъ.

Вообще все время пребыванія Анны Іоанновны въ Курляндіи представляется самою безцвѣтною страницею въ ея жизни.

Около того времени, когда нападки на отношенія ея къ Бестужеву-Рюмину особенно усилились, появляется новое дѣйствующее лицо — Биронъ. Неотразимое вліяніе этой послѣдней личности проходитъ чрезъ всю жизнь Анны Іоанновны, и какъ герцогини курляндской, и какъ императрицы всероссійской.

Самъ Бестужевъ-Рюминъ ходатайствовалъ сначала о принятіи этой никому неизвѣстной и ничѣмъ не выдававшейся личности ко двору Анны курляндской. Впослѣдствіи личность эта сѣла на мѣсто своего благодѣтеля. Мало того, личность эта скоро начала гнуть по своему всю Курляндію, которая не хотѣла удостоить его званіемъ дворянина, а подъ конецъ нашла въ немъ своего

самодержавнаго герцога и чуть не диктатора-регента всей великорусской земли.

Но пока живъ былъ «батюшка-дядюшка» Петръ, голоса Бирона не слышно было въ Курляндіи, а слышенъ былъ только голосъ царя, помимо герцогини Анны отдававшаго приказъ Бестужеву: «Понеже слышу, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только, также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ расправѣ между людьми. На которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли, жалованье чтобъ не больше по чинамъ довано было, какъ при прежнихъ герцогиняхъ; людей непотребныхъ отпусти и впредь не принимай; виновныхъ наказывай, понеже не исправленіе взыщется на васъ».

Съ принятіемъ ко двору Бирона для Анны начинается новая жизнь: ее уже повидимому не тянетъ ни въ Москву, ни въ свое излюбленное отъ дѣтства село Измайловское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются для нея и новыя огорченія, ввидѣ намековъ и нашептываній о Биронѣ, о его камеръ-юнкерствѣ, о его необыкновенномъ фаворѣ.

Чтобы заглушить нашептыванья, чтобы шпионы и завистники вновь не «намутили» на нее при дворѣ грознаго «батюшки-дядюшки», Анна рѣшается женить своего камеръ-юнкера Бирона на одной изъ своихъ придворныхъ, на испещренной оспою дѣвицѣ Бенигнѣ Трейденъ.

Но вотъ умираетъ и грозный «батюшка-дядюшка».

Въ послѣднее свое пребываніе въ Россіи, еще при Петрѣ, Анна присутствовала при коронаціи Екатерины. Тогда съ нею познакомился и герцогъ голштинскій, впоследствии мужъ царицы Анны Петровны и отецъ императора Петра III.

Извѣстный камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся при голштинскомъ герцогѣ, такъ говоритъ о встрѣчѣ герцога съ Анной Іоанновной: «15-го марта его королевское высочество дѣлалъ парадный визитъ герцогинѣ курляндской. Она приняла его очень ласково, но не просила садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе»..

Но чѣмъ дальше, тѣмъ повидимому больше вырабатывается у этой женщины царственная самостоятельность, что впрочемъ не трудно объяснить: — грознаго «дядюшки-батьюшки» уже не было на свѣтѣ.

Около Анны, съ помощью Бирона, начинаетъ спланироваться курляндская партія, которая и начинаетъ парализировать силу Бестужева-Рюмина и всей русской партіи въ Митавѣ.

Въ это время у Анны Іоанновны является новый женихъ, въ лицѣ знаменитаго Морица саксонскаго, непосѣтнаго искателя приключеній изъ типа бродячихъ средне-вѣковыхъ кондотьеры.

Морица курляндцы хотятъ сдѣлать мужемъ Анны въ противовѣсъ русскому вліянію.

Является непосѣстный Морицъ въ Митаву — и его избираютъ въ герцоги. Депутатія курляндцевъ проситъ Анну одобрить выборъ страны и отдать свою руку Морицу. Последняя проситъ Остермана доложить Екаторинѣ, своей «матушкѣ-тетушкѣ»: «чтобъ ея императорское величество повелѣла сіе мое дѣло съ принцемъ Морицемъ совершить»..

Принцъ ей нравится; но онъ не нравится Меншикову, которому самому хочется надѣть на себя корону Курляндіи.

Съ цѣлью получить герцогство, Меншиковъ прїѣзжаетъ въ Митаву. Анна Іоанновна сама является къ нему съ слезною просьбою вдовицы.

«Начала она рѣчь объ извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбою — доносить Меншиковъ императрицѣ — чтобы въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество, могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее повелѣніе, представляя резоны: первое, что уже сколько лѣтъ какъ вдовствуетъ; второе, что блаженные и вѣчно достойныя памяти государь императоръ имѣлъ объ ней попеченіе, и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактовать были намѣрены, но не допустилъ того нѣкоторый случай»...

Самъ претендуя на корону, Меншиковъ хочетъ силою отнять жениха у плачущей Анны. Противъ жениха посылается войско. Но Морицъ, какъ подобаетъ бродячему рыцарю, съ шестьюдесятью молодцами своей свиты обороняется отъ войска. Мало того, невѣста въ подмогу рыцарю посылаетъ свою герцогскую гвардію — и руссій отрядъ, посланный Меншиковымъ для отнятія жениха у Анны Іоанновны, отступаетъ.

Герцогиня беретъ Морица въ свой замокъ, отводитъ ему тамъ помѣщеніе, каждое утро посылаетъ къ нему пажу узнавать о здоровьѣ, а другого — принимать отъ него приказанія.

Но странствующій рыцарь оказывается вѣтреннѣе Донъ-Кихота: онъ заводитъ интриги въ замкѣ, волочится за придворными дамами, компрометируетъ свое положеніе и репутацію невѣсты — и невѣста оказываетъ ему явную холодность.

Умираетъ и «тетушка-матушка» Екатерина.

Биронъ и курляндская партія еще выше поднимаютъ голову. Анна Іоанновна уже меньше заискиваетъ въ Петербургѣ,

гдѣ на престолѣ сидитъ ребенокъ-императоръ, племянникъ ея, Петръ II, водимый на помочахъ то одною, то другою сильною рукою царедворцевъ.

Биронъ, оттѣснившій отъ Анны Іоанновны Бестужева-Рюмина, уже кричитъ на этого послѣдняго какъ на стараго дворцаго.

«Онъ меня публично бранилъ и кричалъ въ каморѣ при дворѣ — жалуется Бестужевъ въ Петербургъ. — Его бѣдная фамилія въ десяти персонахъ не смѣла къ шляхетскому стану мѣшаться, нынѣ весьма стала горда и богата».

Около Анны Іоанновны все тѣснѣе и тѣснѣе спланивается кружокъ курляндскихъ нѣмцевъ, и кружокъ этотъ не въ мѣру растеть: Биронъ — уже камергеръ, гофмаршалъ Сакенъ, оберъ-гофмейстерина фонъ-деръ-Реннъ, шталмейстеръ и футтермейстеръ, три камеръ-юнкера, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау, множество гофратовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ, камеръ-лакеевъ — все это нѣмцы, и между ними нѣтъ ни одной русской фамиліи. Въ Москвѣ, отъ имени Анны Іоанновны, живетъ ея резидентъ, тоже нѣмецъ, Корфъ.

Имя русскихъ становится и презрѣнно и ненавистно въ Курляндіи: ясно, что нѣмецкія симпатіи Петра, перешедшія на его потомство и не сдерживаемыя его всерегулирующимъ гениемъ въ предѣлахъ разумности, зашли за предѣлъ упругости. То, что писала Екатерина царицѣ Прасковѣ, советуя ей взять ко двору Анны Іоанновны пажей изъ курляндцевъ — «ибо которые русскіе — и тѣ гораздо плохи» — это мнѣніе становится какъ-бы господствующимъ: всѣ русскіе почему-то разомъ оказываются «гораздо плохи».

Повидимому мягкая и безвольная Анна Іоанновна начинаетъ показывать царственную волю. Нѣсколько лѣтъ назадъ

она жаловалась на свое вдовство, а теперь ей представляется партія въ лицѣ герцога Фердинанда — и герцогиня оказывается «къ нему не склонна».

Вмѣсто Бестужева-Рюмина изъ Петербурга посылаютъ въ Курляндію Безобразова — и Анна Іоанновна не пускаетъ его въ свои помѣстья, грозятъ, что сама будетъ защищать ихъ.

Курляндія видимо подняла голову — и замѣчательно, съ этою высоко поднятою головою микроскопическое, сравнительно съ цѣлою Россіею, герцогство стояло надъ русской землею до самаго возшествія на престолъ Елизаветы Петровны.

Съ 18-го на 19-е генваря 1730 года умираетъ юный императоръ Петръ II. Мужская линія Петра Великаго на этомъ мѣстѣ обрывается.

Остаются — дочь Петра Великаго Елизавета Петровна и племянницы его, изъ которыхъ Анна Іоанновна топографически всѣхъ ближе къ Петербургу.

Въ ночь смерти императора собираются «верховники» на совѣщаніе объ избраніи новаго государя. Между «верховниками» — графъ Головкинъ, князя Долгорукіе — Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, Ягужинскій.

— Батюшки мои! — возвышаетъ свой голосъ Ягужинскій: — прибавьте намъ какъ можно воли... Теперь время думать, чтобъ самовластью не быть.

Выборъ «верховниковъ» останавливается не на дочери Петра Великаго, а на племянницѣ, на Аннѣ Іоанновнѣ.

Алексѣй Долгорукій — требуетъ короны для своей дочери, красавицы Екатерины, находившейся въ ссылкѣ послѣ помолвки съ покойнымъ императоромъ Петромъ II. Онъ требуетъ для нея короны, «яко для обрученной невѣсты».

Но имя Анны Іоанновны побѣждаетъ.

— Смертью почившаго императора — говоритъ при этомъ Дмитрій Голицынъ — прекратилось мужское поколеніе Петра І. Россія много терпѣла отъ деспотическаго его управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями и поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.

При этомъ, въ совѣщаніи «верховниковъ» заявляется, что Анна Іоанновна, въ случаѣ принятія короны, обязывается не брать съ собою Бирова, о которомъ уже составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ упрямомъ, заносчивомъ и заклятомъ врагѣ всѣхъ русскихъ.

Тотчасъ же составлены «условія»:

Императрица править государствомъ не иначе, какъ по соглашенію съ верховнымъ совѣтомъ.

Власти ея не подлежатъ: веденіе войны, заключеніе мира, наложеніе новыхъ податей, назначеніе въ высшія должности, наказаніе дворянина безъ доказательствъ его преступленія, конфискація имуществъ, распоряженіе казенными землями.

На содержаніе двора назначается извѣстная сумма.

Учреждается верховный совѣтъ: онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ и союзы.

Государственный казначей даетъ ему отчетъ въ расходахъ государственной казны.

Учреждается сенатъ: онъ разсматриваетъ дѣла, поступающія въ верховный совѣтъ.

Учреждается собраніе изъ двухъ-сотъ мелкихъ помѣщиковъ: собраніе защищаетъ права этого сословія, въ случаѣ если бы верховный совѣтъ нарушилъ ихъ.

Учреждается собраніе изъ дворянъ и купцовъ: оно обязано наблюдать, чтобы народъ не былъ угнетаемъ.

«Условія» эти оказались мертворожденными.

Въ девять часовъ утра Анна Іоанновна объявляется императрицею.

Вечеромъ въ Митаву отправляется депутація, состоявшая изъ генерала Леонтьева, князя Михайла Голицына и князя Василья Лукича Долгорукаго.

Между тѣмъ въ Москвѣ является сильная партія, которая идетъ въ разрѣзъ съ желаніями верховниковъ.

Это — Салтыковъ, Лопухинъ, графъ Апраксинъ, князь Черкасскій и множество другихъ сановниковъ.

Они составляютъ адресъ, въ которомъ доказываютъ необходимость единовластія, «особливо гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранить».

Они требуютъ также болѣе правильнаго распредѣленія доходовъ духовенства, «чтобы деревенскіе священники могли имѣть средства воспитывать своихъ дѣтей».

Они же, наконецъ, требуютъ «отдѣлить природное шляхетство отъ выслужившагося».

25-го генваря депутація «верховниковъ» находится уже въ Митавѣ и представляетъ императрицѣ, вмѣстѣ съ актомъ избранія ея на престолъ, вышепомянутыя «кондиціи».

Анна Іоанновна совѣтуется съ Бирономъ относительно «кондицій», и Биронъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы императрица немедленно согласилась на принятіе престола, но не какъ избранная государыня, а какъ наслѣдница, имѣющая право на скипетръ и корону отъ одного Бога.

Тогда Анна Іоанновна собственноручно пишетъ на поданныхъ ей «кондиціяхъ»: «по сему общаюсь все безъ всякаго изъятія содержать».

И тутъ же, въ особомъ рескриптѣ верховному совѣту объявляетъ: «Отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили, что, по соизволенію Всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на россійскій прародителей нашихъ престолъ»....

Въ рескриптѣ же пояснялось, что помянутыя ограниченія сдѣланы будто бы по волѣ самой императрицы.

3-го февраля, въ собраніи верховнаго совѣта документы эти были прочитаны.

Передъ прочтеніемъ ихъ верховный совѣтъ распорядился разставить повсюду «вооруженное воинство—и (восклицаетъ знаменитый ораторъ и святитель Феофанъ Прокоповичъ) дивное было всѣхъ молчаніе!»

Молчаніе было прервано тѣмъ же княземъ Дмитріемъ Голицынымъ.

— Видите-де (говоритъ онъ), какая милостивая государыня, и каково мы отъ нея надѣялись, и таково она показала отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ея подвинулъ къ писанію сему. Отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!

14-го февраля совершается торжественное вшествіе новой императрицы въ Москву.

Верховники предчувствуютъ, что дѣло ихъ не добромъ кончится: — отъ своей родственницы и статсъ-дамы Салтыковой императрица знаетъ все, что безъ нея дѣлалось въ Москвѣ.

25-го февраля во дворецъ собирается до восьми-сотъ вельможъ и офицеровъ; собравшіеся просятъ аудіенціи.

Императрица является къ этой блестящей толпѣ просителей и принимаетъ отъ нихъ коллективную челобитную, въ которой заявлялось, что подписанныя государынею кондиціи—опасны для Россіи и что форма правленія должна быть избрана по большинству голосовъ.

«Учинить по сему» — пишетъ императрица резолюцію на челобитной.

Блестящая толпа просителей, забывъ содержаніе своей челобитной, тутъ же просить императрицу принять полное самодержавіе, по примѣру прародителей.

Императрица соизволяетъ на моленія челобитчиковъ — и разрываетъ «кондиціи», подписанныя въ Митавѣ и ставшія уже безполезными.

«Вечеромъ—говорить покойный академикъ П. П. Пекарскій—въ Москвѣ раздавались радостныя восклицанія.... но на небѣ разлилось кровавое зарево сѣвернаго сіянія, и народъ, смотря на него, думалъ, что не быть добру».

Никто конечно не зналъ, каково будетъ царствованіе новой государыни; но по тому впечатлѣнію, какое она производила на современниковъ, знавшихъ ее лично, скорѣе можно было ожидать добра, чѣмъ худа.

Леди Рондо, имѣвшая возможность часто видѣть императрицу, такъ отзывалась о ея наружности и проявленіяхъ ея личнаго характера: «Она почти моего роста, чрезвычайно полна, но не смотря на это, хорошо сложена и движенія ея свободны и ловки. Она смугла, волосы ея черны, а глаза темно-голубые; во взглядѣ ея есть что-то царственное, поражающее съ перваго разу. Когда же она говоритъ, то на губахъ ея является невыразимо пріятная улыбка. Она много разговариваетъ со всѣми, и въ обращеніи такъ привѣтлива, что кажется, будто говоришь съ

равной себѣ; однако же она ни на минуту не теряетъ достоинства государыни. Она, повидимому, очень кротка, и если бы была частнымъ лицомъ, то, какъ я думаю, считалась бы чрезвычайно пріятной женщиной».

По свидѣтельству другого современника, Дюка-де-Лирія, Анна Іоанновна является съ такими чертами своей внѣшней и внутренней индивидуальности:—Императрица Анна толста, смугловата и лицо у нея болѣе мужское, нежели женское. Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедро до расточительности, любить пышность чрезмерно, отъ чего дворъ ея великолѣпнѣе превосходитъ всѣ прочіе европейскіе. Она строго требуетъ повиновенія къ себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ ей оказанныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо помнить и нанесенныя ей оскорбленія. Говорятъ, что у нея нѣжное сердце, и я этому вѣрю, хотя она и скрываетъ тщательно свои поступки. Вообще могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголѣтняго царствованія.

Между тѣмъ сохранилась и совершенно противоположная характеристика Анны Іоанновны; но характеристика эта очевидно пристрастна, написана подъ вліяніемъ злого воспоминанія, такъ какъ писана княгиней Натальею Борисовною Долгорукою, женою фаворита покойнаго Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которые всею семьею были сосланы въ Сибирь и потомъ иные изъ нихъ жестоко казнены.

Поэтому, Долгорукая, какъ бы изъ мщенія, говорить объ Аннѣ Іоанновнѣ: «Престрашнаго была взору. Отвратное лицо имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста».

Но личность женщины, какъ частнаго лица, и личность женщины, какъ лица государственнаго, въ фокусъ котораго отра-

жаются слишком много чуждыхъ и часто неизбѣжныхъ вліяній, не всегда могутъ быть сопоставляемы, и біографъ долженъ иногда по необходимости отдѣлять женщину отъ государыни, и наоборотъ.

Анна Іоанновна, слишкомъ долго находившаяся, до восшествія на престолъ, подъ жесткою опекою сначала «батьюшки-дядюшки» Петра и его слугъ, а потомъ Меншикова, долго боявшаяся всего, что исходило изъ ея суровой родины, изъ Москвы, отъ строгой царицы-матери и отъ всѣхъ русскихъ, у которыхъ она жила въ Курляндіи какъ-бы на хлѣбахъ, — естественно, ставъ императрицею, не могла вытравить въ себѣ того не мирящагося чувства, той горечи, которая находилась въ ней по отношенію къ ея родичамъ русскимъ.

Вотъ почему она и въ Москвѣ и въ Петербургѣ всю, такъ-сказать, окутала себя Курляндіею. Бироны, Трейдены, Левенвольды, Бисмаркъ, Остерманъ, Минихъ—вотъ что стало вокругъ ея трона и отгородило ее отъ русскихъ верховниковъ и всего русскаго.

Но и верховниковъ, предложившихъ ей обидныя «кондиціи», она не тронула: сосланы были только Долгорукіе за то, что не уберегли здоровье императора Петра II, да Сиверсъ и Фикъ—первый за то, что не хотѣлъ пить за ея здоровье, а послѣдній за то, что давалъ совѣты Дмитрію Голицыну объ ограниченіи самодержавія.

Потерявъ вѣру въ приверженность къ себѣ русскихъ, императрица естественно ищетъ для себя охраны по возможности внѣ русской сферы. Вѣрные ея слуги курляндцы, представляя императрицѣ о необходимости созданія новой гвардіи въ противовѣсъ старой, петровской, докладываютъ: «офицеровъ опредѣлить изъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и иныхъ націй, и изъ русскихъ, откуда ваше величество повелите».

Выраженіе недовѣрія къ поданнымъ сказалось и въ возобновленіи новою императрицею страшнаго когда-то преображенскаго приказа, который однако переименованъ былъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Къ удивленію, завѣдываніе этимъ учрежденіемъ поручено было русскому, знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову.

Около двухъ лѣтъ по восшествіи на престолъ Анна Іоанновна жила въ Москвѣ, съ которою у нея соединялись дѣтскія воспоманія болѣе, чѣмъ съ Петербургомъ. Притомъ были и другія причины, по которымъ она не охотно переѣзжала въ сѣверную столицу. Объ этомъ отчасти намекаетъ посланникъ Лефортъ, говоря: «Въ Петербургѣ не осмѣливаются произнести ни одного слова противъ государыни, и вообще сѣумѣли такъ хорошо удалить всѣхъ недовольныхъ, что едва остается слѣдъ русскихихъ, которыхъ можно было бы опасаться».

Тогда же состоялся указъ о переводѣ въ Петербургъ и тайной канцеляріи.

Подъ вліяніемъ личныхъ симпатій, въ царствованіе Анны Іоанновны обращено было особенное вниманіе законодательства на коневодство: въ этомъ явленіи сказывалась инициатива, исключительно исходившая отъ Бирона, который былъ большой любитель и знатокъ лошадей. По свидѣтельству Миниха, «герцога курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ, и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же императрица никогда съ терпѣніемъ не могла сносить его отсутствіе, то не токмо часто туда къ нему приходила, но также возымѣла желаніе обучаться верховой ѣздѣ, въ чемъ наконецъ и успѣла столько, что могла подамски, съ одной стороны на лошади, сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться».

Петербургъ и Москва чувствовали, что нѣмецкое вліяніе въ правительствѣ окончательно осилило, и повидимому покорились необходимости; но въ народѣ бродило смутное сознаніе, что та-кой порядокъ вещей — не удѣлъ русскаго государства, и это сознаніе выражалось то мѣстными вспышками, то побѣгами въ Польшу, то наконецъ бесполезнымъ и бессмысленнымъ желаніемъ — поворотить дѣла какъ-нибудь на старый путь.

Для этого у народа было одно средство, вполнѣ ребяческое и никогда ему ничего кромѣ зла не приносившее, но такое, за которое онъ всегда легко хватался: это — самозванство.

И вотъ на восьмомъ году царствованія Анны Іоанновны является самозванецъ. Какому-то работнику Ивану Минницкому представилось — «какъ бы отъ нѣкоторыхъ сонныхъ видѣній, ему бывшихъ, что онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ».

Около этого лунатика собираются довѣрчивые слушатели, и безумецъ, окруженный повѣрившими ему солдатами, напутствуемый толпою «многихъ подлыхъ людей», идетъ къ церкви села Ярославца. Священникъ встрѣчаетъ его на церковной паперти съ колокольнымъ звономъ, въ сопровожденіи хоругвей и неся на блюдѣ крестъ. Сумасшедшій беретъ въ руку крестъ, къ которому священникъ прикладывается и цѣлуетъ руку безумца. Съ крестомъ въ рукѣ самозванецъ входитъ въ церковь, проходитъ въ алтарь чрезъ царскія врата, беретъ евангеліе и становится съ нимъ въ царскихъ вратахъ — народъ прикладывается къ евангелію, цѣлуетъ руку самозванца, а священникъ поетъ молебенъ. Часы, служитъ акафистъ, на эктеняхъ возноситъ имя царевича, двадцать лѣтъ уже лежавшаго въ землѣ, наконецъ поетъ многолѣтіе и тропарь пятидесятницы. Солдаты стоятъ около безумца съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, падаютъ передъ нимъ на колѣни, съ плачемъ клянутся стоять за него.

И вотъ всѣхъ этихъ дѣтей Румянцовъ забираетъ: самозванецъ и священникъ сажаются живыми на колъ, а прочіе — четвертуются.

Для характеристики Анны Іоанновны можно привести здѣсь отзывы о ней Миниховъ, отца и сына.

Первый изъ нихъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, такъ очерчиваетъ эту личность:

«Императрица Анна обладала великими достоинствами. Она имѣла проницательный умъ, знала свойства окружавшихъ ее лицъ, любила порядокъ и великолѣпіе, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ какъ при ней. Она была великодушна и щедро награждала заслуги. Главный недостатокъ ея заключался въ томъ, что она слишкомъ любила спокойствіе и не занималась дѣлами, предоставляя все произволу своихъ министровъ. Этому обстоятельству должно приписать несчастіе Долгорукихъ и Голицыныхъ, которые сдѣлались жертвами Остермана и Черкаскаго, только потому, что превышали ихъ умомъ и способностями. Биронъ погубилъ Воынскаго, Еропкина и ихъ друзей за то, что Воынскій подалъ императрицѣ записку, гдѣ проводилась мысль о необходимости удаленія любимца. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица горько плакала, когда Биронъ въ раздраженіи угрожалъ покинуть ее, если она не пожертвуетъ ему Воынскимъ и его друзьями».

Минихъ - сынъ, говоря, что слабыя стороны царствованія Анны должны быть объясняемы «прилѣпленіемъ къ нѣкоторымъ худымъ стариннымъ правиламъ», дѣлаетъ такое общее заключеніе:

«Даже ничто не помрачило бы сіянія сей императрицы, кромеъ — что изъ многихъ надъ знаменитыми и великими особами смертельныхъ приговоровъ оказалось — что она собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости слѣдовала. Въ

приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ, но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ нея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ курляндскій даже до кончины ея неослабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархія въ христіанскихъ земляхъ лишала себя вольности своей до того, что не токмо всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряжала, но также ни единого мгновенія безъ него обойтись не могла и рѣдко другого кого къ себѣ принимала, когда его не было. Никогда въ свѣтѣ, чаю, не бывало дружественнѣйшей четы, приемлющей взаимно въ увлеченіи или скорби совершенное участіе, какъ императрица съ герцогомъ. Оба почти никогда не могли во виѣшнемъ видѣ своемъ притворствоваться. Если герцогъ являлся съ пасмурнымъ лицомъ, то императрица въ то же время встревоженный принимала видъ. Буде тотъ веселъ, то на лицѣ монархини явное напечатлѣвалось удовольствіе. Если кто герцогу не угодилъ, тотъ изъ глазъ и встрѣчи монархини тотчасъ могъ примѣтить чувствительную перемѣну. Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ герцога и черезъ него одного императрица на оныя рѣшалась.

«Герцогъ всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ вольно съ императрицею обходиться, и буде не самъ, то чрезъ жену и дѣтей своихъ всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, чтобы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ. Сей неограниченный и единообразный родъ жизни естественно долженствовалъ рождать иногда сытость и сухость въ обращеніи между обѣихъ сторонъ. Дабы сіе отвратить и не явить недовольнаго лица внѣ комнаты предъ чужими очами, — не вѣдали избрѣсть лучшаго средства, какъ

содержать множество шутовъ и дураковъ мужеска и женска пола. Должность бѣльшей части сихъ людей состояла болѣе ругаться и драться между собою, нежели какія-либо смѣшныя шутки дѣлать и говорить. Они набраны были изъ разныхъ націй и чиновъ. Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій (князь Голицынъ и графъ Апраксинъ) должны были въ сей роли записываться.... Ни при единомъ дворѣ, статья можетъ, не находилось больше шпионовъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при російскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія, и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокія чины особы не стыдились къ тому служить орудіемъ»....

Въ заключеніе Минихъ добавляетъ объ императрицѣ: «Она была богомольна и притомъ нѣсколько суевѣрна, однако духовенству никакихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точно правилъ Петра Великаго. — Станомъ была она велика и възрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаемъ былъ благороднымъ и величественнымъ лицерасположеніемъ. Она имѣла большіе каріе и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темныя, лицо рябоватое и голосъ сильный и пронзительный. Сложеніемъ тѣла была она крѣпка и могла сносить многія удрученія».

Всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно изъ романа Лажечникова— «Ледяной домъ» — о забавѣ, устроенной Бирономъ въ пользу императрицы во время торжества заключенія мира съ Турціею. Игралась свадьба шута, князя Голицына, съ шутихою. Для брачной ночи молодыхъ устроенъ былъ домъ изъ льда и всѣ приспособленія къ нему, мебель, печи и украшенія—все было ледяное и довольно искусно отдѣланное.

При этомъ императрица милостиво наградила всѣхъ приближенныхъ, и «даже тотъ — прибавляетъ графъ Минихъ съ наивною добросовѣстнаго бытописателя — даже тотъ самый, который за любимую сучкою императрицы присмотръ имѣлъ и по природѣ былъ князь (Голицынъ), получилъ за ревностную службу 3,000 руб. въ подарокъ».

Анна Іоанновна скончалась 17-го октября 1740-го года — десять лѣтъ не дожила до второй половины восемнадцатаго столѣтія.

На эту вторую половину Россія переступила съ другою царственною женщиною, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Чувствуя приближеніе смерти, Анна Іоанновна назначила себя преемникомъ не дочь Петра Великаго цесаревну Елизавету Петровну, а трехмѣсячнаго внука своего, Іоанна III Антоновича.

— Когда я подписывала присягу новому императору, признавалась она потомъ Бирону — у меня дрожала рука, а этого не было со мною при подписаніи войны Турціи!

Когда Остерманъ подалъ умирающей императрицѣ для подписанія манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ, государыня спросила:

— Кто его писалъ?

— Вашъ нижайшій рабъ, отвѣчалъ Остерманъ.

— Надобно ли тебѣ это? спросила она, обращаясь къ Бирону.

Въ предсмертной агоніи она изъ окружавшихъ ее царедворцевъ узнала одного только Миниха.

— Прощай, фельдмаршалъ, сказала она.

Смерть побѣждала.

— Прощайте, обратилась умирающая ко всѣмъ окружавшимъ ее.

XVI.

Княжна Юсупова.

(Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, въ монахиняхъ Прокла).

Княжна Юсупова была одною изъ тѣхъ женщинъ новой послѣ-петровской Руси, которыя еще помнили Петра Великаго, но которымъ суждено было пережить послѣ него тяжелое время петербургскихъ дворцовыхъ смуть, бироновщину и т. д., и изъ которыхъ рѣдкая личность не испытала либо ужасовъ тайной канцеляріи, либо монастырскаго заточенія, либо сибирской далекой ссылки.

— Первый императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, говорила впослѣдствіи княжна Юсупова, въ монастырскомъ заточеніи, вспоминая свое дѣтство.

Судьба Юсуповой представляется тайною, до сихъ поръ неразгаданною: одно ясно, что она была жертвою личнаго на нее неудовольствія императрицы Анны Іоанновны; но какая была вина княжны передъ императрицею—это осталось извѣстно только ей, государынѣ, да знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову, начальнику тайной канцеляріи.

Все, что до сихъ поръ извѣстно о несчастной судьбѣ княжны Юсуповой, которая испытала ужасы тайной канцеляріи, нака-

ываема была «кошками» и «шелепами», подверглась ссылке и заточенію повидимому за то, что она, быть можетъ невольно, подобно римскому поэту Овидію, была сопричастна какой-то тайнѣ двора, ее погубившей, хотя никому ею до могилы не выданной, — мы постараемся передать въ нижеслѣдующемъ, по возможности сжатою разсказъ, съ соблюденіемъ только характеристическихъ подробностей, выражающихъ колоритъ эпохи.

Въ сентябрѣ 1730 года, изъ Москвы, изъ царскаго дворца, привезена была въ Тихвинъ, въ тамошній дѣвичій введенскій монастырь, знатная дѣвушка, которую сопровождалъ сержантъ и солдаты.

Дѣвушка сдана была на руки тихвинскому архимандриту Феодосію, подъ началомъ котораго находился монастырь, а тотъ передалъ ссылную съ рукъ на руки игуменьѣ Дорофееѣ, съ наказомъ — держать накрѣпко привезенную особу и никого къ ней не допускать.

Сержанту, конвоировавшему ссылную дѣвушку, архимандритъ выдалъ росписку въ полученіи арестантки и отправилъ его обратно.

Привезенная была дочь одного изъ извѣстныхъ подвижниковъ Петра Перваго, генерала князя Григорія Димитріевича Юсупова, княжна П р а с к о в ѣ я.

Отецъ несчастной княжны умеръ всего только нѣсколько недѣль передъ этимъ: за что сослали такъ скоро его дочь — никто не зналъ. Не зналъ даже архимандритъ Феодосій, потому что въ указѣ къ нему о ссылкѣ княжны ничего не было упомянуто о ея винахъ.

Игуменья, принявъ княжну отъ архимандрита, не знала, гдѣ помѣстить ссылную, и потому оставила ее въ своей тѣсной кельѣ. Дѣвушкѣ она отвела небольшой уголъ за занавѣской, поставила

бѣдненькую кроватку, дала деревянный столъ и стулъ—вотъ все, что осталось у княжны послѣ дворца и послѣ роскошныхъ палатъ отца и матери, которая у нея одна осталась и одна о ней печаловалась.

Съ ссыльной привезена была и служанка—безобразная калмычка, дѣвка Марья: калмычки, татарки, арапы и всякіе уроды въ числѣ прислуги—это въ прошломъ вѣкѣ составляло отличительную черту и шикъ знатнаго барскаго дома.

Горько заплакала княжна, когда ее ввели въ тѣсную келью. Она ни съ кѣмъ не сказала ни слова, не отвѣчала ни на какіе вопросы, а только плотно закуталась въ одѣяло и, лежа на бѣдной кроваткѣ, стонала и плакала.

Въ Москвѣ, когда исчезла молодая Юсупова, говорили, что она сослана за приверженность къ великой княжцѣ Елизаветѣ Петровнѣ и за интригу, совмѣстно съ отцомъ, въ пользу возведенія цесаревны на престолъ. Носились также слухи, что княжну постигла ссылка за покойнаго отца, который, будто бы, въ числѣ прочихъ придворныхъ, задумывалъ ограниченіе самодержавія Анны Иоанновны. Передавали, наконецъ, что княжна была жертвою семейной интриги, что братъ ея, камергеръ Борисъ Юсуповъ, ненавидѣлъ ее по разнымъ причинамъ и, чтобъ воспользоваться всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, искусно подготовилъ ссылку сестрѣ.

Прошло нѣсколько дней монастырской жизни молодой Юсуповой: жгучее горе должно было поневолѣ улегаться въ сердца—надо было мириться, если не съ вѣчною ссылкой, то во всякомъ случаѣ съ необходимостью заточенія на долгое, неопредѣленное время; а неопредѣленность такъ тяжела, такъ гнетуща—надо было покориться всему.

Мать любила свою бѣдную дочь, и потому снабдила ее на долгую разлуку деньгами, общала вскорѣ выслать повара, необходимых штатъ прислуги и хорошіе запасы продовольствія.

Княжна купила у игуменьи свободную, принадлежащую монастырю келью, въ которой, до ссылки Юсуповой, жила другая ссыльная придворная особа, какая-то Калущкина, возвращенная императрицею изъ ссылки снова во дворецъ.

Къ княжнѣ игуменья приставила особую наемную женщину, не принадлежавшую къ монастырскому штату. Это была кузничиха Анна Юленева, имѣвшая вполнѣдствіи такое роковое значеніе въ жизни несчастной Юсуповой.

Юленева, повидимому, сразу поняла княжну и овладѣла ея вниманіемъ. Въ княжнѣ она подмѣтила слабыя стороны — это гордость, своевольный характеръ, вспыльчивость, злопамятность и желаніе повеселиться — но гдѣ и съ кѣмъ въ монастырскомъ заточеніи? Это одиночество придворной княжны, привыкшей къ разнообразнымъ удовольствіямъ, было причиною того, что несчастная, чтобъ отогнать гнодавшую ее тоску, стала принуждать себя выслушивать болтовню ловкой бабы, монастырскія сплетни и скандалы. Юленева, охотно пользуясь одиночествомъ и тоскою княжны, пересказала ссыльной монастырскія тайны и интрижки, маленькія слабости и матери игуменьи и старицъ.

Послѣ двора, молодой княжнѣ приходилось, такимъ образомъ, коротать жизнь въ самомъ захолустномъ углу, съ какой-нибудь неособенно пріятной кузничихой, входить въ интересы жизни самаго темнаго заброшеннаго угла и быть довольной даже обществомъ самой недоброкачественной торговли.

— Вотъ какой бываетъ случай, княжна Прасковья Григорьевна — говорила однажды Юленева, сидя у постели ссыльной въ долгій зимній вечеръ, въ тотъ самый моментъ, когда

далеко оттуда, въ Петербургѣ и Москвѣ, подруги княжны проводили эти часы иначе, въ блестящихъ залахъ, при яркомъ освѣщеніи:—вотъ какой бываетъ случай: Федѣра Калущкина жила здѣсь долго — тоже была ссыльная дворцовая: тебя изъ дворца, а ее опять во дворецъ. Чудно, голубушка, какъ это бываетъ на свѣтѣ—за что это такъ одни ссылаютъ, а потомъ другіе возвращаютъ? Твое дѣло княжеское, жила во дворцѣ, чай знаешь, матушка?

— Ничего не знаю, отвѣчала княжна, боясь проговориться о своей роковой тайнѣ.

— А здѣсь, матушка, и подавно ничего не знаютъ. Болтали въ народѣ о Калущкиной, слыхала я отъ матери, да и забыла.

— И я слышала отъ матери! сказала княжна со слезами на глазахъ:—когда я въ ссылку послана еще не была, то матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня по Калущкину послала, чтобъ ей Калущкиной быть во дворцѣ...

— Кто же это заведетъ, матушка? спрашивала Юленева.

Юсупова ничего не отвѣчала — она боялась своего прошлаго.

Мы потому приводимъ здѣсь эти разговоры княжны съ Юленевой, что каждое слово несчастной дѣвушки было потомъ ея допроснымъ пунктомъ и эти разговоры на всю уже жизнь загубили молодую женщину.

Время между тѣмъ шло. Въ келью молодой княжны заходили и мать-игуменья поговорить съ ссыльной, и монахини, и монастырскій стряпчій Шпилкинъ, и архимандритъ Феодосій. Но тоска по погибшему счастью грызла молодую женщину, хоть она и старалась разнообразить свою жизнь нарядами, которыхъ у нея было

довольно — всего ей прислала нѣжно любившая ее мать: у нея было нѣсколько перемѣнъ шлафроковъ и юбокъ—шлафрокъ гродетуровый зеленый, голубой камчатной, опушенъ алою тафтою, красной байбарековой съ голубою опушкою; были у нея и шубки—желтая тафтяная на бѣличьемъ мѣху съ серебряными пуговицами, камчатная вишневая на заячьемъ мѣху; корсеты, фонтажи, чепцы, косыночки, переднички, платки шитые серебромъ и шелковые, и съ кружевами, и рукавички желтыя лайковые, и шапка соболя — верхъ пунцоваго бархату, и соболи шейные — всего вдоволь. Но для кого было наряжаться?

И поговорить было не съ кѣмъ, особенно же о томъ, что стало гибелью всей ея жизни.

Но иногда она проговаривалась о какой-то тайнѣ своего недавняго, молодого, но какъ-бы отрѣзаннаго прошлаго.

— Воръ, генераль Ушаковъ трясущей!—говорила она съ негодованиемъ, забывая должную осторожность: — а жена его Кокошкиныхъ б....а. Коли бы дочь ту его воровку на мое мѣсто! Онъ напалъ на меня и взялъ меня допрашивать въ саду — да я не повинилась!

— А для чего ты не повинилась? спрашивала хитрая Ю л е н а :

— Я не повинилась, сожалѣя Дохтуровой да Мельгуновой... онѣ ко мнѣ воровейку-то подвели, мы сплошь дѣлали...

Видно было, что великодушная дѣвушка прикрыла собою другихъ,—и погибла черезъ это.

— Можно бы милости мнѣ искать у цесаревны Елизаветы Петровны... Да нѣтъ, нечего въ ней милости искать: и Шубинъ, который при ней былъ, и тотъ въ ссылку посланъ.

Всѣ повидимому забыли несчастную.

Горе и тоска одиночества все болѣе и болѣе раздражали мо-

лодную ссыльную, и довели ее до потери самообладанія, до вспышекъ, что и погубило ее окончательно.

Такъ она выдала себя однажды при стрипчемъ Шпилкинѣ.

— Братъ мой, князь Борисъ—сущій супостатъ, говорила она въ отчаяннѣ:—отъ его посягательства сюда я и прислана... Я вины за собой никакой не знаю... Государыня цесаревна Елизавета Петровна милостива и премилостива, и благонравна, и матушка государыня императрица Екатерина Алексѣевна была до меня милостива же, а нынѣшняя императрица до меня не милостива... Она вотъ въ какой монастырь меня сослала, а я вины за собой никакой не знаю. А взялъ меня братъ мой Борисъ да Остерманъ, и Остерманъ меня допрашивалъ. А я на допросъ его не могла вскорѣ отвѣтствовать, что была въ безпамятствѣ. А о чемъ меня Остерманъ спрашивалъ, того я не поняла, потому что Остерманъ говорилъ не такъ рѣчисто, какъ русскіе говорятъ... «Сто-де ты, судариня! (княжна передразнивала Остермана) будетъ тебѣ играть нами, то дѣти играй... а сюда-де ты призвана не на игранье, но о цемъ тебя спросимъ, о томъ-де ты и отвѣтствей»... Послѣ того спрашивали меня о письмахъ и о бабѣ, а что я имъ говорила — за безпамятствомъ не помню.

Шпилкинъ спрашивалъ — о какихъ письмахъ и о какой бабѣ она говорить; но княжна не отвѣчала, а раздражительно продолжала:

— Можно бы ей, государынѣ, сослать меня въ монастырь такой, который бы былъ отъ Москвы поближе, а не въ такой, въ какомъ я нынѣ обрѣтаюсь—здѣсь не монастырь, а шинокъ... Ежели бы государыня цесаревна Елизавета Петровна была императрицею, и она бы въ дальній монастырь меня не сослала... О, когда бы то видѣть или слышать, что она бы была императрицею!

Шпилкинъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ. Но донести боялся—боялся за свою шкуру, боялся застѣнка, дыбы, кнута.

У княжны началась вражда съ монастырскимъ начальствомъ: назвавъ монастырь «шинкомъ», она вызвала неприязнь къ себѣ игуменѣ, которая и стала тѣснить ссыльную.

Начались дразги, подкапыванья подъ дѣвушку; княжна не выносила всеневной пытки; ея гордость рѣзко обрушивалась на всѣхъ, ставила въ тупикъ простодушныхъ старицъ. Весь монастырь всталъ противъ гордой арестантки.

Княжна не вытерпѣла, и тайно отправила въ Петербургъ Юленеву съ жалобой на монастырь.

Мать-игуменья хитростью выведала о тайномъ отправленіи Юленевой съ жалобой, и предупредила опасность встрѣчной жалобой на княжну и доносомъ на ея поведеніе.

Завязалось новое дѣло—это была уже и послѣдняя развязка всей участи несчастной княжны.

25-го генваря 1735 года—это уже пятый годъ жизни Юсуповой въ монастырскомъ заточеніи! — когда Ушаковъ былъ съ докладомъ у государыни, императрица передала ему двѣ какія-то записки и приказала взять въ тайную канцелярію женщину, содержавшуюся въ архіепископскомъ домѣ знаменитаго сподвижника Петра Перваго, новгородскаго архіепископа Феофана Прокоповича, и, изслѣдовавъ все дѣло, доложить ея величеству о результатахъ изслѣдованія.

Женщина эта была—Юленева, а записки—письмо княжны Юсуповой къ Юленевой и письмо игуменѣ Дорофеи къ секретарю Феофана Прокоповича, Козьмѣ Родіоновичу Бухвостову.

Письма были переданы императрицѣ Феофаномъ Прокоповичемъ, который былъ друженъ съ Ушаковымъ и желалъ угодить

государынѣ, выдавъ ей княжну Юсупову, неизвѣстно за что заслужившую крайнюю немилость императрицы.

Въ письмѣ къ Юленевой княжна спрашивала только о положеніи дѣла—и больше ничего: въ немъ не было никакой тайны, которая бы послужила обвиненіемъ для ссыльной. Не было даже ни одного рѣзкаго слова о монастырѣ.

Между тѣмъ все письмо игуменьи къ Бухвостову—это полная обвинительная рѣчь противъ несчастной княжны. И это-то письмо порѣшило участь сосланной дѣвушки.

«Имѣется у насъ у обители княжна Юсупова по указамъ въ сохраненіи — писала между прочимъ мать-игуменья Бухвостову—и велѣно быть при ней одной бабѣ, а другихъ сослужительницъ не держать: того ради она княжна, рияся на меня, производить всякія непотребности и живетъ непостоянно и неблагочинно: спозналася съ похабною дѣвкою тихвенскаго посада, кузнецкаго вѣдѣнія, зовется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходитъ она дѣвка къ ней, княжнѣ, тайнымъ образомъ и согласуется, и наноситъ на обитель и на меня всякія непотребности, и совѣтуютъ съ нею не благо, но всякія коварства и ябеды. И въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ она дѣвка, по согласію съ нею, княжною, отпушена въ Санктпетербургъ невѣдомо съ какими вымышленными ябедами: посылаетъ она, княжна, къ ней, дѣвки, всякія удовольнія припасы и деньги отъ меня недостойной тайно, токмо увѣдомлена я нынѣ отъ постороннихъ добрыхъ людей, что оныя припасы и деньги отвозитъ къ ней, дѣвкѣ, тихвинскаго посаду фроловской церкви дьячокъ Андрей Лялинъ, и нынѣ онъ обрѣтается въ Санктпетербургѣ; а иное я увѣдомлена отъ ея руки писаніемъ отъ добра чловѣка, съ каковымъ, она, княжна, совѣтное письмо послала къ ней, дѣвкѣ, и съ того письма получила я копію, съ которой копіи при семъ моемъ

*

слезномъ прошеніи и копія приобщается ради сухаго извѣстія. Да слышно мнѣ отъ добрыхъ людей, что оная дѣвка чрезъ не-
какихъ людей получаетъ подать преосвященному несвѣдомыя мною
многія доношенія и коварства.

«О семъ прошу и слезно молю ваше высокоблагородіе, Козма
Родіоновичъ, дабы я недостойная вашимъ милостивымъ призрѣ-
ніемъ не оставлена была о невѣдомыхъ доношеніяхъ и ковар-
ствахъ отъ вышепоказанной дѣвки».

Такія-то письма попали въ руки императрицы. Юсупову вспо-
нили.

Взяли къ допросу въ тайную канцелярію всѣхъ прикосновен-
ныхъ къ дѣлу—но пичего не сказали допрашиваемые такого, что
могло бы обвинить княжну или пастъ на нее подозрѣніемъ о вы-
дачѣ строго хранимой тайны.

Буря повидимому проходила мимо дѣвушки.

Юленеву приводили и въ застѣнокъ, гдѣ она «съ подлин-
ной правды поднята была на дыбу и распрашивана съ пристра-
стіемъ»; но и тутъ она не выдала княжну ни однимъ словомъ.

Только черезъ мѣсяцъ сидѣнья въ Петропавловской крѣпости
Юленева изъ боязни смерти стала говорить о тѣхъ жалобахъ
Юсуповой, которыя уже намъ извѣстны.

Этого было достаточно для Ушакова, чтобъ вновь начать
розыскъ, ухватившись за намекъ, за слово, звучавшее именемъ
княжны Юсуповой.

Имя это опять раздалось въ кабинетъ государыни... Буря не
прошла мимо забытой всѣми дѣвушки.

По приказанію императрицы въ Петербургъ привезены были
и Юсупова, и стряпчій Шпилкинъ. Княжну велѣно было при-
вести «секретно»; посланному за ней приказано было не болтать
о томъ, что онъ везетъ ее въ тайную канцелярію; ему же при-

казано было доставить дѣвушку въ эту страшную канцелярію «въ ночныхъ часахъ».

И вотъ княжна Юсупова снова увидѣла, хотя ночью, Петербургъ, въ которомъ ей когда-то жилось такъ счастливо.

Княжну привезъ капралъ преображенскаго полка Ханыковъ, секретно и также ночью арестовавшій ее въ монастырѣ, такъ что объ этомъ арестѣ и о тайномъ исчезновеніи княжны изъ монастыря знала одна только мать-игуменья, да дѣвка калмычка Марья, тоже привезенная въ Петербургъ.

Утромъ, 19-го марта, гордая нѣкогда княжна, а теперь колодница, приведена была въ тайную канцелярію. Тамъ она вновь увидѣла страшнаго Ушакова, который уже разъ допрашивалъ ее въ измайловскомъ саду и противъ котораго она и въ ссылкѣ имѣла такое горькое, грызущее, недоброе чувство.

Начался допросъ—допросы тогда были не то что теперь...

Княжнѣ предъявили, будто бы она говорила неподобныя рѣчи о причинѣ своей ссылки.

Княжна отрицала обвиненіе.

— Вотъ что я говорила — показывала дѣвушка: — батюшка мой служилъ и императору великому вѣрою и правдою, и о самодержавствѣ ей, государынѣ, трудился и челобитную подавалъ, и коли бы батюшка мой живъ былъ, онъ бы сталъ просить у ея императорскаго величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де въ ссылкѣ не была.

Ей предъявили ея неподобныя рѣчи въ монастырѣ объ иноземцахъ.

И это она отрицала.

— Я говорила: нынѣ-де при дворѣ ея императорскаго величества имѣются многіе иноземцы и русскіе мужескаго и женскаго пола, и то я говорила, вѣдая о томъ, что при дворѣ ея импе-

раторскаго величества имѣются оберъ-камеръ-геръ господинъ фонъ Биронъ, да оберъ-гофмаршалъ господинъ фонъ Левенвольдъ и другіе какъ иностранцы, такъ и русскіе, мужскаго и женскаго пола, а не въ другой какой силѣ.

Предъявили рѣчи ея о Калужкиной.

Дѣвушка упорно отрицаетъ—выгораживаетъ свою жизнь.

— О Калужкиной я говорила: когда я въ ссылку послана еще не была, то де матушка моя сказывала мнѣ, что троицкой архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня соизволила по означенную Калужкину послать, чтобъ той Калужкиной быть во дворѣ, и притомъ въ разговорахъ объ оной упоминала я въ монастырѣ: когда бъ де я могла, чтобъ де хотя у оной Калужкиной попросить, чтобъ она, излуча благополучное время, побила челомъ у государыни, чтобъ меня изъ монастыря освободить.

Предъявили ей слова, говоренныя будто бы ею о томъ, что императрица «больна богомъ».

Дѣвушка не перестаетъ защищаться.

— Когда я—отвѣчаетъ на этотъ пунктъ княжна—живя въ монастырѣ услышала, что прислано извѣстіе о кончинѣ царевны Екатерины Ивановны, то зная, что и царица Прасковья Федоровна немоществовала ножками, то и говорила, что де всѣ, и ея императорское величество и сестрицы ея величества, государыни царевны нездоровы ножками.

Допрашивающіе не устаютъ: княжнѣ напомнили слова ея о допросѣ въ измайловскомъ саду.

Не устаетъ и дѣвушка защищать свою молодую жизнь.

О допросѣ въ измайловскомъ саду она показываетъ:

— Слова такіа, что генералъ Ушаковъ взялъ допрашивать меня въ саду, я архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилину

говорила, когда они спрашивали меня о дѣлѣ—«за что де ты въ монастырь прислана, гдѣ была допрашивана?» И на то я сказала, что де я не въ канцеляріи допрашивана, и притомъ объявила объ означенномъ имѣвшемъ мнѣ въ саду допросѣ... И это я говорила потому, что дѣйствительно, когда я по извѣстному дѣлу, по которому сослана въ монастырь, изъ дому отца своего взята и отвезена была въ измайловскій садъ, и въ томъ саду допрашивана была генераломъ Ушаковымъ да графомъ фонъ Левенвольдомъ, а въ какой матеріи прежнее мое дѣло имѣлось, въ томъ архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилину и означенной дѣлкѣ и никому я не говорила.

Ясно, что княжна никому не выдала тайны, за что она пострадала—даже при допросѣ роковое слово не сорвалось съ языка дѣвушки.

Это должно было успокоить Ушакова—тайна вопроса въ измайловскомъ саду навсегда осталась тайною.

Но Ушаковъ не остановился на этомъ.

Княжнѣ предъявили ея рѣчи о сержантѣ Шубинѣ.

Не легко было устоять противъ этого, самаго крупнаго обвиненія.

— Я говорила такія слова—отвѣчала подсудимая:— что де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни цесаревны ѣздовымъ, и какъ де еще въ монастырь я прислана не была, то де оный Шубинъ посланъ въ ссылку. И эти слова я говорила такъ, запросто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ, и что былъ онъ ѣздовымъ у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала я, а отъ кого—не упомяну, что оный Шубинъ посланъ въ ссылку, а куда и за что—того я не знаю и ни отъ кого о томъ не слыхала.

Не остановились и на этомъ—надо было вести дѣло до конца.

Дана была очная ставка княжнѣ съ доносицей, бывшей ея довѣренной, Юленевою-Шунею.

Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ встрѣтиться съ этой предательницей своей.

— Въ бытность княжны Прасковьи въ тихвинскомъ монастырѣ — говорила Юленева — въ день тезоименитства ея императорскаго величества, пришли къ кельѣ, въ которой княжна Прасковья жила, означеннаго дѣвичьяго монастыря попы для поздравленія со онымъ торжественнымъ днемъ, и княжна пускать ихъ въ келью къ себѣ мнѣ не велѣла. А какъ я говорила княжнѣ—«можно де ихъ пустить и для здравія государыни поднести по чаркѣ вина», и княжна Прасковья сказала: «я бы де рожна поднесла»...

Юленева обвиняла ее и въ томъ, будто она говорила ей: «первый де императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, и тогда де государыню и другихъ цесаревенъ царевнами не называли, а называли де только «Ивановными».

— Поповъ не пустила я къ себѣ въ день тезоименитства ея императорскаго величества потому, что они были пьяны — защищалась княжна: — о вниманіи ко мнѣ Петра Перваго говорила; о томъ, что царевенъ называли будто бы «Ивановными» — я не говорила.

Допросъ былъ доведенъ до конца. Больше спрашивать нечего.

Всѣ эти подробности Ушаковъ доложилъ императрицѣ.

Княжна все еще сидѣла въ тюрьмѣ—роковой часъ не приходилъ.

Но вотъ, черезъ нѣсколько дней, входитъ къ ней въ казематъ Ушаковъ и объявляетъ волю государыни:

— Я докладывалъ о тебѣ императрицѣ, княжна Прасковья Григорьевна: она очень гнѣвна, что ты не говоришь подлин-

ной истины, что ты болтала Аннѣ Юленевой и другимъ. Императрица приказала объявить тебѣ, чтобъ ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всемъ самую истину объявишь, то можешь ожидать всемилостивѣйшаго отъ ея императорскаго величества милосердія; буде же и нынѣ, по объявленіи тебѣ, Прасковѣ, ея императорскаго величества высокаго милосердія о вышесказанномъ истины не покажешь, то впредь отъ ея императорскаго величества милосердія къ тебѣ, Прасковѣ, показано не будетъ, а поступлено будетъ съ тобою, какъ по такимъ важнымъ дѣламъ съ другими поступается.

Измученная и допросами, и долгимъ сидѣньемъ въ казематѣ, и тоскливою жизнью въ ссылкѣ, наконецъ пораженная послѣднею императорскою угрозою, княжна покорилась своей участи и сказала Ушакову, что она ничего не помнить, что говорила въ монастырѣ.

— Развѣ — прибавила она — вышеозначенныя всѣ слова я говорила отъ горести, въ печали, въ безпамятствѣ своемъ, потому что я отъ горести своей не токмо въ безпамятствѣ, но яко изумленная (безумная) была, и говаривала сумазбродственно, чего нынѣ помнить не могу.

Дѣвушка безсильно и напрасно цѣплялась за надежду.

Допрашивали потомъ и архимандрита Феодосія, доставленнаго въ тайную канцелярію Феофаномъ Прокоповичемъ — но и тутъ ничего новаго не узнали.

18-го апрѣля былъ послѣдній докладъ Ушакова у государыни.

Императрица приказала объявить подсудимой свое окончательное рѣшеніе.

«За злодѣйственныя и непристойныя слова, по силѣ государственныхъ правъ, хотя княжна и подлежитъ смертной казни, но ея императорское величество, милосердуя къ Юсуповой за

службы ея отца, соизволила отъ смертной казни ея освободить, и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силѣ государственныхъ правъ — только изъ особливой ея императорскаго величества милости».

Дѣвушкѣ дарили жизнь; но не радостна была эта жизнь.

Вмѣсто смерти, княжнѣ велѣно «учинить наказанье — бить кошками — и постричь ея въ монахини, а по постриженіи изъ тайной канцеляріи послать княжну подъ карауломъ въ дальній, крѣпкій дѣвичій монастырь, который по усмотрѣнію Феофана архіепископа новгородскаго имѣеть быть избрѣтенъ, и быть оной, Юсуповой, въ томъ монастырѣ до кончины жизни ея неисходно».

Вотъ что осталось ей вмѣсто жизни.

Оставалось исполнить въ точности приговоръ императрицы — постричь княжну Юсупову въ тайной канцеляріи для избѣжанія разглашеній.

Но какъ это сдѣлать? Это былъ первый случай, что въ тайной канцеляріи должно было совершиться постриженіе; а между тѣмъ, въ Петербургѣ, по неимѣнію ни одного женскаго монастыря, ни въ кладовыхъ тайной канцеляріи, и нигдѣ нельзя было найти монашескаго одѣянія и прочихъ иноческихъ принадлежностей.

Тогда Ушаковъ послалъ нарочнаго въ Новгородъ къ одному довѣренному лицу для секретной покупки всего, что нужно для новопостригаемой.

Скоро привезли и эту послѣднюю одежду для княжны Юсуповой.

Вотъ какова была цѣна послѣднихъ женскихъ нарядовъ блестящей нѣкогда дѣвушки высшаго круга:

Апостольникъ — 3 копейки.

Поязка къ апостольнику — 10 копеекъ.

Крестъ—4 копейки.

Парамонъ—2 копейки.

Наметка флеровая—50 копеекъ.

Ряса нижняя съ узкими рукавами—90 копеекъ.

Мантійка маленькая—8 копеекъ.

Мантия большая, верхняя ряса съ широкими рукавами—3 рубля.

Ленты ременные съ пряжкой—3 копейки.

Четки—1 копейка.

Свитка бѣлаго полотна—10 копеекъ.

Все это княжеское облаченіе стоило 4 рубля 81 копейку.

А давно ли княжна Юсупова надѣвала на себя дорогія бальные платья, цвѣты, брильянты?—Очень давно, впрочемъ:—пять лѣтъ назадъ, пять долгихъ лѣтъ, состарившихъ дѣвушку.

30-го апрѣля 1735 года княжна была наказана «кошками».

Въ тотъ же день ее постригалъ синодальный членъ чудова монастыря, архимандритъ Ааронъ.

У княжны Юсуповой уже не было княжескаго титула и ея дѣвическаго родового имени:—въ инокиняхъ она наименована Проклою.

Передъ отправленіемъ въ вѣчную ссылку новопостриженной объявили, въ тайной канцеляріи, чтобъ обо всемъ происходившемъ она молчала до могилы, подъ опасеніемъ смертной казни.

4-го мая инокиня Прокла вывезена была изъ Петербурга. Путь ея лежалъ въ Сибирь, въ тобольскую епархію, въ введенскій дѣвичій монастырь, состоявшій при успенскомъ Далматовомъ монастырѣ.

Вотъ какой монастырь былъ «изобрѣтенъ» Феофаномъ Прокоповичемъ въ силу повелѣнія императрицы.

Молодая инокиня Прокла вышла на пяти подводахъ.— Съ нею была неразлучная спутница, дѣвка калмычка Марья.

И бывшей княжнѣ и калмычкѣ кормовыхъ денегъ въ дорогѣ вѣльно было отпускать по 25 копеекъ въ день.

Поѣздъ сопровождали три солдата и сержантъ Алексѣй Гурьевъ.

Долго́ былъ этотъ путь, по которому въ послѣдній разъ пришлось ѣхать княжнѣ Юсуповой.

Только 10-го августа сержантъ Гурьевъ воротился въ Петербургъ и доложилъ тайной канцеляріи:

— Княжну сдалъ благополучно въ тобольскій введенскій монастырь. Но для своей предосторожности, дабы впредь мнѣ нѣжайшему чего не пришлось, объявляю, что дорогою княжна Прокла неоднократно его превосходительство генерала и кавалера и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова и дочь его превосходительства, и секретаря тайной канцеляріи, Николая Хруцова, бранила, и говаривала неоднократно: воздай де Богъ генерала Ушакова дочери также какъ и мнѣ; дай де Богъ здравствовать моей матушкѣ да государынѣ цесаревнѣ.

Это были единственныя дорогія ей имена—мать и цесаревна; о нихъ она и прежде вспоминала съ любовью.

Въ пути княжна часто просила приставниковъ своихъ, чтобы ей дали жареную курицу. Гурьевъ замѣчалъ ей, что этого нельзя сдѣлать, такъ какъ ей, монахинѣ, мяса ѣсть не слѣдуетъ.

— Я ѣсть не стану—отвѣчала княжна Прокла—но хотъ посмотрю на жареную курицу и сыта буду.

Но ей все-таки курицы не дали.

Какова была жизнь Юсуповой въ Сибири — неизвѣстно. Но что долгое заточеніе, тоска и полная безнадежность возврата къ прежней жизни окончательно истомили и ожесточили дѣвушку—въ этомъ и сомнѣнія не можетъ быть. Безконечно долгіе и однообразные дни тянутся въ неволѣ какъ вѣчность; одинъ

день лѣниво смѣняетъ другой, все такой же долгій, тяжелый, безнадежный. Еще безконечнѣ тянутся мѣсяцы, годы—и только скоро эти годы, мѣсяцы и даже дни старѣютъ человѣка въ неволѣ.

Вотъ уже и третій годъ, какъ несчастная дѣвушка томится въ Сибири—восьмой годъ, какъ ее лишили свободы, взяли отъ матери.

Такая жизнь не умирала ссыльной. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго донесенія тобольскаго введенскаго монастыря отъ 6-го марта 1738 года:

«Монахиня Прокла нынѣ въ житіи своемъ стала являться весьма безчинна, а именно: первое—въ церковь божію ни на какое слово божіе ходить не стала; второе—монашеское одѣяніе съ себя сбросила и не носитъ; третье—монашескимъ именемъ, то есть Проклою не называется и звать не велитъ, а называется и велитъ именовать Прасковьєю Григорьевую; четвертое—разсвирѣпѣвъ, учинилась монашескому обыкновенію противна и ни въ чемъ по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую къ ней изъ келарской келіи пищу не пріемлетъ, а временемъ и бросаетъ на полъ, и, ругаясь, говоритъ: «у меня собаки лучше того ѣдали щи», и просить себѣ вснѣдъ излишнихъ припасовъ, чтобъ всегда было свѣжее и живое».

Не добромъ кончился для ссыльной и этотъ отзывъ.

Изъ Петербурга пришелъ строгій приказъ—княжну держать въ монастырѣ въ ножныхъ желѣзахъ, въ которыхъ водятъ каторжниковъ, и имѣть подъ карауломъ неисходно. Тайная канцелярія, по указу императрицы, предписывала монастырскому начальству:—«Проклу наказать шелепами и объявить, что если не уймется то будетъ жесточайше наказана».

Не знаемъ, долго ли еще тянулась неудавшаяся жизнь этой дѣвушки и чѣмъ она кончилась:—вѣроятно, ни Петръ Великій,

цѣловавшій ребенка въ голову, ни сама дѣвушка не ожидали, что на эту голову, ~~на которой~~ покоемось лобзаніе царя-преобразователя, упадетъ столько тяжелыхъ испытаній. —▲ за что?—исторія пока не можетъ отвѣчать на это, да, быть можетъ, и ~~никогда~~ не отвѣтитъ.

XVII.

Дочь Бирона.

(Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова, урожденная принцесса Биронъ).

Фамилія Бириновъ недолго оставалась на страницахъ русской исторіи: подобно такой же пришлой фамиліи Годуновыхъ, Бироны, съ грознымъ «временщикомъ» во главѣ, слишкомъ временно и слишкомъ мимолетно появляются на горизонтѣ русской государственной жизни и подобно Годуновымъ исчезаютъ безслѣдно, хотя одно лицо изъ этой слишкомъ памятной Россіи фамиліи доживаетъ почти до настоящаго столѣтія, но въ неизвѣстности, нося чужую, вполне уже русскую или обрусѣвшую фамилію.

Лицо это было — дочь Бирона, Гедвига.

Въ то время когда Биронъ, еще не знатный, но уже отличенный передъ всѣми придворными Анны Іоанновны, жилъ въ Митавѣ при дворѣ своей покровительницы, будущей русской государыни, Анна Іоанновна женила его на бѣдной дѣвушкѣ изъ дворянской фамиліи фонъ-Трейдень, Бенигнъ-Готлибъ.

Въ этомъ бракѣ Бирономъ прижито было трое дѣтей: въ 1723 году родилась у него дочь, которую называли Гедвигой,

потомъ, въ 1724 году, родился сынъ Петръ и въ 1727 году сынъ Карлъ.

Маленькая Гедвига оказалась горбуньей: небольшой горбовой наростъ былъ у нея на спинѣ, однако не слишкомъ безобразилъ ростъ и фигуру Гедвиги. Когда дѣвочка начала уже понимать свое положеніе, она увидѣла себя принадлежащею къ такой семьѣ, передъ которой раболопно преклонялся весь Петербургъ, и потому дѣвочка иначе не могла представить себѣ жизнь какъ въ тѣхъ образахъ, въ какихъ она предстала передъ нею съ самаго ея младенчества: отецъ ея былъ графъ, оберъ-камергеръ русскаго двора и «временщикъ».

Могущественный отецъ Гедвиги, всецѣло занятый сложными государственными дѣлами столько же, сколько придворными и дипломатическими интригами, не могъ конечно отдавать своего времени наблюденію за воспитаніемъ дѣтей, и потому вполне предоставилъ эту заботу женѣ своей, Бенигнѣ-Готлибъ. Бенигна-Готлибъ, по природѣ женщина не глупая, хотя съ ограниченнымъ образованіемъ, позаботилась дать своимъ дѣтямъ образованіе широкое, сообразное съ высокимъ государственнымъ саномъ ихъ отца: она не жалѣла на дѣтей денегъ, тѣмъ болѣе что государственныя сокровища были едва ли не въ безконтрольномъ распоряженіи ея мужа, всесильнаго временщика, выписала изъ Европы лучшихъ учителей, гувернеровъ и воспитателей, которые ввели въ программу воспитанія дѣтей Бирона всѣ науки, необходимыя для приготовленія къ государственной дѣятельности. Сама императрица принимала въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе: дѣтей Бирона она любила, какъ бы это были ея собственныя дѣти; она съ участіемъ слѣдила за ихъ воспитаніемъ; часто присутствовала во время классныхъ занятій; сама спрашивала уроки. Сыновья Бирона оказывали мало успѣ-

ховъ; учились вяло; были неразвиты, лѣнны, но за то Гедвига подавала блистательныя надежды; это была умненькая, живая дѣвочка; въ ученіи она дѣлала быстрые успѣхи и въ общемъ развитіи шла впереди своихъ братьевъ. Но, безъ сомнѣнія, физическіе недостатки маленькой горбуны отвратили отъ нея нѣжность отца, которому конечно желалось, чтобы дочь его блистала красотой, какъ онъ самъ блисталъ могуществомъ; чтобы съ помощью этой красоты можно было войти въ связи съ могущественными особами, если не здѣсь, въ Россіи, то въ Европѣ. Биронъ часто не скрывалъ своего нерасположенія къ Гедвигѣ, преслѣдовалъ ее насмѣшками, попреками, какъ дурнушку. Самолюбивая и умненькая дѣвочка не могла не видѣть этой слишкомъ крайней холодности отца, и, сознавая свой умъ, свое превосходство передъ прочими, заключалась въ себѣ самой, а черезъ это выросла въ себѣ скрытность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработала себѣ волю и самостоятельность.

Когда Гедвигѣ было десять лѣтъ, въ 1737 году, отецъ ея былъ пожалованъ герцогскимъ достоинствомъ, и маленькую Гедвигу стали называть «принцессой». Ей дали придворный штатъ, фрейлинъ, камеръ-юнгферъ, пажей.

Когда Гедвигѣ было двѣнадцать лѣтъ, она явилась ко двору. Въ это время совершалась свадьба племянницы государыни, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны, съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгскимъ. Это было 3-го іюня 1739 года. Гедвига отправилась въ придворную церковь въ великолѣпной золоченой каретѣ, окруженная свитой. При свадебной церемоніи она стояла рядомъ съ государыней. За официальнымъ придворнымъ обѣдомъ она сидѣла рядомъ съ новобрачными, а вечеромъ, во время придворнаго бала, управляла танцами.

Первое появленіе ея въ свѣтъ было вполнѣ удачно, и императрица осталась ею вполнѣ довольна. Молоденькая дѣвушка оказалась умна, ловка, находчива, и привлекла всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что это была дочь Бирона. Послѣ перваго выѣзда она уже являлась ко двору во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и около нея образовалась толпа поклонниковъ: вся блестящая молодежь того времени, всѣ придворные любезники окружали дочь Бирона; всѣ старались угодить ей, заслужить ея вниманіе, чтобъ, въ свою очередь, заслужить лестное вниманіе ея папаша. Это раболѣпство Гедвига, естественно, принимала какъ дань уваженія ея уму и талантамъ, какъ обаяніе ея красотою, и это тѣмъ болѣе было ей по душѣ и тѣмъ охотнѣе отдавалась она наслажденію блистать и побѣждать, что дома она встрѣчала только обидное невниманіе или ужъ не въ мѣру обидную придиричивость отца.

Вмѣстѣ съ отцомъ и Гедвига раздѣляла милости императрицы. Въ то время когда заключенъ былъ бѣлградскій миръ, въ 1740 году, Гедвига пожалована была портретомъ государыни, украшеннымъ брилліантами, для ношенія на груди. Начали уже поговаривать, что государыня готовить ей жениха въ числѣ владѣтельныхъ особъ и что ее намѣрены помолвить за сына одной изъ германскихъ коронованныхъ особъ.

Гедвига видѣла впереди новый рядъ побѣдъ, нескончаемую лѣстницу почестей и избытокъ жизненнаго счастья.

Но жизнь не дала того, что ожидалось не одною Гедвигою...

Въ октябрѣ 1740 года императрица Анна Іоанновна скончалась — и вмѣстѣ съ этимъ рухнуло могущество Бирона, рухнуло и счастье Гедвиги, такъ не надолго улыбавшееся ей.

Прошло 22 дни послѣ смерти императрицы, и Биронъ былъ уже обвиненъ въ государственной измѣнѣ, осужденъ и посаженъ

въ крѣпость. Въ крѣпость посажена была и ни въ чемъ неповинная Гедвига, которой было только семнадцать лѣтъ. Вся семья Бирона сидѣла въ крѣпости семь съ половиною мѣсяцевъ, пока не вышло новое опредѣленіе суда—сослать всѣхъ Бириновъ на вѣчное житье въ Сибирь.

Въ Пелыми, въ томъ заброшенномъ сибирскомъ городкѣ, который, полтора ста лѣтъ назадъ, заселенъ былъ ссыльными угличанами за то, что въ городѣ ихъ совершилось убійство царевича Димитрія и угличане отмстили его убійцамъ—въ этомъ далекомъ городкѣ для Бироновъ выстроили домъ о четырехъ комнатахъ и окружили его, какъ острогъ, высокимъ палисадомъ.

Вотъ куда поворотила звѣзда Гедвиги, загорѣвшаяся было на западномъ горизонтѣ...

За высокимъ пелымскимъ палисадомъ, среди сибиряковъ, и грѣшныи Биронъ и неповинная Гедвига должны были кончать свою жизнь. Въ Сибирь Биронамъ позволено было взять часть своей прислуги, и въ томъ числѣ для Гедвиги съ матерью—«дѣвку арапку Софью и дѣвку турчанку Катерину».

Послѣ долгой и томительной дороги Бироны поселились въ Пелыми. Надорванный послѣдними событіями, Биронъ слегъ—онъ не привыкъ къ такимъ ударамъ: Гедвига и мать день и ночь чередовались около постели опальнаго вельможи, и читали ему, въ утѣшеніе, святую библію.

Можно себѣ представить, что переживала молодая дѣвушка...

А Биронъ, въ ссылкѣ, больной, былъ еще раздражительнѣе: что прежде, въ самовластныхъ порывахъ раздражительности, Биронъ изливалъ на всю Россію и давилъ ее собою, то теперь все почти обрушивалось на слабыя плечи нелюбимой имъ дочери горбуни.

Но черезъ годъ до Бироновъ дошла вѣсть о новыхъ важныхъ событіяхъ въ далекомъ Петербургѣ: на престолъ вступила цеса-

ревна Елизавета Петровна, и въ душѣ Бирона воскресла надежда на избавленіе, на возстаніе изъ его живой могилы. Онъ помнилъ, что дѣлалъ когда-то добро цесаревнѣ—и рѣшился писать ей о смягченіи своей тяжелой участи.

Благодарная императрица сжалилась надъ павшимъ величіемъ, и приказала перевести Бириновъ въ Ярославль. Тамъ, на берегу Волги, отвели имъ большой каменный домъ, который долго потомъ показывали какъ мѣстопробываніе нѣкогда страшнаго временщика.

Ярославль, казалось Гедвигѣ, стоялъ уже довольно близко къ тому мѣсту, гдѣ она была когда-то счастлива: вѣсти отъ Петербурга доходили до Ярославля гораздо скорѣе чѣмъ до Пелыми—и Гедвига дозволила себѣ мечтать о возвращеніи потеряннаго счастья, тѣмъ болѣе, что и въ силѣ и въ паденіи отецъ ея оставался все тѣмъ же — онъ не любилъ свою дочь, а несчастье сдѣлало его характеръ еще болѣе жестокимъ.

Гедвига испробовала всѣ средства, чтобъ напомнить о себѣ въ Петербургѣ, чтобы имя ея произнеслось при императрицѣ, чтобы дворъ опять открылся передъ дочерью опальнаго отца: Гедвига думала найти путь ко двору чрезъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ новаго своего мѣстообитанія; но вліятельныя лица Ярославля были безсильны открыть молодой и честолюбивой мечтательницѣ путь ко двору. Она рѣшилась писать къ любимцу государыни, графу Шувалову,—но это осталось только бесполезной попыткой.

Такъ прошло восемь лѣтъ — восемь лучшихъ лѣтъ жизни.

Гедвига переживала уже двадцать шестой годъ этой странной жизни, исполненной страшныхъ, подавляющихъ контрастовъ—первая молодость ея проходила...

И вотъ дѣвушка рѣшается бѣжать изъ отцовскаго дома, какъ, сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ, бѣжала другая честолюбивая дѣвушка, Матрена Кочубей, но та бѣжала къ любимому человеку, къ своему счастью, а эта за тѣмъ, чтобы искать этого счастья.

Въ началѣ весны 1749 года Гедвига узнала, что императрица перѣехала въ Москву и въ апрѣлѣ отправляется пѣшкомъ къ Троицѣ на богомолье. Гедвига узнала, что императрица только въ полутораста верстахъ отъ Ярославля—это такъ близко: близкимъ казалось молодой дѣвущкѣ и ея долго искомое счастье.

15-го апрѣля ночью Гедвига бѣжала.

Надѣясь, что женщина скорѣе войдетъ въ ея положеніе, особенно когда узнаетъ мотивы ея бѣгства, смѣлая дѣвушка въ эту же ночь явилась къ женѣ ярославскаго воеводы Пушкина, и, обливаясь слезами, объявила ей, что она рѣшилась на бѣгство отъ жестокости и преслѣдованій отца, что преслѣдованія эти воздвигнуты на нее за то, что она желаетъ принять православіе, и что она рѣшилась идти прямо къ императрицѣ, дойти до лавры и просить защиты доброй государыни. Пушкина рада была ухватиться за этотъ счастливый случай, чтобы самой отличиться передъ государыней, и тою же ночью, вмѣстѣ съ бѣглянкой отправилась въ лавру.

Въ лаврѣ обѣ женщины нашли то, чего искали. Пушкина представила Гедвигу первой статсъ-дамѣ государыни, Шуваловой, и та приняла участіе въ молодой дѣвущкѣ. Гедвига, обладая искусствомъ заслуживать общее расположеніе и побуждать обаяніемъ своего ума, нашла въ Шуваловой сильную покровительницу, которая приняла въ ней самое горячее участіе. Дѣвушка представлена была императрицѣ, какъ несчастная жертва

родительской тиранніи, какъ существо, страдающее за тайную приверженность къ православію: то была «бѣдная овечка», ищущая своего стада, какъ представили это дѣло императрицѣ. Безъ словъ, но съ горькими слезами Гедвига упала передъ императрицей, и глубоко растрогала ее. Государыня обласкала дѣвушку, обѣщала свое покровительство, обѣщала даже быть ея матерью при крещеніи, которое и должно было совершиться въ Москвѣ.

Гедвига опять видѣла впереди свое потерянное счастье.

Дѣйствительно, черезъ три недѣли Гедвига была крещена въ церкви головинскаго дворца, и названа Екатериною.

Весь дворъ заинтересованъ былъ этою необыкновенною дѣвушкою и ея участію. Интересъ возбуждался еще болѣе тѣмъ, что это была уже памятная всѣмъ горбунья, дочь Бирона, принцесса, передъ которой когда-то весь дворъ раболѣпствовалъ и которая видѣла уже и крѣпостные казематы, и далекую Сибирь, и снова повидимому шла вгору. Гедвига скоро вошла въ довѣріе духовника императрицы, сдѣлалась домашнимъ человѣкомъ у Шуваловой и для нея создана была при дворѣ особая должность—второй надзирательницы за фрейлинами. Гедвига скоро вошла въ свою новую роль — объ ней опять заговорили, особенно же когда она оказалась очень ловкою распорядительницею въ устроеніи участи молоденькихъ фрейлинъ, которыхъ она умѣла хорошо пристраивать замужъ.

Но она не ограничилась и этимъ положеніемъ. Она нашла при дворѣ новыхъ доброжелателей, и въ числѣ ихъ былъ гофмаршалъ двора великаго князя Петра Федоровича, Чоглоковъ, обязанный Бирону тѣмъ, что герцогъ когда-то, еще когда былъ въ силѣ, взялъ молодого Чоглокова изъ кадетскаго корпуса въ конную гвардію и приблизилъ къ себѣ. Чоглоковъ ввелъ Гедвигу въ интимный кружокъ великаго князя, который тѣмъ бо-

лѣе полюбилъ дочь Бирона, что она была природная нѣмецкая принцесса и говорила съ нимъ по-нѣмецки. Великій князь любилъ съ ней говорить, повѣрялъ ей свои планы относительно обмундированія голштинскихъ солдатъ, и умная горбунья умѣла хорошо выслушивать будущаго императора, умѣла въ время дать совѣтъ, сказать свое мнѣніе. Когда Гедвиги не было у великаго князя, то онъ и тогда не забывалъ ее, посылая ей отъ своего стола кушанья, лакомства, и вообще показывая ей свое расположеніе.

Но надо было думать и о замужествѣ Гедвиги. Гофмейстера и другъ великой княгини Владиславова нашла ей жениха въ камергерѣ Петрѣ Салтыковѣ, котораго мать оказала немаловажную услугу императрицѣ при возшествіи ея на престолъ. Женитьба сына на Гедвигѣ, дочери Бирона, на принцессѣ, льстила самолюбію Салтыковой, и она приказала сыну ухаживать за дѣвушкой. Но Гедвига почему-то не благоволила къ Салтыкову и на отрѣзъ отказала ему. Салтыковъ, наученный матерью, бросился въ ноги императрицѣ, просилъ ея помощи въ его сердечномъ дѣлѣ, и когда императрица спросила Гедвигу, почему она отказывается такому прекрасному молодому человѣку— Гедвига отвѣчала, что она повинуется волѣ государыни. Это еще болѣе возвысило въ глазахъ государыни умненькую горбунью. Но ей все-таки не хотѣлось сдѣлаться Салтыковой и она умѣла такъ ловко повести дѣло, что опротивѣла жениху, и онъ поспѣшилъ жениться на княжнѣ Солнцевой. Императрица приняла еще болѣе горячее участіе въ покинутой, огорченной невѣстѣ. Тогда ей нашли другого жениха, князя Григорія Хованскаго; но этотъ уже самъ положительно не выносилъ своей горбатой невѣсты, и подъ разными предлогами уѣхалъ къ арміи.

Императрица нашла Гедвигъ третьяго жениха — это былъ баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ, человекъ умный, образованный, веселый собесѣдникъ въ обществѣ, ловкій придворный, говорившій хорошо на трехъ иностранныхъ языкахъ — на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, человекъ съ самымъ ровнымъ характеромъ, у котораго только были двѣ невинныя по тогдашнимъ понятіямъ страсти — вино и хорошенькія женщины. Черкасовъ, желая угодить императрицѣ, сдѣлалъ предложеніе Гедвигъ и получилъ ея согласіе. Сдѣлавшись женой Черкасова, Гедвига съумѣла заставить полюбить себя, и они дѣйствительно прожили съ мужемъ счастливо болѣе 35 лѣтъ.

Гедвига, нынѣ баронесса Черкасова, оставила дворъ и занялась исключительно воспитаніемъ дѣтей, которыхъ имѣла отъ Черкасова.

Она умерла въ 1796 году.

Подобно Ксеніи Годуновой, эта дочь Бирона, умирая, просила, чтобы ее похоронили вмѣстѣ съ ея знаменитымъ отцомъ и братьями.

Набальзамированный трупъ ея былъ перевезенъ въ Митаву, и тамъ, въ замкѣ, въ родовомъ склепѣ, дочь Бирона легла около тѣхъ, съ которыми она когда-то дѣлила могущество, славу, ссылку и — много семейнаго горя.

XVIII.

Графиня Мавра Егоровна Шувалова,

урожденная Шепелева.

Между женскими личностями первой половины прошлаго вѣка есть не мало такихъ, о которыхъ повидимому можно было бы совсѣмъ умолчать, какъ и объ остальной массѣ женщинъ, и жившихъ и умиравшихъ безвѣстно и не оставившихъ о своемъ существованіи никакого слѣда въ исторіи, которымъ ни личною дѣятельностью, ни обстоятельствами жизни, ни даже отношеніями къ другимъ историческимъ личностямъ не суждено было выступить изъ неизвѣстности, выпадающей на долю всему, что дюжино, безцвѣтно, что ни добромъ, ни зломъ не выдѣлилось въ историческую особь, не оставило послѣ себя что-называется ни звука въ воздухѣ, ни слѣда на землѣ, ни строки на исторической страницѣ; но и въ этомъ числѣ есть такія, которыхъ, какъ ни безцвѣтно ихъ существованіе, обойти нельзя, потому что какое-нибудь слово, сказанное ими, какое-либо письмо, ими написанное, или дополняютъ картину своего времени, или составляютъ рѣдкій, характеристическій орнаментъ цѣлой исторической эпохи, или, наконецъ, освѣщаютъ положеніе другихъ историческихъ личностей.

Такою является фрейлина двора герцогини голштинской, несчастной цесаревны Анны Петровны, любимой дочери Петра Великаго, матери императора Петра III — Мавра Егоровна Шепелева.

Съ именемъ дѣвицы Шепелевой невольно связывается одно лишь воспоминаніе, но воспоминаніе очень рельефное:—это ея письма къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, будущей императрицѣ русской.

Простыя, безхитростныя, наивныя, крайне притомъ безграмотныя письма дѣвушки обезсмертили имя Шепелевой, и говорить о Шепелевой—значить говорить о ея письмахъ, которыя интереснѣе всей ея жизни и всѣхъ ея личныхъ дѣлъ, мелкихъ и ничтожныхъ въ общей суммѣ нашего историческаго прошлаго.

Мы поэтому и не будемъ почти говорить о Шепелевой, а скажемъ только о ея письмахъ: письма эти—колорить цѣлой эпохи и въ то же время живой портретъ и характеристика той, которая ихъ писала.

Мавра Шепелева происходила изъ стариннаго рода дворянъ Шепелевыхъ. Гдѣ она получила воспитаніе—неизвѣстно; но всего скорѣе слѣдуетъ предполагать, что воспитаніе это, какъ живое выраженіе того скуднаго педагогическаго питанія, которымъ довольствовалась тогда вся Россія, не многимъ разнилось отъ воспитанія женщины временъ еще стрѣлцкихъ; разница только въ томъ, что изъ тогдашнихъ женщинъ рѣдкая умѣла читать или начертать свое имя подъ какой-нибудь дарственной записью; Шепелева же сама пишетъ письма: черезъ руки Шепелевой безъ сомнѣнія прошли такіа педагогическія руководства, какъ творенія Симеона Полоцкаго, Лазаря Барановича, а можетъ быть что-либо и поновѣе.

Какъ бы то ни было, но Шепелева является однимъ изъ экземпляровъ того такъ-сказать новаго изданія русской женщины, которое явилось въ свѣтъ послѣ Петра, нѣсколько дополненное и исправленное, и къ которому принадлежитъ другой подобный же экземпляръ—княжна Александра Григорьевна Долгорукая, бывшая потомъ замужемъ за Салтыковымъ, родственникомъ царицы Прасковьи, и переписывавшаяся съ извѣстною Матреною Балкь.

Однимъ словомъ, Шепелева умѣла писать письма въ то время еще, когда не всѣ царицы умѣли это; но какъ она писала—это другой вопросъ.

Когда, послѣ Петра Великаго, цесаревна Анна Петровна вышла замужъ за герцога голштинскаго и съ своимъ супругомъ отправилась въ столицу Голштиніи—Киль, Мавра Шепелева находилась при особѣ молодой герцогини голштинской.

Уѣзжая въ Киль, Шепелева оставляла въ Россіи высокаго друга своего въ лицѣ младшей сестры герцогини Анны Петровны, цесаревны Елизаветы Петровны. Дружба эта выражалась не только въ милостивыхъ отношеніяхъ цесаревны къ придворной дѣвушкѣ, но и въ интимной перепискѣ, поддерживавшейся между Шепелевою и цесаревной. Последняя называла «Маврутку» Шепелеву даже своею дочкою.

Первое извѣстное намъ письмо Шепелевой къ цесаревнѣ относится къ 22-му октября 1727 года, слѣдовательно къ самымъ первымъ мѣсяцамъ пребыванія герцогини Анны Петровны, а вмѣстѣ съ нею и Шепелевой въ Килѣ.

Передаемъ это письмо съ дипломатическою и филологическою пунктуальностью—въ ней-то вся и сила.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна Елисаветъ Петровна!

«Доношу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава

Богу в добромъ здравье обретаются; при семъ же благодарствую за вашу высокую милость, что изволили ко мнѣ писать, и въпретъ прошу я вашева высочества, дабы незабвесьна была писмами. Еще шъ благодарствую за вашу высокую милость, что изволили ко мне, недостойной, прислать цытеръ католь бриліантовой, и я не знаю, за что ваша высочество такъ меня, недостойною, жалуйте. Данашу я вашему высочеству, что я кланялас Бышову, и он столько обрадовался, что пуще быть нельзя, и приказал вамъ свой поклонъ отдать, а принцъ Авъгустъ поехалъ по мать, и как он будетъ, то я ему отдамъ от вас поклон, и черезъ два дни будит к нам, и обы принцессы, и я вашему высочеству обстоятельно отпишу про все. Еще шъ данашу, что пожалованъ Бышовъ въ гарънадеръску роту въ капитани поручики. А что вы изволили ко мне писать, чтобы я донесла песаревни о перъсонахъ, и я ей донасила, и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Францы, точас к вамъ пошлетъ перъсону Бышова и принцовъ обехъ, а въ Кили живописцы очень худи. Инова данашенія писать не имею, тоцію остаюс вашева высочества веръная раба Мавра Шепелева».

Таковъ былъ языкъ и такова грамматическая и литературная сила въ писаніяхъ придворной особы первой половины прошлаго вѣка: особенно характерны такія выраженія какъ «еще шъ данашу» (т. е. «еще жъ доношу») и подобныя.

Съ слѣдующимъ письмомъ Шепелевой, отъ 26-го октября, мы уже познакомились въ предыдущемъ очеркѣ, относящемся къ герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ: это то письмо, въ которомъ Шепелева извѣщаетъ цесаревну Елизавету Петровну, что сестрица ея готовится къ предстоящимъ родамъ и запасаетъ «чепъчики и пелонки», что «по всякой день варошитъца у ней въ брuxe будущей племянникъ или племянъница» цесаревны (т. е.,

какъ оказалось впослѣдствіи, будущій императоръ Петръ III), что «в Кили очен дажди велики и ветри», а «печи все железныя, и то маленькіе».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 20 ноября, Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что къ нимъ въ Киль долженъ скоро быть почетный гость—пренцесъ Элизабет мужъ», и просить своего высокаго друга называть ее, Маврутку, своею «дочерью», какъ и прежде называла ее Елизавета Петровна.

«Матушка моя государыня цесаревна, Элизабетъ Петровна!—пишетъ Шепелева.—Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица и зять вашъ, слава Богу, в добромъ здравье. Прашу я васъ, матушка цесаревна, даби я, бедная, незабвенъна была вашей высокой милости. Данашу вашему высочеству, что на етой недели будить к нам пренцесъ Элизабет мужъ будит. Инова вашему высочеству данасит не имею, точію остаюс веръная ваша раба, такъ же, ежели не перемените свою милос ка мне, что вы меня называли, то веръная ваша дочь Мавра Шепелева».

Черезъ два мѣсяца Шепелева опять пишетъ въ Россію къ своему высокому другу и покровительницѣ, извѣщаетъ о здоровьѣ сестры ея, герцогини, о томъ, что у нихъ въ Киль долженъ быть 12-го генваря «банкетъ» въ честь дня рожденія королевскаго высочества «по новому стилю»—Европа, какъ видно, и ее, Маврутку, научила различать «стили»; при этомъ Шепелева называетъ себя и «вѣрною рабою» цесаревны, и «дочерью», и «холопкою и кузыною».

«Всемилоствейша государыня цесаревна и мать моя!

«Во перьвыхъ данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, въ добромъ здравье. Прашу я ваша высочество, дабы я, ваша раба и дочь, не оставлена была вашей высокой милости. Данашу я вашему высочеству, что у нас севодни

банкетъ, ражденіе ево каралевскаго высочества по новому стилю, и будить много дамъ и кавалеровъ. Инова вашему высочеству данасить ничего не имею, точію остаюсь вѣрная ваша раба и дочь, и холопка и кузына Мавра Шепелева».

Время, однако, близится къ развязкѣ; а какова должна была быть эта развязка—никто не зналъ.

18-го генваря Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что сестрица ея «дожидантца на етихъ дняхъ» и поэтому приказала придворнымъ дамамъ и фрейлинамъ «готовить робы къ крестинамъ», что, наконецъ, вслѣдствіе ожиданія родовъ, безъ приказу никто изъ придворныхъ дамъ не смѣетъ ходить къ беременной герцогинѣ.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу; в добромъ сдоровьи, и сестрица ваша дожидантца на етихъ дняхъ, и приказала намъ готовить робы крестинамъ, и дамы все делаютъ робы, и мы безъ приказу не ходимъ цесаревни. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имѣю, точію остаюсь ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Въ письмѣ отъ 1-го февраля Шепелева пишетъ цесаревнѣ о смерти ихъ придворнаго пѣвчаго, по фамиліи Чайка: это, вѣроятно, бѣдный малороссъ, за свой хорошій голось (голосами, какъ видно, и тогда славилась Малороссія) взятый ко двору, подобно Разумовскому, и умершій вдали отъ своей родной Украины.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!— пишетъ Шепелева въ этомъ письмѣ.—Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здаровьи. Прашу я ваша высочество, чтобъ я не оставлена была вашей высокой милости. Еще шъ данашу, что у нас умеръ певъчей Чайка желчью. Еще шъ данашу, что у нас зыма стоитъ две недели. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имею,

точію остаюсь верная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Въ это время герцогиня Анна Петровна разрѣшается отъ бремени сыномъ, будущимъ всероссійскимъ императоромъ Петромъ III, и Шепелева сообщаетъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, отъ 15-го февраля, о здоровьѣ ея маленькаго племянника и о томъ, что въ кормилицы ему взята была «отъ обаръ камаръгера», а потомъ за болѣзнью этой кормилицы взята другая.

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

«Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица в добромъ здаровьи, и ево каралевское высочество и племянникъ вашъ в добромъ здаровьи, каръмилица была у вашева племянника взета отъ обаръ камаръгера, и нине занемогшей и взяли другую кармилицу. Инова не имѣю, точію остаюс веръная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Послѣ этого письма слѣдуетъ перерывъ въ корреспонденціи до 25-го іюля 1728 года.

Въ теченіе этого промежутка, какъ извѣстно, умерла несчастная дочь Петра Великаго, которой жизнь вдали отъ родины далеко была не красива.

О смерти ея Шепелева ничего не пишетъ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ письма ея объ этомъ собственно обстоятельствѣ. Пишетъ она только 25-го іюля, что въ Киль ожидаются корабли, тѣ конечно, которые должны были перевезти тѣло умершей герцогини въ Россію, на родину, что навстрѣчу этимъ кораблямъ посылается изъ Киля большая яхта, что всѣмъ чинамъ и придворнымъ особамъ приказано съѣзжаться «на виносъ» тѣла умершей, и Шепелева общаетъ даже описать для Езизаветы Петровны церемонію выноса тѣла усопшей сестры ея.

Вотъ это любопытное письмо:

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна!

«Во неръвыхъ данашу вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здоровьи. Еще шъ данашу я вашему высочеству, что приставили принцу камаръ фроу Румерову жену, каторой камаръ фурьеръ у ево высочества. Дажидаимъ караблей суда завътря, или канешно послѣ завътрява, и послали яхтъ балшую на вѣстречу, и приказалъ ево высочество съезжать на всемъ на виносъ, а понесутъ чрезъ вѣсь горотъ, и ежели я успею написать церемонію, то пошлю къ вашему высочеству; надеюся, что церемонія велика будитъ; надеюся, что карабли пробудутъ у насъ неделю, потому что не въсо готова. Боля вашему высочеству данасыть ничего не имею, точію остаюсь верная вашева высочества раба Мавра Шепелева».

Наконецъ, сохранилось еще одно письмо Шепелевой изъ Кіи. Письмо это — образцовое произведеніе пера молоденькой русской фрейлины первой половины прошлаго вѣка, дѣвушки, повидимому большой охотницы до описанія наружности красивыхъ кавалеровъ—и вообще это такое интересное посланіе, которое для насъ было бы дороже всякихъ другихъ историческихъ извѣстій о жизни Шепелевой, если бъ эти извѣстія и сохранились въ достаточной полнотѣ. Въ письмѣ этомъ, кромѣ наивнаго восхищенія красотою разныхъ принцевъ, кромѣ подробнѣйшаго описанія ихъ наружности, походки, голоса, фрейлина жалуется на обиліе въ Голштиніи пчелъ, которыя кусаются, и признаивно хвалится своему другу, что купила она любопытную табакерку, а въ ней нарисована «персона», и что всего удивительнѣе для русской барышни—«персона» эта похожа на Елизавету Петровну, когда она нагая.

Приведемъ цѣликомъ это неподражаемое посланіе:

«Всемиловѣйшая государыня цесаревна Элизабетъ Петровна!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здравьѣ. Поздравляю васъ тезаименитствомъ вашимъ; дай, Боже, вамъ долгія лета жить, и чтобъ ваша намереніе оканчалось, которо у насъ в Кили, и вѣвсяко ваша намереніе оканчалась. Данашу я вашему цесарьскому высочеству, что пріехалъ к намъ принцъ Орьдовъ и принцъ Августъ. Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутурлинъ, и такъ тонокъ, глаза такія, какъ у васъ цветомъ и такъ велики, ресницы черныя, брови томнарусія, валоси такія, какъ у Семона Кириловича, белъ, не много почернее покойника Бышова и румяницъ алой всегда въ щекахъ, зубы беліи и хараши, губи всегда али и хороши, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанъка походить на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молать, 19 летъ, валоси свои носить, и валоси по паесть, руки паходятъ очинь на Бутурлина, и в Олександровъ день положила на нево кавалерию цесаревна. Данашу вамъ по принца Августа: такъ великъ, какъ меньшей Жерепцовъ, и такъ толстъ, лицомъ оченъ похожъ на Бышова, и асання и пахотка такая, какъ у Бышова была, и парики носить белія, в кашелке толъка, толстъ голос, и выежалъ герцохъ ихъ встречать отъ Кили за милю в залатомъ берлини, а кавалери все веръхами, и геръцохъ и все кавалеры въ кавътанахъ цветънихъ, в камзоли черніи байковыя. Еще шъ данашу: пріѣхал за ними гофмейстеръ да оберъ егаръмейстеръ, и оберъ егаръмейстеръ оченъ похожъ на Алексѣя Яковлевича Волъгова, лицомъ и осанкою, и нагами и руками. Еще шъ данашу, что у насъ въ Кили такія дни хорошія, какъ бы

летомъ, и места мухъ впчели; какъ въ Питербурхи мухъ многа, такъ у насъ впчоль, и укусила меня за руку пчела, и я думала, что безъ руки буду, потому что распухла и ломъ великой былъ три дени. Еще шъ данашу: купила я табакерку, и перъсона в ней нахожа на ваше высочество, какъ вы нагія. Еще шъ прашу я ваша цесарьскова высочества объ дядушке моемъ, прикажите ка мне отписать; слишили ми, будто онъ и Кашеловъ и Машковъ потъ карауломъ в гораде, и я прашу ваша высочества матерской вашей ко мне милости, ежели ета нештаіе, прикожите меня увѣдомить. Инова вашему высочеству данасить не имею, точію рекамандую себя вамъ и остаюсь веръная ваша раба Маврутка Шепелева».

Не навсегда, однако, суждено было Шепелевой оставаться въ Голштиніи: неизвѣстно, возвратилась ли она въ Россію вмѣстѣ съ бренными останками своей герцогини или въ послѣдующіе годы, только мы опять видимъ ее замужемъ уже за графомъ Шуваловымъ.

Какъ была Маврутка Шепелева любимицей цесаревны Елизаветы Петровны, такъ и осталась ея любимицей, когда была уже графиней Шуваловой, а Елизавета Петровна вступила на престолъ своего отца.

У новой императрицы Шуваловы становятся первыми сановниками и довѣренными лицами: Елизавета Петровна возводитъ свою любимицу Маврутку на самую высокую степень придворной іерархіи — графиня Шувалова дѣлается первою статсъ-дамою государыни, и вліяніе ея при дворѣ становится такъ велико, что они съ мужемъ какъ бы повторяютъ собою роль еще такъ недавно погибшихъ всемогущихъ временщиковъ — Меншикова, Лестока, Бирона, съ тою только разницею, что благо-

родно пользуются своимъ высокимъ положеніемъ и не обращаютъ его на злое дѣло, подобно хотя бы Бирону.

Мало того, графиня Шувалова является въ роли покровительницы одного изъ членовъ опальной семьи Бирона: когда дочь этого послѣдняго, Гедвига, по возвращеніи Бирионовъ изъ Сибири въ Ярославль, бѣжала отъ суроваго отца, чтобъ искать милости у императрицы Елизаветы Петровны, Гедвига прежде всего нашла доступъ къ графинѣ Шуваловой, поправилась ей, разжалобила эту неизмѣнную любимицу государыни и при ея покровительствѣ вошла въ милость императрицы, при ея руководствѣ приняла православіе, снова взята была во дворъ и сдѣлала приличную партію, вышедши замужъ за барона Черкасова.

Вообще, какъ ни блестяща была жизнь графини Шуваловой въ періодъ ея могущества, какъ ни симпатична ея дѣятельность при дворѣ Елизаветы Петровны, но, въ качествѣ молоденькой фрейлины, пишущей такія наивныя и прелестныя по своей простотѣ письма, Маврутка Шепелева представляется намъ еще болѣе симпатичною.

XIX.

Правительница Анна Леопольдовна.

Нѣтъ ничего пристрастнѣе и одностороннѣе отзывовъ современниковъ объ историческихъ личностяхъ, на какой бы высотѣ онѣ ни стояли, и чѣмъ выше положеніе, занимаемое этими личностями, тѣмъ отзывы о нихъ пристрастнѣе: одинъ возводитъ такую личность на недостижимую высоту, другой низводитъ ее ниже дѣйствительнаго уровня; оба силятся рельефнѣе отразить ее въ своемъ описательномъ рефракторѣ — и оба говорятъ, каждый съ своей точки зрѣнія, и правду и неправду, и тамъ, гдѣ одинъ рисуетъ повидимому схожій портретъ личности, другой его искажаетъ.

Для біографа послѣдующихъ временъ современники описываемой личности являются Сциллою и Харибдою, и біографъ съ помощью самой осмотрительной критики долженъ отдѣлять истину отъ лжи, ощупывая главнымъ образомъ больныя мѣста въ сказаніяхъ современниковъ.

Таковы отзывы этихъ послѣднихъ о женской личности, по однимъ — свѣтлымъ метеоромъ пролетѣвшей послѣ тяжелой бироновщины, по другимъ — безцвѣтно отсидѣвшей у трона и колыбельки своего сына малютки-императора и затѣмъ такъ же безцвѣтно дожившей свои молодые годы въ Холмогорахъ.

«Дочь герцогини мекленбургской — говорить о ней леди Рондо — взята императрицей вмѣсто родной дочери; ее зовутъ теперь принцессой Анной; она дѣвушка посредственной наружности, очень робка отъ природы, и нельзя еще сказать, что изъ нея будетъ».

Въ другомъ мѣстѣ эта же современница говоритъ: «Принцесса Анна, на которую смотреть какъ на наслѣдную принцессу, теперь уже находится въ такомъ возрастѣ, что могла бы заявить себя чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что ее воспитываютъ съ такою заботою; но въ ней нѣтъ ни красоты, ни граціи, и умъ ея не выказалъ еще ни одного блестящаго качества. Она держитъ себя очень степенно, говоритъ мало и никогда не смѣется, что мнѣ кажется неестественнымъ въ такой молодой особѣ и происходитъ, по моему мнѣнію, скорѣе отъ тупости, нежели отъ разсудительности. Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству меня могутъ повѣсить».

Но, дѣлая этотъ нелестный для молодой дѣвушки отзывъ, хитрая англичанка и придворная очень хорошо знала, что ее не повѣсятъ, а напротивъ будутъ довольны ею, если письмо ея будетъ «перяюстровано» Бирономъ.

Напротивъ, графъ Минихъ-сынъ, облагодѣтельствованный въслѣдствіи этою самою дѣвушкою, совершенно иные краски кладетъ на ея портретъ.

«Принцесса Анна — говорить онъ — сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны и ничто не было для нея неслыханно, какъ столь необходимое при дворѣ притворство и принужденіе, почему и произошло, что люди, пріобыкшіе въ прошлое правленіе къ грубѣйшимъ ласкательствамъ, несправедливо почитали ее надменною и якобы всѣхъ презирающею. Подъ видомъ

виѣшней холодности, была она внутренно снисходительна. При-
нужденная жизнь, которую она вела отъ двѣнадцати лѣтъ своего
возраста даже до кончины императрицы Анны Ивановны —
почему тогда кромѣ торжественныхъ дней никто посторонній къ
ней входить не смѣлъ и за всѣми поступками ея строго присма-
тривали — вселила въ ней такой вкусъ къ уединенію, что она
всегда съ неудовольствіемъ напряжалась, когда во время ея ре-
гентства надлежало ей принимать и являться въ публичѣ. Прият-
нѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ
избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила, и тутъ бывала
она свободна и весела въ обхожденіи. Дѣла слушать и рѣшать
не скучала она ни въ какое время и дабы бѣдные люди способ-
нѣе могли о нуждахъ своихъ ей представлять, назначенъ былъ
одинъ день въ недѣлю, въ который дозволялось каждому проше-
ніе свое подавать во дворцѣ кабинетному секретарю. Она знала
цѣнить истинныя достоинства и за оказанныя заслуги награждала
богато и добродушно. Великодушіе ея и скромность произвели, что
она вовсе не была недовѣрчива, и многихъ основательныхъ тре-
бовалось доводовъ, пока она повѣритъ какому либо впрочемъ и
несомнѣнному обвиненію. Для снисканія ея благоволенія нужна
была болѣе откровенность, нежели другія совершенства. Въ за-
конѣ своемъ была она усердна, но отъ всякаго суетвѣрія изъята.
Хотя она привезена въ Россію на второмъ году возраста своего,
однако, пособіемъ окружавшихъ ее иностранцевъ, знала нѣмецкій
языкъ совершенно. По французски разумѣла она лучше, нежели
говорила. До чтенія книгъ была великая охотница; много читала
на обоихъ помянутыхъ языкахъ и отмѣнный вкусъ имѣла къ дра-
матическому стихотворенію. Она почитала много людей съ такъ
называемымъ счастливымъ лицерасположеніемъ и судила большею
частію по лицу о душевныхъ качествахъ человѣка. Къ домаш-

нимъ служителямъ своимъ была она снисходительна и благотворна. Что касается внѣшняго вида ея, то была она роста средняго, собою статна и полна, волосы имѣла темноцвѣтные, а лиценачертаніе хотя и не регулярно пригожее, однако пріятное и благородное; въ одеждѣ была она великолѣпна и съ хорошимъ вкусомъ. Въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отчего большею частью убиралась не къ лицу».

Подобно этимъ двумъ современникамъ, видимо другъ друга отрицающимъ въ отзывахъ своихъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ, такіе же другъ друга отрицающіе отзывы о ней даютъ намъ и прочіе современники этой женщины: — то она совершенство, то она ничтожество, и изъ-за этихъ отзывовъ обликъ разсматриваемой нами женщины вырисовывается какимъ-то блѣднымъ, вялымъ, безжизненнымъ.

Но личность эта получаетъ свою явственную фізіономію, когда передъ нами проходитъ вся картина ея жизни—проходятъ и эти напудренные, принаряженные, но въ душѣ грубые льстецы, копающіе одинъ другому яму, и эти биреновскіе шпіоны, слѣдящіе за каждымъ шагомъ и движеніемъ молодой дѣвушки, и эти шуты и шутихи, жадные, завистливые, злые.

Двухлѣтнимъ ребенкомъ Анна Леопольдовна привезена была въ Россію. Она была дочь царевны Екатерины Іоанновны, внучка «скорбнаго главою» царя Іоанна Алексѣевича и суровой царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой. Объ отцѣ ея, герцогѣ мекленбургъ-шверинскомъ Карлѣ-Леопольдѣ, иначе не говорили, какъ о «человѣкѣ крайне взбалмошномъ, грубомъ, сварливомъ и безпокойномъ, бывшемъ въ тягость и женѣ своей, и подданнымъ». О матери ея отзывались тоже не совсѣмъ лестно — что «въ ней очень мало скромности»; что «она ничѣмъ

не затрудняется и болтаетъ все, что ей приходитъ въ голову»; что «она чрезвычайно толста и любитъ мужчинъ» (Дюкъ-де-Лирія).

Въ такой-то средѣ должна была выростать будущая правительница Россіи.

Мать Анны Леопольдовны, не будучи въ силахъ выносить деспотизмъ и грубость мужа, оставила его, и въ 1722 году уѣхала въ Россію, домой, подъ защиту своего могущественнаго «дядюшки-батюшки» Петра Великаго, захвативъ съ собою и маленькую свою дочку, принцессу Анну.

Когда умеръ Петръ, а за нимъ скоро отошла и императрица Екатерина Алексѣевна, а потомъ и молодой императоръ Петръ II, и когда изъ Митавы явилась Анна Іоанновна, тетка маленькой принцессы, явилась какъ самодержавная императрица, маленькая принцесса была взята ею за родную дочь, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени принцесса осталась сироткою — Екатерина Іоанновна умерла.

Положеніе маленькой принцессы быстро измѣнилось: она стала на виду, и притомъ въ самомъ двусмысленномъ, тяжеломъ положеніи.

Съ одной стороны, нѣмецкая партія, съ Остерманомъ и графомъ Левенвольде во главѣ, тайно рассчитывала видѣть въ ней преемницу Анны Іоанновны или, по крайней мѣрѣ, мать преемника; въ ней хотѣли видѣть соперницу цесаревны Елизаветы Петровны, которая для нѣмецкой партіи была не мила, не подходяща, потому что имѣла слишкомъ русскій нравственный обликъ и была несомнѣнно любима русскими. Съ другой стороны — Биронъ и боялся молоденькой принцессы, потому что она могла впоследствии занять тронъ Анны Іоанновны, и мечталъ на ней построить свое безсмертіе, женивъ на ней своего сына, и приближивъ его къ императорскому трону.

Вотъ почему съ самаго дѣтства Анна Леопольдовна стала предметомъ всѣхъ придворныхъ интригъ, напештываній, подглядываній, заискиваній, наговариваній и такихъ отзывовъ, какъ отзывъ леди Рондо, и такихъ—какъ графа Миниха. Это было яблоко раздора, которое соперники хотѣли, если не отнять другъ у друга цѣликомъ, то разломить на двое, а въ крайнемъ случаѣ — совсѣмъ растоптать.

Но вотъ нѣмецкая партія беретъ верхъ — и графъ Левенвольдъ ѣдетъ за границу искать для Анны Леопольдовны жениха.

Феофанъ Прокоповичъ, этотъ ловкій типъ обмоскалившагося малоросса, беретъ молодую принцессу подъ свое нравственное руководство. Съ другой стороны, въ руководительницы ей дается г-жа Адеркасъ, о которой леди Рондо говоритъ, что гувернантка эта, вдова французскаго генерала, «очень хороша собой, хотя и не молода», что она «обогатила свой природный умъ чтеніемъ»; что «такъ какъ она долго жила при разныхъ дворахъ, то ея знакомства искали лица всевозможныхъ званій, что и развило въ ней умственные способности и сужденія»; что «разговоръ ея можетъ нравиться и принцессѣ, и женѣ торговца, и каждая изъ нихъ будетъ удовлетворена ея бесѣдою»; что «въ частномъ разговорѣ она никогда не забываетъ придворной вѣжливости, а при дворѣ—свободы частнаго разговора»; что «въ бесѣдѣ она, какъ кажется, всегда ищетъ случая научиться чему-нибудь отъ тѣхъ, съ кѣмъ разговариваетъ»; что, по ея мнѣнію, «найдется очень мало лицъ, которыя сами не научились бы отъ нея чему-либо» и т. д.,—а что говоритъ леди Рондо, то рѣдко бываетъ не пристрастно, какъ мы не разъ это и видѣли.

Ясно, что молодая принцесса, попавъ въ руки Феофана Прокоповича и г-жи Адеркасъ, этой пройдохи, которую потомъ и выслали изъ Россіи—попала въ такую школу, изъ которой юному

существо трудно выйти не изломаннымъ нравственно, особенно подъ перекрестнымъ огнемъ наблюденій со стороны Бирона, разныхъ шутовъ и шутихъ, нѣмецкой и русской партій.

Но вотъ и женихъ найденъ для принцессы:—это былъ Антонъ-Ульрихъ, принцъ брауншвейгъ-бевеpнъ-люнебургскій.

Никому онъ не понравился въ Россіи—ни невѣстѣ, ни императрицѣ.

— Принцъ нравится мнѣ такъ же мало, какъ и принцессѣ — говорила Анна Іоанновна Бирону:—но высокія особы не всегда соединяются по наклонности. Будь, что будетъ, только онъ никогда не долженъ имѣть участія въ правленіи; довольно и того, если дѣти его будутъ наслѣдниками. Впрочемъ, принцъ кажется мнѣ очень миролюбивымъ и уступчивымъ человекомъ. Во всякомъ случаѣ, я не удалю его отъ двора, чтобъ не обидѣтъ австрійскаго императора.

Невѣста прямо показывала ему презрѣніе: это былъ бѣлокурый, робкій, тщедушный юноша, и притомъ заика.

Его послали съ Минихомъ въ двѣ кампаніи. Онъ оттуда воротился загорѣлымъ офицеромъ, болѣе возмужалымъ. Но и возмужалого Анна Леопольдовна не полюбила его: она любила уже красиваго саксонскаго посланника, графа Линара, и эту страсть поддерживала въ ней ея же гувернантка Адеркасъ.

— Вы, министры проклятые—говорила она однажды Волынскому—на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала; а все вы для своихъ интересовъ привели.

Волынскій оправдывался, что это не его дѣло, что все это устроилъ Остерманъ.

— Чѣмъ же вы, ваше величество, недовольны? спрашивалъ Волынскій.

— Тѣмъ—отвѣчала Анна Леопольдовна—что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ.

Ловкій придворный на это отвѣчалъ:

— Хотя въ его свѣтлости и есть какіе недостатки, то, напротивъ, въ вашемъ высочествѣ есть довольныя благодарованія, и для того можете ваше высочество тѣ недостатки снабждать или награждать своимъ благоразуміемъ.

Но это не утѣшало молодую дѣвушку. Волынский просилъ ее, по крайней мѣрѣ, не обнаруживать своего презрѣнія къ жениху при постороннихъ: «ибо въ томъ разумъ и честь вашего высочества состоятъ».

— Если же—заключилъ онъ свои утѣшенія—принцъ брауншвейгскій тихъ, то тѣмъ лучше для вашего высочества, потому что онъ будетъ вамъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, и что ежели бы вашему высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ Биронъ, это бы хуже для васъ.

Юнаго Бирона она, дѣйствительно, еще меньше могла выносить, чѣмъ тихаго Антона-Ульриха.

Какъ бы то ни было, но время свадьбы приближалось.

2-го іюля 1739 года совершенно обрученіе жениха и невѣсты.

Очевидецъ этого грустнаго торжества говоритъ, что когда всѣ присутствовавшіе при церемоніи размѣстились по своимъ мѣстамъ, «вошелъ принцъ, чтобы поблагодарить ея величество за согласіе на бракъ его съ принцессою: на женихѣ была бѣлая шелковая одежда, вышитая золотомъ; его очень длинныя бѣлокурыя волосы были завиты и распущены по плечамъ; мое воображеніе представляло его очень похожимъ на жертву. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, императрица приказала ему встать около себя подъ балдахиномъ. Затѣмъ великій канцлеръ и князь Черкасскій ввели принцессу, и когда она остановилась прямо противъ императрицы, то

послѣдняя сказала ей, что изъявила согласіе на бракъ ея съ принцемъ брауншвейгскимъ. При этихъ словахъ принцесса обвила руками шею тетки и залилась слезами; ея величество сохраняла нѣсколько времени важный видъ, но наконецъ сама заплакала. Послѣ рѣчи великаго маршала къ невѣстѣ, императрица, оправившись отъ волненія, взяла кольца принца и принцессы и обмѣняла ихъ, отдавъ принцу перстень принцессы, а ей — перстень принца. Потомъ она повѣсила портретъ принца на руку принцессы, обняла ихъ обоихъ и пожелала имъ счастія. Тогда подошла принцесса Елизавета Петровна и, заливаясь слезами, обняла и поздравила обрученную; но императрица отстранила ее, и принцесса, продолжая плакать, удалилась, предоставивъ другимъ продолжать поздравленія и цѣловать руку у новообрученной. Принцъ, поддерживая невѣсту, старался утѣшать ее и представлялъ очень глупую фигуру среди всѣхъ этихъ слезъ.

Мы уже видѣли свадебные обряды древней и новой Руси: видѣли, какъ въ XIII вѣкѣ, еще до татарскаго владычества, восьмилѣтняго ребенка, княжну Верхуслану отдавали замужъ за Ростислава Рюриковича; какъ, въ началѣ XVI вѣка, Елена Глинская выходила замужъ за великаго князя Василя Іоанновича; какъ, въ XVII вѣкѣ, Марья Ильинична Милославская вѣнчалась съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ — все это была древне-русская, заветная обрядность, и съ поѣзжанами, и съ тысячекими, и съ друзьями; видѣли, какъ Петръ Великій отдавалъ княжну-кесаревну Ромодановскую замужъ за Головкина и, по старому русскому обычаю, самъ былъ дружкой и сватомъ, а по новому — уже плясали на свадьбѣ экосесы и полонезы: — тутъ старина съ новизной еще боролись.

Но вотъ передъ нами уже совершенно европейская свадьба царственныхъ особъ.

Антонъ-Ульрихъ въ церкви ожидаетъ невѣсту. А по Петербургу тянется ослѣпительно богатый кортежъ невѣсты, невеселой Анны Леопольдовны.

Прежде всего ѣдутъ кареты особъ, занимающихъ государственныя должности, и кареты высшаго дворянства. Экипажи — европейскіе, великолѣпные. Около каждаго по десяти лакеевъ, которые идутъ впереди каретъ, по два скорохода и по нѣскольку ряженныхъ челядинцевъ: тутъ есть и ряженные арапы, въ черномъ бархатномъ платѣ, которое такъ плотно обхватываетъ тѣло, что скороходы кажутся нагими; головы ихъ украшены перьями, какъ у индейцевъ.

За этой массой каретъ и людей ѣдетъ принцъ Карлъ, младшій сынъ Бирона, въ каретѣ, предшествуемой двѣнадцатью слугами, четырьмя скороходами, двумя гайдуками и двумя дворянами, которые ѣдутъ верхомъ.

За нимъ слѣдуетъ его старшій братъ, принцъ Петръ—въ той же пышной обстановкѣ.

Затѣмъ—самъ Биронъ, въ великолѣпнѣйшей каретѣ, предшествуемой двадцатью четырьмя слугами, восемью скороходами, четырьмя гайдуками, четырьмя пажамъ, шталмейстеромъ верхомъ на конѣ, маршаломъ и двумя камергерами; около каждаго—свои ливрейные слуги.

За Бирономъ—императрица съ невѣстой. Это—цѣлый особый поѣздъ: сорокъ восемь слугъ, двѣнадцать скороходовъ, двадцать четыре пажа съ ихъ наставникомъ, на конѣ; камергеры верхами; каждаго изъ нихъ сопровождаетъ скороходъ, держащій въ поводу лошадь, и два конныхъ лакея, въ собственной ливреѣ, съ подручными лошадьми; дворяне верхами; около каждаго два скорохода, ведущіе лошадь, и почетверо ливрейныхъ слугъ съ тремя подручными лошадьми; ливреи и сбруя—все это чрезвычайно бо-

гато; оберъ-шталмейстеръ, сопровождаемый всею конюшенною прислугою, конюхами и пикерами императрицы; оберъ-егермейстеръ, сопутствуемый всею охотничьею прислугою въ особыхъ одеждахъ; унтеръ-маршалъ двора съ жезломъ; оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ—и около каждаго своя ливрейная прислуга.

А уже тутъ—раскинутая на двѣ половины карета, необыкновенно великолѣпная, запряженная восемью лошадьми. Въ каретѣ—Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна, одна противъ другой, и первая на почетномъ мѣстѣ. На невѣстѣ платье съ корсажемъ изъ серебряной ткани; корсажъ спереди весь покрытъ брильянтами; завитые волосы раздѣлены на четыре косы, перевитыя брильянтами, а на головѣ — маленькая брильянтовая корона; множество брильянтовъ блеститъ еще въ черныхъ волосахъ.

За поѣздомъ императрицы и невѣсты слѣдуетъ поѣздъ цесаревны Елизаветы Петровны: у нея — своя свита, свои семь каретъ съ придворнымъ штатомъ, расположеннымъ по чинамъ, какъ и у императрицы, съ тою только разницею, что у цесаревны штатъ менѣе штата императрицы.

За поѣздомъ Елизаветы Петровны — поѣздъ супруги Бирона и его дочери Гедвиги: и здѣсь такая же обширная свита, какъ и у цесаревны.

Кортежъ замыкается многочисленнымъ рядомъ каретъ, въ которыхъ ѣдутъ супруги сзновниковъ и высшихъ дворянъ, окруженные толпами ливрейныхъ лакеевъ, скороходовъ и араповъ. Роскошь и великолѣпіе каретъ и ливрей, по отзыву очевидца, «невыразимы».

Такъ празднуется царственная свадьба въ новой Руси. Но какъ и въ старой, въ Руси временъ Верхуславы, Сбыславы, Соломоніи Сабуровой, Ксеніи Годуновой, этимъ бле-

скомъ и этою европейскою обстановкою не покупалось еще счастье русской женщины.

Не купила себѣ счастье и Анна Леопольдовна тѣмъ, что свадьба не сыграна была съ такою поразительною пышностью.

Она, говорятъ, горько плакала, а всю первую ночь своего супружества провела въ дворцовомъ саду, одиноко бродя по аллеямъ.

Черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ этого горькаго брака у молодыхъ супруговъ родился сынъ Іоаннъ Антоновичъ, который на третьемъ мѣсяцѣ своей жизни объявленъ былъ императоромъ подъ именемъ Іоанна III, но горька была участь этого императора-младенца, родившагося отъ такого горькаго брака.

Анна Леопольдова почти не видѣла своего сына: назначивъ ему высокую долю, императрица взяла его отъ матери и помѣстила младенца около своей опочивальни.

— Я хочу исполнить все, что зависить отъ меня—говорила она Бирону:—а что будетъ потомъ, зависить уже отъ воли Божіей. Вижу сама, что оставляю этого ребенка въ самомъ жалкомъ положеніи послѣ моей смерти; но я не въ силахъ ничѣмъ помочь ему, а отецъ и мать его тоже безсильны, особенно же отецъ, которому природа отказала даже въ самомъ необходимомъ для покровительства сына. Мать довольно умна, но у нея есть отецъ, извѣстный тиранъ и деспотъ: онъ, вѣрно, не замедлитъ сюда явиться, будетъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Мекленбургѣ, вовлечетъ Россію въ бѣдственные войны и доведетъ ее до разоренія. Я боюсь, что по смерти моей будутъ поносить мою память.

Рѣшившись привести это намѣреніе въ исполненіе, императрица призываетъ къ себѣ Анну Леопольдовну, и объявляетъ ей свою волю. Говорятъ, послѣдняя была изумлена и сму-

щена этимъ извѣстіемъ, потому что все еще питада въ себѣ надежду быть императрицей; однако изъявила полную покорность.

1-го октября 1740 года Іоаннъ III былъ объявленъ императоромъ и принималъ присягу своихъ подданныхъ: — императору не было еще и двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія.

Чрезъ семнадцать дней послѣ этого скончалась и Анна Іоанновна. Умирая, она подписала манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ имперіи, потому что ее просили объ этомъ высшіе сановники государства изъ боязни герцога курляндскаго.

— Господа! вы поступили какъ римляне! сказали Биронъ членамъ верховнаго совѣта, объявляя имъ манифестъ о назначеніи его регентомъ.

Анна Леопольдовна осталась въ сторонѣ: она была только мать императора.

Мало того, въ день смерти императрицы, вмѣстѣ съ прочими царедворцами, она и мужъ ея, мать и отецъ присягали въ вѣрности своему сыну и Бирону...

Аннѣ Леопольдовнѣ, матери императора, назначили двѣсти-тысячъ рублей въ годъ на расходы и позволили жить вмѣстѣ съ императоромъ-сыномъ въ зимнемъ дворцѣ.

Началось правленіе Бирона. Это было только продолженіе того тяжелаго времени, которое уже пережила Россія за послѣдніе годы.

Переживала это время и Анна Леопольдовна.

Но жить становилось часъ отъ часу невыносимѣе. Тѣ, которыхъ Биронъ называлъ «римлянами», не видѣли въ немъ ни ума Цезаря, ни хитрости Августа; а для отрицательныхъ достоинствъ Нерона и Карабаллы онъ былъ слишкомъ ничтоженъ.

И вотъ около Анны Леопольдовны, какъ около ядра кристалла, начинается формироваться нѣчто цѣльное, отдѣльное

отъ Бирона и враждебное ему: это — Минихъ, Остерманъ, Манштейнъ, Ушаковъ и другіе.

А Биронъ, между тѣмъ, какъ конь, закусившій удила, самъ неся къ пропасти. Задумавъ женить сына на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ и самому рядомъ съ сыномъ пристѣсть на ступеньки трона, къ которому онъ теперь подходилъ только какъ регентъ императора Іоанна III, и желѣя въ душѣ сбыть этого послѣдняго, онъ выразился однажды передъ Анной Леопольдовной, въ минуту раздраженія, что можетъ ее тотчасъ же вмѣстѣ съ мужемъ отослать обратно въ Германію и что есть на свѣтѣ одинъ принцъ, въ Голштиніи, которому будетъ очень пріятно явиться въ Россію на ихъ мѣсто.

— И я это сдѣлаю — сказалъ онъ въ запальчивости — если только меня къ этому принудятъ.

Это было 7 ноября.

На другой день Миниху случилось остаться съ Анной Леопольдовной наединѣ. Молодая женщина, подъ влияніемъ сдѣланнаго ей наканунѣ оскорбленія, все рассказала Миниху, напомнила и прежнія обиды, грубыя выходки, шпіонство, дерзости со стороны временщика и все, что дѣлало ея жизнь невыносимою. Она говорила, что не можетъ долѣе оставаться въ Россіи и просила стараго фельдмаршала употребить съ своей стороны влияніе, чтобъ Биронъ позволилъ ей взять съ собою сына.

Для Миниха, тайнаго врага Бирона, этого было достаточно. Онъ старался успокоить плачущую женщину. Онъ спрашивалъ, не повѣряла ли она еще кому-нибудь своихъ огорченій, и получивъ въ отвѣтъ, что только ему одному рѣшилась она высказаться, потому что оскорбленія стали уже невыносимы, старый фельдмаршалъ прямо сказалъ ей, что если она прикажетъ — Биронъ въ эту же ночь будетъ привезенъ къ ней арестантомъ.

Анна Леопольдовна рѣшилась. Минихъ просилъ ее только не открывать этой тайны никому, даже своему мужу.

Въ эту же ночь, Минихъ, взявъ съ собой адъютанта, подполковника Манштейна, отправился съ нимъ въ зимній дворецъ. На караулъ стоялъ преображенскій полкъ, командиромъ котораго былъ Минихъ.

Пройдя задними воротами въ покои Анны Леопольдовны, Минихъ тотчасъ же приказалъ дѣвицѣ Юліанѣ Менгденъ, фавориткѣ принцессы, разбудить ее.

Въ это время проснулся Антонъ-Ульрихъ и спросилъ жену въ просонкахъ, зачѣмъ она встаетъ такъ рано. Анна Леопольдовна отвѣчала, что ей сдѣлалось дурно, и принцъ снова уснулъ.

Она вышла къ Миниху. Фельдмаршалъ просилъ ее вмѣстѣ съ нимъ отправиться арестовать регента, но когда она рѣшительно отказалась лично участвовать въ самомъ актѣ арестованія, Минихъ просилъ ее по крайней мѣрѣ призвать къ себѣ караульныхъ офицеровъ и поговорить съ ними о предстоящей имъ экспедиціи для арестованія регента.

Преображенцы были позваны. Вся трепещущая и взволнованная, Анна Леопольдовна рассказала имъ о своемъ безпомощномъ положеніи и дрожащимъ голосомъ отдала приказъ арестовать регента.

— Надѣюсь — говорила она — что вы сдѣлаете это для вашего императора и его родителей, а преданность ваша не останется безъ награды.

Преображенцы въ одинъ голосъ отвѣчали, что пойдутъ за фельдмаршаломъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Анна Леопольдовна плакала, обнимая Миниха, а офицерамъ дала поцѣловать свою руку.

Преображенцы удалились. Пройдя въ комнату, смежную съ дѣтской, гдѣ спалъ младенецъ - императоръ, Анна Леопольдовна въ безсиліи опустилась на кровать къ дежурному камергеру, сыну фельдмаршала Миниха.

Пробужденный этой неожиданностью Минихъ вскочилъ съ испугомъ, не понимая, что вокругъ него происходитъ.

— Мой любезный Минихъ—говорила принцесса:—знаешь ли, что предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента.

— Дай Богъ, чтобъ это благополучно удалось! прибавила она помолчавъ.

Затѣмъ Анна Леопольдовна, въ сопровожденіи Юліаны Менгденъ, отправилась въ дѣтскую, куда пришелъ и Антонъ-Ульрихъ.

Ребенокъ-императоръ спалъ.

Скоро явился и старикъ Минихъ съ извѣстіемъ, что Манштейнъ съ помощью двадцати преображенскихъ гренадеровъ благополучно совершилъ государственный переворотъ:—Биронъ былъ арестованъ.

Изъ дворца тотчасъ же отправлены были гонцы ко всѣмъ министрамъ и сановникамъ съ приглашеніемъ прибыть въ дворцовую церковь для принесенія присяги матери императора. Собраны были ко дворцу и всѣ находившіеся въ Петербургѣ полки.

Страшнаго Бирона не существовало. Переворотъ совершенъ былъ такъ быстро и такъ неожиданно, что никто не хотѣлъ этому вѣрить.

«А нельзя было не повѣрить — говорить одинъ изъ біографовъ Анны Леопольдовны—что насталъ-таки этотъ желанный конецъ господству Бирона. Густыя толпы народа окружали зимній дворецъ, къ которому безпрестанно подъѣзжали экапажи, высаживавшіе разряженныхъ и раззолоченныхъ господъ. На пло-

щади выстроены были гвардейскіе полки съ распущенными знаменами. Всѣ лица выражали радость и признательность; всѣ голоса звучали весело и бодро. Анна Леопольдовна провозглашена была великой княгиней всероссійской и правительницей государства на все время несовершеннолѣтія императора. Какъ двадцать два дня тому назадъ, вельможи присягали ей въ дворцовой церкви, гвардія на площади, народъ — по разнымъ церквамъ. Не было только теперь, какъ двадцать два дня тому назадъ, ни патрулей, ни пушекъ на перекресткахъ, ни мрачныхъ и унылыхъ лицъ. Послѣ присяги, императоръ показанъ былъ полкамъ въ окошко и привѣтствуемъ громкимъ «ура»! Потомъ отслужили благодарственный молебенъ и пропѣли «Тебе Бога хвалимъ». Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, народъ плясалъ на площадяхъ; незнакомые люди, встрѣчаясь на улицахъ, обнимались, какъ друзья, и плакали, какъ женщины — отъ полноты свѣтлыхъ ощущеній.

«Еще не было примѣра — писалъ въ тотъ же день французскій посланникъ въ Петербургѣ, маркизь де-ла-Шатарди, къ французскому посланнику въ Берлинѣ — чтобъ въ здѣшнемъ дворцѣ собиралось столько народа, и весь этотъ народъ обнаруживалъ такую неподдѣльную радость, какъ сегодня».

Большія награды получили тѣ, которые такъ или иначе способствовали этому перевороту.

Щедро былъ награжденъ и Минихъ, главный руководитель всего этого дѣла и исполнитель переворота; но старикъ все-таки считалъ себя обойденнымъ въ милостяхъ: старый фельдмаршалъ надѣялся получить званіе генералиссимуса; но званіемъ этимъ Анна Леопольдовна наградила своего супруга.

Старый фельдмаршалъ не могъ скрыть своего неудовольствія, а Остерманъ, завидывавшій ему, не скупился на нашептыванья

Аннѣ Леопольдовнѣ разныхъ неблагопріятныхъ для Миниха намековъ. Правительница стала его бояться.

— Фельдмаршалъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы умеръ теперь, сказала она по этому случаю.

Минихъ понялъ, что имъ не дорожатъ, и просилъ отставки. Анна Леопольдовна не удерживала его.

— Я могла воспользоваться плодами измѣны—говорила она, намекая на произведенный Минихомъ переворотъ — но не могу уважать измѣнника. Да и нельзя было выносить долѣе нестерпимаго высокомерія фельдмаршала. Онъ не обращалъ никакого вниманія на мои формальныя и неоднократныя приказанія, а мужу моему противорѣчилъ на каждомъ шагѣ. Ему никакъ нельзя довѣряться: онъ слишкомъ честолюбивъ и характера самого безпокойнаго. Всего бы лучше ему теперь отправиться на покой въ свое украинское помѣстье. Я, право, не понимаю, отчего онъ туда не уѣдетъ?

Минихъ былъ уволенъ Анною Леопольдовною 7 марта 1741 года — ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ совершеннаго имъ переворота.

Удаленіе Миниха ускорено было именно тѣмъ лицомъ, которое имъ же было погублено четыре мѣсяца назадъ — Бирономъ: этотъ страшный арестантъ говорилъ своимъ судьямъ въ шлисельбургской крѣпости, что онъ не принялъ бы регентства, если бъ его не умоляли о томъ Минихъ, хотѣвшій даже стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы Биронъ согласился.

— Я совѣтую великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ человека самого опаснаго въ цѣлой имперіи — говорилъ онъ — и помнить всегда, что если ея высочество хоть разъ откажетъ ему въ какойнибудь его просьбѣ, она уже не можетъ почитать себя безопасною на престолѣ.

Но Анна Леопольдовна не предчувствовала, что и безъ Мнѣха ей не долго оставалось сидѣть на тронѣ своего сына-малютки, для котораго тронъ Петра Великаго оказался слишкомъ высокъ...

У Петра оставалась еще дочь, о которой повидимому забыли въ моментъ переворота. Ее вспомнили послѣ—только тогда, когда она сама о себѣ напомнила.

Эта именно забывчивость, это невниманіе къ своему высокому посту и погубило Анну Леопольдовну, которую воспитаніе и привычки не научили помнить, что она—мать императора и занимаетъ его тронъ до тѣхъ поръ, пока императору ничего кромѣ колыбельки не нужно было, и что положеніе это налагаетъ на человѣка тяжелыя обязанности.

А читая отзывы о ней современниковъ, нельзя не прійти къ заключенію, что она именно это и забыла.

Хотя мы вообще недовѣрчиво относимся къ свидѣтельствамъ современниковъ, какъ и высказали это выше, но если изъ сопоставленія этихъ отзывовъ выходитъ нѣчто цѣльное, опредѣленное, то слова современниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ и не могутъ не получать относительной степени достовѣрности.

Такъ англійскій посланникъ Финчъ рисуетъ Анну Леопольдовну слѣдующими чертами:

«Правительница, кажется, одарена умомъ, проницательностію, хорошими природными качествами и человѣколюбіемъ; но она имѣетъ скрытный характеръ и слишкомъ любитъ уединяться. Она видимо страдаетъ, являясь въ публику, и предпочитаетъ проводить время въ обществѣ своей фаворитки и ея родныхъ. Всѣ дѣла пошли бы лучше, еслибъ правительница чаще показывалась публикѣ и обладала бы той пріятливостію, къ которой пріучены здѣшніе придворные прежними государями и которая произвела бы теперь самыя лучшія послѣдствія».

Но любовь къ уединенію—это еще не такое качество, которое могло привести правленіе Анны Леопольдовны къ трагической развязкѣ; только въ соединеніи съ другими, болѣе положительными недостатками характера и невыдержанностью, качество это привело къ катастрофѣ.

Манштейнъ, напротивъ, рисуетъ черты Анны Леопольдовны болѣе яркими, но далеко не выгодными красками. Онъ говоритъ, что «принцесса была чрезвычайно капризна, вспыльчива, безпечна и нерѣшительна, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Въ продолженіе своего годичнаго регентства, она управляла кротко, любила дѣлать добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣла дѣлать его истати. Въ образѣ жизни она подчинялась совершенно своей фавориткѣ, не обращала вниманія на совѣты министровъ и людей опытныхъ и не обладала ни однимъ качествомъ, необходимымъ для правителя. Ея постоянно печальный и скучный видъ происходилъ, можетъ быть, отъ непріятностей, испытанныхъ ею отъ герцога курляндскаго, въ царствованіе императрицы Анны».

Еще менѣе привлекательныя тѣни набрасываетъ на личность Анны Іоанновны фельдмаршалъ графъ Минихъ, ея личный врагъ послѣ своего паденія.

«Она — говоритъ Минихъ — съ самаго малолѣтства имѣла дурныя привычки, и родительница ея, царица Екатерина Ивановна, мало обращала на нихъ вниманія. Опредѣленная къ ней воспитательницею госпожа Адеркасъ очень худо выполняла свои обязанности, за что и была выслана изъ Россіи съ повелѣніемъ никогда въ нее не возвращаться. Характеръ принцессы обнаруживался вполнѣ въ то время какъ она сдѣлалась правительницею. Главнымъ природнымъ ея недостаткомъ было нерадѣніе къ дѣламъ. Она никогда не показывалась въ кабинетѣ.

Не разъ, когда мнѣ случалось приходить къ ней съ отчетомъ по дѣламъ кабинета или испрашивать ея разрѣшеній, она, сознавая свою неспособность, говорила мнѣ: «Какъ бы я желала, чтобы сынъ мой выросъ поскорѣе и началъ самъ управлять дѣлами!» Она была очень невнимательна даже къ своему наряду: голову повязывала бѣлымъ платкомъ и часто въ спальномъ платьѣ ходила къ обѣднѣ, иногда оставалась даже въ такомъ костюмѣ въ обществѣ, за обѣдомъ и по вечерамъ, проводя ихъ въ карточной игрѣ съ избранными ею особами.

Въ то время когда катастрофа еще не совершилась, друзья Анны Леопольдовны предупреждали ее, что опасность не далеко, что надо принять мѣры для своего спасенія. Ей указывали на возрастающую популярность Елизаветы Петровны, на то, что преображенцы, которые арестовали Бирона, стали теперь не ея друзьями, а друзьями именно Елизаветы Петровны—правительница ничего не хотѣла слушать.

— Ваше высочество! — говорилъ ей австрійскій посланникъ маркизъ де-Ботта — вы на краю пропасти. Ради Бога, спасите себя, спасите императора, спасите вашего супруга!

И все это было напрасно: маркиза де-Ботту приглашали играть въ карты, и все забывалось.

Антон-Ульрихъ предупредили, что Лестокъ готовить переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны, и когда онъ, сказавъ объ этомъ женѣ, присовокупилъ, что хочетъ арестовать Лестока, Анна Леопольдовна запретила ему это: она прямо сказала, что отвѣчаетъ за невинность Елизаветы Петровны.

А между тѣмъ тамъ дѣйствительно все уже было готово.

24-го ноября, ночью, Елизавета Петровна, въ сопровожденіи своихъ друзей, явилась къ гвардіи, къ тѣмъ самымъ преображенцамъ, которые еще такъ недавно арестовали Бирона,

и объявила имъ свое намѣреніе. Преображенцы отвѣчали, что готовы перебить всѣхъ враговъ цесаревны; но это имъ было запрещено—и они повиновались.

Анна Леопольдовна въ это время спокойно спала въ своемъ дворцѣ. Спалъ и малютка-императоръ въ своей колыбели.

Съ шумомъ ввалилось тридцать преображенцевъ въ спальню правительницы. Она проснулась. Именемъ «императрицы Елизаветы» преображенцы приказали ей слѣдовать за собою.

Анна Леопольдовна просила преображенцевъ позволить ей повидаться съ новой императрицей — ей не позволили, и только торопили поскорѣе одѣваться.

Проснувшійся отъ этой суматохи Антонъ-Ульрихъ, обезумѣвъ отъ страха, неподвижно сидѣлъ на постели: второй разъ онъ не понималъ, что вокругъ него дѣлается; но тогда, въ первый разъ, онъ не понималъ, что жена его идетъ арестовать Бирона, а теперь не понималъ, что пришли арестовать его жену—правительницу.

Наконецъ и онъ понялъ въ чемъ дѣло...

Съ отчаянья онъ сталъ упрекать жену въ томъ, что, не слушая ничьихъ предостереженій, она сама приготовила себѣ гибель.

— Слава Богу еще, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, и что Елизавета достигла своей цѣли безъ кровопролитія (отвѣчала она мужу). И за эту милость надо благодарить Бога.

И въ эту минуту она оставалась вѣрна себѣ...

Антонъ-Ульрихъ, все еще сидѣвшаго на постели, солдаты завернули въ одѣяло—и вынесли на дворъ.

Тамъ ждали сани. Въ эти сани уложили царственныхъ супруговъ, закутали шубами, такъ какъ на дворѣ было холодно — и повезли въ дворецъ Елизаветы Петровны.

Изъ спальной комнаты правительницы преображенцы перешли въ дѣтскую.

Солдатамъ строго было запрещено будить младенца-императора.

«Озвучивъ врату Іоанна Антоновича, почивавшаго безмятежнымъ сномъ своего счастливаго возраста, преображенцы терпѣливо дожидались его пробужденія (такъ описываютъ арестъ императора Іоанна III). Когда же онъ проснулся, солдаты, выпуски одинъ передъ другимъ, старались завладѣть его особою. Ребенокъ кричалъ при видѣ незнакомыхъ людей съ грубыми движеніями и лицами, съ гремѣвшими ружьями, и тянулся къ своей кормилицѣ, прибѣжавшей на его крикъ изъ сосѣдней комнаты. Кормилица взяла его на руки, покачала, успокоила и, не смѣя ослушаться объявленнаго ей приказанія, передала своего питомца на руки одному изъ солдатъ. Плакавшій императоръ съ торжествомъ отнесенъ былъ въ дворцовую караульную, гдѣ дожидалась его сама цесаревна».

И вотъ начинается для Анны Леопольдовны новая жизнь—медленное приготовленіе къ преждевременной смерти.

Какъ ни безрадостна была вся первая половина жизни этой бѣдной женщины, однако вторая половина ея была уже до такой степени тяжка, что, какъ бы ни были велики передъ судомъ исторіи вины, можетъ быть невольныя, этой несчастной женщины, вины эти едва ли заслуживали такого непомѣрно тяжкаго искупленія.

Вся жизнь ея — рядъ непрерываемыхъ давленій со стороны людей и обстоятельствъ.

Дѣтскіе годы проводятся на глазахъ у отца тирана, который мучитъ мать своего ребенка, мучитъ своихъ подданныхъ.

Мать Анны Леопольдовны не выноситъ такой жизни и бѣжитъ съ ребенкомъ въ Россію на родину.

Ребенокъ повидимому готовится къ самой счастливой жизни: впереди у нея корона на ея собственной головѣ или на головѣ ея сына.

Но это-то самое высокое назначеніе и дѣлаетъ для молодой принцессы жизнь пыткой: за ней шпионить Биронъ, за ней шпионять всѣ придворные, каждое ея слово переносится изъ кабинета въ кабинетъ; этотъ усиленный надзоръ приучаетъ дѣвушку къ скрытности, скрытность и уединеніе дѣлають то, что люди ей становятся противны; но она остается также добра къ нимъ и мягка по природѣ.

Ее отдають насильно замужъ, когда она любитъ другого. Но она и съ этимъ мирится.

Родился у нея сынъ — сына отнимають у матери: — поневолѣ пристрастишься къ картамъ.

Она мать русскаго императора — а ей грозять, что ее выгонять изъ Россіи.

Она просить, чтобы, изгоняя ее изъ Россіи, ей по крайней мѣрѣ позволили взять съ собой сына — ее дѣлають неограниченной правительницей Россіи.

Она думаетъ хоть тутъ успокоиться, отдохнуть, избрать такой образъ жизни, какой ей нравится — ей говорятъ, что она не смѣетъ жить такъ, какъ ей нравится. Ей ставятъ въ вину то, что она позволяетъ себѣ одно развлеченіе — карты. Ей ставятъ въ вину то, что она скучна, что лицо ея не весело, что она ходитъ въ капотѣ, что она не чешется.

Но вотъ у нея и у ея сына берутъ престолъ и отдають болѣе достойной личности — она покоряется.

Для нея остается одно — уѣхать на свою родину, съ мужемъ, съ лишеннымъ короны младенцемъ-императоромъ, и доживать тамъ свой вѣкъ. Ее дѣйствительно и отправляютъ на родину;

но съ дороги возвращаютъ: ее настигаютъ въ Ригѣ и сажаютъ въ тамошнюю крѣпость.

Цѣлый годъ живетъ она съ своей семьей въ этомъ заточеніи; но это еще не все.

Черезъ годъ ее перевозятъ въ динаминдскую крѣпость, и опять держатъ годъ.

Въ крѣпости она родитъ двухъ дочерей, Екатерину и Елизавету: эти несчастныя дѣвочки появляются на свѣтъ божій прямо арестантками.

Черезъ годъ ихъ всѣхъ отвозятъ въ Раненбургъ, рязанской губерніи.

Но бывшаго малютку-императора съ матерью, отцемъ и грудными сестрами опасно оставлять и въ Раненбургѣ—и вотъ ихъ разлучаютъ: младенца-императора отвозятъ въ шлиссельбургскую крѣпость, чтобъ враги царствующей особы не сдѣлали его орудіемъ своихъ замысловъ, а мать, отца и дѣвочекъ—сестеръ везутъ въ Холмогоры, на родину Ломоносова.

Съ тѣхъ поръ мать не видѣла уже больше своего сына.

Такимъ образомъ Анна Леопольдовна, Антонъ-Ульрихъ и двѣ ихъ дочери-малютки Екатерина и Елизавета находятъ послѣдній пріютъ — на пустынномъ островкѣ Двины, вдали отъ Петербурга, вдали отъ родины, вдали даже отъ Архангельска, потому что съ двинскаго островка арестантамъ никуда не позволено отлучаться.

Какова же была эта послѣдняя жизнь Анны Леопольдовны и близкихъ ей существъ—мужа и двухъ дѣвочекъ?

Живутъ они подъ строгимъ надзоромъ. Къ нимъ приставлены особыя команды. Помѣщеніе ихъ — старый архіерейскій домъ, тотъ домъ, въ которомъ жилъ еще когда-то Афанасій, холмогорскій епископъ, присутствовавшій въ Москвѣ во время стрѣлцаго

бунта, когда, въ грановитой палатѣ, при чтеніи челобитной раскольниковъ, Никита Пустосвять, не убоившись царевны Софьи Алексѣевны, ударилъ этого самаго епископа Афанасія. Домъ этотъ стоялъ вдали отъ другихъ домовъ и огороженъ былъ высокими палисадами.

Если узникамъ и позволялось выходить изъ этого дома, то они могли прогуливаться только по заглухшему саду, примыкавшему къ дому. Иногда имъ позволялось кататься, но не далѣе двухъ-сотъ сажень отъ дома.

И во время гулянья по саду, и во время катанья по двухсот-саженной площади за ссыльными наблюдали двѣ воинскія команды.

Время шло. Въ Холмогорахъ Анна Леопольдовна еще родила сына — Петра.

А между тѣмъ впереди еще такъ много жизни—молодой женщины всего только двадцать шесть лѣтъ.

Проходитъ еще годъ. У Анны Леопольдовны уже и третій сынъ — Алексѣй. Но родовъ этого послѣдняго сына она не переноситъ.

Изъ Холмогоръ тѣло бывшей правительницы везутъ въ Петербургъ и погребаютъ въ александровской лаврѣ, а мужъ и дѣти остаются въ Холмогорахъ, старшій сынъ, бывший императоръ — въ шлиссельбургской крѣпости.

«Бывшая правительница российской имперіи — говоритъ биографъ Анны Леопольдовны — до конца жизни сохранила свой неизмѣнный скучающій и разсѣянный видъ, къ которому только въ послѣдніе годы въ Холмогорахъ присоединилось выраженіе глубокаго, тяжкаго страданія и одной неотвязчивой и скорбной думы. Это была дума матери о сынѣ — о томъ бѣдномъ ребенкѣ, который нѣкогда такъ громогласно привѣтствуемъ былъ

передъ зимнимъ дворцомъ гвардейскими полками, а теперь одиноко страдалъ и томился».

По словамъ покойнаго академика Пекарскаго, въ дворцахъ сохранилось нѣсколько оригинальныхъ портретовъ Анны Леопольдовны, особенно же замѣчательный портретъ работы Каравака. На портретѣ гатчинскаго дворца правительница изображена, по свидѣтельству того же академика, въ желтомъ капотѣ, съ подобранными подъ бѣлый платокъ, въ родѣ шапочки, непричесанными волосами. Черты лица не крупные, съ выраженіемъ апатіи.

Оба Миниха были правы, говоря — первый, что женщина эта «въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отъ чего большею частью убиралась не къ лицу», второй — что она голову повязывала бѣлымъ платкомъ и т. д.

Несчастія Анны Леопольдовны какъ бы по наслѣдству перешли ко всей ея семьѣ.

Антонъ-Ульрихъ прожилъ въ Холмогорахъ тридцать-два года: будучи привезенъ туда съ своею злополучною женою еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати-семи, двадцати-восьми, онъ дожилъ тамъ до старости, убивая безконечные дни ссылки прогулками съ дѣтьми по заброшенному и высоко огороженному архіерейскому саду и катаясь, подъ надзоромъ солдатъ, непремѣнно не далѣе двухъ-сотъ сажень отъ своего острога.

Когда на престолъ взошла императрица Екатерина II, она предлагала ему свободу — выѣхать изъ Россіи, но только безъ дѣтей: Антонъ-Ульрихъ отказался отъ такой свободы, потому что въ ссылкѣ онъ ослѣпъ, а безъ дѣтей слѣпому старику и свобода не казалась свободою.

Такъ въ Холмогорахъ онъ и умеръ, переживъ не только жену, но и своего первенца сына-императора: Іоаннъ Антоновичъ, все время остававшійся въ крѣпости, былъ убитъ во время

заговора Мировича, и только одинъ Мировичъ отдалъ царскія почести трупу убитаго императора, упавъ передъ нимъ на колѣни вмѣстѣ съ своею караульною командою.

Остальныя дѣти Анны Леопольдовны около сорока лѣтъ оставались въ Холмогорахъ: привезенные туда младенцами, они въ ссылкѣ выросли и возмужали, и другой жизни, кромѣ жизни арестантовъ, не понимали.

Въ 1780 году родная сестра Антона-Ульриха, вдовствовавшая королева датская Юліана-Марія исходатайствовала, наконецъ, дѣтямъ Анны Леопольдовны свободу, которая была для нихъ и страшна и уже несвоевременна. Эти совершенно невинные узники, говорятъ, такъ привыкли къ мѣсту своего заточенія, въ которомъ выросли и возмужали, что сначала извѣстіе о свободѣ просто испугало ихъ, и они хотѣли лучше остаться въ Холмогорахъ, лишь бы только имъ позволили отъѣзжать далѣе двухъ-сотъ сажень отъ тюрьмы.

Послѣ Холмогоръ ихъ поселили въ Ютландіи, въ городѣ Горзенѣ: безъ сомнѣнія, они тамъ уже скучали о Холмогорахъ, гдѣ прожили около сорока лѣтъ и гдѣ протекло ихъ — все же какъ бы оно ни было тяжело — золотое дѣтство.

Такимъ образомъ, права была Анна Леопольдовна, когда еще молоденькой дѣвушкой говорила Волынскому о своемъ нежеланіи выходить замужъ:

— Вы, министры проклятые, на это привели... а все вы это для своихъ интересовъ привели...
